

Одно из самых значительных исторических событий XX века – распад коммунистической империи, какую представлял собой Советский Союз. Еще в середине восьмидесятых годов ничто вроде бы не предвещало этого распада: большинству людей СССР представлялся прочным и монолитным. Но прошло каких-то пять-шесть лет, и «страна победившего социализма» перестала существовать. На ее месте возникло некое странное образование – Содружество Независимых Государств, СНГ. Что это такое, в общем-то, не было ясно и тогда, и остается не вполне ясным до сих пор. Понятно, что это не федерация, не конфедерация... Даже не структура наподобие Европейского Союза... Преобладающее мнение: аббревиатура СНГ понадобилась главным образом для того, чтобы ХОТЬ ЧЕМ-ТО заменить другую аббревиатуру – СССР. Ибо в противном случае пришлось бы признать, что СССР превращается в НИЧТО, что от него остаются лишь куски – отдельные, никак не связанные друг с другом государства. По ряду причин такое толкование случившегося было менее приемлемым, нежели представление, согласно которому СССР не просто исчезает, а превращается в СНГ.

Решающими в процессе распада СССР были два года – 1990-й и 1991-й. Об этом, финишном, этапе исчезновения «великой и могучей» коммунистической державы и идет речь в данной книге.

ОЛЕГ МОРОЗ

ТАК КТО ЖЕ РАЗВАЛИЛ СОЮЗ?

МОСКВА

2011

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ «ДРУЖЕСКИХ ШТЫКОВ» – К САПЁРНЫМ ЛОПАТКАМ	
«ЗА ЗЕМЛЮ НАДО ПЛАТИТЬ КРОВЬЮ»	
КОНСТИТУЦИЯ САХАРОВА	
ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ В ВИЛЬНЮСЕ	
ЛИТВА УХОДИТ ПЕРВОЙ	
ПРИБАЛТИКА ГОВОРIT «ПРОЩАЙТЕ!»	
ЕЛЬЦИН – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА	
БОЛЬШОЕ РОССИЙСКОЕ ТУРНЕ ЕЛЬЦИНА	
ПРОГРАММА «500 ДНЕЙ». УПУЩЕННЫЙ ШАНС	
СОЛЖЕНИЦЫН: «КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ?»	
НА КОНУ – СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР	
ПРООБРАЗ БУДУЩЕГО СНГ	
БИТВЫ НА СЪЕЗДАХ	
ГРОЗА НАД БАЛТИКОЙ	
ЕЛЬЦИН И БАЛТИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ	
ГОРБАЧЕВ И БАЛТИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ	
РАЗГОВОР С БУДУЩИМ ГЛАВНЫМ ГЭКАЧЕПИСТОМ	
ПОСЛЕ ПРИБАЛТИКИ. СХВАТКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ	
РЕФЕРЕНДУМ 17 МАРТА	
МОСКВА. 28 МАРТА	
ФОРМУЛА НОВОГО СОЮЗА: «9+1»	
АВТОНОМИИ БУНТУЮТ	
НА ПРИБАЛТИКУ СНОВА «НАЕЗЖАЮТ»	
В ПРЕДДВЕРИИ ПУТЧА	
ПУТЧ. ВЗГЛЯД ИЗ ТОЛПЫ	

«ЗАЖАТЫЙ В УГОЛ» ГОРБАЧЕВ	
ЗАЯВЛЕНИЕ ВОЩАНОВА	
ПОБЕДА ЗАКРЕПЛЕНА	
УКРАИНА УХОДИТ	
РОССИЯ НЕ УХОДИТ, НО... ГОТОВА УЙТИ	
ПРОВАЛ ССГ	
УКРАИНА УХОДИТ ОКОНЧАТЕЛЬНО	
КОНЕЦ СССР	
7 ДЕКАБРЯ, ДЕНЬ И ВЕЧЕР	
8 ДЕКАБРЯ, НОЧЬ И ДЕНЬ	
АГОНИЯ ГОРБАЧЕВА	
ПОЧЕМУ ГОРБАЧЕВ НЕ ПРИБЕГНУЛ К СИЛЕ	
ДЕПУТАТЫ РАТИФИЦИРУЮТ.....	
ПРИЗРАК «ТЮРКСКОГО» СОЮЗА	
ВРЕМЯ ДАНО ИМ — ДО НОВОГО ГОДА	
ТОЧКА ПОСТАВЛЕНА В АЛМА-АТЕ	
ГОРБАЧЕВ УХОДИТ	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	

ОТ «ДРУЖЕСКИХ ШТЫКОВ» – К САПЁРНЫМ ЛОПАТКАМ

«Долой Советскую власть!»

Лермонтов написал в 1839 году:

*И божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.*

Если бы поэт мог узнать, что спустя полтора столетия, в апреле 1989-го, русские штыки, когда-то защитившие Грузию от неприятеля, превратятся в солдатские саперные лопатки, которые обрушатся на головы грузин...

Первоначальным толчком для этих событий стал грузино-абхазский конфликт: абхазы, вдохновленные вольностями, привнесенными горбачевской перестройкой, все более настойчиво требовали выхода из Грузии. 18 марта в абхазском селе Лыхны состоялся многотысячный митинг, участники которого выдвинули это требование. В ответ в разных районах Грузии начались «антиабхазские» выступления.

4 апреля в Тбилиси на проспекте Руставели перед Домом правительства начался бессрочный митинг. Вскоре стало ясно, что он не ограничивается «грузино-абхазской» темой, и даже – что не эта тема главная: уже 6 апреля на нем появились лозунги «Долой коммунистический режим!», «Долой русский империализм!», «СССР – тюрьма народов!», «Долой Советскую власть!»

Одним из главных организаторов акции был Звиад Гамсахурдиа – известный диссидент, один из лидеров грузинского национального движения, твердый сторонник выхода Грузии из состава Союза, позднее ставший председателем Верховного Совета Грузинской ССР, еще позднее – первым президентом независимой Республики Грузия.

Естественно, грузинское коммунистическое руководство всполошилось. Пыталось уговорить митингующих и голодающих (были и такие) разойтись. Однако эти призывы не были услышаны. Вечером 7 апреля грузинский ЦК обратился к «центральному», московскому ЦК с просьбой о помощи.

В Москве, понятное дело, на просьбу откликнулись. Тем же вечером на совещании – оно проходило под председательством второго человека в Политбюро Егора Лигачева (Горбачев в этот момент находился в Лондоне) – было принято решение перебросить в Тбилиси дополнительные воинские части, в том числе из российских областей, из Армении.

Один тот факт, что «для наведения порядка» в Грузию направляется немалое воинство из-за пределов республики, не мог, конечно, не вызвать возмущения грузин, не уязвить их национальное самолюбие: опять Москва берет нас за горло!

Тбилисская Ходынка

Ночью с 8-го на 9 апреля митинг – в общем-то мирный митинг, – на котором собралось около десяти тысяч человек, был оцеплен милицией. В начале пятого утра солдаты начали вытеснять митингующих с площади. Они орудовали резиновыми палками и саперными лопатками (теперь эти инструменты назывались по-новому – малые пехотные лопатки), распыляли слезоточивый газ («черемуху») и более сильный Си-Эс.

Позднее военные уверяли, что лопатки солдаты использовали лишь для того, чтобы защищаться от летящих в них камней, бутылок и прочих подобных предметов (дескать, на митинге были не только мирные люди, но и немало хулиганья), что выглядит довольно комично: что-то не слышно было, чтобы где-либо в мире «правоохранители» прибегали к такому способу защиты. Впрочем, вряд ли вообще к солдатам, участвовавшим в тбилисском разгоне, можно применить слово «правоохранители», вряд

ли они вообще были сколько-нибудь серьезно обучены и подготовлены к решению такого рода задач.

По-видимому, многие из митингующих готовы были покинуть площадь, но почти все выходы с нее оказались перекрыты баррикадами из грузовиков со щебнем, другими стройматериалами, автобусов, троллейбусов, – их перегнали сюда наиболее активные, молодые протестанты (и вот теперь благодаря этим баррикадам образовались ловушки для самих митингующих). Как всегда в таких случаях, возникла паника, давка. На ум приходят Ходынка в день коронавания Николая II и Трубная площадь в Москве при «прощании» со Сталиным.

Кровавый итог тбилисской войсковой операции – шестнадцать человек, в основном женщины, погибли на месте, трое скончались в больнице. Ранения получили то ли несколько сот, то ли несколько тысяч человек (цифры тут разнятся). Среди раненых были не только участники митинга, но и солдаты, милиционеры, хотя погибших среди них не было. Некоторые милиционеры пострадали от самих же солдат, как и митингующие. Подсчет раненых оказался затруднен, поскольку многие пострадавшие – особенно от газа – обращались за медицинской помощью не сразу, а спустя какое-то время.

Потом будут бесконечные споры, в том числе и между различными комиссиями, расследовавшими события, от чего погибли люди. В конце концов, вроде бы придут к заключению, что большинство погибли не от резиновых палок и не от лопаток (хотя у многих пострадавших были зафиксированы, как говорят медики, «колото-резаные» раны), а от удушья в результате возникшей невыносимой давки.

Снимает ли это вину с тех, кто затеял это «вытеснение»? Кому мешал этот мирный митинг?

Ясно, что именно и кому мешало. Мешали политические лозунги. Мешали коммунистическому руководству в Москве. Да и местному. Все более ясно становилось, что, говоря словами Михаила Сергеевича, «процесс пошел» – процесс развала Советского Союза. И тбилисские события явились одним из первых грозных его этапов.

Иван кивает на Петра

Кто же приказал российским войскам расправиться с мирными манифестантами?

Заседание Политбюро, где обсуждался вопрос о тбилисских событиях, состоялось 20 апреля, то есть ЧЕРЕЗ ОДИННАДЦАТЬ ДНЕЙ после того, как они случились, причем «тбилисский» вопрос был лишь четвертым по очереди – надо полагать, впереди стояли более важные.

Горбачев сразу же принялся обвинять главного грузинского начальника – первого секретаря ЦК Компартии республики Джумбера Патиашвили: дескать, тот склонен использовать силовые методы вместо того, чтобы идти «в народ», говорить с народом.

– У него (у Патиашвили. – **О.М.**), как и у его товарищей, есть элементы паникерства, мнительности и больше всего – расчет на силу. Недоставало характера вести политическую работу... У Патиашвили тяга к «решительным действиям». Я давно говорил – давайте учиться работать в условиях демократии. Теперь вот все подтверждается. Политический метод наши кадры рассматривают как проявление слабости. Сила – вот это вещь!.. Затрону в связи с этим такую тему, как информация, необходимая для принятия решения... С точки зрения информации давайте посмотрим на события в Тбилиси. Вот я прилетел в Москву (из Лондона. – **О.М.**) Мне во Внукове говорят: введены войска в Тбилиси. Это что? Так надо было? Тогда в аэропорту я не стал вникать, не поставил под сомнение это решение. Хотя сразу понял, что что-то назрело. Мне сказали, что это нужно было для охраны объектов, не больше. А комендантский час зачем нужен? Не нужен он был. Там надо было членам ЦК идти к народу. А они, оказалось, сидели в бункере. И уповали только на силу. Правильную информацию мы стали получать позже...

Мысль о том, что у высшего руководства в Москве не было ну никакой информации по поводу обстановки в Тбилиси охотно подхватывает председатель Совета Министров, член Политбюро Рыжков. Он принимается чуть ли не рубаху на себе рвать: ну как же так можно, держать в неведении руководство!

– Мы в эти дни были в Москве, а что мы знаем? Я – председатель правительства, а что я знал? О гибели людей в Тбилиси в «Правде» прочитал. Секретари ЦК знали. А вот мы, члены Политбюро в правительстве ничего не знали.

«Шпектакль», да и только! Только из «Правды» он обо всем узнал...

Но тут еще, в причитаниях Рыжкова, по-видимому, четкий намёк на то, кто именно «всё знал» и кто тот высший чин, который санкционировал тбилисскую бойню. Всё знали секретари ЦК. Число их – девять. Совсем немало. Ну, а «главный» среди «рядовых» секретарей, второй человек после генсека – Егор Лигачев. В его сторону и кивок. С него, мол, и спрашивайте.

Рыжков между тем продолжает кликушествовать:

– Да, мы в Политбюро не должны паниковать. Но мы должны иметь своевременную и правдивую информацию. Куда это годится? Армию применили против народа. Командующий округом там действует, а мы в Москве ничего об этом не знаем. Он возьмет и арестует все политбюро Грузии. И мы опять узнаем об этом из газет (вон куда занесло товарища Рыжкова в его святом негодовании! – **О.М.**) И Михаил Сергеевич, оказывается, не знал (действительно не знал? – **О.М.**) Так что же это такое у нас происходит? Армию применяют, а генсек узнает об этом только на следующий день (тут не ясно, всерьез ли говорит Рыжков или иронизирует по поводу «незнания» Горбачева. – **О.М.**) Как мы выйдем и перед советским обществом, и перед всем миром? Вообще у нас получается, куда ни погляди, – делаются дела без ведома Политбюро. Это еще хуже, чем если бы Политбюро что-то неправильно решало.

Ну, как же без ведома Политбюро? Сам же Рыжков только что заявил: секретари ЦК – Лигачев и, видимо, все другие – всё знали. Знали и, надо так понимать, дали добро. А Лигачев, между прочим, член Политбюро. И еще пятеро секретарей – Зайков, Медведев, Никонов, Чебриков, Яковлев, – члены того же руководящего партийного органа. Разумовский – кандидат в члены. Как же Политбюро ничего не знало?

Но вот все равно виноваты генералы. Горбачев строго выговаривает министру обороны Язову:

– Дмитрий Тимофеевич, отныне без решения Политбюро в таких делах армия не должна участвовать.

Это, как говорится, – для стенограммы. Никаких решений Политбюро по таким поводам почти никогда не бывает. Знает и Язов, что его подчиненные снова могут понадобиться.

– Все-таки войска от Тбилиси далеко не надо отводить, – советует он Горбачеву.

Горбачев оставляет эти его слова без ответа. Действительно, и от Тбилиси далеко не надо отводить, и от других потенциальных очагов «бунтарства», число которых будет все возрастать. Впрочем, можно и отвести, а потом быстро «подвести». Тут при современных средствах транспорта особых проблем не будет.

Горбачев действительно ничего не знал?

Ну, а что же он сам-то, генсек, верховный главнокомандующий действительно не знал, что происходит в Тбилиси, не знал, кто и какие команды отдал по «наведению порядка»? На съезде народных депутатов он скажет, что ничего о тбилисских событиях не ведал, не успел разобраться, поскольку вернулся из Англии в Москву лишь 8 апреля поздно вечером. Это, так сказать, его алиби. На самом деле он прилетел из Лондона не 8-го, а 7-го. Прямо в аэропорту Чебриков проинформировал его об обострении обстановки в Тбилиси, о непрекращающемся там многолюдном митинге, об «антиабхазских, антиправительственных, антироссийских лозунгах и призывах». Времени, чтобы во всем разобраться и принять адекватные решения, было – «навалом».

Днем 8 апреля состоялось совещание секретарей ЦК. Патиашвили по телефону настоятельно просил не направлять в Тбилиси никого из московского руководства: дескать, справимся сами. Вроде бы еще вчера умолял о помощи, а теперь вот – справимся...

Решающие часы – вечер и ночь с 8-го на 9-е. Где Горбачев? Не известно? Отсыпается на даче после трудной поездки?

9 апреля в 9 утра приходит сообщение о тбилисских ночных событиях: шестнадцать погибших, множество раненых. В десять – новое совещание в ЦК. Среди совещающихся Горбачева опять нет. Но Чебриков разговаривает с ним по телефону (Где он? Все еще спит?) Решено: ввести в Тбилиси комендантский час, срочно подготовить и опубликовать краткую информацию о случившемся, выразить соболезнование в связи с гибелью людей, подготовить обращение Горбачева к грузинскому народу...

Как уже было сказано, на I Съезде народных депутатов Горбачёв отказался взять на себя ответственность за то, что случилось в Тбилиси, возложил вину на военных. Точно так же он будет поступать в аналогичных ситуациях и в дальнейшем – после событий в Баку, в Вильнюсе... Мало кто верил, что тбилисское побоище могло произойти без согласия первого лица государства. Другое дело, в какой форме было дано это согласие...

Андрей Дмитриевич Сахаров в интервью «Огоньку» в июне 1989 года вспоминал об одном эпизоде, случившемся на съезде:

– Один из самых драматичных моментов – выступление на Съезде Патиашвили. Он, было видно, колеблется, что-то хочет сказать. И в тот момент Съезд фактически согнал его с трибуны и не дал договорить. Точнее, не Съезд, а те люди, которые присутствовали, не являясь депутатами, – это в основном их работа... Мне кажется, при этом мы упустили возможность узнать что-то очень важное. Патиашвили хотел что-то сказать перед лицом народа Грузии и всей страны. Ему не дали... Мы все видели, как он спустился с трибуны, потом сделал несколько шагов обратно, потом в полной растерянности, с мучительным выражением на лице ушел в зал. А ведь именно Патиашвили знал, кто давал ответ из Москвы. Именно он единственный человек, кто мог бы сказать. Но уже не скажет. Мог сказать – в тот момент, в той аудитории. Общесоюзной, даже общемировой. Кто ответил, знает он один.

Версия Патиашвили

Но Патиашвили все-таки сказал то, что он хотел сказать, правда значительно позже, – 28 февраля 1992 года в интервью газете «Свободная Грузия». Корреспонденты спросили его, почему он, один из главных свидетелей и участников той трагедии, до сих пор молчит, не расскажет, как все было.

– Это не совсем так, – ответил Патиашвили. – Обо всем, ничего не утаивая, я рассказал членам обеих комиссий, занимавшихся расследованием той трагедии, – комиссии Верховного Совета СССР, которую возглавлял Собчак, и комиссии республиканского Верховного Совета, – ею руководил Шавгулидзе. В руках этих людей были все документы, радиограммы, протоколы, наши показания. Но они обнародовали лишь то, что устраивало тогдашний Центр. Я же молчал по одной-единственной причине – боялся за жизнь своих сыновей. Для того были основания. А вот сегодня, пожалуй, пришло время сказать все. Есть два главных момента, о которых следует сказать сразу, чтобы раз и на всегда поставить точку и больше на эти темы не дискутировать. Первое – это то, что Горбачев знал всё. Второе – одним из главных, если не самым главным виновником трагедии является Гамсахурдиа. По поводу Горбачева в свое время было много разговоров. В конечном счете, всё как-то заболтали, а в общественном мнении вроде само собой остался вывод – Михаил Сергеевич знал далеко не всё, многое делалось за его спиной. Так вот, я утверждаю, что о событиях в Тбилиси он знал всё... А вот имя Гамсахурдиа во всех разговорах и особенно в широкой прессе в связи с теми событиями почти не фигурировало. И это было второй главной ложью, на которую сознательно пошли обе «независимые» комиссии.

По словам Патиашвили, 7 апреля, когда ситуация стала приближаться к критической, собралось бюро ЦК Грузии. Обсуждали: выходить ли Патиашвили к митингующим. Из шестнадцати членов бюро пятнадцать высказались против. Вместо митинга Патиашвили отправился на телевидение и выступил с обращением. Он просил

людей разойтись по домам, говорил, что серьезные вещи на площадях не обсуждаются, что дальше оставаться здесь просто опасно, что войска уже в Тбилиси. Но это только дало лишний повод Звиладу Гамсахурдиа в тот же вечер «публично поиздеваться» надо ним.

8-го в 10 утра Джумберу Патиашвили позвонил Дмитрий Язов: «К вам придет мой заместитель Кочетов. Он уже в Тбилиси».

– Не успел я удивиться, как входит Кочетов. Он сообщил, что освобождать площадь будет армия, в противном случае может повториться Сумгаит (о Сумгаите – чуть позже. – **О.М.**) Но почему армия должна делать то, что входит в обязанность милиции? Кочетов начал успокаивать: «Обойдемся без единого синяка».

Тут явная ложь. Патиашвили, как уже говорилось, сам попросил прислать в Тбилиси дополнительные войска.

– Примерно через час после разговора с Кочетовым, – продолжал Патиашвили, – позвонил Горбачев и тоном, не допускающим возражений, сообщил буквально следующее: «Надо немедленно освободить площадь и этим займется армия!» Я понял, что он знает о намеченном плане и поддерживает его. Были из Москвы и другие звонки. Свою помощь предложили, в частности, Шеварднадзе и Разумовский. Я отказался, так как не видел, чем и как они могут помочь в такой ситуации. После этих звонков наступило затишье. Не зная, что еще предпринять, я решил пойти к нашему патриарху (точнее, католикосу. – **О.М.**) Илие II и попросить его уговорить людей уйти с площади. Ни секунды не мешкая, он отправился со мной на площадь и выступил перед митингующими. А потом мы с ним и еще небольшой группой людей с площади зашли в расположенную рядом Кашветскую церковь, поставили свечи и молились, чтобы Бог отвел от нас беду. Но, видимо, он решил наказать нас. Когда мы вышли из храма, в конце проспекта Руставели показались танки... (Надо полагать, имеются в виду БТРы. – **О.М.**)

Как говорит Патиашвили, к вечеру в здании ЦК собралось много народу. Кочетов сообщил, что акция по освобождению площади будет проводиться ночью, что

руководить ею назначен генерал Родионов. А его заместителем стал Горгадзе, тогдашний глава МВД Грузии. Была составлена схема действий, предполагавшая, разумеется, «только мирный исход». Что было предпринято во избежание кровопролития? У всех работников милиции, включая самого Горгадзе, было изъято табельное оружие, чтобы даже случайно никто не мог пустить его в ход. Кроме того – важный момент! – согласно схеме, тогдашнему председателю грузинского КГБ Гумбаридзе поручили расставить среди митингующих своих людей, чтобы они не допустили какого-либо насилия или грубости со стороны солдат, защитили людей на площади.

Вообще-то трудно себе представить, как эти кагэбэшники, даже если бы они очень захотели, могли бы выполнить эту миссию – разъединить солдат и митингующих, так чтобы они друг друга не касались, не толкали друг друга и друг другу не грубили. По-моему, это что-то из области утопий.

– Всю ночь мы просидели в Доме правительства, – говорит Патиашвили. – Сидели и молча ждали развязки. И когда под утро пришли и сказали, что погибли три человека и среди них две женщины (только о троих, стало быть, сказали. – **О.М.**), во мне словно что-то взорвалось. Я вскочил и, не помня себя, схватил за грудки Горгадзе: «Почему?! Ты же обещал!!!» Он же в ответ: «Был бы у меня пистолет, я бы пристрелил Родионова!» Я заметил, что лицо у него было белое. И еще я заметил, что он стоит как-то скрючившись. Кто-то сказал, что это генерал Родионов пнул его со всей силы ногой в пах, когда узнал о гибели людей. Я кинулся к Родионову: «Ты что себе позволяешь!» А Родионов с перекошенным лицом крикнул: «Его не избить, а убить надо! Он же всю схему нарушил, и, по-моему, не случайно!» Вот так он сказал. Тут выяснилось, что так же нарушил схему и все предварительные договоренности и Гумбаридзе. Сначала он действительно расставил своих людей среди митингующих. Но в три часа ночи, за полчаса до начала операции, дал приказ разойтись. И все гэбисты ушли. А через тридцать минут началось...

Что ж, в конце концов председатель грузинского КГБ, видимо, все-таки сообразил, что в той ситуации его подчиненные ничего не смогут сделать, и подвергать их риску совершенно бессмысленно.

Такова версия Патиашвили. Но это версия человека, который, наверное, больше, чем кто-либо другой, являет собой, как говорится, «заинтересованное лицо». Как бы то ни было, можно сказать, что его версия значительно расходится с версией комиссии Собчака. Эта комиссия была сформирована непосредственно на I Съезде народных депутатов СССР, но «вплотную» приступила к работе лишь через десять дней после его окончания. Свое заключение она представила уже II съезду 24 декабря того года.

Версия комиссии Собчака

Комиссия пришла к заключению, что принять меры к прекращению несанкционированного митинга действительно было необходимо (сам я не думаю, что действительно была такая нужда), но эту задачу должны были решить те, кому в соответствии с законом и полагается заниматься охраной общественного порядка, – органы Министерства внутренних дел республики. Руководители МВД, по их утверждениям, неоднократно предлагали это сделать, однако республиканское руководство считало, что проблему можно решить лишь введением комендантского часа, а для этого **ТРЕБУЕТСЯ ПРИВЛЕЧЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВОИНСКИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ**. Поэтому вечером 7 апреля в ЦК КПСС и была отправлена «известная телеграмма» за подписью Патиашвили с просьбой прислать в Тбилиси эти самые подразделения. По мнению же самой комиссии, никакой необходимости в этом не было.

Это ключевой момент, позволяющий понять, кто же все-таки «заварил кашу». Это именно Патиашвили и второй секретарь ЦК КП Грузии Никольский, непосредственно составивший текст телеграммы, взывающей о помощи.

Однако вину за случившееся комиссия возлагает не только на руководство Грузии, но и на союзное руководство: на том самом совещании в ЦК КПСС вечером 7 апреля, которое вел Лигачев, было принято решение «удовлетворить просьбу руководства республики» и оказать ей помощь «по нормализации обстановки».

Протокола на этом совещании не велось, так что о принятых там решениях комиссии стало известно лишь из объяснений его участников. Впрочем, были еще письменные приказы по двум союзным министерствам – Министерству обороны и Министерству внутренних дел, изданных во исполнение этих решений.

«Именно на данном совещании, – говорится в заключении комиссии, – было санкционировано направление в Грузию подразделений внутренних войск, милиции и Советской Армии для оказания помощи руководству республики в восстановлении общественного порядка. Командованию Закавказского военного округа было дано указание взять под охрану важнейшие государственные и военные объекты в республике».

Так чем все-таки должны были заниматься подразделения, направляемые в Грузию, – восстановлением общественного порядка или только охраной «важнейших объектов»?

Впрочем, руководству Грузии по телефону было сообщено, что конкретные решения об использовании войск оно должно принимать совместно с командованием Закавказского военного округа, «исходя из сложившейся обстановки».

На следующий день в ЦК КПСС состоялось уже упомянутое второе совещание, посвященное положению в Грузии. На этот раз его вел член Политбюро Чебриков (Лигачев отбыл в отпуск, что было похоже на поспешное бегство: становилось чересчур «горячо»). К этому времени была получена шифрограмма, опять-таки подписанная Патиашвили, в которой говорилось, что обстановка в городе стабилизируется и «находится под контролем».

Днем состоялся телефонный разговор Горбачева с Патиашвили. В заключении комиссии его содержание излагается совсем иначе, нежели его представляет сам Патиашвили:

«Тов. Горбачев М.С. выразил уверенность, что грузинский народ, партийная организация республики найдут пути ПОЛИТИЧЕСКОГО (выделено мной. – О.М.) урегулирования создавшейся сложной ситуации».

Каким в действительности был разговор, неизвестно. Возможно, его запись и существует, но до сих пор хранится где-то за семью печатями.

Особое внимание члены комиссии Собчака обращают на то, что милиция, внутренние войска и армейские подразделения были направлены в Тбилиси не по решению государственных органов, как этого требовало действующее законодательство, а по решению партийных совещаний. Тогда об этом уже можно было говорить не только на митингах, но, как видим, даже и во вполне официальных документах. Хотя 6-я статья Конституции СССР о руководящей и направляющей роли КПСС будет отменена лишь в марте следующего года.

Охраной важных объектов роль введенных войск, естественно, не ограничилась – для этого как раз хватило бы и местной милиции. 8-го же числа было принято окончательное решение о пресечении митинга и времени проведения этой операции. Принял его узкий круг лиц – Патиашвили, Никольский, генералы Кочетов (замминистра обороны СССР) и Родионов. Возглавить операцию поручили Родионову.

Эти решения не были оформлены письменно, так что каждый из участников этих совещаний опять-таки получил возможность излагать их, как ему заблагорассудится, и даже вовсе отрицать свое участие в них.

Начало операции в заключении комиссии Собчака описывается так:

«За 45 минут до начала операции к митингующим обратился католикос Грузии Илия II. Выступление католикоса было выслушано в глубоком молчании, после его призыва к благоразумию установилась семиминутная тишина, затем последовала общая молитва «Отче наш». Митингующие сохраняли порядок, спокойствие, не было видимых признаков страха: многие пели и танцевали. Затем выступил один из лидеров неформалов Церетели (соратник Звиада Гамсахурдиа. – **О.М.**) с призывом не расходиться, не оказывать сопротивления, сохранять спокойствие, а лучше всего сесть («сидящих не бьют!»), что многими и было сделано, главным образом в районе лестницы

Дома правительства. Он закончил свой призыв в 3-59. А в 4-00 генерал-полковник Родионов отдал приказ начать операцию вытеснения.

Комиссия отмечает, что реально сложившаяся к этому времени обстановка на площади (наличие около десяти тысяч человек), готовность, с которой участники митинга намеревались его продолжить, требовала особо взвешенных, осмотрительных решений по проведению операции. Но все эти обстоятельства не были приняты во внимание при обмене мнениями, состоявшемся в 3-30 между Патиашвили и Родионовым по телефону. Указанные должностные лица **ПРОЯВИЛИ ВОПИЮЩУЮ БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ** (выделено мной. – **О.М.**), безоговорочно подтвердив ранее принятое решение.

В 4-05 на проспекте Руставели в районе Дома правительства появились четыре БТРа. Они шли по всей ширине проспекта, люди беспрепятственно пропустили их, частью отойдя к Дому правительства, частью – к Дому художника и Кашветскому храму. Вслед за бронетехникой шли войсковые цепи...»

О кровавых итогах этой «войсковой операции» я уже написал. Чтобы понять, отчего погибли люди, комиссия привлекла ряд квалифицированных экспертов и в итоге пришла к заключению:

«Непосредственной причиной смерти всех погибших лиц, за исключением одного случая с тяжелой черепно-мозговой травмой (ему выстрелили в голову. – **О.М.**), является удушье (асфиксия). В развитии асфиксии играли роль два одновременно действующих фактора – как сдавливания тела, так и вдыхание химических веществ, на что указывают соответствующие макро- и микроскопические данные. Сочетание вдыхания химических веществ и сдавливания тела взаимно усиливали их отрицательный эффект и послужили причиной гибели пострадавших. В двух случаях имели место и дополнительные обстоятельства в виде наличия сопутствующих заболеваний».

В своих воспоминаниях Рыжков пишет: в том, что касается тбилисских событий, Горбачев «занял позицию человека, ничего не ведающего. Кстати, это не единственный пример его «двойственности». У Горбачева появилась с тех пор новая формула: «Надо наводить порядок. Действуйте, я вас поддержу».

То есть – поддержу на словах, никаких письменных приказов от меня не ждите.

О том, что Горбачев обо всем знал, в конце концов сказал и Лигачев.

События 9 апреля 1989 года дали мощный толчок движению Грузии к независимости. И провозглашена она была именно в этот же день, два года спустя – 9 апреля 1991 года. Республика перестала нуждаться в дружеских в российских штыках, которые к тому же обернулись вражескими саперными лопатками.

Грузия стала второй после Литвы союзной республикой, заявившей о своей независимости от Союза.

Трещины на гранитном монолите коммунистической империи начинали все уверенней расползаться.

«ЗА ЗЕМЛЮ НАДО ПЛАТИТЬ КРОВЬЮ»

«Мальчик веселый из Карабаха»

Почти через все мое послевоенное детство и раннее отрочество прошла этакая духоподъемная, зажигательная песенка:

*Лихо надета набок папаха.
Эхо разносит топот коня.
Мальчик веселый из Карабаха –
Так называют всюду меня!*

Она неслась из репродуктора (примитивное проволочное кольцо, обтянутое плотной черной бумагой), почитай, каждый день, да еще и несколько раз на дню. Пел эту песенку знаменитый в ту пору звонкоголосый азербайджанский певец Рашид Бейбутов.

Представлялось, что вот есть где-то на Кавказе этаким райский уголок, где без устали поют и пляшут, наслаждаются вольной жизнью этакие «веселые мальчики». Немного царапало слух только – почему «мальчик», если он уже и в папахе, и по горам на коне скачет?

Потом долгие годы, так получилось, никаких других сколько-нибудь тесных личных контактов с этим географическим районом у меня не было, пока где-то осенью 1988 года у меня на даче в Переделкине чуть ли не подрались два подвыпивших гостя, два журналиста, армянин и азербайджанец. Один кричал, что Карабах (имелось в виду – Нагорный) – это исконно армянская территория, другой настаивал – азербайджанская. С трудом удалось их успокоить.

Впрочем, нет, запомнил, тема Карабаха довольно четко всплыла в моем сознании на несколько лет раньше. В августе 1993-го мы проводили отпуск вместе с моим коллегой по «Литгазете» (ереванским ее корреспондентом) и довольно близким в ту пору приятелем Зорием Балаяном в чудесном месте Абхазии – Гульрипши,

неподалеку от Сухуми, в Доме творчества нашей газеты (позже во время грузино-абхазской войны он был разрушен и сожжен; не знаю, восстановлен ли сейчас). Часами, в основном между обедом и ужином (с утра купались), бродили с ним по берегу моря, говорили о том, о сем – о глобальных проблемах, об истории. Среди прочего, – о варварском геноциде, которым подверглись армяне в 1915 году. Рассказывал он мне и о непростом положении армян в Нагорном Карабахе, который в 1923 году большевиками был присоединен к Азербайджану, хотя около девяноста процентов его населения составляли армяне, да и исторически он скорее относился к Армении. Но большевики, как известно, были большими мастерами по стравливанию народов, особенно усатый Коба.

Сам Зорий родом из Степанакерта, так что это для него была особенно близкая, болезненная тема.

А вообще человек он «заводной», жадный до жизни. По первой профессии – врач. Десять лет проработал в таком качестве на Камчатке. Совершил там какое-то немыслимое путешествие на собачьих упряжках по тундре через Камчатку и Чукотку аж до Северного Ледовитого. Кстати, вместе с Никитой Михалковым, призванным в те места служить во флоте. (Говорили, то ли семья знаменитого гимнописца, то ли сам Никита решили таким образом продемонстрировать, что не все отпрыски номенклатурных семей отлынивают от армии. Прослужил он на крейсере «Михаил Кутузов» целый год, участвуя в художественной самодеятельности).

Тогда об этом «экстремальном», как теперь принято говорить, путешествии писали все газеты. В основном – благодаря Михалкову.

Были у Зория и другие экстремальные перемещения по планете. Проплыл, например, с друзьями на лодках от Камчатки до Одессы...

В 1993-м, бродя по окрестностям Гульрипши, разговаривая, среди прочего, и о его малой родине – Нагорном Карабахе, – ни я, ни мой приятель, конечно, думать не думали, что пройдет всего лишь несколько лет и вокруг этой кавказской местности закрутится такая карусель, что, как говорится, ой, мама, не горюй! Тогда в наших разговорах прорывались у Зория разные резкие антиазербайджанские, даже антитурецкие, вообще антитюркские слова – мол, турки и тюрки еще себя покажут,

если им не поставить заслон, – но все это воспринималось как отвлеченно-философские рассуждения на вольном отпускном воздухе в вольной беседе между друзьями, имеющие мало отношения к реальной действительности.

Однако довольно скоро и весьма неожиданно вольные разговоры тесно сомкнулись с реальностью.

Из искры возгорается пламя

Конфликт между армянами и азербайджанцами в Нагорном Карабахе угольями тлел все советские годы, начиная с того самого 1923-го, но открытым пламенем, как и многие другие такие конфликты, стал прорываться с началом горбачевской перестройки. Перестройка освободила его от насыпанного сверху песка, гравия и прочих противопожарных присыпок, роль которых играли неустанно соблюдавшиеся силовые, полицейские меры, обеспечивавшие «дружбу народов» на всем пространстве коммунистической империи.

Заметные волнения начались в Нагорном Карабахе и Армении уже летом – осенью 1987-го. Продолжались зимой. Проходили митинги, собирались подписи, распространялись листовки. Например, такая:

«Настало время для проведения на ведущих предприятиях, в колхозах и совхозах области общих партийных, профсоюзных и комсомольских собраний, в повестку дня которых должен быть включен вопрос о воссоединении Карабаха с Матерью-Родиной. Дух гласности и демократии должен стать импульсом для открытого и откровенного обсуждения этого вопроса. Выписки из резолюций этих собраний, заверенные соответствующими печатями, необходимо отправлять в ЦК КПСС».

Профсоюзные, комсомольские собрания – это еще ничего, это еще не так страшно.

И в самом деле, в Москву, в ЦК потекли ходоки с обращениями и подписями.

Естественно, не мог остаться в стороне от этого начинающегося общественного шевеления и Зорий Балаян, ставший одним из лидеров созданного в Ереване комитета

«Карабах». Обретя к этому времени довольно серьезные связи в Москве, Зорий, как мог, помогал ходакам пробиться в высокие начальственные приемные, получить аудиенцию у достаточно высокопоставленных партийных чиновников. Через своих зарубежных друзей и знакомых оповещал о происходящем в Карабахе общественность за пределами Страны Советов, что тогда тоже становилось делом важным, поскольку советские вожди начинали все больше считаться с международным общественным мнением.

Назревают погромы

Комсомольскими собраниями и листовками дело, однако, не ограничилось. В январе – феврале 1988 года из приграничных Кафанского и Мегринского районов Армении в Азербайджан стали прибывать беженцы-азербайджанцы, то ли реально гонимые армянами, то ли поддавшиеся слухам о надвигающихся гонениях и уговорах родственников, живущих в самом Азербайджане. На этот счет существуют разные версии. Некоторые уверяли, что в Армении им действительно пришлось пережить всякого рода ужасы.

Большинство беженцев было размещено в районе Сумгаита. Здесь стоит обратить внимание на это слово – Сумгаит – именно здесь, в этом городе, довольно скоро произойдет одна из самых чудовищных трагедий того непростого времени, времени, когда начал рушиться «Союз нерушимый республик свободных», как пелось в советском гимне.

Ключевое решение областного Совета

20 февраля 1988 года на внеочередной сессии Совета народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области, созванной по требованию депутатов-армян (а они в облсовете составляли большинство) было принято обращение к республиканским Верховным Советам Армении и Азербайджана, а также Верховному Совету СССР с просьбой «проявить чувство глубокого понимания чаяний армянского населения Нагорного Карабаха и решить вопрос о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР».

Реакция Москвы последовала незамедлительно. Политбюро ЦК КПСС, собравшееся 21 февраля (несмотря на то, что это было воскресенье!), приняло постановление, в котором говорилось, что требование о включении Нагорного Карабаха в состав Армянской ССР было принято в результате действий «экстремистов» и «националистов» и противоречит интересам азербайджанского и армянского народов.

Ну да, как всегда, если что-то нашим властям не нравится, так сразу – «экстремисты». Других объяснений нет.

В общем, позиция Центра была заявлена ясно: никакой перекройки границ не будет, не надейтесь!

22 февраля у армянского села Аскеран на территории Карабаха произошло, кажется, первое серьезное столкновение. С одной стороны в нем участвовала многочисленная толпа азербайджанцев, направлявшаяся из Агдама в Степанакерт, чтобы «навести там порядок», с другой – милиционеры и солдаты, преградившие ей путь, а также местное армянское население. В результате двое азербайджанцев были убиты, многие участники стычки получили ранения.

Считается, что гибель этих двоих азербайджанцев и стала одним из запалов, вызвавших тот взрыв чудовищного насилия, который спустя несколько дней произошел в азербайджанском Сумгаите.

Сильва Капутикян и Зорий Балаян на приеме у Горбачева

26 февраля двое из лидеров комитета «Карабах» – журналист, писатель Зорий Балаян и известная армянская поэтесса Сильва Капутикян побывали на приеме у Горбачева. Присутствовавший на встрече помощник Горбачева Георгий Шахназаров так описывает ее:

«Беседа с места в карьер приняла прямой, временами даже жесткий характер, хотя велась в дружелюбном тоне. «То, что происходит вокруг Карабаха, – сказал Михаил Сергеевич, – это удар нам в спину. С трудом приходится сдерживать азербайджанцев, а главное – создается опасный прецедент. В стране несколько десятков потенциальных очагов противостояния на этнической почве, и пример Карабаха может толкнуть на безрассудство тех, кто пока не рискует прибегать к насильственным средствам».

Армянские писатели были одновременно преданными членами коммунистической партии и армянскими националистами, будучи при этом очень разными по характеру. Зорий Балаян, писатель и журналист, собственный корреспондент «Литературной газеты» в Армении, был главным и бескомпромиссным идеологом карабахского движения. Для него весь карабахский конфликт оказался лишь частью более масштабной проблемы, связанной с угрозой, которую несет «Великий Туран» символ владычества тюркских народов Армении и всему «цивилизованному миру».

В интервью в 2000 году он убежденно выстроил в цепь доказательств существования пантюркистской угрозы столь разные события, как геноцид армян 1915 года, правление азербайджанского президента Алиева и недавнее убийство в Стамбуле двух британских футбольных болельщиков фанатами турецкой команды».

А вот как описывает встречу сам Зорий:

«Он (Горбачев. – О.М.) слушал нас более часа. Мы говорили обо всем. Сильва достала выпущенную в Турции карту Советского Союза. На этой карте [чуть ли не] вся территория Советского Союза, – я имею в виду Закавказье, Поволжье, Северный Кавказ, Среднюю Азию, Якутию, многие автономные республики, – была закрашена в зеленый цвет. В Турции по этой карте учат детей в школе, им говорят, что все это, включая Армению, турецкая территория. Мы показали Горбачеву эту карту, разложили у него на столе. Горбачев поглядел на нее, отодвинул в сторону, а потом поспешно подтолкнул ее обратно нам. И сказал: «Да это же какой-то бред». Я ему ответил: «Михаил Сергеевич, бредовые идеи иногда претворяются в жизнь».

Свой рассказ продолжает Георгий Шахназаров:

«Сильва Капутикян совсем другая: спокойная, царственная. С приплюснутым носом, зелеными глазами и элегантно взбитой копной седых волос, она похожа на гранд-даму при дворе короля Людовика XV. Капутикян – самая известная армянская поэтесса. И, как выяснилось в ходе той встречи, среди поклонниц ее таланта была и Раиса Горбачева. (В скобках замечу: в молодости и я зачитывался ее стихами. – **О.М.**) Несмотря на свои националистические взгляды, Капутикян неоднократно выступала за примирение и диалог с Азербайджаном. Она вспоминает, как умоляла генерального секретаря пойти хоть на какие-то уступки, о которых она могла бы сообщить людям в Ереване».

Далее Шахназаров, видимо, приводит рассказ самой Сильвы Капутикян:

«Горбачев сказал: «Теперь самое главное – нужно потушить пожар». – «Хорошо, но чем? Дайте нам воды. Хоть какое-то обещание, хоть какую-то надежду. Я выйду [к людям на площади], но что я им скажу?» И тут в первый и последний раз заговорил Шахназаров: «Скажите им, что скоро состоится конференция по национальному вопросу. Там будет принято решение». Так он дал мне несколько ведер воды, чтобы потушить огромный пожар!»

Опять Шахназаров:

«В конце встречи Горбачев вновь отверг идею передачи Нагорного Карабаха Армении, но пообещал провести в регионе реформы в области культуры и экономики (московские начальники постоянно старались свести разговор к этому. – **О.М.**)... Он записал двадцать конкретных жалоб, озвученных писателями, и впоследствии выделил на нужды автономной области 400 миллионов рублей – гигантскую сумму для того времени. Со своей стороны, Балаян и Капутикян согласились обратиться к людям на Театральной площади [Еревана] с призывом приостановить демонстрации на месяц.

Балаян и Капутикян вернулись в Ереван, чтобы передать народу послание Горбачева. Балаян выступил на митинге на Театральной площади. Капутикян предпочла

обратиться к народу по телевидению. По ее словам, Балаян выступал с огромным воодушевлением, она же говорила «без особой радости», напомнив о трудных периодах в армянской истории, но пообещала при этом: «Мы обратим это поражение в победу». В развитии событий наступила короткая пауза: организаторы ереванских митингов согласились приостановить свои выступления на один месяц.

Но уже на следующий день все перевернулось: в Ереван начали поступать известия о чудовищном массовом насилии в азербайджанском городе Сумгаит».

Трагедия Сумгаита

То, что случилось в последние февральские дни 1988 года в Сумгаите, подробно описал английский журналист Том де Ваал в своей книге «Черный сад»:

«Советский Союз в мирное время никогда не переживал того, что произошло в Сумгаите. Банды численностью от десяти до пятидесяти и более человек слонялись по городу, били стекла, поджигали автомобили, но главное – искали армян. Несколько кварталов Сумгаита превратились в зону боевых действий. Их эпицентром стал квартал, прилегающий к городскому автовокзалу, который – вот он, невольный советский черный юмор – располагался на углу улиц Дружбы и Мира. Простые жители были в ужасе. Жена местного врача Натаван Тагиева, рассказывала, как она вернулась домой с дачи и увидела, что на улицах бесчинствует толпа. «Когда я увидела эту массу, я подумала, что синдром толпы и вправду существует. Когда смотришь им в глаза, сразу понимаешь, что они ничего не воспринимают, как зомби».

Ужасы, пережитые армянами – жителями этих кварталов, тщательно задокументированы. Свидетельские показания сорока четырех человек, переживших этот погром, потом были собраны в изданную в Армении книгу, которая с исключительной силой воссоздает подробную картину погрома. Наводнившие улицы Сумгаита банды совершали чудовищные зверства. Несколько их жертв были так обезображены ударами

топоров, что их тела потом невозможно было опознать. Женщин раздевали донага и поджигали. Некоторых многократно насиловали...

Погромщики совершали набеги как бы волнами. Рассказывает Рафик Хачарян, старик с элегантной седой шевелюрой. «Первая группа просто кричала, создавала много шума, орала, била все, что попадалось под руку, и убегала. Потом появлялась вторая группа. Эти забирали дорогие вещи и уходили. А вот третьи истязали и убивали людей. Были три группы. Первую составляли юнцы пятнадцати, шестнадцати, семнадцати лет – те вели себя как вандалы. Вторая группа состояла из грабителей». Погромщиков, по его словам, можно было легко опознать по внешнему виду. Среди них преобладали или бородатые деревенские жители – беженцы из Армении – или рабочие из перенаселенных общежитий, расположенных на окраинах Сумгаита. Все они были молодые – от четырнадцати до тридцати лет.

Хачаряну с семьей пришлось тогда убежать из квартиры. Вернувшись домой, они увидели, что все в доме перевернуто и разгромлено: «Не осталось ни одного стакана, из которого можно было бы утром попить воды». Зато они сами остались живы.

Мария Мовсесян, старушка в бирюзовой кофточке, вспоминая тот день, плакала: на долю ее семьи выпали худшие испытания. Один из мужчин, ворвавшихся в их дом, погнался за ее дочерью, которая в ужасе побежала от него, спрыгнула с балкона второго этажа на дерево и при падении сломала ногу. Последнее, что помнит Мария, это как ее дочь, завернутую в одеяло, уносили в больницу.

Большинство погромщиков не были сколько-нибудь серьезно вооружены и полагались на грубую силу и многочисленность своих рядов. Некоторые армяне оказывали сопротивление, чем и объясняются, по-видимому, шесть убитых азербайджанцев. Многие погромщики, впрочем, имели при себе вынесенные с заводов заточенные куски арматуры и обрезки труб, явно заготовленные загодя.

Это лишь одна из деталей, позволяющая предположить, что взрыв насилия был, возможно, заранее спланирован, по крайней мере, в общих чертах. Оставшиеся в живых

вспоминают и другие детали: например, погромщики старались не разбивать телевизоры, они также не трогали детей.

Кое-кому из погромщиков пришла в голову идея занять квартиры армян, на которых они нападали. Одна из жертв, армянка Людмила М., случайно услышала разговор группы мужчин в своей квартире, когда она, окровавленная, лежала на полу в коридоре после того, как ее изнасиловали и бросили, приняв за мертвую:

«В комнате было человек шесть. Они разговаривали между собой, курили. Один о дочке своей говорил, мол, у нас в квартире детской обуви нет, чтоб он смог подобрать ее для дочки. Другой говорил, что ему эта квартира нравится – мы недавно сделали очень хороший ремонт, – сказал, что он здесь будет жить после всего. Они стали спорить. Третий сказал: «Нет, почему ты? У меня четверо детей. Как раз три комнаты. Это мне подходит. Сколько лет я ючусь бог знает где». А еще один говорит: «Ни тебе и ни тебе не достанется. Подождем эту квартиру и уйдем».

Хотя местная милиция палец о палец не ударила, чтобы пресечь кровопролитие, кое-кто из азербайджанцев пытался самостоятельно организовать помощь своим армянским соседям. Местные комсомольцы собирались небольшими группами и провожали армянские семьи в безопасное место – Дворец культуры на центральной площади. Некая женщина по фамилии Исмаилова стала на короткое время героиней советской прессы после того, как она приютила в своей квартире несколько армянских семей. Жена врача Натаван Тагиева вспоминала: «Мы жили в четырнадцатизэтажном доме вместе со многими армянскими семьями. На четырнадцатом этаже у нас жила армянская семья, мы их спрятали, никто из них не ночевал у себя дома. А в больнице люди сформировали группы наблюдателей, и ни один пациент не остался без охраны».

Вспышка кровавого насилия в Сумгаите имела одну мрачную сюрреалистическую особенность. Убийцам и грабителям зачастую было довольно затруднительно выявить врагов среди местных жителей. Советские армяне и азербайджанцы порой внешне очень похожи, в Сумгаите они разговаривали друг с другом на нейтральном русском языке, и к тому же многие армяне хорошо владели

азербайджанским. Кое-кому из армян удалось спастись только потому, что они выдавали себя за азербайджанцев или русских, невольно выявляя совершенно абсурдную подоплеку этнического насилия...»

Горбачев реагировал слишком медленно

То, что власти проявили недопустимую медлительность, получив известие о чудовищных погромах в Сумгаите, давно уже стало притчей во языцех. Том де Ваал:

«Власти непростительно медленно реагировали на события. Баку находится всего в полчаса езды от Сумгаита, но в течение нескольких часов никто не реагировал на происходящее. По словам Григория Харченко, одного из представителей Москвы, находившихся в то время в Азербайджане, «Горбачев совершенно не прав, когда говорит, что мы опоздали на три часа. Ничего подобного. Мы опоздали на сутки! Потому что мы целый день ждали, когда будет принято решение об отправке туда войск».

Харченко и Филипп Бобков, заместитель председателя КГБ, были первыми советскими официальными лицами, которые вечером 28 февраля 1988 года поехали из Баку в Сумгаит. Харченко увидел нечто из ряда вон выходящее: разбитые витрины магазинов, остовы сгоревших троллейбусов и автомашин посреди улиц. Толпы разъяренных людей продолжали слоняться по городу. Вот что он вспоминает:

«Контролировать ситуацию было невозможно, потому что весь город был охвачен паникой. Повсюду толпы азербайджанцев, из дворов раздаются крики о помощи. У нас была охрана, и нас провели в одно место. Я не хочу показывать вам фотографии. Я просто их уничтожил. Но я собственными глазами видел растерзанные трупы, одно тело было все изрублено топором, ноги отрублены, руки, практически от тела ничего не осталось. Они собирали палую листву с земли, насыпали на трупы, потом сливали бензин из стоящих рядом машин и поджигали. Смотреть на эти трупы было страшно».

Бобков и Харченко сразу же решили, что для восстановления порядка нужно немедленно вводить в город войска. Но это было легче сказать, чем сделать. Лишь через несколько часов в Сумгаит прибыли полк внутренних войск и курсанты бакинской военной академии, сразу же столкнувшиеся с озлобленной толпой. Харченко вспоминает: «Это были банды, готовые на все, они уже почувствовали вкус крови, и поняли, что отступать им уже некуда». Молодые солдаты получили из Москвы приказ стрелять холостыми, а не боевыми патронами (идиотская привычка московских начальников – посылать на усмирение обезумевшей толпы милиционеров и солдат, запрещая им при этом применять оружие, проявляя таким образом за чужой счет свой «гуманизм». – **О. М.**) Участники уличных беспорядков забрасывали их бутылками с зажигательной смесью и наносили стальными заточками колотые удары по ногам. Около ста военнослужащих было ранено».

Политбюро в растерянности

На следующий день 29 февраля состоялось заседание Политбюро, на котором обсуждалась кризисная ситуация на Кавказе. Участники заседания довольно долго обсуждали, что происходит в Армении, и лишь затем перешли к событиям в Сумгаите. Стенограмма заседания говорит о полной растерянности московских вождей:

«**Язов** (министр обороны). Но, Михаил Сергеевич, в Сумгаите надо вводить, если хотите, может не то слово, военное положение.

Горбачев. Комендантский час.

Язов. Надо твердо провести эту линию, Михаил Сергеевич, пока дальше не пошло. Надо ввести войска туда и наводить порядок. Это изолированно все-таки, это не Армения, где миллионы людей. Кстати говоря, это отрезвляюще подействует на других, наверняка...

Горбачев. Нужно учитывать, что еще не знают о том, что произошло в Сумгаите, а доходит это так, как снежный ком нарастает.

Шеварднадзе. Это как сообщающийся сосуд. Если в Армении узнают о жертвах, то это может вызвать осложнение там.

Яковлев. Поскорее надо сообщить, что в связи с происшедшим в Сумгаите заведены уголовные дела, преступники арестованы. Это нужно, чтобы охладить страсти. В самом Сумгаите городская газета должна твердо и быстро это сказать.

Горбачев. Главное, надо сейчас немедленно включить в борьбу с нарушителями общественного порядка рабочий класс, людей, дружинников. Это, я вам скажу, останавливает всякое хулиганье и экстремистов. Как в Алма-Ате тогда. Это очень важно. Военные вызывают обозление».

Довольно комичная идея (причем называемая «главной») – призвать на помощь «рабочий класс». Как раз «рабочий класс» и бесчинствовал в это время на улицах Сумгаита, убивая людей, поджигая дома. Михаил Сергеевич все никак не отрешится от пропагандистских клише коммунистического агитпропа.

Впрочем, Горбачев возложил большие надежды не только на рабочий класс, но и на предстоящий «пленум по национальному вопросу», на котором «надо заново сформулировать национальную политику КПСС».

Вот такие душеспасительные речи. Это вместо того, чтобы принять какие-то решительные меры, остановить сумгаитское безумие.

Погромщиков остановили с трудом

А безумие продолжалось. Как раз в тот момент, когда коммунистические бонзы рассуждали о рабочем классе и о пленуме по национальному вопросу. Том де Ваал:

«Погромы продолжались весь день в «сорок первом квартале» – к западу от городского автовокзала. В этот день погромщики убили семью из пяти человек – мужа, жену, двоих сыновей и дочь. Но вот наконец в город прибыла рота хорошо вооруженных

морских пехотинцев Каспийской флотилии и воздушно-десантный полк. Вечером было объявлено военное положение, и генерал Краев принял на себя всю полноту власти. Через громкоговорители по городу было объявлено о введении комендантского часа после 23-00 – это был еще один беспрецедентный шаг для Советского Союза невоенного времени.

За четыре часа до наступления комендантского часа несколько сотен разъяренных молодых людей все еще находились на небольшой площади перед автовокзалом. Краев отдал приказ десанникам взять автовокзал силой. Во время штурма несколько человек были убиты...

Пять тысяч армян нашли убежище в огромном здании Дворца культуры на площади Ленина, где их взяли под охрану морские пехотинцы...»

Настоящего суда так и не было

Массовые убийства в Сумгаите, безусловно, стали катастрофой для армян. Десятки человек были убиты, сотни ранены. Почти все четырнадцатитысячное армянское население города уехало из него. Весть о зверском насилии потрясла все армянское население Азербайджана, и тысячи армян начали покидать республику.

Традиционным побуждением советской власти было скрыть информацию о происходящем. Всю неделю советские газеты, радио, телевидение сообщали о беспорядках в Израиле, Южной Африке и Панаме, но ни словом не обмолвились о событиях в Азербайджане. Когда о них все-таки было объявлено, антиармянские погромы представили просто «хулиганскими выходками».

Полный список жертв так и не был опубликован. По советской привычке, чтобы скрыть и приуменьшить масштабы случившегося, было принято решение не проводить один общий судебный процесс – дело разбили на восемьдесят эпизодов и рассматривали в судах различных российских городов. Из нескольких тысяч погромщиков к суду

привлекли лишь 94 рядовых участника – в основном подростков и юношей. Причем всех их обвиняли в этом самом «хулиганстве».

После Сумгаита в Армении резко усилилось недоверие к московскому Центру, не сумевшему ни предотвратить эту катастрофу, ни всерьез ее расследовать и наказать виновных. Как и в других республиках, стали нарастать центробежные настроения.

3 марта комитет «Карабах» выступил с обращением к ООН, парламентам и правительствам всех стран, Всемирному Совету церквей, Международному красному кресту, в котором обвинил «руководство Советского Азербайджана, ряд ответственных работников ЦК КПСС в преступлении против армянского народа».

На сумгайтском погроме дело не остановилось. Аналогичные побоища, хотя в основном меньших масштабов, не раз вспыхивали в разных местах и в дальнейшем, причем и в Азербайджане, и в Армении. Бегство людей из обеих республик продолжалось.

Раскол в Комитете «Карабах»

В мае 1988-го произошел раскол в комитете «Карабах». Из него были исключены прежние лидеры, в том числе Зорий Балаян. Новый лидер комитета, будущий президент Армении Левон Тер-Петросян, так объяснял причины размежевания:

«Члены первого комитета «Карабах» – Игорь Мурадян, Зорий Балаян, Сильва Капутикян и другие – думали только о Карабахе. Для них вопросы демократии или независимости Армении просто не существовали. И это послужило причиной раскола. Почувствовав, что мы начинаем представлять опасность для советской системы, они отступили. И произошла естественная перемена. Они считали, что карабахский вопрос должен быть разрешён в рамках советской системы. Мы же пришли к пониманию того факта, что эта система никогда бы не разрешила карабахский вопрос, и что требуется как раз обратное: для решения проблемы Карабаха необходимо было сменить систему».

Как видим, изменение умонастроения – существенное. И новая позиция комитета для советской власти более опасная, нежели просто вопрос о Карабахе. Смена системы! В декабре 1988 года Тер-Петросян и другие члены комитета «Карабах» будут арестованы. Впрочем, не за стремление скинуть советскую власть, а за «организацию массовых беспорядков» и «разжигание межнациональной розни».

Освободят их лишь в мае 1989-го. Как тогда уже было принято говорить, – «под давлением общественности». К тому времени, мнение общественности действительно уже будет иметь некоторое значение.

Сахаров и Карабах

Довольно скоро после начала карабахских событий к этой проблеме подключился Андрей Дмитриевич Сахаров, уже год как вернувшийся из горьковской ссылки.

[В скобках скажу, что за несколько месяцев до его возвращения, когда никто еще не подозревал, что оно в ближайшее время может состояться, я попытался взять у него интервью непосредственно в Горьком. «Конспиративно» связался с ним через его институтского «начальника» академика Виталия Лазаревича Гинзбурга. Однако Сахаров, опять-таки через Гинзбурга, ответил, что он (как Юлиус Фучик) не будет давать никаких интервью «с петлей на шее». Интервью у Сахарова мы с моим коллегой Юрием Ростом, первыми из московских журналистов, смогли взять лишь 3 января 1987 года, через несколько дней после его приезда в Москву. К сожалению, и оно не было опубликовано: Центральный Комитет нашей «руководящей и направляющей» еще не созрел тогда, чтобы позволить главному советскому диссиденту, пусть и освобожденному из ссылки, свободно излагать свои мысли на страницах советской прессы].

Вообще-то свою позицию при решении проблем, подобных карабахской, Сахаров четко сформулировал еще в 1968 году в известной, хотя, естественно, не опубликованной тогда, но разошедшейся в «самиздате» статье «Мир, прогресс, права человека»:

«Все народы имеют право решать свою судьбу свободным волеизъявлением».

Следуя этой своей позиции, он с самого начала твердо встал на сторону армянского большинства Карабаха, требовавшего выхода из состава Азербайджана. По этому вопросу Андрей Дмитриевич регулярно и настойчиво теребил непосредственно Горбачева.

Первое письмо ему он написал 21 марта 1988 года:

«Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

Я решил обратиться к Вам по двум наиболее острым в настоящее время национальным вопросам: о возвращении крымских татар в Крым и о воссоединении Нагорного Карабаха и Армении. В каждом из этих случаев речь идет об исправлении несправедливости в отношении к одному из народов нашей страны. Автономная национальная область Нагорный Карабах была присоединена к Азербайджанской ССР в 1923 г. В настоящее время примерно 75 % населения составляют армяне, остальные – курды, русские, азербайджанцы. В 1923 году доля армян была еще выше – до 90 %. Исторически вся область Нагорный Карабах (Арцах) являлась частью Восточной Армении. Можно предполагать, что присоединение Нагорного Карабаха к Азербайджану было произведено по инициативе Сталина, в результате внутренних и внешнеполитических комбинаций того времени, вопреки воле населения Карабаха и вопреки предыдущим заявлениям Сталина и руководства Азербайджана, на протяжении последующих десятилетий оно явилось постоянным источником межнациональных трений. Вплоть до самого последнего времени имеют место многочисленные факты национальной дискриминации, диктата, ущемления армянской культуры. В обстановке перестройки у армянского населения Карабаха возникла надежда на конституционное решение вопроса. 20-го февраля на сессии областного Совета депутатов было принято решение о ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджана, СССР о передаче области в состав Армянской ССР. Ранее аналогичные решения были приняты на сессиях четырех из пяти районных советов депутатов. Решения районных и областных советов были поддержаны многотысячными мирными демонстрациями в области и в Армении. Несомненно, во всем проявились новые демократические возможности, связанные с

перестройкой. Однако дальнейшее развитие событий не было благоприятным. Вместо нормального конституционного рассмотрения ходатайства органов Советской власти начались маневры и уговоры, обращенные преимущественно к армянам. Одновременно появились сообщения в прессе и по телевидению, в которых события излагались неполно и односторонне, а законные просьбы армянского населения объявлялись экстремистскими, и заранее как бы предопределялся негативный ответ. К сожалению, приходится констатировать, что уже не в первый раз в обострившейся ситуации гласность оказывается подавленной как раз тогда, когда она особенно нужна. Все это не могло не вызвать соответствующей реакции. В Ереване, в Нагорном Карабахе и в других местах произошли забастовки и новые демонстрации, которые носили законный и мирный характер. Но в Азербайджане в последние дни февраля произошли события совсем другого рода: трагические, кровавые, вольно или невольно напоминающие 1915 год. Я думаю, что события в Азербайджане, как и волнения 1986 г. в Алма-Ате, спровоцированы и, может, организованы силами местной антиперестроечной мафии в ее арьергардной борьбе. Так или иначе, перестройке брошен вызов. Я надеюсь, что руководство страны, Политбюро, ЦК КПСС, Верховный Совет найдут способ – соответствующий ситуации: решительный, демократический, конституционный.

Поднятые в этом письме проблемы стали пробным камнем для перестройки, ее способности преодолеть сопротивление и груз прошлого. Нельзя вновь на десятилетия откладывать справедливое решение этих вопросов и оставлять в стране постоянные зоны напряжения.

С глубоким уважением.

Академик Андрей Сахаров.

21 марта 1988 г.»

В тот же день, 21 марта, это письмо было передано Горбачеву.

Как видим, в нем Сахаров стремится сыграть на особо чувствительной для Горбачева струне – на теме перестройки: вы же инициатор этого великого дела и

повсюду должны следовать ее духу, в том числе и при решении проблемы Нагорного Карабаха.

Горбачев не хочет создавать прецедента

Однако Горбачев также с самого начала занял твердую позицию, противоположную позиции Сахарова.

Внеочередное заседание Политбюро 21 февраля 1988 года. Горбачев:

– Ситуация с Нагорным Карабахом вышла на новый уровень (по-видимому, имеется в виду решение облсовета НКАО от 20 февраля. – **О.М.**) Надо определить позицию. Довести твердую позицию ЦК КПСС до общественности. Сказать ясно, что ЦК КПСС СЧИТАЕТ НЕДОПУСТИМЫМ ЛЮБОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ГРАНИЦ (выделено мной. – **О.М.**)

Заседание Политбюро 6 июня 1988 года. Горбачев:

– О переводе (Нагорного Карабаха. – **О.М.**) в Армению не может быть и речи – этим спровоцируем геноцид (не ясно, какой геноцид имеется в виду. – **О.М.**)... Единственное, с чем мы никогда не согласимся, – это поддержать один народ в ущерб другому. И пусть нас на этот счет не шантажируют. И, конечно, мы не позволим и не должны ни в коем случае допустить, чтобы истину искали через кровь. А что касается превращения НКАО в автономную республику, то это тоже должно ими самими быть обсуждено и решено (как видим, выдвигается и такой способ решения проблемы Нагорного Карабаха – повысить его статус, из автономной области превратить в автономную республику. – **О.М.**) Так что совесть у нас чиста. Корысти у нас нет никакой. Будем так и действовать. Что касается преступников из Сумгаита, будем судить строго, но по закону.

Как раз строгого и справедливого суда над «преступниками из Сумгаита», как мы знаем, не получилось. В общем-то, все «спустили на тормозах».

Заседание Политбюро 4 июля 1988 года. Горбачев:

– Да, мы видим недовольство нашей политикой. Какой выход? Вводить войска?.. Люди недовольны тем, что конференция (XIX Всесоюзная партконференция. – **О.М.**) никак не отреагировала на проблему НКАО. Обстановка выходит из-под контроля – дело может кончиться резней... (Словно бы и не было страшной резни в Сумгаите; словно бы она не продолжается в других местах. – **О.М.**) Пересмотр границ нереален. Так толкнем на гибельный путь, и не только в этих районах...

Заседание Политбюро 8 сентября 1989 года. Горбачев:

– Мы должны исходить из нерушимости сложившихся административных и республиканских границ. Мы уже объелись проблемами отделения Абхазии (17% абхазов, 72% грузин) – как отделяться? Нагорный Карабах – тут как? Не знаю, как потом будет складываться, а сейчас, если мы пойдем на передел границ, сорвем всю перестройку и всю нашу Конституцию. А Ельцин уже выступил за отделение Прибалтики.

Вот и Ельцин уже упомянут. Как пособник «сепаратистов».

Горбачев не знает, как решить проблему Карабаха

Хотя Горбачев и упорствовал в нежелании создавать прецедент в переделке границ, в узком кругу он признавался, что одного этого нежелания недостаточно, что он, в общем-то, и сам не знает, как решить проблему Карабаха. Его помощник Анатолий Черняев пишет в своем дневнике, что 9 октября 1988 года генсек позвал к себе его и другого помощника Георгия Шахназарова. Поговорили о том, о сем, и вдруг Горбачева «прорвало насчет Карабаха»:

«Встал против нас, сидящих, и произнес: «Я хочу, чтобы по-человечески, чтобы не дошло до крови (а ведь до крови давно уже дошло – вспомнить хотя бы Сумгаит. – О.М.), чтобы начали разговаривать друг с другом... Действует коррумпированная публика. Демирчян (армянский первый секретарь ЦК) собирает своих, в Баку мобилизуют своих, а интеллектуалы армянские обанкротились: ничего ведь предложить не могут, ничего, что вело бы к решению. Но я и сам не знаю решения. Если б я знал, я не посчитался бы ни с какими установлениями, ни с тем, что есть, что уже сложилось и т. д. Но я не знаю!»

Ценное признание. На публике никогда такого не услышишь, но вот в узком кругу...

Между тем конфликт разрастается. В разных местах происходят новые погромы, нарастают потоки беженцев.

В январе 1989 года президиум Верховного Совета СССР принимает решение о введении особого управления в Нагорном Карабахе, осуществить которое Сахаров предлагал еще за полгода до этого.

Видя, что Горбачев упорно не желает «изменять границы», дабы «не создавать прецедента», Сахаров выдвигает другую идею – сделать все национально-территориальные единицы Союза республиками, равноправными республиками. Тогда и Нагорный Карабах не надо будет ни оставлять в Азербайджане, ни присоединять к Армении: все будут равноправными самостоятельными республиками.

В июне 1988-го в интервью журналу «Огонёк» – его у Андрея Дмитриевича взял еще один мой приятель, тоже сотрудник «Литгазеты», ныне покойный Гриша Цитриняк – Сахаров так говорил об этом:

– В предлагаемой системе должны быть только республики. Бывшие автономные области тоже превращаются в республики. Например, республика Нагорный Карабах не будет принадлежать ни Армении, ни Азербайджану – она будет сама по себе и получит право вступать в экономические и другие отношения с теми, с кем сама захочет. От

такого решения выиграют все граждане страны. И только на таком пути, как мне представляется, можно добиться решения национального вопроса.

Эту идею Сахаров закрепит в своем проекте конституции.

На практике, конечно, вряд ли эта всеохватная глобальная идея окажется более осуществимой, чем переделка границ в одном лишь сравнительно небольшом районе Союза. Реально все движется совсем в другом направлении...

О любопытном эпизоде, связанном с «карабахской эпопеей» Сахарова, рассказала его жена Елена Георгиевна в журнале «Коммунист», в июне 1990 года, когда Андрея Дмитриевича уже не было в живых. В декабре 1988 года группа москвичей вместе с Андреем Дмитриевичем побывала в Закавказье. Среди других встреч, была и встреча с первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана Везириным. Этот деятель два часа читал им популярную лекцию о «крепкой азербайджанско-армянской дружбе». Наконец Сахарову удалось пробиться через его хорошо поставленный монолог, объяснить, с какой, собственно говоря, целью они приехали. Поддержала мужа и Елена Георгиевна, сказала: вот, мол, вы обижаетесь, что мир не замечает вашего дружелюбия – так проявите его: вот в Армении сейчас случилось страшное землетрясение (имелось в виду землетрясение в армянском городе Спитак 7 декабря 1988 года), такая беда, там сейчас клочка земли нет, чтобы приткнуться, так сделайте дружелюбный жест – отдайте армянам Карабах, весь мир будет вас за это вечно благодарить. И тут коммунистический вождь преобразился. «Землю не дарят, – отрубил он. – Землю завоевывают. Кровью». И еще повторил: «Кровью!»

«Так и закончился наш разговор с властью в Баку, – подводит итог Елена Георгиевна. – Везиринов обещал кровь. Она пролилась!»

Все закончилось войной

В январе 1992 года между Азербайджаном и Арменией началась полномасштабная война из-за Карабаха, которая завершилась перемирием лишь в мае 1994-го. Победу одержала армянская сторона. С тех пор Нагорный Карабах существует как самостоятельное, фактически независимое от Азербайджана государство – Нагорно-Карабахская Республика, хотя и мало кем признанное (признали ее лишь Армения, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье).

Но настоящего мира здесь по-прежнему нет. Азербайджан не желает смириться с потерей Нагорного Карабаха, так же, как Грузия не желает смириться с потерей Абхазии и Южной Осетии, Молдавия – с потерей Приднестровья...

Правда, все-таки кровь уже не льется здесь так обильно.

«Черный январь» в Баку

Отдельный трагический эпизод, косвенно связанный с кровавой карабахской историей, – «черный январь» 1990 года в Баку. Отчасти случившееся здесь напоминает то, что произошло в Тбилиси менее чем за год до этого, только в еще более кровавом варианте.

И тбилисские, и бакинские события оказались в ряду первых предпринятых республиками попыток обрести независимость от Москвы. И те, и другие события были тесно переплетены с межнациональными проблемами и конфликтами внутри самих республик: у грузин была тяжелая проблема с Абхазией, у азербайджанцев – все с тем же Нагорным Карабахом.

В Баку в центре событий стоял Народный фронт Азербайджана, созданный осенью 1988 года. В ту пору народные фронты возникали в стране повсюду как политические организации, противостоящие компартии. Азербайджанский «фронт» – полное его первоначальное название «Народный фронт Азербайджана в поддержку перестройки» – во многом был создан по образцу Народного фронта Эстонии.

Как видим, судя по названию, в общем-то, вроде бы, хоть и противостоящая коммунистам, но вполне приемлемая организация, нацеленная на реформы, на поддержку Горбачева. Создала ее группа азербайджанских интеллигентов.

Однако уже к середине следующего года «фронт» сменил ориентиры: теперь главным для него стало – добиться независимости от Москвы. Возглавил его Абульфаз Эльчибей. (Не правда ли, напрашивается аналогия с «перестроившимся» ереванским комитетом «Карабах» и Леоном Тер-Петросяном, который стал его руководителем на втором этапе? Кстати, как Тер-Петросян станет через какое-то время президентом Грузии, Эльчибей делается азербайджанским президентом).

Следующая пертурбация «фронта» – в какой-то момент он расслоился на умеренных и радикалов. Умеренные ставили перед собой задачу придти к власти через победу на парламентских выборах, радикалы же хотели осуществить то же самое «революционным» путем.

Для революции, естественно, требуется поддержка народных масс. В той обстановке, в которой находился тогда Азербайджан – полыхающий Карабах, смертельная азербайджанско-армянская вражда, потоки беженцев, – самым легким способом обрести эту поддержку было подхлестнуть вражду с армянами, причем уже в самой столице.

К этому моменту армян в Баку оставалось не так уж много. Из двухсот тысяч, которые жили здесь в середине восьмидесятых, почти все уехали. Остались в основном женщины, пенсионеры, редко осмеливавшиеся выходить из дому. Но и оставшихся, прятавшихся по домам было достаточно, чтобы затеять новые кровавые погромы.

Радикалы разрушают границу

К декабрю 1989 года радикалы уже полностью взяли верх в руководстве Народным фронтом. Обстановка становилось все более взрывной. Это не могли не чувствовать республиканские начальники.

Как раз в эти дни из Румынии пришла весть о скоропалительном суде и еще более скоропалительном расстреле супругов Чаушеску. Возможно, коммунистические вожди Азербайджана панически примерили эти события на себя. Аяз Муталибов, в ту пору председатель Совета Министров республики, вскоре ставший ее первым президентом, вспоминает, что ему в большом испуге позвонил первый секретарь азербайджанского ЦК Везиров (тот самый, который грозил, что отдаст Карабах только «через кровь»):

«Он сказал, что назревает катастрофа, и мы должны просить помощи у Москвы... Мы попросили Министерство внутренних дел и Совет Министров (СССР. – **О.М.**) прислать войска, иначе могла бы случиться большая беда».

Это было как раз 25 декабря – в день, когда были осуждены и тут же, во дворе солдатской казармы, расстреляны Николае и Елена Чаушеску.

Не правда ли, как это напоминает просьбы о помощи, с которыми накануне 9 апреля 1989 года к московскому руководству обращался Патиашвили и которые он после пытался скрыть?

Однако «революция», затеянная Народным фронтом, началась не в самом Баку. Сначала, 29 декабря, народнофронтовцы захватили здание горкома партии в Джалилабаде, на юге Азербайджана. Были десятки раненых. 31 декабря «революция» переметнулась в Нахичевань. Под руководством тех же самых «революционеров» из Народного фронта толпы людей принялись крушить заграждения на границе с Ираном и жечь пограничные вышки. Граница была «ликвидирована» на протяжении почти семисот километров. Тысячи азербайджанцев перешли на другую сторону и начали браться со своими иранскими соплеменниками, с которыми они десятилетиями были разлучены.

Это уже было совсем ни на что не похоже. Этого Москва стерпеть не могла.

Из записей о заседании Политбюро 2 января 1990 года:

«Информация Крючкова (председателя КГБ. – О.М.) о положении в Азербайджане. Развитие ситуации приобрело непредсказуемый характер. В Джалилабаде власть перешла к так называемому Народному фронту. Происходит фактическое разрушение государственной границы. Необходима помощь пограничникам со стороны армии».

Помощь, естественно, была оказана. Помимо посланных войск, в центральной печати появились гневные обличительные статьи, где, помимо прочего, утверждалось, что азербайджанцы, разгромившие в Нахичевани пограничные сооружения, «бросились в объятия исламского фундаментализма».

Горбачев не приемлет насилия. На словах

Кстати, на следующий день, 3 января, когда в Ново-Огареве обсуждалась предсъездовская платформа КПСС, Горбачев отвлекся на воспоминания:

– Мне было девять лет, когда арестовали деда (стало быть, где-то в 1940-м происходило дело. – О.М.) Он просидел четырнадцать месяцев, его пытали, били, ослепляли лампой и т.д. Он был председателем колхоза, потом уполномоченным Министерства заготовок. Когда его посадили, мы стали в деревне как отверженные, никто не заходил, сторонились, не здоровались – как же, враг народа! Дед вернулся совсем другим человеком. Рассказывал, что с ним сделали, плакал.

И вывод генсека:

– Считаю своей главной задачей провести страну через перестройку без гражданской войны. Жертвы неизбежны. Там и здесь кого-то убивают, но это СТИХИЙНО (выделено мной. – О.М.), от этого никуда не денешься. Другое дело – подавлять силой, оружием. Этого от меня не дождутся.

Пройдет всего лишь несколько дней, и Горбачев – не в первый уже, и не в последний раз – нарушит этот торжественный, благородный обет, сделанный под запись его помощников.

Бросили спичку в керосин

12 января двое лидеров Народного фронта выступили по местному азербайджанскому телевидению. При этом один из них, некто Панахов, сделал совершенно провокационное заявление. Он сказал, что вот-де Баку заполнен бездомными беженцами, прибывшими из Нагорного Карабаха и Армении, а тысячи армян здесь до сих пор живут в комфорте.

То обстоятельство, что эти людям, непримиримым противникам азербайджанской коммунистической верхушки, был предоставлен телеэфир, да еще для таких заявлений, наводит на мысль, что и сама эта верхушка была причастна к провокации. Во всяком случае некоторые ее члены. В частности, называлась фамилия второго секретаря местного ЦК Поляничко, раскладывавшего какой-то свой политический пасьянс.

Так или иначе, спичка в керосин была брошена. Как и следовало ожидать, на следующий день в Баку начались армянские погромы. Как и в Сумгаите, погромщики проявляли изощренную жестокость – разъяренные толпы нападали на несчастных армян, забивали их до смерти, людей выбрасывали с верхних этажей зданий...

Впрочем, существуют и другие версии, касающиеся того, что стало искрой для начала погромов. Некоторые считают, что они начались после того, как на митинге Народного фронта кто-то подстрекательски сообщил, что один из азербайджанцев был убит армянином, квартиру которого он пытался захватить...

Говорили также, что за несколько дней до начала погромов перед штабом Народного фронта на улице Рашида Бейбутова (того самого, который когда-то пел про «веселого мальчика из Карабаха») были вывешены списки с адресами армянских семей.

Сам Народный фронт официально отрекся от своей причастности к погромам, осудил их, обвинил республиканские и московские власти в том, что они сознательно не препятствовали убийствам и грабежам, чтобы оправдать введение войск в Баку.

На первых порах ни милиция, ни военные действительно не препятствовали погромам. Когда одна из правозащитниц обратилась к милиционеру с просьбой спасти армянина от толпы азербайджанцев, тот равнодушно ответил: «У нас приказ не вмешиваться».

В конце концов, однако, армяне были эвакуированы на противоположный берег Каспийского моря, в туркменский Красноводск (позднее переименованный в Туркменбаши), откуда рассеялись по всему свету.

Считается, что во время Бакинских погромов погибло около девяноста армян, хотя эту цифру трудно проверить: официальное расследование так и не было проведено.

Горбачев нарушает обет

Несмотря на Бакинские погромы, Горбачев все никак не мог решиться применить силу, ввести там чрезвычайное положение. Мы ведь помним его обет, что он никогда не станет «наводить порядок» силой, оружием – этого от него никогда не дождутся. Правда, позади уже была трагедия Тбилиси, но там он как бы остался в стороне, сумел «не запачкаться». Здесь такой возможности не было...

Бывший пресс-секретарь Горбачева Андрей Грачев вспоминает о тогдашних колебаниях и метаниях генсека:

«13-15 января по Баку прокатилась лавина антиармянских и антирусских (были и антирусские, хотя, конечно, меньших масштабов. – **О.М.**) погромов. Но даже после этого Горбачев продолжал колебаться и оттягивать принятие, как он предчувствовал, рокового решения о введении армии. Д. Язов считает, что генсек хотел (опять! – **О.М.**)

«отсидеться», «остаться не замазанным». Вероятнее другое: чем больше нажимали министры-«силовики», чем отчаяннее становились сводки заброшенного в Баку политического десанта во главе с Е. Примаковым, тем отчетливее он сознавал, что переход «Рубикона насилия» будет означать для него и для перестройки пересечение не только политического, но и психологического рубежа. Только когда из Баку пошли сообщения о зверствах разбушевавшейся толпы (людей выбрасывали с верхних этажей многоэтажных зданий, обливали бензином и поджигали), когда перед осажденными зданиями ЦК и правительства воздвигли (символические?) виселицы, Горбачев покорился традиционной участи правителя империи, – в Баку на усмирение беспорядков были откомандированы Д. Язов и В. Бакатин (министр внутренних дел. – **О.М.**) Напутствуя их, В. Крючков и даже А. Яковлев говорили о необходимости преодолеть «синдром Тбилиси» и проявить «твердость». Министры потребовали не только устного поручения главы государства, но и юридического мандата: указа о введении чрезвычайного положения. Горбачев попробовал, было, как в случае с Карабахом, укрыться за фразой «будете действовать по обстановке», но, когда оба министра отказались без указа вводить войска, а из Баку, как с палубы тонущего корабля, раздался очередной SOS Е. Примакова, сообщившего о подготовке толпы к штурму, он решился: «Летите, указ придет следом». И, сняв телефонную трубку, сказал Лукьянову: «Анатолий, давай текст».

«Анатолием», которому позвонил Горбачев, был председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов. Именно ВС имел формальное право издавать указы. Естественно, с «бакинским» указом никаких задержек больше не было. Приказы со стороны «руководящей и направляющей», ее вождя в ту пору выполнялись без промедления. Даже такие вот небрежные.

К моменту, когда 20 января Горбачев с Лукьяновым ввели чрезвычайное положение, армян в Баку уже не оставалось, почти все они были эвакуированы, защищать было некого. Так что горбачевско-лукьяновский указ, введение войск в столицу Азербайджана имел единственный смысл – предотвратить захват власти в

республике Народным фронтом (а он к этому времени фактически ее уже захватил) и провозглашение Азербайджаном независимости.

Активисты Народного фронта, простые азербайджанцы пытались воспротивиться вводу войск. Но что они могли сделать?

Генерал Ачалов в своем амплуа

Формально считается, что операций по «взятию» Баку руководил министр обороны Язов. Однако в реальности эту роль играл «координатор» операции командующий Воздушно-десантными войсками генерал Ачалов.

Генерал Ачалов – одна из самых зловещих в те годы фигур. В 80-х – начале 90-х, когда Ачалов пребывал на пике своей военной карьеры, где бы на пространстве СССР или даже вблизи его границ ни возникали какие-то «беспорядки» (так на официальном языке называлась любая попытка людей ослабить на своей шее удушающую петлю тоталитаризма), коммунистическая власть решительно и жестоко их подавляла (впрочем, она, как известно, поступала так всегда, не только в ту пору). И этим подавлением во многих случаях руководил именно генерал Ачалов. Сам он так объяснял необходимость наделения армии – а он был армейским генералом, – полицейскими функциями:

– Конечно, плохо, что Вооруженные Силы не отражали внешнюю угрозу, а подавляли беспорядки. Но что делать – в те годы внутренние войска и милиция были не готовы к исполнению этих функций...

Впервые в роли карателя Ачалов чуть было не выступил в 1981-м, когда события в Польше стали развиваться неприемлемым для кремлевских геронтократов образом – началось общенародное движение против кондовых «социалистических» порядков. Во главе этого движения стоял профсоюз «Солидарность». У Кремля возникло естественное желание расправиться с «бунтовщиками» так же, как он это сделал в Венгрии в 1956

году, в Чехословакии в 1968-м. Ачалову, в то время командиру 7-й воздушно-десантной дивизии (кстати, «отличившейся» еще и во время венгерских, и во время чехословацких событий), отводилась одна из центральных ролей: его дивизии надлежало высадиться в Варшаве и захватить важнейшие объекты – аэропорт, здания ЦК ПОРП, Сейма, Национального банка; кроме того, Ачалов должен был арестовать ведущих деятелей польского руководства, обезглавить освободительное движение.

Позднее сам генерал так рассказывал об этом:

– Мы должны были действовать так же, как в Чехословакии, – задержать военно-политическое руководство страны... Я должен был совершить его интернирование и перевозку в безопасное место, а затем ожидать дальнейших приказов: отправить в Москву, как Дубчека, или поступить как-то по-другому. Знал только одну фамилию человека, которого должен был интернировать, – Ярузельского (генерал Ярузельский был в то время премьер-министром Польши и первым секретарем ЦК ПОРП. – **О.М.**) Список остальных наверняка получил бы накануне ввода войск, а может быть, и уже в летящем на Варшаву самолете.

Ярузельский прямо не участвовал в антимосковском «бунте», однако, как считали в Кремле, своей мягкостью неявно потворствовал «мятежникам». Интервенцию предполагалось осуществить с трех сторон – со стороны СССР, ГДР и Чехословакии. Однако накануне ее Ярузельский сам ввел в Польше военное положение. Необходимость посылать в «мятежную» страну войска из «братских» стран вроде бы отпала...

Особенно оказался востребован Ачалов в начале 90-х, когда под влиянием перестроечных демократических поветрий в разных концах советской империи началось мощное центробежное движение (прочь от московского Центра).

И вот в январе 1990 года Ачалову, как уже говорилось, в то время командующему ВДВ, выпала роль «координировать» подавлением антикоммунистических «беспорядков» в Баку.

Танки давят мирных людей

Часть войск была введена в Баку заранее, находилась в казармах на окраине города. Казармы были забаррикадированы Народным фронтом, но в ночь на 20-е военные смели баррикады и вышли из казарм на улицы города. Другую часть войск стали перебрасывать в столицу Азербайджана по воздуху. Уже на выезде из аэропорта военные были встречены баррикадами из тяжелогруженных машин и сотнями людей – сторонников Народного фронта, – полных отчаянной решимости не допустить солдат, уже ставших чужеземцами, оккупантами, в свой город. Разумеется, сопротивление «азеров», как презрительно называли их российские воины-интернационалисты, было сломлено: неумелые, плохо вооруженные «ополченцы» не могли противостоять десантникам и мотострелкам...

Вот несколько свидетельств, как происходил захват Баку.

«Коммерсант»:

«Войска, применяя оружие, прорывают пикеты на Аэропортовском шоссе, Тбилисском проспекте и других дорогах, ведущих в город. Одновременно армейские подразделения разблокируют казармы. Пожалуй, наиболее кровопролитные бои были в районе Сальянских казарм. Говорит очевидец событий Асиф Гасанов: солдаты сломали пикеты из автобусов, – обстреливают жилые дома, ребята 14-16 лет ложатся под бронетранспортёры. Они абсолютно безоружны, я вам честное слово даю. Однако военнослужащие, опрошенные корреспондентом «Коммерсанта», утверждали, что пикетчики были вооружены автоматическим оружием. Другие очевидцы свидетельствуют, что вооружение состояло из бутылок с зажигательной смесью, ракетниц и пистолетов. Кровопролитные столкновения развернулись также в районе Баилова, около гостиницы «Баку», в ряде пригородных посёлков».

Уже упоминавшийся английский журналист Том де Ваал – в своей книге «Черный сад»:

«Танки переползали через баррикады, сминая на своём пути автомобили и даже фургоны «Скорой помощи». По словам очевидцев, солдаты стреляли в бегущих людей,

добивали раненых. Был обстрелян автобус с мирными жителями, и многие пассажиры, в том числе четырнадцатилетняя девочка, погибли».

Кинорежиссёр Станислав Говорухин в «Московских новостях» от 18 февраля 1990 года:

«В ночь с 19-го на 20-е (января. – О.М.) в город всё-таки вошли войска. Но Советская Армия вошла в советский город... как армия оккупантов: под покровом ночи, на танках и бронемашинах, расчищая себе путь огнём и мечом. По данным военного коменданта, расход боеприпасов в эту ночь – 60 тысяч патронов. На сумгаитской дороге стояла на обочине, пропуская танковую колонну, легковая машина, в ней – трое учёных из Академии наук, трое профессоров, одна из них – женщина. Вдруг танк выехал из колонны, скрежеща гусеницами по металлу, переехал машину, раздавив всех пассажиров. Колонна не остановилась – ушла громить «врага, засевшего в городе».

Всего во время тех событий в Азербайджане, по официальным данным, погибли более ста тридцати человек, по неофициальным – более семисот...

Сейчас одна из печальных достопримечательностей Баку, куда непременно водят туристов, – Аллея Шехидов, расположенная на высоком холме над Каспием. Здесь похоронены некоторые из погибших в те январские дни.

Когда стоял там, думалось: жаль, что нет здесь где-нибудь поблизости такой же аллеи в память армян, погибших при погромах. Два народа до сих пор не замирились друг с другом. И не покаются друг перед другом. А бывшие советские военные не покаются, что пролили в те дни немало невинной крови...

Что касается генерала-карателя Ачалова, следующими плацдармами его полководческих подвигов будут Прибалтика, августовская 1991 года и сентябрьско-октябрьская 1993-го Москва... Но об этом – позже.

Возвращаясь к теме 20 января 1990 года, стоит признать, что не зря Горбачев так терзался и колебался перед тем как дать «добро» военной операции в столице

Азербайджана. Хотя Баку и был «захвачен» в считанные часы, можно, наверное, считать, что в этот день Москва потеряла Азербайджан.

На следующий день после ввода войск на здании азербайджанского ЦК появились надписи: «Долой советскую империю!», «Долой КПСС!», «Советская армия – фашистская армия».

Кстати, хозяин этого здания Абдурахман Везиров, обещавший Сахарову и его спутникам, которые пытались заговорить с ним о Нагорном Карабахе, «большую кровь», как только в Баку началась «заваруха», сразу же удрал в Москву «на лечение». Видно, печальная участь Чаушеску действительно сильно его напугала.

КОНСТИТУЦИЯ САХАРОВА

Главная цель – счастливая, полная смысла жизнь

Свой проект конституции, правда незавершенный, Андрей Дмитриевич представил в ноябре 1989 года, за месяц до своей кончины. Назывался он «Проект Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии». Надо сказать, над новым названием Союза лидеры страны потом будут долго биться, предлагая самые разные варианты, но вот Сахаров предлагал такое.

В основе проекта лежала идея защиты прав личности и права ВСЕХ народов на государственность. Именно – всех, что сразу придавало этому проекту необычность, масштабность, хотя и очевидную утопичность. Однако Андрей Дмитриевич словно бы сознательно шел на это. Вряд ли он рассчитывал, что текст в таком виде будет принят. Видимо, он ставил перед собой какую-то другую цель. Возможно – наметить, к чему следует стремиться, если и не сегодня, то хотя бы в более или менее отдаленном будущем. Может быть, даже, как говорится, – «в идеале».

Вообще текст был не очень привычен для глаза как юридический документ. Вместе с тем при чтении его с самого начала становилось ясно, что он составлен в высшей степени благородным и высоконравственным человеком, ставящим благородство и нравственность превыше всего.

«Цель народа Союза Советских Республик Европы и Азии и его органов власти, – говорилось в проекте, – счастливая, полная смысла жизнь, свобода материальная и духовная, благосостояние, мир и безопасность для граждан страны, для всех людей на Земле независимо от их расы, национальности, пола, возраста и социального положения».

Право людей на счастье, на счастливую, полную смысла жизнь... Вряд ли авторы каких-либо других подобных документов когда-либо осмеливались включать в них такого рода категории – «счастье», «полная смысла жизнь»...

Хотя в стране к тому времени все более четко обозначался вектор движения к рыночному, то есть, так сказать, капиталистическому устройству экономики, Сахаров в своем проекте остается верен давней своей идее конвергенции – соединения лучшего, что есть в социализме и капитализме, ибо по-прежнему, видимо, уверен, что ни тот, ни другой строй по отдельности не в состоянии решить наиболее значительные, жизненно важные проблемы человечества:

«В долгосрочной перспективе Союз в лице органов власти и граждан стремится к встречному плюралистическому сближению (конвергенции) социалистической и капиталистической систем как к единственному кардинальному решению глобальных и внутренних проблем. Политическим выражением конвергенции в перспективе должно быть создание Мирового правительства».

Мировое правительство – это то, о чем говорили и мечтали многие лучшие представители человечества, в частности Альберт Эйнштейн. Будет ли оно когда-нибудь? Или это что-то малосбыточное вроде «Города Солнца» Томмазо Кампанеллы? Прообразом мирового правительства в принципе, наверное, можно было бы считать Организацию Объединенных Наций. Но что-то у нее не больно получается «править миром». И не видно, чтобы когда-нибудь получилось. Слишком разные материки, страны, люди...

На один уровень по степени важности Сахаров ставит внутренние законы страны и международные законодательные акты, прежде всего касающиеся прав человека. Более того, международное законодательство в этой сфере он поднимает выше:

«Граждане и учреждения обязаны действовать в соответствии с законами Союза и республик и ПРИНЦИПАМИ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ООН (выделено мной. – О.М.)

Международные законы и соглашения, подписанные СССР и Союзом, в том числе Пакты о правах человека ООН..., имеют на территории Союза прямое действие и приоритет перед законами Союза и республик».

Увы, мы и спустя двадцать лет не пришли к этому. Сегодняшние российские власти не уважают не только Всеобщую декларацию прав человека, но и собственную Конституцию.

Союз равных, самостоятельных, суверенных республик!

Теперь об устройстве Союза, которое предлагает Андрей Дмитриевич. Для него нет вопроса: это устройство следует решительным образом изменить. Союз должен состоять ТОЛЬКО ИЗ РЕСПУБЛИК. Причем республик, РАВНЫХ ПО СВОЕМУ СТАТУСУ:

«Никаких других национально-территориальных единиц, кроме республик, Конституция Союза (то есть Конституция, соответствующая его, Сахарова, проекту. – О.М.) не предусматривает».

При этом, правда, «республика может быть разделена на отдельные административно-экономические районы».

Так, РСФСР он предлагает разделить на четыре экономических района – Европейскую Россию, Урал, Западную Сибирь, Восточную Сибирь.

Не очень, правда, понятно, как эти экономические районы будут сосуществовать с национальными республиками – Татарстаном, Башкирией, Чувашией, Удмуртией, Якутией и другими, – располагающимися на этих территориях и равными России по своему статусу.

Кстати, вообще непонятно, какая территория останется России, если все республики, входящие в нее, обретут равный с нею статус. Области Центральной России, да и то не все?

О чем-то подобном через год станет думать Борис Ельцин. У него возникнет мысль разделить Россию на «семь русских государств». Впрочем, и он от этого замысла быстро откажется.

Что касается сахаровской идеи о равенстве всех республик Союза, она стала одним из главных побуждающих источников той отчаянной борьбы за повышение своего статуса, которую несколько позже – в 1990-м и 1991 году – развернули автономии, прежде всего российские. Правда, никакого особенного успеха и эта борьба не имела.

Еще одна очень важная идея Сахарова: решительное повышение самостоятельности республик. Именно республики предоставляют союзному Центру ряд полномочий, а не наоборот – не Центр что-то отдает республикам. Этот тезис опять-таки станет главным в той борьбе с Центром, которую в скором времени развернут Ельцин и другие республиканские лидеры, требуя это положить в основу создания нового Союза: он должен создаваться не сверху, не союзным Центром, а снизу – максимально самостоятельными суверенными республиками.

Право на вход и выход из Союза должно быть реальным, а не декларативным!

Очень важна для Сахарова тема входа в Союз и выхода из него. Право «каждой нации и республики» на самоопределение он провозглашает «основополагающим и приоритетным». Обратим внимание – не только каждой республики, но и каждой нации. Правда, разговор о «самоопределении нации» продолжения у него не имеет. Зато механизм входа-выхода республики он прописывает довольно четко, не оставляет это право лишь в качестве декларации, как это было в советских конституциях:

«Решение о вхождении республики в Союз принимается на Учредительном Съезде Союза или на Съезде народных депутатов Союза...

Решение о выходе республики из Союза должно быть принято высшим законодательным органом республики в соответствии с референдумом на территории республики не ранее чем через год после вступления республики в Союз».

В общем все достаточно просто и ясно, без каких-либо запутанных, утяжеленных и практически непреодолимых юридических процедур.

Что особенно удивительно, Сахаров также предусматривает возможность ИСКЛЮЧЕНИЯ республики из Союза и опять-таки прописывает его процедуру:

«Республика может быть исключена из Союза. Исключение республики из Союза осуществляется решением Съезда народных депутатов Союза большинством не менее двух третей голосов в соответствии с волей населения Союза (как выявляется эта воля, опять-таки через референдум? – **О.М.**) , не ранее чем через три года после вступления республики в Союз».

Можно ли представить себе, чтобы такое случилось в реальности? Вот взяли бы и исключили хотя бы Чечню «за плохое поведение»? Ясно, что это из области фантастики. Но Сахарову, видимо, важно обозначить, что все члены Союза действительно пользуются полной свободой самоопределения, и для всех существуют одни и те же критерии нравственного и политического поведения, при несоблюдении которых можно и «вылететь» из страны.

Самостоятельность – почти во всем

Максимальная самостоятельность предоставляется каждой республике в области экономики:

«Республика, если противное не оговорено в Специальном протоколе, обладает полной экономической самостоятельностью. Все решения, относящиеся к хозяйственной деятельности и строительству, за исключением деятельности и строительства, имеющих отношение к функциям, переданным Центральному правительству, принимаются соответствующими органами республики.

Никакое строительство союзного значения не может быть предпринято без решения республиканских органов управления».

Все налоги, собираемые на территории республики, согласно Сахарову, остаются в ее бюджете. В союзный бюджет перечисляется лишь определенная сумма. Здесь Сахаров предвосхищает споры, которые в скором времени действительно развернутся между республиками и Центром. В конце концов остановятся на том, что в центральный бюджет будет перечисляться не определенная сумма, как у Сахарова, а определенный процент от собираемых налогов.

К числу необычных, в своем роде «экзотических» пунктов сахаровского проекта надо, пожалуй, отнести предложение о возможности создания республиканских Вооруженных Сил, собственной системы правоохранительных органов (милиции, прокуратуры, судов), республиканских денег...

Не мог обойти Сахаров и вопрос о границах между республиками. Вполне отчетливо видел, что границы, в большинстве случаев весьма произвольно прочерченные коммунистическими властителями, во многих случаях могут быть оспорены. Чтобы из-за этого сразу же не возникли конфликты, он предлагал оставить их неизменными на первые десять лет после Учредительного съезда, который примет новую конституцию и новое государственное устройство Союза. В дальнейшем же изменять границы между республиками, их объединение и разделение можно будет «в соответствии с волей населения республик и принципом самоопределения наций в ходе мирных переговоров с участием Центрального правительства».

К сожалению, уже к этому времени стало достаточно ясно, что в реальности решать такие вопросы мирно, без стрельбы, без пролития крови вряд ли удастся. Об этом говорил опыт того же Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья...

Он понимал, что останется в меньшинстве

В целом проект конституции Сахарова, при всем уважении к этому великому человеку, был воспринят как довольно утопический. Хотя ряд его идей – в частности, как уже было сказано, идея о главенствующей роли суверенных республик при создании нового Союза, – был подхвачен и лег в основу последующих попыток перестройки коммунистической империи.

Кстати, Андрей Дмитриевич сам вполне сознавал, как будет воспринят большинством его проект. Когда его на I Съезде народных депутатов выдвигали в состав Конституционной комиссии, он поставил условие: поскольку он уверен, что по принципиальным вопросам он останется в меньшинстве или даже в одиночестве, он может принять участие лишь в составлении АЛЬТЕРНАТИВНЫХ проектов конституции или же – отдельных статей, в общем – в высказывании альтернативных мнений; присоединяться же к основному проекту он не собирается. Таким, альтернативным, заранее обреченным на неприятие большинством, и получился его проект.

Главное же значение сахаровского проекта конституции в том, что его автор своим высочайшим авторитетом поддержал набравшее силу по всей территории Союза движение за реальное самоопределение, суверенитет и даже независимость отдельных частей Союза, не желавших далее оставаться в полной зависимости от союзного Центра или даже вообще в составе рассыпающейся коммунистической империи.

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ В ВИЛЬНЮСЕ

Цепочка длиной в шестьсот километров

С чего начался уход Прибалтики из СССР? Возможно, с того, что на исходе лета 1989 года, 23 августа, жители трех прибалтийских республик – Литвы, Латвии и Эстонии – около двух миллионов человек, взявшись за руки, образовали живую цепь длиной почти в шестьсот километров, соединив таким образом столицы своих республик – Таллин, Ригу и Вильнюс. Акция была приурочена к пятидесятилетию со дня подписания пакта Молотова – Риббентропа, который, как известно, открыл путь к оккупации Прибалтики Советским Союзом. Целью акции – ее назвали «Балтийский путь» – было привлечь внимание мирового сообщества к событиям прошлого, однако не в меньшей мере она подсказывала и каким может стать будущее прибалтийских республик, а также поглотившего эти республики советского монстра, советской империи: восстановление самостоятельности этих республик и в конечном счете распад Союза.

В прежние времена, да и после при Путине, и ста метров такой цепочки не допустили бы. Разогнали бы дубинками, проволокли по земле в автозаки, словно набитые человеческой плотью мешки. Но лето 1989-го – это уже была горбачевская вольница. Хоть и не уверенная еще, не надежная, но все же...

В общем, так или иначе, с этой цепочки в Прибалтике все и началось.

В приемной у Ландсбергиса

Первый шаг сделала Литва. Это случилось 11 марта 1990 года. В этот день ее Верховный Совет принял Акт о восстановлении независимости Литовской Республики (так она теперь называлась).

...Председатель литовского парламента профессор Витаутас Ландсбергис обещал принять меня для беседы в пятницу 23 марта 1990 года в десять вечера (время вовсе не

обычное, но другого, видимо, не было – в последние дни он работает почти круглосуточно). Около половины десятого мы с моим коллегой по «Литературной газете» Пятрасом Кейдошюсом заняли позиции возле его приемной. Надежды на скорую встречу было мало: заседание Верховного Совета продолжалось. К тому же неожиданно выяснилось, что в десять у него прямой эфир для канадского телевидения. Извинившись перед депутатами, он покинул заседание. Извинился и передо мной:

– Я сегодня буду работать до бесконечности. Так что подождите, поговорим...

Пятрас поехал домой спать – утром ему предстояло важное дело, – а я перебрался непосредственно в приемную на просторный мягкий современный диван.

Около полуночи Ландсбергис вернулся, но опять-таки занялся более первоочередными, как я понимаю, делами (еще днем, принимая у меня вопросы, он сказал мне твердо: «Это дело все-таки не первоочередное. Извините»).

Я не особенно настаивал на скорейшем приеме, надеясь, что стада журналистов, повсюду следующие за Ландсбергисом и его помощниками (все последние дни тут было не протолкнуться от тружеников пера и микрофона), со временем поредеют и можно будет поговорить спокойно.

Именно это было для меня главное – спокойный разговор. Чтобы можно было вырваться за пределы обычного для Ландсбергиса твердокаменно-железобетонного: «Мы – другое государство! Оставьте нас в покое!», уловить если не в словах, то хотя бы в голосе, в интонации какое-то сомнение в правильности и единственности решения, принятого 11 марта. Живой человек не может без сомнений. И для литератора они интересней любых иных проявлений человеческого естества.

В приемной Ландсбергиса две секретарши. Более представительная Регина – собственно секретарь председателя Верховного Совета. Она тут была и при прежнем председателе, коммунисте Бразаускасе, и раньше. Та, что попроще, Ядвига, как я понимаю, – помощница Ландсбергиса по «Саюдису» (организация, возглавившая борьбу Литвы за независимость). В штате Верховного Совета она недавно, с 12 марта. Это, скорее, референт, помощник.

В кабинет Ландсбергиса постоянно входят люди. Входят без доклада, без вопросов к секретарю, без стука в дверь (впрочем, кабинет огромный – с того места, где

сидит его хозяин, стука и не услышишь). Посетители двоякого вида. Один тип: элегантные бородачи в цивильных костюмах. Это депутаты, руководители «Саюдиса» (впрочем, многие совмещают сейчас обе ипостаси). Другой тип – молодые ребята спортивно-студенческого вида (куртка, джинсы, кроссовки). Это активисты «Саюдиса», некоторые из них уже работники аппарата Верховного Совета.

Около часа ночи начинает названивать корреспондент «Московских новостей» Кючарьянц. С первых Ядвиговых ответов мне становится ясно, о чем идет речь, – коллега-журналист просит, чтобы Ландсбергис принял его в воскресенье. Настаивает, чтобы ответ был ему дан немедленно. В это время Ландсбергис принимает двух американских сенаторов. По всем канонам секретарского дела, дверь в кабинет в это время не должна открываться. Но человек просит Ядвигу о помощи (даром, что таких просящих о помощи журналистов даже в самом здании парламента – толпы!), и она решается на подвиг, хотя заранее знает, что дело это безнадежное. Через две минуты она возвращается из кабинета и простодушно сообщает в трубку:

– К сожалению, я ничем не могу вам помочь. Он не обращает на меня внимания. Это означает, что я должна выйти из кабинета.

Такие вот условные знаки. Далее происходит уж вовсе немислимое. Видимо, журналист, следуя заветам нашей профессии, продолжает настойчиво уговаривать Ядвигу, и она второй раз отправляется в кабинет. Результат тот же:

– Нет, он не обращает на меня внимания.

У любой московской секретарши все дело заняло бы ровно пять секунд: три разъяренно-презрительных междометия в адрес звонящего, и трубка брошена на рычаг.

На Вильнюс идут танки!

Около половины второго ночи происходит какое-то движение, в приемной оказывается людей больше, чем обычно. Общий разговор, какой-то тревожный. Говорят по-литовски, однако из обрывков русских и английских фраз, сказанных кому-то по телефону, я узнаю: что-то происходит на шоссе Каунас – Вильнюс.

Через некоторое время ко мне подходит Ядвига:

– Я сожалею, что мы так долго заставили вас ждать, но, по-видимому, председатель не сможет вас принять. Дело в том, что со стороны Каунаса к Вильнюсу приближаются танки.

– Как танки?! – меня аж подбрасывает на диване. Дремоту как рукой сняло.

– Да, танки, очень много танков. Жители звонят и сообщают. Кто-то подсчитал даже, что их более восьмидесяти.

Неужели опять танки? Меня охватывает ужас.

– Не надо было этого делать! – невольно вырывается у меня.

– Что делать? – не понимает Ядвига.

– Того, что вы сделали 11 марта. Ведь вы же и так шли к тому, чего вы хотите, – к экономической, политической независимости! Зачем надо было форсировать события?

– Но ведь кто-то должен начать! Сколько можно терпеть все это!

Ядвига плачет. Один из ребят принимается задвигать в приемной гардины с обеих сторон. На всякий случай. Светомаскировка.

Я отправляюсь бродить по этажам. Весть о танках уже облетела все здание. Повсюду группы журналистов, сотрудников Верховного Совета. Обсуждают. Никакой паники. Все с усталым любопытством ждут развязки.

Из темноты на площадь перед зданием вылетают «Жигули» и мчатся прямо к дверям. Из них, не погасив фары, не выключив двигатель, выскакивает какой-то парень, пулей проносится мимо ошалевших милиционеров и, прыгая через несколько ступенек, взлетает на третий этаж. Здесь, картинно дурачась, бухается навзничь прямо перед кабинетом Ландсбергиса. Точно древнегреческий бегун, принесший дурную весть. Отдышавшись, он садится на паласном полу по-турецки и, хлопнув по нему ладонями, произносит одно слово:

– Танки!

Он думает, что он первый, кто предупредил об опасности.

В два двадцать пять Ландсбергис вышел из кабинета.

– Что, положение осложнилось? – спросил я его.

– Да... – отвечал он нехотя. – Видите, мы бы просто потеряли время, если бы стали беседовать с вами. Если меня арестуют, кто станет печатать все это? Кому надо печатать арестанта?

– Вы не пытались связаться с Горбачевым?

– Нет... – он пожал плечами неопределенно.

Звонить Горбачеву не хочет никто

В половине третьего ночи Ландсбергис поднялся на трибуну Верховного Совета (парламент продолжал заседать – премьер Казимера Прунскене представляла кандидатов в министры). Он сообщил депутатам, что к городу приближается колонна танков. Намерения их неизвестны. Никакой информации у него нет. Он неоднократно просил военное руководство сообщать ему обо всех передвижениях войск по территории республики, но это по-прежнему не делается, несмотря на все заверения, что Верховный Совет будут ставить в известность.

Голосованием Верховный Совет принимает решение: если «в результате определенных насильственных шагов» он будет «ущемлен в правах действовать и свободно выражать волю народа», – в таком случае он наделяет представителя независимой Литовской Республики в Вашингтоне и при Святом Престоле г-на Стасиса Лозарайтиса чрезвычайными полномочиями по представительству восстановленной Литовской Республики.

Возможно, вспомнив про мой вопрос, Ландсбергис спрашивает депутатов, следует ли позвонить Горбачеву.

Точно один человек усмехнулся и безнадежно-презрительно махнул рукой: чего звонить... – такова была общая реакция зала. Все убеждены: Горбачев и так все знает, без него ни один танк не сдвинется с места.

Депутаты повставали с мест. Возникла атмосфера какого-то нервного, озорного веселья. Кто-то пустил бумажного голубя (видимо, изготовленного из какого-то официального документа воскресшей и тут же вновь умерщвляемой независимой Литовской Республики)... Кто-то – еще одного... Кто-то присвистнул... Ощущение было, словно ты в студенческой аудитории, расслабившейся вдруг после какого-то необычайно важного и серьезного действия. Дали поиграть в демократию, а после отобрали игрушку.

Телефоны в приемной продолжают звонить. Колонна приближается. Тридцать километров... Двадцать... Десять...

Мимо журналистов проходит симпатичная Казимера Прунскене и, зная о своей святой обязанности держать прессу в курсе дела, объясняет, не дожидаясь вопросов:

– Через пять минут мы будем иметь информацию, пошли ли танки в объезд города – в какой-то из гарнизонов – или пересекли черту города. Их очень много – от восьмидесяти до ста.

Журналисты в основном англоязычные, но Прунскене говорит по-русски. Все понимают.

– Танки остановились! – лицо Ядвиги светится счастьем.

– Как остановились? – переспрашиваю. – Кто их остановил?

– Милиция.

– Что, они перекрыли дорогу? Поставили грузовики, автобусы?

– Нет, они подали сигнал остановиться. Сейчас ведут переговоры.

Святая наивность. Как будто можно остановить танки милицейским жезлом. После выясняется: при въезде в город остановились головные танки, чтобы подождать остальных – колонна растянулась на километры.

Через несколько минут стало ясно: ни о каком объезде нет речи, танки направляются прямо сюда.

Машинально я нащупал в кармане редакционное удостоверение и тут же мысленно рассмеялся своему жесту. Как будто не известно, как это бывает! Подходят танки, БТРы, БМП. Пятнистые ребята с автоматами просачиваются во все щели, рассыпаются по лестницам и этажам. Ты получаешь кулаком в зубы, прикладом по спине, сапогом – пониже, а уж после начинают разбираться, кто ты и что ты.

– Мы бы хотели получить у вас консультацию, – подходит ко мне Ядвига. – Нужен ли вот этот знак в фамилии Лукьянов? Мы хотим послать ему телеграмму.

Мягкий знак в середине лукьяновской фамилии нужен. Без него никак не обойтись. Я рад, что хоть этим могу им помочь.

(Кто не знает, Анатолий Лукьянов в ту пору был председателем Верховного Совета СССР).

Иностранные корреспонденты на своих ноутбуках торопились допечатать репортажи до строки: «И вот танки подошли к зданию парламента...» После все собрались на лестничной площадке-галерее третьего этажа и напряженно всматривались сквозь переднюю аквариумно-стеклянную стену здания в происходящее на затемненной площади перед ним.

«Танки» проходят мимо

Примерно без двадцати четыре я вышел на улицу. В воздухе уже висел сплошной моторный гул. Танки вот-вот должны были появиться. Вот показался головной, крутанулся на гусеницах и пошел прямо на меня, брызнув в глаза ярким светом фар-прожекторов. Машинально я отпрянул назад. После присмотрелся – обыкновенное такси. Воображение разыгралось. Плюнув всерьдцах, я пошел назад ко входу в здание.

Между тем гул не ослабевал, хотя и не усиливался.

Минут через десять я вышел снова. Гул стал значительно слабее. Навстречу бежали какие-то люди. Одного парня я ухватил за рукав:

– В чем дело? Где они?

– Они поехали в Северный городок, – отвечал он, запыхавшись, показывая рукой куда-то в темноту.

Северный военный городок – основная база местного гарнизона на окраине Вильнюса.

Слава Богу! Пронесло.

– Ну что, опасность штурма миновала? – в шутку сказал я Казимере Прунсене, снова увидев ее на третьем этаже.

– Да, миновала, но ничего хорошего нет, – отвечала она серьезно.

– Вы считаете, что это была демонстрация силы?

– А что же еще? И потом, что за манера – ездить по городу на танках! Они же оставляют следы, портят асфальт, – она потыкала пальцем вниз, в сторону своих красивых лакированных туфель.

Сразу видно – хозяйственный работник. Премьер-министр. Об асфальте заботится.

– Какой дурак считает нужным демонстрировать силу? – возразил оказавшийся тут же Артурас, помощник Ландсбергиса по связи с прессой. – Ясно же, что в военном отношении Литва не может противостоять Союзу. Что тут демонстрировать?

Думаю, он не прав: силу демонстрируют и не сильному противнику, перед тем как ее применить.

Наконец – последний телефонный звонок: все танки вошли на территорию гарнизона. Всеобщее расслабление.

После говорили, что это были не танки, а «танкетки», легкие танки, «танки для перевозки десанта»...

– БТРы, БМП? – спрашивал я.

– Нет, это была гусеничная техника.

Если судить по грохоту, так оно и было. После были получены более точные сведения: в ночь с 23 на 24 марта 1990 года через Вильнюс прошла колонна БМД (гусеничные боевые машины десанта) – полк воздушно-десантных войск. Таксист, отвозивший меня в гостиницу в шесть утра, показал мне маршрут, по которому прошла колонна неподалеку от здания Верховного Совета. В одном месте этот маршрут пролегал под мостом, что, без сомнения, усиливало грохот.

...Четыре часа ночи. В приемной Ландсбергиса, где я упорно продолжаю сидеть, появляется долговязый парень, в рубашке, без пиджака, и говорит, обращаясь неизвестно к кому:

– Я работаю в газете «Эспрессо». Моя газета начинает печататься через два часа. Мне нужен комментарий президента по поводу танков.

Ядвига грудью загораживает вход в кабинет:

– В данный момент председатель занят. Он работает. Он думает. – Она указывает пальцем себе на голову. – Он пишет ответ Горбачеву. Это очень важно. Ему нельзя мешать.

– Но моя газета не может выйти без комментария президента! – как от физической боли, стонет корреспондент.

Кто бы мог подумать еще месяц назад, что без нескольких слов литовского профессора-музыковеда, специалиста по Чюрленису, не сможет выйти одна из крупнейших газет Италии?

– Возьмите комментарий у Прунскене, – советую я итальянскому коллеге. – Она тоже фигура, премьер-министр. Она более доступна. Вас не уволят...

Его лицо мгновенно светлеет.

– О-кей! – воодушевленно вскрикивает он и бросается вон из приемной.

Продемонстрировали «железный кулак»

Кто отдал приказ продемонстрировать Литве «железный кулак»? Не уверен, что Горбачев. Но он, надо полагать, и не был против. Если бы был, такое не могло бы случиться. Это его обычная манера в те мятежные годы – самому оставаться как бы в стороне, в тени, но и не препятствовать силовым попыткам остановить распад Союза.

25 февраля, за две недели до объявления («восстановления») Литвой независимости помощник Горбачева Анатолий Черняев записал в своем дневнике:

«На Политбюро в силовом духе, с позиций «единой и неделимой» (так прямо Воротников, например, и произносит) обсуждался вопрос об отделении Литвы, о Союзном договоре. И Горбачев говорил в унисон с Лигачевым, Рыжковым, тем же

Воротниковым. Словом, происходит отрыв от реальности, который грозит тем, что останется один аргумент – танки (вот он, «момент истины»! – **О.М.**)

...У Горбачева, по моим последним наблюдениям, утрачено чувство управляемости процессом. Он, кажется, тоже «заблудился» (любимое его словечко) в том, что происходит, и начинает искать «простые решения» (тоже любимый его термин)».

ЛИТВА УХОДИТ ПЕРВОЙ

Если их не задавят, тогда и мы...

Итак, формально распад СССР начался 11 марта 1990 года, когда Верховный Совет Литовской Советской Социалистической Республики принял Акт о восстановлении независимости Литвы. С ее независимостью покончили летом 1940 года, когда она исчезла во чреве Советского Союза.

Теперь другие республики выжидательно смотрели в сторону Вильнюса: сумеет ли он устоять под напором Москвы? То, что напор будет, и нешуточный, никто не сомневался.

...24 марта 1990 года. Конец ночи – начало утра. Я продолжаю дежурить в приемной председателя Верховного Совета Литовской Республики (уже не Советской и не Социалистической).

Ландсбергис вышел из кабинета где-то без двадцати пять, отдал Регине на перепечатку листок, исписанный мелким почерком, – ответ Горбачеву по поводу регистрации добровольцев, которые могли бы в случае необходимости принять участие в охране общественного порядка.

Я тут же пристроился к нему:

– Я думаю, мое время наконец наступило?

Он кивнул мне с готовностью. Было примерно без двадцати пять. Думаю, немного еще найдется случаев, чтобы государственный деятель беседовал с журналистом в такую неурочную пору.

– Я только что написал телеграмму Горбачеву, – сказал Ландсбергис, – никаких вооруженных формирований у нас нет; танкам, которые подъезжают к столице Литовской Республики, здесь делать нечего. Зачем столько танков? Им достаточно прислать сюда тридцать автоматчиков и они захватят здесь всё и вся. Мы ведь не будем оказывать сопротивления.

Позже, к моменту январской бойни 1991 года, его точка зрения насчет сопротивления несколько изменится...

«Мы все сделали правильно»

Мы сели беседовать в его кабинете возле письменного стола. На свету бросилось в глаза его лицо бледно-серого цвета, опухшее от бессонницы. На вопросы он сразу же стал отвечать кратко и жестко.

Вообще, когда имеешь с ним дело, поражает контраст между двумя его обликами – обликом мягкого, вежливого, воспитанного интеллигента, типичного профессора-гуманитария, я бы даже сказал профессора старого, классического типа, какие остались разве что в литературе, и жестким, железным, железобетонным обликом политика, возглавившего борьбу своего народа за свободу, борьбу, начатую в весьма неблагоприятных, если не сказать – безнадежных условиях. Именно такой мягкий интеллигент был передо мной все долгие часы, пока я ожидал приема у него, когда он все ходил и ходил мимо меня, и все извинялся, извинялся – и словами, и мимикой, и жестами. Второй же совершенно неожиданно предстал передо мной здесь, за дверями кабинета, когда я стал задавать ему вопросы.

Эти вопросы – страницы четыре на машинке – я передал Ландсбергису еще днем. Речь в них шла главным образом о том, правильный ли путь они избрали двенадцать дней назад, 11 марта. Я совершенно искренне признавался, что у меня на этот счет имеются кое-какие сомнения – правильно ли это с ТАКТИЧЕСКОЙ точки зрения, правильный ли выбран момент для провозглашения независимости. Хотя само право литовского народа на независимость, конечно, бесспорно. Не знаю, успел ли он эти вопросы заранее просмотреть, но как только я прочитал по бумажке первый вопрос (где как раз и говорилось о моих сомнениях), я тут же почувствовал, что между нами возникла какая-то стена, появилась какая-то сила взаимного отталкивания. Доброжелательное до той поры лицо председателя сделалось непроницаемым, глаза – какими-то неприязненно стеклянными. На мой длинный вопрос о том, как все-таки он считает, правильно или неправильно они поступили, не испытывает ли и он по этому

поводу сомнений (в конце концов всякому человеку свойственно сомневаться), он ответил коротко, одной фразой:

– На мой взгляд, мы все сделали правильно.

Я возразил, что, по-моему, они все-таки действуют в духе революционеров и бунтарей прошлых времен. Мне же кажется – и хорошо бы, чтобы это стало общим правилом, – что лучше идти путем эволюционным. В данном случае это путь переговоров, использование закона о выходе из Союза, над которым в ту пору завершалась работа.

На это Ландсбергис отрезал, что данный закон их не касается:

– Мы не являемся членами Союза. Мы не входили в Союз – мы были захвачены, аннексированы. И нам нечего впутываться в ложную ситуацию. Тем более, что этот закон предусматривает такие условия, что никому и никогда по этому закону не выйти из Союза.

«Пусть Горбачев берет пример с де Голля»

Я спросил Ландсбергиса, осознает ли он, что своими действиями загоняет Горбачева в угол.

– Это не я – это товарищ Сталин его загнал, – был ответ. – Это товарищ Сталин поставил всю вашу страну в очень скверное положение. Мы же хотим помочь этой стране отмежеваться, освободиться от этого преступного наследия.

Я разъяснил, что я имею в виду, говоря, что он и его соратники загоняют Горбачева в угол. Согласиться с отделением Литвы в том варианте, на котором настаивает новое литовское руководство, – значит согласиться с развалом государства: за Литвой немедленно последуют Эстония, Латвия, Грузия... В принципе можно себе представить, что через какое-то время, в соответствии с разработанной юридической процедурой какие-то республики либо вовсе отделятся, либо останутся в составе федерации или конфедерации. Но этот процесс, конечно, не должен быть хаотическим развалом страны. С этим, думаю, не согласится ни один руководитель уровня Горбачева. Поэтому он и вынужден действовать решительно и жестко.

Я действительно тогда больше всего боялся, что в ситуации, возникшей после 11 марта, не только на территории Литвы, но и значительно больших пространствах Союза не сегодня – завтра заварится кровавая каша. Демонстративный ночной марш военной техники через Вильнюс был, конечно, более чем убедительным предупреждением о такой возможности.

– Если вы считаете, что республики начнут отделяться одна от другой, – это ваше дело, – сказал Ландсбергис. – Лично я не знаю, как дальше дело будет. И почему у Горбачева тяжелое положение? Было ли тяжелое положение у английского правительства, когда надо было освободить колонии Британской империи? Было ли тяжелое положение у Франции, когда надо было освободить Индокитай, а особенно Алжир? Конечно, у генерала де Голля была сложная задача, но он оказался в силах ее решить. Почему бы Михаилу Горбачеву не попытаться решить ее в том же духе? Может быть, он не в силах? Что ж, тогда жаль.

Дальше разговор пошел об интуиции в политике. Мой вопрос звучал так:

– Не подсказывает ли вам ваша интуиция политика, что вы потерпите неудачу на том пути, на который встали?

В тот момент в самом деле казалось, что попытка одной из республик вот так, любовым способом, обрести независимость, вырваться из лап хоть и несколько ослабевшей, но все еще достаточно могучей советской империи, скорее всего, окажется безнадежной.

Ответ Ландсбергиса опять-таки был выдержан в революционно-романтическом, жертвенно-романтическом духе (одна из статей, посвященных Ландсбергису, появившихся в те дни в зарубежной печати, называлась «Романтик, который хочет расщепить волос»):

– Я не считаю, что это самое важное, – потерплю ли я или мои друзья неудачу. Как вам кажется, декабристы потерпели неудачу?

– В каком-то смысле да.

– Да. И что же – не надо было делать то, что сделали они?

– Я спрашиваю не об этом – я спрашиваю, каков ваш прогноз.

– Я не прогнозирую, удачен или неудачен будет исход. Я просто вижу, что мы идем правильным путем, в правильном направлении. Действуем по-человечески, по разуму, по совести. У нас силы нет. Такой, которая ценится здесь, на Востоке Европы. Может быть, и во всем мире. Но у нас есть сила, которая вовсе не ценится здесь, на Востоке, а кое-где в мире ценится. Это сила убеждения и правды.

«Танки для нас – не аргумент»

Насколько далеко литовские бунтари готовы пойти в конфронтации с Центром?

– Для нас нет такого понятия – Центр, – говорит Ландсбергис.

– С Москвой, – уточняю я.

– Для нас Москва – это столица большого соседа, с которым мы хотели бы жить в дружбе и согласии, как добрые соседи. Но не как подчиненные, не как батраки у помещика.

– Может ли все-таки настать момент, когда вы будете готовы отказаться от ваших планов по отделению Литвы, как говорится, «дать задний ход»?

– Я не представляю себе, чтобы такое могло случиться.

– Но вот только что мимо этого здания прошли танки, много танков...

– Ну и что? Что они могут сделать? Это же нелепость! Ну да, нас могут снять, смять, но – это же не решение вопроса.

Под конец нашего разговора я все-таки еще раз прошу Ландсбергиса выступить в роли предсказателя. В состоянии ли он спрогнозировать дальнейшее развитие событий? Что будет с Литвой через полгода? Через год?

– Я думаю, – отвечает Ландсбергис, – что мы будем в состоянии переговоров с Советским Союзом. Будет достигнуто частичное решение вопросов, подлежащих решению. А может быть, и полное решение. Это будет зависеть от развития событий в Советском Союзе. И от мирового контекста, разумеется. Я думаю, окружающий мир вскоре убедится, что мы не вредим Горбачеву, а помогаем... Вообще-то Горбачев до сих пор умно вел дело. А сейчас его пытаются поставить в ложное положение. Именно в отношении Литвы. Михаил Горбачев – человек, очень достойный уважения. Но у нас

часто создавалось впечатление, что он возвышается над своим политическим окружением, а это окружение тянет его вниз...

* * *

Непринужденного, обстоятельного разговора у нас с Ландсбергисом так и не получилось. Может быть, сказалась общая усталость моего собеседника, может, – нервное напряжение, испытанное в эпизоде с «танками». Скорее же, надеяться на слишком подробный, раскованный разговор по поводу тех вопросов, которые я приготовил для Ландсбергиса, изначально не следовало. Для него тут нет предмета для обсуждения. Как считает Ландсбергис, обсуждать можно все что угодно, только не решения литовского Верховного Совета от 11 марта.

В общем эта напряженная ночь и этот нелегкий разговор на рассвете оставили у меня двойное впечатление: с одной стороны, возросло уважение к людям, твердо решившим встать на путь свободы, с другой – увеличилась тревога за успех самого важного тогда общего нашего дела – я имею в виду перестройку. Казалось, что в результате решительного и смелого шага, который сделала Литва, все может полететь в тартарары. Вся страна.

Катастрофа все ближе

Как вскоре убедится читатель, в этой книге речь в основном пойдет о важнейших политических событиях последнего периода существования СССР. Однако эти события происходили на фоне неотвратимого движения страны к экономической катастрофе. Это движение, наверное, решающим образом и предопределяло неизбежный развал страны.

Здесь и далее под рубрикой «Катастрофа все ближе» я буду цитировать документы, собранные в книге Егора Гайдара «Гибель империи» и наглядно иллюстрирующие неостановимое приближение экономического коллапса. Иногда цитируемые документы сопровождаются собственными комментариями Егора Тимуровича.

Итак, Егор Гайдар:

«К началу 1990 года тесная связь между состоянием бюджета, денежного обращения и положением на потребительском рынке, столь загадочная для руководства страны в середине 1980-х годов, уже очевидна. Председатель правления Госбанка СССР В. Герашенко пишет в Верховный Совет СССР (6 апреля 1990 года):

«Положение с удовлетворением спроса... на потребительском рынке остаётся крайне напряженным. В продаже недостаёт ряда продуктов питания, в первую очередь, продуктов животноводства, рыбы, кондитерских изделий, чая, картофеля, овощей, фруктов. Значительно повысились цены на сельскохозяйственные продукты на колхозных рынках...»

«Недостаёт продуктов питания...» Это значит – очереди, очереди, очереди... Очереди за всем. Люди спрашивают друг друга, где что «дают», где что «выбросили», опрометью бросаются туда, чтобы стать в хвост длинной-предлинной человеческой цепочки: авось, достанется то, что «выбросили». Хотя бы по полкило «в одни руки».

Электромагнитные волны, излучаемые этими все возрастающими мучениями простых людей, не могут не достигать и высоких кабинетов, усиливать напряжение, которым сопровождается сама по себе политическая борьба. Всем понятно, что если не решить насущные проблемы простых людей, не сделать их жизнь мало-мальски похожей на человеческую, будет – взрыв.

ПРИБАЛТИКА ГОВОРIT «ПРОЩАЙТЕ!»

Горбачев – президент

15 марта на внеочередном III Съезде народных депутатов СССР Горбачев был избран президентом страны. Собственно говоря, голосование прошло накануне вечером, 15 марта утром были лишь объявлены его результаты: из 1878 депутатов «за» проголосовали 1329 (70,76 процента), «против» – 495, остальные бюллетени были признаны недействительными.

Почему президента решили избирать на съезде, а не всенародным голосованием: казалось бы, второй способ придаст главе государства больше веса? Да и сомнений в том, что на всенародных выборах Горбачев тоже победит, не было. Однако Горбачев и его сторонники решили – и убедили других, – что в обстановке нарастающего кризиса, хаоса, непозволительно тратить время, силы, деньги на затяжной избирательный марафон.

Впрочем, склонить Съезд к такому решению оказалось нелегко. Большинство голосов в пользу такого варианта, полученное в итоге, после страстных выступлений ряда «прогорбачевских» депутатов, было не слишком убедительным.

В дальнейшем Горбачев, по-видимому, не раз жалел, что настоял именно на таком своем избрании. Рядом со всенародно избранным российским президентом Ельциным, другими республиканскими президентами он не мог не чувствовать себя до некоторой степени «ущербным», «не настоящим» президентом, даже если те, «настоящие», и не подчеркивали свое превосходство перед ним.

«Можно ли считать, что тут была допущена ошибка? – пишет в своих воспоминаниях бывший член Политбюро, один из ближайших соратников Горбачева Вадим Медведев. – Да, в контексте последующего развития событий было бы правильней иметь всенародно избранного президента СССР. Его власть была бы прочней, было бы значительно трудней развалить Союз...»

Ну да, конечно, в «боях местного значения» Горбачев чувствовал бы себя уверенней. Правда, выиграть главное, генеральное сражение – сохранить Союз нерушимый, – он и тогда вряд ли сумел бы. Тут действовали силы более сильные, чем соображения о том, кто как избирался.

Съезд «отменяет» независимость Литвы

15-го же марта III Съезд народных депутатов СССР объявил недействительным провозглашение Литвой независимости. В постановлении съезда говорилось, что такого рода вопросы можно будет решать лишь после того, как будет установлен законный порядок выхода республик из Союза.

Что тут сказать? Право союзной республики свободно выйти из СССР провозглашалось во всех Конституциях СССР – Конституции 1924 года, «сталинской» Конституции 1936-го и «брежневской» 1977-го. Но, как видим, первая же попытка реализовать это конституционное право натолкнулась на отсутствие «законного порядка» выхода. Сидите и ждите, когда этот порядок будет установлен.

Правда, порядок появился довольно скоро: уже 3 апреля был принят Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Однако прав был Ландсбергис, когда еще до его принятия, 24 марта, опираясь только на предварительную информацию, говорил мне: «Этот закон предусматривает такие условия, что никому и никогда по этому закону не выйти из Союза».

Забегая вперед, скажу: не только Литва – ни одна из республик, которые вскоре друг за другом будут заявлять о своей независимости, то есть о фактическом выходе из Союза, не будет с этим законом считаться.

Что делать со «смутьянами»?

22 марта московское начальство опять обсуждало ситуацию в Литве. На этот раз – на заседании Политбюро. Эпоха Политбюро заканчивалось: Горбачев стал президентом и, без сомнения, намеревался ограничивать «государственные» функции партии, тем паче, что только что, на том же III Съезде, была отменена шестая статья Конституции о руководящей роли КПСС. Однако он не желал делать это резко,

демонстративно. Помимо всего прочего, у Горбачева в тот момент здесь были особые мотивы: через месяц предстоял пленум ЦК, на котором, как ожидалось, партийные «ястребы» собирались дать ему «последний и решительный» бой. В этих обстоятельствах поддержка соратников по партийному Олимпу, конечно, была для него важна.

Горбачев сказал, что ситуация в Литве не упростилась, «там наращивают нажим». Дело дошло до того, что военкоматам не дают горючего. Кое-кто предлагает ввести в республике прямое президентское правление, но он, Горбачев, против: давление – это старая политика, это только усилит суматоху.

– У меня такое ощущение, – сказал Горбачев, – что нужно выбрать момент, чтобы завязать большой диалог... Если там открыто призывают к уходу из СССР, мы не можем уклониться от такой дискуссии, которая была бы на виду у всех, и надо ставить перед ними вопрос: а как вся республика относится к нашим призывам?.. Кризис разрастается. Мы продолжаем и будем продолжать действовать политическими методами.

– Как бы не потерять время, – недовольно пробормотал Егор Лигачев, ставший к тому времени главным «партийным» оппонентом генсека. Про себя он, возможно, еще и подумал: «Болтун! Ты дождешься со своими диалогами и дискуссиями, что страна развалится».

Лигачев – секретарь ЦК, второй человек в партии. Его слова все еще имеют вес.

Рыжков (председатель союзного правительства) предложил создать в Литве «параллельную власть» – «помните, как правительство Куусинена в Карелии во время войны?..»

Воротников (на тот момент – председатель президиума российского парламента) поддержал и Горбачева (надо вести дискуссии, общаться, посылать туда интеллигенцию), и Лигачева:

– Чем дальше будет происходить то, что происходит, тем труднее нам будет перейти к крутым мерам.

Однако Горбачев стоял на своем:

– Если не переговоры, то что? Надо втягивать их в дискуссии и в рамках Верховного Совета СССР. Вести дискуссии о Союзном договоре, о разграничении функций между Центром и республиками.

Впрочем, и он в принципе не исключил, что в Литве, возможно, придется ввести военное положение.

Тут я напомню, что грозный демонстративный ночной марш военной техники через Вильнюс произошел аккурат на следующий день после этого заседания высшего партийного органа, хоть и ослабевшего, но все еще достаточно сильного. Не думаю, что это было случайное совпадение.

Меж двумя берегами

Когда читаешь эту стенограмму, главное ощущение – растерянность участников заседания. Ну не привыкли коммунистические правители – даже правители как бы несколько обновленного, «перестроечного» типа – решать такие задачки какими-то мирными способами. Нет у них таковых в историческом арсенале – переговоры, уговоры, диалоги, компромиссы...

Да и могут ли они в такой ситуации дать результат? Горбачев ведь уже побывал в январе в Литве – в Вильнюсе и Шауляе, – провел там немало встреч, не только с руководителями, но и с простыми людьми. Рассказывал им, какие беды их ждут, если они отделятся, и какие широкие горизонты открываются перед ними, если останутся в Союзе: ведь идет перестройка, набирает обороты. Мобилизовал все свое красноречие. Результат – ноль. Глухая стена. Ничего им от Союза не нужно. Только – независимость.

Особенно его поразило, что даже интеллигенция не восприняла его доводы. Уж ей-то, казалось бы, нетрудно было понять, какие преимущества дает всем сохранение единого Союза. Но на вопрос, обращенный к залу – «Так что же, хотите уйти?», он и от интеллигенции услышал дружное и мощное «Да!»

Тогда Горбачев, кажется, впервые осознал: его красноречие не всесильно.

Так, может быть, все же вернуться к старым, испытанным методам? До сих пор у коммунистов был единственный способ, как реагировать на малейшее неповиновение, –

бросить войска, нанести сокрушительный удар, подавить, чтобы и голову не могли поднять. 1953 год – ГДР, 1956-й – Венгрия, 1968-й – Чехословакия... В самом Союзе, 1962 год новочеркасский расстрел... Да уже и в годы перестройки, апрель 1989-го – Тбилиси, январь 1990-го – Баку...

Все понятно, логично, эффективно. Однако с каждым разом применять силу становилось все трудней. Горбачев сам себе связал руки: перестройка, демократия, новое мышление... Либо ты держишься этих принципов и сохраняешь перед всем миром свой имидж демократа, реформатора, гуманиста, либо отказываешься от них и предстаешь в традиционном образе советского коммунистического диктатора...

Весь оставшийся ему срок он будет разрываться между этими двумя трудносовместимыми целями: сохранить Союз и – обойтись без насилия.

Горбачев взывает к литовскому народу и к депутатам

Несмотря на то, что в январе на призывы остаться в Союзе Горбачев получил от литовцев решительное «нет», он и не думал отпускать их на волю. Следуя своей установке, высказанной на Политбюро, втянуть их в более основательную дискуссию, Горбачев 1 апреля (наверное, не очень подходящий день) опубликовал в «Правде» два обращения – к Верховному Совету Литвы и к ее гражданам.

Как мы помним, Акт о восстановлении независимости Литвы был принят как раз ее Верховным Советом, однако Горбачев в обращении к нему как бы отделяет ВС от некоего «нынешнего литовского руководства» – надо полагать, подразумевая под ним Ландсбергиса и его соратников по «Саюдису». Именно на это руководство обрушивается с критикой:

«Нынешнее литовское руководство не внимлет голосу разума, продолжает игнорировать решение III внеочередного Съезда народных депутатов СССР, предпринимает в одностороннем порядке действия, идущие вразрез с Конституцией СССР и носящие откровенно вызывающий и оскорбительный для всего Союза характер».

«Оскорбительные для всего Союза» – это для кого? Для всех республик? Но все республики вроде бы не заявляли, что они оскорблены выходом Литвы из Союза. Более того, многие из них уже тогда только и ждали удобного момента, чтобы последовать ее

примеру. Так что этот горбачевский пассаж выглядел довольно комичным, вполне соответствовал Дню смеха, когда он появился в печати.

Ясно, что большинство литовских депутатов вовсе не отделяло себя от коварного и злонамеренного «нынешнего литовского руководства», а потому призыв Горбачева одуматься, сойти с губительного пути, незамедлительно отменить «принятые противоправные акты» не был услышан, повис в воздухе.

Во втором обращении Горбачева – к гражданам Литвы – уже не делалось различия между литовским «руководством» и парламентом республики, между ними ставился знак полного тождества:

«Решения Верховного Совета Литовской ССР от 11 марта с.г. года подвели нас к критической отметке. Предпринимаемые нынешним литовским руководством попытки в одночасье разорвать связи республики с Советским Союзом, избранная им тактика односторонних и ультимативных действий ставит под угрозу нормальную жизнь и безопасность всего населения республики – литовцев и нелитовцев – и вызывают большую тревогу в стране»

Вот опять – от имени всей страны. И далее снова – обвинения в адрес «литовского руководства»: дескать, его «безответственные и противоправные решения» «противопоставляют Литовскую ССР другим союзным республикам, Советскому Союзу в целом». Этаким хулиган и дебошир в дружной семье советских народов эта Литва. Точнее – ее «руководство».

Вот так Горбачев пытался втянуть Литву в диалог и дискуссию...

Диалоги, переговоры действительно были. В те месяцы в Москву приезжали и Ландсбергис, и Прунскене. Однако от своих намерений уйти на волю Литва в конечном итоге так и не отступила.

Литве объявлена блокада

Бывший пресс-секретарь Горбачева Андрей Грачев пишет в своих воспоминаниях, что за неделю до провозглашения Литвой независимости глава литовского парламента, лидер тамошних коммунистов Альгирдас Бразаускас пришел в кремлевский кабинет Горбачева. Заговорили, естественно, об исторической акции,

которую готовит литовское парламентское большинство, – уходе из Союза. Горбачев устало махнул рукой:

– Идите, куда хотите. Но вы же бедные, у вас ничего своего нет. Как вы будете жить без остального Союза, ведь придете с протянутой рукой!

Чтобы приблизить этот момент, – когда прибалтийская республика придет к нему с протянутой рукой, – Горбачев попытался организовать что-то вроде экономической блокады Литвы.

13 апреля президент и премьер, Рыжков, направили Верховному Совету и правительству Литвы письмо все с тем же требованием – отменить все решения, которые противоречат Конституции СССР. В противном случае, говорилось в письме, по отношению к Литве будут приняты экономические санкции. На следующий день письмо появилось в «Правде».

17 апреля Совет Министров принял постановление об этих самых санкциях. В частности, ограничивались поставки нефти и газа в республику.

Уже 18 апреля вечером прекратилась подача сырья на главный литовский нефтеперерабатывающий завод в Мажейкяе (через пять дней, израсходовав запасы нефти, он остановится).

На следующий день, 19 апреля, резко, на 85 процентов, урезали подачу природного газа в республику. Были отключены три газопровода из четырех.

В последующие дни список товаров, ввоз которых в Литву был запрещен, становился все шире и шире. Нельзя уже было ввозить целлюлозу, газетную бумагу, древесину, сырье для производства пластмасс, металлическую арматуру, растительное масло и другие пищевые продукты.

23 апреля цена канистры бензина в Литве подскочила до 25 рублей (при госцене – восемь рублей), 24 апреля – до 50 рублей.

25 апреля из-за нехватки горючего в Вильнюсе на 30 процентов было сокращено количество автобусов междугородных и пригородных маршрутов. Не на полную мощность стали работать десятки предприятий.

Налаживалась и блокада «с моря». Союзные власти заявили, что только они вправе решать, какие грузы могут быть пропущены через таможенную клайпедского порта.

Литва защищается

Московские санкции были восприняты в Литве вполне серьезно, хотя и без особой паники. Уже в день их введения, 17 апреля, вице-премьер Ромуальдас Озолас признал, что ограничения поставок нефти и газа создадут значительные трудности для литовской экономики – запасов сырой нефти и газа в республике хватит лишь на две недели, запасов бензина и дизельного топлива – на месяц.

19 апреля ситуацию, возникшую в связи с введением санкций, обсудило литовское правительство. Среди прочего, оно обратило внимание на то, что блокада Литвы ударит не только по самой Литве, но и по другим регионам, по экономике всего Союза. Так, в результате остановки завода в Мажейкяе Литва будет терять 600 тысяч рублей в день, в то время как СССР – два с половиной миллиона рублей. Сорок процентов электроэнергии, производимой на ТЭЦ в Электренае, уходит за пределы республики, однако теперь Литва будет вынуждена всю ее оставлять у себя (запасов мазута, на котором она работает – а он производится все в том же Мажейкяе, – хватит на месяц). Соседняя с Литвой Калининградская область обеспечивает себя электроэнергией только на двадцать процентов, остальные восемьдесят получает из Литвы или через Литву. В Литве действуют около ста предприятий союзного подчинения. Теперь республика будет не в состоянии обеспечить их энергией. По решению правительства, армейские части, дислоцированные на территории Литвы, отныне также не будут получать электроэнергию и топливо...

Стали приниматься меры, чтобы разорвать «нефтяную» блокаду. Вопреки Москве, было принято решение реконструировать Клайпедский порт, чтобы он был способен принимать нефть и нефтепродукты из-за рубежа.

Еще один защитный шаг, уже совместный с другими прибалтийскими республиками – правительства Литвы, Латвии и Эстонии подписали соглашение об экономическом сотрудничестве, в том числе – о создании Балтийского рынка. Предусматривалось также образование Финансового фонда балтийских республик. Среди его целей – оказание взаимной помощи при возникновении чрезвычайных обстоятельств. Такие обстоятельства в Литве как раз и возникли...

Петля затягивается

Ситуация, однако, становилась, все сложнее. И в речах некоторых литовских деятелей все же стали появляться панические нотки.

Альгирдас Бразаускас, ставший к этому времени еще одним вице-премьером Литвы, выступая 25 апреля в ее Верховном Совете, так описывал ситуацию:

– ... Сахар завозим, соль, маргарин, я говорю только о самых необходимых продуктах. Эти товары у нас есть на два месяца – на май и июнь. Более тяжелое положение с растительным маслом, которое нам практически перестала поставлять Украина. На вчерашний вечер уже не работало семь с половиной тысяч рабочих. В связи с нехваткой сырья без работы на 1 мая могут остаться 35 тысяч... В сельском хозяйстве уже тысячами простаивают тракторы и автомобили – не только из-за нехватки горючего, но и из-за отсутствия запчастей... И последнее – строительная индустрия. Вопрос стоит очень остро. Мы не получаем металлическую арматуру, и все запасы идут к концу. 1 мая начнется остановка домостроительных комбинатов. Я ни в коей мере не могу назвать эти действия ограничениями, это настоящая блокада по всем каналам...

Вспоминалась ли в этот момент Бразаускасу его мартовская беседа с Горбачевым, когда союзный президент предупредил его: «Придете с протянутой рукой!»

Москва не желает разговаривать со «смутьянами»

Предпринимала Литва и попытки «примирения» с Центром, каких-то переговоров с ним (разумеется, не имея в виду отказываться от главного – от независимости). Литовские депутаты попытались встретиться с членом Президентского совета Примаковым, который, как считалось, отвечал за выработку «литовской» политики Центра. Однако, по словам Ландсбергиса, этот демарш закончился «неуважительным с его (Примакова. – О.М.) стороны предложением посланникам возвращаться обратно в Литву и исполнять то, что велит Москва».

Что ж, это было вполне в духе видного представителя советской партноменклатуры.

Впрочем, другие ее представители тут мало чем отличались от Примакова. Председатель союзного Верховного Совета Лукьянов тоже не удостоил литовцев приемом.

Трудно все-таки отказаться от привычного пренебрежительного, начальственного отношения к тем, кто на советской иерархической лестнице стоял как бы ниже тебя, несмотря на все декларации о равенстве республик и наций. Это отношение складывалось годами.

Довольно высокомерно разговаривал с представителем Литвы – депутатом союзного Верховного Совета от этой республики – Ромасом Гудайтисом и премьер Николай Рыжков (беседа состоялась опять-таки 25 апреля). На высказанное собеседником предупреждение, что блокада может привести к дестабилизации всей обстановки в республике, Рыжков безапелляционно заявил:

– Извините, у вас никакой блокады нет. Если вы хотите знать, мы имеем огромное количество телеграмм, писем, резолюций митингов, собраний, и все требуют – почему Горбачев не введет президентское правление? Горбачев, политическое руководство все время, как говорится, себя держат, чтобы не идти на этот шаг. Неужели вы этого не цените? Неужели вы не понимаете, что нас начинает критиковать весь Союз за нашу нерешительность. А то, что вот блокада – не надо таких громких слов, никакой блокады нет. Мы прекратили поставку нефти, вот и всё... Когда нам говорят: мы жили, жить будем, все будет нормально, – мы сказали: хорошо, вот нефти не будет, и почувствуете, как одним жить. Вот вы сейчас почувствовали.

Литва, конечно, почувствовала, как жить без нефти и без многого другого необходимого, но сдаваться не собиралась. Теперь, на пятом году перестройки, высокопоставленные союзные чиновники уже были не единственными, с кем можно было вести переговоры. Литовцы стали налаживать прямые контакты с предприятиями Москвы, Ленинграда, других городов, договариваться о поставках всего, что им нужно.

И одновременно, в ответ на блокаду со стороны Центра, установили запрет на вывоз ряда товаров за пределы республики.

Они желали для Литвы «особого статуса»

Надеялся ли Горбачев и его окружение, что им удастся загнать Литву назад в Советский Союз? В окружении на этот счет бродили разные мысли. И уже пугала не столько Прибалтика, сколько и другие республики, прежде всего Россия. Помощник Горбачева Анатолий Черняев записал 22 апреля в своем дневнике:

«Думаю, не надо сопротивляться превращению СССР в союз государств, в конфедерацию. Тогда бы он (Горбачев. – О.М.) правил над ним. А так, если Россия выйдет из его подчинения, как управлять остальной страной? Тут надвигается большой просчет. Скорей бы закрыть литовскую закавыку – по особому статусу для всей Прибалтики в Союзе. Конечно, и остальные захотят такого статуса. Назарбаев уже бьет копытом, не говоря уж об Армении, Грузии, Азербайджане. Ну и что? Неизбежное не отвратить...

Литва – самая болевая для него (М. С.) точка. Она – в экономической блокаде. А «восстания», которого он ждет против Ландсбергиса и Прунскене, все нет и нет. Нет у него политики в отношении Литвы, а есть одна державная идеология: не допустить распад империи».

Собственно говоря, какая тут могла быть политика? Ну, не хотят люди жить в «дружной семье советских народов»! До сих пор в арсенале советских правителей на случай неповиновения было одно средство – оружие. Блокада – это что-то новое, ранее вроде бы «против своих» столь широко не применявшееся. Когда ее затевали, думаю, ни у кого из советских правителей не было уверенности, что это средство окажется эффективным, приведет к нужному результату. О блокаде имели представление только по военному опыту, по опыту Ленинграда. Но даже и та, несопоставимо более жестокая блокада не сломила людей...

Впрочем, наверное, думали, если блокада не поможет, всегда есть возможность прибегнуть к последнему средству – к тому самому, которым пригрозили в марте. Это-то средство – автоматы, танки – всегда остается в запасе.

Да и вообще его вполне можно было использовать одновременно с блокадой, до поры – как вспомогательное.

Блокада сплотила жителей Литвы

Никаких признаков «восстания» против Ландсбергиса и Прунскене в Литве действительно не наблюдалось, хотя благодаря блокаде жизнь сделалась тяжелой. Главный просчет устроителей блокады заключался в том, что большинство жителей республики она настроила не против вильнюсских, а против московских властей.

– Эти меры для сплочения Литвы неоценимы, – говорил спустя неделю после начала блокады уже упоминавшийся Ромуальдас Озолас. – Они помогут людям самоопределиться до конца – и не только идеологически. Никто, даже сами литовцы, не понимали, сколь глубоко сидел Советский Союз в нашей жизни, сколь велика была доля того, что можно определить как «советское». Теперь мы видим очень конкретно: железная дорога – не наша, здания, которые мы сами строили, – не наши, даже клайпедский порт вроде бы не наш. Люди видят, что значит «советское» в самом конкретном смысле. И отчуждение от этого происходит по инициативе самого Советского Союза. Не учли они там этого...

И еще в одном отношении блокада принесла пользу Литве. Озолас:

– Для нас блокада является мерой, вынуждающей к переориентации хозяйства. Мы десятилетиями шли бы к этому без блокады, в теперь мы должны что-то сделать уже через месяц.

Благодаря блокаде экономические реформы в Литве пришлось проводить более энергично, чем до нее.

Ну вот, на этот счет есть пословица: не было бы счастья, да несчастье помогло.

Миттеран и Коль предлагают формулу компромисса

Без сомнения, свое весомое, – хотя, конечно, не решающее, – слово относительно событий в Прибалтике мог бы сказать Запад. Он довольно осторожно относился к этим событиям, не торопясь твердо заявить о поддержке какой-то одной из сторон, подталкивая обе стороны к компромиссу. 26 апреля Миттеран и Коль обратились к Ландсбергису с письмом, в котором призывали к скорейшему началу переговоров, к проявлению благоразумия при решении возникших проблем, предлагали формулу возможного компромисса: парламент Литвы должен «приостановить на время» ряд своих решений, при этом они «никак не утратят своего значения, поскольку опираются

на общепризнанный принцип самоопределения народов» (впрочем, Ландсбергис, по его словам, интерпретировал это как призыв «приостановить НЕ САМИ РЕШЕНИЯ, НО ЛИШЬ ИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ»).

Горбачева в тот момент не устраивало ни приостановление литовских решений, ни временный отказ от их реализации, он требовал одного — чтобы Литва ОТМЕНИЛА Акт о восстановлении независимости, вернулась к ситуации 10 марта. Литва же, — прежде всего Ландсбергис, — слышать об этом не хотела.

Тем не менее, письмо Миттерана и Коля в дальнейшем, хотя и на время, оказало своё примирительное действие...

Вместо пятнадцати сделать тридцать пять!

Чтобы предотвратить эпидемию разбегания республик, Горбачев предпринял некий довольно хитроумный ход. 26 апреля был принят закон «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации». Как следует из названия, его авторы вроде бы прежде всего были озабочены тем, чтобы четко прописать, чем должен заниматься Центр, а чем — республики, составляющие Союз. Однако в действительности главной целью законодателей было — уравнять в правах союзные и автономные республики. В Конституции СССР было четко прописано различие между ними: союзная республика — суверенное государство, которое объединилось с другими союзными республиками в Союз ССР; иными словами, субъект федерации — это именно союзная республика; об автономной же республике сказано, что она всего-навсего «находится в составе союзной республики», то есть субъектом федерации не является. Новый же закон поднимал статус автономной республики до уровня этого самого субъекта. В результате вместо пятнадцати республик «высшего сорта» в составе Союза оказывалось уже тридцать пять.

Правда, при этом между союзными и автономными республиками оставались кое-какие различия: за союзной республикой сохранялось формальное право выхода из Союза, автономная такого права не имела; союзная республика могла вступать в отношения с иностранными государствами, — заключать с ними договора, обмениваться посольствами и т.д., у автономной республики такой возможности опять-таки не было...

Для чего понадобился этот закон? По-видимому, уже достаточно отчетливо чувствуя все усиливающиеся центробежные, сепаратистские настроения союзных республик, Горбачев не хотел оставаться с ними «один на один» в решении судеб Союза. Теперь, после принятия этого закона, круг людей, имеющих право участвовать в обсуждении этих судеб, значительно расширился. По логике вещей, далеко не все «автономисты» должны были столь же неудержимо рваться из Союза, как лидеры союзных республик: по здравому рассуждению, рассчитывать на самостоятельное существование вне «великой державы» мало кто из них мог. Такие люди должны были стать союзниками Горбачева. Это первое. Второе – статус субъекта федерации фактически выводил российские автономные республики из состава РСФСР, то есть резко ослаблял этого главного оппонента союзного Центра.

Вряд ли, однако, принятие этого закона послужило укреплению Союза, на что, по-видимому, надеялся Горбачев. Последующие события показали, что он скорее оказал противоположное действие.

Блокада плюс солдаты

Вернемся, однако, к событиям в Прибалтике. В дополнение к экономической блокаде Москва постоянно использовала силовое «подавление» и разнообразные «акции протеста» местных сторонников компартии и Советского Союза. Соответственно, возникало и противодействие этому давлению, росла напряженность, грозя перехлестнуть через край. Вот как описывал «Коммерсант-weekly» то, что происходило в литовской столице 9 мая, в традиционный советский День Победы:

«С утра проспект Гедиминаса в Вильнюсе был целиком заблокирован. Через каждые сто метров поперек проспекта стояли тяжелые военные грузовики, окруженные цепью вооруженных десантников... В 10 часов начался марш военной техники. Часть публики бросала военным цветы, но литовские «афганцы» швыряли свои медали под колеса бронетранспортеров. Группа молодежи развернула транспарант с надписью «Красная Армия, go home!» и начала скандировать «Литва!» и «Позор!» Тогда, по сообщениям местных наблюдателей, десантники стали заталкивать скандирующих прикладами автоматов вглубь площади. После военной техники по проспекту прошли

ветераны второй мировой войны и члены Комитета советских граждан в Литве. Они пели «Катюшу», выкрикивали «Фашисты! Фашисты! Долой литовцев!»

Приравнивание литовцев к фашистам – это уж было как-то совсем нехорошо. Как эти крикуны собирались дальше с литовцами жить, независимо от исхода событий?

Литовский союз ветеранов войны в Афганистане выступил с обращением к солдатам и офицерам Советской Армии.

«Великодержавная империя, – говорилось в обращении, – рухнет на наших глазах... Вашими руками... безответственные политики и командиры хотят применением угроз и грубой силы повернуть колесо истории вспять. Их цель – спровоцировать кровавую резню... Мы, ветераны афганской войны, вынесли на своей совести, оплатили своей кровью подобные интриги партократического аппарата... Одумайтесь! Не принимайте участия в кровавых спектаклях, сценарии которых написаны не вами! За очередную «политическую ошибку» заплатят вашей кровью, вашими жизнями!»

Прунскене развивает бурную деятельность

В этот момент на первые роли, несколько потеснив «негибкого», «неконструктивного», как некоторые считали, председателя литовского парламента Витаутаса Ландсбергиса, вышла премьер-министр Казимера Прунскене, проявившая значительно большую гибкость и дипломатическую изобретательность. В попытке обрести поддержку Запада она посетила ряд европейских стран – Великобританию, Францию, ФРГ, – где встретила с главами этих государств.

Отправилась и в США. Накануне ее приезда американский сенат принял резолюцию с призывом к администрации не заключать торгового соглашения с СССР, пока не будет снята экономическая блокада Литвы.

Приехала Прунскене также в Москву. 17 мая она встретила здесь с Горбачевым и Рыжковым. Это была первая встреча литовского и советских руководителей высшего уровня после 11 марта. Прунскене предложила Горбачеву и Рыжкову компромисс: Литва готова приостановить законы и постановления, вытекающие из Акта о восстановлении независимости и затрагивающие какие-то интересы СССР, – то есть сделать примерно то, что предлагали Миттеран и Коль

(впрочем, в тот момент это была «самодеятельность» Прунскене: парламент Литвы не уполномочивал ее делать такие заявления). Однако собеседники Прунскене отклонили это компромиссное предложение. Они настаивали, чтобы был отменен сам Акт и пригрозили ужесточить санкции против Литвы.

После беседы с Горбачевым и Рыжковым Прунскене отправилась в посольство США, где встретила с американским госсекретарем Джорджем Бейкером (он как раз находился в этот момент в Москве – готовил встречу Буша и Горбачева). Возможно, надеялась, что этот визит как-то подействует на московских начальников сделает их более сговорчивыми, если и не в этот ее приезд, то хотя бы в дальнейшем.

Кстати, к этому времени была уже известна и позиция Буша по литовскому вопросу: незадолго перед этим он заявил, что события в Прибалтике вызывают напряженность в американско-советских отношениях и что они могут стать главной темой на его переговорах с Горбачевым.

Хотя в Москве, как мы видели, Прунскене и не добилась успеха, все же ей удалось до некоторой степени изменить взгляд Запада на происходящее в Литве. Как отмечала пресса, если раньше западные политики, стараясь не навредить своему другу Горбачеву, упрекали Ландсбергиса в неконструктивной политике, в нежелании договариваться с Москвой, то теперь стали больше говорить о неприемлемых действиях Москвы. И уже одно это можно было отнести к достижениям литовского премьер-министра.

Останавливаются электростанции, перестают работать котельные

Между тем, блокада продолжала оказывать свое разрушительное действие на жизнь Литвы. Из хроники тех дней:

29 мая остановились все электростанции Литвы, работающие на мазуте. На Игналинской АЭС работает лишь один из двух генераторов второго блока. Ограничения в подаче энергии коснулись всех предприятий республики, на которых занято около двести тысяч человек. Из них около сорока тысяч полностью лишаются работы.

30 мая в Литве перестали работать все котельные. Правительство рассматривает вопрос о переводе городского транспорта на сжиженный газ...

Вслед за Литвой – Эстония

Вслед за Литвой к независимости устремилась Эстония. 30 марта эстонский Верховный Совет объявил о своем намерении начать процесс восстановления государственной независимости республики. В этот же день он принял постановление «О государственном статусе Эстонии». Оно было более мягким, нежели литовский Акт о восстановлении независимости. Хотя в нем и говорилось, что Эстония до сих пор является оккупированной территорией, однако сразу же независимость не провозглашалось. Лишь объявлялось вновь, что начинается переходный период, период воссоздания независимости, которая должна быть достигнута через переговоры с Москвой.

Этот, более скромный, чем в Литве, шаг к независимости вызвал тем не менее довольно резкую реакцию русскоязычного населения республики, в первую очередь, там, где это население составляло большинство – в Кохтла-Ярве, Нарве, Силламяэ. Кое-где местные власти просто заявили, что не признают постановление республиканского парламента.

Эстонские средства массовой информации сообщили, что 4 апреля Горбачев в телефонном разговоре с председателем эстонского парламента Арнольдом Рюйтелем потребовал, чтобы постановление «О государственном статусе Эстонии» было отменено, заявил, что это неперемное условие для начала каких-либо переговоров и консультаций. То есть занял ту же позицию, что и в отношении Литвы.

Однако отмены постановления не случилось. Эстонцы хоть и «мягко стелили» – мягче, чем литовцы, – но Москве и в данном случае было «жестко спать».

«Попытка государственного переворота» в Таллине

Повсюду в Прибалтике движение к независимости наталкивалось на ожесточенное сопротивление. Драматические события произошли в Таллине 15 мая. Вот как описывал их еженедельник «Коммерсант-weekly»:

«В этот день противники эстонской независимости предприняли «осаду» здания Верховного Совета республики. В 16-00 перед зданием начался митинг. Тысячи людей заполнили площадь Лосси (Дворцовую). Инициаторы митинга – рабочие заводов союзного подчинения. Представители русскоязычной части населения Таллина требовали отмены постановления ВС от 8 мая «О государственной символике» и отставки руководителей республики. «Принятые ВС Эстонии решения – это настоящий государственный переворот...» – звучало на площади. Около 17–00 представители митингующих направились в здание, чтобы передать принятую на митинге резолюцию председателю ВС Эстонской Республики Арнольду Рюйтелю, но дубовая дверь была заперта. Стали звучать требования вновь водрузить на здании красный флаг. Электросварщик объединения «Эстрыбпром» Николай Журавлев вскарабкался наверх и закрепил красный флаг Эстонской ССР рядом с трехцветным. Через несколько минут красный флаг сняли изнутри здания. Собравшиеся потребовали, чтобы флаг был водружен обратно, а руководители республики вышли к народу. Толпа стала напирать на большие чугунные ворота. Около 18-00 ворота удалось открыть. Несколько сот человек хлынуло во внутренний дворик, опрокинув милицейский заслон... Стали скандировать: «Рюитель, выходи!» Но Рюитель не вышел.

В 18-45 глава правительства Эдгар Сависаар выступил по республиканскому радио. «Люди Эстонии! – сказал он. – Представители Интердвижения и Объединенного совета трудовых коллективов атакуют здание Верховного Совета... Происходит попытка переворота... Повторяю – нас атакуют...» Восприняв это как клич «Республика в опасности!», тысячи эстонцев поспешили на Тоомпеа, чтобы защитить свое правительство.

В ответ на вопрос, почему премьер Сависаар обратился к народу, а не вызвал дополнительные подразделения милиции, мне пояснили в Эстонском телеграфном агентстве: «Народу доверяют больше». Большинство сотрудников таллинской милиции – русские.

Около 19 часов панику на площади произвел микроавтобус, врезавшийся в толпу. Несколько человек получили легкие травмы. «Рафик» приподняли и встряхнули, а шофер едва избежал побоев...

В начале восьмого участники штурма вышли из внутреннего дворика Верховного Совета. «Пьяные хулиганы!.. Экстремисты!.. Вон из республики!» – так встретили их эстонцы. Однако столкновения не произошло. Колонна под красным флагом проследовала прочь, в сторону памятника Ленину.

В 19-45 Арнольд Рюйтель, Эдгар Сависаар и другие члены правительства выступили перед пришедшими на их защиту людьми со словами благодарности.

Поздно вечером члены «Кайтселита» (руководимых Народным фронтом отрядов самообороны) взяли под охрану здание ВС, правительственные учреждения, почту, радио и т. д. Круглосуточно охраняется Дом печати.

16 мая с 14-00 в помещении Госплана республики началась запись в отряды самообороны, организуемые правительством...

В политических кругах Эстонии особую настороженность вызывает одновременность эксцессов в Риге и Таллине. «Народные революции», свергнувшие буржуазный строй в балтийских странах, по странному совпадению тоже произошли в один день – 21 июля 1940 года».

В апреле «министр без портфеля» Эндель Лигшмаа был принят Михаилом Горбачевым. Услышанное от президента он передал так: «Вот когда у вас начнутся межнациональные столкновения и будет введено президентское правление, тогда вы узнаете, что такое «находиться в оккупации».

Похоже, то, что происходило в эти дни на улицах Таллина, московские власти и готовы были рассматривать как «межнациональные столкновения». Дескать, только их начало. Вот когда полыхнет по-настоящему, тогда увидите...

Ссылаться на «межнациональные столкновения» было очень удобно: как известно, в Прибалтике проживало довольно много «некоренного» народа. Как можно интенсивнее разбавлять «коренное» население «некоренным» всегда было одной из первых забот Москвы. Это считалось едва ли не главным способом удержания прибалтийских республик в советской орбите. Вот только вопрос – достаточно ли «разбавили»? Местное население, местные руководители прекрасно понимали тактику московских начальников, как могли, противодействовали ей. Понимали, что когда-нибудь настанет час, когда соотношение «национальных сил» сыграет решающую роль.

Что касается угрозы ввести в республиках Прибалтики президентское правление, эта угроза будет долго раздаваться то с большей, то с меньшей силой, будучи нацеленной на Вильнюс, на Таллин, на Ригу. И обоснование, зачем его надо ввести, – чтобы утихомирить «межнациональные столкновения», – всегда будет под рукой.

Забастовку останавливает... Горбачев

На описанных событиях сопротивление прибалтийских сторонников Советского Союза, естественно, не кончилось. 21 мая забастовал ряд предприятий Эстонии. Требование то же – отменить «сепаратистские» постановления республиканских властей. Семнадцать предприятий бастовало в Таллине, одно – в Тарту и одно – в Пярну. На следующий день к бастующим присоединились шесть предприятий в Кохтла-Ярве. 23 мая число бастующих предприятий выросло до тридцати.

Организаторы забастовки рассчитывали, что к ним присоединятся единомышленники в двух других прибалтийских республиках. Однако этого не произошло. В отличие от Эстонии, в Латвии было немного предприятий, где среди работников преобладали русскоязычные (а именно они, естественно, выступали против выхода из Союза). Тут борцы за сохранение советского статус-кво недосмотрели. В Литве же из-за блокады предприятия и так стояли, без всяких забастовок.

Что удивительно, забастовка в Эстонии была приостановлена... по призыву Горбачева. Вечером 22 мая один из лидеров эстонских «федералистов» (сторонников «союзной принадлежности» республики) получил телеграмму из Кремля:

«Отмечая вашу сплоченность, последовательные действия по защите советской федерации, президент СССР в то же время считает целесообразным приостановить забастовку ввиду сложной политической обстановки, тяжелого экономического положения, сложившегося в стране.

По поручению президента СССР председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов».

В общем-то, на первый взгляд, позиция Горбачева представляется странной: вроде бы забастовщики добиваются того же самого, что и он сам. Однако дело, по-

видимому, было в том, что ряд бастующих предприятий принадлежал союзным министерствам, так что забастовка наносила ущерб не столько Эстонии, сколько Союзу.

В Эстонии тоже опасаются блокады

Для простых жителей Эстонии провозглашение независимости принесло новые проблемы и новые тревоги. Как всегда в подобных случаях, с прилавков исчезли соль, спички, мука, крупа, макароны... Одни это связывали с ожиданием блокады – такой же, как в Литве, другие – с планируемым введением собственной республиканской валюты – эстонской кроны. Покупатели спешили избавиться от советских рублей, создавая ажиотаж, продавцы старались придержать товар, усугубляя дефицит.

И здесь, как в Литве, люди оказались перед выбором: терпеть ли эти дополнительные лишения (а лишений и до этого было достаточно) ради забрезжившей наконец свободы и независимости своей республики, либо же проявить покорность и вернуться «в братскую семью советских народов» (а за проявления покорности Москва, без сомнения, постаралась бы их как-то вознаградить – дополнительными поставками товаров, продовольствия; где-нибудь наскребли бы, у кого-нибудь умыкнули).

Большинство выбрало свободу. Впрочем, у большинства, полагаю, и никаких колебаний тут не было.

Вслед за Литвой и Эстонией – Латвия

4 мая наступила очередь Латвии. В этот день ее Верховный Совет принял Декларацию «О восстановлении независимости Латвийской республики».

Здесь все покатило в общем-то по той же колее, что в Литве и Эстонии. Как Литва и Эстония, Латвия предложила Москве переговоры. Однако Горбачев сразу же заявил, что без восстановления статуса Латвийской ССР, существовавшего до 4 мая, ни о каких переговорах не может быть и речи; если же в республике будет игнорироваться Конституция СССР, он, Горбачев, оставляет за собой право на ответные меры.

Впрочем, это заявление Горбачев сделал в телефонном разговоре с лидером литовских коммунистов «на платформе КПСС» Рубиксом (о чем тот сообщил парламенту 5 мая). На это глава парламента Анатолий Горбунов хладнокровно заметил,

что «пересказ телефонного разговора двух партийных секретарей не является официальным заявлением». Выступая 6 мая по телевидению, Анатолий Горбунов подтвердил:

– Декларация (о восстановлении независимости. – **О.М.**) не закрывает двери ни для диалога в республике, ни для диалога в Москве.

Тем не менее, и Латвия стала готовиться к худшему варианту развития событий. Проще говоря, – к блокаде по литовскому сценарию.

7 мая на пост премьер-министра парламент назначил Ивара Годманиса. В своей программной речи он заявил, что основным ориентиром в работе правительства должна стать модель «финляндизации» республики. Годманис сказал также, что его правительство намерено всячески развивать экономические связи с союзными республиками, «горизонтальные» связи», как тогда говорили. Но и «вертикальные» контакты – контакты с союзным Центром – он, Годманис, сразу порывать не намерен.

– Если нам удастся все-таки поддерживать паритетные отношения с Москвой, – сказал Годманис, – то необходимо решить вопрос о величине отчислений в союзный бюджет. Москва требует более миллиарда рублей, наше правительство согласно на семьсот миллионов и только в том случае, если будет ясно указано, где эти деньги будут использованы...

По словам Годманиса, Москва фактически уже начала экономическую блокаду Латвии. Принято решение, согласно которому республиканский Сбербанк присоединяется к Госбанку СССР. В Москве закрывают корреспондентские счета Латвийского Сбербанка, – это значит, что накопления жителей Латвии – три с половиной миллиарда рублей – уже не находятся в распоряжении республики...

(После этого сообщения люди в панике бросились изымать свои вклады. Правление Латвийского Сбербанка тут же объявило, что размер изымаемых сумм может быть ограничен, – это усилило панику).

Годманис сказал также, что в ближайшее время на границе республики будет установлен таможенный контроль и налажена защита внутреннего рынка. (Скажу от себя: прибалтийским таможенникам придется выдержать немало тяжелых испытаний).

Началось создание резервов на случай блокады. 8 мая было объявлено, что с лета в Латвии будет введена карточная система, с 15 мая для некоторых продовольственных товаров (соли, муки, макарон, крупы) предполагается установить предельные нормы продажи. По расчетам, запасов муки (не считая зерна) Латвии должно было хватить на три месяца.

В Риге – то же, что в Вильнюсе и Таллине

В латвийской столице, так же, как в столицах Литвы и Эстонии, май проходил в тревоге.

9 мая военный парад в честь Дня Победы в Риге еще прошел без эксцессов. Однако уже 14 мая военные – члены Организации армейской общественности за социальную справедливость – организовали пикеты у здания Верховного Совета. Военные вертолеты разбрасывали над Ригой листовки Интерфронта. Текст: «Товарищи! Встанем на защиту Советской власти в Латвии... От слов пора переходить к делу... 15 мая 1990 года в 10 часов останавливайте фабрики и заводы, выходите на улицы Риги. Все вместе мы пойдём к зданию Верховного Совета... Пусть горстка предателей и авантюристов, решающих за нас, услышит голос трудового народа...»

(Точно так же спустя несколько дней военные вертолеты и над Вильнюсом станут разбрасывать листовки с призывами «Долой правительство сепаратистов! Да здравствует Советская Литва!»)

Намеченные на 15 мая переговоры латвийских руководителей с представителями Центра Москва отложила «по техническим причинам» (и здесь началось).

Адресованное Кремлю предложение сената США начать переговоры с представителями Латвийской Республики было оставлено без ответа – дескать, не вмешивайтесь не в свое дело.

В этот день, 14 мая, Горбачев подписал два указа, – объявляющие недействительными с момента принятия постановление Верховного Совета Эстонии «О государственном статусе Эстонии» и Декларацию Верховного Совета Латвии «О восстановлении независимости Латвийской Республики».

15 мая, в тот же день, когда сторонники эстонского Интердвижения штурмовали здание республиканского Верховного Совета в Таллине, курсанты военных училищ Риги, офицеры Советской Армии и сторонники местного Интерфронта попытались штурмом взять Верховный Совет Латвии, но были рассеяны милицией.

Чувствуя, куда дело клонится, все больше стали тревожиться на Западе. Британский министр иностранных дел Дуглас Хэрд заявил, что, если Москва применит военную силу в Прибалтике, «пострадают контакты» между СССР и его страной.

Не думаю, что и это заявление возымело какое-то действие.

Возврат в тридцатые

Стараясь выдержать давление Москвы, три прибалтийские республики действовали все более скоординировано. 12 мая на встрече председателей их парламентов было возобновлено действие документа с весьма непривычным уже для слуха названием – «Декларация о единодушии и сотрудничестве Латвийской Республики, Литовской Республики и Эстонской Республики». Декларация была подписана в Женеве 12 сентября 1934 года. И вот – восстанавливалась. Это был символический акт, говорящий о том, что между тридцатыми годами и текущими, девяностыми, в значительной мере сохраняется преемственность. Ее не может устранить тот временной провал, который последовал за вступлением советских войск на территорию Прибалтики.

Были приняты также обращения к президентам СССР и США и совместное заявление об участии в Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. Республики Балтии делали заявку на самостоятельное и равноправное участие в международных делах, стремясь тем самым утвердиться в своей независимости.

Ловушка для прибалтийских лидеров

Возможность встречи главных балтийских «смутьянов» с Горбачевым забрезжила в июне. Горбачев решил устроить им что-то вроде ловушки: пригласил 12 июня на заседание Совета Федерации, после которого пообещал поговорить с троими прибалтийскими лидерами отдельно. Ловушка заключалась в том, что если бы эта троица явилась на упомянутое заседание, то всему миру было бы продемонстрировано: видите, «блудные сыновья» одумались и вернулись в лоно советской «семьи единой». Понимая эту опасность, поразмыслив, прибалты все же решили навестить в Москву. Как вспоминал потом Ландсбергис, отвергать приглашение Горбачева не следовало, поскольку это была первая представившаяся им реальная возможность встретиться с ним (до этого он не желал с ними разговаривать, ставя непременно предварительное условие – отмену актов и деклараций о независимости). Решив поехать в Москву, три прибалтийских лидера договорились, однако, что в зале заседаний они будут лишь «присутствовать», не принимать участия в обсуждении, в общем вести себя как наблюдатели.

Тем не менее Горбачев довольно ловко втянул их в дискуссии, задавая им вопросы о Союзном договоре, о будущем Союза. Ничего хорошего, правда, он не услышал. Лидеры прибалтийских республик дружно отвечали, что они не желают вмешиваться «во внутренние дела Советского Союза». При этом Ландсбергис даже демонстративно остался сидеть, отвечая на вопросы президента, – дескать, он говорит с Горбачевым, «как равный с равным». Другие участники заседания почтительно вставали.

Весьма остро прореагировал Горбачев на произнесенное Ландсбергисом слово «блокада» – «блокада Литвы»:

– Блокада? Какая блокада? Вы должны осторожнее выбирать слова!

К слову «блокада» в Москве старались не прибегать, обходясь благопристойными эвфемизмами – «переход к рыночным ценам», «принятие экономических мер», «частичные ограничения» и т.п.

Слово, что и говорить, неприятное, однако как без него обойтись? Это слово, против которого наигранно протестовал Горбачев, употребляли не только прибалты: Казахстан, Молдавия, Белоруссия, Грузия высказались на заседании именно против блокады, видимо, опасаясь, что эти «рыночные экономические меры» Москва в случае чего может применить и против них.

«Дебаты, целью которых было осуждение Литвы, – вспоминает Ландсбергис, – превратились в укор Кремлю и завершились общим выводом, что блокада Литвы должна быть прекращена. Тут Горбачев промолчал».

После заседания Горбачев, хоть и с неохотой, как бы забыв о своем обещании, все же вынужден был отдельно поговорить с лидерами прибалтийских республик (те-то как раз только и ехали в Москву ради этого разговора).

В статусе этих республик тогда были некоторые различия: Литва, как мы знаем, уже объявила себя независимым государством, принимала самостоятельные решения и за это была наказана блокадой. Эстония и Латвия заявили лишь о «периоде перехода к независимости». Председатель латвийского парламента Горбунов на заседании Совета Федерации сказал даже, что возможна «приостановка осуществления» Декларации о независимости Латвии, – если будут даны гарантии, что латвийский парламент не будет разогнан.

Так что самым «крепким орешком» для Москвы была, конечно, Литва. Ландсбергис упрямо твердил, что решение от 11 марта окончательное, что «ультиматумами и блокадой ничего достичь не удастся, что времена военных и экономических кар закончились». Предложил перейти к нормальным переговорам.

Горбачев так же упрямо повторял, что литовскую независимость никто не признаёт. Присутствовавший при разговоре председатель правительства Рыжков спрашивал, что Литва собирается делать, если Москва потребует от нее оплачивать поставки нефти и газа по мировым ценам, да еще в валюте?

Горбачев и Рыжков доказывали, что они ничего не могут сделать, что они должны выполнять постановления III Съезда народных депутатов СССР об отмене литовского Акта от 11 марта и что уступить должна Литва. Блокада, или, как они выражались, «временные ограничения» будут немедленно отменены, как только литовский парламент аннулирует упомянутый Акт.

«В этих требованиях не было ничего нового, – пишет Ландсбергис, – повторялся один и тот же мотив. Однако тон разговора уже был иным. Хотя мы не пришли ни к какому решению, дискуссия проходила во вполне конституционной атмосфере. Косвенное давление ощущалось, однако не было прямой агрессии, бессмысленных филиппик и, главное, грубых угроз. К концу разговора мы пришли к общему выводу, что надо найти формулу, которая бы открыла путь для дальнейшего диалога».

И далее:

«Хотя я не смог привезти в Литву весть об окончании блокады, поездка не была безрезультатной. Сам факт, что наконец-то состоялась встреча с Горбачевым, не только поднял настроение людей, но и подпортил кровь местной оппозиции... Атмосфера в Вильнюсе немного разрядилась».

Так что хитроумная ловушка Горбачева не сработала. Прибалтийские лидеры ловко вывернулись из нее. Но до полного обретения независимости их республиками было еще ох как далеко.

Горбачев требует уже не отмены литовского Акта, но хотя бы моратория

Горбачева поджимал приближающийся XXVIII съезд КПСС. Ему надо было представить партийной номенклатуре, если и не решение балтийской проблемы, то хотя бы видимость такого решения.

Спустя две недели, 26 июня, он пригласил Ландсбергиса в Москву для очередного разговора. Снова началась упорная пикировка: «Вы должны!» – «Нет, мы не можем!»...

На этот раз разговор свелся к обсуждению проблемы «ответственности перед избирателями». Ландсбергис пытался объяснить Горбачеву, что отказ от независимости Литвы для него и других руководителей республики будет означать предательство по отношению к литовским избирателям. Горбачев же, как вспоминает Ландсбергис, поучал его, каким образом отказаться от «отделения» Литвы и при этом «сохранить лицо» перед избирателями.

Ландсбергис:

«У литовских депутатов есть проблемы, – излагал понятливый товарищ. – Они не знают, как объясниться с избирателями, не теряя лица». Он, Горбачев, поможет нам придумать объяснения и оправдания. Говоря об этих мнимых проблемах, он подсовывал нам то один, то другой способ действий... По-видимому, у него имелся целый сборник подобных способов, подготовленный советниками. Я слушал его, и мне вдруг стало ясно, что Горбачев и Лукьянов не притворяются, а действительно не понимают, почему демократически избранный депутат обязан выполнить данные избирателям обещания. Подобная мысль была ему совершенно чужда. Установка тоталитарной власти осталась той же самой: власть всё решает сама, не обращая внимания на обязательства и обещания. У них в запасе много искусно подобранных слов и фраз, которыми можно бесконечно душить людей».

В конце встречи Горбачев пожелал Ландсбергису найти «правовой способ» вернуться к состоянию 10 марта – без этого невозможны никакие переговоры.

Тут, в этой пикировке, по крайней мере как излагает ее Ландсбергис, хорошо видна разница между европейским мышлением, которое литовский политик сумел сохранить и в советские годы, и глубоко укоренившимся даже в лучших представителях советской коммунистической «элиты» мышлением византийским.

В Вильнюс Ландсбергис возвращался, по его словам, «в некотором разочаровании». Прежние встречи, его и Казимеры Прунскене, с московскими деятелями вроде бы «давали надежду, что дело идет к переговорам». Но последний разговор выглядел как шаг назад.

Однако на следующий день произошло неожиданное событие: Прунскене сообщила Ландсбергису, что Горбачев хочет встретиться с ними двоими сегодня же вечером. Как полагал Ландсбергис, на этот раз Горбачев решил сыграть на трениях между ним, Ландсбергисом, и литовским премьером: Прунскене занимала более мягкую, более лояльную позицию по отношению к Москве. Однако, хотя трения между двумя литовскими руководителями действительно были, «раскола» между ними при разговоре с Горбачевым не произошло – и тот, и другая были едины в защите литовской независимости.

На этот раз, подпираемый предстоящим съездом КПСС, Горбачев пошел на уступки: говорил уже не об отмене Акта о восстановлении независимости, а о ПРИОСТАНОВКЕ его действия. С «советской» стороны было обещано не требовать более аннулировать его. Горбачев обещал также помочь в восстановлении литовской экономики (надо полагать, – помочь в восстановлении после блокады), призывал все-таки поучаствовать в Союзном договоре («Не понравится, – всегда сможете выйти»).

По словам Ландсбергиса, «это было достижение»: «Речь шла о партнерстве – мы на самом деле уже были партнерами по переговорам».

Тем не менее Ландсбергис по-прежнему не желал присоединиться к Союзному договору даже под обещание в дальнейшем «отпустить» Литву из Союза на условиях того самого принятого 3 апреля договора с длинным названием – о «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». По словам Ландсбергиса, «это был старый советский капкан». Литовский лидер настаивал, что в данный момент главная цель контактов Вильнюса и Москвы – найти путь к «приемлемым для всех переговорам». Прунскене, в свою очередь, попросила перед

началом переговоров снять блокаду – «в знак проявления доброй воли». Но Горбачев стоял на своем: «Сначала мораторий. Мораторий – и точка».

Как предполагает Ландсбергис, решение о смягчении позиции было принято Горбачевым в ночь с 26-го на 27 июня при обсуждении «литовской» проблемы с Лукьяновым, Рыжковым и Яковлевым (они участвовали теперь и в разговоре с Ландсбергисом и Прунскене).

Ландсбергис:

«Мы уезжали с четким пониманием того, что СССР, хоть и на условиях моратория, согласен на переговоры. Еще так недавно Москва заявляла, что и речи не может быть о переговорах между Литвой и СССР, а теперь мы возвращались в Вильнюс с ощущением пусть частичной, но победы... Горбачев требовал моратория.. сулил нам какие-то послабления, согласился снять блокаду (в случае объявления моратория. – **О.М.**) Теперь был наш ход. Он должен был открыть официальные переговоры».

Литва готова «приостановить» свою независимость. На сто дней

Поскольку Горбачев стоял на требовании моратория как на последнем рубеже, в Вильнюсе все же решили каким-то образом пойти навстречу этому требованию, чтобы добиться официальных переговоров – переговоров двух государств. Тем паче, что к тому моменту литовское общество все же раскололось – на тех, кто, по словам Ландсбергиса, «ни за что не желал сдаваться, и на тех, кто требовал уступок, компромиссов или даже скрытой капитуляции».

В литовском руководстве обсуждались разные варианты какого-то постановления, в котором «совмещались бы и этот несчастный мораторий, и – одновременно – утверждение независимости». В конце концов решили выступить не с постановлением, а с заявлением, ибо юридически это меньше обязывало. В заявлении говорилось, что Верховный Совет Литовской Республики, «...выражая готовность к

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫМ переговорам между Литовской Республикой и Союзом ССР, объявляет стодневный мораторий, исчисляемый со дня начала таких переговоров...» Причем приостанавливался не сам Акт о независимости, а только «осуществление вытекающих из него правовых действий».

Заявление было опубликовано 29 июня, то есть спустя два дня после встречи с Горбачевым. Оно удовлетворило Горбачева. 2 июля он снял блокаду Литвы.

«Не знаю, – пишет Ландсбергис, – всё ли понял руководитель СССР, вник ли он в суть нашего заявления. Вряд ли. Знаю: ему требовалось само слово «мораторий», при помощи которого он смог бы на партийном съезде продемонстрировать, что Литва уступила, что победил он и его «линия», позволившая сломить Литву без кровопролития. Не думаю, будто Горбачев сразу понял, что Литва не сломлена. Разве что гораздо позже.

Зарубежная пресса тем более ничего не поняла, интерпретировала наше заявление как существенную уступку или даже капитуляцию со стороны Литвы. Советская пропаганда пользовалась этим вволю, а мы не могли всем и каждому объяснять, что по сути обманули Горбачева».

Впрочем, кое-кому все же пришлось растолковывать, что это вовсе не капитуляция, не отказ от независимости.

Ландсбергис:

«...Мы вполголоса объясняли, что на самом деле произошло, и нас начали понимать. На Западе все заметили, что Горбачев снял блокаду, но не заметили самого главного – Советский Союз в конце концов согласился начать переговоры (переговоры между двумя равноправными, независимыми государствами. – **О.М.**)! Таков был наш главный дипломатический выигрыш».

Что касается Латвии и Эстонии, в отношении их такая масштабная экономическая блокада, как в отношении Литвы, не вводилась: в общем-то, как уже говорилось, они так резко не заявляли о выходе из Союза. Однако экономическое давление, которому они все же подверглись, также было ослаблено.

В общем-то можно сказать, что Латвия и Эстония должны быть благодарны Литве. Она приняла на себя первый, главный удар со стороны союзного Центра во время движения к независимости. Она же, договорившись с Центром, тем самым облегчила и участь двух других прибалтийских республик.

Эту тяжелую авангардную роль Литва сохранит и в дальнейшем.

Ельцин поддерживает Прибалтику

Одной из линий противостояния Ельцина и Горбачева была именно Прибалтика. Еще не занимая высокого поста в России, а только будучи народным депутатом СССР, сопредседателем Межрегиональной депутатской группы, Ельцин взял курс на поддержку прибалтийских республик.

13 мая, в разгар экономической блокады Литвы, всемерного нажима Центра на две другие балтийские республики. Ельцин приехал в Таллин и встретился с эстонским премьером Сависааром. Естественно, в ту пору он еще ничем существенным не мог помочь балтийским «мятежникам», однако как символический жест эта поездка и эта встреча не остались незамеченными.

Когда же Ельцин возглавил российскую законодательную власть, он обрел возможность не только для символических жестов, но и для реальной, практической помощи первым советским республикам, сделавшим решительные шаги к независимости. Уже 30 мая, на следующий день после своего избрания председателем Верховного Совета РСФСР, он заявил, что первый договор об экономическом сотрудничестве суверенная Россия «заключит именно с балтийскими республиками».

Это, конечно, был прямой вызов Горбачеву. Экономическое сотрудничество в разгар блокады Литвы и всемерного нажима на Эстонию и Латвию – как иначе как не попытку ослабления и срыва этой блокады и этого нажима можно назвать такое демонстративное заявление о сотрудничестве?

В мае же, в разгар антилитовской блокады, по пути в Прагу, куда его пригласил президент Вацлав Гавел, Ландсбергис, по его словам, «вполне конспиративно» встретился в Москве с Ельциным и имел с ним «исчерпывающий разговор». По-видимому, на этой встрече Ельцин вновь пообещал оказать поддержку прибалтийским странам в их борьбе за независимость. Условились также двигаться к заключению договора между Россией и Литвой.

В конце июля в Юрмале под Ригой состоялась уже официальная встреча руководителей трех государств Прибалтики и России, на которой было решено приступить к подготовке «двусторонних государственных договоров» между Россией и балтийскими республиками. «Это был наш ответный нажим на Горбачева», – пишет Ландсбергис.

Против чего и против кого тут выступал Ельцин – против Центра или конкретно против Горбачева? Не думаю, что для него тут было большое различие. Давняя – с 1987 года – вражда с Горбачевым соединилась тут со стремлением максимально ослабить Центр, вместе с другими республиками выйти из-под его безграничной удушающей власти.

Да и не только во власти самой по себе было дело. Все чувствовали приближение экономической катастрофы, грозные подземные нарастающие ее толчки и раскаты. У всех росло ощущение, что Горбачев не в силах будет с ней справиться. Вот он объявил экономическую блокаду Литве, а ведь несопоставимые экономические проблемы грозят всей стране...

Между тем вроде бы началась подготовка к намеченным переговорам Литвы с Центром. Не думаю, что Горбачев и его окружение относились к этому слишком серьезно. Рыжков, возглавивший «советскую» делегацию, долго не соглашался на приезд в Москву литовских партнеров. Наконец согласился. Для встречи «выделил» высокопоставленных московских чиновников Маслюкова и Ревенко. По словам Ландсбергиса, «они важничали, глядели свысока, говорили, что наша делегация для них слишком низкого ранга и поэтому встреча не может считаться официальной; проект протокола они тоже приняли как некую неофициальную бумагу».

2 октября в Москве состоялась первая официальная встреча делегаций. Вроде бы начались эти самые переговоры, но Рыжков и К^о именовали их «консультациями». Впрочем, в принятом коммюнике, в котором сообщалось о «будущих двусторонних переговорах», было ясно сказано, что их участниками будут две стороны – Советский Союз и Литва. Литовцы посчитали это «большой дипломатической победой»: как же, впервые в официальном документе Литва признавалась равноправной стороной на переговорах с советской империей. Кроме того, литовское слово «šalys», использованное в коммюнике, в литовском варианте имеет два значения – и «стороны», и «страны», так что соответствующую фразу вполне можно было прочесть и так: участниками переговоров «будут две страны – Советский Союз и Литва» (московские мидовские переводчики тут «лопухнулись», не настояли на использовании другого слова, переводимого более однозначно). Впрочем, и «двух сторон» было достаточно, чтобы доставить радость вильнюсской делегации.

Однако все переговоры, еще не начавшись, свелись к продолжительной нудной пикировке по поводу предварительного протокола – бумаги, в которой говорилось бы о дате начала переговоров, его условиях и целях, государственном статусе его участников. Даже этот первый шаг так и не удалось сделать.

Так что радоваться литовцам было рано. Горбачев не собирался отпускать их в вольное плавание, понимая, что это будет прецедентом, что вслед за Литвой, другими прибалтийскими республиками «на выход» потянутся и остальные прочие.

Почему Запад не давил на Горбачева

Осенью Ландсбергис вслед за Прунскене посетил ряд западных столиц и на встречах с лидерами мог убедиться, что государственное признание Литвы в ближайшей перспективе, если все пойдет в нужном для нее направлении, фактически обеспечено. Но официально до поры до времени оно никак не проявлялось. Напротив, под нажимом Москвы представители Литвы повсюду подвергались настоящей дискриминации. Литовский министр иностранных дел, приглашенный в качестве гостя на парижскую конференцию СБСЕ и уже сидевший в зале, по требованию Горбачева был удален оттуда (впрочем, так же были удалены главы МИДа Латвии и Эстонии). Под предлогом, что Литва не является отдельным государством, не возобновлялось ее довоенное членство в Международном Красном Кресте. Даже Международная федерация футбола (ФИФА) боялась пускать литовских футболистов на свои турниры. Опасаясь гнева Москвы, Литве не позволяли участвовать и в других международных соревнованиях...

«Для Запада, как мне представляется, – пишет Ландсбергис, – Литва была в то время соринкой в глазу... В особенности потому, что мы злим Горбачева, который, – как некоторые говорили, – по личной популярности мог бы стать президентом США. На Западе мне объясняли, что Горбачев сейчас не в состоянии ничем нам помочь, поскольку он там, в Советском Союзе, обязан держаться определенной линии. В Советском Союзе сложилась очень опасная ситуация с военными и фундаменталистами, если они возьмут власть, нам будет только хуже, а Запад этого не хочет. Поэтому мы должны понять, что существует общая задача не вредить господину Горбачеву, а искать какое-либо политическое решение».

В этом была доля правды: решительный демарш Литвы, объявившей о своей независимости, ослаблял позиции Горбачева в противостоянии с противниками перестройки, возможно, грозил вообще ее, перестройку, угробить. Но какое «политическое решение» могли тут придумать литовцы? Вообще отказаться от независимости? Но кто знает, представится ли когда-либо еще возможность прорваться к

ней? Что могли, они, хоть и с большим трудом, уже придумали – временный мораторий на реализацию Акта о восстановлении независимости после начала официальных переговоров с Москвой. Дальше должен был придумывать Горбачев. Однако ни он, ни Лукьянов, ни Рыжков не придумали ничего иного, как только сорвать начало переговоров и, видимо, негласно взять курс на привычное для советской партийной номенклатуры силовое решение балтийской проблемы.

Правда, время было уже не то – это уже был не 1956 год, когда танками задавили Венгрию, не 1968-й, когда тем же способом «призвали к порядку» Чехословакию... Теперь приходилось думать о репутации Горбачева – демократа, миротворца, проповедника «нового мышления», почти уже лауреата Нобелевской премии Мира. Определенного решения, как далеко можно будет пойти по силовому пути, в тот момент, видимо, еще не было (хотя кое-кто в партийной верхушке, в КГБ, надо полагать, уже давно расписывал разнообразные сценарии). Рассуждали – время покажет. Поживем – увидим.

Литва отменяет так и не объявленный мораторий

К концу декабря стало окончательно ясно, что Москва фактически отказывается даже от тех «куцых» переговоров, которые вроде бы велись между ней и Вильнюсом (хотя, как мы видели, все уперлось уже в заключение предварительного протокола к переговорам). К тому же постоянно раздавались угрозы об использовании против Литвы военной силы. Несмотря на протесты литовских властей советские войска начали патрулирование городов республики. Поэтому 28 декабря литовский парламент принял постановление об аннулировании той части заявления от 29 июня, где речь шла о моратории на исполнение Акта о восстановлении независимости.

Напомню, в этом заявлении говорилось, что мораторий будет действовать в течение ста дней С МОМЕНТА НАЧАЛА ПЕРЕГОВОРОВ с Советским Союзом. А

поскольку переговоры по-настоящему так и не начались, то и мораторий фактически не действовал ни дня и ни часа.

У Москвы остался последний способ попытаться усмирить смутьянов – тот самый, военный, силовой. Подготовка к нему, как уже говорилось, по-видимому, уже давно велась, несмотря ни на какие переговоры или их имитацию...

Ландсбергис:

«Советы не реагировали (на отмену заявления, где говорилось о будущем моратории. – **О.М.**), возможно, не заметили, не обратили внимания, целиком занятые подготовкой к силовому решению литовской проблемы... Мы никому ничего не объясняли. Мы исполнили долг, очистили совесть и ждали своей участи».

Катастрофа все ближе

«Задолженность советских внешнеторговых объединений (перед иностранными фирмами-поставщиками. – **О.М.**) нарастает. Это создает острые народно-хозяйственные проблемы. Заместитель министра внешнеэкономических связей В.Воронцов – заместителю председателя правительства СССР С.Ситаряну (10 апреля 1990 года):

«Министерство внешнеэкономических связей СССР докладывает, что по состоянию на 5 апреля с.г. по оперативным данным Внешэкономбанком СССР задержана оплата поручений внешнеэкономических объединений на платежи за границу на общую сумму 656 миллионов рублей в свободно конвертируемой валюте... Фирмы ФРГ («Маннесманн» и другие)... угрожают блокированием наших поступлений от поставок газа».

«Параллельный рост российских закупок зерна и цен на зерно на мировом рынке привели к быстрому повышению валютных расходов СССР, направленных на

финансирование зерновых закупок... Министр внешнеэкономических связей СССР К.Катушев – председателю Государственной внешнеэкономической комиссии СССР С.Ситаряну (13 апреля 1990 года):

«На сегодняшний день ряд иностранных фирм («Луис Дрейфус», «Фризахер», «Бунге» и другие) уже прекратили отгрузки товара в СССР, и суда, зафрахтованные под перевозку зерна и хлебофуражных культур, уже несколько дней стоят в портах в ожидании решения вопроса (об оплате товара Советским Союзом; валюты на это уже не хватает. – **О.М.**)»

ЕЛЬЦИН – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА

Горбачев противодействует избранию Ельцина

16 мая 1990 года открылся I Съезд народных депутатов РСФСР. Среди прочего, на нем предстояло выбрать председателя российского Верховного Совета. В числе кандидатов, естественно, был и Ельцин. Понимая, что избрание его главным оппонента спикером российского парламента – серьезнейшая угроза для него, Горбачев делал все, чтобы не допустить этого. Кого противопоставить Ельцину? Вспоминает Вадим Медведев:

«На встрече с коммунистами – руководителями республик и областей, которую поручено было провести мне и Воротникову, практически все, кроме иркутян, поддержали кандидатуру Полозкова».

Полозков – один из «героев» тех дней, первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, фактический лидер всей самой реакционной публики, которая к тому времени собралась в среде коммунистических «активистов», аппаратчиков, военных, сотрудников «органов». Когда он, несколько позже, 23 июня, будет избран первым секретарем ЦК компартии РСФСР, члены партии буквально толпами, целыми организациями станут выходить из КПСС: ведь коммунисты-россияне, в том числе и демократически настроенные, автоматически окажутся членами «полозковской» компартии.

Медведев:

«Я, конечно, считал, что с Полозковым идти на выборы плохо, но выбора просто не было. Договорились о том, что другие кандидатуры – Власов, Мальков, Соколов (а среди них оказались Воротников и Манаенков, выдвинутые оппозицией, видимо, из тактических соображений, чтобы растащить голоса), будут сняты. Конечно, назавтра

при изложении программного выступления Полозков выглядел слабее Ельцина, хотя его ответы на вопросы были довольно бойкими».

Что касается программы Ельцина, он, излагая ее, сказал и о том, как он видит будущее Союза:

– Я никогда не выступал за отделение России, я за суверенитет Союза, за равноправие всех республик, за их самостоятельность, за то, чтобы республики были сильными и этим крепили наш Союз. Только на этой позиции и стою.

Запомним эти слова Ельцина, сказанные им в мае 1990 года.

За эту формулу «крепкие самостоятельные республики – крепкий Союз» будут в дальнейшем держаться и лидеры других республик. Да и сам Горбачев. Правда, понимать ее разные политики будут несколько по-разному.

Первый тур голосования состоялся вечером 25 мая. Помимо Ельцина и Полозкова, в бюллетенях стояла фамилия самовыдвиженца, преподавателя из Казани Владимира Морокина. Естественно, в реальности борьба происходила, конечно, лишь между Ельциным и Полозковым. Голосование не принесло победы ни одному из кандидатов. Ельцин получил 497 голосов, Полозков – 473, Морокин – 32. Всего депутатов было 1060, – стало быть, для победы требовался 531 голос.

Как видим, разница между Ельциным и Полозковым не такая уж и заоблачная. Казалось бы, поднатужиться коммунистам немножко и... Полозков был бы «в дамках».

Но не проявили они должного старания. Все подвинулось в обратную сторону. Второй тур проходил на следующий день. Ельцин добавил к своему результату шесть голосов. Полозков – пятнадцать потерял.

Надо было что-то решать. Медведев:

«Воскресное совещание секретарей ЦК... пришло к выводу, что у Полозкова шансов на продвижение вперед нет. Если даже к голосам, полученным Полозковым во втором туре, прибавить оставшийся 71 голос, не поданный ни за того, ни за другого, все равно он не наберет необходимого минимума в 531 голос, а Ельцину нужно добавить всего 28 голосов... Поэтому решено было переориентироваться на Власова (председателя Совмина РСФСР. – **О.М.**). Наше мнение тут же было доложено генсеку. Он был несколько удивлен таким предложением, но принял его к сведению».

Надо сказать, что Горбачев не только «принимал к сведению» доклады коллег, но и сам активно участвовал в «предвыборной кампании». На протяжении недели он трижды (!) выступал с публичными нападками на «политических мошенников», естественно, имея в виду прежде всего Ельцина.

29-го Горбачев улетал в Канаду. Последние часы перед отлетом, 28-го, он также посвятил тому, чтобы на встрече с российскими депутатами – членами КПСС уговорить их не голосовать за Ельцина. Как писали в прессе, это его выступление «по силе выражений оценено многими депутатами как не вполне парламентское».

Ельцин – председатель Верховного Совета

Уговоры, однако, не помогли.

Медведев:

«Утром следующего дня, когда провожали президента в заокеанскую поездку, надежда на благополучный исход российских выборов (то есть на то, что победит коммунистический кандидат Власов. – **О.М.**) еще сохранялась. Но и тревога не исчезала. Где-то в районе тринадцати часов появились признаки неудачи. Вскоре состоялось объявление результатов голосования: Власов несколько увеличил число голосов в сравнении с Полозковым, а Ельцин сумел набрать 535 голосов, то есть четырьмя голосами перешел заветный рубеж...

Позвонил из самолета Горбачев и мне пришлось выполнить не очень приятную миссию – сообщить ему об итогах выборов, которые поставили депутатов-коммунистов РСФСР в положение оппозиции, а радикально-демократические силы получили в свои руки серьезный рычаг воздействия на положение в стране».

То, что Ельцина избрали, по мнению многих, в немалой степени было как раз следствием отчаянных усилий Горбачева не допустить его.

Итак, 29 мая Ельцин стал спикером российского Верховного Совета, оказался у руля управления Россией. Успех, как видим, не был оглушительным: Борис Николаевич

был избран с третьего «захода», причем решающими оказались всего лишь четыре голоса...

Впрочем, такой скромный результат еще ни о чем не говорит. Удивляться надо, скорее, тому, что Ельцина вообще избрали: состав Съезда был весьма консервативным, если не сказать реакционным, – коммунистическим и прокоммунистическим.

Кстати, именно с этим консервативно-реакционным съездом Ельцину-президенту через некоторое время придется вступить в смертельную схватку, которая будет продолжаться без малого два года и закончится кровавыми событиями октября 1993-го.

Тот факт, что Ельцин был избран председателем российского парламента с таким трудом, говорит о многом, – в частности, о том, что российская история совсем не обязательно должна была пойти тем путем, которым она пошла. Проиграй Ельцин Полозкову, или даже Власову, – все, конечно, сложилось бы совсем иначе. Это опять – об исключительно важной, подчас решающей роли личности в российской истории.

30 мая, будучи уже в Оттаве, Горбачев в беседе с журналистами с некоторой небрежностью, хотя и очевидной досадой, прокомментировал победу Ельцина:

– С третьего захода товарищу Ельцину удалось несколько голосов прибавить и добиться небольшого перевеса.

Горбачев заявил, что обеспокоен положением в России.

В одной из наших бесед Егор Гайдар сказал, что советская политическая элита, как говорится, «просто проморгала» появление Ельцина (этой «белой вороны» в ее рядах) на политической сцене и вознесение его наверх. Майские выборы 1990 года как раз и были одним из важнейших этапов этого вознесения, достаточно легкомысленно отданных коммунистами своему самому серьезному противнику.

Журналисты пытались предугадать, как сложатся теперь, после избрания Ельцина, их отношения с Горбачевым. Представить себе, что они станут мирными, безоблачными, было трудно. Сама политическая ситуация толкала их к противоборству. Вопрос заключался лишь в том, станет ли оно сильнее или наступит какое-то смягчение. «Коммерсант» в те дни писал:

«Очевидно, что одна из важнейших проблем, стоящих перед Борисом Ельциным, – это нахождение какого-то компромисса с Михаилом Горбачевым. Пока что рука Ельцина протянута для сотрудничества. Понятно, что на новых условиях, учитывающих новые обстоятельства. 30 мая Ельцин снова заявил: «Все личное я отбрасываю напрочь». Горбачев, в рамках дружеских бесед через океан (напомню, он был тогда в Канаде. – **О.М.**) проявил меньшую готовность отбросить личное: «Если это серьезные политические позиции, тогда будут одни последствия. А если это игра политическая, то тогда еще могут быть трудные времена. Легко не будет».

В общем, когда говорят, что в длительном противостоянии Горбачева и Ельцина более агрессивным всегда был второй, это не так. Разные бывали времена. Роли «ястреба» и «голубя» то и дело переходили от одного к другому. Все зависело и от настроений, и от политической ситуации.

Россия – суверенное государство!

10 июня в интервью Би-Би-Си Горбачев – кажется, впервые – заявил, что он – за такой Союз, в котором права Центра делегируются ему республиками. Это была серьезная уступка противникам империи. Возможно – в предвидении дальнейших событий на российском Съезде: ожидалось, что за избранием Ельцина председателем Верховного Совета России последует провозглашение ее суверенитета (так оно и произошло). При таких обстоятельствах вроде бы надлежало обозначить несколько более мягкую позицию по отношению к республикам, стремящимся разлететься в разные стороны, показать, что у них есть неплохие перспективы и внутри Союза.

12 июня I Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. В ней говорилось, что Съезд «торжественно провозглашает государственный суверенитет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики на всей ее территории и заявляет о решимости создать **ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО В СОСТАВЕ ОБНОВЛЕННОГО**

СОЮЗА ССР (выделено мной. – **О.М.**)». Говорилось также, что российская Конституция, российские законы **ОБЛАДАЮТ ВЕРХОВЕНСТВОМ** на всей территории республики (это, пожалуй, было самым важным в Декларации). Об участии России в Союзе было сказано: Россия «объединяется с другими республиками в Союз» на основе Союзного договора. Подтверждалось, – впрочем, весьма неопределенно, – что необходимо «существенное расширение» прав автономий, краев и областей РСФСР. Довольно непонятный пункт (он так и останется до конца непонятным): для граждан РСФСР устанавливается гражданство РСФСР и одновременно за ними сохраняется гражданство СССР. Вообще-то двойное гражданство – довольно распространенная вещь, но это когда человек является гражданином двух разных государств. А здесь... Вроде бы РСФСР и СССР таковыми не были.

Под Декларацией стояла подпись только что избранного председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцина.

Вместе или врозь?

12 июня, в день когда была принята Декларация о государственном суверенитете России, на Совете Федерации обсуждали проблему Союзного договора. Я уже писал об этом заседании – том самом, куда Горбачев хитроумным способом затащил троих прибалтийских лидеров. Вернусь еще раз к нему. Итак, тема заседания Союзный договор. Ни Ландсбергис, ни Рюитель, ни Горбунов принципиально отказывались участвовать в этом разговоре.

Вначале его председатель эстонского парламента Рюитель прямо заявил, что у него нет полномочий обсуждать будущее Советского Союза.

– Преобладающие в республике настроения, – сказал Рюитель, – полная независимость плюс тесные связи с другими республиками в экономической и культурной области. За это 96 процентов населения.

Горбачев грубо его одернул:

– Вы что, напрашиваетесь на введение президентского правления?!

Тогда это была одна из главных страшилок в руках Центра – президентское правление.

Вежливый эстонец ответил вежливо:

– Политическая ситуация уже не позволяет сделать то, что можно было сделать еще полгода назад (То есть, надо полагать, опять-таки не позволяет Эстонии обсуждать Союзный договор. – **О.М.**) Реальность такова, что время ушло. Мы должны позаботиться о том, чтобы оставить нашим народам хорошие отношения между собой.

Ну, Горбачев-то в тот момент еще так не считал, – что время ушло. Он еще долго и упорно будет биться и за новый Союзный договор, и за единый Союз.

Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев высказался и за сохранение Союза, и за новый Союзный договор, но тут же предъявил множество претензий Центру (теперь претензии летели Горбачеву со всех сторон):

– Идет противостояние между Верховным Советом Союза и Верховными Советами республик. В Законе о собственности субъект права собственности не определен. Например, Казахстан принял много ссыльных. Что – они теперь собственники земли? Девятнадцать миллионов квадратных километров заняты под полигоны, откуда выселили колхозы и совхозы. Какой у нас суверенитет, если пятьдесят процентов промышленности находится в союзном подчинении? А сколько – в союзно-республиканском?.. Министерства зубами держатся за свою собственность. У нас что – Союз министерств или Союз республик?!

Узбекский лидер Ислам Каримов также жаловался на то, что Узбекистан, как и другие республики, обладают лишь ограниченным суверенитетом. Но при этом – самое неприятное для Горбачева, – высказывался уже не за федерацию, а за конфедерацию, даже за нечто более свободное и неопределенное, рыхлое, чем конфедерация:

– Наиболее приемлемая форма будущего Союза – конфедерация. Нельзя говорить об обновлении [Союзного] договора, ибо многие республики не подписывали первого Договора в 1922 году. Это должен быть новый Договор и приступить к его подготовке надо немедленно, поскольку завтра может быть вообще поздно говорить и о конфедерации (вот так! – **О.М.**) Мы видим себя свободной республикой.

За конфедерацию стоял и председатель Верховного Совета Азербайджана Муталибов. Тут, помимо прочего, всплывала тема Карабаха и одновременно вновь – прибалтийская тема:

– У нас многие за прибалтийский вариант. Мы за Союз на конфедеративной основе... Часть азербайджанского народа с недоверием смотрит на федерацию из-за Карабаха...

Горбачев не может не видеть, что пример Прибалтики соблазнителен для всех республик. С этим надо что-то делать, иначе... Действительно, неровен час, даже и в конфедерации завтра никого не удержишь.

Присутствующий на заседании Ландсбергис, вопреки своей обычной жесткости и несговорчивости, вопреки договоренности с Рюйтелем и Горбуновым, что они вообще будут участвовать в разговоре, пытается подольститься к Горбачеву использованием слова «перестройка»:

– СССР подошел к тому рубежу, когда перестройка должна перекатиться через барьер национально-государственного устройства.

Горбачев отвечает коротко:

– Приостановите Декларацию (Акт о восстановлении независимости Литвы. – **О.М.**) , и мы тут же отменим все блокадные меры (как мы помним, еще недавно и сам Горбачев, и другие союзные руководители открещивались от слова «блокада». – **О.М.**)

Но тут уж Ландсбергис возвращается к своей обычной непреклонности:

– Будет ли нынешний СССР определяться как федерация или сообщество, все равно Литва сохранит свой путь как суверенный субъект международного права.

Литва как «суверенный субъект международного права» – это значит независимая Литва, не входящая ни в какой Союз, какую бы форму он ни принял.

Когда очередь доходит до Ельцина, он твердо очерчивает российскую позицию, повторяя то, что записано в только что, в этот же день, принятой Декларации о государственном суверенитете РСФСР:

– Принята Декларация – РСФСР остается в Союзе.

Но добавляет и то, чего в Декларации, естественно, нет:

– Союзный договор сейчас будет трудно выработать. Вместо этого – всеобъемлющие договоры между республиками... Затем РСФСР на Верховном Совете объявляет, какую долю собственности и какие права она передает Центру, и заключает с ним соответствующий договор. Если и другие республики пойдут на это, – может быть совпадение части функций, делегируемых Центру. Только затем можно заключить Союзный договор политически.

Как видим, Ельцин собирается целиком перехватить инициативу, предоставляя Горбачеву плестись в хвосте событий.

Однако Горбачев не желает идти на обострение. Завершая разговор, он лишь в очередной раз обтекаемо повторяет, что он «убежденный сторонник общего государства», хотя ему и понятна обеспокоенность республик, сетующих на недостаток самостоятельности. Впрочем, после этого, он, – кажется, опять-таки впервые, – говорит, что республики, входящие в Союз, могут, по их желанию, обладать разной степенью самостоятельности:

– Нам нужна федерация С РАЗНОЙ СТЕПЕНЬЮ СВОБОДЫ (выделено мной. – **О.М.**) Я за формулу – «Союз Суверенных Социалистических Государств».

Через некоторое время эпитет «социалистических» выпадет из этой формулы, исчезнет навсегда.

Устрашась предложений о конфедерации, Горбачев готов предоставить республикам разную степень свободы (кто какую захочет), но – в рамках федерации.

В дальнейшем, на какой-то срок, он отступит от этой «разной степени» в сторону большей жесткости, чтобы на каком-то витке вновь вернуться к ней, уже окончательно. Но это его не спасет.

Не зря они не пускали его в спикеры

Опасения Горбачева и его окружения, что, получив высокую официальную должность – став главой российского парламента, – Ельцин сделается более «агрессивным», вскоре подтвердились.

Вадим Медведев:

«К сожалению, настроя на благоразумный, компромиссный диалог, с которым Ельцин выступал перед выборами председателя Верховного Совета в первые дни съезда, ему хватило ненадолго. Уже 30 мая в интервью для печати опять стали звучать конфронтационные мотивы о переходе России на полную самостоятельность, о том, что Москва является столицей России, а Союзу столицу надо поискать в другом месте и т. д.

Значение того, что произошло в России весной 1990 года, с точки зрения последующего развития ситуации в стране, трудно переоценить. Как и во всех других процессах здесь причудливо переплетались и позитивные моменты, и действие деструктивных факторов. Полагаю, что фатальной неизбежности в таком развитии событий, когда российский фактор приобрел по отношению к союзному разрушительный характер, не было. Процессам национально-государственного развития Российской Федерации могли быть приданы другие, не столь

болезненные формы, негативно влияющие на систему межнациональных отношений в стране в целом».

Близкий соратник Горбачева обвиняет Ельцина, что он, став председателем парламента, отклонился от «настроя на благоразумный, компромиссный диалог». А у Горбачева и его коллег был такой настрой, когда они, что называется, костыми ложились, чтобы не допустить избрания Ельцина?

Вадим Медведев пишет также, что «фатальной неизбежности» в том, что «российский фактор» сделался «разрушительным» по отношению к Союзу, не было. Подразумевается: таким «разрушительным» он, мол, сделался лишь благодаря Ельцину. Что на это сказать? Оглядываясь на историю, вообще бывает трудно определить, что было фатальным, а что не фатальным, что навязал какой-то деятель. Роль личности в истории вообще велика, а в российской истории, скажу еще раз, – особенно. Мы не в силах определить, как бы пошла история России, если бы не было Ельцина. А как бы пошла история СССР, если бы не было Горбачева? История не знает сослагательного наклонения. Конечно, можно сказать, что Ельциным, по крайней мере, с 1987 года, двигала некая бойцовская установка. В какой-то момент он, как бы прозрев, оценил ситуацию в стране как весьма скверную: перестройка, едва начавшись, уже захлебывается. По воспоминаниям дочери Ельцина Татьяны, незадолго перед своим бунтарским выступлением на пленуме ЦК КПСС в октябре того года он мог бросить в домашнем кругу: «Эта банда развалит страну!» Имелась в виду «банда», состоящая из верхушки КПСС (а там ведь были не только Горбачев и Яковлев, но и Лигачев, и Рыжков, и Лукьянов... Подползал к этой верхушке и Полозков...) Вот эта оценка, по-видимому, и двигала им в дальнейшем, определяла его действия. Его противникам она, конечно, представлялась разрушительной...

Ельцин оставляет Союзу девять министерств и ведомств

О том, что Ельцин снова встал на позиции «разрушителя», говорят не только его противники, но и тогдашние союзники, лишь позже ставшие противниками.

I Съезд народных депутатов России, принявший исторический документ – «Декларацию о государственном суверенитете РСФСР», закрылся 22 июня 1990 года (только представьте, какими длинными, марафонскими были съезды – с 16 мая по 22 июня!) Как только их выдерживали? В последний день Съезд принял еще один важный документ. Вспоминает бывший председатель Совета Республики российского парламента Владимир Исаков:

«Съезд шел к концу. В один из последних дней меня вновь вызвал Ельцин и вручил несколько густо написанных листков: «Вот написал ночью. Надо успеть принять». Это был написанный лично им проект постановления «О разграничения функций управления организациями на территории РСФСР». С трудом разбирая ломаный почерк, я переписал проект на машинке, исправляя в нем неточности терминологии и явные погрешности стиля.

С первого взгляда было видно, что проект носит явно конфронтационный характер. Совет Министров РСФСР выводился из подчинения союзного правительства и передавался в ведение Съезда народных депутатов, Верховного Совета РСФСР. Тем самым рушилась единая вертикаль исполнительной власти. В юрисдикции Союза ССР оставались лишь девять министерств и ведомств – все остальные передавались в ведение России. МВД РСФСР подчинялось Совету Министров РСФСР. Учреждались российская банковская и таможенная системы. Совету Министров РСФСР предлагалось заключить прямые договоры с союзными республиками и иностранными государствами, оформить в договорном порядке с правительством СССР отношения по управлению союзной собственностью, осуществлению функций союзных ведомств на территории РСФСР...

Куда ведет этот шаг? Подзаголовок постановления – «Основы нового Союзного договора» – успокаивал...

Постановление было вынесено на голосование в последний день работы... Уставшие от заседаний депутаты поверили на слово: все будет нормально».

Так пишет один из главных будущих противников Ельцина. «Конфронтационное» постановление... А что в нем, собственно, конфронтационного?

Принята Декларация о государственном суверенитете России. И разграничение полномочий России и Центра вытекает из нее. Понятно, что многие считали: слова о суверенитете так и останутся словами. Ну суверенная и суверенитет, суверенитет и суверенитет. Россия и раньше, по прежним советским конституциям, называлась суверенной. Но Ельцин так не считал. Он полагал необходимым сразу же обозначить, что провозглашение суверенитета – это не игра в бирюльки, это реальный шаг к выходу из-под владычества Центра, что тянуть с этим недопустимо.

Ельцин выходит из КПСС

6 июля 1990 года на XXVIII, последнем, съезде КПСС, Ельцин вновь выступил с резкой критикой коммунистической партии и её руководителя Горбачёва. По его словам, перестройка буксует из-за того, что консервативные силы в партии, поначалу занявшие оборону, теперь перешли в наступление, начали борьбу против экономической реформы. Она и сама-то по себе «робкая, половинчатая», тем не менее она «создает реальную угрозу полновластью партии». Нейтрализовать контратаки консервативных сил Политбюро не решилось и не сумело. Провалы следуют один за другим – во внешней торговле, в сельском хозяйстве, в национальной политике, в политике по отношению к армии... А какой ущерб нанесла стране антиалкогольная кампания!

Как полагает Ельцин, выход для КПСС все же есть, трудный, тяжелый, но выход. Это переход к многопартийности. Он неизбежен в демократическом государстве. Различные политические партии в стране постепенно формируются. Не надо препятствовать этому процессу. Что касается самой КПСС, она нуждается в модернизации. Партия должна освободить себя от любых государственных функций. Необходимо ликвидировать первичные парторганизации в армии, в органах госбезопасности, в госучреждениях... Следует изменить само название партии – это должна быть партия демократического социализма, партия парламентского типа.

– Мы живем уже не в прежнем обществе, – сказал в заключение Ельцин. – Оно больше не пойдет единым строем туда, куда ему укажут. Страной больше нельзя командовать. Ее не усыпишь демагогией, не испугаешь угрозами. Народ может дать

отставку любой политической силе, какой бы влиятельной она ни была в прошлом. Он поддержит только ту политическую организацию, которая позовет не в заоблачные коммунистические дали, а будет каждодневно делом защищать интересы каждого человека, помогать сделать его и всю страну нашу передовой, богатой и счастливой.

Ельцина проводили аплодисментами. Но аплодировало, разумеется, незначительное меньшинство съезда, демократически настроенное. У большинства даже в мыслях не было всерьез воспринимать ельцинские предложения – по-настоящему реформировать партию, менять ее название, переходить к подлинной многопартийности.

Поэтому как бы в знак протеста Ельцин 10 июля заявил, что выходит из КПСС и демонстративно покинул зал. Впрочем, объяснил свой шаг формальными соображениями: дескать, при избрании на пост председателя Верховного Совета он обещал выйти из всех политических партий и движений.

Выбор дался ему нелегко

Я говорю, что Ельцин вышел из партии КАК БЫ в знак протеста, поскольку этот шаг не был импровизацией. Ельцин прекрасно понимал, что его предложения будут отвергнуты, а потому принял решение о выходе еще накануне.

По словам Геннадия Бурбулиса, – а он был в ту пору человеком, близким к Ельцину, – это решение далось ему нелегко. Мы беседуем с Бурбулисом в ноябре 2010 года.

– Я помню переживания, которые Борис Николаевич испытывал в тот момент, – вспоминает мой собеседник. – Мы с ним сидели вдвоем около полуночи накануне его демарша на съезде. Он был растерян, сильно переживал. Смысл этих переживаний был такой: «Как же так? Я ведь все это глубоко в себя впитал, я столько в это вложил, и сейчас вот должен со всем этим расстаться, со всем этим покончить...»

Впрочем, сам Ельцин в интервью латвийскому журналисту Александру Ольбику рассказывал обо всем несколько иначе:

– Вы спрашиваете, не был ли выход из партии для меня трагедией? Состоял я в ней около тридцати лет, а вступал по убеждению, в то время, когда со смертью Сталина начиналась некоторая оттепель. Настроение было романтично-возвышенное. Но работа в Политбюро, а затем в МГК партии дали мне прозрение: я понял, что роль партии, ее всевластные функции увели народ в сторону. Вот это, пожалуй, и предопределило мое решение. Нет, это не трагедия, а скорее освобождение от ложной религии.

Правда, колебания у него действительно были (он три ночи перед этим «совершенно не спал»), но совсем иного, не психологического характера: правильный ли это будет ход с тактической точки зрения? Его волновало, не потеряет ли он после этого шага доверие российского парламента – Верховного Совета и Съезда. Ведь в парламенте у него было лишь небольшое, легко разрушаемое большинство из демократов, которые, разумеется, его поддержат, и так называемых «лоббистов», чья реакция была непредсказуема.

Однако уже на следующий день, на заседании российского Верховного Совета, выяснилось, что большинство депутатов одобряет его решение.

Парад суверенитетов

Вслед за Россией декларации о суверенитете приняли парламенты Молдавии (23 июня), Украины (16 июля), Узбекистана (20 июля), Белоруссии (27 июля), Туркмении (22 августа), Армении и Таджикистана (24 августа)...

Раньше, чем Россия, суверенитет провозгласили республики Прибалтики (Эстония – 16 ноября 1988 года, Литва – 18 апреля 1989 года, Латвия – 28 июля 1989 года) и Грузия (26 мая 1990 года).

Но не только союзные республики принимали эти декларации – вслед за ними устремились и автономии. В августе – сентябре суверенитет провозгласили Карелия, Татарстан, Удмуртия, Саха-Якутия.

Это уже грозило развалом не только Союза, но и России.

Союзное государство или союз государств?

Центральным все же оставался вопрос, что же такое «новый Союз», который государственные деятели собирались строить на пространстве умирающего СССР. Это союзное государство или союз государств? По нему, как мы видели, уже были весьма серьезные споры. Горбачев и его единомышленники напирала на первое, – должно быть единое государство, лидеры жаждущих НАСТОЯЩЕЙ независимости республик, естественно, – на второе: союз государств. И вот очередное обсуждение – 20 июля на совместном заседании Президентского совета и Совета Федерации.

Во вступительном слове Горбачев сообщает, что строптивые руководители прибалтийских республик опять отказались участвовать в совещании. Только после того, как им пригрозили, что в их республиках будут созданы «другие структуры власти», на которые Центр и будет опираться, в Москву прибыли представители Литвы и Латвии. Что касается Эстонии, по словам Горбачева, «эстонец, говорят, находится в самолете на пути в Москву».

Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Рафик Нишанов (чиновник, тщательно избегающий любых острых углов, всегда всё «округляющий») уведомляет, что на предыдущей встрече представителей республик, – 12 июля, – когда шел разговор на эту тему (Литва и Эстония в ней не участвовали, а Литва была представлена наблюдателем), вроде бы пришли к заключению, что Союз должен быть чем-то средним между федерацией и конфедерацией (что же это такое – среднее?) Но, как можно понять, по мнению самого Нишанова, «нерушимым должен быть принцип первенства, верховенства союзного законодательства перед республиканским».

Не думаю, что представители республик держались того же мнения. В российской Декларации, как мы видели, уже ясно было прописано: верховенством обладают российские законы. То же и у ряда других республик. «Война законов», в ходе которой будет сломано немало копий, мало-помалу начинается...

Надо решать, пожалуй, самый сложный вопрос – о разграничении полномочий. Правда, для России Ельцин вроде бы уже решил и его (вспомните рассказ Исакова, как с

подачи Ельцина в последний день российского съезда было принято соответствующее постановление), однако Горбачев и не думает соглашаться с этим постановлением.

Он перечисляет, какие вопросы, по его разумению, должны находиться в ведении Союза: оборона, граница, госбезопасность, оборонная промышленность, обеспечение прав и свобод человека, обеспечение экономического развития в условиях рынка, единая финансово-кредитная система и денежное обращение, общие принципы ценообразования, системы коммуникации, научно-технический прогресс и информация, обеспечение внешнеполитических и внешнеэкономических интересов, сохранение природной среды, предотвращение стихийных бедствий и техногенных катастроф, преодоление их последствий.

Всем понятно, что Горбачев тянет одеяло на себя, хочет для Центра чересчур многого. Здесь перечислено почти все, чем и до сих пор располагали союзные власти. По ходу дальнейшей работы над Союзным договором республики будут все больше, одну за другой, отщипывать функции, на которые союзный президент сделал заявку.

Литовский премьер Казимера Прунскене (Горбачев притащил ее в Москву буквально за уши), как говорится, «в лоб» и довольно наивно задает Горбачеву вопрос, ради обсуждения которого в общем-то и собрались здесь и который только и волнует еще ее и ее сограждан при беседах в Москве (уж она-то не собирается отдавать Союзу оборону, госбезопасность, границы, экономику, внешнюю политику и т.д. и т.п.). Наивность же заключается в том, что этот вопрос Горбачеву уже задавали много раз, но Прунскене, вообще литовцы, не во всех обсуждениях участвовали. Так что вопрос всем известный: то, что подразумевает Горбачев под будущим Союзом, – это союзное государство или союз государств?

Вместо Горбачева, видимо, чтобы облегчить его участь, отвечает Александр Николаевич Яковлев:

– Наша формула – Союз Суверенных Государств.

Все. Точка. Казалось бы, вопрос исчерпан – союз государств: есть государства и есть их союз. Но тут же выясняется, что в понимании Горбачева союз государств – это все-таки не союз государств, это **СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО**. Горбачев разъясняет это, по своему обыкновению, длинно, утопляя смысл в многословии:

– Самый главный вопрос – это наполнение реальным содержанием формулы Союза Суверенных Государств. Конечно, речь идет о **СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ** (выделено мной. – **О.М.**), у которого будет новый Центр, освобожденный от несвойственных ему функций, но это не какое-то эфемерное образование.

Ну да, СССР ведь тоже был союзом государств (республик), оставаясь при этом, вопреки элементарному здравому смыслу, государством. Так что и теперь в общем-то ничего не меняется. Союз государств – это просто такое название единого государства.

Против Центра – единым фронтом!

Как уже говорилось, в конце июля в Юрмале состоялась российско-балтийская встреча на высшем уровне. «Прибалты» вновь заявили, что не будут участвовать в переговорах о новом Союзе, но готовы обсуждать межгосударственные соглашения с Россией.

В свою очередь, Ельцин на встрече с латвийскими депутатами, также прошедшей в эти дни, опять-таки сказал, что надо развивать горизонтальные связи, причем независимо от того, будет ли Латвия (а подразумевалось, без сомнения, – и другие прибалтийские республики) участвовать в Союзном договоре или нет:

– Надо разрушить этот вертикальный жесткий стержень. Разрушить – и идти на прямые связи добровольных, суверенных, независимых государств, на договоры, которые не диктовались бы из Центра.

Коснулся Ельцин и вопроса о Союзном договоре, причем опять-таки в не очень благожелательном для Центра ключе:

– Россия, возможно, будет участвовать в Союзном договоре. Но, мне кажется, на таких условиях, на которые Центр или не пойдет, или, по крайней мере, очень долго не

пойдет. Поскольку проект, который подготовил Центр, не может удовлетворить Россию, а наверное, и другие суверенные государства. И потому мы подготовили свой вариант, где имеем в виду, что будет договор о создании СОДРУЖЕСТВА СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ (выделено мной. – **О.М.**), имеющих основы конфедерации, независимость и, допустим, каких-то два-три объединяющих элемента.

Вот уже когда витала идея содружества. Правда, еще только содружества-конфедерации. Но конфедерации весьма свободной, всего лишь с двумя-тремя «объединяющими элементами» (ну, что-то, надо полагать, в таком роде – безвизовые поездки из одной республики в другую, особый таможенный режим между ними, благоприятные условия торговли внутри содружества...)

Но Ельцин пошел еще дальше. Пока суть да дело, пока не заключен Союзный договор, пока не принята союзная Конституция, он предложил, чтобы перед нажимом Центра прибалтийские республики и Россия держались вместе:

– ...Ваш фронт, тот фронт обороны трех прибалтийских республик, был все-таки маловат, и напор Центра был велик. И стала рядом Россия. И Центр уже серьезно забеспокоился. Ему сейчас наступать будет труднее на эту укрепленную цепь обороны.

Так что у Горбачева и его окружения действительно были основания считать, что «конфронтационные» настроения Ельцина после того, как он стал председателем российского парламента, усилились.

«Кредиты давайте только нам»

Швейцарская газета «Базлер цайтунг» 2 августа опубликовала интервью с Ельциным. На вопрос, надо ли поддерживать правительство СССР в экономическом плане, Ельцин ответил:

– В нынешней ситуации я могу сказать, что реальный, единственно возможный способ оказать помощь – это дать гарантированные кредиты руководству Российской республики.

Это тоже, конечно, «напрягло» команду Горбачева. Не могло не «напрячь». Как писал Высоцкий, «Ты, Мань, на грубость нарываешься...» Ельцин явно «нарывался на грубость». Нужна ли она была в данном случае? К чему было без особого повода вызывать раздражение у Горбачева и его окружения? Тем паче, что как раз в этот момент между Горбачевым и Ельциным стали обнаруживаться серьезные точки соприкосновения сотрудничества – в сфере разработки общей экономической программы.

Но таков уж был характер Ельцина – задиристый, иногда до мальчишества.

Катастрофа все ближе

«Особенно опасными в силу зависимости советской экономики от зернового импорта в это время становятся просроченные платежи по контрактам «Экспортхлеба»... Заместитель министра внешнеэкономических связей СССР – заместителю председателя правительства СССР С.Ситаряну (от 6 августа 1990 года):

«Министерство внешнеэкономических связей СССР информировало Вас, что ВВО «Экспортхлеб» находится в крайне затруднительном положении с оплатой счетов иностранных поставщиков... Иностранные фирмы постоянно обращаются с требованиями произвести немедленную оплату за товары, поставленные в марте – июне с.г., а также возмещения убытков в виде процентов за задержку в оплате, которые из-за больших неоплаченных сумм в настоящее время уже составляют около 4,5 миллиона рублей и увеличиваются на сумму около 16 тысяч рублей за каждый последующий день просрочки».

БОЛЬШОЕ РОССИЙСКОЕ ТУРНЕ ЕЛЬЦИНА

«Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить»

В августе Ельцин, свежееиспеченный председатель российского парламента, совершил поездку по «подведомственной» ему территории – посетил Татарию, Башкирию, Воркуту, побывал в Сыктывкаре, Свердловске, Кузбассе, Приморском крае, на Сахалине и Камчатке.

Пожалуй, наиболее примечательное событие из этого турне случилось в Казани то ли 7-го, то ли 8 августа. Здесь Ельцин произнес одну из своих самых знаменитых фраз, которая с тех пор без конца цитируется, чаще с обвинительным по отношению к Ельцину уклоном. Вот как об этом писала татарская журналистка Венера Якупова:

«Август 1990 года. Активисты Татарского общественного центра узнали, что Ельцин после [Набережных] Челнов будет в Казани в моторостроительном объединении. И решили караулить его у проходной.

Только микроавтобус с высоким гостем подъехал, националы (то есть требующие независимости Татарстана от России. – **О.М.**) тут как тут. Развернули плакаты и молча стоят.

Ельцин вышел из микроавтобуса и бодро воскликнул:

– О, плакаты! Надо прочитать!

Подошел. У слесаря производственного объединения «Тасма» Рауфа Ибрагимова был в руках плакат: «Мы в Россию не входили!»

Ельцин это прочитал и задумался. А Ибрагимов ему в лицо не смотрит – неудобно! Но краем глаза видит – все замешкались. Даже Шаймиев деликатно отвернулся и молчит.

Ельцин помолчал и двинулся дальше.

А вечером на встрече с общественностью Казани он сказал:

– Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить!»

Это, конечно, была опрометчивая фраза, но вряд ли она случайно вылетела из уст Ельцина. Во всяком случае сам он позднее объяснял ее вполне рациональным образом, – дескать, это был один из вынужденных ходов в противоборстве российского руководства с союзным Центром. Как уже говорилось, 26 апреля 1990 года Верховный Совет СССР принял закон «О разграничении полномочий между СССР и субъектами федерации», который «выравнивал» права автономных и союзных республик. Этим законом из состава России фактически выводились шестнадцать автономий. При этом их руководители получали право участвовать в принятии решений о судьбах Союза. Горбачев, по-видимому, надеялся, что благодаря этому он получит поддержку региональных лидеров в противостоянии со строптивыми «старыми» союзными республиками, прежде всего с РСФСР. Для России же единственным способом сохранить автономии в своем составе было – предоставить им как можно большую свободу. Именно так позднее, в 1996 году, Ельцин объяснял произнесенную им знаменитую фразу:

«Про суверенитет было сказано то, что нужно, в нужном месте и в нужное время. Чем можно было остановить сепаратизм автономий, не имея еще необходимых властных и экономических рычагов, которые были в то время сосредоточены в ЦК и союзных министерствах? Было найдено нестандартное решение, в чем-то похожее на тактику «встречного пожара»: когда горит лес, пожарные, точно рассчитав траекторию, пускают навстречу стене огня встречный пожар. И огонь, захлебнувшись, глхнет. Так вот, начало этой сложной работы часто ассоциируется с моей фразой, сказанной в Казани, – «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». И наш расчет оправдался».

Точно так же, хотя и несколькими другими словами, объяснял эту ельцинскую щедрость по части суверенитета в разговоре со мной и Геннадий Бурбулис:

– В тот момент это была единственная возможность дать России, Российской Федерации надежду на выживание. Мы не можем ничем помочь республикам. У нас нет ни денег, ни ресурсов... Единственно, что мы можем дать руководителям республикам, – что-то такое, что могло бы стимулировать у них внутреннюю мотивацию для самостоятельного поиска путей выживания. И этим «что-то» как раз была идея суверенитета. Тут у Ельцина не только сработал инстинкт политика, но и проявилась реальная практическая мудрость, которая действительно помогла выжить в той тяжелой ситуации.

Через несколько дней при встрече с общественностью Казани в Казанском университете Ельцина напрямую спросили: возможен ли такой вариант, что Татария получит статус союзной республики, оставаясь в составе РСФСР?

– Возможен, – ответил Ельцин. – Вам решать. Можете иметь абсолютно все права. Что из них вы захотите взять, что делегировать России, – никто вас подталкивать не будет.

Трудно, конечно, себе представить, как это может выглядеть, – чтобы одна союзная республика входила в состав другой союзной республики, да еще обладая при этом полной самостоятельностью. Но тогда Ельцин готов был обещать что угодно, лишь бы удержать автономии в составе России.

Фразу насчет неограниченного суверенитета, почти слово в слово, он повторил и в Башкирии, на встрече с общественностью Уфы 13 августа:

– Мы говорим башкирскому народу, мы говорим Верховному Совету, правительству Башкирии: возьмите ту долю власти, которую сами сможете проглотить. И мы согласимся с этой долей, с этим решением...

Позднее Ельцину придется затратить немало сил, чтобы погасить запаленный им «встречный пожар», чтобы не допустить распада России. Возможно, он даже придет к заключению, что сила и направление «встречного пожара» были рассчитаны не очень точно. Но это потом. Теперь же, в августе 1990-го, став председателем российского парламента и объезжая «владенья свои» (напомню строчки из Некрасова: «Морозовоевода дозором обходит владенья свои»), он предавался эйфории, не слишком думая о последствиях.

«Семь русских государств»

Любопытное признание, касающееся того, как «перестроить» РСФСР, сорвалось с ельцинских уст во время его выступления в Свердловске 15 августа.

– Первоначальный вариант моей программы – сказал он, – семь русских государств. Но сам потом понял, что это будет серьезная ошибка и этого пока допустить нельзя.

Обратите внимание на это «пока».

Что же это за план – «семь русских государств»? Возможно, Ельцин оговорился, и вместо «семь русских» надо было сказать «семь РОССИЙСКИХ». Тогда еще можно было бы догадаться, в каком направлении двигались его мысли: создать некую структуру, некую федерацию, каким-то образом сгруппировав территориально близкие республики, края, области. Однако при этом пришлось бы ликвидировать образования, созданные по национальному признаку. Кто же ему это позволил бы сделать? Нет, план, если он действительно существовал в голове Ельцина, был, конечно, совершенно нереализуемый. Однако он свидетельствовал, что Борис Николаевич в ту пору мучительно размышлял над тем, какой все-таки в конечном итоге должна стать структура российского государства, размышлял, не останавливаясь при этом и перед совершенно фантастическими проектами.

Это была пробная идея

Впрочем, как сказать... Был ли этот проект таким уж фантастическим? В принципе и тогда уже было ясно, да ясно и теперь, что территориальное деление России не идеально.

– В сущности, мы получили в наследство лоскутное одеяло, – говорил в беседе со мной Геннадий Бурбулис. – По каким принципам формировались так называемые регионы внутри России, – неисповедимо. Чаще всего они формировались волюнтаристски. В результате образовалась нелепая несимметричная федерация – от автономных округов до гигантских краев и республик. Статус каждой республики как

самостоятельной единицы весьма двусмысленный. У каждой своя конституция... Каждая вскоре стала претендовать и на самостоятельную международную деятельность и на все прочее. Создать какую-то грамотную систему, чтобы управлять вот этим конгломератом, в принципе невозможно. Так что мы уже тогда искали какие-то варианты более оптимального территориального деления. Так что идея о семи русских, или российских республиках была одной из таких пробных идей...

По словам Бурбулиса, Ельцин примерял здесь свой партийный, обкомовский опыт. Он уже в пору своей работы на высшем партийном посту в Свердловске видел, какую пользу могло бы принести более тесное сотрудничество секретарей обкомов соседних областей, жизнь толкала к этому – к тому, что позднее вылилось в межрегиональные ассоциации экономического сотрудничества. Однако в те догорбачевские и доельцинские времена московское начальство не поощряло слишком тесное сотрудничество и хозяйственное сближение соседей, видело в этом опасность сепаратизма...

Горбачев будет «английской королевой»

Понятное дело, во время своей поездки, при встречах с людьми, Ельцин говорил не только о будущем устройстве России, но и об устройстве Союза. Выступая в Коми 14 августа, он заявил, что Россия отказывается «от союзной структуры... от всех министерств союзных...», все берет на себя.

– Вокруг России будут и другие союзные республики как-то консолидироваться, – сказал он. – . Потому что как только мы приняли Декларацию о суверенитете, так сразу приняла Декларацию Украина, Белоруссия, Молдавия, Грузия...

Насчет Грузии он ошибся. Грузия провозгласила суверенитет чуть раньше, чем Россия, – 26 мая 1990 года.

Это ельцинское намерение как бы подменить собой, Россией, прежний союзный Центр в дальнейшем не раз будет «напрягать» лидеров других союзных республик.

А что же будет с Горбачевым при таком разбегании республик? Будущее союзного президента виделось Ельцину не слишком радужным. И он этого не скрывал. Выступая в Новокузнецке, он заявил, что после заключения нового Союзного договора роль президента СССР будет равнозначна «роли королевы Великобритании».

Вот опять ненужная агрессия по отношению к Горбачеву. Для чего, спрашивается, вновь и вновь настраивать против себя союзного президента? Каким там в будущем окажется роль Горбачева, покажет время. Но сейчас-то они, Ельцин и Горбачев, вполне могут быть не только противниками, но и союзниками – в борьбе с консервативной партийно-советской бюрократией, коммунистическими ортодоксами, с антиперестройщиками, вместе искать способы, как предотвратить экономическую катастрофу (может, вместе лучше получится?)

– Да, действительно у Бориса Николаевича была такая черта – склонность прибегать к формулировкам, которых публичный политик чаще всего избегает, – соглашается со мной Бурбулис, когда я напоминаю ему об этой истории.

«Он занимается демагогией»

Горбачев тоже не отставал от Ельцина в «лестных» оценках, касающихся российского лидера. Анатолий Черняев:

«Пригласил однажды вечером Горбачев меня и Примакова на семейный ужин к себе на дачу. Говорили откровенно, главным образом вокруг Ельцина и Полозкова. Горбачев:

– Все видят, какой Ельцин прохвост, человек без правил, без морали, вне культуры. Все видят, что он занимается демагогией (Татарии – свободу, Коми – свободу, Башкирии – пожалуйста). А по векселям платить придется Горбачеву. Но ни в одной газете, ни в одной передаче ни слова критики, не говоря уже об осуждении. Ничего, даже по поводу его пошлых интервью разным швейцарским и японским газетам, где он ну просто не может без того, чтобы не обхамить Горбачева.

«Прохвост, человек без правил, без морали, вне культуры...» Это ведь тоже перехлест. Правда, Горбачев произносит все это в узком кругу приближенных, в то время как Ельцин поносит его публично. Хотя Горбачев, наверное, догадывается, что и его слова после станут известны широкой публике – через опубликованные дневники, записные книжки, мемуары его соратников. Но это все же будет позднее, когда его слова уже утратят сиюминутную остроту.

Впрочем, после своего антиельцинского выпада Горбачев добавил примирительно:

– Как с человеком ничего у меня с ним (с Ельциным. – **О.М.**) быть не может, но в политике буду последовательно держаться компромисса, потому что без России ничего не сделаешь.

И это тоже рассчитано, конечно, на дальнейшее оглашение: дескать, Горбачев умел отделять личное от делового, политически значимого.

Оба они старались отделять личное от политически значимого. Но, думаю, не всегда это получалось. Взаимная личная неприязнь то и дело прорывалась наружу, накладывая отпечаток на те или иные действия обоих. Так ведь у всех людей бывает, не только у Горбачева и Ельцина.

Впрочем, эта взаимная неприязнь, конечно, не была у них величиной постоянной, она то усиливалась, то ослабевала. И это тоже отражалось на политическом поведении каждого.

Ельцин обещает...

Нетрудно было предвидеть, что помимо вопросов о суверенитете тех или иных республик Ельцину в его поездке по России будут задавать и более приземленные вопросы – о хлебе насущном. Здесь он мог опереться на некую, вроде бы вполне основательную, договоренность с Горбачевым, которой он достиг перед тем как отправиться в путь. В конце июля они вдвоем, Горбачев и Ельцин, подписали совместное поручение о разработке программы «500 дней» (вот оно – помимо взаимных уколов и оскорблений могли же эти два человека и договариваться о чем-то значимом. – **О.М.**) За этот срок – несколько более полутора лет – предполагалось перевести экономику страны

на рыночные рельсы. Трудно сказать, верил ли сам Ельцин в успех этой программы – на его веку, веку опытного парработника, – программ принималось немало... Но, безусловно, при общении с народом у него не было иного выхода, как только внушать людям оптимизм.

На упомянутой встрече в Казанском университете он пообещал «в течение двух лет стабилизировать экономику и на третий год повысить жизненный уровень людей».

– Всегда так говорил, говорю и от этого не отступаю, – твердо заявил Ельцин.

То же самое посулил и в Коми:

– Переходный период будет – самый тяжелый – год, год с небольшим... В этот период – пятьсот дней, два года – перехода к рынку не будет снижен уровень жизни людей. Третий год – повышение!.. Поддержите нас эти два-три года.

Если бы он знал тогда, насколько в действительности растянутся эти сроки...

Впрочем, если бы даже и знал... Не мог же он повергать людей в еще большее уныние. Задача была противоположная – поднять настроение, вселить оптимизм, повысить жизненный тонус. Обычное поведение политика, государственного деятеля, стремящегося завоевать и укрепить доверие людей.

«Россия подкармливает всех»

Желая сыграть на «патриотических» чувствах слушателей, Ельцин довольно рискованно представлял Россию в роли этакой дойной коровы для остальных союзных республик. Это, разумеется, не могло не вызывать раздражения у других республиканских лидеров, у других народов – членов «семьи единой», как любили именовать СССР партийные пропагандисты, но здесь, в России, такие речи действительно встречались с пониманием и сочувствием.

– Россия подкармливает всех, – говорил Ельцин на встрече с общественностью Уфы. – Россия все время жертвовала. Россия все время отдавала, но, в конце концов, благотворительность начинается у себя дома. И если мы действительно не можем накормить народ, не можем одеть народ, то мы не можем допустить, чтобы мы оплачивали другие государства, направляя помощь туда, да и другим республикам...

Давайте улучшать жизнь своего народа, поскольку дальше он терпеть уже не может. И если мы за два-три года не выполним свою программу, то народ просто поднимет на вилы и сбросит тех, кто не способен руководить... Программа союзного правительства («павловская», выдвинутая несколько ранее программы «500 дней». – О.М.) нам не пригодна. Мы ее категорически отвергаем. И Верховный Совет России ее не принял, потому что начало этой программы – повышение цен. Это не выход из положения, народ не может принять такую программу... Российская программа рассчитана на 500 дней, отличается от союзной, она рассчитана на повышение не цен, а уровня жизни народной. Через два года. То есть это программа стабилизации экономики за два года, чтобы нам не упасть в пропасть окончательно, чтобы не завалиться России набок и уже больше не встать. И третий год – повышение жизненного уровня людей...

И снова призывы набраться терпения на этот небольшой срок:

– Мы просим вас, уважаемые граждане Башкирии, дать нам кредит доверия. Два года – на стабилизацию, третий год на повышение жизненного уровня.

Если бы Ельцин и его слушатели знали тогда, как в действительности взлетят цены в ходе реальных реформ, которые, впрочем, и начнутся со значительным опозданием, только в январе 1992 года...

Чудес не бывает, и в той ситуации ни одна реформа не могла бы обойтись без повышения цен. Значительного повышения. Правда, какого именно, – тут авторы различных проектов, и осуществленных и не осуществленных, до сих пор спорят и обвиняют друг друга: одни – в жестоком обращении с народом (дескать, цены могли бы взлететь и не так высоко), другие – в популизме и маниловщине.

Ельцин поддерживает и одобряет...

Повсюду, как и другой бы на его месте, Ельцин желал понравиться, увеличить свою популярность.

В Кузбассе и на Дальнем Востоке он обещал создать свободные экономические зоны. Это тогда вообще была довольно распространенная идея, вроде бы обещающая быстро устроить экономический рай в данном конкретном месте посреди всеобщей разрухи.

Поддержал решение Кемеровского облсовета об инвентаризации имущества обкома КПСС. Впрочем, довольно осторожно высказался по поводу того, какие отношения следует поддерживать с бывшей «руководящей и направляющей»: «С КПСС нужно сотрудничать, но не позволять ей властвовать и решать кадровые вопросы».

Какое уж тут сотрудничество, если вот-вот конфискуют партийное имущество...

Одобрил требования жителей Кузбасса, выдвинутые во время июльской политической забастовки, в том числе о «деполитизации органов МВД, КГБ, армии, суда, прокуратуры, народного образования, создании правительства народного доверия».

Тогда подобные требования тоже были у всех на устах.

На Курилах, встречаясь с жителями одного из «спорных» островов, Ельцин повторил свой план разрешения российско-японского «спора»: необходимо заключить договор с дальневосточным соседом, демилитаризовать «спорные» территории, создать здесь зону свободного предпринимательства...

В общем народ, с которым Ельцин встретился во время этой своей, первой в его новой роли, поездки, услышал от него то, что хотел услышать. По-другому, повторяя, наверное, и не может быть при таких поездках-презентациях, поездках-знакомствах.

Парад суверенитетов продолжается

22 августа Декларацию о государственном суверенитете приняла Туркмения, 24 августа – Таджикистан.

Некоторые уже не различали слова «суверенитет» и «независимость»: 24 августа Верховный Совет Армении принял Декларацию о независимости республики. Правда, после выяснилось, что все-таки имелся в виду пока что лишь суверенитет.

(Кстати, и день провозглашения государственного СУВЕРЕНИТЕТА России 12 июня одно время почему-то назывался Днем НЕЗАВИСИМОСТИ России, вызывая недоуменные вопросы: независимости – от кого?)

С августа, как уже говорилось, суверенитет начали провозглашать уже и автономии, – российские, грузинские, молдавские. 9 августа «суверенной» стала Карелия, 31-го – Татарстан (видимо, «поощренный» выступлениями Ельцина), чуть позже, в сентябре, – Удмуртия и Якутия. Ряд других автономий объявил о суверенитете в октябре...

Реально «автономные» суверенитеты так и не были реализованы. Но процесс, несомненно, подстегнутый неосторожными речами Ельцина, привел к довольно тревожной ситуации внутри России.

Какого Союза хочет Горбачев

Между тем, в июле 1990 года начались консультации по новому Союзному договору. Первый его вариант был опубликован 24-го числа. Следуя поветриям времени и эволюционирующему настроению Горбачева, авторы предусмотрели в нем расширение суверенитета союзных и автономных республик, однако никаких существенных изменений в структуре Союза не предполагалось.

Как уже говорилось, главным для Горбачева было, – не допустить распада страны. Но в какой именно форме ее сохранить, он, по-видимому, и сам не знал. Анатолий Черняев, 21 августа:

«Шахназарову он... поручил подготовить интервью по проблемам Союзного договора. Когда тот прислал проект, Горбачев забраковал и долго ругался. А ругался, потому что Шах реалистически изобразил, что неизбежно произойдет. А М. С. этого не хочет и опять опаздывает. Сначала он ратует за восстановление ленинского понимания федеративности, потом – за обновленный федерализм, потом – за реальную федерацию, потом – за конфедерацию, потом – за союз суверенных республик. Наконец – за союз государств, и это – когда некоторые республики уже заявили о выходе из СССР. Шахназаров переделал и прислал взамен слезливую бодягу, увещевание – не уходите, мол, вам будет плохо, а в новом Союзе будет хорошо!

Но Горбачев уже передумал... насчет интервью. Решил поехать на маневры в Одесский военный округ...»

Так что же должно было произойти, по мнению Шахназарова и по поводу чего Горбачев долго ругался? Догадаться нетрудно: следуя эволюции взглядов самого Горбачева и несколько экстраполируя, логически продлевая их дальше, его помощник, видимо, написал, что СССР в конце концов превратится в Союз Суверенных Государств, то есть именно в союз, в подлинном смысле этого слова. Однако в ту пору Горбачев еще не был готов, чтобы окончательно принять эту идею. Да, собственно, он никогда ее и не примет. При всей сумятице сменяющих друг друга представлений о будущем СССР неизменным для него оставалось одно: Союз должен оставаться **ЕДИНЫМ ГОСУДАРСТВОМ**.

Катастрофа всё ближе

«15 августа 1990 года руководители объединений Министерства внешнеэкономических связей, отчаявшись добиться ответа Внешэкономбанка, обратились прямо к руководству государства. Председатель ВВО «Продинторг» А.Кривенко – председателю Совета министров СССР Н.Рыжкову:

«По состоянию на 15 августа задолженность Всесоюзного объединения «Продинторг» перед иностранными фирмами в свободно конвертируемой валюте составила 245 миллионов рублей... Несмотря на принятые решения о приоритетной оплате импортных продовольственных товаров, Внешэкономбанком СССР платежи за продтовары не производятся, хотя сроки платежей наступили... Из-за задержки платежей фирмы-поставщики ФРГ, Франции, Новой Зеландии, Норвегии заявили о прекращении поставок масла животного, мяса, мясопродуктов и сухого молока. Прекращены отгрузки по заключенным контрактам мяса и мясопродуктов из Бразилии, растительных масел из Малайзии, Кипра, сухого молока из Голландии, сливочного масла из Швеции. Под угрозой прекращения отгрузки продтоваров в СССР из ряда других стран».

ПРОГРАММА «500 ДНЕЙ». УПУЩЕННЫЙ ШАНС

«Экономическое» перемирие

Важным моментом, повлиявшим на отношение Ельцина к Горбачеву стала история с уже упомянутой программой «500 дней». Как уже говорилось, 27 июля 1990 года они вдвоем, Горбачев и Ельцин, точнее вчетвером – еще участвовали руководители правительств СССР и РФСР Рыжков и Силаев, – подписали совместное поручение о разработке этой программы. Ее проект надлежало создать в весьма короткий срок – до 1 сентября, ситуация не располагала к промедлению. Для многих это стало неожиданностью: в последнее время довольно четко обозначился конфликт экономических программ, к которым склонялись и которые уже отчасти начали осуществлять Центр и Россия. Некоторые считали подписанное соглашение уступкой скорее Горбачева Ельцину, нежели наоборот: Горбачев как бы соглашался на более радикальный вариант реформы, на котором настаивало российское руководство. Предполагалось, что исходной при создании новой программы будет экономическая программа России, получившая название «Мандат доверия на 500 дней» (вскоре название упростилось до того самого – «500 дней»). Хотя не исключались и какие-то компромиссные варианты.

Согласно программе «500 дней», планировалось легализовать частную собственность, отменить государственные субсидии убыточным предприятиям, распродать незавершенные стройки, осуществить приватизацию, в ходе ее поглотить избыточные деньги в экономике; после этого – отменить государственный контроль над ценами.

То есть приватизация здесь ставилась впереди либерализации цен. Позднее Гайдар поменял их местами: приватизация – дело долгое, а время не ждет; надо в первую очередь делать то, что можно сделать быстро.

Все же для того момента программа «500 дней» имела несомненные преимущества перед конкурировавшей с ней правительственной программой, она была более радикальной, открывала реальную дорогу для рыночного преобразования экономики ВСЕЙ СТРАНЫ, ВСЕГО СОЮЗА (позднее реформы Гайдара пришлось уже замкнуть в рамках одной России).

Горбачев в эйфории

Это была пора, казалось бы, достаточно прочного примирения между Горбачевым и Ельциным: наконец-то найдена твердая точка соприкосновения, прежней конфронтации, может, уже не будет. Они часто звонили друг другу, рассказывали своим сотрудникам, как идут дела. Бывший помощник Горбачева Анатолий Черняев вспоминает:

«Когда и каким образом Горбачев и Ельцин вышли «друг на друга» с идеей предложить совместную экономическую программу, я не знаю. Но Петраков (видный экономист, академик. – **О.М.**), приглашенный было на Юг (в команде Горбачева, который отбывал в отпуск. – **О.М.**), но оставленный в последний момент в Москве, уже состоял к концу июля в совместной «рабочей группе» по ее подготовке.

За эти двадцать с небольшим дней [М.С. прервал отпуск 21-го (августа. – **О.М.**)] у него было четыре основные темы: экономическая программа; Союзный договор; обоснование «социалистического выбора» (статья или выступление по телевидению); иракско-кувейтский кризис.

Едва ли не каждый день этого отпуска Горбачев интересовался, как идут дела в «группе тринадцати», которая сидела в Архангельском и готовила ту самую знаменитую программу «500 дней». В суть дела и в перипетии подготовки он меня не посвящал. Для этого у него был Петраков, помощник по экономике, и член Президентского совета академик Шаталин. Они постоянно его информировали, слали ему в Крым «заготовки», получали его замечания.

Знаю только, видясь с ним почти каждый день, что он был полон энтузиазма. «Голя! – говорил. – Начинаем самое главное. Это – уже окончательный прорыв к новому этапу перестройки... Подводим под нее адекватный базис...» Что-то в этом роде. Так я пометил в дневнике. На эту тему он соскальзывал, о чем бы ни шла речь».

Аналогичным образом, хотя, может быть, и не так восторженно, высказывался в своем кругу и Ельцин.

Куда вскоре делились эти восторги, этот энтузиазм?

«Первая проба сил»

Хотя, как уже было сказано, предполагалось создать ЕДИНУЮ экономическую программу, «россияне» и «союзники» в общем-то действовали порознь. По словам Вадима Медведева, работа группы Шаталина – Явлинского (разработчиков программы «500 дней») «шла в отрыве от правительства, и даже в противоборстве с ним».

30-31 августа под председательством Горбачева состоялось совместное заседание Совета Федерации и Президентского совета. Медведев:

«...Произошла первая проба сил. Обсуждались альтернативные проекты перехода к рынку (то есть программа «500 дней» и программа союзного правительства. – **О.М.**) Правда, сами проекты отсутствовали. Материалы комиссии Шаталина (опять – «500 дней» – **О.М.**) были разосланы членам того и другого Советов только поздно ночью, а записка Рыжкова (правительственная программа. – **О.М.**) участникам совещания была роздана в перерыве».

Поскольку были представлены две программы, но что они собой представляют, никто толком не знал, ораторы, говоря о том, что необходим скорейший переход к рынку, о самих программах высказывались обтекаемо, – дескать, нужен какой-то компромисс между двумя подходами.

Вполне определенно выступил Ельцин. Он напомнил, что первоначально программа Шаталина – Явлинского была разработана для Российской Федерации; потом, в конце июля, российское руководство предложило президенту СССР

использовать ее после некоторой доработки в рамках Союза, и это предложение было принято; остается выполнить эту договоренность – принять программу «500 дней» как общесоюзную программу перехода к рынку; но для ее реализации В СУЩЕСТВОВАНИИ СОЮЗНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НЕТ НЕОБХОДИМОСТИ (выделено мной. – О.М.)

Отправить правительство в отставку предложили также Хасбулатова и Силаев. Однако руководители других республик не были готовы к такому радикальному шагу...

Подводя итог дискуссии, Горбачев тоже постарался обойти острые углы: он – за объединение усилий в разработке компромиссного соглашения, но против отставки союзного правительства:

– Надо улучшать деятельность существующих органов, а не разгонять их. У нас нет времени на новые реорганизации. Надо объединить усилия на основе согласования подходов и программ.

Стало ясно, что с программой «500 дней» не все пойдет так гладко, как поначалу представлялось.

Что испугало Горбачева

После этого заседания Медведев, по его словам, принялся штудировать программу «500 дней» и написал Горбачеву записку о своих впечатлениях. Он похвалил «500 дней» как «серьезную разработку, выдержанную в едином ключе», выразил мнение, что у нее «больше шансов на успех», чем у программы правительства, так что внимание должно быть сосредоточено именно на ней как на более предпочтительной. Однако главные различия между двумя программами, по словам Медведева, лежат за пределами экономики и носят скорее политический характер.

«Программа «500 дней», собственно, в экономическом отношении более привлекательна, – еще раз подчеркивал Медведев, – но она и более политизирована. В ней предполагается наличие между республиками лишь экономического соглашения, единого экономического пространства и, по сути дела, предрешается судьба политического союза... Кроме того... программа «500 дней» пронизана духом

отторжения союзного правительства. Не случайно, что с появлением программы началась массированная атака на правительство с требованием его отставки. Этим объясняются и непримиримость противоборствующих сторон, и тщетность моих попыток в контактах и с Шаталиным, и с Абалкиным добиться сближения позиций на основе чисто профессионального, экономического подхода, не отягощенного политическими факторами».

По-видимому, именно это и испугало Горбачева. Во всяком случае, так считает Медведев.

«Здесь, – писал он, – по-моему, и кроется объяснение того, почему президент, отдавая предпочтение программе Шаталина – Явлинского с точки зрения ее экономического профессионализма, не считал возможным принять ее в том виде, в каком она подавалась»

Горбачев предложил создать компромиссную концепцию, поручив это академику Аганбегяну с участием двух других академиков – Шаталина и Абалкина. Практически же две программы под руководством самого Горбачева сводил воедино еще один академик – Петраков.

Компромиссная концепция... Это было начало конца программы «500 дней».

31 августа состоялось очередное заседание Президиума российского Верховного Совета. Естественно, речь зашла о судьбе экономической программы.

– Товарищ Горбачев – сказал Ельцин – предложил две программы слить. Это то же самое, как соединить амперы и километры. Это невозможно. Совершенно другие принципы заложены.

По словам Ельцина, главное различие между двумя программами: группа Шаталина – Явлинского предлагает, чтобы экономическая политика проводилась через суверенные республики, входящие в Союз, «а правительственная программа – она опять-таки насильственная программа сверху: вот мы вам диктуем, а вы исполняйте, и все».

Так закончилась идиллическая картина перемирия между Горбачевым и Ельциным. Длилось оно ровно месяц.

К столице движутся войска

Конец перемирия ознаменовался было совсем уж по-военному.

Как уже говорилось, разработка программы «500 дней» – в варианте для всего Союза – была закончена 31 августа. 11 сентября российский Верховный Совет проголосовал за нее. Однако, понятное дело, без одобрения союзным руководством, она не могла быть введена в действие. Между тем, как мы видели, Горбачев, ранее вроде бы обо всем достигший согласия с Ельциным, дал задний ход...

И не просто дал задний ход. В первой декаде сентября вокруг Москвы начались какие-то странные передвижения войск. Историк Рудольф Пихоя довольно подробно проследил маршруты этих передвижений. 8 сентября командующий Воздушно-десантных войск генерал-полковник Ачалов (одна из самых зловещих фигур того времени) отдал приказ командирам Тульской, Псковской, Белградской, Каунасской и Кировобадской воздушно-десантных дивизий выдвинуться в Москву «в состоянии повышенной боевой готовности по «южному варианту». Под «южным вариантом», очевидно, подразумевалось, что десантники должны быть готовы действовать в Москве так же, как они только что действовали в республиках Средней Азии, подавляя возникшие там кровавые беспорядки.

В ночь с 9 на 10 сентября Рязанская воздушно-десантная дивизия с вооружением, в полной боевой экипировке была направлена в Москву. 10 сентября началось передвижение других частей.

По собственным наблюдениям Рудольфа Пихои, в эти дни в столице стали происходить удивительные вещи. В гостинице «Россия», где жили некоторые иногородние депутаты РСФСР и сотрудники аппарата председателя российского Верховного Совета Ельцина, вдруг куда-то исчезли женщины-горничные, коридорные и вместо них появились и выдавали ключи крепкие парни-прапорщики в военной форме.

Заметьте: «боевые действия» намечались именно против российских депутатов и чиновников...

В прессу попали сообщения, что КГБ разослал в ряд обкомов предупреждение: российскими властями якобы подготовлен план захвата телевидения, радио, вокзалов, аэропортов и других стратегических объектов столицы.

После появления этих сообщений, после того, как было замечено передвижение

войск, – а не заметить его было нельзя, хотя оно и проводилось скрытно, – естественно, возник скандал. 11 сентября на заседании российского парламента Ельцин выступил с заявлением, что к Москве двигаются армейские десантные части.

– Нам пытаются доказать – сказал он, – что это мирное мероприятие, связанное с подготовкой к параду, однако есть сильное сомнение в этом.

В ответ с опровержением в «Известиях» выступил тот же Ачалов. Он настаивал, что войска прибыли в Москву именно для подготовки к параду, а часть из них была направлена в близлежащие к столице районы, как тогда говорили, «на картошку» – в помощь колхозникам при уборке этих самых корнеплодов.

Но запустил военную машину, конечно, не Ачалов, хотя он, как всегда, стал ревностным исполнителем намечаемых карательных мер. Эту машину могли привести в движение только Язов и Горбачев. Правда, последний, как всегда, остался за кулисами.

Что же его в этот-то момент так напугало заставило судорожно схватиться «за оружие»? Ну идет подготовка экономической программы... Он сам недавно так радовался этому. Возможно, испуг вызвали истерические предупреждения некоторых близких ему людей. Например, председателя Верховного Совета СССР Лукьянова (позднее он стал идеологом ГКЧП, хотя формально не вошел в его состав).

– Если будете так вести дело, – предупреждал он Горбачева и его окружение, – в сентябре Верховный Совет скинет правительство, в ноябре будут распущены Съезд народных депутатов и сам Верховный Совет. Назначат новые выборы, и не позднее декабря скинут и президента, и вас (то есть близких к Горбачеву людей. – **О.М.**)!

Горбачев, как всегда, не решился пойти до конца. Был дан отбой. Все приказы о передвижении войск в Москву были уничтожены. Словно бы ничего и не было.

Для чего все-таки потребовались эти странные маневры и кто какие выводы сделал из этого провалившегося (а мог бы и не провалиться!) спектакля?

«Маневры понадобились просто для того, – пишет Рудольф Пихоя, – чтобы

иметь дополнительные аргументы в противостоянии союзного и российского руководства».

Имеется в виду – в противостоянии, которое вдруг возникло при выборе экономической программы. Да и в целом – не только в экономическом, но и политическом противоборстве, к которому вернулись. Вот ведь какие бывают повороты. Еще недавно здесь царили мир и благолепие. Эйфория. И вдруг – потребовалось стягивать к столице войска. Что касается выводов...

«Для радикальных сторонников сохранения СССР из числа военных, КГБ и партаппарата, – продолжает историк, – на будущее стало ясно – Горбачев не решится применить силу, чтобы разогнать новую российскую власть. Пройдет год, и 19 августа 1991 года на улицы Москвы зайдут, чадя и газуя, сотни танков и боевых машин. Появится ГКЧП. Появится сила против силы – народ против путча. И кончится советский период в истории России».

Все же, думаю, относительно нерешительности Горбачева «силовикам» и аппаратчикам это стало ясно не до конца. Они и через год попытаются привлечь его на свою сторону.

«Надо спасать народ от голода»

К середине октября Петраков, выполняя поручение Горбачева, подготовил новый, тот самый «компромиссный» документ под названием «Основные направления по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночным отношениям». Как потом стали говорить, он представлял собой попытку «скрестить ежа с ужом».

13 октября Горбачев в очередной раз обсуждал с руководителями союзных республик, что делать с Союзом, с экономикой. Основное впечатление от стенограммы этого обсуждения – растерянность перед надвигающейся катастрофой, «обмен мнениями» в духе «кто в лес, кто по дрова».

В речах и репликах Горбачева, как это часто у него бывало, преобладали общие, тривиальные призывы: «надо преодолеть опасную тенденцию», «как воздух нужно взаимодействие», «на регулярной основе нужно решать и согласовывать все основные вопросы», «не должно быть параллелизма между деятельностью» различных органов власти, «надо договориться, чтобы правоохранительные органы действовали на основе законов» (чего ж тут договариваться – разве и так не ясно, как должны действовать эти органы? – **О.М.**), «нужно безотлагательно составить программы, подписать их и неукоснительно выполнять», «делать это в конституционном режиме» и т.д. и т.п.

Впрочем и среди этих банальных призывов проскальзывали слова, свидетельствующие, что президент осознает трагичность ситуации: «страна стоит в очередях», надо «спасать народ от голода», нам «угрожает гиперинфляция, экономика может оказаться вообще на грани хаоса»...

Республики, как уже повелось, тянули одеяло на себя.

Председатель украинского парламента Леонид Кравчук:

– В одиночку никому не выплыть. Но не нужно расписывать все до деталей. Согласие – в принципах, самостоятельность – в конкретике. Не надо сейчас ставить в порядок дня вопрос о Союзном договоре. Давайте выйдем сначала из кризисной ситуации. Где можно – все отдать республикам... Союз можно сохранить только на экономических связях. Все остальные аргументы больше не работают.

Председатель союзного правительства Рыжков, напротив, настаивал на усилении власти Центра, критиковал Горбачева за то, что он ослабил эту власть:

– Никакие программы не помогут, если не решим несколько ключевых вопросов. У нас нет сильной исполнительной власти. Мы допустили политические ошибки, расшатав Союз. Республики будут самостоятельны, но нужна федерация. Необходимо укрепить исполнительную власть по вертикали (хорошо знакомое ныне слово! – **О.М.**) Я не согласен с Михаилом Сергеевичем. Или президент нужен властный, или оставить правительство (в то время речь то и дело заходила о ликвидации этого органа – союзного правительства. – **О.М.**) Если президент берется за исполнительные функции, правительство не нужно... В принципе надо идти на всю полноту президентской власти в стране...

Обращаясь к Горбачеву:

– Мы вам предлагаем: берите власть.

Горбачев соглашается, что «президент ослаблен, и правительство не в легком положении», «нужно укрепить власть, подвести правовую базу». Однако он не согласен, в каком порядке надо эту власть укреплять и в какие сроки; сначала все-таки надо заключить Союзный договор – любимое горбачевское детище:

– Без нового Союзного договора это (укрепление вертикали центральной власти. – **О.М.**) будет выглядеть подозрительно... Съезд взбунтуется. Это вроде разгона правительства, переворота. Не упрощайте. Я даже думаю, что после такого изменения Конституции надо вновь поставить вопрос о президенте и не обойдется без всенародных его выборов. Вот если бы решить проблему с помощью нового Союзного договора – тогда это естественно...

В общем, как чаще всего бывало на таких совещаниях, оно кончается ничем. Поговорили и разошлись.

Ельцина на совещании не было. Россию представлял его первый зам Хасбулатов. Он, без сомнения, пересказал своему шефу, что происходило на этой говорильне. Надо полагать, это послужило для Ельцина дополнительным толчком, чтобы перейти к решительным действиям.

Горбачев – нобелевский лауреат

15 октября Горбачеву была присуждена Нобелевская премия мира – «за его ведущую роль в мирном процессе, который сегодня характеризует важную составную часть жизни международного сообщества». Инициатором присуждения выступила Германия, у которой, как мы знаем, были особые поводы испытывать бесконечную признательность к президенту СССР: прежде всего благодаря ему эта расчлененная на две части страна восстановилась. Впрочем, и повсюду на Западе отдавали должное Горбачеву: именно он стал одним из главных инициаторов прекращения «холодной войны», расшатывателей и разрушителей мировой коммунистической системы.

– Благодаря Михаилу Горбачеву произошли значительные политические и экономические перемены в Советском Союзе и странах Восточной Европы, – такова была реакция Джорджа Буша на присуждение Горбачеву премии.

Реакция в самой Восточной Европе, и в распадающемся Союзе оказалось не столь единой, поскольку процесс этого распада был далек от завершения и было совсем не ясно, как дальше поведет себя Горбачев.

– Если эта оценка будет содействовать мирному и спокойному переходу СССР в общество равноправных народов и граждан, то мы ее сердечно приветствуем, – сказал отвергнутый норвежским стортингом другой кандидат на Нобелевскую премию, ближайший соперник Горбачева президент Чехословакии Вацлав Гавел.

Конечно, премия была дана Горбачеву не только за его очевидные уже состоявшиеся заслуги, – без сомнения, она должна был подсказать ему, как действовать в дальнейшем: действовать мирными способами, не прибегая к насилию, тем паче, что насилия было уже вполне достаточно (присудившие премию МИРА как бы сознательно закрыли на это глаза).

О том, что Нобелевская премия «дана президенту, в стране которого происходят такие события, как в Тбилиси, Фергане, Баку, Оше», напомнил заместитель председателя латвийского парламента Дайнис Иванс.

Председатель Верховного Совета Литвы Витаутас Ландсбергис, поздравив лауреата, призвал его «восстановить историческую справедливость по отношению к народам балтийских государств и укрепить добрососедские отношения между СССР и Литвой».

До восстановления исторической справедливости было еще далеко, тем не менее, думаю, звание лауреата премии Мира в какой-то степени должно было «притормаживать» Горбачева в те минуты, когда хотелось прибегнуть к каким-то жестким действиям.

«Притормаживать», но не останавливать совсем. В таких делах одних лишь премий мира недостаточно.

Если же говорить о Союзе в целом, премия, присужденная Горбачеву, особых восторгов не вызвала. Были, конечно, и поздравления, но преобладающее настроение: не

до этого сейчас, да и не за что. Наиболее резко это раздражение высказал, пожалуй, известный в ту пору депутат «стойкий коммунист» таксист Сухов, который публично заявил президенту, что «не будет поздравлять его с премией», так как «в стране хаос, пустые полки магазинов, страдают и гибнут люди».

Тем не менее, получение столь престижной награды, по-видимому, в какой-то степени укрепило веру Горбачева в свои силы – в чем он, возможно, в тот момент, уже достаточно сильно нуждался.

– Это вдохновляет. Это питает мою позицию, мое настроение, интеллектуальное, эмоциональное и физическое состояние, дает ощущение, что мы на правильном пути, – признался он тогда в одном из интервью.

Ельцин не желает больше топтаться на месте

Никакого гипнотического действия не оказала полученная Горбачевым премия и на Ельцина. 16 октября он выступил на сессии российского Верховного Совета. По существу, его выступление (оно транслировалось по телевидению) было реакцией – весьма резкой – на действия Центра, который не принял программу «500 дней», заменил ее собственной программой.

Экономическую ситуацию в России Ельцин определил как близкую к чрезвычайной и ответственность за это возложил на Центр.

– Мы располагаем достаточной информацией, – сказал Ельцин, – чтобы ответственно заявить: существует откровенный саботаж по отношению к России в целом... Главные усилия Центра направлены на то, чтобы не допустить укрепления экономической основы республиканского суверенитета. Цель саботажа очевидна: создать у россиян впечатление, что вина за неблагоприятное положение в республике лежит на парламенте и правительстве России.

При этом под Центром российский лидер подразумевал не только союзное правительство, не только Рыжкова, но и Горбачева: по словам Ельцина, игнорировать

волю 150 миллионов человек, – жителей России, – как это делает правительство Рыжкова, можно только при поддержке высшего руководства страны.

Ельцин обвинил Горбачева в недоговороспособности, в нарушении «джентльменских соглашений», которые они заключают. Прежде всего, конечно, опять-таки имелись в виду соглашения, касающиеся программы «500 дней», о разработке которой они, Горбачев и Ельцин, договорились 27 июля.

– Тонущее союзное правительство, – сказал Ельцин, – нажало на президента, и он в очередной раз меняет свое решение.

Отныне, по словам Ельцина, все договоренности с Горбачевым придется строго протоколировать и публично оглашать.

При выборе программы перехода рынка, заявил Ельцин, Горбачев проявляет непоследовательность. И все для того, чтобы сохранить «ставшую ненавистной народу систему». Последняя программа Горбачева (та самая, «компромиссная», программа, подготовленная Петраковым, получившая в окончательном виде более короткое название – «Основные направления перехода к рынку») приведет к катастрофе в первые же месяцы ее осуществления.

Парламент России, сказал Ельцин, – перед трудным выбором. Можно либо смириться с волей Центра, либо сделать то, ради чего народные депутаты, собственно говоря, и стали народными депутатами: «продолжить созидательную работу по возрождению России».

Председатель Верховного Совета предложил российскому парламенту следующий порядок действий:

– Россия объявляет о неучастии в исполнении программы президента. Делит бюджет, собственность и т.д. Осуществляет свою программу «500 дней» независимо от Центра. Делит армию и вооружения. Мы не имеем права выжидать – лимит времени давно исчерпан.

Насчет разделения армии... Вряд ли в тот момент Ельцин говорил об этом всерьез. Видимо, так – для усиления эмоционального воздействия на слушателей.

По словам Ельцина, на предстоящем съезде нужно срочно создать эффективно действующие механизмы по защите экономического и политического суверенитета России.

В общем было ясно, что короткое перемирие между Ельциным и Горбачевым окончательно завершилось. Как писал «Коммерсант», отношения этих двух деятелей вернулись к исходной точке – примерно к тому состоянию, какими они были в конце мая, когда Ельцина избрали председателем российского Верховного Совета. Разница заключалась лишь в том, что с мая по сентябрь рейтинг популярности Горбачева сократился вдвое – с 56 до 29 процентов, а рейтинг Ельцина, напротив, вдвое – до 58 процентов, – вырос.

Реакция Горбачева

Какова была реакция Горбачева на выступление Ельцина? Медведев вспоминает, что 16 октября вечером он позвонил президенту, чтобы поздравить его с присуждением ему Нобелевской премии Мира. Выказался за то, чтобы «Основные направления перехода к рынку» принимались как можно скорее. Однако долгого разговора с Горбачевым у Медведева не получилось, поскольку в этот момент по телевизору как раз началась трансляция выступления Ельцина в российском парламенте. То, как оценивает его Медведев, свидетельствует, что вызов, брошенный Ельциным, был воспринят в противоположном лагере именно так, как на это и рассчитывал Ельцин.

«Оно (выступление Ельцина. – **О.М.**) оказалось резко конфронтационным по отношению к Центру, – пишет Медведев. – В адрес президентской власти высказаны обвинения в жесткой линии по отношению к республикам, в стремлении ограничить суверенитет Российской Федерации, сорвать переход экономики к рыночным отношениям, сохранить и упрочить господство административно-командной системы. Оратор не остановился даже перед обвинением в саботаже, правда, было неясно, в чей адрес. По существу, высказано нечто вроде ультиматума – или принимаются требования председателя Верховного Совета РСФСР, или встает вопрос о дележе власти, ключевых государственных постов, собственности, даже

Вооруженных Сил. Прозвучал едва прикрытый призыв людей выходить на улицу... По существу, это был ответ на предложенные президентом «Основные направления перехода к рынку».

17 октября состоялось заседание Президентского совета, специально посвященное выступлению Ельцина. По существу, это был «военный совет в Филях», заседание генерального штаба антиельцинской армии. Вот его стенограмма (с некоторыми сокращениями):

«Горбачев. Что означает выступление Ельцина?

Крючков (председатель КГБ. – **О.М.**) Это объявление войны Центру. Если мы не примем ответных мер, потерпим поражение. Надо развернуть разъяснение в прессе и выступить президенту с планом действий...

Лукьянов. То, что он выступил, – хорошо. Карты выложены на стол. Парадокс Ельцина – он пришел к власти, но остался в оппозиции. Есть ли еще место для компромисса с ним и компромисса вообще? Нет. Надо сегодня дать ответ, пока не подняли волну митингов. Средства массовой информации нам уже не принадлежат.

За что критиковать Ельцина? Во-первых, он пытается призвать к неконституционным действиям. Во-вторых, не увидев программы, уже наносит удар по ней, компрометирует ее. В-третьих, снимает с себя ответственность в расчете на то, что президент провалится и они возьмут власть. В-четвертых, держит курс на развал Союза. Фактически предъявил нам ультиматум.

Надо сказать, что ответственность за судьбу России несет ее руководство. Мы не собираемся управлять ею. Программу России («500 дней». – **О.М.**) никто из республик не поддержал... Принять Обращение к народу.

Шеварднадзе. Если мы выступим прямо, возьмем конфронтационный тон, то на фоне народного недовольства это не пройдет. Поэтому надо не вступать непосредственно в дискуссию, а внести нашу программу в Верховный Совет... Любой ценой надо выиграть время.

Медведев. Ельцин не верит у успех программы (надо полагать, имеется в виду опять-таки программа «500 дней». – **О.М.**) и пытается перевалить ответственность на Центр. Расчет на то, чтобы выбить руководство из колеи. Идти на конфронтацию –

значит потерпеть поражение. Но отвечать на провокации надо, призывая к согласию, к политическим методам.

Шаталин. Выступлением президента опять превратим Ельцина в героя. Сейчас надо выиграть время – пусть за счет кредита с Запада (как видим, один из авторов программы «500 дней» здесь как бы тоже выступает на стороне противников Ельцина. – **О.М.**)...

Болдин (руководитель аппарата Горбачева. – **О.М.**). Надо расстаться с иллюзиями в отношении Ельцина. Он никогда не будет работать вместе с нами. Человек не вполне здоровый (!!! – **О.М.**) и видит себя только в конфронтации. Медведев строит свою позицию на том, как лучше сдать. А нужна твердость, прежде всего закрепление власти. Если будет допущено, что Верховный Совет России будет ратифицировать союзные законы и указы, – тогда нам лучше уйти... (По-видимому, имеется в виду, что программу «500 дней», рассчитанную на весь Союз, российский парламент рассмотрел и одобрил раньше, чем парламент союзный. – **О.М.**)

Распутин (писатель, и он тут же; впрочем, – последовательный реакционер, антидемократ, антиреформатор. – **О.М.**) Хорошо, что Ельцин выступил и собрал нас тем самым. Он бросил перчатку. Популярность Ельцина преувеличена средствами массовой информации. Но Центр безынициативен. Мы не принимаем нужных мер. 90 процентов прессы нам не принадлежит, а мы миримся... Надо сказать народу всю правду, в том числе о травле президента и правительства. Принять Обращение Верховного Совета к народу. Мы преувеличиваем свои потери. Призвать народ выйти на улицы 7 ноября.

Бакатин. (министр внутренних дел. – **О.М.**) Это выступление Ельцина – подстрекательство к мятежу, антисоветская позиция... Уход от позитивных предложений и решений, попытка снять с себя ответственность. Но не надо слишком резко реагировать на этот выпад. Надо разложить Ельцина через средства массовой информации.

Рыжков. У Ельцина одно на уме – рваться к власти. Во что бы то ни стало. Добиваться вот этого места! (*Указывает на Горбачева*). Никакого согласия с Ельциным быть не может. Ельцин – разрушитель. Ваш (*Горбачева*) компромисс с Ельциным вам ничего не добавил. Он вышел вам боком. Но если пойдем «в лоб», – проиграем. «Пришел царь. Он нас спасет!» – вот как, по сути, СМИ и оппозиция представляют Ельцина

стране. А страна становится неуправляемой. Она на грани развала. Мы можем остаться у власти в пределах Кремля, Садового кольца. И только. Государственная система разрушена... Нужно показать власть! Снимать и снимать тех, кто ее подрывает, кто не выполняет ее решений. Иначе дождемся того, что нас в лучшем случае расстреляют, в худшем – повесят на фонарных столбах.

Может, пойти на создание коалиционного правительства, – но не с Ельциным!

...В Верховном Совете нет у нас парламентского большинства. Люди, особенно на заводах, просто озверели. Надо обратиться к народу, но не с разъяснениями, а выдвинуть четкие, чрезвычайные предложения.

В отношении телевидения надо принять меры... Противно смотреть, с каким придыханием дикторша произносит имя Ельцина! Убрать половину людей с телевидения! И из газет повыгонять всех этих!..

Шаталин. Я против всего этого! (Наконец-то академик проснулся, понял, в каком лагере он оказался. – **О.М.**)»

Как видим, «вся королевская рать» настроена весьма агрессивно. Горбачев пытается утихомирить ее.

«**Горбачев.** Надо ли идти на компромисс? Дело не в Ельцине. Сам по себе как личность он ничего не стоит (вот опять ругательства, теперь уже не в узком кругу самых близких людей – на вполне официальном заседании. – **О.М.**) Но он выражает определенные настроения. Не тот ведь сейчас Ельцин, что был полтора-два года назад. Он отражает серьезные тенденции в обществе. Люди чувствуют наступление хаоса, распада. Они обеспокоены, но они против экстремизма, за порядок и готовы поддержать даже крайние меры. Люди за такой порядок, где власть действует и ведет практические дела. Народ примет реалистическую программу. Надо идти к рынку, к Союзному договору... Долго шли, с потерями. Сейчас народ может поддержать решительный ход. Люди – за Союз.

...Оставлять без реакции речь Ельцина нельзя. Стратегически мы с ним кашу не сварим. У него нет конструктивного потенциала. Сессию Верховного Совета РСФСР начинают с «явления Христа народу»... Третье пришествие! Вот такие трюки!

Если мы говорим сами, что наша программа слабая, то кто же ее будет поддерживать? Не надо вихлять. Мы привержены взятому курсу, и надо ему следовать. Спасение курса – в нашей деятельности.

У Ельцина перевешивает негатив: все плохо! Тон речи и выбор момента рассчитаны на конфронтацию. Это не тот путь. Люди ждут реальных дел – в том-то, в том-то и т.д. Ждут порядка. Россия, Украина заблокировали решения Верховного Совета СССР, а нас обвиняют, что мы ничего не делаем. И реакция на Ельцина должна быть в делах! Но в СМИ порядок навести. А после принятия программы рыночной реформы – Обращение к народу. И не надо колебаться».

Однако «королевская рать» недовольна нерешительностью «короля».

«**Лукьянов.** Это путь польской «Солидарности».

Рыжков. ...Больше работать так не будем. Или мы – власть, или будем ставить вопрос перед президентом об уходе. Профсоюзы оппозиционны правительству. Партия – тоже (*Ивашко, Дзасохов*)... Мы прокоммунистическое правительство, а родная партия говорит нам, что она нас не поддерживает. В Верховном Совете у нас нет поддержки депутатов-коммунистов. Я уж не говорю о прессе. Никто нас не поддерживает, ни одна газета. Делать из нас недоумков не получится. В правительстве семь академиков, двадцать докторов наук.

Нас ждут худшие времена. Любые меры для 91-го года не проходят. Идет полный раздрай. На заводах директора озверели... «Правда» тоже шатается. Надо принимать меры по телевидению. Половину убрать. Пусть орут. Ушел Тихомиров (*оппозиционный обозреватель ТВ*), и что? Газеты, по крайней мере те, на которых написано «орган ЦК КПСС», заставить работать на власть или разогнать.

(Вот вам и гласность, провозглашенная Горбачевым! Когда приспичило, газеты – разогнать, с телевидения половину сотрудников – убрать! Нет уж, черного кобеля не отмоешь добела! – **О.М.**)

Лукьянов. Не Ельцин идет к власти, а Бурбулис. Надо ответить ему прямо.

Шеварднадзе. Что, только один президент должен отвечать? И больше никто?

Лукьянов. Я готов [выступить по ТВ]. Надо сказать рабочим, чем им грозит развал поставок. Хозяйственные руководители верят в ЦК. Интеллигенция, как никогда, понимает опасность гражданской войны. Военные не могут дальше терпеть. Проиграли мы борьбу за студенчество и молодежь... У Ельцина – группа, которая делает паблисити. У нас нет такой группы...

Горбачев (как бы повторяет механически – **О.М.**) Ситуация связана с усилением хаоса и развала в обществе. Люди за порядок, против экстремизма, поддержат любого, кто наведет порядок, даже крайними мерами. Надо быстрее идти к новому Союзному договору».

Запомним эти слова и этот момент – когда Горбачев пришел к выводу, что ради наведения порядка можно прибегнуть и к крайним мерам (хотя он теперь уже – лауреат Нобелевской премии Мира).

А вообще, когда читаешь эту стенограмму, создается ощущение, что это не Горбачев нарушил договоренность с Ельциным, отказавшись от программы «500 дней», а Ельцин совершил какое-то предательство по отношению к президенту СССР.

В стенограмме также довольно отчетливо проступают фигуры некоторых будущих гэкачепистов, формальных и неформальных. Крючков, Лукьянов, Болдин... Именно они настроены наиболее решительно, агрессивно.

Впрочем, весьма агрессивен и Рыжков. Возможно, и он примкнул бы к ГКЧП, если бы остался на посту премьера. Но к тому времени его уже сменит Павлов. Он и вольется в компанию путчистов.

Что касается публичной реакции на выступление Ельцина, поначалу Горбачев собирался ответить на него, дав интервью телевидению, однако потом решил не делать этого, а высказать все, что он думает с трибуны Верховного Совета – его сессия должна была открыться через пару дней.

Этот «зловредный Бурбулис»

Много лет спустя, в ноябре 2010 года, в разговоре с Геннадием Эдуардовичем Бурбулисом я попросил его прокомментировать лужьяновскую фразу: «Не Ельцин идет к власти, а Бурбулис». Поскольку все разговоры Ельцина в ту пору постоянно прослушивались, об их содержании вполне мог знать и Лукьянов. И вот у него, по-видимому, сложилось такое впечатление, что Бурбулис – это двойник, «альтер эго» Ельцина и даже, более того, первый номер в этой связке.

– Ну, это все терминология партийной номенклатуры, – усмехнулся Бурбулис. – Если бы я рвался к власти, я бы вел себя совсем по-другому.

По словам моего собеседника, Лукьянов прав в том смысле, что все ключевые идеи, касающиеся политической ситуации, будущего России, начиная с 1990 года, они, Ельцин и Бурбулис, обсуждали друг с другом.

– Но у нас не было такого деления – первый номер, второй номер. Мы были соратниками, друзьями. Мы как бы дополняли друг друга. Борису Николаевичу было шестьдесят, мне – сорок пять. Он привносил в нашу совместную работу свой опыт, я – свой. У него за плечами была партийная работа, у меня – научная.

Не думаю, что Ельцин даже и в общении с самыми близкими помощниками и советниками отказывался от роли «первого номера», хотя у кого-то и могло создаваться такое впечатление. Он знал себе цену. Тем более ошибочно полагать, будто кто-то им управлял, находясь в тени, за сценой и дергая за ниточки.

Тем не менее представление о Бурбулисе как о каком-то «сером кардинале», который сбивает Ельцина с панталыку, а то и вовсе навязывает ему свои решения, в окружении Горбачева, да и у него самого, сохранялось и в дальнейшем.

Скрестили-таки ужа с ежом

18 октября в «Правде» был опубликован текст «Основных направлений». Поскольку в них присутствовали и положения программы «500 дней», и тезисы программы союзного правительства, тут же в прессе, – в частности, в «Комсомольской правде», – и последовала их оценка как очередной попытки «скрестить ежа и ужа»: по

ряду принципиальных вопросов «скрещиваемые» программы абсолютно несовместимы. «Направления», говорилось в «Комсомолке», создают иллюзию, будто союзные республики могут самостоятельно решать, каким образом переходить к рынку. В действительности все они связаны единым денежно-финансовым обращением, которым управляет Госбанк СССР. Так что, по мнению авторов газеты, шансы на реализацию новой программы, представленной Горбачевым, чрезвычайно малы и через несколько месяцев неизбежно придется создавать новую.

А вот как оценивал итоговую президентскую программу «Коммерсант»:

«...Президентская программа имеет в основном политическое назначение. Экономическая сторона ее специалистами оценивается как весьма посредственная... Принятие программы может привести к значительной эскалации конфликта между Верховным Советом СССР и республиканскими парламентами... С момента начала работы над этим вариантом программы было очевидно, что она не будет реализована на практике, поскольку республики примут свои варианты экономических реформ. Это явно сказалось на качестве программы... Она носит скорее политический, чем экономический характер... Основной задачей ее подготовки было создать для Горбачева наиболее комфортные условия при обсуждении Союзного договора, экономической частью которого программе предстоит стать. Этим соображением... объясняется, в частности, тот факт, что позиции программы крайне расплывчаты во всех вопросах за исключением функций центральной власти и централизованного управления экономикой. Уже после утверждения программы академик Абалкин сказал, что если бы он получил программу на профессиональное заключение, то «дал бы резкий критический разбор, но как политик должен забыть об этом».

В газете отмечалось также, что хотя новая версия президентской программы по логике и структуре близка к программе Шаталина – Явлинского, то есть программе «500 дней», однако целый ряд ключевых проблем реформы президент предлагает решать принципиально иными способами. Прежде всего это касается управления экономикой. В соответствии с программой, наиболее серьезные рычаги управления будут сосредоточены в руках Центра. В его компетенцию входит ценовая и кредитная

политика, эмиссионная деятельность, налоговая и таможенная политика, экспорт основных видов сырья.

Согласно президентской программе, приватизация не будет проводиться быстро. Возможность перехода земли в частную собственность, объявление колхозных и совхозных суммой наделов их работников даже не рассматривается. Будут сохранены и дотации убыточным предприятиям, среди которых большинство составляют именно колхозы и совхозы. Иными словами, в президентский документ не вошли наиболее интересные и радикальные предложения программы «500 дней».

В общем, новая программа президента, как полагали эксперты, вобрала в себя все самое худшее, что содержалось в базовых проектах, и отказалась от самого ценного. Кроме того, она было достаточно декларативна: не указывалось, какие конкретные шаги предпримет для ее реализации президент, какие – союзный парламент, что будет делать союзное правительство. По этому поводу академик Аганбегян заметил:

– Больной должен доверять врачу, и не дай Бог объяснить пациенту, как он его будет лечить. Детали нужно доверить исполнительной власти.

Иными словами, в данном случае – Совмину СССР.

Однако союзное правительство уже продемонстрировало свою неспособность вывести страну из кризиса.

Ельцин умывает руки

Таким образом программа «500 дней», благодаря которой, как уже говорилось, можно было бы сделать решительный переход ВСЕЙ СТРАНЫ к рыночной экономике, была провалена. Провалена в значительной мере благодаря безволию и нерешительности Горбачева. А пуще того – благодаря его боязни выпустить власть из своих рук.

В этот же день, 19 октября, Ельцин уехал в отпуск, как бы говоря, что очередной раунд его противостояния с Горбачевым закончен, он, Ельцин, умывает руки и более ничего хорошего от «президентской рати» не ожидает.

Возможно, именно в этот момент Ельцин окончательно пришел к выводу, что с Горбачевым «каши не сварить», что он не готов к серьезному реформированию экономики, к реформированию страны в целом, а потому надо действовать без него и вопреки ему.

Одним из ключевых моментов в процессе распада СССР считал отказ Горбачева от программы «500 дней» Егор Гайдар, с которым мы беседовали в апреле 2009 года (это была последняя наша встреча).

– Возможность распада Советского Союза, – сказал тогда Гайдар, – начала обсуждаться в наших внутренних дискуссиях где-то с 1988 года. Но я тогда еще считал, что Советский Союз в каком-то трансформированном виде будет сохранен. То, что его сохранить, по всей видимости, не удастся, для меня стало абсолютно ясно по состоянию на 22 августа 1991 года. Но в значительной степени это стало казаться невероятным еще раньше – после того как Михаил Сергеевич Горбачев отказался от союза с Борисом Николаевичем Ельциным в реализации программы «500 дней».

Понимал ли сам Горбачев, к каким драматическим последствиям ведет этот его отказ? Не думаю. В конце концов он не был экономистом, не в состоянии был вникать в детали, а его советники-академики не подавали сигналов тревоги. Напротив, они достаточно охотно брались выполнять его задание – соединить две разные программы, найти компромиссный вариант, словно бы не понимая, что компромисс тут невозможен.

А вот в наличии тонкого чутья политика, четко угадывающего, откуда исходит опасность для его власти, Горбачеву было не отказать.

Катастрофа всё ближе

«Первый заместитель председателя Госкомстата СССР И. Погосов пишет в Совет Министров СССР (26 ноября 1990 года), что дефицит товаров становится все более острой проблемой, ажиотажный спрос усиливается. Растущие покупки товаров – ответная реакция потребителей на обесценивание рубля. Он обращает внимание на то,

что положение со снабжением населения усугубляется начавшимся со второй половины 1990 года сокращением импорта... ЗА АВГУСТ – ОКТЯБРЬ В РАЗРЯД ДЕФИЦИТА ПОПАЛИ ПРАКТИЧЕСКИ ВСЕ ВИДЫ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ (выделено мной. – **О.М.**)
Население испытывает трудности в приобретении мяса, мясопродуктов даже по повышенным ценам в кооперативных магазинах. Ускорился рост цен колхозного рынка... В СЕРЕДИНЕ 1990 ГОДА ИЗ 160 ТОВАРОВ ХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В СВОБОДНОЙ ПРОДАЖЕ НЕ БЫЛО НИ ОДНОГО (выделено мной. – **О.М.**)»

СОЛЖЕНИЦЫН: «КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ?»

Трагический итог коммунистического семидесятилетия

18 сентября «Комсомольская правда» опубликовала обширную статью Солженицына «Как нам обустроить Россию? Посильные соображения». Огромным, многомиллионным тиражом. В этот же день она была напечатана и в «Литературной газете», где я тогда работал (а завершена статья была, как помечает автор, в июле 1990 года). На своем своеобразном, как бы народном, как бы старокрестьянском языке писатель, еще не вернувшийся тогда из США, из Вермонта, излагал свои мысли о прошлом, настоящем и будущем Союза и России (меня всегда удивлял этот вычурный язык, эти противоречащие вкусу словесные выкрутасы литературного классика, который лучше, чем кто бы то ни было, должен бы чувствовать слово; ну да ладно, речь сейчас не об этом).

Основной посыл, помещенный в самом начале статьи: «Часы коммунизма – свое отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами».

Печальное настоящее, сложившееся в результате семидесятилетнего коммунистического прошлого, таково:

«Семьдесят лет влачатся за слепородной и злокачественной марксо-ленинской утопией, мы положили на плахи или спустили под откос бездарно проведенной, даже самоистребительной, «Отечественной» войны – треть своего населения. Мы лишились своего былого изобилия, уничтожили класс крестьянства и его селения, мы отшибли самый смысл выращивать хлеб, а землю отучили давать урожаи, да еще заливали ее морями, болотами. Отходами первобытной промышленности мы испакостили окрестности городов, отравили реки, озера, рыбу, сегодня уже dokonечно губим последнюю воду, воздух и землю, еще и с добавкой атомной смерти, еще и прикупая на хранение радиоактивные отходы с Запада. Разоряя себя для будущих великих захватов под обезумелым руководством, мы вырубали свои богатые леса, выграбили свои

несравненные недра, невосполнимое достояние наших правнуков, безжалостно распродали их за границу. Изнурили наших женщин на ломовых неподымных работах, оторвали их от детей, самих детей пустили в болезни, в дикость и в подделку образования. В полной запусси у нас здоровье, и нет лекарств, да даже еду здоровую мы уже забыли, и миллионы без жилья, и беспомощное личное бесправие разлито по всем глубинам страны, – а мы за одно только держимся: чтоб не лишили нас безумного пьянства».

Кто хочет уйти, – пусть уходит

Но поскольку «так устроен человек», – русский человек, – что для него всего важней наша «национальная гордость», автор первым делом и берется за вопрос, «как будет с нациями, в каких географических границах мы будем лечиться или умирать», а уж потом намерен говорить о самом лечении.

Первым делом стоит разобраться, что такое, собственно говоря, Россия сегодня и что она будет представлять собой завтра.

«За три четверти века – при вдолбляемой нам и прогрохоченной «социалистической дружбе народов» – коммунистическая власть столько запустила, запутала и намерзла в отношениях между этими народами, что уже и путей не видно, как нам бы вернуться к тому, с прискорбным исключением, спокойному сожитию наций, тому даже дремотному неразличению наций, какое было почти достигнуто в последние десятилетия предреволюционной России».

Так уж ли и было «дремотное неразличение наций»? А кличка «бусурманин» для всех, кто не русский, не славянин? А презрительное «татарва», да даже и по отношению к братьям-украинцам – «хохлы», а те в ответ русским – «москали», «кацапы»? (Перечитайте хотя бы «Тихий дон» – про вечный мордобой между соседствовавшими «хохлами» и казаками; впрочем, – про такой же мордобой между казаками и «мужиками», каковыми казаки считали обычных русских крестьян, не казаков). А бесконечные войны на Кавказе со «злыми чеченами»? А черта оседлости для евреев? А еврейские погромы?.. Стоит ли идеализировать «предреволюционную» Россию? Ну да ладно, это не главное в статье Солженицына.

Он предостерегает от «лихой беды», которая уже, как буря, «завертела нас теперь» и проистекает из стремления к разъединению. Его совет для России, для Союза:

«...Кому надо бы разойтись на отдельную жизнь, так и разойтись... Уже во многих окраинных республиках центробежные силы так разогнаны, что не остановить их без насилия и крови – да и НЕ НАДО удерживать такой ценой!.. Все равно «Советский Социалистический» развалится, ВСЕ РАВНО! – и выбора настоящего у нас нет, и размышлять-то не над чем, а только – поворачиваться проворней, чтоб упредить беды, чтобы раскол прошел без лишних страданий людских, и только тот, который уже действительно неизбежен».

Если говорить конкретно, Солженицын рекомендует «безотложно, громко, четко объявить: три

прибалтийские республики, три закавказские республики, четыре среднеазиатские, да и Молдавия, если ее к Румынии больше тянет, эти одиннадцать – да! – НЕПРЕМЕННО И БЕСПОВОРОТНО будут отделены».

Как быть с Казахстаном?

Особая история – Казахстан. Здесь дело сложнее.

«Сегодняшняя огромная его территория нарезана была коммунистами без разума, как попадя: если где кочевые стада раз в год проходят – то и Казахстан. Да ведь в те годы считалось: это совсем неважно, где границы проводить, – еще немножко, вот-вот, и все нации сольются в одну. Проницательный Ильич-первый называл вопрос границ «даже десятистепенным». (Так – и Карабах отрезали к Азербайджану, какая разница – куда, в тот момент надо было угодить сердечному другу Советов – Турции.) Да до 1936 года Казахстан еще считался автономной республикой в РСФСР, потом возвели его в союзную. А составлен-то он – из южной Сибири, южного Приуралья, да пустынных центральных просторов, с тех пор преобразенных и восстроенных – русскими, зэками да ссыльными народами. И сегодня во всем раздутом Казахстане казахов – заметно меньше половины. Их сплотка, их устойчивая отечественная часть – это большая южная дуга областей, охватывающая с крайнего востока на запад почти до

Каспия, действительно населенная преимущественно казахами. И коли в этом охвате они захотят отделиться – то и с Богом».

Вот так у Солженицына про Казахстан и казахов. Понятное дело, больше всего статья Солженицына и зацепила, возмутила именно казахов. Больше всего за эту часть статьи и пришлось отдуваться потом московским политическим лидерам: ну что, мол, Александр Исаевич – не политик, не государственный деятель, он писатель, так сказать, вольный художник, выражает своё частное мнение.

За вычетом перечисленных двенадцати, пишет Солженицын, «только и останется то, что можно назвать РУСЬ, как называли издавна (слово «русский» веками обнимало малороссов, великороссов и белорусов), или – Россия...»

Ну вот опять наносится обида, на этот раз – украинцам, никак не желающим называться малороссами.

Для этой вот России, включающей в себя три главных славянских народа и, кроме того, еще «сто народов и народностей, от вовсе не малых до вовсе малых», Солженицын предлагает новое название, соответствующее верному современному смыслу, – Российский Союз. О нем и предлагает теперь главным образом позаботиться, «проявить нам всем великую мудрость и доброту».

Нет у нас сил на Империю!

К великороссам Солженицын обращается с призывом отказаться от великодержавных имперских притязаний, от «имперского дурмана»:

«НЕТ У НАС СИЛ на окраины, ни хозяйственных сил, ни духовных. НЕТ У НАС СИЛ на Империю! – и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель».

«Надо теперь жестко ВЫБРАТЬ, – пишет Солженицын, – между Империей, губящей прежде всего нас самих, – и духовным и телесным спасением нашего же народа. Все знают: растет наша смертность, и превышает рождения, – мы так исчезнем с Земли!»

Думаю, это едва ли не самая ценная, самая здравая мысль в статье Солженицына:

«НЕТ У НАС СИЛ на окраины, ни хозяйственных сил, ни духовных. НЕТ У НАС СИЛ на Империю! – и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель».

Надо сказать, эту мысль Солженицын высказывал не впервые. Еще в 1973 году в своем знаменитом «Письме к вождям Советского Союза» писатель призывал распустить империю, отказаться от непосильных великодержавных амбиций. Ответом на эту и другие крамольные идеи была насильственная депортация Солженицына из страны в феврале 1974-го.

Этой же мысли, – что удержание империи непосильно, неподъемно для страны, – со всеми колебаниями и отклонениями, не формулируя ее так четко, как Солженицын, подчас вообще избегая, боясь об этом думать, все же интуитивно, видимо, придерживался и Ельцин в ту пору, когда речь шла о судьбе разваливающегося Советского Союза.

Увы, с приходом Путина выбор был сделан в пользу империи. Хотя, казалось бы, не однажды наш вождь встречался с писателем, разговоры они разговаривали. Наверное, что-то советовал ему Солженицын по поводу обустройства России.

В этом месте писатель неосторожно употребляет слово, опять-таки сильно обидевшее некоторые все еще не отделившееся от России республики, – среднеазиатские, – усилившее, без сомнения, их желание отделиться, назвав их «среднеазиатским подбрюшьем» России: Бог с ними, пускай уходят, мы только «распрявимся от давящего груза «среднеазиатского подбрюшья»..., необдуманного завоевания Александра II».

Призыв к славянам: объединимся!

К украинцам – все-таки украинцам – и белорусам Солженицын обращается с призывом объединиться с русскими (великороссами). Но опять-таки обращается обидным, неприемлемым для украинцев образом:

«К тем и другим я обращаюсь не извне, а как СВОЙ. Да народ наш и разделялся на три ветви лишь по грозной беде монгольского нашествия да польской колонизации. Это все – придуманная невдавне фальшь, что чуть не с IX века

существовал особый украинский народ с особым не-русским языком. Мы все вместе истекли из драгоценного Киева, «откуда русская земля стала есть», по летописи Нестора, откуда и засветило нам христианство. Одни и те же князья правили нами: Ярослав Мудрый разделял между сыновьями Киев, Новгород и все протяжение от Чернигова до Рязани, Муром и Белоозера; Владимир Мономах был одновременно и киевский князь и ростово-суздальский; и такое же единство в служении митрополитов. Народ Киевской Руси и создал Московское государство. В Литве и Польше белорусы и малороссы сознавали себя русскими и боролись против ополяченья и окатоличенья. Возврат этих земель в Россию был всеми тогда осознаваем как ВОССОЕДИНЕНИЕ».

Солженицын предостерегает Украину от отделения от России:

«Сегодня отделять Украину – значит резать через миллионы семей и людей: какая перемесь населения; целые области с русским перевесом; сколько людей, затрудняющихся выбрать себе национальность из двух; сколько – смешанного происхождения; сколько смешанных браков – да их никто «смешанными» до сих пор не считал. В толще основного населения нет и тени нетерпимости между украинцами и русскими.

Братья! Не надо этого жестокого раздела! – это помрачение коммунистических лет. Мы вместе перестрадали советское время, вместе попали в этот котлован – вместе и выберемся».

В общем-то резонное предостережение, но вскоре, через год с небольшим, украинский народ убедительным большинством все же проголосует за разделение, за независимость. В том числе проголосуют так и традиционно русскоязычные регионы – Крым, юг и восток Украины. Видимо, все же сильно всех «достали» и страдания советского времени, да и, наверное, еще и досоветские жизненные впечатления. Словесными призывами и предостережениями этого не перетянешь.

Возможно, предвидя, какое решение примет украинский народ, если станут проводить референдум, Солженицын настаивает, что «только МЕСТНОЕ население может решать судьбу своей местности». Но как же на деле осуществить такую

чересполосицу – эта область отделяется, а эта остается в составе Союза или России (то же и с районами)? Об этом у Солженицына нет ни слова.

Все сказанное про Украину автор, естественно, относит и к Белоруссии.

Малым народам лучше быть вместе

Далее на очереди «малые народы и народности» – те самые, которым Ельцин только что великодушно разрешил: «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!» У Солженицына тут, естественно, несколько иной взгляд, не такой популистски размашистый, как у Бориса Николаевича (впрочем, отказался тот от него довольно быстро):

«Для некоторых, даже и крупных, наций, как татары, башкиры, удмурты, коми, чувашаи, мордва, марийцы, якуты, – почти что и выбора нет: непрактично существовать государству, вкруговую охваченному другим. У иных национальных областей – будет внешняя граница, и если они захотят отделяться – запрета не может быть и здесь. (Да еще и не во всех автономных республиках коренная народность составляет большинство.) Но при сохранении всей их национальной самобытности в культуре, религии, экономике – есть им смысл и остаться в Союзе. Как показало в XX веке создание многих малых государственных образований – это непосильно обременяет их избытком учреждений, представительства, армией, отсекает от пространных территорий разворота торговли и общественной деятельности».

В ту пору, как мы помним, суверенитет безоглядно объявляли все – и у кого есть внешняя граница, и у кого ее нет. Однако в дальнейшем разговоры о суверенитете заглохли, не приведя ни к чему реальному. На практике так никто из автономий и не отделился. Ближе всего к этому – через море крови и страданий – подошла Чечня. Однако и ее Путин «усмирил». Скорее всего, временно, так что и слово «усмирил» без кавычек тут не употребишь. Вряд ли и весь Северный Кавказ останется в России. Однако уйдет он из нее, думаю, ни по щедро-отпускающему варианту Ельцина, ни по столь же логически все обосновывающему варианту Солженицына – опять-таки через великую кровь. Ведь что уже и сейчас широким фронтом разворачивается в Ингушетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии, северной Осетии, да и в той же Чечне – взрывы,

убийства чуть ли не каждый день... И Москва в растерянности, не знает, как этому противостоять. Вроде уже все испробовано. Жестокость, жестокость, жестокость... И угрозы еще большей жестокости.

Да, еще вроде бы обещают наладить там какую-то жизнь – дать людям средства для жизни, сократить безработицу, создать рабочие места... Да где уж решить эту задачу! При полном засилье чиновников-воров – и в Москве, и там же на месте на Северном Кавказе – все и уйдет им в карманы.

Довольно близко к независимости от России подошел и Татарстан. Однако здесь, слава Богу пока обошлось без крови. Пока. Идея независимости в этой республике не умерла. И не думаю, что когда-нибудь умрет.

Гладко было на бумаге...

Итак, схема разделения Союза Солженицыным в общих чертах намечена. А как на практике осуществить такое разделение? Любопытно, что писатель предлагает схему, к которой и в самом деле примерно через полгода придут государственные мужи – Горбачев и лидеры республик, решивших остаться в Советском Союзе:

«Итак, **ОБЪЯВИТЬ** о несомненном праве на полное отделение тех двенадцати республик – надо безотлагательно и твердо. А если какие-то из них заколеблются, отделяться ли им? С той же несомненностью вынуждены объявить о **НАШЕМ** отделении от них – мы, оставшиеся. Это – уже слишком назрело, это необратимо, будет взрываться то там, то сям; все уже видят, что вместе нам не жить. Так не тянуть взаимное обременение... Это разделение прояснит нам прозор будущего».

Впрочем, не будучи реальным политиком, Солженицын плохо себе представляет, как на деле – после всех деклараций и объявлений – можно осуществить разделение и отделение республик от Союза, предостерегает от скоропалительности в осуществлении принятых решений:

«Самого реального отделения нельзя произвести никакой одноминутной декларацией. Всякое одностороннее резкое действие – это повреждение множества человеческих судеб и взаимный развал хозяйства. И это не должно быть похоже, как бежали португальцы из Анголы, отдав ее беспорядку и многолетней гражданской войне.

С этого момента должны засесть за работу комиссии экспертов всех сторон. Не забудем и: как безответственно-небрежна была советская прометка границ. В каких-то местах может понадобится уточненная, по истинному расселению, в каких-то – и местные плебисциты под беспристрастным контролем. Конечно, вся эта разборка может занять несколько лет».

В действительности и отделение республик, первыми решивших отделиться, и окончательное разбегание тех, что оставались вместе до последнего момента, до подписания Беловежских соглашений, будет как раз происходить быстро, после «одноминутных деклараций», без какой-либо тщательной «переметки» границ, без «местных плебисцитов под беспристрастным контролем», без многолетней работы экспертных комиссий. Все это так и останется достаточно утопическими предложениями писателя, несколько подзабывшего в американском Вермонте российские реалии. Хорошо еще гражданской войны удастся избежать.

Солженицына комментируют...

Статья Солженицына вызвала всплеск эмоций, хотя и недолгий (не до того было). С ним соглашались, ему возражали, против его статьи бурно протестовали.

По словам известного политика депутата российского парламента Виктора Шейниса, участвовавшего в работе над проектом конституции России, ряд положений этого проекта «некоторым образом совпадают» с идеями Солженицына, парламентарии тоже намерены обустроить Россию, но не совсем по-солженицынски. Как полагает Шейнис, в статье писателя «есть немало и верных наблюдений, и каких-то констатаций», но с самой общей идеей Солженицына, то есть ориентацией на то, что Россия должна выступить инициатором развала союзного государства, он, Шейнис, не может согласиться.

Да, братъ на себя инициативу по развалу Союза мало кто из российских политиков тогда хотел.

Любопытна была реакция Горбачева на статью Солженицына, ведь прежде всего именно к нему, как считали некоторые, писатель обращался со своими советами по

обустройству России: Россия-то понималась широко, не просто как РСФСР. Только Горбачев и мог тогда предпринять решающие действия, объявить, как и советовал Солженицын, что «три прибалтийские республики, три закавказские, четыре среднеазиатские, да и Молдавия... НЕПРЕМЕННО И БЕСПОВОРОТНО будут отделены».

25 сентября, через неделю после публикации солженицынской статьи, выступая на сессии Верховного Совета СССР, Горбачев отмежевался от идей ее автора:

– Предложения великого писателя неприемлемы. Он весь в прошлом, прошлая Россия, монархия. Я себя чувствую демократом с радикальными взглядами.

Дело, конечно, не только в том, что Солженицын испытывал симпатии к монархии, – для Горбачева в тот момент была неприемлема сама идея расчленения Союза.

– Солженицын не должен ходить по этой земле с ножницами и плугом и не должен пытаться разделить ее и размежевать, – сказал Горбачев.

Ельцин, напротив, комментируя, хоть и с некоторым запозданием (в интервью одной из газет 14 октября), статью Солженицына, отозвался о ней благожелательно. Но при этом подлил масла в огонь, сделав упор на одной из весьма болезненных тогда для многих тем:

– Там немало интересных мест, над которыми надо хорошо подумать. И, конечно, что-то и учесть. В том числе и то, что Россия не в состоянии кормить одну шестую часть суши.

Годы спустя, историк Рой Медведев утверждал, что

обсуждения «солженицынского манифеста» фактически не было. В печати появилось несколько, с одной стороны, комплиментарных, с другой – отрицательных откликов. Но почти все они были опубликованы в конце сентября и в первые две недели октября.

«Потом пришли другие, более актуальные проблемы, – пишет Медведев, – и о брошюре Солженицына просто забыли».

Это, разумеется, не так. Статью писателя помнят и обсуждают до сих пор. С утверждением Медведева можно согласиться лишь в том смысле, что обсуждение статьи перестало быть заметной темой газет. Но, и то, пожалуй, – лишь российских.

«Солженицын лезет куда не следует»

Как и ожидалось, наиболее острую и протяженную во времени критику статья Солженицына вызвала в «обиженных» им республиках. Газета «Литературная Украина» заявила, что некоторые положения этой статьи «могли бы принадлежать послушному хору обкомовских газет юга и востока Украины». Газета высказала предположение, что Солженицын не случайно датировал свою статью июлем: как раз в этом месяце, 16-го числа, Верховная Рада приняла декларацию о суверенитете Украины.

24 сентября сессия Львовского облсовета единогласно приняла «Заявление по поводу посильных соображений Александра Солженицына». «Солженицынский панславизм, – говорилось в заявлении, – это очередной виток ассимиляции, очередная попытка поставить Украину вне мировой истории».

Текст заявления был направлен Солженицыну и в редакции газет, опубликовавших его статью.

– Уважая Солженицына как писателя, я считаю его никудышным мыслителем, – заявил один из лидеров украинской Республиканской партии. – Оставаясь империалистом, он лезет куда не следует. Из всех российских патриотов, на мой взгляд, нет ни одного, который бы мог искупить грех большевизма, который русские принесли на земли подвластных им народов.

«Нет – русскому шовинизму!»

Аналогичная реакция была и в Казахстане. Пожалуй, даже более острая. Как писал «Коммерсант», в последние дни в республике «резко обострились отношения между казахской и русскоязычной частями населения». 22 сентября в Алма-Ате прошел пятитысячный митинг под лозунгами: «Туркестан – для тюрок!», «Нет – русскому шовинизму!»

Александрю Исаевичу тут крепко досталось, хотя, думаю, многие из митингующих и имя-то Солженицына слышали впервые. Но весть о его статье распространилась быстро и широко. Понятное дело, особенно беспощадно обходились с теми местами статьи «Как нам обустроить...», где речь шла о районах Южной Сибири и Южного Урала, изначально, как напоминал Солженицын, освоенных русскими, а ныне входящими в состав Казахстана.

Впрочем, статья Солженицына была не единственным поводом для митинга. Другими поводами стали случившийся незадолго перед этим взрыв в одной из алма-тинских школ (причем в той ее части, где учились казахские дети), и слухи о том, что ряд северных областей хотят выйти из состава республики (тут все близко совпало со статьей Солженицына).

Участники митинга требовали «дать бой великорусскому шовинизму и не допустить расчленения Казахстана».

Статью Солженицына недобрым словом и в дальнейшем не однажды поминали разные деятели на Украине, в Казахстане, в Средней Азии. При этом часто – высказывая подозрения, что имперские идеи писателя, идеи насчет пересмотра границ в пользу России он излагал не только «от себя», но и от кого-то еще, кто занимает в Союзе и в Российской Федерации немалые посты... В этом смысле характерно заявление Назарбаева, сделанное им на совещании у Горбачева 13 октября:

– Трудно опровергать перед народом, будто статья Солженицына появилась с санкции руководства.

Назарбаев, правда, не уточнил, с санкции какого именно руководства.

Усилил настороженность республик...

В этой книге я не ставлю перед собой задачу пересказывать и оценивать всю – весьма обширную – статью Солженицына. Говорю лишь о той ее части, где писатель предрекает неминуемый распад Союза, размышляет о том, как сделать его наименее болезненным, в каком виде должна после этого распада сохраниться Россия, другие республики.

Во многом, что касается расчленения империи, прогнозы писателя оказались пророческими. Более того, думаю, обладая великим авторитетом, он внес свою лепту в ускорение распада. У многих ведь тогда возникла мысль: ну раз уж Солженицын предсказывает неминуемый распад, – значит, его в самом деле не избежать.

Еще одно достаточно очевидное следствие статьи: писатель – хотел он того или не хотел, – усилил настороженность республик по отношению к России. Подозрение, что Россия стремится занять место разрушающегося союзного Центра, что она будет посягать на обширные территории соседей, считая их исконно своими, после статьи Солженицына, без сомнения, увеличилось.

Осознавал ли сам писатель, что встречается, причем самым разрушительным образом, в самый болезненный в самый кровотокающий узел тогдашних политических проблем? Имел ли в виду оказать на них какое-то непосредственное практическое воздействие? Не думаю, что именно это его занимало в первую очередь. Он как бы парил над всем этим в высотах своего мессианства.

Катастрофа все ближе

«Из тезисов к вступительному слову Горбачева на пленуме ЦК КПСС от 8 октября 1990 года:

«...И тяжелейшая ситуация на потребительском рынке, и серьезное расстройство хозяйственных связей, и нарушение транспортных коммуникаций, и резкое падение государственной дисциплины, и принимающие порой крайне острый характер политические столкновения вокруг вопросов собственности, суверенитета, разграничения компетенции, и продолжающийся рост преступности – все это свидетельствует, что кризис... продолжает углубляться».

НА КОНУ – СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР

Борьба за автономии, очередной раунд

Заигрывание Ельцина с автономиями, по-видимому, подвигло команду Горбачева на ответные шаги. Надо полагать, не без ее поддержки, а, скорее всего, по ее неафишируемой инициативе в Москве 22 сентября состоялся Первый всесоюзный съезд представителей национально-государственных, национально-территориальных образований и народов, не имеющих своей государственности. Главный его результат был весьма важен для Центра: участники съезда ЕДИНОГЛАСНО приняли декларацию, в которой высказались «за сохранение Союза Суверенных Республик на основе обновленной федерации».

Впрочем, в съезде участвовали не только российские автономии. Даже формальным организатором его стал Народный форум Абхазии «Аидгылара» («Единение»). Эта нехитрая маскировка как бы должна была показать, что мероприятие вовсе не нацелено против Ельцина. Или, если нацелено, – не только против Ельцина, но и против других союзно-республиканских лидеров, жаждущих большей самостоятельности.

Участники съезда высказались за то, чтобы автономные республики и области были уравнены в правах с союзными республиками и стали «правомочными субъектами Союзного договора».

В этом тоже нетрудно было увидеть поддержку и поощрение со стороны Центра: незадолго перед этим председатель Совета национальностей ВС СССР Рафик Нишанов, выступая на сессии союзного парламента, заявил, что в разработке Союзного договора должны участвовать не только делегации пятнадцати союзных республик, но и представители тридцати восьми автономий.

Кстати, Нишанов и присутствовал на съезде. И сам съезд проходил в здании Президиума Верховного Совета СССР.

«Дружат против» союзных республик

Эта наметившаяся дружба между Центром и автономиями – можно сказать, что договорились «дружить против» союзных республик – продолжалась и в дальнейшем. 23 октября Горбачев встретился в Кремле с руководителями автономных и «бывших автономных» республик, то есть тех, кто к этому моменту уже успели объявить о своем суверенитете и убрать из своего названия слово «автономная», – как бы встав вровень с союзными республиками (а это уже сделали десять из двадцати автономных республик). Соответственно, эти республики заявили о своем намерении участвовать в работе над Союзным договором и его подписании.

Горбачев подтвердил, что «при выработке нового Союзного договора важно слышать все голоса». Сколачивание армии в поддержку «единого и обновленного» вроде бы шло успешно.

Не знаю, кому конкретно принадлежала эта идея, – на всю мощь использовать потенциал автономий, их неумное стремление повысить свой статус, ставить вровень с союзными республиками – самому Горбачеву или кому-то из его советников, но идея эта представлялась довольно мощным инструментом в борьбе за сплочение распадающегося Союза, против разваливающих его союзных республик. Более удачного хода, как только опереться на автономии, тут, пожалуй, было и не придумать. Правда, и риск тут таился немалый – риск распада России. Но это, видимо, считалось пролемой второй очереди. Сначала надо остановить распад Союза, а с распадом России как-нибудь потом разберемся...

Парад суверенитетов продолжается

Тем временем о своем государственном суверенитете объявляли все новые автономные республики. В октябре о нем заявили Башкирская, Бурятская, Калмыцкая, Марийская, Чувашская автономные республики.

О суверенитете и повышении своего статуса объявили автономные округа и некоторые регионы, вообще не обладавшие государственностью: суверенной автономной республикой стала Адыгея, Корякский автономный округ, Коми-Пермяцкий автономный

округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Горно-Алтайский автономный округ. Суверенным объявил себя Иркутский регион.

Продолжали «суверенизироваться» и союзные республики. 25 октября Декларацию о государственном суверенитете принял Верховный Совет Казахской ССР.

«Война законов»: республики против Центра

По мере того, как слово «суверенитет» перестает быть для республик просто словом, а наполняется реальным содержанием, между ними и Центром возникает юридическое противоборство, «война законов». Временами она приобретает довольно комичный, какой-то детски прямолинейный характер. Особенно это заметно на примере противостояния Центра и России.

24 октября Верховный Совет СССР принял закон, подтверждающий главенство союзных законов над республиканскими. В этот же день, как бы в ответ, российский парламент подтвердил приоритет своего республиканского законодательства перед союзным.

Газеты не без иронии писали, что российские депутаты все же опередили союзных, по крайней мере, на несколько часов: закон РСФСР введен в действие с момента принятия, а закон СССР – лишь с момента публикации.

Предусматривались и санкции к нарушителям российского закона: государственным, общественным, кооперативным организациям и предприятиям грозил штраф от пятидесяти тысяч до пятисот тысяч рублей (это помимо возмещения убытков от нарушения закона). Должностным лицам угрожало наказание поменьше – от пятисот до десяти тысяч рублей.

Не знаю, был ли хоть один случай, когда выписывались и уплачивались эти штрафы – материальное воплощение российского суверенитета.

Всё, что в России, принадлежит – России!

31 октября, развивая наступление, российские депутаты приняли закон «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР». Земля, ее недра, воздушное пространство, воды, леса, растительный и животный мир, другие природные и сырьевые ресурсы, расположенные на территории РСФСР, объявлялись национальным богатством народов РСФСР. Объекты государственной собственности, находящиеся на российской территории, также провозглашались собственностью РСФСР.

Золотой запас, алмазный и валютный фонды СССР, утверждалось в законе, являются собственностью союзных республик. Конкретный размер долей, принадлежащих тем или иным республикам, устанавливается на основе соглашения между всеми республиками.

Говорилось также, что любые акты союзной власти, связанные с изъятием на территории РСФСР материальных ценностей, а также имущества, принадлежащего гражданам, трудовым коллективам, общественным организациям и иным собственникам, не подлежат исполнению.

Внешнеэкономические союзные, союзно-республиканские и межреспубликанские сделки в отношении ресурсов, находящихся на территории РСФСР и заключенные без согласия РСФСР, закон признавал недействительными.

Заключительная статья закона гласила:

«Решения органов Союза ССР, принимаемые без согласования с соответствующими органами РСФСР в отношении должностных лиц, предприятий, учреждений, организаций союзного и республиканского подчинения, находящихся на территории РСФСР..., признаются недействительными».

Союзные власти, в свою очередь, объявили недействительным сам этот закон.

Две власти – союзная и российская – словно бараны, уперлись друг в друга лбами, кто кого пересилит.

Россия не собирается плясать под дудку Центра

Неприличие этого тупого противоборства, видимо, начинали осознавать обе стороны. 11 ноября состоялась важная встреча Горбачева и Ельцина. Прошлись почти по

всему кругу вопросу, накопившихся к этому времени. Сначала попытались выяснить, кто же виноват, что ряд договоренностей, которые вроде бы были достигнуты на прошлой встрече (27 июля, когда условились о разработке программы «500 дней»), так и не был выполнен. Как говорил потом Ельцин, «виноватых не оказалось».

Горбачев снова поставил в центр обсуждения Союзный договор – настаивал, чтобы его подготовка шла ускоренными темпами, говорил, что в этой подготовке и подписании договора Россия должна сыграть «консолидирующую роль».

Позиция Ельцина в этом вопросе, как он изложил ее потом депутатам российского парламента, была такова:

– Мы никогда не были противниками Союза и Союзного договора. И никто из руководителей Верховного Совета (России. – **О.М.**) или правительства Российской Федерации никогда не заявлял, что Россия не собирается участвовать в Союзе и Союзном договоре... Но, с другой стороны, сказал я Горбачеву, в качестве кого и в каком качестве Россия будет подписывать Союзный договор? Декларацию о государственном суверенитете (России. – **О.М.**), сказал я, вы официально не признали. Разделение функций между Центром и Россией вы официально не признали и проводите диктат Центра. Это выразилось и при принятии экономической программы («Основных направлений перехода к рынку». – **О.М.**) То есть все идет через Центр и практически реальной власти российские Верховный Совет и правительство не имеют, продолжается линия диктата, линия, направленная на то, чтобы Россия не имела своего голоса и своего суверенитета.

Горбачев настаивал, что эти проблемы надо решать ПОСЛЕ подписания Союзного договора: давайте, мол, сначала подпишем договор, а потом уже будем решать проблемы России.

Достигли компромисса – договорились создать комиссии, которые бы четко определили, как должны быть разделены функции между союзными и российскими структурами, как должна быть разделена собственность, использование национальных богатств, как решать другие подобные вопросы.

Эта работа должна вестись параллельно с подготовкой Союзного договора.

– Короче говоря, – сказал Ельцин, – начинается тот процесс, который должен был начаться сразу после принятия российской Декларации (о государственном суверенитете. – **О.М.**) Союзные руководители никак не могли решиться на такой шаг, полагая, что возможно силовыми приемами или отменой наших постановлений и законов сделать так, чтобы Центр как был, так и остался хозяином положения. Но возврата к этому не будет, Россия пошла иным путем, и она пойдет в дальнейшем иным путем.

Очередная попытка добиться примирения

Дальше разговор между двумя лидерами зашел о правительстве страны. Ельцин предложил Горбачеву тот вариант, о котором говорил депутатам в своем вызвавшем много шума выступлении 16 октября. Согласно этому предложению, речь должна идти, во-первых, о совершенно новой системе государственной власти и, во-вторых, о создании коалиционного правительства национального единства. В этом правительстве несколько должностей должны занять российские выдвиженцы. Как сказал депутатам Ельцин, на много должностей он до совета с ними, депутатами, не претендовал, но в предварительном порядке высказал пожелание, чтобы Россия имела право предложить кандидатуры на три правительственных поста – премьера, министра обороны и министра финансов.

Горбачев, по словам Ельцина, согласился с этим предложением.

Ну и договорились также о том, чтобы прекратить эту самую «войну законов» – взаимную отмену законодательных актов, указов, постановлений, – по крайней мере, свести ее к минимуму.

В разговоре с Горбачевым Ельцин также выразил недовольство тем, что Кремль подписывает какие-то международные соглашения, не ставя об этом в известность российское руководство, не разъясняя их смысл.

Такие претензии к Центру, наверное, могли бы высказать и все другие республики.

Удалось договориться с Горбачевым о том, что Центр окажет содействие в создании Российского внешнеэкономического банка, о совместном контроле за денежной

эмиссией, о четком разделении бюджета России и Союза, о создании Российской телерадиокомпании – на основе второго канала Центрального телевидения.

Ельцин напомнил Горбачеву, что у них уже был разговор по поводу того, что Россия должна получить «прямые выходы» во внешнеполитическую деятельность. Здесь они с Горбачевым также пришли к согласию.

О некоторых вещах договориться не получилось. О том, например, чтобы у Союза и России были разные налоговые системы, о том, чтобы были раскрыты закрытые статьи бюджета, – касающиеся Минобороны, КГБ и другие. Хотя разговор об этом Ельцин поднимал уже не в первый раз.

Ельцин посетовал на то, что после первой их встречи с Горбачевым (той самой, 27 июля) президент СССР сделал ряд шагов, не соответствующих тем договоренностям, которые были между ними тогда достигнуты. Надо полагать, и у Горбачева были аналогичные претензии к его собеседнику. Чтобы в дальнейшем избежать такого рода недоразумений, решили – в соответствии с той самой идеей Ельцина – подписать протокол, где бы фиксировалось то, о чем договорились.

Ельцин заверил депутатов, что со своей стороны не допустил «ни единого отступления от принципов Декларации о суверенитете России».

О том же самом рассказывает Горбачев

Итак, о своей встрече с Горбачевым Ельцин подробно и весьма эмоционально рассказал на сессии Верховного Совета РСФСР. Горбачев о том же самом сухо и коротко проинформировал участников совещания, состоявшегося у него 12 ноября. По его словам, Ельцин предъявил претензии: интересы России игнорируются. На это ему было сказано, что в отношениях внутри Союза участники политического процесса дошли до черты, за которой начинается развал. Ельцину было предложено ясно и четко заявить, что он – за Союз. Сам же Горбачев, по его словам, прямо сказал Ельцину: он убежден, что во внутренней политике нужно перенести акценты с вопросов суверенизации республик на вопрос о сохранении Союза.

Вот и все. Как видим, ситуация черно-белая. С точки зрения Горбачева, республиканские лидеры, прежде всего Ельцин, озабочены главным образом провозглашением и утверждением суверенитета своих республик. Что в результате станет с самим Союзом, их мало волнует...

На самом деле Ельцин не уставал повторять, что он – за Союз. Однако Горбачев, видимо, не доверял этим словам.

Союз, но уже – «Советских Суверенных»

В июле – сентябре 1990 года Совет Национальностей союзного парламента организовал консультации с представителями союзных и автономных республик, политических партий и движений. Тема консультаций – разработка концепции нового Союзного договора. 1 октября Верховный Совет, по предложению Горбачева, принял постановление об образовании Подготовительного комитета по разработке договора. В его состав должны были войти представители союзных республик, президент, председатель ВС СССР и председатель союзного правительства. Рекомендовалось также привлечь к работе комитета представителей автономных республик, автономных областей и округов (не забыли и о них).

18-19 октября Горбачев направил проект нового Союзного договора в Верховные Советы СССР и республик для обсуждения. Как видим, все произошло довольно быстро: когда только успели подготовить этот проект? Лишь 1 октября создали Подготовительный комитет, и вот уже, менее чем через три недели, – проект! Вообще работа над проектом Союзного договора шла в каком-то рваном ритме: то все как будто замедляется, затормаживается, то – внезапное ускорение. Хотя в целом для Горбачева, конечно, нет задачи более неотложной, чем подписание договора. Он уверен: если удастся этого добиться, и в как можно более короткие сроки, Союз будет спасен.

24 ноября проект договора, к этому времени вроде бы уже рассмотренный и согласованный в республиках (потом выяснится, что это не так, по крайней мере в отношении России), был опубликован в «Правде».

По проекту СССР получал новое название: вместо Союза Советских Социалистических Республик теперь его предлагалось называть Союзом Суверенных

Советских Республик. «Социализм» отправлялся в небытие. «Советы» оставались, хотя их присутствие в названии обновляемого государства тоже вызывало недоумение: причем здесь Советы? Что это за незыблемая и неизменная такая структура, без которой ну никак нельзя обойтись? Вроде бы лозунг «Вся власть – Советам!» давно вышел из употребления.

В проекте скромно говорилось, что Союз, то есть Центр, осуществляет государственную власть «в пределах полномочий, которыми его наделили участники договора». Однако намеченный круг этих полномочий был весьма широк, чрезмерно широк (по крайней мере так сочтут представители республик): оборона, безопасность, руководство едиными Вооруженными Силами, внешняя политика, представительство в международных организациях, внешнеэкономическая деятельность, таможня, единая финансовая, кредитная и денежная политика, единый союзный бюджет, фактическое владение золотым запасом и алмазным фондом, управление оборонными предприятиями, космическими исследованиями, союзными системами связи и информации...

Предлагалось установить так называемую «двухканальную» систему налогообложения: республики устанавливают свои налоги, а Центр – свои.

Высшим органом судебной власти предлагалось считать Верховный суд СССР, государственным языком – русский.

Согласно проекту, президент СССР провозглашался главой союзного государства, обладающим высшей распорядительно-исполнительной властью, главнокомандующим Вооруженными Силами СССР. Ему подчинялся Кабинет министров СССР.

Даже если у республик не вызвали бы возражения другие статьи проекта, вряд ли они согласились бы с такой концентрацией власти в руках одного человека – президента. Как говорится, – за что боролись!

Любопытной была концовка проекта: для республик, подписавших новый договор, с той же даты считался утратившим силу Союзный договор 1922 года. А что,

для тех, кто его не подпишет – а уже было вполне ясно, что его не подпишут, по крайней мере, балтийские республики, Грузия, – он оставался в силе?

В общем было ясно, что в таком виде Союзный договор вряд ли будет подписан.

«Главное – вывести страну из тупика»

6 декабря 1990 года Ельцин выступил перед слушателями, преподавателями и ветеранами Военной академии имени Дзержинского. Почему именно здесь? К этому времени вооруженные конфликты уже происходили на территории страны то там, то тут и назревали новые, возможно, еще более серьезные. К тому же то и дело возникали разговоры о возможном военном перевороте. Надо было как-то объясниться с военными, растолковать им, чего, собственно говоря, добивается российское руководство и какую роль отводит армии в решении проблем страны.

– В стране происходят глубочайшие изменения, – сказал Ельцин, – весь масштаб которых будет очевиден только спустя определенное время грядущим поколениям. Мы до дна исчерпали все ресурсы той командно-бюрократической системы, которая существовала многие десятилетия. Она – вчерашний день современного мира... Но наша задача не в разрушении существующего, главное – созидательная работа, возрождение основ жизни, позволяющих вывести страну из тупика, где оказалась страна, республика, все народы.

Ельцин вновь заверил: в том, что делает российское руководство, нет ничего, что бы «шло вразрез с идеей Союза». Экономические договоры, которые Россия сейчас заключает с другими республиками, по убеждению Ельцина, будут способствовать стабилизации обстановки в Союзе в период до заключения Союзного договора.

Каково место армии в новом Союзе Суверенных Государств? Такое же, как и в любом цивилизованном государстве – стоять на страже его границ, его безопасности.

– Военные не могут не играть важной роли в государстве, – продолжал Ельцин, – особенно в таком, как наше, с его историей и традициям... Но я категорически отвергаю даже мысль искать выход из кризиса, опираясь на армию... Призывы к диктатуре армии звучат, на мой взгляд, со стороны незначительной части нашего общества, и, прямо скажу, небольшой группы авантюристов в самой армии... Вмешательство армии во

внутриполитические дела взорвет ее изнутри. Она может расколоться на противоборствующие группировки. Жесткая политическая борьба, которая сегодня тем не менее остается мирной, может перерасти в вооруженную.

И вновь:

– Я думаю, на такой путь армию могут толкать только авантюристы.

Пройдет совсем немного времени, и страна увидит, как эти самые авантюристы вновь бросят военных против собственного народа.

Россия – за Союз!

Как бы отвечая на обращенное к нему пожелание Горбачева четко заявить, что он – за Союз, Ельцин, видимо, решил уже предельно ясно изложить свою позицию по этому вопросу, – за какой именно Союз он выступает, – чтобы ни у кого больше не было никаких недоумений и сомнений по этому поводу. Сделал он это 11 декабря, выступая на Съезде народных депутатов России.

– Скажу твердо и определенно, – заявил Ельцин. – Россия – за Союз. За Союз, основанный не на унитарных принципах, а на действительно свободном волеизъявлении каждой республики, на равноправии. Мы за Союз, в котором не будет привилегий, не будет главных и второстепенных народов. Мы за Союз, потому что он обеспечивает сохранение общего экономического пространства. Дает его участникам особый, максимально благоприятный режим для экономических взаимоотношений друг с другом.

Здесь, как видим, определенно проступает «экономический крен» в аргументах за Союз. Экономические аргументы вскоре станут главными и у других республик. Главное – сохранить целостность экономического пространства, а политические пути, связывающие республики с Центром, никому не нужны, они только мешают, только душат.

При этом, по словам Ельцина, он убежден: Союзный договор ДОЛЖЕН БЫТЬ СОЗДАН САМИМИ РЕСПУБЛИКАМИ. Это дело требует серьезной подготовки. Между тем, Центр проявляет здесь излишнюю торопливость, стремится форсировать подписание договора. Предлагается документ, который в течение двух месяцев – это требуется почти ультимативно – должен быть одобрен и подписан.

– Было бы непростительной ошибкой, – продолжал Ельцин, – если поспешность в подписании договора оставила бы за бортом Союза те республики, которые просто не успели сделать свой выбор, те, чьи обоснованные требования не были учтены и приняты. Не все республики выразили желание участвовать в Союзном договоре, и силой их не заставишь. Времена эти прошли. Возможно, следовало бы предусмотреть разные условия вхождения в Союз, дать возможность участия в определенных сферах, где есть обоюдная заинтересованность, предусмотреть подписание договора не сразу, а по частям и т. д.

Здесь, кажется, впервые зашел разговор о том, что не следует всех тащить в Союз на одинаковых условиях. Одни вообще идти туда не хотят, уже и отделились, другие готовы войти в него, но с какими-то оговорками... В дальнейшем такой подход станет все более укрепляться.

Что будет с Россией?

Далее Ельцин вступил на зыбкую, болотистую почву разговора о суверенитете внутрироссийских территорий. Трясинную опасность этой теме он сам отчасти придал своим не очень обдуманном разрешением: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить» (хотя сам он позднее утверждал, что все было обдуманно и правильно).

– Всем нам следует помнить, – сказал Ельцин, – что самоопределение не сводится только к принятию постановления или декларации. Эти документы свидетельствуют скорее о намерениях, они только закладывают правовой фундамент суверенности... Суверенитет будет по-настоящему принят всеми народами только тогда, когда обеспечит лучшую и более спокойную жизнь каждому.

Тут надо заметить, что в этих рассуждениях о «настоящем» и «ненастоящем» суверенитете автономий Ельцин прибегал примерно к такой же туманной и запутывающей «логике», как и Горбачев, рассуждавший о «настоящей» и «ненастоящей» независимости союзных республик. И у того, и у другого простые и ясные слова «суверенитет», «независимость» опутывались словесными кружевами, тонули в них. Цель была простая и бесхитростная – не признавать объявленный суверенитет суверенитетом, объявленную независимость – независимостью.

При Путине такой же запутывающий прием был применен к слову «демократия»: мол, само по себе это слово еще ничего не значит – важно, чтобы она была СУВЕРЕННОЙ. То есть мы на своей суверенной территории что хотим, то и называем демократией, и отвалите от нас!

Вернемся, однако, к выступлению Ельцина. По его словам, в ходе подготовки Союзного договора России надо пройти несколько важных этапов: во-первых, определить, каким должно быть ее государственное устройство, каким должен быть статус автономий, статус народов, не имеющих своих государственных образований, тем более, что в их числе оказался и русский народ, давший имя всей республике; во-вторых, подготовить, обсудить и подписать Федеративный договор, – правовую основу российского государства; в-третьих, принять Конституцию Российской Федерации.

Вот эти три ключевые проблемы, по мнению Ельцина, России надо решить до того, как подписывать Союзный договор.

Как видим, проблемы серьезные, тяжелые. Желание Ельцина поставить их впереди Союзного договора в самом деле отодвигали его подписание на неопределенный срок, что, конечно, никак не устраивало Горбачева.

Не надо торопиться!

Далее Ельцин снова возвращается к идее, что Союзный договор должны подготовить сами республики, а не Центр.

– Новый Союзный договор, к которому, уверен, придут республики... должен отсечь старую модель Союза, не позволить в новых условиях возродиться тоталитаризму. Важно преодолеть унитарные подходы в политике Центра. Пора начать, наконец, доверять республикам...

По словам Ельцина, Центр по-прежнему стремится играть доминирующую властную роль в республиках. Больше всех от этого страдает Россия. В ней Центр традиционно занимал самые мощные позиции. До сих пор официально не признан суверенитет Российской Федерации, не проведено разделение собственности, компетенции...

– Как же мы можем, учитывая все это, форсировать подписание договора? – задал Ельцин недоуменный вопрос.

Ельцин категорически отверг обвинение, что Россия разваливает Союз: за прошедшие месяцы ни Верховный Совет, ни правительство республики не предприняло ни одного шага в сторону обострения отношений с какой-либо республикой Союза. У России добрые, стабильные отношения со всеми республиками Союза, и она намерена всячески укреплять их.

Здесь Ельцин лукавил: когда его упрекали, что он стремится развалить Союз, разумеется, имели в виду не обострение отношений с другими республиками – они-то как раз действительно укреплялись, – а обострение отношений с Центром. Он и сам это прекрасно понимает:

– Да, все это время мы занимали довольно жесткую позицию по отношению к Центру. Жесткость эта была обусловлена прежде всего нашим стремлением выйти, наконец, на конструктивный диалог с союзным руководством. Мы вынуждены были проявлять жесткость и принципиальность, когда просто душили нашу инициативу, когда со стороны Центра было откровенное нежелание действовать, решать крайне запущенные проблемы. Когда игнорировали уже достигнутые договоренности, совместно выработанные условия, просто мешали работать.

При этом целью российского руководства, даже в самые сложные моменты, было выйти на диалог с Центром, диалог во имя России, во имя сохранения и укрепления Союза.

– Мы однозначно против Союза за счет интересов России, – сказал в заключение Ельцин, – мы против Союза, в жертву которому снова хотят принести Россию. И поэтому мы не можем принять такой проект договора... Вот наша позиция. И, думаю, такова позиция всех республик. Мы должны включить в этот перечень и принцип добровольности вхождения в Союз, и необходимость четких гарантий выполнения принятой нами Декларации о суверенитете России в условиях нового Союза. Поднимался вопрос и о возможности исключения того или иного государства из Союза. Говорили о необходимости пересмотра границ как важнейшего условия заключения нового Союзного договора и т.д... Недопустимо ставить рекорды скорости при обсуждении

вопроса, от которого зависит судьба ста пятидесяти миллионов человек. Хотя бы сейчас нам нужно извлечь уроки из прошлого. Ведь многие национальные конфликты в СССР имеют в своей основе стремление решить сложнейшие вопросы в угоду сиюминутным политическим настроениям. Считаю, мы не имеем на это права.

Ельцин посетовал на то, что проект Союзного договора напечатан, дескать, накануне Съезда. Россияне только начали знакомиться с ним. Первые оценки появились, когда Съезд уже шел, оценки различные. И в этой ситуации «нам предлагают закрыть тему». Ельцин убежден, что делать это рано.

В действительности, как мы помним, проект Союзного договора был опубликован 24 ноября. С того дня минуло уже две с половиной недели. И дело, конечно, было не в том, что с момента публикации прошел слишком малый срок, а в том, что этот проект для Ельцина – да и не только для него, – был в принципе неприемлем.

Катастрофа все ближе

«На заседании Политбюро ЦК КПСС 16 ноября 1990 года Горбачев говорит о ситуации, сложившейся в области продовольственного снабжения:

«Я добивался в ходе подготовки к сессии полной картины ситуации в стране. Но полной ясности нет. Я выяснил все до конца и должен сказать: для стабильного продовольственного снабжения требуются чрезвычайные усилия».

Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Гидаспов выступает на том же заседании Политбюро ЦК КПСС:

«Сейчас ситуация, конечно, очень тяжелая. Я утром еду работу, смотрю на хвосты в сто, тысячу человек. И думаю: вот трахнет кто-нибудь по витрине, и в Ленинграде начнется контрреволюция. И мы не спасем страну».

Но и чрезвычайные усилия, на которых настаивает президент СССР, результатов не дают. Фундаментальные финансовые проблемы страны словами решить невозможно.

Нужны действия и политическая воля. Их нет. Ситуация на потребительском рынке продолжает обостряться».

ПРООБРАЗ БУДУЩЕГО СНГ

Республики признают суверенитет друг друга

Итак, проект Союзного договора был вынесен на всенародное обсуждение 24 ноября 1990 года. За несколько дней до этого произошли события, которые показали, что судьба опубликованного проекта будет незавидной.

19 ноября, в Киеве Ельцин и Кравчук подписали Договор «о равноправном и взаимовыгодном сотрудничестве» между Россией и Украиной. Это был первый по-настоящему государственный договор между двумя республиками. «Высокие Договаривающиеся Стороны, – говорилось в документе, – признают друг друга суверенными государствами и заявляют об уважении территориальной целостности друг друга».

«Уважение территориальной целостности...» Это было особенно важно для Украины. Ряд ее территорий многие в России считали несправедливо отторгнутыми от земли российской. И вот Ельцин вроде бы легко отказывается от притязаний на эти территории. Позже он услышит в свой адрес немало проклятий за это. Они и до сих пор раздаются. Отдать исконные российские земли, за которые столько русской крови пролито! Отдать Донбасс, Крым, Севастополь! Предатель! Но не об этом у Ельцина тогда болела голова. Он искал надежных союзников в противостоянии Центру. Это было главное в тот момент. К тому же, я думаю, он был уверен: Россия и Украина не навсегда расстанутся, никуда они друг от друга не денутся.

На совместной с Кравчуком пресс-конференции, состоявшейся в этот же день, Ельцин заявил, что о Союзном договоре не может быть и речи до тех пор, пока не будут признаны суверенитеты республик (это он будет неизменно повторять и в дальнейшем). Он сказал также, что Россия не собирается вмешиваться в крымские дела, так как это «является делом народов Крыма и Верховного Совета Украинской ССР». (В тот момент в

Крым ширилось движение за отделение полуострова от Украины). Ельцин категорически опроверг утверждение, что Россия претендует на главную роль среди других республик, что Центр смещается в Россию.

Еще одно выступление Ельцина состоялось на заседании Верховной Рады. Здесь он также обрушился с критикой на концепцию Союзного договора. Ельцин вновь обвинил Горбачева в том, что он игнорирует декларации о суверенитете, с которыми выступают республики. По словам Ельцина, «призывы усмирить разбушевавшиеся республики, которые раздавались на последнем заседании Верховного Совета СССР, привели лишь к ухудшению положения в стране, и вина за это ляжет на руководство Союза». Он также заявил, что суверенитета нельзя добиться в одной отдельно взятой республике и призвал к консолидации в борьбе против Центра.

Выступая 20 ноября уже на сессии Российского парламента, Ельцин подтвердил свою генеральную линию на укрепление российского суверенитета и высказал идею о создании своего рода «славянской Антанты» – тройственного союза России, Украины и Белоруссии. (Вот уже когда зазвучала эта идея – более чем за год до Беловежья!) Кроме того, он потребовал предоставить российскому руководству для работы, по крайней мере, часть Кремля. Требование вроде бы мелкое, техническое, однако Ельцин, по-видимому, считал, что такая дислокация опять-таки будет символизировать суверенитет России.

Позднее, став уже президентом, Ельцин продолжал эту линию – даже в мелочах подчеркивать независимость России и свою самостоятельность как главы государства. Так, во время приезда в Москву американского президента Буша в июле 1991-го Ельцин отказался быть «в свите» Горбачева, заявив, что будет общаться с гостем лишь в качестве президента РСФСР в своем кремлевском кабинете (к этому времени такой кабинет уже был у него). Отказался участвовать и в завтраке, который Горбачев устраивал для Буша в Грановитой палате Кремля. В другое время это можно было бы считать бессмысленным капризом и даже неуважением к американскому гостю, но в тот момент Ельцин цеплялся за каждую мелочь, чтобы подчеркнуть суверенитет России. А в данном случае он к тому же хотел продемонстрировать его зарубежному лидеру.

Далее – Казахстан, Белоруссия, Прибалтика...

21 ноября Ельцин, уже в Москве, подписал договор с Назарбаевым, с Казахстаном, аналогичный «украинскому». Оба лидера на последовавшей пресс-конференции подчеркивали, что это договор – между двумя СУВЕРЕННЫМИ республиками (снова – «Высокие Договаривающиеся Стороны») и что оба они движимы намерением обновить государственное устройство СССР путем его преобразования в Союз суверенных государств через налаживание тесных связей «по горизонтали».

Как и в «украинском» договоре, в договоре с Казахстаном содержался пункт о признании территориальной целостности друг друга, то есть опять-таки о недопустимости каких-либо территориальных претензий друг к другу. Здесь он снова подставлял свою голову под град проклятий со стороны российских патриотов. Вспомним хотя бы солженицынское:

«Сегодняшняя огромная его (Казахстана. – **О.М.**) территория нарезана была коммунистами без разума, как попада: если где кочевые стада раз в год проходят – то и Казахстан... Да до 1936 года Казахстан еще считался автономной республикой в РСФСР, потом возвели его в союзную. А составлен-то он – из южной Сибири, южного Приуралья, да пустынных центральных просторов, с тех пор преображенных и восстроенных – русскими, зэками да ссыльными народами. И сегодня во всем раздутом Казахстане казахов – заметно меньше половины. Их сплотка, их устойчивая отечественная часть – это большая южная дуга областей, охватывающая с крайнего востока на запад почти до Каспия, действительно населенная преимущественно казахами. И коли в этом охвате они захотят отделиться – то и с Богом».

В дальнейшем, когда кое-кто из российских деятелей попытается все же предъявить такие претензии Украине и Казахстану, те вполне резонно будут ссылаться на договоры ноября 1990 года.

Можно спорить, где что русское, где что украинское, где что казахское, но, бесспорно, в территориальном смысле Украина и Казахстан больше всех выиграли от распада Союза. Выиграли за счет России. Но как этого можно было избежать, никто не скажет. Способов можно представить только два: либо затяжные канцелярские споры по

поводу границ, с подъемом исторических архивов, исторических карт, потеря времени, потеря темпа и – проигрыш Горбачеву; ну а второй способ – война; война из-за территорий – это то, чего более всего не хотел допустить Ельцин, ибо перед его глазами был кровавый опыт Югославии.

Следующими партнерами России в этих «горизонтальных» договорных связях, как заявил Ельцин, будут Белоруссия и республики Прибалтики – с ними Россия подпишет договоры «в ближайшее время». Иными словами, в его «договорных» действиях и планах четко выстраивалась линия на строительство некоей государственной союзной структуры в обход Центра.

Впрочем, еще до Украины, Казахстана и Белоруссии в договорные отношения с Россией, 22 сентября, вступила Молдавия.

С Белоруссией же договор был подписан не «в ближайшее время», а лишь спустя месяц, 18 декабря.

«Славянская Антанта», или что-то похожее на будущее СНГ?

В сущности, из слов и действий Ельцина в этот период можно было заключить, что он рассматривает два варианта преобразования Союза: либо создать «славянскую Антанту» плюс, скорее всего, Казахстан (тогда «Антанта», естественно, уже переставала быть славянской) и предложить другим республикам присоединиться к этой первоначальной структуре, либо просто, без всякой «Антанты», последовательно заключать двусторонние договоры со всеми республиками. Ясно, что по мере того, как число этих двусторонних договоров станет увеличиваться, будет все больше шансов создать Союз Суверенных Государств именно «снизу» – как его видят в республиках, а не «сверху» по плану Центра.

Какой именно из этих двух вариантов «выгорит», должно было стать ясно по мере развития политической ситуации. Думаю, в ту пору Ельцин и сам точно не знал, чему отдать предпочтение.

Идея, согласно которой создание нового Союза надо начинать с образования небольшого ядра с последующим пополнением, будет в дальнейшем периодически

выныривать на поверхность, вызывая раздражение Горбачева. Пока наконец не материализуется окончательно в декабре 1991-го в Беловежье.

Вместо «мировой революции» – «мировая перестройка»

Ощущение такое, что в тот момент Горбачев вообще не очень хорошо себе представлял, в какой, собственно говоря, исторической точке находится возглавляемое им государство. Из его высказываний а той поры явствовало, что он по-прежнему – за социализм, только гуманный, демократический. И – в мировом масштабе.

Это вызывало в памяти прежнюю утопическую идею большевиков о мировой революции («Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем...»), хотя Горбачев, разумеется, не это имел в виду.

Помощник Горбачева Георгий Шахназаров записал свой разговор с Горбачевым, состоявшийся 5 декабря и продолженный 7 декабря. Оценивая тяжелую – в том числе и для него самого – обстановку в стране, Горбачев, тем не менее, выразил уверенность, что «главное дело нами сделано и назад пути уже нет». По словам Горбачева, теперь «вся проблема в том, насколько болезненно пойдет дальше».

Шахназаров в основном поддакивает шефу, впрочем, вставляя при этом некоторые предостережения и осторожно – подсказки.

«Шахназаров. Согласен с вами. «Историческая идея» ваша воплощена, процесс преобразования приобрел необратимый характер, но надо бы довести его до возможно большей зрелости. Иначе действительно могут быть различные потрясения. Примеров в истории много, когда ход реформ осложнялся донельзя, если реформатор по тем или иным причинам отстранялся от дела.

Горбачев. Это верно. Да я и не думаю складывать руки. Будем бороться до конца. Только я ни за что не встану на путь применения силовых методов, к которым многие меня сейчас подталкивают. Это был бы конец всему.

Шахназаров. Измена той самой идее, ради которой вы все начали?

Горбачев. Именно. К этому, к диктатуре, авторитаризму, меня никто не принудит. Лучше подам в отставку».

Хотя разговор происходит тет-а-тет, Горбачев, по-видимому, догадывается, что рано или поздно его слова попадут в печать, и его кредо – к силовым методам, к диктатуре, к авторитаризму его никто не принудит – останется в анналах истории.

Но Шахназаров снова услужливо подсказывает:

– А решительные меры под эгидой и с благословения Съезда, Верховного Совета? От них похоже не уйти.

Горбачев согласен:

– Это другое дело. Все должно быть в рамках законности и демократии. Ты ведь знаешь, Георгий, это для меня не просто слова, а твердое убеждение, жизненная идея, как вы, политологи, выражаетесь.

Вот так, есть «силовые методы», а есть «решительные действия». Горбачев против первых, но допускает вторые.

Между тем, как стало известно позже, примерно в это время, в декабре 1990-го, зам начальника Первого главного управления КГБ Жижин и помощник первого зама председателя КГБ Егоров по указанию председателя КГБ Крючкова начали разработку плана по введению в стране чрезвычайного положения.

Наверное, какие-то элементы этих разработок будут использованы и в событиях, которые вскоре, в январе, развернутся в Прибалтике, и позже, в августе, в Москве. Знал ли Горбачев об этих мероприятиях внутри крючковского ведомства? Сие неизвестно. И от январских, и от августовских действий вроде бы подчиненных ему силовиков Горбачев отстранится.

7 декабря Шахназаров сообщил Горбачеву, что американский журнал «Тайм» назвал его «Человеком десятилетия». Реакция Горбачева была исполнена пафоса:

– Бери другой масштаб! Дело не во мне, но масштаб у этого дела (перестройки. – **О.М.**) вселенский. Ведь речь о том, что мы и страну перевернули, и Европа уже никогда не будет такой, какой была, и мир не вернется к старому. А новизна двоякая. Это – гуманный демократический социализм и общечеловеческая цивилизация. Так что наша

новая революция оказалась и на сей раз не только национальной, российской, но и всемирной. По крайней мере положили начало мировой перестройке.

Вот так. Раньше это называлось «мировая революция», теперь – «мировая перестройка». Хорошо хоть не кровавая, не «на горе всем буржуям».

Временами, как видим, у Горбачева прорывались поистине глобальные честолюбивые мечты. Хотя, если брать конкретно тот момент, это был момент для них совсем не подходящий. Страна была в тупике, перестройка, даже и в пределах Союза, явно пробуксовывала, – что уж тут замахиваться на мировой масштаб!

Единственное утешение для ее автора и инициатора – разве что вот это звание «Человек десятилетия», полученное от авторитетного журнала. Звание, полученное, конечно, вполне заслуженно: не было в мире в минувшие десять лет более значительной личности, чем Горбачев.

Парад суверенитетов продолжается

15 декабря Декларацию о государственном суверенитете принял Верховный Совет Киргизии.

Катастрофа все ближе

«Министр торговли СССР К. Терех – председателю Совета министров СССР Н. Рыжкову (декабрь 1990 года):

«За 11 месяцев, по данным Госкомстата СССР, в торговлю недопоставлено... товаров народного потребления на 21,7 миллиарда рублей, в том числе продуктов питания – на 4,3 миллиарда рублей... Особую тревогу вызывает снабжение продуктами животноводства населения Москвы и Ленинграда... Из-за неуплаты счетов по текущему году и отсутствия валютных средств для закупки в первом квартале 1991 года Министерство внешних экономических связей не гарантирует поставки в январе продуктов питания, что приведет к срыву снабжения населения городов Москвы, Ленинграда и других централизованных потребителей... Крайне отрицательно скажутся

на поставке товаров легкой промышленности сокращение объемов выделяемых средств для закупки этих товаров по импорту...»

БИТВЫ НА СЪЕЗДАХ

У Ельцина начинаются проблемы с «собственным» парламентом

Помимо того, что Ельцину приходилось вести войну с горбачевским Центром, перед ним все более угрожающе разворачивалась еще одна линия фронта – линия противостояния с «собственным» российским парламентом, который он возглавлял. Точнее – с весьма значительной коммуно-«патриотической» его частью. Ничего удивительного в этом не было: достаточно вспомнить, с каким трудом в мае на выборах спикера Ельцин одолел Полозкова, самую реакционную в то время фигуру партноменклатуры, да и вообще, с каким незначительным перевесом в голосах был избран. Поклонники Полозкова, явные и скрытые, никуда не делись. Хотя опора Ельцина депутатская группа «Демократическая Россия» по численности несколько превышала противостоящих ему «Коммунистов России» – 370 депутатов против 360, – к «коммунистам» примыкала еще одна антиельцинская группа – «Россия», около сотни членов. Так что вместе они уже составляли на съезде простое большинство. В дальнейшем коммуно-«патриотам» удастся набрать и квалифицированное большинство – две трети депутатов и более, – позволяющее принимать или отменять конституционные законы. Борьба Ельцина, который к тому времени делается президентом России, с этой реакционной, антиреформаторской группировкой будет становиться все более ожесточенной и закончится, по сути, кратковременной гражданской войной 3 – 4 октября 1993 года.

Пока до этого еще далеко, но война, повторяю, началась. На II внеочередном Съезде российский нардепов, проходившем с 27 ноября по 15 декабря 1990 года был провален ряд предложений Ельцина, в том числе предложение занять негативную позицию по отношению к проекту Союзного договора, который Горбачев вынес на обсуждение.

Точка зрения Ельцина нам известна: Союзный договор должен исходить от республик, строиться на основе двусторонних договоров между ними; ни о каком Союзном договоре не может быть речи, пока Центр не признает суверенитеты республик.

– Мы против Союза, в жертву которому вновь хотят принести Россию, – заявил Ельцин. – И поэтому мы не можем принять такой проект договора, в котором содержится хоть малая возможность этого.

Однако Съезд принял значительно более мягкое, обтекаемое постановление, в духе которого Ельцину и надлежало действовать. В нем говорилось, что России следует «принять участие в разработке проекта нового Союзного договора на основе постановления первого Съезда народных депутатов РСФСР «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР (Основа нового Союзного договора)»..., а также проекта Союзного договора, предложенного Верховным Советом СССР».

Таким образом Ельцину в этом ключевом, принципиальном вопросе как бы связывались руки – ему предписывалось снизить критический запал, направленный против горбачевского проекта.

Однако он редко поддавался внешнему давлению.

«Хватит пугать Кремлем!»

Едва закончился российский съезд, как начался съезд союзный (это было время почти непрерывных съездов). IV Съезд народных депутатов СССР проходил в Москве с 17 по 27 декабря. В центре его – обсуждение все той же концепции Союзного договора.

19-го здесь выступил Горбачев. Как бы желая потрафить своим оппонентам, он призвал «уходить от унитаризма, сверхцентрализации, идти по пути, на который мы встали, – к Союзу Суверенных Государств на принципах федерации».

Да вроде бы СССР и представлял собой федерацию. На бумаге. Что же предлагалось для превращения «бумажной» федерации в реальную? Если вы призываете

идти к Союзу СУВЕРЕННЫХ Государств, так признайте для начала их суверенитет. Вроде бы этого требует логика. Однако в речи Горбачева преобладали заклинания и общие слова.

– Хватит пугать Кремлем советский народ... Мы прошли большой путь к нынешнему проекту Союзного договора – через декларации суверенных республик (ну так декларации и повисли в воздухе! – О.М.), консультации представителей республик, обсуждение в Совете Федерации, неоднократное обсуждение в Верховном Совете СССР, через научные дискуссии. Обсуждение этой сложной проблемы идет во всем обществе. Считать, что нынешний проект Союзного договора – бюрократический продукт, значит бросать тень на всех, кто участвовал в этом многотрудном процессе.

Естественно, выступление Горбачева вызвало немало критики. По словам казахского президента Нурсултана Назарбаева, стремление республик обрести суверенитет связано не с чьими-то амбициозными интересами, а с параличом центральной власти, с эгоизмом центральных ведомств, не желающих отказаться от своего диктаторского подхода к республикам.

В общем, с первых же дней съезда вновь зазвучали требования, чтобы Центр признал суверенитеты, провозглашенные республиками. Более всего на этом, естественно, настаивали прибалтийские депутаты (они еще оставались на съезде).

Центр не знает, куда вести страну

19 декабря на съезде выступил и Ельцин. Его выступление было резко антигорбачевским, причем далеко выходящим за одну только тему Союзного договора. Не очень-то он оглядывался и на сдерживающие «напутствия» «своего» российского Съезда.

– Нужно откровенно признать, – сказал Ельцин, – союзное руководство сегодня не имеет четкого политического курса на обновление страны. Внешние его действия носят характер импровизации, нереагирования на возникающие обстоятельства, бесконечного лавирования.

Но за этой вроде бы импровизацией, по словам Ельцина, стоит жесткая политическая логика: Центр стремится не допустить реального суверенитета республик,

саботировать радикальные реформы. Так называемая революция сверху закончилась. Кремль перестал быть инициатором обновления страны и активным проводником нового. Процессы обновления, которые Центр пытается заблокировать, переместились в республики. Выявилась реальная возможность начать радикальные преобразования именно в республиках. Потому-то провозглашаемый ими суверенитет встречает бешеное сопротивление Центра.

Горбачев и К^о проводят перегруппировку сил

Досталось от Ельцина и самому Горбачеву. По словам председателя российского парламента, союзное руководство проводит значительную перегруппировку сил, чтобы любой ценой удержать свои прежние позиции неограниченного хозяина всех республик, неограниченными полномочиями наделяется президент страны – такого объема законодательно оформленной власти не имели ни Сталин, ни Брежнев; крайне опасно, что президентская власть у нас формируется под личные качества и гарантии одного конкретного человека, фактически Центр стремится создать неограниченный авторитарный режим, что может привести в конечном счете к любому произволу, как бы оправданному Конституцией. Союзное руководство игнорирует декларации о суверенитете, усиливает неприкрытое вмешательство в дела союзных республик, в сферу их компетенции, опираясь при этом на самые консервативные силы.

– Убежден, – продолжал Ельцин, – что путь, избранный союзным руководством, ведет в тупик. Ужесточение позиций Центра по отношению к республикам будет лишь стимулировать отрицательную ответную реакцию. Кнут уже перестал быть реальным фактором во внутренней политике, а Союз уже, кажется, потерял в результате такой политики давления минимум шесть республик. Объективные процессы невозможно остановить силой.

Я не уверен, что Горбачев в тот момент был согласен с этим ельцинским тезисом, – что «потерянные» республики действительно потеряны и что при помощи силы тут ничего уже нельзя изменить. События, которые в скором времени развернутся в Прибалтике, отчасти, возможно, будут демонстрацией этого несогласия.

Как выйти из кризиса

Возвращаясь к выступлению Ельцина... Как он полагает, можно было бы обсуждать проблему усиления Центра, если бы у него были бы хоть какие-то конструктивные предложения. Но их нет. Нет ни у президента, ни у правительства. Был путь – «программа Явлинского» (то есть Явлинского – Шаталина, «500 дней»), которая экономически объединила бы и республики. В программе был конкретный контроль по дням со стороны народа за действиями руководства, а при провале оно впервые в нашей истории отвечало бы перед народом «при своей жизни». Эта программа была признана, в том числе и президентом, но затем – отброшена. Парламенты и народ оказались обманутыми. Потеряно было три месяца.

Мимо проваленной Горбачевым программы «500 дней» Ельцин, разумеется, не мог пройти. Не мог отказать себе в удовольствии как следует «врезать» своему оппоненту, «обманувшего» не только парламенты и народ, но и его самого, Ельцина, в кои-то веки поверившего ему.

И дело не только в потерянных трех месяцах. Потеряно было нечто более серьезное – одна из последних возможностей спасти Союз. Именно об этом вроде бы больше всех хлопотал тогда Горбачев, и именно это «прохлопал», отказавшись от программы «500 дней».

В заключение Ельцин предложил несколько пунктов выхода из кризиса.

Первое – в Союзе наконец должен быть создан режим наибольшего благоприятствования для республик. Для этого необходимо прежде всего признать их суверенитет. Только республики должны решать, какая структура Центра им нужна и какие функции он должен выполнять.

Второе – необходимо, чтобы союзное руководство «решительно и навсегда» отказалось вмешиваться во внутренние дела республик без их согласия.

Третье – нужно в кратчайшие сроки принять решения о разделе полномочий и собственности между республиками и Союзом. При этом диктовать условия должны республики. Затем надо начинать работу над Союзным договором или вести это дело параллельно.

Четвертое – союзное руководство должно активно содействовать подписанию договоров между республиками. Именно они станут основой нового Союзного договора, а не спускание инструкций сверху. Время команд из Кремля прошло. Республики уже не боятся грозных окриков. И никакой указ, даже самый жесткий, не будет действовать, если для его выполнения нужно приносить в жертву интересы республики. Главное для Центра теперь – не мешать, не ревновать, не блокировать инициативу республик, а помогать им. Только на такой основе можно сегодня стабилизировать обстановку, выйти из кризиса и построить новый Союз Суверенных Государств.

Как видим, по части того, как следует вести работу над Союзным договором, Ельцин прямо отступил от установок российского Съезда, оставшись верным собственным представлениям на этот счет.

Горбачев отбивается

Впрочем, нельзя сказать, что все выступления в прениях были антигорбачевскими. Были и в его поддержку, с критикой «парада суверенитетов»:

Депутат Рябков:

– ...Мы объявили суверенитеты на всех уровнях. И это действительно благо, это – формы демократической жизни. Но чем оборачиваются суверенитеты? Они оборачиваются тем, что во многих случаях... в республиках, регионах создаются мелкие тоталитарные режимы... И вот это страшно и опасно.

(Сегодня, спустя два десятилетия, мы не можем не признать справедливость этих слов: в ряде бывших союзных республик действительно утвердились «мелкие тоталитарные режимы». Но тогда голова болела совсем о другом).

Досталось и Ельцину. Депутат Супрунов:

– Мне как-то неловко от решительности и твердости, прозвучавших в сегодняшнем заявлении Ельцина. Его выступление я понял так: он опирается на мнение жителей России и, будучи главой Верховного Совета РСФСР, как шагал, так и будет шагать. Причем говорит о том, что за Союз, но все делает наоборот. Как мне кажется,

мнение присутствующих здесь россиян, депутатов, избранных теми же избирателями и приехавших сюда выполнять волю трудовых коллективов, он особо не учитывал.

А как интересно, можно было учесть волю «трудовых коллективов»? Каких именно? Где эта воля была оглашена? Каждый желал предстать истинным носителем народной воли.

Депутат Романов:

– ...Прибалтийские республики рассчитывают на то, что они на сепаратистской основе могут договориться с тем же Ельциным. Но, товарищи, Ельцин – это не Россия, и Верховный Совет России – это тоже не Россия. Россия – это миллионы жителей РСФСР, Россия – это же десятки миллионов людей, которые живут за пределами РСФСР... РСФСР – ядро реально существующего Советского Союза. Россия не может ни уйти, ни прийти в Советский Союз. Это костяк Советского Союза.

Как видим, разлитое море демагогии. Тут и сепаратные договоры Прибалтики с Ельциным... И Россия – это не Ельцин и даже не российский Верховный Совет, Россия – это миллионы людей внутри РСФСР и за ее пределами... И Россия не может ни выйти из Советского Союза, ни войти в него... Поди попробуй понять, что человек сказать хочет. Но вроде бы тоже что-то говорит в обличие Ельцина.

После прений вновь выступил Горбачев. Как писала «Российская газета», его выступление было «растерянно жестким». Президент говорил «от имени народа страны» (тоже от имени народа!) и фактически выразил недоверие законно избранному руководству республик. Защищал Центр и его позиции, клеймил «популизм с гнилыми корнями».

То есть с чего начал («Хватит пугать Кремлем!»), тем и кончил. Бег на месте продолжался.

Союз трещит по швам

Проект Союзного договора представил председатель Совета Национальностей союзного парламента Рафик Нишанов. Впрочем, к этому времени проект, как известно, уже был опубликован, и республики могли заранее составить о нем своё мнение. Многие из них заявили, что принципиально с ним не согласны и подписывать его не будут.

Да и присутствовали на съезде далеко не все. Не было делегаций Литвы и Армении. Покинуло съезд большинство делегатов Молдавии – в знак протеста против участия в его работе представителей самопровозглашенных республик – Гагаузии и Приднестровья. О том, что не будут участвовать в обсуждении и подписании договора заявили парламенты Грузии, Латвии, Эстонии. Короче говоря, при обсуждении проекта Союзного договора Советский Союз был представлен в весьма усеченном виде.

Но даже и при усеченном составе съезда проект договора встретил немало резкой критики. Особенно часто звучали все те же два наиболее популярных среди республик тезиса: не Центр должен определять свои полномочия, а республики должны ему их делегировать, это первое, и второе – прежде всего надо заключить экономические соглашения между республиками, соглашения «по горизонтали», а уж потом думать о политическом обустройстве Союза.

Шеварднадзе предупреждает...

Однако 20 декабря на съезде произошло некое событие вне всякой повестки дня. С неожиданным сенсационным заявлением выступил союзный министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе.

– Для меня это самое тяжелое выступление в жизни, – сказал он. – В последнее время определенные люди ставят под сомнение все успехи внешней политики страны, ведется травля в газетах. Битва реформаторов и реакционеров происходила и на последнем съезде КПСС – тогда победили реформаторы. А сейчас наступает диктатура, заявляю это со всей ответственностью. Никто не знает, какая это будет диктатура, что за диктатор придет и какие будут порядки.

Шеварднадзе заявил, что он уходит в отставку с поста министра иностранных дел:

– Пусть это будет моим протестом против наступления диктатуры. Я не могу примириться с теми событиями, которые происходят в стране. Я верю, что диктатура не пройдет, что будущее за демократией и свободой.

Это выступление не только вызвало шок среди депутатов, но и потрясло многих в стране.

Что стояло за этим заявлением? С какой стороны Шеварднадзе почувствовал смрадное дыхание наступающей диктатуры? Сам он не стал тогда распространяться об этом. Возможно, он ощутил, что Горбачев начинает прогибаться под натиском черносотенного крыла КПСС (вспомним его слова, сказанные в беседе с Шахназаровым, что он против «силовых методов», но допускает «решительные действия»). Не исключено, что и сам Шеварднадзе ощутил на себе давление черной сотни – давление, которому он уже не в силах был противостоять. Среди таких черносотенных группировок тогда числилась парламентская группа «Союз», которую возглавляли «черные полковники» Алкснис, Петрушенко, в которую входила фанатично-истеричная Сажи Умалатова, другие коммунистические фундаменталисты... Они сами не раз публично хвастались, что сняли со своего поста министра внутренних дел Вадима Бакатина. И вот теперь как бы настала очередь Шеварднадзе.

К теме угрозы диктатуры выступавшие возвращались не раз в последующие дни работы съезда. Анатолий Собчак заявил в своем выступлении, что в стране вообще разворачивается кампания по дискредитации демократического варианта развития общества. По его словам, опасность диктатуры действительно реальна, диктатор может иметь любую фамилию, но настоящее его имя – номенклатура.

Подробно говорили об отставке Шеварднадзе и в кулуарах съезда. Причины ее назывались разные, но главная, как считали многие, – двуличие президента по отношению к министру иностранных дел. Например, уже несколько месяцев идут разговоры, что на министерском посту его вот-вот заменит Примаков. На эту мысль, в частности, наталкивает то обстоятельство, что этот деятель был послан с миссией на Ближний Восток даже без уведомления действующего министра иностранных дел. Горбачев не счел нужным разъяснить этот в каком-то смысле оскорбительно-пренебрежительный акт. Не защитил он министра и от наглых атак алкснисов-петрушенок.

Сам Горбачев заявил, что решение Шеварднадзе стало для него неожиданностью. Он упрекнул своего соратника: дескать, тот своим поступком поставил под сомнение весь курс на перестройку, а между тем ему готовился второй пост в исполнительной власти – пост вице-президента.

Если это действительно так, если бы вице-президентом действительно стал Шеварднадзе, а не Янаев, у гэкачепистов в августе 1991-го могли бы возникнуть проблемы... Кого бы они назначили и.о. президента? По Конституции в той придуманной ими ситуации Горбачева мог заменить только «вице». Больным пришлось бы объявлять и второе лицо в государстве. Не слишком ли много больных? Да нет, пожалуй, вообще пришлось бы изменять сценарий, отказываться от версии горбачевского заболевания. А это уже был бы ничем не прикрытый военный переворот...

Реагируя на неожиданное выступление демарш Шеварднадзе, Горбачев также уверил Съезд, что не располагает информацией о каком-то заговоре, о грядущем установлении какой-то диктатуры. Президент отверг такую возможность.

Впрочем, не всех его слова убедили. Кое-кто подумал, что к заговору может быть причастен и сам Горбачев, пусть даже не как главное действующее лицо. «Российская газета» писала в те дни:

«В нынешнем лидере страны диктатора мало кто предполагает. Но наша история полна примерами быстрой смены лидера. Может прийти другой, и он выполнит какую-нибудь «историческую миссию». Гарантий от этого практически нет».

Он предупреждал о готовящемся путче

Что на самом деле стояло за демаршем Шеварднадзе? Сам он позднее уверял, что предупреждал именно о подготовке путча. Так, в интервью телеканалу «Киев» 10 октября 2008 (возможно, были и другие, более ранние, его выступления аналогичного содержания), объясняя, почему он, министр иностранных дел, знал то, чего не знал даже президент, Шеварднадзе сказал:

– Понимаете, у меня было много очень осведомленных сотрудников и знакомых (по-видимому, имелись в виду дипсотрудники, одновременно находившиеся на службе в лубянском ведомстве. – **О.М.**) Ведь как, допустим, готовили людей в КГБ? Присмотрев грамотных, умных ребят в средней школе, с ними начиная с восьмого-десятого класса уже работали: они выросли, оканчивали Дипломатическую академию и становились агентами. Эти интеллектуалы буквально все знали, поэтому у меня было больше

информации, чем у Горбачева. Горбачев, допуская, о путче не ведал, но я-то был в курсе и, когда подал в отставку, сделал известное предупреждение.

Если быть точным, он сначала заявил об угрозе установления диктатуры и лишь потом – об отставке. Но это, разумеется, несущественно.

Непонятно все же, почему Шеварднадзе, располагая такой важнейшей информацией, не прибег к самым эффективным способам противодействия – не передал эту информацию лично Горбачеву, с упоминанием конкретики (фамилий, намечаемых сроков переворота и т.д.), а выступил публично и довольно неопределенно.

Подозреваю, ничего конкретного он все же не знал, знал обо всем лишь приблизительно, больше догадывался...

Вместо договора – постановление

Хотя выступление Шеварднадзе всех взбудоражило, продолжалась и дискуссия о проекте Союзного договора.

«Российская газета» так писала об итогах обсуждения:

«Если суммировать все сказанное в прениях по проекту Союзного договора, а главное, суммировать весомость аргументов «за» и «против», то вывод будет однозначным – предложенный проект неприемлем».

Тем не менее, в выступлении председателя Совета Национальностей союзного парламента Рафика Нишанова, который подвел итог дискуссии, прозвучало скорее обратное: он расценил ее «как плодотворную, конструктивную, с большим продвижением вперед».

– Полезным было многообразие взглядов, позиций, – сказал Нишанов. – Работа над проектом в основном завершена, в субботу он будет роздан делегатам, а в понедельник документ можно и принять.

Рафик Нишанович был известен как человек, для которого главным было – подавать все в максимально обтекаемой и оптимистичной форме, обходя какие бы то ни было острые углы.

Однако проект Союзного договора так и не был принят – ни в понедельник, как планировал Нишанов, ни во вторник, ни в среду... Союзному договору предстояла еще долгая и трудная судьба.

Вместо Союзного договора было принято постановление об общей концепции этого договора и порядке его заключения. В нем говорилось, что обновленный Союз должен быть основан на волеизъявлении самих народов.

Чтобы выявить эту волю, Съезд, по предложению Горбачева, решил провести всесоюзный референдум – спросить трудящихся, желают ли они жить в этом самом едином обновленном Союзе или им хочется чего-то другого.

Кстати, Съезд избрал (правда, лишь со второй попытки) вице-президента этого будущего единого и обновленного Союза (кто бы сомневался, какими будут результаты плебисцита) – «зрелого политика, способного участвовать в обсуждении и принятии важных решений государственного масштаба», как его аттестовал Горбачев, – Геннадия Янаева.

Что-то быстро Горбачев переключился с одной кандидатуры вице-президента на другую – с Шеварднадзе на Янаева. Не уверен, что о первом он думал всерьез. Шеварднадзе – крепкий, самостоятельный политик. Такой на посту вице-президента не нужен. Это номинальная, декоративная должность. Должность чиновника по особым поручениям, не обладающего никаким политическим весом. Так что Янаев, скромный профсоюзный деятель, только что произведенный в члены Политбюро, не входивший даже в ближний круг президента, тут в самый раз.

Пройдет чуть более полугодя, и этот «зрелый политик» в полной мере проявит свою зрелость, возглавив – пусть, формально, – государственный переворот.

Еще один всесоюзный референдум было решено провести по вопросу о земле – допустимо ли отдавать ее в частные руки? Поскольку российский парламент уже принял, около месяца назад, закон «О земельной реформе», допускающий это, Ельцин и его единомышленники в российском руководстве расценили намеченный референдум как очередное бесцеремонное вмешательство Центра в дела России: ведь до его проведения российский закон как бы признается приостановленным, а в случае отрицательного

решения референдума и вовсе отправляется в корзину, на аграрной реформе ставится крест.

Раз от разу взаимное раздражение накапливалось.

Союз остается союзом «социалистических» республик

Очень болезненно восприняло большинство союзных депутатов попытки изгнать из названия СССР явно устаревший эпитет «социалистические» в применении к республикам. «Российская газета»:

«Одному депутату, родившемуся в Союзе, мать завещала там же и умереть (подразумевалось, естественно, – в Союзе Советских Социалистических Республик. – **О.М.**) Он просил Съезд не нарушать наказ матери... Депутат Федотова солидаризовалась с требующими скорейшего подписания договора потому, что «женщины страны очень этого желают»... Сильно опасалась депутат за «любимую аббревиатуру – СССР», как бы не выхолостили из нее социалистичность».

В общем много было граждан, чьи «социалистические» желания и пожелания требовалось уважить.

Как мы видели, Союзный договор на съезде так и не приняли, но «любимую аббревиатуру» депутата Федотовой – СССР, с расшифровкой «Союз Советских Социалистических Республик» – специальным постановлением оставили. Особенно рьяно за это выступал председатель Верховного Совета Лукьянов. Он и в дальнейшем будет отважно бороться за сохранения первородного названия Союза, хотя в конечном счете вынужден будет отступить.

Кстати, вместе с постановлением о сохранении «социалистического» Союза на съезде было принято и постановление о его сохранении как обновленной федерации равноправных СУВЕРЕННЫХ республик. В дальнейшем слово «суверенных» будет все энергичнее и настойчивее вытеснять из предлагаемого названия Союза слово «социалистических», несмотря на завещания депутатских матерей, страстные желания «женщин страны» и энергичные противостоящие этому усилия спикера Лукьянова.

Съезд отвергает диалог с республиками

Как уже говорилось, в последние месяцы республики, одна за другой, принимали декларации о суверенитете. Естественно, лидеры – это мы тоже видели, – требовали от Центра, чтобы он признал эти декларации и начал полноценный и равноправный диалог с ними. Однако Центр, имея в виду союзную исполнительную власть, не торопился с этим. А что же власть законодательная?

Вопрос о признании республиканских суверенитетов поднимался на съезде неоднократно. Депутат Эдуард Козин предложил Съезду принять заявление:

«Съезд признает декларации о суверенитете, независимости, принятые парламентами республик... Съезд приветствует суверенные республики... призывает их к конструктивному сотрудничеству».

Однако Съезд 25 декабря вызывающим образом отверг это предложение: «за» проголосовали лишь 419 депутатов (18,7 процента). Иными словами, главный союзный законодательный орган страны вступил в противоборство с республиками на стороне центральной исполнительной власти. По-видимому, это, как и многое другое, определило его дальнейшую печальную судьбу. Республики и не подумают отказываться от своего суверенитета. Так Нурсултан Назарбаев в одной из бесед с журналистами во время съезда прямо сказал, что для республик главное не решения Съезда («они не будут выполняться»), а решения республиканских парламентов и прежде всего – их декларации о суверенитете.

Россия объявляет Союзу бюджетную войну

Боевые действия продолжала и другая сторона.

24 декабря на встрече с народными депутатами СССР от России Ельцин заявил:

– Решение (Съезда. – **О.М.**) о референдумах по вопросу об СССР и частной собственности на землю «зарубило» три российских закона... На месте Горбачева я бы сейчас не вступал в конфронтацию с республиками.

По словам Ельцина, если Центр возобновит конфронтацию, Россия может принять и ответные меры:

– 70 миллиардов рублей из России уходят в Центр. Мы решили эту артерию перекрыть и передать Центру только 23 миллиарда рублей. Пусть Союз подумает, нужно

ли ему 18 миллионов аппаратчиков, надо ли ему 100 миллиардов рублей на оборону и 24 миллиарда – на космос.

Как видим, в то время была возможность на официальном уровне потребовать сокращения непомерно великой чиновничьей рати, непомерных расходов на армию и производство оружия... Другое дело, что в российской истории такие требования – я не говорю о том, реализуются они в дальнейшем и не реализуются, – бывают лишь мимолетными эпизодами. И армия чиновников, и оборонные расходы продолжают и продолжают распухать...

26-го, еще до окончания съезда, эта угроза Ельцина реализовалась: Россия приняла собственный бюджет, в соответствии с которым Союзу перечислялась «усеченная» сумма.

Горбачев был взбешен. Выступая на съезде в заключительный день его работы, 27 декабря, он высказал все, что он думает по поводу действий российских парламентариев:

– Это развал, и не только экономики, но и Союза!.. Я подбираю слова парламентские, а тут ведь можно и другие применять... Через два-три месяца все будет развалено, и весь народ окажется на улице...

И пригрозил:

– Здесь я буду действовать как президент, и не удивляйтесь, если будет так.

Было не очень понятно, какие свои действия Горбачев тут имел в виду. Рычагов для укрощения республиканских бунтарей у него становилось все меньше. Впрочем, кое-какие еще оставались. Горбачев предложил съезду принять резолюцию об отмене российского бюджета.

«Коммерсант-weekly» так писал по поводу этого нового всплеска противостояния:

«В марте... уходом Литвы из Союза начался обвал Империи... В декабре самая большая республика Союза прибегла в своем споре с Союзом к последнему доводу: фактически прекратила финансирование Центра. Сильно девальвируя при этом несомненные тактические успехи Горбачева на съезде (постановления о референдумах, утверждение Янаева). Существенно при этом, что Россия – в отличие от Литвы – бунтует не одна (если быть точным, Литва тоже тогда не пребывала в одиночестве. –

О.М.) Президент Казахстана Назарбаев не поддержал предложенную Горбачевым резолюцию, отменяющую российский бюджет. И предложил всего лишь просить Россию «в порядке исключения продлить финансирование Союза на I квартал, с уважением просить, как хотите просить».

Принять резолюцию, предложенную Горбачевым, Съезд так и не решился – ограничился лишь тем, что принял к сведению его сообщение «о положении, сложившемся с формированием бюджета на 1991 год».

Правда, несколько позже, в феврале 1991-го, Верховный Совет СССР, с подачи премьера Валентина Павлова, своим постановлением «вернул» в союзный бюджет недоплаченные ему Россией деньги. «Война законов» продолжалась.

Кто победил?

Как и при настоящих боевых действиях, в обиход входила привычка оценивать, кто на данном этапе победитель, кто побежденный. Хотя мнения противоборствующих сторон тут, разумеется, редко совпадали. Итоги завершившегося съезда пресс-секретарь президента Виталий Игнатенко оценил как безоговорочную победу Горбачева:

– Горбачев на этот раз получил почти все, что он хотел. Он, конечно, выиграл этот съезд вчистую.

Газеты отмечали, что с формальной точки зрения это действительно так: было принято большинство президентских предложений – об изменениях в Конституции, о проведении референдумов, о ротации Верховного Совета, об избрании Янаева вице-президентом... Но в общем-то это все были достаточно мелкие, не принципиальные победы. В главном же Горбачев проиграл – он не сумел добиться одобрения Союзного договора.

Более того, и в выступлениях, и в кулуарах съезда выяснилось, что ключевые политические фигуры – лидеры республик, – очень по-разному смотрят на будущее Союза. «Независимая газета»:

«Борис Ельцин, продолжающий упорно строить «собственный союз», в кулуарах ясно дал понять, что в ближайшее время возможно заключение четырехстороннего

соглашения между крупнейшими республиками страны – Россией, Украиной, Белоруссией и Казахстаном».

Но «честолюбивый и мобильный» президент Казахстана Нурсултан Назарбаев готов вступить не только в «союз четырех», но и присоединиться к «мини-союзному» договору республик Средней Азии, то есть к «союзу пяти».

Как видим, помимо «союза четырех», намечалась еще одна обособленная межреспубликанская структура. Впрочем, вряд ли намечалась кем-то всерьез. Скорее, – как некий козырь в политической игре, которую затевал прежде всего тот же Назарбаев, вовлекая в нее и республики Средней Азии.

Кстати, об этих республиках. Та же «Независимая газета»:

«IV Съезд отличался от предыдущих еще и тем, что на нем лидеры этих, еще недавно как будто бы во всем согласных с Центром республик, отчетливо заявили о своих особых позициях. Среднеазиатские президенты по-прежнему сторонники Союза, но каждый из них понимает его по-своему. Неожиданную поддержку у них нашла идея Ельцина о составлении Союзного договора самими республиками...

Что бы ни говорили лидеры новорожденных суверенных образований о роли Центра в будущем Союзе..., но Центру в этих схемах остается гораздо меньше места, чем хотелось бы его лидерам. Учитывает ли команда Горбачева, что вирус самостоятельности в подходе к договору охватил практически все республики?.. Итак, на подходе четырехстороннее соглашение. Референдум не удастся провести как минимум в четырех-пяти республиках. Еще шесть заявляют о своем собственном видении договора».

Вот такая вот «победа» Горбачева.

Намечена схема будущего СНГ

Как видим, в декабре 1990 года, на IV съезде народных депутатов, то есть ЗА ГОД ДО ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РАСПАДА СОЮЗА И ОБРАЗОВАНИЯ СНГ, фактически была намечена схема того, как это произойдет. Поначалу строится конструкция из трех или четырех самых крупных республик. Скорее, в самый первый момент – из трех, поскольку хитрый Назарбаев наверняка захочет оставить себе некоторое время для маневрирования и выявления обстановки. Однако вскоре он не

только присоединится к троице, но и вовлечет в новый «Союз» среднеазиатские республики, подверженные его гипнотическому влиянию. Далее к этой восьмерке примкнут, по крайней мере, еще три республики – Азербайджан, Армения, Молдавия. Все, дело будет сделано.

Эта схема просматривалась очень хорошо, и только слепой мог ее не разглядеть.

Идея, согласно которой создание нового Союза надо начинать с образования небольшого ядра с последующим пополнением, будет в дальнейшем периодически выныривать на поверхность, вызывая раздражение Горбачева. Пока наконец не материализуется окончательно в декабре 1991-го в Беловежье.

Схема «тюркского» союза – среднеазиатские республики плюс Казахстан – виделась менее отчетливо и скорее составляла «теоретическую» альтернативу «союзу четырех».

Катастрофа все ближе

«В результате опроса, который был проведен в декабре 1990 года ВЦИОМом, выяснилось, что 56 процентов населения страны считают экономическое положение страны критическим, 37 процентов – неблагоприятным... На вопрос, что ожидает Советский Союз в ближайшие месяцы, 70 процентов ответили, что ждут ухудшения ситуации. Более половины населения (54 процента) СОЧЛИ ВОЗМОЖНЫМ НАСТУПЛЕНИЕ В 1991 ГОДУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ (выделено мной. – **О.М.**), 49 процентов – массовой безработицы, 42 процента – голода... Основные проблемы, беспокоящие людей, – выживание, обеспечение семьи продуктами и необходимыми товарами повседневного спроса, повышение цен, обесценение денег. Больше всего граждан СССР волновало резкое ухудшение снабжения продуктами, исчезновение из продажи мыла, одежды, тканей, обуви и других товаров повседневного потребления».

ГРОЗА НАД БАЛТИКОЙ

Последняя попытка усмирить смутьянов

В начале января 1991 года резко обострилась обстановка в Прибалтике. Этого можно было ожидать. К этому все шло. Центр не мог не предпринять очередную – может быть, последнюю – попытку усмирить балтийских смутьянов. Нетрудно было видеть, что именно в Прибалтике начинаются и расходятся все шире трещины, разваливающие «единый и неделимый».

Можно предположить, что уже где-то осенью Горбачев пришел к заключению, что без применения силы Союз не сохранить. Соответственно, началось его самоотстранение от демократических сил (которые в общем-то и были его главной опорой в осуществлении перестройки) и все большее, хотя, естественно, маскируемое, тяготение к силовикам, к ВПК.

Основная проблема для Горбачева заключалась в том, что было совершенно непонятно, как он сможет применять силу при подавлении «сепаратистских» устремлений в республиках и при этом сохранить сложившийся едва ли не у всего мира свой образ цивилизованного политика, почти демократа, проповедника «нового мышления», в котором нет места насилию.

Единственным способом совместить несовместимое было – прибегнуть к силе, но при этом остаться в тени: я, мол, тут не при чем – это все делается без моего ведома местными политиками, военными...

Собственно говоря, такой способ уже был применен Горбачевым и в Тбилиси, и в Баку... Тогда он обеспечил себе алиби: перед тбилисскими событиями – отъездом за границу, в Баку карательные действия как бы оправдывались развернувшимися там погромами: их надо было пресечь. Но сила была применена не только против погромщиков – еще и против «сепаратистов», даже главным образом против них. Здесь

никакой подготовкой алиби Горбачев не озаботился. Видимо, было какое-то другое рассуждение. Говорят: хотел посмотреть, как отреагирует мир. Но предугадать реакцию мира было несложно: реакция будет отрицательной, резко отрицательной. Скорее, Горбачев понадеялся, что в самих республиках найдутся какие-то «антисепаратистские» силы, которые все возьмут на себя – останется только их поддержать, прикрываясь Конституцией. Но и при этом – не выходить из тени. Дескать, пусть сами друг с другом разбираются. А поддержка, понадеялся, понадобится не слишком кровавая. Если же военные переусердствуют, – пожурить их потом: ну зачем же вы так неаккуратно, ребята! Главное – добиться результата, отстранить от власти желающих выскочить из Союза, если даже не отстранить – заставить их действовать «по закону» (а закон о выходе из Союза был так составлен, что черта с два кто из него выскочит).

Первым делом – захватить «почту, телефон, телеграф»

Информанты вели подробные репортажи о драматических событиях, развернувшихся в Прибалтике с начала января. Весьма скрупулезно описывали эти события, в частности, корреспонденты агентства «Постфактум», на чьи сообщения я в значительной мере и опираюсь здесь при изложении того, что происходило в ту грозную пору в прибалтийских республиках. Подробно писали об этом также многие газеты.

В первые же дни нового года некие «вооруженные подразделения» – так говорилось в репортажах – взяли под свой контроль ряд учреждений в Риге и Вильнюсе. 2 января в столице Латвии ОМОН, подчиненный непосредственно Министерству внутренних дел СССР (в народе этих «правоохранителей» называли «черными беретами» – в соответствии с их головными уборами), захватил республиканский Дом печати. Захват был осуществлен «по просьбе» ЦК компартии Латвии (на платформе КПСС). Руководство этой партии заявило, что считает Дом печати исключительно своей собственностью и будет решительно защищать свое право на нее, охраняя от любых посягательств.

Вообще-то для решения вопросов собственности существуют судебные процедуры, но большевики и их наследники всегда предпочитали обходиться без них, прибегая к бесхитроственному рейдерству, если говорить современным языком. К тому же это было не просто «перераспределение собственности». В воздухе чувствовалось приближение грозных событий, а тут, в соответствии с большевистской традицией, главное, первоочередное – захватить «почту, телефон, телеграф», взять под контроль каналы информации.

Газеты, – центральные и республиканские, – издававшиеся в Доме печати, в самом деле перестали выходить: журналисты и работники типографии отказались работать под дулами автоматов.

В запросе, который депутаты союзного парламента от Латвии направили министру внутренних дел Пуго, обращалось внимание на то, что из себя представляют люди, взявшие «под охрану» Дом печати:

«Вооруженные формирования, именующие себя ОМОНОм и захватившие Дом печати, за неоднократные беспрецедентные нарушения общественного порядка и совершенные различные преступления Верховным Советом Латвийской Республики признаны преступной организацией, лишенной всяких полномочий на территории республики, и Министерству внутренних дел СССР предложено их расформировать. В отношении многих членов этого подразделения в прокуратуре республики возбуждены уголовные дела, и об этом известно и руководству МВД СССР».

Депутаты потребовали «немедленно вернуть в казармы особый вооруженный отряд внутренних войск СССР, пока в результате его действий еще не пролилась человеческая кровь», дать на заседании союзного парламента ответ, «кто конкретно из должностных лиц Министерства внутренних дел СССР без согласования с высшими органами власти и управления Латвийской Республики дал приказ о проведении вооруженной акции в городе Риге силами милицейского отряда особого назначения», привлечь к ответственности «членов милицейского отряда, допустивших грубые нарушения законности во время проведения вооруженной акции (незаконное применение оружия, угроза оружием и избиения, обыски и т. д.)»

Однако ни Пуго, ни другие союзные руководители не прореагировали на этот запрос.

Предлог – повышение цен

В Вильнюсе тревожные события начались 7 января. Поводом для них стало то, что в республике были резко повышены цены на продукты питания – в среднем более чем в три раза.

С продовольствием по всей стране положение было тяжелое, а в Прибалтике, как мы видели, трудности создавались еще и искусственно. Люди терпели, понимая, что стоит «на кону». Однако не все захотели терпеть. К «разогреву» протестных настроений приложили руку местные коммунисты.

Литовский коммунистический вождь Бурокаявичюс обратился к Горбачеву с предложением ввести в республике президентское правление (главная страшилка для всех ослушников).

В Вильнюсе появилась зловещая фигура – замминистра обороны СССР генерал-полковник Ачалов. Зловещая, поскольку этот военачальник специализировался на подавлении всяческих «беспорядков» и «мятежей», так что его появление ничего хорошего не предвещало.

На следующий день, 8 января, выступления против повышения цен в Вильнюсе продолжались. Утром толпа недовольных – примерно в шесть тысяч человек – в знак протеста блокировала вход в здание литовского парламента и потребовала отставки руководства республики. На эту акцию в основном вышли работники предприятий союзных ведомств, в большинстве своем «русскоязычные». Сообщалось также, что среди протестующих были замечены люди в военной форме. Кое-кто предпринял даже попытки ворваться в здание.

Против толпы были применены пожарные водометы, однако протесты подействовали: парламента приостановил решение правительства о повышении цен.

Теперь уже с протестом выступило правительство: вечером его глава Казимера Прунскене заявила об уходе кабинета в отставку ввиду разногласий с парламентом.

Однако это не разрядило обстановку.

В Москве состоялось совещание у руководителя горбачевского аппарата Болдина. Обсуждалась ситуация в Литве. Участвовали Бакланов, Пуго, Язов, Крючков, Шенин, срочно прибывший в столицу Бурокаявичюс.

Как видим, собрались почти все будущие гэкачеписты (Бурокаявичюс – так сказать, региональный, прибалтийский «гэкачепист»). Почти в таком же составе они вскоре будут решать аналогичные вопросы уже большего, общесоюзного, масштаба. Не исключено, на этом совещании у Болдина и был принят – может быть, в общих чертах – план дальнейших действий по «наведению порядка». Горбачев как бы остался в стороне, хотя, если подумать, как же такие серьезные решения (если они действительно принимались на этом совещании) могут приниматься без президента?

9 января на территории республики происходило передвижение «советских» войск, о которых регулярно встревожено сообщалось по местному радио и телевидению. В полдень в аэропорту Вильнюса приземлился самолет с пятьюдесятью десантниками. Позже пришло сообщение: по трассе Паневежис – Вильнюс движутся бронетанковые части. По официальным сообщениям, в Литву также прибыл «контингент специальных войск», более одной дивизии, – будто бы для принудительного набора в армию (советскую, разумеется) литовских юношей, уклоняющихся от воинской службы. Однако мало кто верил, что это главная цель переброски этих войск.

Около пяти вечера у здания литовского парламента вновь собралась многотысячная толпа, состоящая, как утверждали местные СМИ, в основном из «русскоязычных» жителей Литвы, опять-таки работников «союзных» предприятий. В толпе – транспаранты с лозунгами: «Долой парламент! Да здравствует Союз ССР!»

«Группа представителей общественных организаций Литвы» вновь выступила с пожеланием ввести в республике президентское правление. В дальнейшем Горбачев не раз будет ссылаться на эти настойчивые просьбы: вот, мол, чего от меня требуют, но я пока держусь, не поддаюсь на эти требования.

К вечеру толпа протестующих перед Верховным Советом мало-помалу рассосалась. На площади установлено круглосуточное дежурство местной полиции и особого отряда МВД Литвы (именно Литвы – не СССР), которым помогают, как

сообщалось, тысячи добровольцев, не только жителей Вильнюса, но и разных районов Литвы.

10 января Горбачев направил Верховному Совету Литвы обращение. Положение, говорилось в нем, требует незамедлительных мер, поступают – вот оно! – предложения ввести президентское правление. Президент потребовал немедленно восстановить в республике в полном объеме действие Конституции СССР.

В Вильнюс прибыл еще один «ястреб», еще один заместитель Язова – генерал-полковник Варенников.

11 января в Вильнюсе объявлено о создании Комитета общественного спасения (в некоторых публикациях он называется Комитетом национального спасения). Комитет заявил, что «берет на себя всю ответственность за судьбу республики». Иначе говоря – берет на себя всю власть. В полночь Комитет обратился к парламенту с требованием о самороспуске и о введении в Литве президентского правления. То есть была предпринята попытка государственного переворота.

Балтийский Совет протестует

9 января прошло заседание Балтийского Совета, состоящего из председателей парламентов и руководителей правительств трех прибалтийских республик и призванного координировать действия Литвы, Латвии и Эстонии, особенно в части все усложняющихся отношений с Москвой. Совет выразил озабоченность и протест в связи с «насильственными действиями со стороны дополнительного советского военного контингента, введенного в Прибалтику».

Любопытно, что в коммюнике, подписанном на заседании Совета было неожиданно упомянуто сенсационное выступление Шеварднадзе на IV Съезде нардепов СССР: как говорилось в коммюнике, Литва, Латвия и Эстония «пришли к однозначному выводу, что предостережение Эдуарда Шеварднадзе о надвигающейся диктатуре в СССР оказалось своевременным и правдивым».

В СССР не в СССР, но в Прибалтике угроза диктатуры не казалось тогда преувеличенной. Насколько далеко пойдет Москва в стремлении подавить «сепаратизм» прибалтов, никто тогда не мог бы сказать.

В дело вступают десантники

11 января в Вильнюсе десантники «с применением стрелкового оружия» захватили Департамент по охране края Литовской Республики. Повторилось также событие, случившееся в Риге более недели назад: был захвачен редакционный корпус местного Дома печати и типография. Снова тот самый большевистский девиз: прежде всего взять «почту, телефон, телеграф», перекрыть каналы информации. Как сообщалось, при захвате использовались газы, и опять-таки огнестрельное оружие. Два человека были ранены.

Позже изгнанные из Дома печати журналисты напишут в одной из не закрытых газет, что при захвате Дома печати десантники «разбивали окна и двери, обрывали телефонные провода, издевались над людьми»; при этом в операции участвовало «немало юношей из среднеазиатских союзных республик». Нашли, кого использовать для «защиты Конституции».

По улицам литовской столицы передвигается военная техника. Восемь танков установлены возле захваченного Дома печати – для его «охраны».

Руководство литовского парламента призвало население принять участие в охране зданий Верховного Совета, радиоцентра, телевизионной башни, телефонных станций. Продолжается круглосуточное дежурство добровольцев на площади Независимости перед зданием парламента.

С охотничьими ружьями – против танков

Если читатель помнит, 23 марта 1990 года в беседе со мной председатель литовского Верховного Совета Витаутас Ландсбергис, комментируя демонстративный ночной марш колонны бронетехники из Каунаса через Вильнюс, сказал:

– Зачем столько танков? Им достаточно прислать сюда тридцать автоматчиков, и они здесь захватят все и вся. Мы ведь не будем оказывать сопротивления.

Похоже, теперь его точка зрения несколько изменилась, – вокруг «саркофага» (так стали называть здание Верховного Совета – оно действительно походит на черныбыльский «саркофаг») выросли мощные баррикады, а в самом «саркофаге» засели

юноши-добровольцы с охотничьими ружьями, готовые до конца драться с вооруженными до зубов десантниками и омовцами. Хотя всем, конечно, было ясно, что в случае серьезного вооруженного конфликта сопротивление этих ребят будет чисто символическим. Так что в силе оставалась главная концепция – концепция ненасильственного сопротивления. Олицетворением ее стали тысячи безоружных, съехавшихся со всех концов Литвы людей, которые день за днем, ночь за ночью стояли на площади перед парламентом, готовые своими телами преградить дорогу танкам и солдатам.

Действуют и противники независимости. С утра в городе проходит митинг все тех же работников предприятий и организаций союзного подчинения. Главное требование то же – роспуск парламента Литвы.

Листовки с аналогичными призывами разбрасываются с военных самолетов.

Вместе с тем, как сообщается, со всей Литвы на всех видах транспорта в Вильнюс направляются тысячи людей – для поддержки Верховного Совета республики, охраны правительственных зданий.

Но прибывают и дополнительные войска: согласно поступившей информации, из Каунаса в направлении литовской столицы двинулось двадцать военных автомашин.

Вильнюсский аэропорт не работает – персонал объявил политическую забастовку.

Через каждые пять-десять минут литовское радио передает информацию о положении в республике – на нескольких языках – литовском, русском, польском, белорусском и английском. Этим как бы подчеркивается критическая серьезность ситуации. Население призывают не поддаваться провокациям, соблюдать спокойствие, мирными средствами выразить свое отношение к происходящему.

Верховный Совет Литовской Республики принял ответное обращение к президенту СССР Михаилу Горбачеву. В нем говорится, что ультимативные требования «вступить в СССР или восстановить совершенную в 1940 году аннексию Литвы Советским Союзом» – это грубое нарушение международного права. Эти требования противоречат также решениям IV Съезда народных депутатов СССР (по-видимому, имелся в виду тот пункт постановления, принятого на съезде, где говорилось, что

обновленный Союз должен быть основан на волеизъявлении самих народов). Верховный Совет Литовской Республики, говорилось в обращении, по-прежнему готов решать спорные вопросы между Литвой и СССР путем переговоров.

МИД Литвы направил в адрес Министерства иностранных дел СССР ноту протеста в связи с «оккупационными действиями советских военнослужащих на территории Республики».

Обычно пишут лишь о том, что тогда происходило в литовской столице – Вильнюсе, однако ее пределами дело не ограничивалось. Из Клайпеды, Каунаса, других городов поступают сообщения о действиях воинских подразделений – блокировании дорог, телефонных станций.

12 января появляется информация, что блокирован Вильнюсский железнодорожный узел. Здесь скопилось множество пассажирских и товарных поездов. Поезд Берлин – Ленинград загнан в тупик, в нем среди других пассажиров – около двухсот иностранцев. Поезд из Польши остановлен на одном из разъездов, окружен танками, пассажиров из него не выпускают...

Горбачеву докладывают все «как надо»

12 января на Совете Федерации о ситуации в Литве доложил министр внутренних дел Пуго. Доложил «как надо». Дескать, как известно, 11 марта 1990 года Верховный Совет Литвы отменил действие Конституции СССР; в свою очередь, III Съезд народных депутатов СССР отменил это решение; 7 января этого года в Литве произошло повышение цен, 8 января – массовая демонстрация протеста...

Обсуждение вроде бы направлено в нужное русло. Горбачев:

– Остался один шаг до кровопролития...

Однако против заданного направления разговора выступает Ельцин:

– Информация, которая поступает, односторонняя, нет в ней точки зрения Литвы.

Российские депутаты сообщают из Вильнюса другое. Есть демонстрация силы союзных органов. Послание президента Верховному Совету Литвы составлено не в тех выражениях, которые требовались. Это не ультиматум, но и не призыв к сотрудничеству. В затяжке переговоров с Литвой виноват во многом Союз, в том числе президент. Нам

надо находить путь к сближению, а не к конфронтации. Если будут введены войска, это приведет к непоправимой беде для всей страны. Нужен диалог, а не сила...

То, что информация Пуго «упрощенная», подтверждает и присутствующий на заседании председатель Верховного Совета Латвии Анатолий Горбунов. Литовский представитель Бичкаускас разъясняет, как на самом деле было дело:

– ...У вас неверная информация. Поводом послужило повышение цен. Но была заранее подготовлена акция по вводу войск. Организованы митинги коммунистами. Есть раненые. Каждые полчаса литовское радио призывает не оказывать сопротивление.

Против применения силы высказываются также лидеры Эстонии (туда тоже вводятся войска), Молдавии, Киргизии...

Каждый из них примеряет на себя – как с ними поступит Центр, если они вздумают проявить своеволие.

Всем им Горбачев дает жесткий «отлуп»:

– То, что сказал Борис Николаевич, и если это будет в решении Президиума Верховного Совета РСФСР, – ложный шаг. Исток всего – 11 марта. Поторопились в канун III Съезда народных депутатов СССР: не будем, мол, признавать Конституцию, законы СССР. А это значит ввергнуть страну в пучину конфликтов... Вы, Борис Николаевич, не должны выступать с такими заявлениями. Я ценю то, что мы вместе проделали позитивную работу. Но вы встречаетесь с Бронфманом (президентом Всемирного еврейского конгресса. – **О.М.**) и говорите ему, что поскольку президент не пользуется популярностью, надо иметь дело с Россией... Все зависит от позиции. Или мы будем реформировать Союз, или будет накаляться обстановка, усиливаться напряжение. Думать, что можно поднять всю Прибалтику против Союза, – это ошибка... Причины не сводятся к ценам. Речь идет о самочувствии людей – и коренного населения, и русских, поляков. Они не должны чувствовать себя изгоями. Нужно все вести на конституционной основе. Борис Николаевич взял конфронтационный тон, а я – за разумное решение.

Вот так. В общем-то никто не подзуживал Прибалтику выступать против всего Союза. Прибалтика хотела только одного – чтобы ее отпустили и оставили в покое.

...Итак, 12 января Ельцин предупреждает, о недопустимости введения войск. Но войска уже введены. До кровопролития в Вильнюсе остается несколько часов.

В этот же день, 12 января, генерал-полковник Ачалов взял на себя координацию действий войск в Вильнюсе.

Россия – против действий Центра в Прибалтике

12 января литовское радио передало заявление Президиума Верховного Совета РСФСР в связи с событиями в Прибалтике и, в частности, в Литве – то самое заявление, против которого предостерегал Горбачев:

«Подобное развитие событий, – говорилось в нем, – может вызвать крайне опасные последствия для всех республик и еще более усложнить формирование нового Союза Суверенных Государств. Применение военной силы против мирных граждан в республиках Прибалтики недопустимо, считает руководство РСФСР, и может вызвать эскалацию насилия в этом и в других регионах, развязать крупномасштабный гражданский конфликт... Интересы народов Прибалтики полномочны представлять только законно избранные органы власти. Использование армии против законных органов власти противоправно и антиконституционно».

Президиум Верховного Совета РСФСР предложил руководству СССР вывести дополнительный контингент военнослужащих, доставленный в последние дни в Прибалтику, гарантировать неприменение силы при решении возникших проблем и начать в ближайшие дни переговоры с законными представителями власти Литвы, Латвии и Эстонии.

Против попыток свергнуть законную власть в Литве выступили священнослужители Русской Православной Церкви в этой республике. Они призвали своих прихожан «не позорить имя русского человека».

Кульминация драмы

Кульминация литовской драмы, или, как хотите, трагедии, произошла в ночь с 12-го на 13 января. Десантники и спецназ при поддержке танков и бронетранспортеров

предприняли штурм здания Литовского телевидения и радио, а также телевизионной башни. Им противостояли безоружные жители.

Штурм начался в половине второго ночи. Штурмующие бросали в толпу взрывпакеты, применяли, как говорилось, металлические дубинки, стреляли – видимо, для отстрастки, – по расположенным неподалеку домам. В начале третьего передачи телевидения были прерваны. В последние примерно десять минут камеры показывали передвижение военных по коридорам здания и наконец – как они ворвались в студию.

В итоге, как сообщалось, тринадцать человек были убиты, более ста ранены, в том числе тяжело. Позже фигурировала также цифра – четырнадцать убитых.

В ходе операции – видимо, по ошибке, или в качестве провокации, – своими же был застрелен один из участников захвата. Сообщалось, кто именно – капитан внутренних войск Гаврилов. Позже, однако, фамилия, должность, звание погибшего были уточнены.

Примерно в это же время прервало свои передачи Литовское радио.

Был захвачен также Центральный телеграф.

Еще один объект, намеченный для атаки, – наверное, главный – республиканский парламент, военным и представителям так называемого Интерфронта захватить не удалось. Точнее, не решились они его захватить: там жертв было бы гораздо больше.

Во время всех этих событий радиостанция в Каунасе непрерывно информировала слушателей о происходящем на литовском, русском, английском, французском, немецком, польском языках, а также транслировала обращение с призывами о помощи,

– Нас можно сломать физически, нам можно закрыть рты, но нельзя подавить танками жажду свободы, – эти слова прорывались в эфир сквозь включенные военными глушилки.

Военные объявили, что с десяти вечера до шести утра в Вильнюсе водится комендантский час. Запрещено проводить пикеты, забастовки, демонстрации. Военным комендантом города назначен начальник вильнюсского гарнизона генерал-майор Усхопчик. Позже это имя навсегда будет включено в список главных «героев» победоносной операции по захвату литовской столицы наряду с именами других генералов – Ачалова, Варенникова...

В танках сидели офицеры

Со временем стали известны многие дополнительные подробности того, как готовился и проходил штурм телецентра. «Новая газета»:

«...Пока шли митинги, пока 10 января к литовскому народу обращался президент СССР Михаил Горбачев, – в Вильнюс входили войска Псковской дивизии (в/ч 07264)..., укреплялся вильнюсский гарнизон.

Кстати, любопытны приказы по в/ч 78018: если еще 2 января 1991 года за каждой единицей бронетехники были закреплены рядовые, то приказом от 9 января картина меняется: рядовых сменяют офицеры. Командир танка – майор или подполковник. Механик-водитель – лейтенант. Наводчик – старший лейтенант.

10 января в Северном городке... (напомню, основная база местного гарнизона на окраине Вильнюса. – **О.М.**) состоялось большое армейское совещание. Проводил его заместитель министра обороны СССР Ачалов. Тогда-то и была разработана операция по захвату телецентра и здания местного гостелерадио».

Впрочем, как утверждает газета, взять под контроль телецентр постановил 12 января (указывается даже время – 23-00) так называемый Комитет национального спасения, созданный накануне. Если это действительно так, столь позднее решение (штурм начался уже через два с половиной часа – за такое время невозможно ничего подготовить) было чисто формальным шагом: «законный орган власти» одобряет решение, которое на самом деле, скорее всего, приняли генералы и «по-серьезному» одобрили в Москве.

Что было дальше, мы знаем. «Новая газета»:

« Зная, что в любую минуту может начаться штурм телецентра, вильнюсские телевизионщики расставили по коридорам камеры. И свидетелями штурма оказались миллионы – все, кто не выключал телевизор».

Создается правительство в эмиграции

Так же, как почти год назад, в марте 1990-го, литовское руководство озаботилось тем, как жить и что делать, если власть в республике будет полностью захвачена Москвой. 13 января на заседании литовского парламента был принят порядок действий республиканского правительства в условиях эмиграции. Исполняющим обязанности премьера этого правительства в изгнании было решено назначить министра иностранных дел Альгирдаса Саударгаса, который в тот момент находился за рубежом.

Как сообщил спикер парламента Витаутас Ландсбергис, его попытки связаться по телефону с президентом СССР Михаилом Горбачевым не увенчались успехом.

Надо сказать, что у «мятежных» литовских руководителей всегда были проблемы в установлении телефонных контактов с союзными начальниками, даже более низкого ранга, чем Горбачев. Причем нередко подчеркивалось: ну кто ты такой, чтобы я стал тратить время на разговоры с тобой! Тот же Ландсбергис – председатель Верховного Совета республики – постоянно испытывал высокомерное, презрительное отношение «представителей Центра» (он сам мне об этом рассказывал). С ним на равных разговаривали Буш, Тэтчер, Миттеран, однако Язов, когда он звонил, – а звонил он, естественно, лишь в экстренных случаях, – не подходил к телефону. Да что Язов – даже начальник вильнюсского гарнизона генерал Усхопчик в ответ на звонок председателя Верховного Совета через адъютанта сказывался почивающим (мол, не велено беспокоить)... Каким после этого должно быть самоощущение руководителя независимого государства? Каким должно быть его отношение к этим самым «представителям Центра» и к самому бывшему (для литовцев – бывшему) «Центру»?

В этот же день, 13 января, парламента обратился к населению с просьбой подчиняться указаниям только законно избранной власти.

Генеральный прокурор Литвы возбудил уголовное дело против членов так называемого Комитета национального спасения Литвы по обвинению в организации антиконституционного, насильственного свержения законной власти.

На площади Независимости перед зданием Верховного Совета Литвы собралось, как сообщается, не менее восьмидесяти тысяч человек. Основной лозунг: «Литва будет свободна!»

Тревога не спадает

Непрерывно заседает парламент Литвы. Ландсбергис сообщил, что беседовал по телефону с Ельциным. Тот по-прежнему требует вывести из Литвы всех десантников.

Поговорил Ландсбергис и с Язовым (на этот раз маршал взял трубку). Министр обороны СССР заявил ему, что «приказа стрелять в гражданское население не отдавал, а деталей событий в Вильнюсе не знает»

– Создается такое впечатление, – сказал Ландсбергис, – что не ясно, кто правит страной – Горбачев, генералитет или Политбюро.

В шесть вечера 13 января в здании Верховного Совета была объявлена тревога. На случай газовой атаки всем, кто находился в здании, раздали противогазы.

По всей Литве проходят траурные митинги – в память о погибших в Вильнюсе. На митингах принимаются решения «в случае свержения законных государственных структур» объявить всеобщую политическую забастовку.

Военные не хотят стрелять

Как сообщил корреспондент «Независимой газеты», в военной комендатуре Вильнюса «сегодня», то есть 14 января, на следующий день после событий у телецентра, «чувствуется растерянность».

«Стало известно также, – продолжал журналист, – что подполковник Тарханов обратился к офицерам и солдатам с призывом не служить агрессии. Здесь все тронуты этим фактом. К сегодняшнему дню пятнадцать военнослужащих отказались от участия в военных действиях и покинули расположение своих частей. Только что в редакцию газеты «Согласие», откуда я сейчас передаю эту информацию, пришел военнослужащий в форме майора и сказал, что в полной мере осознает свою вину за вчерашнюю акцию Советской Армии».

Ландсбергис наконец дозвонился до Горбачева

14 января днем наконец состоялся телефонный разговор Ландсбергиса с Горбачевым. Ландсбергис, по его словам, выразил Горбачеву протест против действий Вооруженных Сил СССР в Литве. Горбачев, по-видимому, повторил то, что содержалось

в его обращении к депутатам литовского парламента: необходимо немедленно восстановить в республике действие Конституции СССР! Сказал, что для «конструктивного решения сложных вопросов», не дожидаясь официальных встреч, он наделил полными президентскими полномочиями находящуюся в Вильнюсе делегацию Совета Федерации. Эта делегация в составе восьми человек прибыла в Вильнюс накануне (забегая вперед, скажу, что никаких существенных результатов ее визит не имел). Президент согласился, чтобы литовским медикам разрешили осмотреть здания, занятые армией. До сих пор генерал Усхопчик не позволял им сделать это.

Поговорили еще о чем-то, о чем Ландсбергис не сообщил, оставил в секрете.

Вечером на заседании парламента он вернулся к утреннему разговору с Горбачевым:

– У меня сложилось впечатление, что истинная информация о происходящем в Литве скрывается от президента Горбачева.

Ландсбергис напомнил, что утром во время телефонной беседы с Горбачевым они договорились, что в захваченные здания будут допущены литовские врачи, однако военные не выполняют этих распоряжений президента. Министр здравоохранения Литвы был допущен лишь на первый этаж телецентра, хотя не исключено, что на других этажах могут быть жертвы или следы преступлений.

Ну вот опять – президент СССР никак не может повлиять на военных, ну не слушаются они его.

Мир протестует

Реакция мирового сообщества на действия Москвы не заставила себя ждать. Уже 13 января Норвегия обратилась в ООН с просьбой срочно созвать Совет Безопасности.

В Риге состоялся полумиллионный митинг протеста против насильственных действий Советской Армии в отношении мирных граждан Литвы.

Министр иностранных дел Латвии направил председателю норвежского Нобелевского комитета обращение с просьбой пересмотреть решение о присуждении Горбачеву Нобелевской премии Мира. В обращении, в частности, говорилось:

«Главкомандующий армией, которая сегодня стреляет по мирному населению Литвы и давит его танками – не кто иной, как лауреат Нобелевской премии Мира Михаил Горбачев. Министр иностранных дел Латвии выражает свое сожаление по поводу фатальной ошибки, выразившейся в том, что Нобелевская премия Мира вручена человеку, который хладнокровно отдал приказ об убийстве безоружных людей».

У многих тогда не было никаких сомнений, что приказ о проведении вильнюсской акции отдал именно Горбачев – президент и главнокомандующий. Кто же еще?

В Вильнюс, чтобы поддержать граждан Литвы, стали прибывать делегации из разных стран. Выступая 14 января на заседании литовского парламента, руководитель польской делегации Адам Михник заявил:

– В Польше никто не сомневается, на чьей стороне правда и человечность. Когда мы тысячами пикетируем посольство СССР в Варшаве, мы не сомневаемся, что в Литве решается судьба европейской демократии. Поляки знают – те, кто посылает к вам оккупационную армию, хотят, чтобы преступные последствия позорного пакта Молотова–Риббентропа, наложившие страшную тень на наш регион, были продолжены на века.

Представитель Венгрии депутат Козма Хуба напомнил, что аналогичная ситуация была и в его отечестве в 1956 году:

– Я из той страны, где тридцать пять лет назад произошли подобные события. Поэтому я вас особенно понимаю. Мы приехали к вам, чтобы показать – вы не одиноки.

С такими же словами поддержки выступили посланцы Молдавии, Грузии, других союзных республик (возможно, – уже бывших союзных).

В Литву шли тысячи телеграмм поддержки со всех концов света.

В то же время отмечалось – и даже была принята специальная резолюция литовского парламента на эту тему, – то, как освещают события в Литве ТАСС, Центральное телевидение и ряд центральных центральных газет, – это «вопиющая дезинформация».

Куда вдруг делась знаменитая горбачевская гласность? Старые советские, коммунистические инстинкты вновь мгновенно возродились.

Вслед за Вильнюсом – снова Рига

Собственно говоря, вначале в Латвии события развивались практически параллельно с событиями в Литве, как, по-видимому, и было задумано в Москве.

Как уже говорилось, 2 января в Риге ОМОН «по просьбе» ЦК Компартии Латвии (на платформе КПСС) взял «под охрану» республиканский Дом печати. В Латвию были срочно переброшены две тысячи десантников под тем же, что и в Литве, внешне благовидным, хотя и довольно странным предлогом: они, мол, должны разыскивать дезертиров и «уклонистов», скрывающихся от призыва в Советскую Армию. До сих пор подобная задача на десантников вроде бы никогда не возлагалась. Впрочем, всем было понятно, что это, как и в Литве, лишь предлог для ввода в республику дополнительных войск.

Ожидали, что с минуты на минуту в Риге начнется то же самое, что и в Вильнюсе.

13 января в латвийской столице прошла грандиозная – в полмиллиона человек – демонстрация в знак протеста против насилия в Литве.

В ночь на 14-е по призыву Латвийского радио в Ригу из различных районов Латвии прибыли грузовики и автобусы, которые на случай штурма блокировали подходы к зданию правительства, Дому печати, телецентру, телефонным станциям, перекрыли проезд по мосту и набережным Даугавы. Охрану ведут вооруженные люди, подчиняющиеся республиканским властям. На Домской площади круглосуточно дежурят десять – двадцать тысяч сторонников парламента и правительства Республики. Подходы к площади также забаррикадированы.

Пока в городе относительно спокойно. Лишь около часа ночи неизвестные попытались подорвать милицейские казармы, но обошлось без жертв.

Коммунисты предъявляют ультиматум

14 января коммунисты от имени Комитета общественного спасения – здесь тоже, как и в Литве, был создан такой – вручили парламенту ультиматум, где, среди прочего содержалось требование к правительству, Верховному Совету и Советам всех уровней уйти в отставку, отменить все законы Латвийской Республики, противоречащие

Конституции и законодательству СССР, отменить решение правительства о повышении розничных цен (здесь тоже, как и в Литве, было принято такое решение), распустить Латвийские силы национальной обороны. В случае, если Верховный Совет откажется выполнить эти требования, Комитет общественного спасения будет готов взять на себя всю власть в Республике.

На 15 января на предприятиях союзного подчинения намечена политическая забастовка.

ОМОН начинает действовать

В ночь с 14-го на 15 января рижский ОМОН – подчиняющийся союзному МВД, – занял Высшую школу милиции в Риге. Омоновцы разоружили дежурных и попытались задержать призывников, проходящих здесь альтернативную гражданскую службу. Налетчики подожгли также несколько автомашин, блокировавших один из мостов. Прибывшие на место событий местные милицейские начальники связались по телефону с руководителями омоновцев, однако те заявили, что ничего не знают о нападении.

Опять, как в Вильнюсе, не найдешь концов – кто кому и что приказал.

Впрочем, действия ОМОНа агентству «Постфактум» прокомментировал секретарь ЦК Компартии Латвии Ояр Геркес:

– Действия ОМОНа находятся в полном соответствии с Указом Президента СССР. Ночью поступила информация, что оружие, находящееся в школе милиции, должно быть передано гражданским лицам для охраны правительства. В связи с этим и была предпринята данная акция.

Геркес оказался хорошо осведомлен и о других действиях омоновцев, произошедших в этот день.

– Что касается конфликтов на проспектах города, – сказал он, – то, по имеющейся у меня информации, при передвижении с базы для смены постов ОМОН был задержан боевиками, заградившими путь движения машины и угрожавшими их жизни. Сотрудники ОМОНа действовали в соответствии с инструкциями, квалифицирующими данную ситуацию как «выход из плена». Пять грузовиков были подожжены, у двух прострелены колеса. Жизни людей никто ни угрожал... Могу также сообщить, что

сведения о захвате телецентра и других объектов, распространяемые зарубежными журналистами, абсолютно беспочвенны. На данное время не сделан ни один шаг в сторону конфронтации.

Как видим, латвийские коммунисты довольно хорошо, – лучше, чем кто-либо другой, – были информированы о действиях силовиков союзного подчинения. Надо полагать, и те, и другие работали «в одной упряжке».

В Риге бастуют более трехсот предприятий

15 января более трехсот предприятий Риги союзного подчинения объявили политическую забастовку, требуя отставки латвийского правительства. На состоявшемся митинге звучали требования к Вселатвийскому комитету общественного спасения «взять на себя всю полноту государственной власти и управления Латвийской Советской Социалистической Республикой».

Режим политической стачки решено сделать постоянным.

Командующий не хочет «нести ответственность»

В этот же день, 15 января, председатель латвийского парламента Анатолий Горбунов встретился с командующим Прибалтийского военного округа генералом Кузьминым. Естественно, обсуждался вопрос, какое участие собирается принять армия в событиях на территории Латвии. Кузьмин подтвердил, что никаких намерений использовать в создавшейся обстановке войска у армейского руководства нет. Вместе с тем оговорился:

– Я не могу нести ответственность за тех военнослужащих, которые могут принять неофициальное участие в сегодняшнем митинге Интерфронта.

Вот и понимай как знаешь: кто-то из военных может ведь принять участие не только в митинге, но и в чем-то еще, и при это военное начальство не будет «нести за это ответственность». Здесь, как и в Литве, открывалась дорога для «самодеятельности» нижестоящих военных чинов.

Витебские десантники отказываются отправляться в Ригу

16 января стало известно про более масштабный «бунт» в войсках, нежели дезертирство отдельных солдат и офицеров. Части Витебской воздушно-десантной дивизии отказались от передислокации в Ригу. Об этом сообщил в интервью Латвийскому радио заместитель командира дивизии полковник Солдатов. Свой отказ десантники объяснили тем, что им достаточно Афганистана, теперь они не хотят проливать кровь еще и в Латвии. По мнению полковника, за отказ выполнить приказ дивизия, очевидно, будет расформирована. Солдатов предполагает, что скорее всего вместо Витебской десантной дивизии в Ригу будет отправлена дивизия МВД СССР из Казахстана.

Однако «бунт» в дивизии, видимо, удалось подавить. 18 января появились сообщения, что «происходит интенсивная передислокация специального витебского воздушно-десантного подразделения в Ригу». Ночью 17 января на аэродром Спилве приземлились несколько военно-транспортных самолетов, после чего наблюдались интенсивные передвижения вертолетов, видимо, перевозивших десантников к месту назначения.

Было не ясно, то ли Москва всерьез готовится повторить в Латвии то, что случилось в Литве, то ли происходит просто психологическое давление на мятежное латвийское руководство, чтобы сделать его более покладистым на грядущих переговорах.

Омоновцы расстреливают мирных жителей

16 января вечером омоновцы, разъезжая по Риге на «газике» и двух БТРах, стреляли из автоматов по шинам автомобилей, игравших роль баррикад, поджигали эти машины. Стреляли и просто так – видимо, для отстрасстки. В результате был тяжело ранен попавшийся им на пути водитель легковой автомашины. Позже он скончался в больнице.

Министр внутренних дел Латвийской Республики Алоис Вазнис заявил, что по его сведениями, в Латвии в ближайшие дни будет организована серия взрывов в людных местах. Цель их устроителей – добиться, чтобы Горбачев ввел в республике прямое президентское правление (вот опять о нем!)

Однако председатель литовского парламента Анатолий Горбунов, выступая в этот же день на пресс-конференции, заверил журналистов, что введение прямого правления президента СССР в Латвии «невозможно, так как в Республике не существует структур, которые могли бы его реализовать».

– Законные парламент и правительство Республики, – сказал Горбунов, – контролируют ситуацию, они пользуются доверием большинства населения. Это еще раз было подтверждено в ходе массовых акций, прошедших в Республике в последнюю неделю.

Тем не менее 17-го вечером, как и предрекал руководитель МВД, действительно произошел взрыв – возле республиканского Дома политпросвещения. Здание было незначительно повреждено. Специалисты пришли к выводу, что взрыв, похоже, из той же серии, что случились в Риге в конце декабря.

ОМОН находится «в состоянии психоза»

Как сообщалось, 16 января православный священник Алексей Зотов был приглашен в одно из подразделений ОМОНа, – то ли для того, чтобы дать благословение защитникам советской державы, то ли еще с какой-то целью, но, как сказал один из депутатов латвийского парламента, «фактически оказался в положении заложника». Освобожденный на следующий день, Зотов заявил, что омовцы находятся «в состоянии психоза».

17 января в пресс-центре латвийского парламента состоялась встреча с бывшим сотрудником ОМОНа Германом Глазером (он написал рапорт об отставке). Он рассказал, что в ночь на 15 января, непосредственно перед нападением отряда ОМОН на Высшую школу милиции, руководство отряда провело полтора часа в здании ЦК Компартии Латвии.

– Потом они вернулись оттуда, – сказал Глазер, – и объявили, что мы поедем в школу милиции. Командир отряда Млынник готовил бойцов к тому, чтобы «покончить с фашизмом в Латвии и поставить здесь наместника президента СССР».

По отряду ходили слухи, что деньги им платит «партия Рубикса», то есть компартия Латвии.

Формально отряд рижского ОМОНа вроде бы подчинялся Министру внутренних дел СССР Пуго. Кстати, прежде тот был первым секретарем рижского горкома КПЛ и председателем КГБ Латвийской ССР.

Говоря о настроениях среди омовцев, Глазер высказал мнение, что те «готовы приступить к выполнению любого приказа командования, но большинство бойцов не согласится стрелять в безоружный народ».

Большинство или меньшинство, но стреляли омовцы и в безоружных.

Сам командир отряда рижского ОМОНа капитан милиции Чеслав Млынник в интервью «Постфактуму» уверял, что они заняты исключительно благородной деятельностью по «борьбе с терроризмом, бандитизмом, захвату вооруженных преступников, освобождению заложников».

– Мы сейчас единственная реальная сила для борьбы с преступностью, – утверждал Млынник. – Мы нужны людям. Власти предлагают нам уйти, но ежедневно люди звонят не по телефону 02, а нам. Мы всегда отвечаем на звонки, выезжаем на места происшествий. В последнее время возросло количество грабежей, разбойных нападений и изнасилований. И люди знают, что наши ребята всегда придут на помощь. Одно наше присутствие способствует нормализации ситуации. Нас нельзя ни купить, ни победить.

Кстати, Млынник по-своему объяснил ту гибель водителя автомашины от омовской пули:

– Ситуация сложилась таким образом. Наша машина, идущая через Мангальский мост, была заблокирована противотанковыми ежами, и люди с баррикад, среди которых было много выпивших, бросились к нам. Поэтому пришлось сделать предупредительный выстрел в воздух, потом – по колесам. На мосту появился автобус, откуда раздались выстрелы. Мы вынуждены были открыть огонь. Детей, о которых говорят журналисты, в автобусе не было. Вызывает также сомнение истинная причина смерти шофера. Машина, в которой он находился, исчезла, и провести экспертизу невозможно.

– Нас пытаются представить какой-то черной силой, – добавил Млынник, – хотя если бы мы пытались что-то предпринять (ОМОН – хорошо вооруженные профессионалы), могли бы сделать многое. Надеюсь, нам не придется это продемонстрировать.

В дальнейшем, однако, рижским и вильнюсским омонивцам не раз приходилось демонстрировать свою доблесть, в частности, как полагают, – при расправах с прибалтийскими таможенниками.

Что касается водителя автомашины, убитого омонивцами 16 января, им оказался шофер Министерства сообщения Латвии Роберт Мурниекс. На траурном митинге при его похоронах собралось около десяти тысяч человек.

– Жизнь Роберта Мурниека была первой жертвой в нашей борьбе, пусть она станет последней, – сказал, выступая на митинге, один из депутатов литовского парламента.

«Дом печати обстреляли неизвестные»

В ночь на 20 января в Риге случилась новая перестрелка. На этот раз вроде бы на кого-то напали не омонивцы, а кто-то напал на них. Какие-то неизвестные, дескать, обстреляли вход в Дом печати, который охранял ОМОН. Омонивцы открыли ответный огонь. При расследовании инцидента неподалеку от Дома печати нашли несколько гильз от пистолета Макарова. Сами же омонивцы задержали пятерых мужчин – будто бы они и напали на Дом печати. Было возбуждено уголовное дело. Однако никаких доказательств вины этих людей не было. По их словам, омонивцы просто схватили их на улице, посадили в машину и увезли на свою базу. По дороге избили, требуя признаться «в содеянном».

Штурмуют здание МВД

Между тем, подвиги рижских омонивцев продолжались. Поздним вечером 20 января они открыли стрельбу в холле гостиницы «Ридзене», где проходил официальный ужин с участием главы латвийского парламента Анатолия Горбунова и маршала польского Сената Анджея Стельмаховского.

Через несколько минут стрелявшие скрылись. Ясно, что это была демонстрация: иностранные гости должны были увидеть и почувствовать, сколь ненадежна и хлипкая власть тех, с кем они ведут официальные переговоры – даже элементарной охраны они не могут обеспечить.

В тот же вечер омовцы совершили налет на Министерство внутренних дел, расположенное неподалеку от гостиницы «Ридзене». Здесь дело оказалось более серьезным. Здание обороняли около пятнадцати человек. Как сообщала пресса, бой продолжался три с половиной часа. Погибли пять человек, девятеро были ранены. Нападавшие заняли почти все помещения министерства, захватили все находившееся там оружие.

«Российская газета» так писала о налете на МВД в номере от 22 января:

«Второй акт прибалтийской трагедии перенесен в столицу Латвии. Новое кровопролитие начато, как и в Литве, – ночью, по-бандитски... «Черные береты» подъехали к зданию МВД республики и, как повелось, затеяли стрельбу. Первой рижской жертвой стал человек в гражданской одежде, бежавший к зданию МВД с поднятыми руками. Не тут-то было – в упор его! «Национальные герои» оставили на улицах Риги пять трупов... Среди убитых – три работника республиканской милиции, один из них, старший лейтенант В. Галюкович, 31 год, застрелен «коллегами» из ОМОНа на лестнице МВД, у него остались жена и трое детей. Убит работавший с известным в стране режиссером Подниексом оператор Андрис Слапиньш...

Предварительный анализ очередного преступления ОМОНа говорит о том, что действовали три десятка налетчиков профессионально и по плану. Хотя мотивы нападения не поддаются элементарной логике...»

Что это за мотивы? Сами омовцы заявили, что причиной нападения на здание МВД стало то, что кем-то была изнасилована жена одного из сотрудников отряда:

– Мы приехали для встречи с прокурором, но по нашим машинам был открыт огонь.

Причина нападения, прямо скажем, довольно странная, тем паче, что, по словам автора публикации в «Российской газете», «ни одна из двух альтернативных прокуратур никаких сведений об этом (об изнасиловании. – **О.М.**) не имеет», а сама «изнасилованная» в полной безопасности находится на базе ОМОНа. В любом случае трудно считать захват МВД адекватной реакцией на это преступление, если оно в действительности было.

После переговоров латвийского премьера Иварса Годманиса с исполняющим обязанности командира ОМОНа Чеславом Млынником «черные береты» около трех ночи покинули здание МВД.

Создаются отряды самообороны

Агрессивные действия рижских омовцев подвигли латвийские власти на ответные шаги. Ночью 21 января латвийский парламент решил создать в составе МВД республики особые отряды государственной самообороны. Парламент призвал жителей Латвии вступать в эти отряды «в связи с обострением ситуации и противозаконными действиями рижского ОМОНа».

Параллельно с этим республиканское правительство заявило о намерении «сделать все возможное для вывода подразделений ОМОН с территории Латвии». Нападение на МВД было расценено как «демонстрация силы и способности «черных беретов» захватить любой объект в Республике».

Вместе с тем правительство обратилось к жителям Латвии с просьбой «не принимать никаких самостоятельных действий по отношению к ОМОНу».

Какую цель они преследовали

Вообще, когда смотришь на то, что творил в Латвии рижский ОМОН, подчиняющийся союзному МВД, ощущаешь недоумение. Ну ладно, ввели в Прибалтику дополнительные войска, захватили в Вильнюсе ряд стратегических объектов, пытаются противодействовать работе законной власти... В этом есть хоть какой-то смысл – заставить эту власть отказаться от попыток восстановить независимость республики. Силы на это брошены достаточно весомые. Но какой смысл в разрозненных бандитских действиях «черных беретов» в Риге, приводящих к росту напряженности, к гибели людей? Ясно: кроме всеобщего возмущения жителей, ответных действий милиции, подчиняющейся местной власти, за этим ничего не может последовать.

Думаю, план, если он существовал, заключался в том, чтобы использовать все это в качестве запала. Постоянная стрельба, взрывы, постоянные стычки, происходящие там и сям, должны были создать ощущение нестабильности, бессилия власти, повлечь за

собой ввод в действие крупных вооруженных сил и, может быть, того самого президентского правления.

Другого смысла не просматривалось. Оставалось ждать, произойдет это или не произойдет.

Манифестация в центре Москвы

Ждать демократы не хотели. 20 января сотни тысяч человек приняли участие в манифестации, которую организовала «Демократическая Россия» и ряд народных депутатов СССР.

(Кстати, скажу в скобках, эта манифестация, собравшая, по разным подсчетам 300 – 500 тысяч, некоторые называли цифру даже в миллион и считали ее крупнейшей за все года перестройки, была санкционирована Моссоветом. Вот были времена! Если «посравнить да посмотреть» с нынешними, когда московские власти боятся «согласовать» даже полуторатысячный митинг).

Участники манифестации прошли от площади Маяковского по Садовому кольцу и проспекту Калинина до Манежной, где и состоялся митинг. Главные требования митингующих – отставка тех, кто, по общему мнению, несет ответственность за кровавые события в Вильнюсе и Риге (как писали тогда газеты, впечатление такое, что судьба Прибалтики волнует людей больше, чем их собственная судьба). В качестве виновных назывались Горбачев, Язов, Пуго, Крючков.

Впрочем, в секретном донесении «по начальству» (членам Политбюро и секретарям ЦК КПСС – тем же Крючкову, Пуго, Язову...) секретарь МГК КПСС Прокофьев, докладывая о митинге, совсем уж дотошно перечислял основные лозунги митингующих и приводил скрупулезный подсчет тем, прозвучавших в выступлениях:

«Митинг носил ярко выраженную антипрезидентскую и антикоммунистическую направленность. Среди характерных лозунгов были следующие: «Михаил Кровавый – нобелевский лауреат», «Горбачева и его шайку к ответу!», «Президента СССР – на скамью подсудимых!», «Кровопролитие в Литве – очередное преступление КПСС»,

«Червони фашисты КПСС – руки прочь от России и Балтики!» («Червони фашисты...») В манифестации участвовали не только москвичи, но и много приезжих. – **О.М.**)

В структуре лозунгов и выступлений из 33 основных тем антипрезидентская занимала первое место, антикоммунистическая – второе, поддержка нынешнего руководства Литвы – третье, поддержка Ельцина – четвертое».

В принятой на митинге резолюции звучали требования о выводе из Прибалтике карательных войск, отставке Горбачева и Янаева, роспуске союзного Съезда народных депутатов и союзного же Верховного Совета, создании российской армии и превращении движения «Демократическая Россия» в политическую партию.

Подводя итоги своему доносу, Прокофьев с тревогой писал о манифестации 20 января:

«По нашему мнению, данную акцию следует рассматривать как подтверждение курса, взятого оппозиционными силами на изменение государственного и общественного строя, устранение с политической арены нынешнего руководства страны.

Качественно изменяется тактика противостоящих Центру и КПСС сил. Ядром консолидации демократических и национал-демократических движений республик становится Верховный Совет РСФСР во главе с Б.Н.Ельциным. По-видимому, окончательно с повестки дня снято создание лево-центристского блока (Горбачев – Ельцин)».

Кто же еще, кроме Прокофьева, в тот момент еще думал о создании «лево-центристского» блока Горбачева – Ельцина?

Как видим, больше всего на этой акции досталось Горбачеву, хотя он и старался отстраниться от событий в Прибалтике, держаться в тени. Отстраниться оказалось не так-то легко. Народ все видел, все понимал.

Диктатура не пройдет!

Ельцина на митинге не было. Его «Обращение к народам России» зачитал Геннадий Бурбулис. Оно звучало весьма драматично:

«Граждане России!

В последние дни обстановка в стране предельно обострилась.

События в Прибалтике грозят выйти за пределы Латвии, Литвы, Эстонии. Опасность диктатуры, о которой предупреждали известные политические и общественные деятели страны, стала реальностью.

Союзное руководство своими действиями фактически отказалось от прежнего политического курса и открыто поддерживает реакционные силы.

Игнорируя присягу, президент встал на путь разжигания межнациональной розни, поддержки самозванных комитетов спасения, рвущихся к власти, на путь оправдания применения оружия против мирного населения.

Забыты рассуждения об общечеловеческих ценностях, правовом государстве и свободе. Четко обозначилось стремление любой ценой сохранить власть высшей партийно-государственной бюрократии, повернуть движение страны вспять...

Нет гарантий, что не будет отдан преступный приказ (надо полагать, имеется в виду – о введении в стране президентского правления. – **О.М.**), который в сложившейся ситуации может вызвать цепную реакцию вооруженного сопротивления. Если это произойдет, не смогут осуществиться надежды на возрождение России, всех республик и народов страны.

Не верьте, что диктатура накормит, покончит с преступностью, принесет чувство безопасности и покой в каждый дом, в каждую семью... Насилие может породить только насилие».

Чтобы не допустить «сползание союзного руководства к беззаконию, к применению насилия», необходимо объединить усилия всего народа. Свой «ответственный выбор», по словам Ельцина, должны сделать и коммунисты:

«Не дайте превратить себя в орудие реакции! Не забывайте, что диктатура беспощадна к любой партии, даже самой... преданной».

И снова – к народам России:

«В эти критические дни парламент и правительство нуждаются в вашей поддержке. Только вместе мы сумеем не допустить, чтобы самозванцы стали хозяевами нашей республики...

Сегодня от каждого из нас зависит, будем ли мы продолжать движение вперед по пути обновления или окажемся отброшены далеко назад во времена произвола и репрессий, насилия над народами и достоинством человека. Реакция не пройдет, если мы будем едины».

Это резкое, драматичное обращение Ельцина, прозвучавшее на митинге 20 января 1990 года, было как бы прелюдией к открытой атаке на Горбачева, которую Ельцин предпримет через месяц.

Москва вроде бы решила «притормозить»

Наконец колесо предпринимаемых Москвой карательных антибалтийских действий остановилось и завертелось в обратную сторону. 22 января министр внутренних дел Латвии Алоиз Вазнис сообщил, что у него состоялась встреча с главой союзного МВД Борисом Пуго и тот заверил его: штурм латвийского МВД бойцами ОМОНа произошел без его ведома. Пуго осудил действия своих подчиненных и сказал, что прикажет этому подразделению «не покидать свои базы до конца расследования инцидента».

С этого момента все высокие начальники в Москве в один голос будут отнекиваться, что отдавали какие-то приказы о каких-то нападениях в Прибалтике и что вообще были в курсе дела.

В Латвии, видимо, планировалось то же, что и в Литве

В общем-то изначально в Риге, видимо, планировалось, осуществить то же самое, что и в Вильнюсе. Многие в Латвии были убеждены, что государственный переворот в республике должен был начаться тогда же – 13 января. Но, как писала «Независимая газета», «бурная реакция народа Латвии на кровавые события в Вильнюсе сорвала планы военных».

В Риге были воздвигнуты баррикады, на улицы вышли сотни тысяч людей. Если в Вильнюсе были десятки убитых и раненых, то в Риге их были бы сотни, а на это военные не решились.

В Эстонии тоже – напряженное ожидание

В Эстонии тоже напряженно следили за тем, что происходит в соседних республиках. Ожидали своей очереди. Пытались, как могли, поддержать соседей. Так, уже 3 января Президиум Верховного Совета Эстонии выступил с протестом против «военного вмешательства во внутренние дела балтийских государств».

Кстати, эстонский премьер Эдгар Сависаар, кажется, первым публично заявил, что, по его сведениям, в Риге под видом ОМОНа действуют специальные подразделения КГБ СССР.

В Эстонии вроде бы все должно было начаться как раз в ту ночь, – с 20-го на 21 января, – когда в Риге эти то ли омовцы, то ли гэбэшники захватили здание МВД. Около четырех часов ночи министр внутренних дел Эстонии Олев Лаанярв, выступая по радио, сообщил, что в сторону Таллина движется военная колонна – пятьдесят легких танков (по-видимому, опять-таки имелись в виду БМД – боевые машины десанта) и тридцать армейских грузовиков с солдатами. В половине десятого утра Эстонское радио сообщило, что военная колонна вот-вот войдет в город. В аэропорту – самолет с десантниками. В морском порту Таллина стоит крейсер, для входа гражданских судов порт закрыт.

В эту же ночь в городе произошла серия взрывов...

В общем, по всему было видно, что назревают события, подобные вильнюсским или рижским. Жители города собрались у зданий радио и телевидения...

Но, Бог миловал, – ничего серьезного, если не считать взрывов (от которых, впрочем, никто не пострадал) не произошло.

23 января по Центральному телевидению был показан «документальный» фильм известного телепровокаатора Невзорова, ярко изображавший, что станет с русскоязычными жителями Эстонии, если советские войска покинут Прибалтику. Среди прочего, показывались баржи, на которых эстонцы будут топить «наших» (кстати, этот

термин, который много позже присвоят пропутинские гопники, придумал в 1990-м как раз Невзоров). Надо полагать, произведение было специально заготовлено для оправдания готовившегося «наведения конституционного порядка» – уже на территории Эстонии.

Однако Невзоров со своей фальшивкой (с разоблачением которой, кстати, выступил ряд деятелей культуры) опоздал. По-видимому, уже 21 января в Москве было принято решение остановиться и сдать назад. Как уже говорилось, в этот день министр внутренних дел СССР Пуго на встрече с латвийским коллегой отмежевался от действий рижских омонцев, осудил их. В свою очередь, Горбачев принял председателя эстонского парламента Арнольда Рюйтеля. Сообщалось, что во время встречи договорились начать переговоры насчет государственного статуса Эстонии. То есть с намерением решить этот вопрос силовым методом вроде бы было покончено.

Так что Эстонию не постигла участь двух других балтийских республик. По ней пришелся лишь скользкий удар – взрывы, угрожающее передвижение войск, напряженное ожидание. Но не приходится сомневаться: если бы ситуация в Литве и Латвии сложилась как-то иначе, если бы тамошние события не вызвали отчаянное сопротивление в самих республиках, мощную волну протеста повсюду в мире, – не избежал бы беды и Таллин.

Катастрофа все ближе

«Если в 1989 году в обиход при обсуждении вопросов экономической политики и сложившегося положения в стране, в качестве общеупотребительного входит слово «кризис», затем «острый кризис», то к началу 1991 года все чаще используется другое слово – «катастрофа». Из программы правительства РСФСР по стабилизации экономики и перехода к рыночным отношениям:

«Экономика республики все ближе подходит к той грани, за которой нужно будет говорить уже не об экономическом кризисе, а о катастрофе... Степень неуправляемости в экономике достигла катастрофических размеров».

Еще одно слово, которое в это время нередко упоминается в официальных документах, посвященных описанию ситуации в стране, – «чрезвычайная». Название Постановления Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 января 1991 года таково: «Об утверждении положения о чрезвычайной комиссии Съезда народных депутатов РСФСР по продовольствию».

Вполне очевидны аналогии с реалиями 1918 года...

Пример еще одного характерного документа того времени: Указ президента СССР от 26 января 1991 года № УП-1380: «О мерах по обеспечению борьбы с экономическим саботажем и другими преступлениями в сфере экономики».

Тем, кто осведомлен об экономических реалиях 1917 – 1921 годов, это название говорит о многом».

ЕЛЬЦИН И БАЛТИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ

«Америка не знает, что происходит в СССР»

10 января 1991 года Ельцин принял президента Всемирного еврейского конгресса Эдгара Бронфмана. Заявление, которое он сделал во время этой беседы, несомненно, адресовалось не одному лишь гостю, – оно явно предназначалось для передачи как можно более широкому кругу влиятельных людей на Западе. Это, как полагал, по-видимому, Ельцин, было особенно важно ввиду резко обострившейся обстановки в Прибалтике: недостаточно внятная позиция Запада может тут сыграть пагубную роль, развязать руки союзному Центру. Ельцин посетовал, что процесс суверенизации, развернувшийся в СССР, на Западе, к сожалению, недооценивают. К чему идет дело? Роль Центра будет все больше сокращаться, а роль республик возрастать. Но Союз более не может оставаться в том виде, в каком находится сейчас. Это должен быть по-настоящему добровольный Союз.

По словам Ельцина, союзный Центр изо всех сил препятствует этому процессу, «идет в лобовую атаку», не дает республиками самостоятельности. В этой атаке Горбачев, похоже, может пойти далеко, и Запад, сознательно или нет, потакает ему здесь.

– Недавнее заявление Шеварднадзе – сказал Ельцин, – имеет под собой основания. Он не сказал, откуда идет диктатура, но опасность такая существует. Президенту предоставлены такие полномочия, что это становится опасным. Западные лидеры сделали ставку на одного руководителя, связали свою судьбу с ним, в результате они находятся в плену собственных представлений, получают ту информацию, какую хотят получать... Отказаться поддерживать Горбачева для них теперь означает потерять собственный рейтинг. Но можно потерять больше, чем рейтинг, если упустить возможное развитие событий в нашей стране. Наша задача – не допустить, чтобы хоть полкапли крови было пролито в результате конфронтации между народами.

По словам Ельцина, он часто встречается с американцами и во время этих встреч убеждается: по-настоящему, что происходит в СССР, Америка не знает.

– Никто не умаляет заслуг Горбачева в вопросах демилитаризации, потепления отношений с Западом. Но сейчас мы слышим из его уст, что наше общество сдвинулось вправо (то есть, в тогдашней системе координат, – возобладали антиперестроечные, антиреформаторские настроения. – **О.М.**) поэтому он вынужден действовать решительно.

На самом деле, как считает Ельцин, общество сдвигается не вправо, а влево, то есть в сторону демократических настроений, и лишь какая-то его часть (по-видимому, все-таки небольшая) требует «сильной руки».

Как видим, Ельцин здесь сводит все заслуги Горбачева лишь к «демилитаризации» и «потеплению отношений с Западом»... Это, конечно, чисто эмоциональная оценка, продиктованная моментом. В дальнейшем, в более спокойной обстановке Ельцин будет оценивать роль Горбачева более полно и адекватно.

И наконец, главное, чего Ельцин хочет от Запада и, в частности, от Америки:

– Американским государственным деятелям нужен контакт с российским руководством, с руководством других республик. В конце концов прозрение произойдет.

Подобные пассажи в ельцинских речах вызывали большое раздражение Горбачева.

Вывести войска, начать переговоры!

В противостоянии Москвы и прибалтийских республик Ельцин, мы знаем, с самого начала занял твердую позицию – позицию поддержки республик, стремившихся к независимости, и оставался на этой позиции до конца.

Как уже говорилось, 12 января на Совете Федерации он выступил против готовившегося одобрения этим органом силовых действий в Прибалтике, против готовящегося ввода войск, против ультиматума, который Горбачев фактически предъявил Литве. Ельцин заявил, что информация, на которую Горбачев опирается, – односторонняя, призвал к переговорам, к диалогу, чем, естественно, навлек на себя гнев Горбачева, который припомнил ему и встречу с Бронфманом, и многое другое, упрекнул

Ельцина за «конфронтационный тон», за то, что он будто бы стремится «поднять всю Прибалтику против Союза».

Однако это не поколебало решимости Ельцина. В течение всех тревожных прибалтийских дней он действовал быстро и уверенно, следуя своей изначально выбранной позиции.

В этот же день – разумеется, по инициативе Ельцина – Президиум российского Верховного Совета выступил с заявлением, в котором предупреждал, что происходящее в Прибалтике и, в частности, в Литве, чревато «крайне опасными последствиями» для всех республик, для формирующегося Союза Суверенных Государств. Применение военной силы в этом регионе может распространиться по всей стране, «развязать крупномасштабный гражданский конфликт». Российские депутаты потребовали вывести из Прибалтики «дополнительный контингент» войск, введенный туда в последние дни, и начать переговоры с законными представителями власти Литвы, Латвии и Эстонии, игнорируя всякого рода самозванные «комитеты национального спасения», возникшие там в последние дни.

Ельцин в Таллине

Уже 13 января, сразу после ночных вильнюсских событий, Ельцин рванулся в Прибалтику, – правда не в Вильнюс, а в более спокойный пока Таллин. Встретился там с руководителями прибалтийских республик. По итогам этой встречи в газете «Советская Эстония» от 15 января было опубликовано Обращение руководителей четырех республик к Генеральному секретарю ООН с предложением незамедлительно созвать международную конференцию по урегулированию проблемы балтийских государств.

Появились в газете и два обращения Ельцина – к русскоязычному населению Прибалтики, призывающее «к благоразумию», и к военным, проходящим службу в прибалтийских республиках, – а среди них, естественно, было много выходцев из России, – с призывом не участвовать в антинародных акциях.

Было принято также Заявление руководителей четырех республик – Литвы, Латвии, России и Эстонии – в котором, в частности, говорилось, что стороны признают

государственный суверенитет друг друга и «выражают готовность оказать конкретную поддержку и помощь друг другу в случае угрозы их суверенитету».

Заявление было подписано 13 января, то есть как раз в тот момент, когда возникла явная угроза суверенитету Литвы и, вроде бы не было сомнений, – Латвии и Эстонии. Россия – в лице Ельцина – вновь, уже более твердо, чем во время весенне-летней экономической блокады Прибалтики 1990 года, встала на ее сторону.

Все эти энергичные действия Ельцина, без сомнения, сыграли значительную роль в предотвращении худшего варианта событий, которые могли бы развернуться в Прибалтике.

Ельцин отвергает возможность военного переворота в стране

14 января Ельцин провел в Таллине пресс-конференцию. Главная тема, естественно, – события в Вильнюсе. На вопрос, кто отдал военным приказ стрелять, Ельцин ответил, что Горбачев отрицает свою причастность к этому, министр обороны Язов также утверждает, что его ведомство не отдавало такого приказа. Ельцин сообщил, что на его вопрос Язову, могли ли местные военачальники сами принять решение открыть огонь, Язов сказал: «Могли».

Журналисты наседали: кто же все-таки приказал стрелять, если не Горбачев и не Язов? Ельцин пожал плечами:

– Я не говорил о том, что президент страны или министр обороны не отдавали приказ или указания. Я говорил, что они мне так ответили.

Если армия действовала самостоятельно, не означает ли это, что в стране начинается военный переворот?

Ельцин отверг такую возможность. По его мнению, армия сама по себе расколота внутренними противоречиями, и если кто-то в ней попытается совершить военный переворот, это приведет к взрыву в ней самой.

Ельцин также считает, что большинство военнослужащих не пойдет против мирного населения. Если же это случится, народ, как полагает Ельцин, даст мятежникам «достойный отпор».

Не думаю, что сам Ельцин в тот момент был твердо уверен, что переворот невозможен, но важно было успокоить население.

На самом деле, если армия действительно вышла из-под контроля, как утверждали (или намекали) высокие московские чины, никто не мог бы твердо сказать, не распространятся ли эти бесконтрольные действия за пределы Прибалтики и в конце концов – по всей стране.

А то, что безоружный народ в таком случае «даст отпор» вооруженным мятежникам – это так, дежурные слова.

Почему молчит Горбачев?

В этот же день, 14 января, вернувшись в Москву, Ельцин дал пресс-конференцию и здесь. Вопросы журналистов примерно те же, что и в Таллине.

Ельцина спросили, как он расценивает только что прозвучавшее заявление Пуго, что Центр не давал никаких указаний о применении силы в Прибалтике.

– Трудно пока проверить, – ответил Ельцин. – В ту ночь (то есть в ночь с 12-го на 13 января. – **О.М.**) и начало дня, разговаривая с президентом страны и с министром обороны Язовым, я ставил этот вопрос им в упор, и оба они ответили, что команд от них не поступало...

Ельцин добавил, что все это похоже на «сценарий Тбилиси»: тогда ведь тоже не могли найти отдавшего приказ применять силу против мирных демонстрантов.

Удивило Ельцина и заявление Язова, что тот не знает российских законов, касающихся использования военнослужащих, призванных в России: еще в октябре прошлого года российский парламент принял решение, что «те ребята, которые призваны на территории Российской Федерации, не могут служить вне ее территории и тем более участвовать в военных действиях против мирного населения, в разрешении каких-либо конфликтов».

Не думаю, что Язов не знал об этом решении российского парламента, но для него это была «филькина грамота».

Вопрос:

– Почему до сих пор президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев не высказал своего отношения к той резне, которая произошла в Вильнюсе?

Вообще-то этот вопрос надо бы задать самому Горбачеву. Мнение Ельцина:

– Ему трудно высказаться по этому вопросу. После моего довольно резкого выступления (на Совете Федерации 12 января. – **О.М.**) и после выступления других руководителей республик все же казалось, что ищется наиболее деликатный выход из этого положения...

В этот день, позднее, Горбачев все же высказал, довольно невнятно, свою позицию по Вильнюсу на заседании Верховного Совета СССР.

Повторится ли Вильнюс в Москве

Один из журналистов сказал, что утром у него была встреча «с двумя работниками КГБ из центрального аппарата». От них он узнал, что здесь в столице, как и в прибалтийских республиках, создан Комитет национального спасения – спасения России и что 16 января в Москве планируется повторить все то, что произошло в Вильнюсе. Что он, Ельцин, готов предпринять для защиты суверенитета России?

Ответ Ельцина:

– Первое – быть готовым к этому и быть бдительным каждый час. Второе – немедленно принимать меры по выполнению постановления внеочередного Съезда народных депутатов РСФСР о том, чтобы органы Государственной безопасности на территории России подчинялись Верховному Совету Российской Федерации, а также создать специальный Комитет госбезопасности России. Надо это делать немедленно. И третье – мы все больше приходим к мысли о том... что защищать свой суверенитет нам, видимо, без российской армии все-таки не удастся.

Эта мысль – о разделе Вооруженных Сил, о создании республиканских армий, – вызывала сильнейшую аллергию у Горбачева. Между тем, его собственные действия или бездействие – как в том январе 1991-го в Прибалтике, – все больше подталкивали республики к этой мысли.

«Прошлой осенью Горбачев вступил на «правый» путь»

По словам одного из иностранных журналистов (итальянского), в последнее время у него создается ощущение, что «союзные лидеры», прибегая к силе, «практически отказываются от идеи перестройки, потому что нельзя поддерживать перестройку «на штыках».

– Мне кажется, – ответил Ельцин, – что руководство страны под влиянием определенных сил пришло к выводу, что демократическим путем трудно решить наши проблемы, что надо поворачивать действительно к жесткой руке. У меня сложилось такое впечатление.

Такое впечатление было, конечно, не только у Ельцина. Журналист Дмитрий Остальский писал в «Независимой газете», что осенью прошлого, 1990-го, года, после «парада республиканских суверенитетов», Горбачев решил вступить на «правый» путь, «демонстративно сделав ставку» на военных, генеральных директоров военных предприятий и коммунистов-ортодоксов. Но этот путь оказался тупиковым: «Опора на армию, ВПК и компартию, безусловно, надежная опора в борьбе с республиканскими властями. Возможны даже военные победы. Но армия, даже очень могущественная, не приспособлена для того, чтобы долго кормить трехсотмиллионную страну. Военные заводы выпуском еды и одежды тоже не занимаются. Новые кровопролития окончательно остановят экономическую помощь Запада...» Если президент и далее будет держаться «силового пути сохранения Союза», то республики, защищаясь, «создадут новый Центр с новым лидером и новыми атрибутами власти...»

Вильнюс – это удар по Союзному договору

Вернемся, однако, к московской пресс-конференции Ельцина 14 января. Вопрос:

– Не кажется ли вам, что события в Прибалтике положили конец идее Союзного договора?

Ельцин словно бы ждал этого вопроса. Он легко подвостыивает эти события к своей позиции, которую уже давно отстаивает: договор должен создаваться не Центром, а республиками.

– Мне кажется, что этими действиями нанесен серьезный удар по реальности заключения Союзного договора, – говорит он. – Поскольку договор с петлей на шее вряд

ли кто будет подписывать. У нас сейчас таких желающих уже не найдется среди руководителей всех республик. А тут опять желание именно сверху нам уже на блюдечке представить готовый договор, одобренный пленумом ЦК, одобренный Съездом народных депутатов. Вот вам договор – подписывайте. Но подождите. Кто подписывает договор, кто с кем договаривается? Наверное, кто с кем договаривается, тот и должен работать над этим договором, обсуждать его и затем уже подписывать. А ведь процесс идет не снизу вверх, как мы предлагали, а сверху вниз. Мы предлагали и осуществляем практически принцип – сначала республики между собой заключают договоры. И мы заключили договор с Украиной, Белоруссией, Казахстаном, Молдовой, Грузией, Эстонией, Латвией. И через такую сеть договоров можно было бы привлечь к этому процессу все пятнадцать республик. А вот такими действиями сверху, да еще силовыми приемами, уже сегодня практически пять республик как бы отторгнуты от будущего Союза. Да и мы, наверное, в России, будем обсуждать на Верховном Совете, и очень сильно задумаемся, нужен ли нам такой Союз, когда в каждый момент тебе будут диктовать волю сверху. Еще раз скажу: нанесен удар по реальности заключения Союзного договора. Сделан шаг к разрушению даже тех первых шагов, которые были в этом направлении сделаны.

На пути к Беловежью

На пресс-конференции Ельцин вновь подтвердил, что он и еще три лидера собираются заключить отдельный союз:

– Мы, три председателя и один президент, – лидеры России, Украины, Белоруссии и Казахстана (а эти республики производят 85 процентов национального продукта СССР) – решили в ближайшее время заключить четырехсторонний договор. Не знаю, когда дождемся Союзного договора, но надо жить. Мы решили собраться скоро в Минске. Это будет хорошим стабилизирующим актом. Начнем с этого, а дальше может присоединяться и Центр.

Так что когда говорят, что заключение Беловежских соглашения было какой-то неожиданной импровизацией, – это не так. Идея «сепаратного» четырехстороннего

договора, который мог бы положить основу для преобразования СССР в какое-то новое объединение, целый год – с декабря 1990-го по декабрь 1991-го – носилась в воздухе.

Я думаю, раз от разу повторяющиеся угрозы Ельцина заключить такой договор (а здесь, мы видим, даже и конкретное место, где он может быть заключен, указано, – Минск) не могли соответствующим образом не воздействовать на Горбачева, не заставляя его думать, что он может противопоставить этому.

Ельцин уговаривал Горбачева не делать этого

Ельцина спрашивают: неужели «центральное руководство» не предвидело, какова будет международная реакция на военные действия в Прибалтике, какой протест в мире они вызовут?

Ельцин ответил, что он разговаривал с президентом на эту тему в преддверии событий, уговаривал не допускать применения военной силы в Прибалтике.

– Я ему сказал, что мы же тогда просто опозоримся перед всем миром, потому что это конец демократии. Вы ездили и просили помощи в этот тяжелый для народа страны период, в том числе кредитов, продовольствия. Понятно, что сейчас эти страны просто откажутся предоставлять нам эту помощь, и нельзя было не спрогнозировать этого. А если такие элементарные вещи не прогнозируются, тогда вообще становится тяжело на душе. Что же у нас за руководство!

«Америка ориентируется лишь на Горбачева»

На пресс-конференции Ельцин вернулся к теме американского неведения, касающегося того, что происходит в СССР. Он сказал, что уже утром 13 января посол США Мэтлок попросил его о встрече:

– Мы обсуждали эти вопросы (то есть – события в Прибалтике. – **О.М.**) Я сказал, что складывается впечатление, что руководство Соединенных Штатов не представляет себе в полной мере, что происходит в нашей стране. У них есть только один образ (то есть «образ» Горбачева. – **О.М.**), и вокруг этого образа вся эйфория. А те процессы, которые происходят в суверенизации республик. перемещении центра тяжести, в том

числе политических событий, именно в республики, это не замечается. Это будет стратегической ошибкой руководства Соединенных Штатов Америки.

Почему он возвращался через Ленинград

Один из участников пресс-конференции поинтересовался, почему Ельцин возвратился в Москву не напрямую, а через Ленинград: ходили слухи, что в случае «прямого» рейса его могли ждать неприятности. Поначалу Ельцин ушел от прямого ответа: он, дескать, решил заехать в северную столицу, чтобы поговорить с ленинградцами о том, «какие у них складываются отношения с республиками Прибалтики, в том числе с Эстонией»: будучи в Таллине, он обсуждал «вопросы взаимных поставок продовольствия и выполнения договоров». После этого, однако, загадочно добавил, что «были и другие причины» для такого кругового возвратного маршрута.

Через некоторое время другие журналисты попросили Ельцина все же раскрыть, что это за «другие причины», поскольку ходят разговоры о том, что «была какая-то попытка покушения на вас».

Ельцину пришлось отвечать откровенно.

– Со мной, вы знаете, случайностей много, – сказал он, – за год четыре, поэтому, когда была получена информация, что на обратном пути готовится акция, то решили сменить путь передвижения.

Стало быть, все-таки не на пустом месте возникли слухи.

Думаю, в те критические годы у немалого числа политических противников Ельцина возникала соблазнительная мысль о его физическом устранении. Как говорил товарищ Сталин, нет человека – нет проблемы. А уж если бы не стало Ельцина, не только многие проблемы для его врагов сами собой отпали бы, но и вообще вся российская история, наверное, двинулась бы совсем по другому направлению. Как это часто бывает в России, очень многое было на одного человека завязано.

Ельцин вслед за Шеварднадзе предупреждает об угрозе диктатуры

19 января в «Российской газете» было опубликовано открытое письмо Ельцина народам Прибалтики. Председатель российского парламента констатировал, что «обстановка накалена до предела», прогремели выстрелы, погибли люди, «на дорогах и улицах городов – боевая техника и вооруженные люди в военной форме», «люди разных национальностей в Латвии, Литве и Эстонии ощущают: надвигается большая беда».

Вину за драматическое обострение обстановки Ельцин возложил на союзное руководство:

«Центр отказывается от переговоров с законно избранными органами власти. В любой момент может произойти непоправимое. Нет гарантии, что не будет отдан преступный приказ, который в сложившейся обстановке может послужить детонатором эскалации насилия, вызвать цепную реакцию вооруженного противоборства. Если это произойдет, в крови мирных, ни в чем не повинных граждан утонут надежды на возрождение всех наших республик, будет растоптана свобода и демократия. Горе придет в каждый дом, в каждую семью».

Но дело не ограничится Прибалтикой – реакционный переворот расползется по всей России:

«Сегодня реальна опасность превращения Прибалтики в регион, откуда реакция маршем пойдет по стране, по всем ее республикам».

Тут стоит вспомнить недавнюю высказанную Ельциным уверенность, что переворот России не грозит. Правда, тогда он говорил о военном перевороте, здесь же – о государственном, инициаторами которого, похоже, готовы выступить люди, стоящие вне армейских рядов.

Но, все равно, многое зависит и от военных. Ельцин призвал тех, «кто носит оружие», «не направлять смертоносные стволы против мирного населения, не стрелять в безоружных людей», – выстрелы, прозвучавшие в Вильнюсе, пусть будут последними».

Что касается политиков, подталкивающих армию «под локоток»... «Я обращаюсь к тем, – писал Ельцин, – кто возлагает надежды на силу оружия и военной техники. Откажитесь от чудовищной иллюзии, что с помощью этих средств можно установить порядок и спокойствие».

Ельцин резко выступил против всевозможных «комитетов национального спасения», там и сям создаваемых в Прибалтике:

«В спешном порядке, в глубокой конспирации формируют самозванные структуры, претендующие на всю полноту власти. Вещают от имени народа, но трусливо скрываются от него. Уже на третий день существования Комитета спасения Литвы его засекреченные руководители совершили тягчайшее преступление, обагрили свои руки кровью, бросили на кровавую бойню военнослужащих, снова подставили солдат, заставили убивать. Взвалили на них груз ответственности, повернули на них гнев народа».

Отдельный призыв – Горбачеву:

«Президенту нужно вернуться к логике мирного политического диалога с республиками, с законно избранными органами власти, оставить опасную иллюзию, что из гражданского кризиса можно выйти с помощью военной силы, опираясь на самозванцев, которые рвутся к власти, но боятся своего народа, хотя объявляют себя его спасителями... Нужно помнить о президентской присяге, которую он давал...»

По словам Ельцина, ситуация такова, что вполне возможно наступление диктатуры в стране. А потому всем партиям, общественным движениям необходимо остановить политическую борьбу «хотя бы на это пиковое время». Ни в коем случае нельзя допускать межнациональных конфликтов, «видеть в военных, которые сегодня находятся в Прибалтике, только слепую и темную силу».

«Я призываю вас, – продолжал Ельцин, – разглядеть в них человеческие лица. Им сейчас крайне тяжело, многие из них испытывают колоссальные психологические перегрузки, вынуждены делать сложнейший нравственный выбор. И если они встретят только ненависть, только проклятия, совершить нравственную ошибку, сломаться может даже человек сильной воли...»

«В эти дни решается судьба нашей страны, – говорилось в заключение ельцинского открытого письма. – Будем мы продолжать движение вперед по пути обновления, или начавшийся откат отбросит нас далеко назад во времена произвола, насилия над народами и достоинством каждого человека... Будем же едины в нашем стремлении к свободе! Диктатура не пройдет!»

Еще одно громкое предупреждение о наступающей диктатуре

Как уже говорилось, 20 января на массовой – в несколько сот тысяч – манифестации в центре Москвы прозвучало зачитанное Бурбулисом тревожное предупреждение Ельцина о том, что «события в Прибалтике грозят выйти за пределы Латвии, Литвы, Эстонии» и распространиться на всю страну: опасность диктатуры – той, о которой, по-видимому, предупреждал Шеварднадзе, – стала вполне реальной.

В самом деле, никто не знает, как бы пошли дальше эти события, если бы не протестующие голоса в самой Прибалтике и за ее пределами. Думаю, намерения у тех, кто затеял кровавую бойню в Вильнюсе, в Риге, были вполне серьезными. Они не намеревались ограничиваться использованием военной силы в каких-то отдельных географических точках. Как показало дальнейшее, их планы простирались на всю страну.

Без сомнения, твердая и ясная позиция, занятая Ельциным в те январские дни, стала одним из главных препятствий на пути затеянной в Прибалтике репетиции грядущего августовского путча.

Катастрофа все ближе

«К просьбам об экстренной помощи, адресованным потенциальному противнику (имеются в виду просьбы Горбачева, обращенные к канцлеру ФРГ Колю. – **О.М.**), присоединяется руководство Вооруженных Сил СССР. Заместитель министра обороны В. Архипов – председателю Центральной комиссии по распределению гуманитарной помощи (вот ведь какая уже тогда была комиссия! – **О.М.**) Л. Воронину (16 января 1991 года):

«Уважаемый Лев Алексеевич! Прошу Вас передать Министерству обороны СССР 8 миллионов комплектов суточных рационов военнослужащих бундесвера (сухих пайков), поступающих из Германии в качестве гуманитарной помощи в адрес Всесоюзного объединения «Продинторг» в порты Ленинграда, Таллина и Клайпеды, для выдачи военнослужащим и членам их семей».

Из письма Министерства обороны тому же адресату, направленного три дня спустя:

«Уважаемый Лев Алексеевич! Прошу вас рассмотреть возможность из поступающей гуманитарной помощи передать Министерству обороны 7 тысяч тонн хлеба длительного хранения в жестебанках».

Вот ведь до чего уже докатились: армия-победительница, армия страны, еще недавно кичившейся, что она самая передовая, самая великая, униженно просит помочь сухими пайками и консервами армию, проигравшую в войне (ну, скажем аккуратнее – наследницу той проигравшей армии).

ГОРБАЧЕВ И БАЛТИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Разговор Горбачева с Бушем

Роль Горбачева в событиях января 1991 года сразу же оказалась в центре общего внимания, но так и осталась до конца не выясненной...

11 января, за два дня до трагедии, случившейся в Вильнюсе, состоялся телефонный разговор Горбачева с Бушем. Его запись приводится в книге бывших помощников Горбачева «Союз можно было сохранить».

Буш поинтересовался, как идут дела, что происходит в стране.

Горбачев коротко рассказал о делах, в том числе и о ситуации в «горячих точках».

– Есть у нас серьезные проблемы в Прибалтике, особенно в Литве, а также в Грузии, Нагорном Карабахе, – сказал Горбачев. – Я стремлюсь делать все, чтобы избежать крутых поворотов. Но это нелегко.

В сущности это был тот центральный пункт, ради которого Буш и позвонил Горбачеву (по-видимому, звонил именно он). Буш:

– Меня беспокоят и даже мучают ваши внутренние проблемы... Как человек посторонний, могу лишь сказать, что если вы сможете избежать применения силы, то это будет хорошо для ваших отношений с нами, да и не только с нами...

Намек вполне ясный. Горбачев:

– Именно к этому мы стремимся. И вмешаемся мы только в том случае, если прольется кровь или возникнут такие беспорядки, которые поставят под угрозу не только нашу Конституцию, но и жизни людей. Сейчас на меня и на Верховный Совет оказывается колоссальное давление в пользу введения в Литве президентского правления. Я пока держусь, но, откровенно говоря, Верховный Совет Литвы и Ландсбергис, похоже, не способны на какое-то конструктивное встречное движение... Ситуация и сегодня развивается неблагоприятно. В Литве забастовки, нарастают

трудности... Я постараюсь исчерпать все возможности политического решения, лишь в случае очень серьезной угрозы пойду на какие-то крутые шаги... Мы будем действовать ответственно, но не все зависит от нас. Сегодня там уже стреляли... Я сделаю все, чтобы развитие событий не сопровождалось крайностями. Но, естественно, если возникнет серьезная угроза, определенные шаги станут необходимыми.

Как видим, Горбачев в общем-то не обещает Бушу не применять силу. Что означает, что Москва вмешается только если будет поставлена под угрозу Конституция СССР и прольется кровь? Да в Литве эта Конституция была отменена уже 11 марта 1990 года. Что касается пролития крови, для этого вообще нет никаких препятствий: любая провокация – и вот уже кровь рекой полилась.

Она действительно полилась...

КГБ уже сообщил ему обо всем

Какова была первая реакция Горбачева на события в Вильнюсе? Из книги Андрея Грачева «Горбачев. Человек, который хотел, как лучше...»:

«Поздно вечером 13 января 1991 года (все-таки не зря у «чертовой дюжины» дурная слава) тогдашний министр внутренних дел Литвы Мисюконис дозвонился на квартиру своему бывшему коллеге – Бакатину. И сообщил, что в Вильнюсе организовано настоящее побоище с участием армейских частей и прибывшей из Москвы группы «Альфа». Спецназ при поддержке танков штурмовал вильнюсский телецентр, который защищала безоружная толпа. По сведениям министра, уже погибло больше десяти человек. Связаться с Пуго, Язовым или Крючковым невозможно, их телефоны не отвечают.

Взволнованный Бакатин бросился звонить Горбачеву на дачу. К его удивлению, тот воспринял драматические новости спокойно:

– Не нервничай, Вадим. Мне уже докладывали. Твои литовцы сильно преувеличивают. Обстановка в городе накалилась из-за стычек между отрядами рабочих с националистами. Кое-кто пострадал, но самоуправства со стороны военных допущено не будет. Я дал команду разобраться.

Экс-министр понял, что президент пересказывает ему кагэбэшную версию событий.

К утру выяснилось, что на самом деле ситуация намного хуже, чем ее изобразил руководитель всезнающего ведомства и, видимо, чем сам мог прогнозировать. В результате штурма телецентра погибло 13 мирных жителей.

Вокруг литовского парламента выросли баррикады. Никому до сих пор не известный Комитет национального спасения во главе с секретарями ЦК компартии Литвы на платформе КПСС требовал смещения В.Ландсбергиса и введения в республике прямого президентского правления. Это, по всей видимости, и было изначальной целью всего топорно сработанного сценария, в соответствии с которым «спонтанные выступления» рабочих отрядов, выступавших против сепаратистов, должны были привести к столкновению с полицией, лояльной официальным властям, что давало повод для вмешательства союзной армии и ОМОНа.

Однако ход этой спецоперации, возглавить которую из Москвы еще 10 января скрытно прибыли два генерала – Валентин Варенников и Владислав Ачалов, подтвердил, что советский КГБ образца 1991 года недалеко ушел в профессиональном отношении от американского ЦРУ, спланировавшего высадку «здоровых» антикастровских сил в заливе Кочинос в 1961 году. Во-первых, самих антисепаратистов оказалось на порядок меньше – всего несколько сот человек вместо ожидавшихся тысяч. Во-вторых... московские стратеги... не учли разницу во времени, из-за чего танки и «Альфа», предназначенные для подавления «уличных беспорядков», прибыли к месту действий на час раньше, чем они начались».

Вот так, даже разницу во времени не смогли учесть.

Был ли причастен к этому сам Горбачев?

Был ли Горбачев причастен к побоищу возле вильнюсского телецентра? Помощник Горбачева Анатолий Черняев так пишет об этом в своем дневнике (запись помечена тем же злосчастливым днем – 13 января):

«В печати, по радио у нас и на Западе гадают: с ведома Горбачева предпринята вильнюсская акция или вообще события в стране уже вышли из-под его контроля? Или

это самодеятельность литовских коммунистов и военных? Меня тоже мучают сомнения. Но подозреваю, что Горбачев втайне даже от самого себя хотел, чтобы что-то подобное случилось. Спровоцировала демонстрация рабочих перед Верховным Советом в Вильнюсе, приведшая к уходу Прунскене (напомню – премьер-министра Литвы. – **О.М.**) Однако, если бы этого не было, наверное, «пришлось бы выдумать» что-нибудь другое. Предать Бурокаявичюса и Швеца (секретари ЦК КП Литвы) для М. С., мне кажется, невыносимое дело».

Здесь надо пояснить. Как полагает Черняев, Горбачева терзают сомнения, какую занять позицию, какую дать оценку вильнюсским событиям. Признаться, что он был в курсе готовящейся военной акции (если был), он не может, – это значило бы поставить себя на грань отставки. Не может он также обвинить во всем своих вильнюсских «товарищей», руководителей компартии Литвы – «предать» их. Что остается?

По радио передают, что происходит в литовской столице. Вильнюс блокирован танками и бронетранспортерами. Штурмуют телевидение, радио, министерство финансов. В здании республиканского Верховного Совета окна заложены мешками с песком. На площади примерно сто тысяч народу.

Сообщается, что Ельцин отбыл в Таллин «для обсуждения ситуации» с лидерами Прибалтики.

Растерянность и ложь

Следующая, за 14 января, запись Черняева – яркое свидетельство растерянности союзных властей, осознания того, что в Вильнюсе союзный Центр, и лично Горбачев, потерпел позорный провал:

«Сегодня Верховный Совет начался, конечно, с Литвы. Лживые, не по существу дела, объяснения Пуго и Язова (напомню: министров внутренних дел и обороны. – **О.М.**) А после перерыва – сам Горбачев: косноязычная, с бессмысленными отступлениями речь. И нет политики. Сплошное фарисейское виляние. И нет ответа на главный вопрос, речь недостойна ни прошлого Горбачева, ни нынешнего момента, когда решается судьба всего его пятилетнего великого дела. Стыдно было все это слушать».

Безжалостно, однако, помощник президента, человек, преданный ему душой и телом, оценивает выступление своего шефа.

Смятение и среди ближайших сотрудников Горбачева. Черняев:

«Игнатенко утром заговорил со мной об отставке. Пришел Андрей Грачев с заседания Верховного Совета, попросил не утверждать его заведующим международным отделом при президенте: «Хватит с меня 1968 и 1979 годов» (то есть ввода войск в Чехословакию и Афганистан. – **О.М.**)

Непереносимо. А что я?»

У многих в тот момент возникали ассоциации с вторжением советских войск в Чехословакию и Афганистан. И с еще более ранним – в Венгрию, в 1956 году. Правда, тогда коммунистические «интернационалисты» действовали более решительно и с использованием гораздо большей военной силы. К концу восьмидесятых – началу девяностых слабеющая коммунистическая империя уже утратила былую хватку.

«Сообщение о трагедии всех застало врасплох»

14 января, выступая по поводу вильнюсских событий в союзном Верховном Совете, Горбачев действительно отделялся общими обтекаемыми фразами. Уверял, что ничего не знал о готовящейся карательной акции:

– Все мы тяжело переживаем случившееся в ночь на 13 января – резкое обострение обстановки в республике, гибель людей. Налицо резкое противостояние, по сути дела, раскол общества. В этой обстановке нужно действовать и взвешенно, и ответственно...

В беседе с журналистами в перерыве заседания Горбачев сказал, что он «не хотел вводить президентское правление и все, что с ним связано, и решил ограничиться хоть и строгим, но всего лишь предупреждением Верховному Совету Литвы... Я узнал о случившемся рано утром. Сообщение о трагедии всех застало врасплох».

Если Ачалов, Варенников действовали в Вильнюсе самовольно, по отношению к ним, наверное, должны были последовать какие-то санкции. Однако ничего такого не произошло.

Помощники подозревают Горбачева...

По некоторым признакам, у ближайших помощников Горбачева возникало подозрение, что шеф все же не так уж и непричастен к событиям в Вильнюсе. Как-то странно он себя вел в те «послевильнюские» дни. Анатолий Черняев, 15 января:

«На встречу Горбачева с Велиховым (видимо, речь идет о встрече с иностранными учеными, которую организовал академик Велихов. – **О.М.**) я не пошел. Противно было встречаться с ним. Стыдно смотреть в глаза людям. Я рассчитывал, что в такой обстановке он (Горбачев. – **О.М.**) откажется (от встречи. – **О.М.**) Материалы и речь я ему подготовил еще до событий. Но опять его «недооценил» – он пошел. Позвал с собой Яковлева, Болдина и только что утвержденного на заседании Верховного Совета (министром иностранных дел СССР. – **О.М.**) Бессмертных. И как ни в чем не бывало почти два часа рассыпался перед американцами и другими в приверженности новому мышлению. А они, как ожидалось, не задали никаких вопросов...»

Непонятно: так и ожидалось, что не зададут, или ожидалось, что зададут, но вот не задали? Вообще-то должны были задать: весь мир тогда был «поставлен на уши» Вильнюсом.

Помощники уговаривают Горбачева поехать в Вильнюс

Анатолий Черняев, 15 января:

«Приехал Игнатенко. Рассказал, что вчера вечером он, Яковлев и Примаков стали уговаривать Горбачева съездить в Вильнюс, возложить венок, выступить там на Верховном Совете, пойти в коллективы, к военным и т. д.

Горбачев это вроде воспринял, сказал: сделайте к утру тексты для выступлений там. Написали, утром положили на стол. И весь день Игнатенко ловил Горбачева, чтобы узнать, что же он решил. М. С. сделал вид, что никакого разговора с этими тремя не было. Из чего Игнатенко сделал вывод, что тот не «дезинформирован» (относительно того, что намеревались осуществить в Вильнюсе. – **О.М.**), как думают многие, а осуществляет свой план запугивания прибалтов».

Это важная догадка: Горбачев с помощью военных «ОСУЩЕСТВЛЯЕТ СВОЙ ПЛАН ЗАПУГИВАНИЯ ПРИБАЛТОВ». В этот план не посвящены даже ближайšie сотрудники президента, вообще, видимо, мало кто посвящен, но по каким-то едва заметным признакам люди начинают догадываться...

В планах и действиях Горбачева – постыдный перелом

В дневниковой записи от 15 января Анатолий Черняев приводит свое письмо Горбачеву, которое он написал в этот день утром. Письмо весьма интересное: человек, близкий к президенту, говорит ему предельно откровенно все, что он думает о нем. А мысли его – печальны. Он видит, как в Горбачеве, в его намерениях, планах, действиях происходит постыдный перелом.

Анатолий Черняев, 15 января:

«Я проснулся в пять утра и заснуть больше не мог. Обдумал свои намерения. Придя на работу, продиктовал Тамаре шесть страниц объяснений с Горбачевым, резко и откровенно, наотмашь – с выводом: «Я тоже ухожу». Вот этот текст:

«Михаил Сергеевич!

Поскольку перелом наконец действительно наступил и поскольку трудно было даже предположить, что он станет таким печальным и постыдным, никто не имеет права отмалчиваться.

С некоторых пор мы, помощники, заметили, что Вы в нас не нуждаетесь. Мы ничего не знаем ни о Ваших намерениях, ни о Ваших планах, ни о предполагаемых действиях или кандидатурах... Наше мнение Вас явно не интересует. Но это не значит, что у нас нет своего мнения обо всем этом.

Я, который искренне и верно отдавал Вашему делу все, что мог, считаю своим долгом сказать Вам следующее.

Ваша речь в Верховном Совете – это знамение конца. Это совсем не то, что ждали мир и страна. Это – не выступление великого государственного деятеля в момент, когда под вопрос поставлено все его дело. Сумбурная, косноязычная, с какими-то странными впечатлениями от встречи с Прунскене, с «фабулой» событий, о

которых весь мир знает в десять раз больше. Было полное ощущение, что Вы просто не в курсе дела или выкручиваетесь, не желая сказать, чего Вы действительно хотите добиться.

В этой речи не было главного – политики. А политика, как Вы сами нас учили, – это всегда выбор. На этот раз выбор таков: либо Вы говорите прямо, что не потерпите отпадения ни пяди Советского Союза и употребите все средства, включая танки, чтобы этого не допустить, либо Вы признаете, что произошло трагическое, не контролируемое из Центра событие, что Вы осуждаете тех, кто применил силу и погубил людей, и привлекаете их к ответственности.

В первом случае это означало бы, что Вы хороните все то, что было Вами сказано и сделано на протяжении пяти лет. Признаете, что и сами Вы, и страна оказались не готовы к революционному повороту на цивилизованный путь и что придется вести дела и обращаться с народом по-прежнему.

Во втором случае дело еще можно было бы поправить во имя продолжения перестроечного курса. Хотя что-то необратимое уже произошло. Никакие прокуроры и следователи, к каким бы выводам они ни пришли на месте, не изменят той оценки событий, которую дала международная общественность и все политические эшелоны западного мира. Не повлияют они и на наше общественное мнение, которое Вы явно недооцениваете или просто дезинформированы о его действительном содержании.

Вы, видно, не знаете отношения к Вам в народе – на улицах, в магазинах, в троллейбусах, на митингах, в коридорах и курилках. Вас заваливают телеграммами (хотя Вам по опыту прежних лет хорошо известно, как это делается) от тысяч людей. Но мнения других десятков тысяч и миллионов Вы просто «знать не хотите» – они не вписываются в Ваши намерения. Знаете ли Вы, что почти круглосуточно передают сейчас «Эхо Москвы» и даже «Маяк»? Там ведь расхожий уже термин: «Горбачев и его клика». И это на весь мир.

Вчерашняя передача Ленинградского телевидения повергла всех в ужас: гробы, трупы, рыдающие женщины, танки, вращающиеся башнями, девочка, вытаскивающая из-

под гусениц зонтик, и т. п. Это что, на политику не должно влиять? Для политики важны лишь телеграммы, лично для Вас подобранные?

Разрушается главное, что было достигнуто в ходе политики нового мышления, – доверие. Вам уже теперь не поверят, как бы Вы отныне ни поступали. Торжествуют те, кто предупреждал: все это новое мышление – лишь личина, которая в подходящий момент (или когда туго придется) будет сброшена. Представляю себе сейчас настроение Буша, Бейкера, десятков других, которые искренне доверяли Вам.

Вы дали Ельцину и К^о еще один, может быть, окончательный шанс обыграть Вас. Ведь то, что он заключил соглашение с прибалтийцами и обратился в ООН, создал «совет четырех» – с Украиной, Белоруссией и Казахстаном, – где «нет места Центру», означает, что новое государственное образование, как бы потом ни назывался Советский Союз, понесут они в мировое сообщество – в обход Вас, вопреки Вам и против Вас. Вы начали процесс возвращения страны в цивилизацию, но он уперся в Вашу же установку о «едином и неделимом». Мне и другим Вашим товарищам Вы не раз говорили, что русские никому не простят «развала империи». А вот Ельцин от имени России это нахально делает. И мало кто из русских против этого протестует. Даже «полозковники» в его собственном парламенте не осмеливаются сколько-нибудь эффективно протестовать.

В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЫ ОБРЕКЛИ СЕБЯ НА ПОЛИТИКУ, ЦЕЛИ КОТОРОЙ МОЖНО ДОСТИГНУТЬ ТОЛЬКО СИЛОЙ (выделено мной. – **О.М.**) И тем самым вошли в противоречие с провозглашенной Вами самим философией.

Вы ведь не раз публично заявляли, что, до тех пор, пока Вы на своем посту, Вы не допустите вооруженного насилия над людьми. Пусть Вы «не знали», не разрешали стрелять и давить танками в ту ночь в Вильнюсе. Но то, что произошло, – результат Вашей политики, Вашего нежелания отпустить Литву подобра-поздорову.

В Москве и в других городах, как объявлено вчера по радио, по призыву Совмина РСФСР в среду будет «предупредительная политическая забастовка». В воскресенье (то есть 20 января. – **О.М.**) – массовая манифестация во главе с Ельциным, которая завершится на Старой площади (здесь размещался ЦК КПСС. – **О.М.**) Лозунг: «Горбачева и его команду – в отставку».

Вы знаете резолюции Президиума Верховного Совета Украины, Моссовета и Ленсовета и прочее и прочее. Но что-то не слышно демонстраций в поддержку действий, осуществленных в Литве. Политику там и раньше было трудно оправдывать, а теперь – после 14 трупов и сотен искалеченных – вообще невысказано, если есть совесть.

Единственное обоснование, которое формально звучит для кого-то, впрочем очень немногих, – это что Ландсбергис и К° нарушают Конституцию СССР. Но ведь кому, как не Вам, знать, что законность бывает «всякая». И если ее требуется насаждать танками и БТР, то... это мы уже проходили. Это – не законность правового государства, которая, согласно Вашим же утверждениям, может быть результатом лишь демократического процесса.

Полтора года назад в Крыму (то есть в момент пребывания Горбачева и Чернышева в Крыму. – **О.М.**), когда прибалты выстроили тысячекилометровую живую цепь со свечами, я, если помните, сказал Вам: остановить их уход из СССР можно только танками. Вы от меня отмахнулись. Теперь мы это и наблюдаем. Спрашивается, для чего и для кого это нужно? Перестройка ведь – для человека! И если 150 тысяч или сколько их там из трех с лишним миллионов населения Литвы хотят оставаться в Советском Союзе, то это не значит, что ради них во главе со Шведом и Бурожавичюсом можно так обращаться с представителями другой части республики. Оправдания, которые вчера попытались представить Пуго и Язов, прозвучали жалко и позорно. Они дискредитируют Вас, представляют Центр в нелепом виде. Впрочем, Вы повторили их «логику». А она – как на деревенской улице: меня, мол, побили, я позову большого брата, и он вам покажет!

В государстве, которое заявило, что хочет быть и становится правовым, невозможно заменять политические и юридические оценки рассказом, как общественная организация, возмущенная радиопередачами (имеется в виду литовский Комитет общественного спасения. – **О.М.**), позвала на помощь войска и они вместе пошли на штурм телебашни. Это все равно что какая-то группа в Москве, которой не понравится «Взгляд» или «120 минут», попросила бы знакомого командира полка или дивизии выделить батальончик, чтобы осадить Останкинскую башню и выгнать

оттуда весь персонал. А если бы милиционер у входа стал стрелять, то тогда пошли бы в ход танки? Вот ведь, по существу, чего стоят объяснения, которые услышали наш парламент и весь мир.

Словом, ради сохранения Литвы в СССР Вы собственными руками губите дело, которое, как правильно Вы многократно утверждали, призвано изменить мир.

У меня такое впечатление, что Вы не читаете даже шифровок из-за границы, которые ломаются от протестов, возмущения, гнева, разочарования и угроз разорвать все намеченные связи с нами – со стороны правительств, партий, общественности. Картина (в том числе и у оград наших посольств) – какую мы уже вроде бы и позабыли со времен Сахарова в Горьком.

На этом фоне утверждение членов кабинета в Верховном Совете выглядит какой-то странной фантазмагорией: назначается правительство для непонятно какого государства. О СОЮЗНОМ ДОГОВОРЕ В ВАШЕМ ВАРИАНТЕ МОЖНО ТЕПЕРЬ ПОЗАБЫТЬ (выделено мной. – О.М.)

Я достаточно хорошо Вас знаю, Михаил Сергеевич, чтобы предвидеть, как Вы отреагируете на эту записку: мол, вот и еще один «отвалил», не выдержал. Пусть так. Но заподозрить меня на 70-м году жизни в каких-то амбициях, в тщеславных, честолюбивых соображениях Вам будет очень трудно. Вы ведь меня тоже немножко узнали, хотя и не очень-то интересовались мной. Я под себя не греб и ничего лично для себя не искал. Смысл этого моего послания состоит вот в чем: я верой и правдой служил «тому» Горбачеву – великому новатору и автору перестройки. А сейчас я его не узнаю и не понимаю.

Я тяжело пережил Прагу. Осуждал в душе, среди своих друзей и перед дочерью – тогда еще школьницей. Сказал ей: «Запомни: великая страна покрыла себя позором, и не будет нам прощения». Я не скрывал в кругу сотрудников Международного отдела ЦК своего крайнего возмущения вторжением в Афганистан. Хотя моральную ответственность за политику, которая вела к тем интервенциям, я нес лишь в той мере, в какой можно ее возложить на, в общем-то, рядового аппаратчика. Но к политике последних пяти лет я имел прямое отношение. Это была политика, которая исключала повторение чего-либо подобного 1968 и 1979 годов. Оказывается, нет. И

иметь прикосновение к политике, которая несет в себе возможность измены самой своей сути, я не могу.

Михаил Сергеевич! С тех пор как я оказался «при Вас», мне никогда не приходило в голову, что мне опять, как при Брежнев и Черненко, придется испытать мучительный стыд за политику советского руководства. Увы! Это произошло...

С уважением А. Черняев».

Письмо написано, но не отправлено

Это, конечно, выдающийся документ, показывающий, что и среди коммунистических аппаратчиков высокого ранга были порядочные, совестливые люди. Мало кто из них отваживался публично высказывать свои взгляды на политику советского руководства, но отрадно, конечно, уже то, что они эти взгляды – часто разумные и честные – исповедовали.

Секретарь сначала отказывалась стенографировать текст Анатолия Черняева, а потом, отпечатав, спрятала его в свой сейф. Стала увещевать автора: «Вы наносите ему (то есть Горбачеву. – О.М.) удар и с этой стороны. А он к вам так относится!»

Коллеги, которые узнали о письме, также советовали Черняеву не торопиться.

В конце концов, поостыв, он «заколебался в своей решимости «сделать Горбачеву ручкой».

Письмо так и осталось не переданным адресату. Может быть, напрасно Черняев его не передал. Может быть, «сделать ручкой» Горбачеву было и не обязательно (это уж как сам Горбачев решит, – увольнять своего помощника или не увольнять), но оно вполне могло как-то воздействовать на президента. Не исключено, прочитав его, он захотел бы как-то скорректировать свои действия, в том числе и в отношении Прибалтики.

Горбачев хочет ввести цензуру

В действительности, однако, никакой корректировки не произошло. Напротив, чтобы погасить волну возмущения событиями в Прибалтике, Горбачев решил ограничить

гласность – ту самую гласность, которая стала одним из главных символов перестройки. Анатолий Черняев, 16 января:

«Сегодня последний день сессии Верховного Совета. У Горбачева была последняя возможность «управиться» с Литвой, а значит, и со своим имиджем как лидера перестройки. Он даже поручил утром Примакову набросать текст. Женя с Игнатенко набросали, разумеется, в осуждение происшедшего. Но М. С. не воспользовался. И после отчета Дементя (председатель Верховного Совета Белоруссии. – **О.М.**), который возглавлял делегацию Верховного Совета (Олейник и Тер-Петросян) [ездившую] в Литву (отчет их пустой, формальный), и после «развернувшейся дискуссии» предложил... приостановить действие закона о печати и ввести в каждый орган цензора из состава Верховного Совета. Поднялся шум. М. С. не стал настаивать. Но замысел свой обозначил. ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО ОН НА СТОРОНЕ ТЕХ, КТО УБИВАЛ В ВИЛЬНЮСЕ, – ЕСТЬ ЧТО СКРЫВАТЬ, НЕ ПОКАЗЫВАТЬ (выделено мной. – **О.М.**)»

Хотя предложение о цензуре и не прошло, – не те уже были времена, – это предложение все же упало на благодатную почву: Верховный Совет постановил показать по телевидению «черносотенную», по словам Черняева, передачу «железного Шурика» – Невзорова о подвигах омоновцев в Вильнюсе и одновременно не показывать другие «зарисовки», сделанные в литовской столице, в том числе иностранные.

Это ли не цензура?

«Любой ценой удержаться у власти»

В тот же день, 16 января, Черняев делает еще одну интересную запись: в разговоре со своей дочерью он «вкратце излагает ей свое видение Горбачева: в нем действует уже одна логика – удержаться у власти любой ценой». По словам Черняева, «его новое выступление против Ландсбергиса и по поводу пресс-конференции Ельцина (надо полагать, таллинской или московской, скорее – московской, 14 января. – **О.М.**), как и предыдущее в Верховном Совете, – сумбурное, не по делу, мелочное и «личностное», совсем не на уровне момента».

А ведь стремление любой ценой удержаться у власти – это как раз то обвинение, которое Горбачев и его окружение много раз в разговорах между собой, да и не только между собой, предъявляли своему вечному оппоненту Ельцину.

Снова – Политбюро?

В эти дни, – правда, по другому поводу, не по поводу Литвы, – Горбачев вспомнил и о Политбюро, призвал его держать совет относительно начавшейся войны в Йемене и Ираке, введению американских войск в эти страны.

Анатолий Черняев, 17 января:

«Началась война в Персидском заливе (сухопутный вариант). Я в этом не сомневался. Меня разбудили в 4 утра. Поехал в Кремль. Зашел к Примакову – там Дзасохов и Фалин. Начали сочинять заявление Горбачева.

Часов в 7 в Ореховой комнате М. С. собрал – у меня «челюсть отвисла», когда я вошел, – членов Политбюро, секретарей ЦК... Все возвращается на круги своя, подумал я, это симптом. Был, конечно, и Язов, который, разложив карту на столе, показывал, что и как, по его мнению, будет (кстати, угадал точно).

Знали бы американцы... Ночь. Чрезвычайная ситуация... Собрались дилетанты в вопросе, который предстояло обсуждать...

Вот в какой компании М. С. решал вопрос в связи с событием, последствия которого, с точки зрения перегруппировки всех мировых сил, состояния противоречий и факторов, могут превзойти результаты мировой войны.

Не знаю, соврал Игнатенко или правда – он сидел рядом с одним из секретарей ЦК, – когда по ходу разговора было упомянуто о кораблях, тот наклонился и спросил у него: «А при чем тут суда? Разве там море близко?»

Ну да, как говорила госпожа Простакова из фонвизинского «Недоросля», защищая своего непутевого Митрофанушку: для чего ему «еоргафию» знать – «извозчики-то на что ж»?

Как видим, «недоросли» оставались еще и в «перестроечном» Политбюро.

Весть о том, что к рулю управления государством, его внешней политикой Горбачев снова собирается поставить ветхозаветный советский коммунистический орган

– Политбюро (хотя 6-я статья Конституции вроде бы уже почти год как была отменена), без сомнения, не могло не вскипятить Ельцина, не усилить его протестное по отношению к Горбачеву настроение.

«Не мог же я осудить военных!»

17 января Горбачев наконец разъяснил Черняеву – не до конца, наверное, но все же – свою позицию по Литве. Как пишет Черняев, «Я понял: дошло до него о моих разговорах и намерениях».

«Горбачев заговорил вроде сожалея, что все так случилось. Мол, такое противостояние, такой раскол, такая вражда в обществе, стенка на стенку пошли. Я ему говорю: «Ну и пусть дрались бы между собой даже до смерти. Но зачем танки-то? Ведь это гибель для вашего дела. Неужели Литва стоит таких свеч?!» – «Ты не понимаешь, – произнес Горбачев. – Армия. Не мог я вот так прямо отмежеваться и осудить, после того как они там в Литве столько поиздевались над военными, над их семьями в гарнизонах».

Такое вот объяснение... А мы ведь помним прежнюю догадку Черняева: Горбачев с помощью военных «осуществляет свой план запугивания прибалтов».

Репутации Горбачева нанесен непоправимый ущерб

Как уже говорилось, 20 января в Москве состоялась массовая манифестация протеста против действий союзных властей в Прибалтике. В сущности – против действий Горбачева, хотя формально он и остался как бы в стороне от них.

«Репутации Горбачева в ночь с 12 на 13 января нанесен непоправимый ущерб, – писала «Независимая газета». – Когда кровавые эксцессы происходили в прошлом, президент имел более или менее прочное алиби. Событиям в Тбилиси предшествовала зарубежная поездка. Событиям в Баку – погромы. Трагедия в Литве была отрежиссирована в присутствии Горбачева в стране и без какого-то прямого повода. Пожалуй, именно поэтому манифестация москвичей... (20 января. – **О.М.**) БЫЛА ПЕРВОЙ МАССОВОЙ АНТИГОРБАЧЕВСКОЙ АКЦИЕЙ (выделено мной. – **О.М.**)

Горбачева любили и ненавидели, восхваляли и критиковали. Но его никогда не боялись. Страх при этом имени пришел к людям впервые».

«Первая массовая антигорбачевская манифестация (она собрала, по разным оценкам от двухсот до пятисот тысяч человек) – так единодушно, почти слово в слово, аттестовали акцию, прошедшую 20 января, разные газеты. «Коммерсант-weekly»:

«Это была первая откровенно антигорбачевская манифестация такой численности, ставшая пиком волны протестов, прокатившихся по всей стране. Запад, заморозив решения о кредитах и финансовой помощи на общую сумму 16 миллиардов долларов, недвусмысленно дал понять, что несколько разочаровался в образе «улыбчивого Горби».

Горбачев «молчит и отсиживается»

Как мы знаем, через неделю после Вильнюса по-настоящему полыхнуло в Риге. Анатолий Черняев, 21 января:

«Ночью меня разбудил Бишер (зам. председателя правительства Латвии). В паническом тоне сообщил, что омоновцы атаковали здание МВД в Риге, четверо убитых, восемь раненых. Что я мог ответить? Утром я написал об этом Горбачеву. Ответа не получил. И вообще достать его было невозможно. Он весь день совещался то с Рюйтелем (председателем парламента Эстонии. – **О.М.**) (чтобы в Эстонии не произошло того же, что в Вильнюсе и в Риге), то возлагал венки Ленину, то опять и опять закрывался с Пуго, Язовым, Крючковым и т. п. Вместо того чтобы выйти на трибуну и изложить свою позицию – позицию руководителя великой державы.

Российский парламент. Чрезвычайная сессия. Ельцин – с докладом о ситуации в стране, в общем «взвешенном», как теперь принято говорить, без прямых оскорблений в адрес Горбачева и без призывов его свергнуть (как это он сделал вчера на Манежной площади перед... тысячами людей). Впрочем, тем опаснее для М. С.

(Здесь стоит уточнить. Во-первых, как уже говорилось, «вчера», то есть 20 января, Ельцина на Манежной не было, его обращение зачитал Бурбулис. Во-вторых, в этом обращении, хотя оно и было довольно резким, не содержалось призывов свергнуть Горбачева. – **О.М.**)

Наши попытки (Примакова, Игнатенко и мои) выйти на Горбачева и всерьез поговорить ни к чему не привели. Средства массовой информации уже выдают официальную версию: в Риге был бытовой конфликт: изнасиловали женщину-омоновку, терпение у людей лопнуло и т. п. Словом, переводят на кухонный уровень. В то время как политическое значение – в реакции мира на эту бытовуху.

По радио идет передача о заседании российского парламента. Много говорят и дельного, но почти каждый кроет Горбачева и метит в самые больные места. В том числе: мол, вот Ельцин, как только произошли в Вильнюсе события, сразу поехал на место... В отличие от Горбачева, который молчит и отсиживается».

Ельцин «сбавляет тон»

Мы видели: Черняев оценил выступление Ельцина на открытии чрезвычайной сессии Верховного Совета России 21 января как более «взвешенное», нежели его обращение, накануне зачитанное Бурбулисом на митинге. В общем-то, оно и понятно, по-другому не бывает: одно дело митинговое выступление и другое – речь в парламенте. Это разные жанры. Но даже с учетом различия в жанрах многие, даже противники Ельцина, заметили, что его речь в Верховном Совете была как бы примирительной, призывающей к совместному с Центром поиску выхода из тяжелой ситуации.

– Особым направлением в работе предстоящей сессии, – сказал Ельцин, – будет выработка точной политической линии во взаимоотношении России и Центра в новых условиях. Наша главная задача в этом вопросе – задержать, остановить сползание союзного руководства к реакции, ни в коем случае не дать Центру отойти от уже достигнутых договоренностей. Недопустимо, чтобы силовые методы в решении проблем вошли в повседневную практику. Тактика диалога себя еще не исчерпала.

То есть не «Долой Горбачева!», а «будем продолжать диалог с ним, искать компромисс».

Тот же самый мотив – еще не все потеряно, мосты не сожжены – и в конце ельцинского выступления:

– Считаю, что реакционный переворот, совершенный сегодня (то есть переход Центра к «силовым» методам, прежде всего в Прибалтике. – **О.М.**) , не достиг необратимой стадии. Убежден, что это стратегическая ошибка в политике Центра может и должна быть исправлена. Это во многом зависит от нас, уважаемые народные депутаты. В нынешней критической обстановке самое неправильное – впадать в уныние и панику.

Короче говоря, «точка невозврата» в отношениях с Центром, как полагает Ельцин, еще не пройдена, усилиями России, российской власти Горбачева можно «образумить» и вернуть на мирный, демократический путь.

Правда, уже через короткий срок Ельцин отойдет от этой миролюбивой риторики, вновь, с удвоенной силой, обрушится на своего постоянного соперника – союзного президента. И такой переход – от перемирия снова к войне – вновь у многих вызовет недоумение.

«Я так и не смог прояснить для себя до конца, что заставило Б.Н.Ельцина буквально в считанные дни круто изменить свою позицию, – пишет в своих воспоминаниях бывший председатель Совета Республики российского парламента Владимир Исаков. – Получил новую информацию? Переосмыслил факты? А может быть, все было проще: наиболее радикальные сторонники Ельцина склонили его воспользоваться стратегической ошибкой Центра и перейти в «решительное наступление»?

Под «стратегической ошибкой Центра», видимо, имелась в виду затеянная в ту пору премьер-министром Павловым (он только что, 14 января, сменил Рыжкова на посту главы союзного правительства) безумная денежная реформа – изъятие из обращения за кратчайший срок, с 23 по 25 января, 50- и 100-рублевых денежных купюр, в результате чего многие люди просто-напросто лишились денег. Их естественное возмущение такой «реформой», как полагает Исаков, и поспешил использовать Ельцин по подсказке своих советников.

Горбачев наконец согласился сказать внятное слово

Время идет, но стране в общем-то так и неизвестно, что думает о прибалтийских событиях ее президент, что он намерен в связи с ними предпринять. Он молчит.

Анатолий Черняев, 22 января:

«Продолжали (я, Примаков и Игнатенко) уламывать Горбачева выступить по Литве и Латвии в Верховном Совете. Вчера вечером он согласился только на то, чтобы мы к нему явились в 10 утра. Явились. Он сразу же обрушился за вчерашнее на российский парламент. Потом стал рассказывать, как он улаживал дело с Рюйтелем, а сейчас ждет Горбунова и Рубикса.

Согласился, чтобы мы сочинили проект его выступления по Литве. Дал мне вариант, подготовленный Шахназаровым (значит, еще вчера подумал об этом). За полчаса я, вернувшись к себе, сделал текст на пяти страницах. Кое-что взял у Шахназарова...

Примаков, Шахназаров, Игнатенко и я сели за текст выступления по Литве. Горбачев стал передиктовывать по моему варианту. Выбросил кое-что «самое интересное», в том числе одобрение воскресных митингов как выражение живой демократии. Но осталось главное: события в Риге и Вильнюсе – это не его, Горбачева, политика. Это спонтанные вещи, результат кризиса и нарушения законов самими властями. Отмежевался. Выразил соболезнование. Осудил апелляцию к армии в политической борьбе, использование войск без приказа.

Словом, все, что нужно было сказать неделю назад. Тогда, может быть, не было бы ни событий в Риге, ни митингов в Москве, ни проклятий, ни бегства от него интеллигенции, ни беспокойства на Западе с угрозой отказаться нас поддерживать.

Но М. С. в своем репертуаре – всегда опаздывать».

О том, что Горбачев «всегда опаздывает», не однажды говорил и Ельцин.

Президент ни за тех, ни за этих

Итак, 22 января, спустя почти десять дней после трагических событий в Вильнюсе, Горбачев наконец, после упорных напоминаний и призывов своих

помощников, решился на «прямой и откровенный» публичный разговор по их поводу. В заявлении, с которым он выступил вечером в этот день в пресс-центре МИДа перед иностранными журналистами (выступление транслировалось по телевидению), говорилось, что события, которые произошли в Вильнюсе и Риге, «ни в коем случае не являются выражением линии президентской власти». Ни внутренняя, ни внешняя политика президента «не претерпела изменений». Это, как надо было понимать, – по поводу действий военных.

Источник «случившейся трагедии», по словам Горбачева, не «какие-то мифические приказы сверху», а «противозаконные акты, попрание самой Конституции, пренебрежение указами президента, грубое нарушение гражданских прав, дискриминация людей иной национальности, безответственное поведение по отношению к армии, военнослужащим и их семьям».

Соответственно, чтобы устранить этот источник, «должны быть отменены антиконституционные законы Верховных Советов и постановления правительств республик...» Но, странным образом – «...прежде всего те, которые нарушают права человека». Причем здесь права человека? Надо полагать, подразумеваются, в первую очередь, декларации о независимости, о выходе из Союза. Как говорится, – тень на плетень.

Следующий пункт – об этих самых «комитетах национального (или общественного) спасения»: «Любые общественные организации, комитеты и фронты, с какими бы программами они им выступали, могут претендовать на приход к власти лишь конституционным путем, без применения насилия. Всякие попытки апеллировать к Вооруженным Силам в политической борьбе недопустимы. Недопустимы никакие самовольные действия со стороны войск».

Стало быть, попытки этих самых «комитетов нацспасения» захватить власть, привлекая на помощь армию, – незаконны. Здесь же и намек, что войска в Прибалтике действовали – самовольно. Хотя, если самовольно, кто-то, наверное, должен быть наказан за самоволие (понятное дело, – не солдаты и не простые офицеры)? Но нет, об этом ни слова. Никто и не был наказан. Мы ведь помним горбачевские слова, сказанные Черняеву: «Не мог же я осудить военных!» Прямо не мог, разве что вот так – вскользь.

Да и не военные были виноваты, чего уж тут? Опять словесные кружева, вокруг да около.

Еще Горбачев представил дело так, будто военных, их семьи в Прибалтике жутко обижали, так что отчасти их действия – как бы ответ на такое «позорное отношение». «В соответствии с существующими на сегодняшний день союзными законами, – говорилось в заявлении, – войска находятся там, где это диктуется требованиями обороны и безопасности страны». Горбачеву будто неизвестно, что карательные функции были возложены не на те войска, которые там постоянно дислоцированы в соответствии с «требованиями обороны и безопасности страны», а на специально введенные туда подразделения. К тому же никакой охоты мстить за будто бы «позорное отношение» к себе со стороны местных жителей и властей, как мы видели, ни солдаты, ни офицеры не проявляли. Особую агрессивную прыть тут демонстрировал лишь ОМОН.

Наконец о праве республик выйти из Союза. Есть у каждой из них такое право, установленное Конституцией, подтверждает президент. Но – «мы не можем позволить ни стихии в этом деле, ни произвола – даже со стороны избранных органов». Понятно: «стихийно», «произвольно» покинуть Союз нельзя, – только через преодоление практически непреодолимого законодательного крючкотворства, воздвигнутого Центром на этом пути.

Не мог, конечно, Горбачев обойти и Ельцина: «События в Прибалтике спекулятивно используются как повод для постановки вопроса о расчленении наших Вооруженных Сил, создания армий республик. Такие безответственные заявления чреваты серьезными опасностями, особенно если они исходят от руководства РСФСР. Думаю, каждый разумный человек понимает, чем это могло бы обернуться для нашей страны и всего мира».

Между тем до «расчленения наших Вооруженных Сил, создания армий республик» оставалось не так уж много времени – примерно год.

Катастрофа все ближе

«Один из [будущих] организаторов ГКЧП, руководитель советского военно-промышленного комплекса Бакланов 28 января 1991 года пишет Горбачеву:

«Состояние народного хозяйства в настоящее время оценивается как кризисное... По оценке Госснаба СССР, в 1991 году в стране фактически недостает сырьевых ресурсов для нормального функционирования народного хозяйства примерно на 9 миллиардов рублей, которые (имеется в виду – сырьевые ресурсы. – **О.М**) в основном закупались за рубежом... Положение с закупками ресурсов осложняется значительной валютной задолженностью страны инофирмам за поставленное сырье, материалы, продовольственные и промышленные товары в 1990 году... В первом квартале с.г. ожидается массовая остановка цехов, производств и предприятий. Только в легкой промышленности может остановиться почти треть из имеющихся фабрик, без работы окажутся около одного миллиона человек. Обостряется ситуация в связи с возможной остановкой в ближайшее время производства на объединениях ЗИЛ, «Ростсельмаш», Черновицком резино-обувном заводе, Чебоксарских заводах «Контур» и электроламповом, Алтайском тракторном заводе, Восточном горнообогатительном комбинате Днепропетровской области, Московском заводе «Станколит» и многих других предприятиях».

РАЗГОВОР С БУДУЩИМ ГЛАВНЫМ ГЭКАЧЕПИСТОМ

Аппарат КГБ отвечает на мои вопросы

Время от времени в моей журналистской работе встречаются такие трудоемкие, протяженные во времени и обставленные всякими невероятными обстоятельствами интервью (казалось бы, легчайший журналистский жанр!), что о каждом можно было бы написать роман. Где-то в середине февраля 1990-го с просьбой об интервью я обратился к председателю КГБ Крючкову. Получил его согласие. Написал вопросы. Передал их на Лубянку 13 апреля. Принял же он меня... в начале января 1991-го. Между этими февралём и январём чего только не происходило – разговоры, уговоры, переговоры...

Вопросов получилось много, поэтому я написал в «сопроводилровке», что не обязательно отвечать на все – наиболее трудные можно опустить. Однако помощник Крючкова Сергей Дьяков заверил меня, что КГБ не боится трудных вопросов и ответы будут даны по каждому из них. Он объяснил мне, что сначала будет подготовлен предварительный вариант ответов, после чего председатель примет меня для личной беседы. По словам Дьякова, поскольку вопросы разноплановые, они переданы «для предварительной разработки» в различные подразделения Комитета. Что ж, так нередко делается, когда берешь интервью у больших начальников.

Время шло, а конца этой работе не было видно. Не счесть, сколько раз я разговаривал с различными сотрудниками лубянского аппарата (один уходил в отпуск или уезжал в командировку и «контроль» за этим «вопросом» переходил к другому).

Как мне стало известно, первый вариант ответов попал на стол Крючкову в начале мая, но наступил октябрь, а до меня он так и не добрался. Бывали моменты, когда, по словам сотрудников готовый текст вот-вот должен был появиться у меня, но потом по какой-то причине все куда-то проваливалось. «Что мы можем сделать! – говорили сотрудники. – Мы свою задачу выполнили, теперь все зависит от председателя». Говорили также, что председатель крайне занят и у него руки не доходят до этого дела.

В большой занятости Крючкова я нисколько не сомневался (а сегодня знаем еще больше: время для КГБ было очень даже нелегкое), вряд ли, однако, это была истинная причина задержки с ответами: за минувшие месяцы Крючков неоднократно отвечал на вопросы других журналистов. По-видимому, дело было в другом: время от времени в том печатном органе, в котором я работал («Литературной газете») появлялись какие-то статьи или заметки, вызывавшие негативную реакцию Крючкова; либо такую же реакцию вызывали мои собственные публикации в том или ином издании, попадавшие ему на глаза...

Отчаявшись добиться встречи, я в конце октября напечатал открытое письмо Крючкову в рижской «Независимой балтийской газете». Почему именно в ней? Печатать его в «Литературной газете» тогда не захотели. Но на этом издании свет клином не сошелся. В ту пору новые газеты, журналы благодаря открытому Горбачевым шлюзу стали появляться, как грибы после дождя. Одну из таких газет – эту самую «Независимую балтийскую» – основала моя коллега по «Литгазете» наша рижская корреспондентка Таня Фаст. В поиске материалов, естественно, регулярно обращалась к своим друзьям, литгазетовцам. Кое-что давал ей и я. Среди других текстов предложил вот это открытое письмо Крючкову.

Печатая этот материал именно в прибалтийском издании, я ничего особенного не замыслил – выбрал его, повторяю, совершенно случайно. Однако у Крючкова – а ему, естественно, сразу же доложили о публикации, – это обстоятельство, по-видимому, вызвало подозрения. Какие именно, я понял лишь потом, после вильнюсских и рижских событий. Тогда они готовились, и, как я понимаю, меня заподозрили в каких-то связях с литовскими или латвийскими «сепаратистами». Я сразу ощутил пристальное внимание к своей персоне: ко мне присматривались, меня проверяли.

Впрочем, публикация возымела действие: 2 ноября вечером Крючков позвонил мне домой, извинялся, что до сих пор меня не принял, сетовал на занятость, обещал вскорости найти время для беседы.

Прошло, однако, еще два месяца, прежде чем нашел. Случилось это, стало быть, 2 января. Если помните, как раз в этот день в Риге омовцы захватили Дом печати...

Чаепитие на Лубянке

Кабинет Крючкова располагался вовсе не там, где его помещало воображение большинства трудящихся, – не в огромном зловещем здании бывшего страхового общества, спиной к которому (и немного боком) бессменно дежурил на страже тоталитарного коммунистического режима «Железный Феликс». Кабинет помещался в одном из зданий неподалеку, на Кузнецком мосту.

Возле подъезда без всякой вывески, когда я к нему подошел, стоял какой-то прохожий. Я хотел спросить его, это ли нужный мне подъезд номер один, но передумал: прохожий был вроде бы даже и не прохожим, а приезжим – с любопытством рассматривал здания и витрины напротив. Однако лишь только я направился к дверям, «прохожий-приезжий» отвлекся от рассматривания витрин и неожиданно осведомился, как моя фамилия. Я ответил. Это и было паролем, открывшим мне доступ в искомый подъезд.

В кабинете Крючкова сели с краю длинного стола для заседаний: с одной стороны – я, с другой – хозяин кабинета и его помощник уже упомянутый Сергей Дьяков. Спецбуфетчица принесла по чашке хорошо заваренного чая с печеньем. Этот чай вспоминался мне после, когда я прочел в газетах, что гэкачеписты, сидя в лефортовском СИЗО, страдают от плохого питания и особенно от тамошнего напитка, называемого чаем.

Проговорили мы вольготно – три часа. С прибалтийские делами, видно, все уже было ясно, московская фаза их подготовки была закончена, и Крючков никуда не торопился, расслабился. Неспешно, обстоятельно отвечал на мои вопросы, сам о многом расспрашивал.

«Не надо нас бояться»

Начали мы, как водится, с легкой разминки. Я спросил, хорошо ли технически оснащен КГБ. Крючков стал жаловаться: дескать, оснащенность оставляет желать лучшего, в этом отношении КГБ отстает от спецслужб развитых капстран.

– За какое время, – интересуюсь, – вы могли бы получить нужное вам досье, которое хранится у вас где-нибудь в архиве?

Крючков объяснил мне популярно, что каких-то тотальных досье они не ведут. Это, дескать, распространенное заблуждение. У них есть оперативные дела на подозреваемых в преступлении.

– Поэтому если бы у меня спросили досье на какого-то человека...

– Вот, допустим, на меня... – подхватился я.

– Да нет у нас никакого досье на вас! – с досадой воскликнул Крючков. – Это даже смешно. Или вы считаете, что мы «незаслуженно» обошли вас своим вниманием?

Никаких особых «заслуг» перед КГБ я за собой не числил. Тоннеля из Бомбея в Лондон не рыл. Ничего против членов будущей хунты не замышлял. Однако, как я уже сказал, после публикации моего открытого письма Крючкову ко мне было проявлено определенное внимание.

На близкий вопрос, продолжается ли прежняя практика прослушивания телефонных разговоров, перлюстрация почты, Крючков ответил казенно: дескать, все честные люди могут спать спокойно – специальные методы и средства наблюдения используются лишь по отношению к подозреваемым в преступлениях.

Что ж, Ельцин, стало быть, нечестный? Подозреваемый? Как выяснилось после путча, с 1989 года, а может быть, и с более ранних сроков, за ним непрерывно велась слежка – и снаружи, и внутри зданий. Прослушивались все телефоны. Даже и после того, как он стал российским президентом. Прослушивались разговоры членов его семьи. Собрались целые тома бумаги, пленок, донесений... Причем все это делалось по прямому указанию Крюčkова.

Что касается простых смертных, тут, конечно, и вовсе не было никаких препон для подслушивания, подсматривания.

Подозрительный журналист

Возвращаясь к утверждению Крюčkова, что у них нет никакого досье на меня... Вскоре после публикации моего открытого письма председателю КГБ ко мне в редакцию наведалься сотрудник Комитета, этакий простецкий довольно молодой человек. Наведалься неофициально. Просто пришел познакомиться – мол, так и так, его привлекли к подготовке ответов на мои вопросы, вот он и пришел познакомиться, предварительно

поговорить. Проговорили мы часа полтора. О том, о сем. О том, что происходит в мире, в стране. О том, почему я поместил открытое письмо именно в рижской газете. Ничего подозрительного во мне, как я понимаю, мой собеседник не обнаружил.

Еще позже, уже после публикации моего интервью с Крючковым, я случайно обнаружил, что прослушивается мой домашний телефон (впрочем, служебный, наверное, тоже прослушивался). Была даже вероятность, что в мое отсутствие вскрывали мою квартиру, чтобы установить что-то такое подслушивающее (впрочем, может быть, и не вскрывали – я не специалист в этих делах). Не исключено, желали узнать, не веду ли я каких-либо разговоров с Ландсбергисом или с кем-либо еще из балтийских смутьянов. Ну, и вообще опять-таки хотели, видимо, со мной «поближе познакомиться»...

Так что своим вниманием они меня не обошли – тут Крючков лукавил. Я уж не говорю о том, что интерес КГБ – ФСБ к моей скромной персоне, без сомнения, не однажды проявлялся и до, и после той истории с крючковским интервью, поэтому, подозреваю, – и не раз в этом убеждался, – достаточно солидное досье на меня все-таки имеется, причем не думаю, чтобы очень благоприятное для меня.

«Я не вижу угрозы заговора»

Пора, однако, было переходить к делу – к разговору о возможном мятеже (тогда это более всего меня, как и многих других, интересовало). Я прочел Крючкову загодя припасенный вопрос:

«Многие, особенно в среде интеллигенции, живут в опасении заговора и переворота, нацеленного против демократии. Насколько велика такая опасность? Возможен ли, на ваш взгляд, заговор-сговор против Горбачева, наподобие того, какой был организован в октябре 1964-го против Хрущева и в котором, как известно, активную роль сыграл ваш предшественник на посту председателя КГБ Семичастный?»

Вопрос этот в числе прочих был написан, как уже говорилось, в феврале 1990 года. Предоставляю читателю оценить, насколько точным было мое полутораговое предвидение августовского путча 1991 года. Правда, сам я ни в какую заслугу это себе не ставлю: сценарий будущего мятежа был давно ясен всем, мало-мальски интересующимся

политикой. Кроме разве что самого Горбачева (если, конечно, предположить, что он действительно не догадывался о зреющем заговоре).

Крючкова я стал расспрашивать насчет заговора не потому, конечно, что ожидал откровенных признаний, что и где готовится, а в расчете, что сам характер ответов может что-то подсказать. Крючков, однако, не мудрствуя лукаво, и здесь отделялся бесхитростным отнекиванием: ничего не знаю, нигде ничего не готовится; если бы где-нибудь что-нибудь затевалось, нам это уже стало бы известно, – ведь зарплату мы все-таки не зря получаем...

Между тем, как было сказано, уже в этот день начались события в Риге, а через десять дней должны были произойти вильнюсские события, и все, повторяю, видимо, было на мази.

Я попросил моего собеседника прокомментировать всполошившее всех заявление Эдуарда Шеварднадзе о том, что страна идет к диктатуре, – заявление, после которого он «в знак протеста» против этой самой «надвигающейся диктатуры» подал в отставку с поста министра иностранных дел. Разумеется, Крючков и его соратники по будущему ГКЧП в ту пору уже вынашивали планы заговора – возможно, его и имел в виду Шеварднадзе, – но не будет же глава госбезопасности рассказывать об этих планах журналисту.

– Я не вижу сейчас реальной угрозы того, чтобы кто-то попытался установить диктатуру, – снова был ответ. – Если бы мы узнали, мы немедленно выступили против этого. Думается в этом и заключается задача органов госбезопасности.

Эти слова Крючкова вспоминались мне в дни августовского мятежа, одним из главных закопёрщиков которого Крючков и стал.

Какие ценности он защищал

Какое-то время я еще продолжал расспрашивать Крючкова о возможном заговоре, но он твердо стоял на своем: никакой информации о таком заговоре у него нет.

– Другое дело, – сказал Крючков, – что на собраниях и митингах того или иного политического толка время от времени раздаются голоса с резкой критикой социализма и восхвалением капиталистического пути развития, с требованием сменить форму

правления и даже режим. Но ведь это слова, а закон наш предусматривает ответственность ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ, направленные на свержение существующего строя, либо за публичные призывы к таким действиям.

Вот здесь при желании уже можно было услышать, на защиту каких ценностей ориентирован КГБ (странно было бы, если бы он ориентировался на что-то другое). В стране уже вовсю шла дискуссия по поводу того, следует ли упорно держаться за «социализм» или же пора отбросить этот обветшалый жупел и взяться за построение демократического общества с рыночной экономикой, этого самого «капитализма». Против таких перемен и выступил через несколько месяцев ГКЧП.

Крючкова беспокоит, что в стране появилась возможность обогащаться, «не затрачивая при этом соответствующего личного труда», появились первые миллионеры... «У нас в стране нехватка продуктов питания, но если бы мы добились нормального их распределения, мы прожили бы более или менее сносно».

Опять это «нормальное распределение»! Нет элементарного понимания: ничего «распределять» не надо, ничего никогда «нормально» распределять вы не сумеете – организуйте нормальный рынок и он сам все нормально распределит.

Я продолжал допытываться: вы уверяете, что не было попыток переворота – а как же сентябрьское, прошлого года, подтягивание войск к Москве? По словам Крючкова, это все были несерьезные разговоры. В действительности речь шла о подготовке к 7 ноября (как мы знаем, прежде всё объяснялось еще и тем, что войска с полным боекомплектом перебрасывались на уборку урожая).

«Он всегда был всего лишь помощником»

Забавно, что тот же самый вопрос – насчет возможности заговора-сговора, причем с участием КГБ, самого его председателя, – на полгода раньше, в августе 1990-го, я задал бывшему подчиненному Крючкова генерал-майору госбезопасности в отставке Олегу Калугину (как я уже сказал, Крючков долго меня не принимал). Калугин усомнился, что его бывший шеф окажется настолько храбр, что ввяжется в такую авантюру.

– Теоретически заговор с участием КГБ возможен, – сказал мой собеседник. – Но практически, зная нынешнее руководство Комитета, в частности, Крючкова, я оцениваю такую возможность как не очень большую. По своему характеру Крючков – это, если так можно выразиться, помощник. Он всю жизнь был помощником кого-либо. Прежде всего – Андропова. Будучи начальником канцелярии КГБ, он в основном имел дело с бумагами, решений не принимал. Потом он стал начальником разведки. И его считали помощником председателя по разведке: самостоятельные решения от него опять-таки не исходили. Помнится, приходишь к нему с каким-то делом. Он тут же хватается за трубку прямой связи с Андроповым: «Юрий Владимирович, вот такая ситуация... Как вы думаете? Что нам делать?» Андропов объясняет ему, что делать, а он со спокойной душой передает это мне. Вот такой стиль, такая психология, которые сохранились у него и на председательском посту. Он будет с сильным человеком, с тем, у кого реальная власть. Сегодня он может быть с Горбачевым, завтра – с другим, если почувствует, что этот другой сильнее.

Так за кем же Крючков в августе 1991 года почувствовал силу более сильную, чем за Горбачевым? За Лукьяновым? За Баклановым? За кем-то еще?

Или, может, он напоследок решил задавить в себе комплекс неполноценности, которым всю жизнь страдал, и принять в конце концов самостоятельное решение? Ельцин считал, что «одним из самых главных» в заговоре был именно Крючков. Горбачев полагал, что он вообще был главным.

Зачем они это затеяли

Спрашивается, зачем они это все затеяли? В дальнейшем выяснилось – среди прочих причин, почему они пошли на безумный шаг – затеяли и возглавили путч: после подписания Союзного договора им грозит потеря постов. До какого-то времени я сомневался, чтобы Крючкову и Язову, например, – надежным, как казалось, членам горбачевской команды, – это грозило. Госбезопасность, оборона вроде бы оставались договором в ведении Центра, и не было никаких признаков, что Горбачев, по крайней мере в ближайшее время, вытряхнет их из кресел.

Откровенно говоря, я всегда считал, что единственное достоинство глуповато-солдафонистого маршала Язова как министра обороны – то, что он «человек Горбачева»: своим обширным телом он затыкает амбразуру, не позволяя сесть в министерское кресло кому-то более способному, но, соответственно, и более опасному – тому же начальнику Генштаба генералу армии Моисееву (забавно, что прохановский путчистский листок «День», напротив, держал Язова за эталон образованности, интеллигентности, культуры, публиковал полосные аллилуйские очерки, посвященные ему, под коротким бесхитростным заголовком «Язов»; уже если эталон таков, что же тогда об остальных говорить?)

Что касается Крючкова, подразумеваемую принадлежность лубянского начальника к команде Горбачева я не считал единственным достоинством в глазах президента. Но тоже, наверное, – главным. По моему разумению, и он своим пребыванием в опасном ведомстве не давал хода откровенным «ястребам» – таким, например, как Филипп Бобков, его первый зам.

Кстати, я спросил Крючкова, правда ли, что первая кандидатура на пост председателя КГБ в случае переворота и возврата к тоталитаризму – именно Бобков? Мой собеседник расшаркался перед замом, сказав, что, как ему кажется, тот стоит на правильных политических позициях, поддерживает перестройку и уж никак не готовится к посту председателя КГБ. Впрочем, под конец Крючков добавил:

– Будем считать ваши слова сигналом и поинтересуемся у него.

Так я стал еще и доносчиком, стукачом. Возможно, возбужденный мной интерес к фигуре Бобкова сказался неблагоприятными для него образом, поскольку через несколько дней после публикации интервью Крючков отправил его в отставку.

Впрочем, отставного первого крючковского зама тут же трудоустроил тот же Язов – взял его к себе в советники (замечательная это должность – «советник»: когда некуда приткнуть нужного человека, тут же она и возникает, а что там советник советует, – это уже дело десятое).

Во время августовского путча неожиданно всплыл и сынишка Филиппа Бобкова – Сергей Бобков, дотоле никому не известный поэт. Оказалось, он тоже советник, или, точнее, советчик. 20 августа он явился в Союз писателей и стал настоятельно советовать не на шутку перетрусившим союзписательским секретарям выступить в поддержку ГКЧП.

Так что, как представлялось, и у Язова, и у Крючкова была ясно очерченная функция в политической борьбе – прикрывать тылы Горбачева. Выполняя ее, они вроде бы обеспечивали себе вполне надежное и устойчивое карьерное долгожительство. Дело, однако, в том, что Горбачев не был ни единственным, ни главным их хозяином. Можно предположить, что главным хозяином был невидимый монстр, главный противник горбачевских начинаний, имя которому – партийно-советская номенклатура, военно-промышленный комплекс. Именно он диктовал Крючкову и Язову правила игры. Главным правилом, главным условием их пребывания на своих постах как раз и было, чтобы постепенно, шаг за шагом – через Тбилиси, через Баку, через Вильнюс, через парадно-картофельные передвижения войск – они вели дело к военному перевороту. Хочешь – играй, не хочешь – уступи место другому. Таково было условие.

Язов и Крючков принялись играть. Причем с известной долей азарта, хотя и с понятной долей трусости. В целом все это отвечало их кондовым взглядам, кондовому образу мыслей. Крючков, например, напрочь не понимал и не принимал рынок. В этом, как уже говорилось, я убедился во время нашей беседы. Деятельность предпринимателей он считал экономическим саботажем. Основную задачу госбезопасности видел в защите «социалистического строя». То есть весь джентльменский набор представлений брежневско-черненко-ских времен был при нем. А все заверения о приверженности перестройке, демократии, закону, которыми он сыпал на каждом шагу, были не более чем словесным прикрытием, дымовой завесой.

КГБ – белый и пушистый

Выйдя от Крючкова, мы еще около часа сидели у Сергея Дьякова. Опять пили чай, на этот раз – с бутербродами. Дьяков все сокрушался по поводу несправедливости судьбы: сколько можно отождествлять нынешний КГБ с его предшественниками – ВЧК, ОГПУ, НКВД? Это ведь совсем другая организация, ничего общего с теми не имеющая!

– Ко мне каждый день приходят молодые сотрудники, – говорил Дьяков, – и задают мне один и тот же вопрос: «Скажите, в чем наша вина? Мы ведь никого не расстреливали, не пытали. Почему все на нас смотрят как на убийц и палачей?» Что я им могу ответить?

Я сказал то же, что говорил и Крючкову: по-моему, КГБ надо разделить на два ведомства – по типу ЦРУ и ФБР. Первое занималось бы разведкой и контрразведкой (куда ж денешься, надо: все этим занимаются), второе – боролось бы с особо серьезной, «государственной», преступностью (тоже надо). И – никакой политической полиции! И, конечно, надо расстаться с этой ненавистной аббревиатурой – КГБ (не НКВД, конечно, но тоже, доложу я вам). Вот тогда не возникнет никаких вопросов у молодых сотрудников.

Домой меня предупредительно отвезли на казенной комитетской машине. Не на «членовозе», конечно, – на черной «Волге», причем не первой молодости. Из неприметного подземного гаража она вынырнула прямо на площадь, которой лишь несколько месяцев оставалось носить имя одного из столпов коммунистического режима и быть украшенной его зловещей фигурой.

«КГБ тут не при чем!»

В воскресенье 13 января, утром, после ночных вильнюсских событий, я пришел на переделкинскую дачу к одному из замов редактора «Литгазеты» – Аркадию Удальцову (мы жили рядом) и сказал, что, по-моему, публикацию интервью с Крючковым надо отложить на неопределенное время (оно стояло в номере от 16 января): у меня не было сомнений, что КГБ принимал в этих событиях непосредственное участие. Жалко, конечно, было откладывать: столько сил потрачено, столько времени ухлопано. Но в конце концов есть вещи посерьезнее, чем собственные потраченные силы.

Посоветовавшись, однако, решили отложить публикацию только на один номер, добавить вопрос о Литве, и пусть Крючков сам объяснит читателю, что там произошло.

Но Крючков ничего говорить о Литве категорически не хотел. Ну, подумаешь, дескать, экая важность. Какие-то события все время будут происходить – неужто на все надо реагировать и всякий раз что-то добавлять? Я, однако, напечатал на машинке вопрос, вклеил его в гранку уже набранного интервью в качестве первого вопроса, оставив место для ответа и послал с курьером на Кузнецкий. Вопрос был такой:

«Начну, как говорится, прямо в лоб – с Прибалтики. На мой взгляд, там искусственно раздувается мятеж. В поддержку ему предоставлена армия. В Вильнюсе она уже пустила в ход оружие, расправилась с безоружными людьми. Какова позиция КГБ?»

Довольно скоро – правда, уже после публикации, – я понял, что, не желая этого, я бросил Крючкову «свечу», ограничившись упоминанием об армии. В дальнейшем все узнали, что не меньшую роль, чем армия, в вильнюсской трагедии сыграл КГБ. Однако в тот момент, в сами январские дни, КГБ еще оставался в тени, играл в представлении людей какую-то пассивную и даже страдальческую роль: единственный погибший из числа штурмовавших телецентр почему-то как раз оказался из «органов», не из внутренних войск, как сообщалось раньше.

В конце концов Крючков, видимо, оценил удобство моего вопроса – вклеил под ним свой ответ, в котором оправдывал действия армии, офицеры и солдаты которой, по его словам, «проявили достойную выдержку», хотя жертв избежать не удалось. Глава КГБ выразил соболезнования семьям погибших и, кажется впервые в печати, сообщил, что среди них был и сотрудник его ведомства – лейтенант В.Шатских (не капитан ВВ Гаврилов, как сообщили первоначально). При этом Крючков утверждал, что первыми открыли огонь «не советские воины», – надо так понимать, не армейские подразделения, – а те, кто им противостоял.

Сегодня, когда мы знаем, что первым открыл огонь спецназ КГБ, та самая группа «Альфа», эти слова бывшего шефа КГБ в общем-то, можно считать правдивыми. Однако вряд ли сам он имел в виду своих подопечных. С его точки зрения, виноваты в своей гибели были, конечно, сами жертвы – мирные литовские граждане.

Что касается позиции КГБ, она, по словам Крючкова, была в этом конфликте отстраненно-миротворческой. Он так ее сформулировал:

«Сделать все, чтобы повернуть создавшуюся ситуацию в русло примирения, диалога и согласия... Пусть улягутся страсти, жизнь более или менее войдет в нормальную колею... Важно, чтобы никто из противоборствующих сторон не накалял обстановку. Сложно? Да. Но другого выхода у нас нет».

«От повторной оккупации Литву спасли литовцы»

Во время нашей «очной» беседы в начале января, еще не зная, что произойдет в Вильнюсе буквально на днях, я задал Крючкову «гипотетический» вопрос о возможности таких событий:

– Во время пребывания в Литве мне приходилось слышать, что в эту республику засылают какие-то группы для организации провокаций, беспорядков, возбуждения у людей чувства неуверенности и т.д. Есть ли у этих слухов основания? Какие задачи ставятся перед КГБ в отношении Литвы? Стоит ли задача по дестабилизации обстановки в республике – подобные разговоры я тоже не раз слышал, будучи там?

Такие вопросы и в таком кабинете задаешь обычно не в надежде услышать правдивый ответ, а просто, чтобы предоставить читателю некую информацию. Крючков, как и ожидалось, все отрицает:

– Никаких групп никто туда не засылает. По крайней мере, Комитет госбезопасности. У них создаются и действуют собственные группы, причем различной направленности. Одни, мне кажется, помогают стабилизации положения, другие действуют обратным образом. У нас нет никаких планов насчет дестабилизации обстановки в Литве. Если прибалтийские республики решили выйти из Союза, это, как вы знаете, их право, но опять-таки есть закон, в рамках которого надо поступать.

Забавно: это голубиное воркование лилось из уст человека, который к тому времени уже многие месяцы кропотливо трудился над тем, чтобы опрокинуть вольнолюбивое руководство в трех республиках Прибалтики. Как готовился план по «захвату Литвы», как его пытались осуществить, после много писали и в литовской, и в не литовской прессе. Вот, например, как описывал это вскоре после вильнюсских

событий директор литовского Департамента охраны края Аудрюс Буткявичюс (надо полагать, этот департамент, несмотря на свою молодость, тоже осуществлял уже какую-никакую разведку):

«Подготовленные в прошлом году планы захвата Литвы уточнялись летом, осенью, пополнялись данными военной разведки. Был согласован хронометраж операций... В январе в Вильнюс вновь были переброшены оперативники Ачалова, была установлена дата введения президентского правления – 13 января. (В скобках еще раз напомню: генерал Ачалов – одна из самых зловещих фигур в тогдашнем советском генералитете, в дальнейшем – один из военных руководителей и августовского 1991 года и сентябрьско-октябрьского 1993 года мятежей. – **О.М.**) Основная руководящая группа была дислоцирована в Вильнюсе, другие части – в Каунасе и других городах республики. Ачалов прибыл 7 января, Варенников – 10 января. Полк из 920 солдат Псковской дивизии тоже ничего хорошего не сулил. Позже он доставил отряд спецназа из военнослужащих, непосредственно подчиненных Ачалову (по-видимому, имеется в виду спецназ КГБ, та самая группа «Альфа», хотя Ачалов был заместителем министра обороны. – **О.М.**)...

Операцией по захвату Литвы руководили упомянутый Ачалов, генералы Варенников и Овчаров, сотрудник МВД СССР Демидов и другие непосредственно ответственные за действия своих подразделений. Больше всех людей убили подчиненные Ачалова из подразделения спецназа...

От повторной оккупации нас спасли люди Литвы, своей грудью заслонившие Верховный Совет. Прорываться через многотысячную толпу, давить людей танками не решился даже сам Ачалов, и операция захлебнулась».

Как видим, фамилия Крючкова здесь не упоминается, но он, без сомнения, активно участвовал во всей этой деятельности. И вот мы слышим от него: другого пути, как только путь примирения, диалога и согласия, у нас нет.

Бой за Прибалтику проигран

На этом, наверное, можно закончить разговор о событиях января 1991 года в Прибалтике. Эти события были одним из важнейших этапов распада СССР. Перед Горбачевым вопрос стоял так: пан или пропал? Полагаю, к тому времени он уже пришел к отчетливому пониманию: остановить рассыпание империи, сохранить ее целиком в прежнем виде, если и можно попытаться, то только при помощи силы. Других вариантов нет.

Да, но что значит применить силу? Ввести во все три прибалтийские республики войска, объявить в них прямое президентское правление, передать власть промосковским «комитетам национального спасения», опереться на русскоязычное население, на сотрудников располагающихся там союзных предприятий? Пробный шар, пущенный в Литве, показал: войска встретят отчаянное, повсеместное сопротивление, прольется море крови. Главное же – восстановить там в полном объеме власть союзного Центра не удастся. «Комитеты нацспасения» не пользуются в прибалтийских республиках сколько-нибудь значительной поддержкой, «антисепаратистская» роль русскоязычного населения в развернувшихся там политических событиях невелика, во всяком случае не имеет решающего значения.

Да и вообще власти Центра уже нет фактически нигде на пространстве бывшего Союза, в той же России. Силовое подавление независимости, объявленной в Прибалтике, вызовет негативную реакцию и в других республиках: а, вы так с нами обращаетесь – так нате же вам! Прямое президентское правление фактически потребовалось бы вводить по всей стране, о чем, разумеется, не приходилось и мечтать. Не было на это сил.

Наконец, Горбачеву было ясно и другое. Если он очертя голову будет продолжать силовой нажим на «сепаратистов» в Прибалтике, он как политик фактически совершит самоубийство. Вся затеянная им политика перестройки, провозглашенные лозунги нового мышления, весь обретенный им международный авторитет, авторитет человека, покончившего с «холодной войной», освободившего Восточную Европу, позволившего объединиться Германии, – все полетит коту под хвост. На это, конечно, он пойти не мог.

В дальнейшем все его усилия по спасению СССР будут ограничиваться более скромной установкой: отпустить в вольное плавание то, что удержать уже невозможно, и сохранить в рамках Союза то, что еще можно сохранить.

Впрочем, впереди была еще одна попытка силой спасти всю советскую империю целиком, попытка, предпринятая близкими Горбачеву людьми. Вместо спасения эта авантюра принесла империи окончательную и бесповоротную гибель.

Катастрофа все ближе

«Привилегированные условия снабжения столичных городов, в первую очередь Москвы режим всегда рассматривал как важнейший фактор, позволяющий сохранить контроль за политической ситуацией в стране. При всей деинтеллектуализации (неплохой термин! – **О.М.**) советского руководства, то, что революция в России, проложившая большевикам дорогу к власти, началась с продовольственных беспорядков в столице, они знали. К началу 1991 года и в Москве ситуация на потребительском рынке становится катастрофической.

Председатель исполкома Моссовета Ю. Лужков – премьер-министру СССР В.Павлову (26 февраля 1991 года):

«Все, чем располагает московская торговля по непродовольственным товарам, – это 5, 1 миллиарда рублей, или 42 процента к прошлому году... На этот год планируется уменьшение импортных поставок на 75 процентов. Но и этот объем разрядками пока не подтвержден... В сложившейся ситуации с товарным наполнением отсутствует возможность организации даже нормированного (то есть по талонам. – **О.М.**) снабжения населения...»

В нестоличных крупных городах положение на потребительском рынке еще сложнее. Президиум Нижегородского областного совета народных депутатов пишет Горбачеву (декабрь 1990 года):

«Уважаемый Михаил Сергеевич! В г. Нижнем Новгороде до крайности усугубилась обстановка с обеспечением населения продовольствием. Выделенные фонды не позволяют обеспечить основными продуктами даже приближенно к санитарным нормам такие категории жителей, как дети, беременные и кормящие женщины. В государственной торговле, кроме нормируемых товаров, продовольствие практически отсутствует. При этом образовалась большая задолженность города перед населением по отовариванию выданных талонов на мясо, сахарный песок, животное и растительное масло и пр.»

ПОСЛЕ ПРИБАЛТИКИ. СХВАТКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Ставка на силу и ответная реакция

Максимальное обострение отношений между Горбачевым и Ельциным пришлось на зиму и раннюю весну 1991 года. Как уже говорилось, начиная с предшествующей осени Горбачев, по-видимому, все более стал склоняться к мысли, что остановить распад Союза – по крайней мере, предпринять такую попытку – можно лишь при помощи силы. Это вызвало ответную острую реакцию Ельцина и других республиканских лидеров. Но прежде всего Ельцина, который, конечно, чувствовал себя лидером среди лидеров.

События в Вильнюсе активизировали все эти процессы. Движение к распаду Союза ускорилось. Возросло и напряжение между Горбачевым и Ельциным. Стремительный вояж Ельцина в Прибалтику сразу же после ночных вильнюсских событий 13 января, все его дальнейшие выступления и действия во время самой острой трехнедельной фазы балтийского кризиса были прямым, демонстративным вызовом союзному Центру, Горбачеву.

Особенно возмутили президента заявления Ельцина о том, что четыре самые крупный союзные республики – Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан – собираются в ближайшее время подписать четырехсторонний договор в обход Центра, о том, что каждая республик должна обзавестись своей армией... .

Это уже была весьма определенная заявка, довольно точно предвосхищавшая дальнейшие события, которые ожидали «Союз нерушимый».

Ельцин – против референдума

16 января Верховный Совет СССР, в соответствии с решением декабрьского Съезда нардепов, принял постановление – провести общесоюзный референдум 17 марта. На референдум выносился вопрос, который, как полагал Горбачев, в случае

положительного ответа большинства, помог бы притормозить нарастающие центробежные устремления республик. Вопрос был составлен довольно ловко:

«Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?»

Всякому разумному человеку было ясно: формулировка вопроса такова, что отрицательно ответить на него трудно. Ну кто же, в самом деле, против «обновленного» Союза, в котором «в полной мере» будет всё гарантировано? Если бы еще разъяснялось, что подразумевается под словом «обновленный» и каким образом будут обеспечены гарантии...

Ельцин был не в восторге от этой идеи. Считал, что референдум нужен Горбачеву для укрепления его власти.

Позднее Горбачев так вспоминал о тогдашней позиции председателя российского Верховного Совета:

«...Ельцин был против того референдума, хотя потом говорил: я же голосовал за сохранение Союза. Неизвестно, за что он голосовал на избирательном участке. Это он теперь говорит нам, что за сохранение Союза. А вот когда решался вопрос еще только о проведении референдума (имеется в виде – решался на IV Съезде народных депутатов в декабре 1990-го. – О.М.), то я видел, как его бесила сама постановка этой проблемы... А это была моя инициатива – проведение референдума. Я считал, что без народа нельзя такие вопросы решать.

Так вот, шло голосование, нажимаю кнопку, конечно, «за» проведение референдума. Перед Ельциным – такой же пульт голосования. Он кряхтел, бурчал. Говорю ему: нажимай, нажимай «за», Борис Николаевич. Ты что, против Союза? За десять или двадцать секунд до конца голосования он нажимает «за», снимает наушники и бросает их со злостью на стол...»

Полагаю, если бы Горбачева не было рядом, вряд ли Ельцин проголосовал бы «за». А так в самом деле приходится голосовать, чтобы в дальнейшем у Горбачева не было лишнего повода упрекать его в стремлении развалить Союз.

«Всеми виной – негодная политика Центра»

Ельцин постоянно балансировал между критикой Горбачева и заявлениями, что он за Союз. Горбачев – это еще не Союз. Союз вполне может существовать и без Горбачева. Более того, как полагал Ельцин, именно Горбачев своими метаниями, своими топорными действиями наносит вред целостности Союза, отталкивает от него республики и в конечном итоге ведет к его распаду.

В конце первой декады февраля Ельцин побывал в Калининградской области. На встрече с местным «активом» его спросили, долго ли еще будет длиться «война законов» между Россией и Центром. Против ожиданий Ельцин ответил примирительно: мы, дескать, действуем в рамках своих функций, в соответствии с постановлениями Съезда народных депутатов; да, принимаемые нами законы «иногда несколько отличаются от союзных»...

И добавил, чтобы ни у кого уже не было сомнений:

– Я – за Союз. И, между прочим первым подписал экономическое соглашение вслед за Горбачевым. Сейчас мы работаем над Союзным договором. Идем на него с учетом интересов России, хотя точки зрения разные, совместить их будет сложно.

Спросили его и о прибалтийских республиках, – как он оценивает их нежелание присоединиться к Союзному договору. Тут уж Ельцин был беспощаден к Горбачеву:

– Я считаю, что негодная политика союзного руководства толкнула эти республики к таким действиям.

Вряд ли, конечно, он тут был справедлив к своему вечному оппоненту. Республики Прибалтики всегда мечтали вырваться из Союза, с тех самых пор как Союз их оккупировал. Те или иные действия Центра – как, например, в Вильнюсе 13 января, – могли лишь ПОДТОЛКНУТЬ их в стремлении к уходу, но серьезно толкать их к этому не было необходимости, они и без всяких толчков давно были «заряжены» на это.

«Мы стоим у последней черты»

В тот момент «за Союз» довольно решительно выступал и казахский президент Назарбаев. Трудно, конечно, судить, насколько искренними были его слова («Восток – дело тонкое»), но они – были, и весьма горячие. Выступая на сессии казахского

парламента в середине февраля (на ней обсуждался Союзный договор) и желая, видимо, склонить депутатов в его пользу, Назарбаев весьма драматически описывал ситуацию в стране:

– Мы находимся у последней черты, за которой может последовать полный развал Союза ССР... Центр медлит и утрачивает инициативу, позволяя деструктивным силам и далее расшатывать фундамент Союза... Ныне дорог каждый день, каждый час. Нельзя терять ускользающие возможности сохранить единство страны.

Депутаты, естественно, поддержали своего лидера: его авторитет у большинства был непререкаем. В принятом обращении к парламентам других республик они призвали коллег «проявить политическую мудрость, выдержку и дальновидность, сделать все возможное, чтобы предотвратить грядущую катастрофу – развал нашего великого союзного государства».

«Развал Союза, – говорилось в обращении, – неизбежно повлечет за собой полный крах экономики республик, резкое ухудшение жизни миллионов людей, отбросит всех нас вспять на целые десятилетия, нанесет непоправимый ущерб сотрудничеству со странами мирового сообщества. У нас нет иного пути, кроме как к обновлению Союза на основе заключения Союзного договора между суверенными, равноправными республиками».

В общем-то здесь, почти слово в слово, повторялось то, что без устали в те дни, вплоть до самого своего ухода с политической сцены, твердил Горбачев. Нет сомнения, что главная заслуга в таком почти полном словесном совпадении с речами союзного президента принадлежала Назарбаеву, который почти до конца был одним из самых надежных союзников Горбачева.

Россияне «отпускают» Прибалтику

А как рядовые россияне относились в ту пору к намерению Прибалтики «сделать ручкой» Союзу? Центр социальных исследований Фонда культуры СССР в середине февраля провел опрос на эту тему в нескольких регионах европейской части России. Вопрос был поставлен так: «Следует ли препятствовать выходу прибалтийских

республик из состава СССР»? Предлагались три варианта ответов: «Да, включая применение военной силы», «Да, но без применения военной силы» и «Нет».

Первый вариант выбрало явное меньшинство – от трех до восьми процентов в разных регионах. Большинство остановилось на третьем варианте: 51 – 70.

Препятствовать без применения силы (24 – 41 процент)? Ну да, возможен был и такой путь. Как мы знаем, Кремль пытался воздействовать на непокорных экономическим давлением. Однако мало кто надеялся, что он даст результат – заставит Вильнюс, Ригу и Таллин изменить своим вольнолюбивым намерениям.

Менее всего считали нужным удерживать Прибалтику интеллигенция и молодежь.

В целом авторы опроса делали вывод: «очевидно, что россияне не держатся за целостность Союза ССР; ставка Центра на якобы сохранившееся «имперское сознание» в России неосновательна».

Иными были ответы на вопрос, следует ли предоставить суверенитет республикам и автономиям на территории России. За ответ «Да, вплоть до выхода из состава РСФСР» проголосовало меньшинство – 15 – 29 процентов. Большинство выбрало ответы «Да, но только в составе РСФСР» и «Нет». Для многих эти два ответа были, по-видимому, равнозначны. Что такое суверенитет республики в составе РСФСР? Это то, что записано на бумаге, но малодостижимо на практике.

В общем ответы большинства на оба вопроса социологов совпадали с тем, как понимало дело и чему стремилось российское руководство. По крайней мере, как понимал это Ельцин.

Ельцин призывает Горбачева уйти в отставку

19 февраля Ельцин выступил с сенсационным заявлением, вызвавшим политическое землетрясение. Несмотря на все помехи, которые чинил Ельцину председатель Гостелерадио Кравченко, российский лидер прорвался-таки в телеэфир.

Его выступление имело форму интервью, которое вел телеведущий Сергей Ломакин. Вторым собеседником Ельцина был председатель ВГТРК Олег Попцов.

Правда, участвовал он в разговоре довольно вяло. Непонятно было, зачем он вообще пришел на эту передачу. Основным оппонентом Ельцина, хотя и старательно скрывающим свою заинтересованность в содержании и исходе беседы, был, конечно, Ломакин. В начале разговора он расшаркался перед Ельциным, сказав, что сам-то он постарается быть предельно кратким, так чтобы дать главному участнику передачи возможность сказать все, что тот хочет сказать. На самом деле интервьюер, по-видимому, имел четкие инструкции от своего начальника Кравченко – в максимальной степени помешать Ельцину в его высказываниях. Следуя этим инструкциям, телеведущий с самого начала принялся задавать собеседнику неудобные, как он считал, вопросы, прерывал его, сам произносил длинные монологи. Вопросы были – о готовящейся Павловской ценовой реформе: как же так, вы ведь, Борис Николаевич, выступаете за рынок, но возражаете против повышения цен? Еще одна тема – вопросы, касающиеся армии: дескать, в одном случае Ельцин заявил, что Россия, возможно, будет создавать собственную армию, в другом – отрицал это: противоречие... Спрашивал телеведущий и о «войне законов» – когда, мол, она закончится, намекая при этом, что главные зачинщики этой «войны» – российский парламент, Ельцин?.. В общем, большую часть времени Ельцин вынужден был обороняться и разъяснять свою позицию, словно бы только за этим и приехал в Останкино. Лишь к концу передачи он получил возможность прочитать заранее подготовленное им заявление, то есть сделать то, ради чего, собственно, ему и понадобился телеэфир.

– Жить лучше мы не сможем при существующем Центре... – сказал Ельцин. – Не сможем при постоянной политике обмана народа Центром. Горбачев в первые два года работы после 1985 года вселил некоторую надежду во многих из нас. Фактически с этого момента началась его активная политика... я извиняюсь... но обмана людей. Давая обещания, он, надо полагать, не очень хорошо представлял, как выполнять эти обещания. Вселив надежду в людей, он стал действовать по другим законам. Особенно это проявилось в последнее время. Когда стало совершенно очевидно, что он хочет, сохраняя слово «перестройка», не перестраиваться по существу, а сохранить систему, сохранить жесткую, централизованную власть, не дать самостоятельности республикам, а России

прежде всего. Здесь и проявилась его антинародная политика. Это денежные манипуляции, готовящееся беспрецедентное Павловское повышение цен, резкий крен вправо, использование армии против гражданского населения, кровь в международных отношениях, крах в экономике, низкий уровень жизни людей и т.д. Вот вам результат шестилетней «перестройки». И в этом главное. Сегодня идет откат в обратном направлении, идет попытка реанимировать командно-административные методы, укрепить командно-административный Центр. При этом не проявляется никакого желания видеть процессы, происходящие в республиках. После избрания меня председателем Верховного Совета избиратели высказывали настойчивые требования идти на сотрудничество с руководством Центра. И, скажу откровенно, видит Бог, я сделал много попыток, несколько попыток, чтобы действительно сотрудничать. И мы несколько раз собирались и обсуждали по пять часов наши проблемы, но, к сожалению, результат после этого был одним...

Телеведущий пытается остановить Ельцина:

– Борис Николаевич, я вынужден вас прервать. У нас остается не так много времени... Поэтому, может быть, все же будем ориентироваться на финал...

Ельцин (не обращая внимания на телеведущего):

– Я считаю моей личной ошибкой излишнюю доверчивость к президенту. Судя по всему, Центр не даст республикам делать самостоятельных шагов. Тщательно анализируя события последних месяцев, я заявляю... Я предупреждал в 1987 году, что у Горбачева в характере есть стремление к абсолютизации личной власти. Он все это уже сделал и подвел страну к диктатуре, красиво называя это президентским правлением. Я отмежевываюсь от позиции и политики президента, выступаю за его немедленную отставку, передачу власти коллективному органу – Совету Федерации...

Это, конечно, главное, ради чего Ельцин и приехал в студию, что и должно было вызвать у всех колебание почвы под ногами.

Ломакин (снова пытаясь прервать Ельцина):

– Борис Николаевич...

Ельцин (опять не обращая на него внимания):

– Я верю в Россию и призываю вас, уважаемые сограждане, уважаемые россияне, верить в нашу Россию. Я сделал свой выбор, и каждый должен сделать свой выбор и определить свое место. Я хочу, чтобы вы меня услышали и поняли. Я такой выбор сделал, я с этой дороги не сверну. Нуждаюсь в вере и верю в поддержку народов России, в вашу поддержку и надеюсь на нее.

Ломакин:

– Борис Николаевич, я вынужден вас прервать, потому что у нас осталось совсем мало времени до конца прямого эфира...

Что ж тут теперь-то прерывать: Ельцин сам «прервался» – сказал все, что хотел сказать.

Разумеется, телеведущий не может оставить без ответа крамольную речь Ельцина. Иначе ему от начальства будет вздрючка. Хотя он, как мы видели, давно уже пытался прервать Ельцина за недостатком времени, все же оставил какое-то время и для своего ответа (в других случаях ведущие, следуя раздраженной команде режиссера, передаваемой в наушники, обрывают все на полуслове). Ломакин:

– Откровенно говоря, в общем, эта пессимистическая нота меня очень смущает, потому что это значит, что конфронтация между Центром и республикой, между вами и президентом страны будет продолжаться. И я сейчас делаю вывод, что, очевидно, это только усугубляет наше положение. И делаю вывод, что, к сожалению, это не ведет к стабилизации нашего общества, а может быть, даже приводит, увы, к расколу нации.

Тут г-н Ломакин, хотя этой репликой и страхует себя от возможных упреков своего начальства, вообще-то явно превышает свои полномочия телеведущего, решив, что имеет право комментировать, критиковать председателя российского парламента и

даже обвинять его в дестабилизации политической обстановки и, более того, в стремлении «расколоть нацию».

Как бы то ни было, несмотря на чинимые помехи, Ельцин, повторяю, сумел сказать то, что хотел сказать. И сказанное им было равносильно взрыву.

«Завтра будет интересно»

Дочь Ельцина вспоминает, как начинался и как кончился для их семьи этот день:

«Я помню это выступление папы. Он уезжал в телецентр и сам не знал, состоится ли оно, дадут ли ему прямой эфир. Сказал, уезжая, напряженно и мрачно:

– Не знаю, они ничего мне не дадут сказать.

Как всегда, ни мама, ни мы с Леной понятия не имели, что он собирается сказать в этом телеинтервью, но то, что это должно было быть чем-то важным, главным, от чего зависит все будущее страны, Советского Союза (не России – так тогда не думалось и не мыслилось), такое ощущение у меня было.

Когда мы смотрели его выступление, я немного успокоилась. Слова были резкие, жесткие, но привычные. Но в конце, когда он вдруг сказал о своем требовании об отставке президента страны М.С.Горбачева... Сказать, что это был гром среди ясного неба – это ничего не сказать. Это было потрясение! Вообще-то, про это говорили на кухнях, на митингах, но никогда – по приглаженному, восторженному, поддерживающему перестройку, гласность и Горбачева телевидению. И вдруг по центральному телевидению папа произносит такие слова на всю страну. Было ощущение взрыва.

Поздно вечером он приехал усталый, измученный, но успокоенный. Как будто сделал что-то важное и нужное. Мы только лишь и смогли его спросить, а что завтра будет? А он ответил:

– Завтра будет интересно.

И пошел спать».

Верховный Совет негодует

Назавтра действительно было «интересно». Реакция Центра на выступление Ельцина была немедленной и сокрушительной. «Назавтра», то есть уже на следующий день, 20 февраля, Ельцина подвергли публичной порке на заседании союзного Верховного Совета. «Российская газета»:

«Верховный Совет страны негодовал, требовал, взывал и обличал. Центральное телевидение, давно кормящее нас сухими выжимками с кремлевских заседаний, вдруг включилось на прямую трансляцию. Ораторы – тоже, наверное, чистейшая случайность – слово в слово повторяли изрядно затертые штампы из [коммунистических] газет «Правда» и «Советская Россия». В общем, шел не предусмотренный повесткой дня «реагаж» на выступление в телеэфире Бориса Ельцина».

Ельцина, естественно, поносили всякими словами, искажали смысл его высказываний, призывали «защитить президента», то бишь Горбачева, разоблачить «определенные деструктивные силы»...

«На трибуну, – писала газета, – выходила отнюдь не стихийная депутатская масса: организованный характер массированной атаки на Ельцина просматривался достаточно отчетливо».

Депутатов, чье мнение «расходилось с установкой президиума сессии», просто не подпускали к микрофону.

Ельцина обвиняли в политических амбициях, в намерении «сесть на место нашего президента путем захвата власти во всей стране», «осуществить совместно с деструктивными силами государственный переворот», «демонтировать социализм, который принес нашему народу освобождение, и добиться реставрации капитализма»...

Обстановку, в которой на Верховном Совете было принято «убойное» антиельцинское постановление (подобная реакция парламента на чье-то телевыступление – это сам по себе факт беспрецедентный), «Российская газета» описывала так:

«В «лучших» традициях союзного парламента решение главного вопроса – принятие постановления «по Ельцину» – отложили на конец дня, вечером депутаты

более податливы... Обстановка в зале была азартной и очень напоминала поиск ведьм на партсобрании застойных лет. Предложения принять к сведению и тем ограничиться отзвука у большинства не имели. «Надо дать политическую оценку!» Председательствующий Лукьянов вел заседание виртуозно: по многу раз ставил на голосование уже проголосованное, неудобные предложения не ставил. Вновь прозвучало немало бичующих и клеймящих речей. Некоторые депутаты засомневались, а был ли кворум. Неуместный вопрос Лукьянов отвел, сославшись на показания электронной машины. Постановление приняли, в этом сомнений и не было».

В постановлении было три пункта:

«1. Отметить, что содержащиеся в выступлении по Центральному телевидению 19 февраля 1991 года Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина положения и призывы, направленные на замену законно избранных высших органов власти страны, немедленную отставку Президента СССР, входят в противоречие с Конституцией СССР и создают в стране чрезвычайную ситуацию.

2. Просить Верховный Совет РСФСР, Совет Федерации и Президента СССР определить свое отношение к указанному выступлению Б. Н. Ельцина.

3. Верховный Совет СССР обращается к народам СССР, Верховным Советам республик, местным Советам народных депутатов всех уровней, ко всем политическим партиям и общественным движениям с призывом консолидировать усилия для стабилизации политической и экономической обстановки на всей территории страны, укрепления демократических начал в переустройстве советского общества, всемерной поддержки законно избранных высших органов власти и Президента СССР».

В общем, призвав Горбачева уйти в отставку, Ельцин, как видим, «дестабилизировал» политическую и экономическую обстановку в стране. Теперь вот приходится «консолидировать усилия», чтобы все восстановить в прежнем виде.

За всем этим ощущалось неумное желание смести Ельцина с политической арены, смести любыми способами.

Против Ельцина восстают его заместители

За контратакой союзного парламента, направленной против Ельцина, стоял, конечно, сам Горбачев. В этом мало кто сомневался. Однако реально «убрать» Ельцина мог лишь Съезд нардепов России. По слухам, Горбачев связался с двумя заместителями Ельцина в российском парламенте – Горячевой и Исаевым, а также председателями обеих его палат – Исаковым и Абдулатиповым. Надо полагать, речь шла о том, чтобы запустить процесс отрешения Ельцина от должности председателя Верховного Совета.

21 февраля на заседании Верховного Совета Горячева огласила «Политическое заявление», по-другому – «Письмо шести» (к четверке руководителей присоединились еще двое – заместители председателей палат Вешняков и Сыроватко), где критиковался «авторитарный стиль» ельцинского руководства Верховным Советом. Были и упреки, касающиеся ситуации за пределами парламента.

«Народ устал от обещаний... – говорилось в «Письме». – Они (граждане России. – **О.М.**) ждут устойчивой и дееспособной власти, которая прекратила бы развал в экономике, остановила взлет преступности».

Вот, оказывается, в развале экономики виноват Ельцин. Не союзное руководство, которое уже несколько лет топчется на месте, у порога реформ, не решаясь переступить через этот порог, а человек, который пытается преодолеть эту нерешительность.

В заключение авторы «Письма» требовали созвать внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР, на котором председатель Верховного Совета предоставил бы ОТЧЕТ о своей работе; после этого, как видимо, предполагали подписанты, должна была последовать его отставка.

Верховный Совет внял призыву «шестерки» и принял решение о созыве Съезда.

Это было первое серьезное столкновение Ельцина с его противниками в российском парламенте. Понятно, что он сам его спровоцировал. Хотя и не думаю, что сильно об этом жалел. По отзывам тех, кто хорошо знал его, он всегда предпочитал ясную, хоть и опасную для него, ситуацию менее ясной, пусть даже внешне более спокойной. Поэтому нередко «взрывал» ее, стремясь устранить всякую неопределенность, в которой чувствовал себя некомфортно.

Велика Россия, а отступать некуда...

На следующий день, 22 февраля, состоялся очередной грандиозный митинг на Манежной. По оценкам организаторов, он собрал около 400 тысяч человек (милиция, как всегда, называла меньшую цифру).

Вообще-то митинг замышлялся как акция в защиту гласности: незадолго перед тем была закрыта популярная тогда телепрограмма «Взгляд», появились другие признаки ужесточения цензуры. Но взрыв, произведенный телевыступлением Ельцина, естественно, скорректировал тематику митинга. Главной его темой стала защита Ельцина от посягательств недругов. Соответственно, изменился набор лозунгов: рядом с лозунгами, направленными против главного теленачальника Кравченко, появились антигорбачевские и проельцинские лозунги: «Велика Россия, а отступать некуда – позади Ельцин!», «Народ и Ельцин – едины», «Советский комиссар Катанья – Борис Ельцин», «Ельцин – ум, честь и совесть нашей эпохи», «Горячева – змеища подколотная!»

– Митинги снова становятся единственным доступным для нас средством массовой информации – сказал, выступая на Манежной, популярный в ту пору демократический деятель Илья Заславский. – На нас идут вышедшие из окопов коммунисты. Они пошли на главный символ демократии в нашей стране – Бориса Ельцина.

Заславский призвал отправить в отставку союзный парламент и команду Горбачева:

– Лидер для страны у нас есть. Это Ельцин.

В завершение митинга была принята резолюция. Главные требования ее:

«Прекратить коммунистическую цензуру средств массовой информации!

Горбачева со всей его командой – в отставку!

На референдуме скажем «нет» насильственному горбачевскому Союзу!

Ельцин – президент России!»

В репортаже о митинге журнал «Коммерсант-Власть» писал:

«Митинг стал не просто очередным мероприятием на очередной стадии конфликта Ельцин – Горбачев. Общий лейтмотив выступлений его участников дает возможность считать 22 февраля началом предвыборной кампании Бориса Ельцина в борьбе за пост президента России».

Свалит ли Ельцин Горбачева?

В прессе оживленно обсуждалось резкое выступление Ельцина по телевидению. Некоторые полагали, что за этим выступлением уж точно должен последовать некий взрыв, некая драматическая развязка.

«Вызов, брошенный Ельциным в его телевыступлении 19 февраля, – писала «Независимая газета», – явился логичным следствием событий последнего полугодия. Наступление, предпринятое Горбачевым в январе, поставило российское руководство перед необходимостью перехватить инициативу, даже путем вызова огня на себя, сжигания мостов. Мы перед кульминацией долгой схватки. Видимо, она произойдет в первой половине марта – до референдума. У Ельцина появился реальный шанс заставить Горбачева уйти, у последнего же, очевидно, нет иного выхода, как пойти на срыв референдума и роспуск российского парламента».

На самом деле ни Ельцин не «свалил» Горбачева, ни Горбачев не сорвал референдум. Вообще довольно странное предположение, что он захочет его сорвать. Именно Горбачев выступил с инициативой его проведения, референдум был и до сих пор остается его любимым детищем: он и теперь ссылается на его результаты – вот, мол, народ проголосовал за сохранение Советский Союза, а с его мнением не посчитались.

Откликнулись и зарубежные газеты, причем многие отклики были не в пользу Ельцина. «Берлинер Цайтунг»:

«Уход Горбачева в отставку вряд ли откроет путь к демократии»

«Крисчен Сайенс Монитор»:

«Решение Ельцина пойти в открытую атаку отражает скорее его слабость, чем силу».

«Таймс»:

«Иностранные дипломаты считают, что (после телеинтервью Ельцина. – **О.М.**) Горбачев остается самой подходящей кандидатурой, если не с точки зрения прогресса, то, во всяком случае, предотвращения там хаоса. Ельцин остается неизвестной величиной и может привести к анархии».

Отрицательно отнеслись к выступлению Ельцина и многие политики, в том числе дружественно настроенные к нему. Казахский лидер Нурсултан Назарбаев, которого сам Ельцин аттестовал словами «мой хороший друг», счел, что выступление его российского друга явно не ко времени:

– В этот поворотный момент, когда мы переживаем экономический кризис, Ельцин организует еще один кризис – политический... Нельзя согласиться с тем, чтобы по прихоти одного политического деятеля другой подавал в отставку. Такие вопросы решаются конституционным путем.

Негативно отнесся к заявлению Ельцина и Кравчук, сказавший, что «сегодня время решать экономические проблемы, а не вносить в жизнь политический хаос».

При этом и Назарбаев, и Кравчук признали, что критика Ельцина в адрес Горбачева справедлива: за последние годы перестройки тот действительно допустил ряд ошибок, продолжает политику диктата по отношению к республикам, отказывается признавать их суверенитет.

Действительно ли это была прихоть?

Без сомнения, телевыступление Ельцина, его призыв к Горбачеву уйти в отставку стали самой острой, самой верхней точкой их длительного противостояния.

«Несколько слов, произнесенных вечером 19 февраля Борисом Ельциным в телевизионном эфире, в один момент вновь перевернули все в этой стране, – писал журналист Дмитрий Остальский в «Независимой газете». – Тактическая борьба двух лидеров – союзного и республиканского, – обострившаяся в последние недели, однако протекавшая в относительно мирной форме, приобрела характер открытого

столкновения. Впервые за всю историю их сложных взаимоотношений Борис Ельцин публично потребовал немедленной отставки Михаила Горбачева. Такого не было даже в самые трудные для Ельцина времена «опалы». Ныне в устах руководителя России такое требование прозвучало зловеще: время компромиссов завершилось, началась схватка на выживание».

Чем была вызвана эта ельцинская игра ва-банк. Почему именно в этот момент? Было ли это проявлением личной неприязни к Горбачеву (об их сложных личных отношениях, начиная с того самого 1987 года, говорили всегда, говорят до сих пор)? Вряд ли в этом дело.

Мнение Остальского:

«Причины сегодняшней трагедии вряд ли стоит искать во взаимном антагонизме этих двух людей, хотя в свое время личностный мотив, безусловно, сыграл свою роль. И прежде всего в том, что антипатия нынешнего президента СССР к председателю российского Верховного Совета сделала Бориса Ельцина лидером и, в определенной мере, символом демократических сил. Но сейчас речь идет не о «драке панов», от которой у «холопов чубы трещат», а о закономерном и, как теперь уже ясно, неизбежном прямом столкновении двух основных противоборствующих сил общества: реформаторов-радикалов и консерваторов. По иронии судьбы, прежний лидер всех реформаторов Михаил Горбачев оказался теперь лидером противоположного лагеря».

Ельцина не только ругают, но и поддерживают

Мы видели, какой поток ругани обрушился на голову Ельцина. Этой лавине противостоял, однако, встречный поток – одобрения, поддержки. В ряде городов, областей, даже и за пределами России, начали собирать подписи в его защиту. Общий мотив многочисленных петиций: «Поддерживаем Ельцина! Выражаем неодобрение президенту Горбачеву!», «Ельцину – верим! Вы правы, Борис Николаевич!» «Требуем прекратить травлю Ельцина!»

«Вы правы, Борис Николаевич!»... Тут невольно вспоминалось знаменитое партийно-фамильярное «Борис, ты не прав!», брошенное Ельцину Лигачевым на XIX партконференции летом 1988 года.

Заявление о поддержке Ельцина принял Ленсовет. «Мы присоединяемся к оценке, которую Б. Н. Ельцин дал деятельности Президента СССР М. С. Горбачева, – говорилось в заявлении. – Справедливость этой оценки особенно очевидна, если иметь в виду события последних месяцев, переход в наступление сил политической реакции. Своими действиями или красноречивым бездействием Президент фактически стал на сторону противников демократических преобразований. Блокирование программы «500 дней» и других важнейших шагов российского руководства..., непринятие мер по обеспечению объективного расследования обстоятельств применения военной силы против мирных граждан Литвы, усиление информационной блокады законных органов власти РСФСР – это звенья одной цепи, свидетельство того, что главным фактором, препятствующим образованию Содружества Суверенных Республик, являются те союзные органы власти, которые были сформированы в условиях псевдодемократического избирательного закона».

За поддержкой к народу

Не дожидаясь одобрительных телеграмм, петиций, митингов, Ельцин и сам, уже на следующий день после своего телевыступления, отправился «в народ» – поговорить, объяснить свою позицию. Маршрут его нового, второго за короткий срок, турне по России пролегал через Ярославль, Новгород, другие города...

И понимание, поддержка были.

– Борис Николаевич, чем вам помочь? – спрашивали люди на встречах с председателем российского парламента как раз в тот момент, когда в коммунистической и не только коммунистической прессе разворачивалась мощная антиельцинская кампания. – Мы надеемся на вас и на Россию!

– Я ни при каких условиях не поступлюсь интересами России, – заверял Ельцин на каждой из таких встреч.

Вопрос: будет ли он на предстоящем референдуме голосовать за сохранение Союза или за выход России из СССР?

Ответ:

– Конечно, я не за выход России из СССР. Это просто несерьезно и невозможно.

– Главная причина наших разногласий с союзным руководством, – разъяснял Ельцин, – разделение функций и собственности. Мы добиваемся подлинного экономического суверенитета. Отсюда, – вы должны это знать, – все трения с теми, кто держится за власть в Центре. Дело вовсе не в личных взаимоотношениях Ельцина и Горбачева, как кто-то хотел бы это представить.

Личные взаимоотношения двух лидеров – мы знаем – тоже были не слишком хороши. Но к ним очевидным образом прибавилось и политическое противостояние. Они переплелись и слились в одно.

В Ярославле Ельцину задали вопрос: не кажется ли ему, что ради стабилизации обстановки в стране в отставку должен уйти не только Горбачев, но и он, Ельцин?

– Такой вариант возможен, – был ответ.

А не готов ли он выдвинуть свою кандидатуру на пост главы государства при всенародных выборах?

– Я не претендую на роль президента страны – сказал Ельцин. – Тот пост, который мне сегодня доверен, – руководить Россией, да еще Россией в таком состоянии сверхзапущенном, – для меня это сверх головы, и больше мне не надо...

Разумеется, Ельцин слышал не только слова поддержки, не только общие вопросы на политические темы, но практически повсеместно – горький рассказ о тяжелой жизни, по существу – о выживании в непереносимых условиях.

– Мы народ терпеливый, но скажите, Борис Николаевич, сколько еще терпеть – год, два, пять? Есть свет в конце тоннеля? – такой вопрос был задан Ельцину на одной из встреч в Новгороде.

Ельцин ответил, что российская программа оздоровления экономики рассчитана на два года. Для ее выполнения есть все предпосылки. Если Центр перестанет грабить Россию, если перестанет блокировать действия российского руководства, можно смело сказать – года через два начнется улучшение.

На самом деле дожидаться улучшения жизни народу пришлось гораздо дольше. Да и сейчас многие ли из простых людей в России могут сказать, что они живут хорошо?

– Берите землю, становитесь на ней хозяевами, – призывал Ельцин новгородцев. – Закон это позволяет. Наседайте на зажимающих землю бюрократов, требуйте землю, растите на ней зерно, овощи, цветы. Это будет реальная помощь нам в Москве!

Увы, не только в масштабах новгородчины, но и – всей России одолеть паразитирующую, кровососущую бюрократию, паразитирующее чиновничество, жулье всех мастей и рангов так до сих пор и не удалось. Кто мог бы и хотел работать на земле, так ее и не получили. Бывшим колхозникам раздали «доли». Помыкавшись-помыкавшись, так и не сумев ничего посеять на этих бумажных «долях», они вынуждены были «продать» их за бесценок всякого рода ловкачам и мерзавцам. И не нашлось в России человека, кто смог бы это проконтролировать и предотвратить.

«Почему я так резко выступил»

Все же почему именно в тот момент, в феврале, Ельцин решил до предела обострить политическую ситуацию, потребовав отставки Горбачева? В своих воспоминаниях, в «Записках президента», он объясняет это. По словам Ельцина, его требование, обращенное к Горбачеву, стало неожиданным, ведь президента продолжали считать лидером перестройки, он по-прежнему «был кумиром интеллигенции, в мире его авторитет был неизмеримо выше [авторитета] любого политика тех лет».

«Для резкости у меня были причины разного плана... – пишет Ельцин. – В том числе чисто морального – мне было нестерпимо двурушничество Горбачева во время трагедии в Вильнюсе, я не мог ему простить, что он так легко похоронил программу «500 дней» – единственную нашу экономическую надежду тех лет.

Но были причины и более глубоко порядка, которые я начал в ту пору отчетливо осознавать.

К тому времени наметилась совершенно новая политическая сила, которая валила до кучи Ельцина и Горбачева, левую (в нынешней терминологии – правую. – **О.М.**) оппозицию и власти предержавшие, для которой все мы были «агентами империализма»

вместе с «американским шпионом» Яковлевым и «главным немцем» Горбачевым! Это было, по сути, зарождение будущего Фронта национального спасения – через разочарованных русских в Прибалтике, через новую, ползковскую компартию, через неформальных «новых коммунистов», через реакционные профсоюзы, через чернорубашечников и так далее.

В отличие от большинства демократов я догадывался, что УГРОЗА ДИКТАТУРЫ ИСХОДИТ НЕ ТОЛЬКО ОТ ОКРУЖЕНИЯ «ГОРБИ», НО И ОТ НЕГО САМОГО (выделено мной. – **О.М.**) А это уже было по-настоящему страшно. Настанет момент, когда ему придется спасаться, и его выход через запасную дверь может иметь необратимые последствия.

Ведь теперь консерваторы в Верховном Совете, которым руководил хитроумный Лукьянов, в правительстве, в ЦК КПСС, в силовых структурах имели четко сформулированную радикальную идеологию. Идеологию «национального спасения». Кризис в экономике, национальные конфликты на Кавказе они использовали в своих интересах, шаг за шагом разрабатывая модель чрезвычайного положения, а по сути – будущего государственного переворота.

В этой ситуации маневрировать между правыми и левыми было уже невозможно.

Горбачев стоял перед ужасной необходимостью выбора.

А однозначный выбор лишал его основного оружия – оружия политической игры, маневра, баланса. Без этого свободного пространства для вечных обещаний, блокировки с различными силами, неожиданных шагов – Горбачев уже не был бы Горбачевым.

Зажатый в угол различными политическими силами, он выдвинул идею нового Союзного договора.

И сумел выиграть время».

В этом объяснении есть некоторое противоречие. Если в тот момент «явно наметилась совершенно новая политическая сила, которая валила до кучи Ельцина и Горбачева», считая их «агентами империализма», – это ли не повод для Ельцина объединиться с Горбачевым в противостоянии этой опасной силе? Однако Ельцин не развивает эту тему и начинает говорить о том, что «угроза диктатуры исходит не только

от окружения «Горби» (и, надо полагать, не только от «новой политической силы». – **О.М.**), но и от него самого», то есть от Горбачева.

Впрочем, можно предположить, что это не противоречие, которое не заметил автор. Возможно, Ельцин в тот момент не считал возможным призвать Горбачева к совместному противостоянию «новой политической силе», поскольку не верил, что Горбачев способен сделать какой-то «однозначный выбор» и тем самым лишиться себя главного, привычного оружия – «оружия политической игры, маневра, баланса».

За эфир пришлось бороться

Кстати, добиться телевизионного эфира Ельцину было нелегко. В тех же «Записках президента» он подробно рассказывает, как ему пришлось бороться за право выступить по телевидению:

«Вот как это случилось.

Приближался мартовский референдум 91-го, со страшной силой прогремели события в Прибалтике. Общество бурлило.

Для чего был нужен референдум, все понимали. Во-первых, чтобы придать легитимность чрезвычайному положению уже в масштабах страны (надо полагать, – чрезвычайному положению, или, по-другому, президентскому правлению, которое, по мнению Ельцина, собирался ввести Горбачев и его окружение. – **О.М.**) И во-вторых, чтобы получить «законное право» бороться с российской независимостью.

Каждый день телекомментаторы запугивали народ развалом Союза, гражданской войной. Нашу позицию представляли как чисто деструктивную, разрушительную. Пугать гражданской войной – это просто. По-моему, многие уже всерьез ждали ее. Поэтому я испытывал острую необходимость объясниться. Объяснить, что реформа Союза – это не его развал.

Но тут вдруг выяснилось, что никто выпускать меня в прямой эфир не собирается.

Начались игры с Кравченко, тогдашним телена начальником. То он не подходил к телефону, то выдвигал какие-то условия, то переносил дату записи. Продолжалась эта мышьяная возня не день и не два. Естественно, я начал накаляться. Буквально каждый

день со страниц разных изданий и в личных беседах демократы уговаривали меня пойти на компромисс с Горбачевым, не держать страну в напряжении. И тут я понял, так сказать, реально, какой компромисс мне предлагается, – компромисс с кляпом во рту.

Вся эта история стала достоянием газет, пресса подняла шум. Кравченко делал вид, что ничего не происходит – обычные рабочие моменты.

Результат получился как раз обратный тому, чего хотели бюстители государственных интересов: внимание к моему телеэфиру стало огромным.

Проблема была в одном: объяснить свою позицию предельно ясно, коротко, понятно любому человеку. Не извиняться, не занимать оборонительную стойку – это было самое важное в сложившейся ситуации.

Вот тут у меня и созрела эта мысль. Вы боитесь Ельцина? Ну так получите того Ельцина, которого боитесь! И я решил в очередной раз пойти вразрез с выработанным в обществе стереотипом.

«Стало совершенно очевидным, – сказал я телезрителям, – что, сохраняя слово «перестройка», Горбачев хочет не перестраиваться по существу, а сохранить систему, сохранить жесткую централизованную власть, не дать самостоятельности республикам, а России прежде всего... Я отмежевываюсь от позиции и политики президента, выступаю за его немедленную отставку...»

Ну вот, здесь еще одно объяснение – надо сказать, вполне убедительное, – той резкости, к которой прибег Ельцин: вы не даете мне выступить, вы боитесь меня, – так получайте!

Ельцин считал, что «в конечном итоге» это его выступление не осложнило, а разрядило обстановку в стране, хотя и «страшно оскорбило Горбачева».

Не уверен, что все согласятся с этой ельцинской самооценкой. Напряжение в стране возрастало.

Аргументы Горбачева

Что Горбачев мог в тот момент противопоставить происходившему на его – и не только его, разумеется, – глазах распаду Союза, помимо силовых мер, которые, как мы видели, оказались безрезультатными и только ухудшили ситуацию? Не знаю... Если бы

«отмотать пленку» на несколько месяцев назад и все же принять экономическую программу, о которой они договорились с Ельциным, – программу «500 дней», – какая-то надежда остановить распад еще оставалась. Но теперь... Теперь Горбачев в основном занимался разговорами и уговорами... Заклинаниями.

На протяжении многих месяцев, с того самого момента, когда в воздухе стали витать угроза исчезновения СССР с карты мира, Горбачев неустанно, где только можно, выступал против этого. Его основные аргументы были в общем-то одни и те же, хотя произносил он их в разных комбинациях и в различной последовательности. Вот примерный перечень этих аргументов (он взят мной «навскидку» из выступления Горбачева на встрече с научной и творческой интеллигенцией Белоруссии 26 февраля 1991 года):

– ...Неужели нужно еще раз вернуть государственность в состояние, напоминающее времена Ивана Калиты? Я сегодня сказал перед рабочими и повторяю здесь: не верю, что мы сможем так легко и просто разойтись, как кто-то думает. Собрались ночью, руки подняли, проголосовали, и все решено. Это была бы авантюра, а не политика. Дезинтеграция – вещь опаснейшая. Это путь к гражданским конфликтам, и я не знаю, как мы разберемся, где кому жить, где чьи границы проходят, что делать с теми 75 миллионами, которые живут вне пределов «своих» республик. Только безумцы могут подталкивать к этому... Мы видим, к чему ведут дезинтеграционные процессы. И если не остановим их, не удержим хозяйственные связи, которые уже в значительной мере порушены, то нас ждет спад производства со всеми вытекающими отсюда последствиями, прежде всего – социальными. За социальными могут последовать и политические, потому что народ больше не будет это терпеть... Дезинтеграция, распад хозяйственных связей, срыв производства приведут к тому, что потребуются вообще крутые меры... Из хаоса будут вырастать уже диктаторские формы правления.

«Не верю, что мы сможем так легко и просто разойтись, как кто-то думает. Собрались ночью, руки подняли, проголосовали, и все решено»... Горбачев словно предугадывает, как все в действительности и произойдет в Беловежье через несколько месяцев. Хотя изображает все, естественно, в карикатурном виде. После долгих мучительных споров, после драматических событий – мини-путча в Прибалтике,

настоящего пуча в Москве, после фактического наступления экономической катастрофы – примерно так все и случится: соберутся, в последний раз обсудят и «проголосуют» – подпишут Соглашение...

Не думаю, что «подписанты» окажутся не в состоянии предвидеть те опасности, которые будут угрожать стране после распада и о которых предупреждал Горбачев, – возможность гражданских конфликтов, связанных с неопределенностью границ, разрушение хозяйственных связей, спад производства и неизбежное снижение уровня жизни людей, общий хаос... Но... другого выхода, наверное, уже не будет.

Катастрофа все ближе

«Из письма советского школьника, отправленного 14 февраля 1991 года:

«На прошлой неделе я стоял в ужасной очереди за мясом. Вы знаете, сколько я там стоял? Мне страшно Вам сказать, но я стоял там 5,5 часа. У нас были очереди (как Вы знаете), но они не были такими большими и мы не стояли в них за всем. Но теперь у нас очереди за всем, начиная от мыла и ботинок и кончая спичками и солью. Мы стоим за рисом, за сахаром, за маслом... И это бесконечный перечень... Раньше я никогда не плакал – у меня сильный характер, но сейчас я плачу часто. Мы стали похожи на животных. Если бы Вы видели наших диких, сумасшедших и голодных людей в ужасных, диких очередях, Вы были бы в шоке... Мне стыдно за мою страну».

РЕФЕРЕНДУМ 17 МАРТА

«Союз ССР» готовится к референдуму

Помимо уговоров и заклинаний, которые, как известно, «к делу не пришьешь», у Горбачева по-прежнему оставалась надежда ни «письменный документ», который, как он надеялся, позволит сохранить Союз, – Союзный договор. 9 марта 1991 года был опубликован его доработанный проект. Было очевидно, что эта публикация приурочена к предстоящему референдуму: до него оставалось чуть больше недели. Людям, естественно, следовало объяснить, за какой такой «обновленный» Союз им предлагают голосовать, в чем, собственно говоря, состоит обновление. Объяснение получилось не очень внятным, внятным лишь частично. «Независимая газета» писала: достоинство проекта – то, что в нем признается право республик на суверенитет, что в нем нет никакой идеологии: «ни коммунизма, ни капитализма, ни социализма, ни КПСС, ни каких-либо иных партийных бирок нет», формы собственности республики выбирают сами. Но... Что такое «Союз ССР», который фигурирует всюду в тексте и за который людям предлагается голосовать? Какая-то полузашифрованная полуаббревиатура. Вроде бы Союз уже не «социалистических», возможно даже и не «советских», вроде бы – «суверенных» и еще каких-то на «с» республик. Но – непонятно. И непонятность эта, по-видимому, создана намеренно, – чтобы не отпугнуть ни одну из крупных групп избирателей. Ясно ведь, что коммунисты согласятся голосовать только за Союз «советских социалистических», приверженцы национальных движений в республиках – за «суверенных». Расшифровка аббревиатуры оставлялась на потом, на дальнейшие дискуссии и обсуждения (и их действительно в последующем будет предостаточно), главное же сейчас – проголосовать за «единый и обновленный». Но как же голосовать, если не знаешь, в чем, собственно говоря, состоит обновление? Ну да, республики будут до некоторой степени суверенными, но насколько суверенными, не ясно. И в чем заключается обновление, кроме этого на словах признаваемого права республик обрести

некоторый суверенитет? В общем голосовать предлагалось наполовину вслепую. А может быть, и более чем наполовину.

Проект также не предусматривал, что новый Союзный договор отменяет старый – 1922 года. Опять-таки – мы о том уже говорили, – получалось так, что республики, которые откажутся подписать текст, останутся жить под крылом того ветхозаветного документа, что на территории СССР будут как бы два Союза. Но как такое может быть? Этот странный юридический казус неоднократно будет возникать и в дальнейшем при обсуждении несчастного горбачевского детища – нового Союзного договора.

Ельцин снова – против

Не все республики подписали проект. Представители России... подписали. Как же так, ведь Ельцин неоднократно заявлял, что он – против? Здесь проклюнулись – впрочем уже не впервые – разногласия между председателем российского парламента и значительной частью его депутатов, разногласия, которые вскоре достигнут критических размеров и превратятся в настоящую войну. В общем Ельцин и теперь выступил против проекта Союзного договора. В день его публикации, 9 марта, на собрании демократической общественности в московском Доме кино он заявил, что подписи двух представителей Верховного Совета РСФСР его ни к чему не обязывают.

Здесь он вновь обрушился на Центр, на Горбачева, обвинил его в многочисленных случаях обмана, а себя – в излишней доверчивости.

– Мы допустили несколько тактических ошибок, – сказал Ельцин. – Я лично тоже. Убаюкал нас Горбачев с программой «500 дней», сделав вид, что это совместная программа. И убаюкал не только меня, но даже такого «волка», как Шаталин. Он действительно нам говорил, что получилась программа интересная, конструктивная, давайте, мол, вместе за нее бороться. Мы поверили... этому, а верить нельзя было. Мы ведь и раньше знали, что он обманывает постоянно и народ, и тем более демократов и демократию... Это была ошибка... Мы потеряли четыре месяца. И только 19 февраля наконец хватило у меня мужества сказать, что я отмежевываюсь от политики Горбачева.

«Нам пора идти в наступление!»

По словам Ельцина, на демократов и демократию давно развернуто наступление, не чураются никаких методов, опять идет травля, на голову тех, кто стремится к настоящим демократическим переменам, выливаются грязь, помои, причем с каждым днем все больше и больше.

– А мы вытираемся и ждем следующих помоев. Нам пора идти в наступление, – призвал Ельцин. И предупредил: – Демократия в опасности... Этот год будет решающим. Или демократию все-таки задушат, или она не только выживет, но и победит.

Ельцин отмел обвинения в том, что демократы и руководство России развалили Союз, вытолкнули из него семь республик. По его словам, эти республики из Союза вытолкнул президент со своей политикой.

– Нам не нужен Союз в таком виде, в котором существует сейчас, – продолжал Ельцин. – Нам не нужен такой Центр – огромный, бюрократический... Мы должны от этого избавиться. Шесть лет, пока шла перестройка, убеждали нас, что мы разрушим эту систему, что мы действительно идем на демократические преобразования. Это оказалось ложью. Нас обманули. И мы сейчас должны раскрыть глаза на то, что это была ложь, и должны идти своим путем. Не той «перестройкой», которая была, – особенно в последние годы.

Интриги вокруг Союзного договора

Ельцин подробно остановился на интригах, которые, по его мнению, плетутся вокруг Союзного договора:

– Сегодня напечатан проект Союзного договора. В очередной раз, выступая на сессии Верховного Совета Союза, президент обманул, когда сказал, что на девять десятых это все согласовано. Со стороны России руководитель рабочей группы (то есть сам Ельцин. – **О.М.**) не подписал. Опять сделали подтасовку. Я был на Совете Федерации шестнадцатого числа и сказал, что категорически против того, чтобы публиковали этот документ. У нас, в России, свой путь обсуждения этого документа. Комиссия, которая создана съездом, – раз. Дальше – обсуждение этого документа на съезде 28 марта. Этот съезд (III внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР. – **О.М.**) нам навязан

(«Коммунистами России». – **О.М.**), но мы на нем будем обсуждать этот документ. И только после этого мы согласны сесть за стол переговоров. Документ опять стараются нам навязать сверху.

Поскольку Ельцин против подготовленного проекта Союзного договора, то, по его словам, авторы и сторонники этого проекта любыми способами пытаются обойтись без его, Ельцина, подписи. На предстоящем Съезде народных депутатов России собираются выбрать некую группу полномочных представителей, которым и поручить подписание договора. То есть, как сказал Ельцин, надо ждать сейчас любых подвохов.

– Мы по своей искренности все считали, что там все-таки политика нравственная. Ничего там нравственного нет. У них политика безнравственная, грязная. Сегодня кое в чем нам тоже пора, как шахтерам, засучить рукава и кулаки поднимать.

В это время наиболее твердо свои права отстаивали именно шахтеры. Отсюда у Ельцина постоянные ссылки на них. Шахтерам он неизменно оказывал помощь.

Как сказал Ельцин, к тому проекту, который как бы уже со всеми согласован, на самом деле с российской стороны имеется несколько десятков серьезнейших замечаний, начиная с заголовка: вместо «Союза Суверенных Государств» в проекте стоит «Союз Суверенных Республик». Горбачев доказывает: это ведь все равно, что «республика», что «государство». Раз все равно, давайте и поставим «государств». «Нет, уж как записано, так и оставим», – упирается Горбачев.

В принципе-то, может быть, эти два слова и впрямь примерно равноправные, однако от «Союза республик» явно веет «Советским Союзом»: в составе СССР республики лишь номинально считались государствами, – есть опасность, что такой подход сохранится и в новом Союзе.

Главная же претензия к проекту – он опять спускается республикам «сверху», вместо того, чтобы исходить от самих республик.

Решающей будет эта весна

За неделю до референдума, 10 марта, в Москве на Манежной состоялся очередной грандиозный митинг (300 – 500 тысяч участников), организованный «Демократической Россией». Открыла его записанная на пленку речь Ельцина, с которой

он выступил накануне не уже упомянутой встрече с демократами в Доме кино. Главные темы ораторов и лозунгов на плакатах: требования отставки Горбачева, союзного Верховного Совета и правительства, роспуска Съезда народных депутатов СССР, передачи всей власти Совету Федерации, запрета КПСС и суда над ней, призывы сказать на предстоящем референдуме «нет» «обновленному Союзу» и «да» введению поста российского президента, безоговорочная поддержка Ельцина.

С такими же речами и лозунгами в этот день прошли митинги и в других городах России – Ленинграде, Ярославле, Барнауле, Владивостоке, Петропавловске-Камчатском...

Как водится, один из коммунистических соглядатаев (на этот раз – замзавотделом ЦК Зараменский) докладывал «по своим каналам» об увиденном и услышанном на митинге: «ДемРоссия» собирается стать политической партией, изменить государственный строй и обеспечить приход оппозиции к власти; Ельцин «сделал выбор в пользу борьбы за власть любыми средствами»; решающим периодом борьбы оппозиции за власть названа весна этого года, а методом действий – всемерная поддержка Ельцина в качестве кандидата на пост президента России; чтобы обеспечить «триумф Ельцина», с началом работы российского Съезда народных депутатов 28 марта планируется организовать «серию массовых акций в поддержку его борьбы с М.С. Горбачевым»; в качестве благоприятной почвы для наступления оппозиция рассматривает «реформу цен» (то есть, называя вещи своими именами, планировавшееся тогда премьером Павловым – впрочем, секретно – внезапное троекратное их повышение. – **О.М.**) – это, мол, даст оппозиции «значительное число сторонников из малоимущих слоев населения», приведет к «массовым народным выступлениям».

Вот ведь сколько полезной информации можно извлечь из внимательного наблюдения за одним только митингом!

Чтобы нейтрализовать козни оппозиции и Ельцина товарищ Зараменский предлагал Центральному комитету КПСС осуществить ряд убойных мер;

«сконцентрировать усилия», «дать решительный отпор», «принять экстренные меры противодействия» и т.д. и т.п.

Горбачев уговаривает соотечественников проголосовать «за»

Напомню, как был сформулирован вопрос, выносимый на референдум:

«Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?»

15 марта, за два дня до референдума. Горбачев выступил по телевидению с отеческими напутствиями соотечественникам. Он напомнил, что такое событие происходит впервые в отечественной истории и что каждый, кто участвует в референдуме, должен отдавать себе отчет: он решает главный вопрос, от которого зависит дальнейшая судьба «нашего многонационального государства».

Естественно, призвал всех сказать «да» «обновленному Союзу», призвал эмоционально и вдохновенно:

– Наше «да» сохранит целостность государства, которому тысяча лет и которое создано трудом и разумом, неисчислимыми жертвами многих поколений. Государства, в котором неразрывно сплелись и судьбы народов, и миллионы человеческих судеб, наших с вами судеб. Наше «да» – это уважение к державе, которая не раз доказывала способность отстоять независимость и безопасность народов, в ней объединившихся. Наше «да» – это гарантия того, что никогда пламя войны не опалит нашу страну, на долю которой и так выпало немало испытаний.

Горбачевские спичрайтеры потрудились на совесть: не речь, а прямо стихи в прозе!

Естественно, Горбачев сказал и о том, что «да» не означает «сохранение старых порядков» с засильем Центра и бесправием республик. Все теперь будет по-другому, по-новому. «Да», сказанное, на референдуме, «откроет путь к радикальному обновлению

союзного государства, превращению его в федерацию суверенных республик, где надежно будут гарантированы права и свободы граждан всех национальностей».

Вместе с тем, разумеется, президент предупредил и о тех бедах, которые могут случиться, если итоги референдума окажутся негативными:

– Твердое мое убеждение состоит в том, что если в обществе произойдет глубокий раскол, победителей не будет. Проиграют все. Все мы с вами будем в проигрыше. Трудно даже вообразить, сколько бед и несчастий повлечет разъединение страны, противопоставление людей и народов. И это была бы не только наша с вами беда. Распад державы, которая сегодня является одним из устоев современного мира, чреват всеобщим потрясением, я бы сказал, небывалых масштабов.

В конце выступления – снова обращенная ко всем, едва ли не слезная мольба. Такое ощущение, что Горбачев готов опуститься перед телезрителями на колени:

– Обращаюсь ко всем вам, дорогие соотечественники: скажите на референдуме свое твердое «да» нашему великому союзному государству, сохраните его для себя и для своих потомков.

Кравченко опять не дает Ельцину эфир

В канун референдума, чтобы не оставлять телезрителей один на один с Горбачевым, по телевидению решил выступить и Ельцин, – высказать свое мнение, какие цели преследуют инициаторы этого мероприятия. Попросил Кравченко, чтобы ему предоставили сорок минут прямого эфира 15 марта. Однако, как и в предыдущий раз, Кравченко тянул с ответом. 11 марта всесоюзный теленачальник в своем интервью заявил, что так как политика Ельцина противоречит государственной программе (что это за программа, интересно?), то телеэфир ему предоставлен не будет. Об этом Ельцину сообщили журналисты на встрече 12 марта. Ельцин сказал, что сам он никакого ответа от Кравченко пока не получал, а ответ должен последовать.

– Если Кравченко не даст мне эфир 15 марта... – сказал Ельцин, – буду это расценивать как еще один шаг по удушению гласности в СССР. Я выйду в эфир другим путем, более трудным, более сложным, но это будет так. Перед референдумом я скажу свое слово.

Какой именно «другой путь» имел Ельцин в виду, было непонятно.

Депутаты требуют дать Ельцину слово

С требованием предоставить Ельцину телеэфир выступила группа депутатов российского парламента и местных советов. Выступила 16 марта. До голосования времени оставалось «всего ничего». Собравшись на Васильевском спуске рядом с Кремлем, депутаты выразили протест против произвола Кравченко. Собравшиеся приняли обращение к Горбачеву, в котором, в частности, говорилось:

«Мы, народные депутаты РСФСР и местных Советов, считаем, что позиция, занятая Всесоюзной государственной телерадиовещательной компанией в отношении Председателя Верховного Совета РСФСР, – произвол, дискриминация по политическим мотивам видного государственного деятеля страны. Такая позиция неприемлема, является свидетельством полного служебного несоответствия руководителя монопольной телерадиослужбы. В связи с тем, что председатель Всесоюзной телерадиовещательной компании Леонид Кравченко был назначен на эту должность Вашим Указом, мы обращаемся к Вам с призывом отменить это решение... Мы настоятельно требуем предоставить Борису Ельцину сегодня, 16 марта с.г., не менее 30 минут времени в прямом эфире по Первой программе Центрального телевидения».

Предоставить эфир Ельцину требовали не только депутаты, но и простые люди в своих телеграммах, посылаемых в Останкино и в Кремль.

Горбачев вроде бы (как писали, «по неофициальным сведениям») попросил-таки Кравченко дать возможность Ельцину выступить по телевидению. Однако, вот незадача, сотрудники телевидения «не смогли найти» Ельцина, чтобы пригласить его в телестудию...

Тут вспоминается аналогичный анекдотический случай, который произошел спустя годы, – когда президент Путин «не смог найти» по телефону генпрокурора Устинова, чтобы выяснить у него, в связи с чем арестован предприниматель Гусинский...

Ельцин все-таки выступил

Ельцин-таки выступил по поводу предстоящего референдума. Но не по телевидению, а по радио – по «Радио России». Выступил в тот же день, что и Горбачев, – 15 марта. Его оценка предстоящего референдума была прямо противоположной той, какую дал ему Горбачев.

– Смущает многое, – сказал Ельцин. – Прежде всего неясная, двусмысленная формулировка самого вопроса. Первое. Что такое «сохранить Союз»? Уже сегодня ряд республик заявили о своем намерении из него выйти... Если на эту часть вопроса о сохранении Союза я отвечу «да», за что я проголосую? За то, чтобы любой ценой руководство Союза удерживало республики в Союзе? Даже с помощью насилия против гражданского населения, даже вопреки воле большинства населения? Или, может, за что-то другое? Совершенно непонятно. А ведь требуется сказать однозначно – «да» или «нет». Второе. Что такое обновленный Союз? Насколько он будет обновлен? Покрасят фасад или пойдут на существенные изменения? Будет это обновление идти по сценарию Центра или наконец по воле республик? Все это остается неясным из той формулировки вопроса, которая предложена на референдум. Третье. В формулировке вопроса есть недвусмысленное указание на то, что Союз останется социалистическим. Этим определением стремятся, по сути, получить от народа одобрение старой, отживающей системы. Но ряд республик уже сняли это понятие из своих названий. Что же, им придется возвращаться к тому, что уже отвергнуто? А как быть в том случае, если они не захотят? Уже сегодня многие законы республик кажутся Центру слишком радикальными, смелыми. Не возникнет ли соблазн, прикрываясь итогами референдума, еще более усилить давление на республики, усилить Центр?.. Четвертое. Последняя часть вопроса – о правах и свободах человека. Непонятно, для чего она внесена в формулировку. Считаю это безнравственным. Неужели союзное руководство не имеет четкой позиции по вопросу о том, нужно или не нужно в полной мере гарантировать права и свободы человека любой национальности? Это первейшая обязанность и важнейшая задача государства. Это ясно и без референдума. Это азбука демократии...

– Референдум проводится в расчете на то, – продолжал Ельцин, – чтобы получила поддержку нынешняя политика руководства страны. Она направлена на сохранение имперской унитарной сути Союза, системы... Что касается России, то мы за

коренное обновление Союза, за то, чтобы Россия была в обновленном Союзе. Но за такой Союз, который устраивал бы не высшие слои бюрократии, а прежде всего сами республики, их народы. Мы за Союз, в который республики хотели бы войти и сделали бы это добровольно, а не с помощью силы. Мы за Союз свободных республик, а не колоний Центра. Только такой Союз и будет стабильным, прочным и сильным, в нем будут действительно гарантированы свободы и права всех граждан независимо от национальности.

По словам Ельцина, в преддверии референдума развернута мощная пропагандистская кампания. Утверждают: если на референдуме положительный ответ даст меньшинство населения – наступит чуть ли не катастрофа. Пугают гражданской войной, развалом страны, кровопролитием. А вот в случае успеха референдума, говорят, наступит благоденствие, все конфликты будут урегулированы, кризис закончится, все нормализуется. На самом деле, если большинство скажет «нет», Союз на следующий день не исчезнет. Все останется на своих местах. Будут, как и прежде, работать все союзные ведомства, сохранится и армия, и КГБ. Сохраняются все договоры, и международные, и межреспубликанские. Вместе с тем неудача референдума послужит сигналом для руководства Союза, что та политика, которая им проводится, нуждается в серьезных коррективах. Если же большинство населения скажет «да», ситуация также не улучшится. Для этого недостаточно проголосовать на референдуме. Нужна, как сказал Ельцин, «иная радикальная политика».

В действительности вряд ли Ельцин или кто-либо другой предполагал, что на референдуме большинство может сказать «нет». Он же сам четко, по косточкам разобрал, как хитроумно составлен вопрос, выносимый на референдум. Не вопрос, а конфетка. Стоит только руку протянуть и положить ее в рот: «единый обновленный» Союз, где каждому гарантируется всё и вся.

Быть ли президенту России?

Сказал Ельцин и о российском референдуме, который будет проводиться одновременно со всесоюзным. Здесь вопрос, в отличие от «всесоюзного», ясный и

однозначный: «Считаете ли вы необходимым введение поста Президента РСФСР, избираемого всенародным голосованием?» Ельцин объяснил, почему этот вопрос возник:

– Россия традиционно была республикой без власти. Власть принадлежала Центру и партийным органам. В прошлом году прошли выборы в Советы всех уровней. Но многое осталось по-старому. И не только на общероссийском уровне, но в каждом регионе, городе и особенно в Центре. Доверие к власти на всех уровнях продолжает падать, достигает опасной черты... Нужны решительные неординарные шаги по укреплению прежде всего исполнительной власти в республике и на местах... Сильна только та власть, которая опирается на народную поддержку. Поэтому мы считаем, что Президента России должен выбирать не узкий круг, а все граждане республики – весь народ. За всю более чем тысячелетнюю историю России этого еще никогда не было. Но, думаю, время такого выбора пришло. Введение поста президента поможет укрепить суверенитет республики. Избрание всенародным голосованием Президента России – лишь начало укрепления исполнительной власти в республике. Следующий шаг – укрепление ее на местах, прежде всего в краях и областях. Каждый руководитель этого ранга также должен избираться населением. У него будут соответствующие права и широкие полномочия, но и персональная ответственность. Будет с кого спросить и населению, избравшему его, и руководству республики. Уйти от ответственности, спрятаться за спину депутатов или партийных структур не удастся.

Вот такого принципа держался тогда Ельцин. Позднее, при Путине, потом при Медведеве, от этого принципа стали все дальше отходить. Ликвидировали выборы руководителей регионов, стали потихоньку отказываться от выборов мэров... В общем демократию стали подменять никому не ведомой «суверенной» демократией. Причем Медведев даже как-то заявил, что принцип назначения губернаторов сохранится в неприкосновенности в ближайшие сто лет. Так что, господа-товарищи, как говорится, – за что боролись?

Сказал Ельцин и еще об одном: дескать, сейчас можно нередко услышать, что этот российский референдум проводится «под Ельцина», что Ельцин рвется к власти. Действительно, если референдум скажет «да», он, Ельцин, будет баллотироваться на

пост президента. Но кто именно будет им избран, – решать избирателям. В России есть немало достойных людей, которые могут претендовать на этот пост.

– Но главное не в том, кто будет избран, – сказал в заключение Ельцин, – а в том, что не будет больше в России высших руководителей, подобранных узкой группой людей. Впредь и нами, и нашими детьми, и внуками президент республики будет избираться только всенародным голосованием.

Сейчас, при наследниках Ельцина, все чаще можно слышать разговоры, что и всенародные выборы президента надо отменить – доверить это дело, скажем Федеральному собранию или какой-то другой особой группе людей. А что? Это было бы вполне логичным продолжением отстранения народа от власти, хотя, согласно Конституции, именно народу эта власть принадлежит.

Ельцин неожиданно меняет свое мнение о референдуме

Утром 17 января, приехав на свой участок по проведению референдумов, отвечая на вопросы журналистов, Ельцин неожиданно смягчил и отчасти даже изменил свое мнение о происходящем действе. Журналисты спросили его, каким образом, по его мнению, союзное руководство собирается использовать результаты референдума.

Мы ведь помним четкую ельцинскую формулировку, высказанную всего лишь два дня назад:

– Референдум проводится в расчете на то, чтобы получила поддержку нынешняя политика руководства страны. Она направлена на сохранение имперской унитарной сути Союза, системы...

На этот раз ответ прозвучал гораздо более примирительно:

– Это будет зависеть от самих результатов.

Да и вообще он, Ельцин, не считает референдум таким уж скверным делом:

– Несмотря на то, что вопрос в союзном референдуме поставлен двусмысленно и неэтично, я считаю сам референдум демократическим, тем более что он проводится у нас впервые, а дело это полезное.

Чем объяснить такой резкий поворот в оценке «эпохального» мероприятия. Думаю, – чисто тактическими соображениями. Было уже достаточно ясно, что референдум

даст нужный Горбачеву положительный ответ. И подчеркивать, что он, Ельцин, остается в числе или даже во главе как бы потерпевших поражение «меньшевиков» – тех, кто был против референдума, – Ельцину не хотелось.

Референдум сказал Союзу «да»

Как уже говорилось, вопрос на референдуме был составлен так, что отрицательно на него было трудно ответить: в вопросе был заключен и ответ, положительный ответ – людям явно навязывалось: голосуйте за единый обновленный Союз, и у вас будет все хорошо, все будет просто замечательно.

Впрочем, нашлись, конечно, и такие, кто проголосовал против, кто за словесной шелухой рассмотрел скрытое желание организаторов просто-напросто получить большинство голосов против какого бы то ни было разъединения и распада Союза.

Организаторы референдума и получили это большинство. И с тех пор, вплоть до нынешних времен, ссылаются на него: вот, мол, народ проголосовал за Союз, а кучка этаких-разэтаких негодяев пошла против воли народа.

В целом по стране в референдуме приняли участие 80 процентов имеющих право голосовать. Из них «да» ответили 76,4 процента, «нет» – 21,7 (1,9 процента бюллетеней были признаны недействительными).

Шесть республик – Армения, Грузия, Латвия, Литва, Молдавия, Эстония – не приняли участие в референдуме, хотя кое-где на их территории, в частности в воинских частях, он состоялся.

Одновременно, в тот же день, на Украине был проведен собственный опрос: «Согласны ли вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза Советских Суверенных Государств на основе Декларации о государственном суверенитете Украины?» Довольно неожиданно он тоже дал высокий процент ответов «да» – 80,17. Неожиданным он был потому, что к этому времени в республике уже сформировались довольно мощные настроения за выход из Союза, каким бы обновленным-разобновленным он ни стал. Впрочем, здесь, в этом вопросе, упоминание Декларации о государственном суверенитете Украины тоже наводило некоторую тень на плетень: люди

полагали, что эта Декларация будет для республики надежной страховкой – уже не позволит Союзу с потрохами проглотить Украину.

На российском референдуме по поводу введения поста президента РСФСР (напомню, он тоже проводился 17 марта) более 71 процента участвовавших ответили, что считают необходимым введение такого поста.

Правда, была тут и ложка дегтя, причем довольно серьезная: в четырнадцати автономиях из шестнадцати положительный ответ не был получен – автономии либо голосовали против, либо вообще не проводили референдум. В автономиях явно не желали усиления роли Москвы, которое неизбежно произойдет при появлении поста президента России.

В дальнейшем об этом досадном инциденте – своеобразном «бунте» автономий – почти не упоминали...

Так или иначе, общий результат голосования оказался «за». Путь к президентской предвыборной кампании в России был открыт.

Это, конечно, была победа Ельцина, победа демократов, которые именно его видели во главе России. При всех разговорах о том, что в республике «много достойных кандидатов», вопрос стоял просто: президентом будет либо выдвиженец демократов (Ельцин), либо ставленник коммунистов. Другими словами, победа 17 марта была промежуточной, впереди сторонников Ельцина ожидали, по крайней мере еще две серьезные схватки с коммунистами: схватка на съезде, который, следуя результатам референдума, должен был принять официальное решение о выборах, назначить конкретную дату их проведения, и сами выборы. Исход и той, и другой схватки не был таким уже predetermined.

За что именно проголосовала Украина на референдуме

Стоит, может быть, сказать еще несколько слов об итогах референдума на Украине. Нельзя сказать, что случившееся там довольно единодушное голосование «за» Союз не создало определенных проблем для украинского руководства, все более нацеливавшегося на выход из Союза. Ему, руководству, теперь не однажды придется выкручиваться, давать собственное толкование этому единодушию, вплоть до самого

Беловежья (возражая, в частности, Горбачеву, который будет часто на это единодушие ссылаться), да и после него. Уже в начале апреля 1991-го, выступая на пресс-конференции в Киеве, Леонид Кравчук подчеркнул, что «народ Украины высказался не просто за Союз, а за Союз Суверенных Государств, куда Украина должна войти на основе своей «Декларации о государственном суверенитете», и «если республика делегирует какие-то свои полномочия Союзу, то только исходя из собственных интересов и не навсегда».

Что касается проекта Союзного договора, опубликованного незадолго перед референдумом, Кравчук, как и Ельцин, отозвался о нем довольно скептически, сказав, что у него много замечаний к этому проекту, «почти к каждой его статье».

Кравчук сообщил, что президиум Верховной Рады создал рабочую комиссию для подготовки собственного, украинского варианта Союзного договора.

– Мы будем строить Союз, который отвечал бы интересам народа Украины, – в очередной раз повторил Кравчук.

Он наметил и контуры нового Союза, каким он видится ему:

– Союз государств не предполагает центрального государства, он предполагает координационный центр. Мы не должны сегодня молиться на федерацию, равно как и на конфедерацию. На переходный период необходимо центральное государство с ограниченными функциями и полномочиями, переводением стрелок в сторону государств-республик... Мы должны создать Союз с элементами федерации и конфедерации. А дальше сама жизнь выведет нас на новые структуры.

Что это за «координационный центр», что это за «центральное государство с ограниченными полномочиями», учрежденное «на переходный период», Кравчук и сам вряд ли мог бы сказать. В сущности все это было лишь закамуфлированное отрицание Союза, Союзного Центра. Просто сказать: «Никакого Союза быть не должно! Никакой Союз нам не нужен!» – тогда еще ни у кого язык не поворачивался (если не считать прибалтийских лидеров), хотя Кравчук был ближе других к этому. Да он и раньше других начнет это открыто говорить (опять-таки вслед за руководителями прибалтийских республик).

Словно бы предвидя недалекий уже августовский путч, Кравчук заверил: как бы ни развивались дальнейшие события, «танки на Крещатике не появятся».

– По крайней мере, мои действия состоят в том, чтобы не допустить этого, и я думаю, что Украина устоит, она имеет для этого все необходимые условия. Главное, у народа Украины появилась цель – независимость.

Кравчук добавил также, что по экономическому потенциалу, согласно оценке немецких финансистов, Украина также имеет наилучшие среди других республик шансы стать суверенной.

Наконец, коснулся Кравчук и своих отношений с Горбачевым. Эти отношения не столь конфликтны, как между Горбачевым и Ельциным. Но разногласия с союзным президентом, причем труднопреодолимые, существуют и у него, Кравчука.

– В ситуации, что сложилась, не приведи Господи, быть на месте Горбачева, – сочувственно сказал Кравчук. – Однако, несмотря на невероятные нагрузки, он находит возможность выслушать собеседника. Это очень важно. Мы неодинаково мыслим, но это не значит, что мы противники. У нас нормальные отношения двух политических руководителей. Михаил Сергеевич – сторонник обновленной федерации, а я – Союза Суверенных Государств. Я буду стоять на своем, а он, уверен, – на своем. А решающее слово будет за Верховным Советом Украины.

Вот опять тень на плетень: Союз Суверенных Государств; так за что же вы все-таки, Леонид Макарович, – за союз государств или за координационный центр?

Катастрофа все ближе

«Тональность обращения советского руководства к лидерам Запада тревожная, просьбы о помощи все настойчивее. Из дневника помощника президента СССР Анатолия Черняева:

«Вечером я сел писать письмо Горбачева к Колю. По телефону он не стал ему говорить о своей просьбе, а это «SOS»: ибо наступает голод в некоторых областях, забастовал Кузбасс, тоже «Долой президента!» В магазинах больших городов полки пустуют абсолютно, в буквальном смысле. М. С. просит Коля срочно помочь – заставить банки открыть кредит, а также дать деньги вперед под заклад военного

имущества, оставляемого нашими уходящими из Германии войсками. Письмо отправлено.

Грядет крах...»

«Растущий дефицит потребительских товаров и падение производства происходят на фоне очевидной утраты органами власти способности управлять экономическими процессами. Из записки заведующих отделами ЦК А. Власова и И. Скибы – в ЦК КПСС «О необходимости усиления борьбы с преступлениями в сфере экономики» (18 марта 1991 года):

«В обстановке, когда из Свердловской, Пермской, Челябинской, Кемеровской, Иркутской, Читинской областей, и многих других регионов РСФСР, республик Закавказья и Средней Азии в ЦК КПСС, правительство страны поступают настоятельные просьбы об оказании срочной продовольственной помощи, на складах морских портов к началу марта с.г. ...из-за отсутствия вагонов скопилось 9 тысяч тонн скоропортящейся пищевой продукции, 10 тысяч тонн круп, чая, кофе, кондитерских и макаронных изделий, 179 тысяч тонн сахара... В то же время в Азербайджанской ССР, Ивановской, Новгородской, Нижегородской и ряде других областей РСФСР введено нормированное потребление хлеба».

Финансовый кризис, развал потребительского рынка и утрата властями возможности управлять товаропотоками, даже транспортом, – процессы, разворачивающиеся параллельно, усиливающие друг друга».

«В. Акулинин, руководитель отдела агропромышленных отраслей Совета Министров СССР – председателю правительства СССР В.Павлову (18 марта 1991 года):

«В стране в ближайшее время может сложиться чрезвычайная ситуация со снабжением населения хлебопродуктами, а животноводства – концентрированными

кормами... Запасы продовольственного зерна (кроме Казахстана, где его хватит до нового урожая) будут исчерпаны в конце марта. Уже сегодня крайне тревожно положение с обеспеченностью мукой... Менее чем на 10 суток запасы муки в г. Москве, Ивановской, Тульской, Нижегородской, Тюменской, Свердловской, Читинской, Камчатской и некоторых других областях. Не решают хлебную проблему поступления зерна по импорту. В январе – марте с.г. завезено импортного зерна только 3,7 миллиона тонн при намечавшихся поставках 12,4 миллиона тонн. Неоднократные поручения руководства страны по усилению отгрузки товарного зерна из Казахской ССР, а также ускорению поставок его по импорту ощутимого влияния на изменение ситуации не оказали»

Вот она начавшаяся хозяйственная вольница!

МОСКВА. 28 МАРТА

Снова – последний и решительный

Референдум 17 марта вроде бы должен был снять или хотя бы снизить политическое напряжение в стране – вроде бы все ясно: народ желает проживать в едином обновленном доме. На самом деле напряжение все возрастало. По всему было видно, Горбачев попытается использовать результаты референдума, чтобы укрепить свою власть и максимально ослабить позиции Ельцина и руководителей других республик. Но особенно – Ельцина. Вполне возможно, – вообще отстранить его от власти: этот замысел довольно четко проявился сразу же после дерзкого ельцинского телевыступления 19 февраля.

Со своей стороны, Ельцин поставил перед собой ближайшей целью выжать максимум из результатов российского «президентского» референдума – немедленно начал, по существу, избирательную кампанию.

– Решение народа принято, – заявил он, выступая 22 марта на Кировском заводе в Ленинграде.

По его словам, «Коммунисты России» собирались «совершить конституционный переворот еще до референдума, дело свое грязное сделать – отбросить крупнейшую республику на политическую периферию». У нас на глазах, предупредил Ельцин, «формируется коммунистический фундаментализм... [зовущий] опять в светлое будущее». Между тем, страна «так и не получила программу выхода из кризиса... Повышение цен – вот экономическая программа: снять последнюю рубашку для поддержки загнивающего режима».

(Без повышения цен, точнее без их освобождения, как мы знаем, и самому Ельцину не удалось обойтись. Оно произошло всего лишь через восемь месяцев. Другое дело, что это была действительно осмысленная реформа, в отличие от бессмысленной павловской суеты).

Далее Ельцин рассказал, что он сам в перспективе собирается делать, что обсуждается в плане социально-экономических мер: 24-дневный отпуск, 40-часовая рабочая неделя, увеличенный минимум зарплаты... В общем, обещания, какие и полагается давать в предвыборную пору. Из не совсем обычного, нового – налоговые льготы для предприятий российского подчинения (дескать, не мешкайте, переходите «под крыло» России!), резкое сокращение расходов на оборону, на космос, на «братскую помощь» зарубежным друзьям, ускоренная приватизация...

Были оглашены и некоторые программные наметки политического свойства.

«Программа действий российского лидера, – писал

«Коммерсант-Власть», – в общем и целом продолжает программу, оглашенную им ранее: приватизация земли, борьба с коммунистическими функционерами на местах, создание массовой партии, подтверждение решительного разрыва с Горбачевым... Ельцин, очевидно, намерен в максимальной степени использовать пиковую ситуацию, в которой находится союзное руководство: грядущее повышение цен (так называемая «павловская реформа» – **О.М.**), плюс забастовки шахтеров, плюс отсутствие сколько-нибудь ясной программы действий, плюс холодное отношение Запада... Шансы Ельцина уникальны: накануне съезда, на котором коммунисты намерены дать ему «последний и решительный бой», коммунистическое союзное руководство, будучи абсолютно непопулярным, проводит абсолютно непопулярные экономические мероприятия».

III внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР, на котором коммунисты и их союзники собирались сместить Ельцина, был намечен на 28 марта. У демократов, естественно, цель была противоположная – отстоять Ельцина и добиться, чтобы Съезд, следуя результатам российского референдума, принял официальное решение о всенародном избрании президента России, назначил его дату.

Чтобы поддержать Ельцина, движение «Демократическая Россия» наметила провести в день открытия съезда массовую манифестацию в столице. Ответные шаги предприняла и противоположная сторона. Стремясь воспрепятствовать выступлению демократов, союзный Кабинет министров вполне прямолинейно и бесхитростно принял 25 марта постановление «О временном приостановлении в г. Москве проведения

митингов, уличных шествий и демонстраций». На следующий день, 26-го, как бы в подкрепление этого постановления, Горбачев издал указ «О создании Главного управления Министерства внутренних дел СССР по городу Москве и Московской области», то есть объединил столичное и областное милицейские управления как бы в единый кулак и напрямую подчинил их союзному Министерству внутренних дел, как бы выведя из состава российского МВД. Явно подразумевалось, что это управление и должно выполнять запретительное правительственное постановление – это будет его главная задача.

Тем не менее демократы не отказались от своего намерения выйти в намеченный день на улицы Москвы.

Ночное телеинтервью Горбачева

Прямыми запретительными мерами дело не ограничилось. Поздним вечером 26 марта Горбачев выступил по Центральному телевидению с пространным, почти полуторачасовым, интервью, в котором попытался обозначить свою позицию накануне надвигающихся серьезных событий. Значение этого выступления подчеркивалось тем, что одним из двоих интервьюеров был собственной персоной главный телевизионный начальник Кравченко – тот самый, который костью ложился, чтобы не давать эфир Ельцину.

Как писала «Независимая газета», «среди потока сиюминутных политических банальностей» из уст президента прозвучали также «слова, которых мы уже давно от него не слышали; это наводило на мысль, что, возможно, демократический потенциал «инициатора перестройки» отнюдь не исчерпан».

Газета цитировала некоторые из этих слов:

«Я не уйду от ответственности за совершенные ошибки».

«Я переживаю, что пролилась кровь» (как мы знаем, в последний раз она пролилась в Прибалтике. – **О.М.**)

«Мы будем опираться на свободу суждений по любому вопросу».

«Если вы не согласны с моей политической линией, это не значит, что вы мой враг».

«Новое насилие – это была бы моя политическая смерть».

«Мы должны осуществить глубокие перемены в рамках демократии».

«Я сторонник честной политики»...

(Тут вспоминался упрек, брошенный Ельциным своим политическим противникам, в первую очередь, конечно, Горбачеву: «Мы по своей искренности все считали, что там все-таки политика нравственная. Ничего там нравственного нет. У них политика безнравственная, грязная...»)

Все эти декларации, высказанные Горбачевым в его длинном телеинтервью, можно было объяснить двояко – и просто как декларации, призванные приостановить разрушение горбачевского имиджа как инициатора демократических перемен в стране, и как искреннее желание все-таки окончательно «не сжигать мосты» между собой и российскими демократами.

Впрочем, высказывая эти «правильные» слова, Горбачев одновременно обрушился на «так называемых демократов», обвиняя их во всех смертных грехах.

Намекая на готовящуюся демократическую манифестацию, он бросил упрек оппозиции:

– Оппозиция хочет подтолкнуть народ... к действиям с непредсказуемыми последствиями.

Что подразумевалось под этими последствиями? Это можно было понимать и как угрозу: манифестация встретит жесткое противодействие. Тем более, что по всему было видно: власть всерьез к этому готовится. А когда на улице начинаются столкновения, декларации типа «Я переживаю, что пролилась кровь», «Новое насилие – это была бы моя политическая смерть» – как-то повисают в воздухе и быстро забываются.

Кстати, о самой «безразмерности» горбачевского интервью. «Российская газета» писала по этому поводу:

«Почти полтора часа говорил президент. Ему повезло на собеседников. Президента не прерывали, не пытались украсть его эфирное время... (Тут, возможно, был намек на телеинтервью Ельцина 19 февраля, когда собеседник, напротив, бесцеремонно прерывал его, пытался сбить спонтальку. – **О.М.**) Все это выглядело бы вполне прилично, имей такую же возможность общения с многомиллионной аудиторией и

оппоненты Горбачева. Но они по его воле отлучены от голубого экрана. Хотя президент и не постеснялся заявить, что у оппозиции есть все возможности в том числе и на ТВ, излагать собственную точку зрения».

Да, мы ведь помним, какие «возможности» были у Ельцина, когда он перед референдумом пытался получить эфир, хотя бы на сорок минут.

Не допустить повторения Прибалтики!

27 марта, накануне манифестации, Координационный совет «Демократической России» выступил с обращением «к гражданам суверенной России», в котором изложил, как он видит сложившуюся политическую ситуацию.

«Почти полгода продолжается наступление реакции, – говорилось в обращении. – Демократические силы уже привыкли к беспардонной травле, информационной блокаде, попыткам парализовать деятельность подконтрольных им органов власти.

Вместе с тем в последнее время наблюдается консолидация демократических движений и партий, крепнет их связь с рабочими, возрастает поддержка народа. Кампания дискредитации демократов, Б. Н. Ельцина дает обратные результаты. Об этом говорят результаты российского референдума, беспрецедентные по масштабу и стойкости политические забастовки шахтеров».

Это, говорилось далее в обращении, невыгодно руководству КПСС, с каждым днем теряющему социальную базу. Единственный шанс сохранения своей власти оно видит в применении силовых методов, рассчитывая на поддержку армии, КГБ и МВД.

Авторы высказывали опасение, что в ближайшие дни партийная номенклатура попытается решить несколько критически важных для нее проблем, одна из которых, – может быть самая важная, – не допустить, чтобы открывающийся 28 марта Съезд народных депутатов РСФСР принял решение об избрании президента России общенародным голосованием, за что россияне проголосовали на референдуме. Вторая проблема связана персонально с Ельциным: на этом съезде «Коммунисты России» будут пытаться снять Бориса Николаевича с его поста. Трудно поверить, что Горбачев и его команда не понимают: в этих условиях запрещение митинга «воспринимается

москвичами как прямое оскорбление и может привести к массовым забастовкам в столице...»

Стиль действий, постановлений, выступлений и т. п. президента и его сторонников, по словам авторов обращения, поразительно напоминают январские события в Прибалтике... Здесь и ультимативное предложение «образумиться», и «прекратить конфронтацию», и принятие постановлений, относящихся к компетенции республиканских властей, причем постановлений явно антиконституционных и, наконец, перевод ГУВД Москвы и области в союзное подчинение.

Заканчивался текст предупреждением, адресованным власти, и призывом к стойкости и сплоченности, обращенным к народу:

«Демонстративно дразнить, унижать, втоптывать в грязь собственный народ – занятие, как показывает опыт, небезопасное. Впрочем, мы меньше всего хотели бы повторения в нашей стране румынского сценария (вот на что намек – на печальную судьбу супругов Чаушеску, расстрелянных в ходе антикоммунистического восстания. – **О.М.**) Мы уверены, что и народы России, показавшие свою политическую зрелость 20 января и 10 марта, не позволят задушить демократию и защитят ее сплоченными, организованными и вместе с тем исключительно мирными акциями.

Главное – не дать себя запугать! Помните, что победившая реакция безжалостна и мстительна к любым оппонентам, в том числе нерешительным и непоследовательным... Да и вся политика союзного руководства в корне противоречит интересам почти всех слоев населения, в том числе и тех, кто носит мундиры и шинели».

Столица – на осадном положении

Между тем, как и ожидалось, власть в преддверии 28 марта вынашивала вполне серьезные намерения. В город были введены дополнительные силы милиции, подразделения внутренних войск и даже армейские подразделения, внушительная военная техника. Вот как описывали это корреспонденты агентства «Постфактум»:

«На Пушкинской площади находятся сотрудники милиции и техника – 42 грузовика, четыре машины с надписью «Огнеопасно» и два водомета. В Козицком переулке находятся еще шестнадцать автомобилей с надписью «Огнеопасно». Военные

расположились также на Тверской улице возле гостиницы «Интурист», на Красной площади, улице Огарева. Пешеходные подходы к Манежной площади по Тверской улице перекрыты милицией. Кремль оцеплен. Во дворе факультета журналистики МГУ (проспект Маркса) находится водомет. Сотрудники милиции находятся также на Советской площади... В 16-30 от станции метро «Площадь Революции» к Кремлю направилась большая колонна военных. Возле Красной площади расположились четыре машины «Скорой помощи»... В 16-50 движение по улице Тверской у Пушкинской площади было перекрыто. Движение преградили люди в защитной форме со щитами и дубинками... Милиция и войска в 16-40 перекрыли Исторический и Кремлевский проезды».

Народ «встает с колен»

Непосредственно 28 марта обстановка в столице с самого утра сложилась напряженная. Хотя, как уже говорилось, 25-го и 26-го и были приняты грозные постановления и указ, истинные намерения властей, – каким образом они будут использовать втянутых в город «правоохранителей», – до последнего момента были неясны. Никто не мог исключить, что им будет отдан приказ стрелять, избивать, давить... В конце концов есть какая-то логика в решениях и действиях. Логика последних месяцев вполне допускала (и даже требовала) жесткого разгона демонстрантов и митингующих, ареста организаторов... Какое решение примет Горбачев?

Город бурлил почти с самого утра. То здесь, то там возникали группы манифестантов с транспарантами, российскими флагами, пытающиеся прорваться поближе к Манежной площади – традиционному в ту пору месту, где проводились народные вечера, – или вовсе к Кремлю.

Происходили даже одиночные выступления. Как сообщал корреспондент «Постфактум», водитель 31-го московского автокомбината Роман Жуков около часа дня встал на углу Тверской и Моховой, возле гостиницы «Националь» (это край Манежной площади), с лозунгом: «Я требую отставки Горбачева, он довел страну до того, что жрать нечего».

Проникнув сквозь милицейские редуты...

Некоторым журналистам – и российским, и иностранным, – удавалось просочиться сквозь цепи милиции и солдат, опоясавших центр Москвы,

«Мы проникли сквозь все эти редуты президента и премьера, как и зарубежные коллеги, – писали корреспонденты «Российской газеты». – Им было смешно. Нам – стыдно... Мы ходили вдоль воинских и милицейских цепей. Старый солдат – полный кавалер ордена Славы – общался со своими боевыми потомками на суровом фронтовом языке. Пожилые, плохо одетые женщины стыдили: «Бессовестные вы! Нет бы работать – так против народа идете...» Невыспавшийся милицейский капитан огрызнулся: «Этот Павлов такой же мой, как и ваш. И Горбачев – тоже». А представители «так называемых демократов» (употребим любимый термин Михаила Сергеевича) успокаивали людей и просили никого не оскорблять. Люди, мол, выполняют приказ, они такие же служащие, как любой из тех, кто заполнил 28 марта все прилегающие к центру улицы, площади и переулки».

«В 16-50, – сообщало агентство «Постфактум», – манифестанты от гостиницы «Националь» и Госплана двинулись к гостинице «Москва», на Манежную площадь. В 17-15 военнослужащие с пластиковыми щитами и дубинками оттеснили митингующих на Тверскую улицу, применив при этом силу... В 18 часов возле кинотеатра «Художественный» на Калининском проспекте собралась толпа численностью около полутора тысяч человек. Часть из них вышла на проезжую часть, при этом движение транспорта со стороны Манежной площади продолжалось. Путь группе преградила милиция и грузовые автомобили. На протяжении Калининского проспекта от метро «Арбатская» до Манежной площади все переулки преграждены и заполнены техникой – автомобилями внутренних войск и Советской Армии.

В 17 часов из Калашного переулка выехал отряд конной милиции и отряд курсантов. Из автобусов, которые находились в прилегающих переулках, вышел отряд милиции в бронежилетах, касках, с дубинками. Группа людей, вышедшая на проезжую часть, была отрезана от остальных манифестантов грузовыми автомобилями, после чего конная милиция оттеснила ее с проезжей части. Участники митинга кричали

сотрудникам милиции: «Что вы делаете, вы должны быть с народом!..» Активисты движения «Демократическая Россия», обеспечивающие порядок на митинге, пресекли попытки некоторых митингующих бросать камни в конную милицию».

Сотни тысяч требуют отставки Горбачева

Вечером 28 марта состоялись уже настоящие многотысячные митинги и шествия. Это было уже второе за короткий срок мощное антигорбачевское выступление. Сигнал, который митингующие посылали Горбачеву, был очевиден, – их целью было показать, что так легко реализовать свои намерения прижать демократию, стремление России и других республик к свободе и самостоятельности, не удастся, что реакционным силам, на которые он решил опираться, противостоят другие силы, не менее сильные.

Один из митингов начался в половине седьмого вечера на Калининском проспекте вблизи Арбатской площади. Ораторы – в основном депутаты российского парламента и Моссовета, лидеры движения «Демократическая Россия», – требовали отставки Горбачева, отстранения КПСС от власти, проведения выборов российского президента, грозили, если Ельцин будет снят с поста председателя российского парламента, организовать всероссийскую политическую стачку, призывали солдат не стрелять в народ.

– Главный правонарушитель и преступник – президент Горбачев, – сказал депутат российского парламента капитан милиции Юрий Лучинский. И добавил, обращаясь к своим коллегам-милиционерам:

– Горбачев заставляет вас, оставив горячие места столицы, охранять свою коррумпированную хунту. Наступает момент, когда милиция должна сделать для себя выбор: быть с преступниками или быть с народом. Если завтра вас заставят давить конями и бить палками свой народ, сделайте свой выбор, каким бы тяжелым он ни был.

Затем митингующие направились колонной по Садовому кольцу в сторону площади Маяковского, где уже шел другой митинг, также организованный «Демократической Россией».

«Российская газета»:

«Встало движение на Тверской и Бульварном кольце. Прочные «пробки» начали закупоривать столицу. Но ехавшие в городском транспорте не возмущались, а присоединялись к участникам митингов... Встал транспорт и на Садовом. Водители дружно нажимали кнопки звуковых сигналов, приветствуя растянувшуюся на полкольца манифестацию...»

Когда участники обоих митингов слились, число участвующих, как считают организаторы, достигло 500 – 700 тысяч человек. Милиция, как всегда, приводила потом несколько меньшую цифру. В любом случае это было одно из самых многочисленных народных выступлений, какие проходили в Москве в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

Здесь снова звучали призывы добиться от властей прямых выборов российского президента, за что проголосовали люди на референдуме. И одновременно – провести выборы руководителей исполнительной власти на местах. Причем – не позже, чем в мае.

«Российская газета»:

«Если центр добивался этого – узнать отношение к себе, – своей цели он достиг куда вернее, чем на референдуме. А характер выступлений? «Ельцину и свободной суверенной России – да!», «Горбачев...» Здесь мы вынуждены поставить отточие, чтобы не быть обвиненными в нарушении закона о защите чести и достоинства президента».

Как поведет себя дальше власть, Горбачев? Поскольку, повторяю, это было никому не известно, в речах выступавших то и дело прорывались тревожные ноты.

– Возможен такой вариант развития событий, при котором нам запретят проводить митинги, – сказала депутат Галина Старовойтова, – поэтому мы должны создавать стачкомы и другие формы защиты российского правительства.

Говорили, будто существует какой-то секретный план, согласно которому власти намереваются сбить спутник, транслирующий передачи «Радио России».

По окончании митинга, – около восьми вечера, – организаторы попросили собравшихся «не поддаваться на провокации» и не идти в сторону Манежной площади, как призывали некоторые. Однако несколько тысяч участников митинга все же направились туда. Часть из них была остановлена на Пушкинской площади милицией и внутренними войсками, за рядами которых виднелись водометы. Другая часть

прорвалась... Позже приводились свидетельства, включая фото- и видеосъемки, что после окончания митинга людей избивали и на Манежной, и в других местах города...

Все же, если сравнить с настроениями и тревожными ожиданиями, какие были в начале дня, – его завершение было не таким уж драматичным. Могло быть гораздо хуже.

Съезд – на стороне митингующих

В условиях, когда Москва бурлила, Съезду народных депутатов РСФСР, открывшемуся в этот день, трудно было проходить нормально. Достаточно напомнить, что в манифестациях участвовали депутаты от «Демократической России», которым пришлось разрываться между митингами и заседаниями Съезда.

Большинство депутатов потребовало, чтобы союзные власти немедленно отменили свое распоряжение о вводе в центр Москвы крупных сил милиции и войск. Работать «в кольце штыков, под дулами автоматов, с ощущением давления со стороны КГБ, ОМОНа, войск они были не намерены.

Ссылаясь на обе Конституции – СССР и РСФСР, – а также на Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, российский Съезд 28 марта отменил постановление союзного Кабинета министров от 25 марта о временном приостановлении в Москве митингов и уличных шествий. Был приостановлен также указ президента от 26 марта о создании Главного управления МВД СССР по Москве и Московской области. Обеспечить общественный порядок поручалось российскому Совету Министров.

Депутаты поручили первому заму Ельцина Хасбулатову встретиться с Горбачевым и потребовать от него немедленно вывести из Москвы прибывшие сюда воинские и милицейские подразделения и отвести в места постоянной дислокации те из них, которые базируются в Москве и в Подмосковье.

Первое заседание Съезда 28 марта стало и последним.

Горбачевцы и полозковцы – вместе

Как мы знаем, между Горбачевым и Полозковым, между верхушками КПСС и Компартии РСФСР с самого ее основания, были довольно напряженные отношения. Однако теперь логика политической борьбы подтолкнула их друг к другу, заставила

объединиться в борьбе с Ельциным. Координационный совет движения «Демократическая Россия» предал гласности некий документ, сценарий, – как должны себя вести коммунисты на съезде, – разработанный накануне съезда, 27 марта, на совещании в ЦК КПСС, в котором приняли участие российские съездовские фракции и группы «Коммунисты России», «Россия» и аграрии. Документ весьма агрессивный и вместе с тем забавный. Вот некоторые выдержки из этой инструкции. Какой должна быть повестка дня съезда:

«1. Отчет Б.Н. Ельцина, а не доклад (отчет – это знак того, что Ельцин не просто держит речь, а его как бы привлекают к ответу за его неблагоприятные деяния. – **О.М.**)

2. Содоклад от группы «шести»... (то есть той самой «шестерки» – Горячева и др., – которые затеяли этот внеочередной съезд, имея в виду свалить на нем Ельцина. – **О.М.**)

3. Президентству в России – нет, вопрос не рассматривался ни в комиссиях, ни на Верховном Совете, тем более Конституционная комиссия проголосовала против изменения Конституции.

4. Вопрос о шахтерах, отношение к президенту отвергать сразу.

5. Декрет о власти и приватизации собственности КПСС не рассматривать, это антиконституционно».

Давались также подробные наставления, как вести себя депутатам-коммунистам:

«...5. По окончании доклада Б.Н. Ельцина (45 минут). Отвечать на вопросы (в прениях. – **О.М.**) только от микрофона. Записок не подавать, чтобы не было «домашних заготовок».

6. Содокладчику (то есть одному из членов этой самой «шестерки». – **О.М.**) вопросов не задавать.

7. Каждый выступающий коммунист должен заканчивать речь [словами]: «Политический курс Ельцина не обеспечивает выполнения решений съездов, и я считаю необходимым отозвать его с поста председателя».

8. Недоверия Верховному Совету у «Коммунистов России» нет, хотим дать ему возможность нормально работать, убрав Ельцина и Хасбулатова...»

(Тогда еще Хасбулатов считался верным соратником Ельцина. Не пройдет и года, как этот деятель возглавит команду ярых ельцинских противников на Съезде и в Верховном Совете).

Наконец давалось даже наставление, как следует выражать свои эмоции:

«После выступлений коммунистов дружно аплодировать и выкрикивать одобрения. Быть более раскованными, чем на прошлых съездах. Нас 87 процентов, и мы должны победить».

«Дружно аплодировать и выкрикивать одобрения»... Тут на ум приходит щедринское: «В порыве восторга вспомнились и старинные глумовские вольности. Лучшие граждане собрались перед соборной колокольной и, образовав всенародное вече, потрясли воздух восклицаниями: «Батюшка-то наш! красавчик-то наш! умница-то наш!» (Так они выражали свой восторг по случаю прибытия нового градоначальника, Дементия Варламовича Брудастого).

Что забавно, хотя 28-го инструкция еще как бы не вступила в силу, некоторые коммунисты, будучи людьми дисциплинированными, уже принялись следовать ей.

У Горбачева опять не хватило духу...

На утреннем заседании съезда 29 марта Хасбулатов сообщил, что во время его вчерашней встречи с Горбачевым тот категорически отказался признать постановление российского съезда об отмене союзных документов, принятых 25 и 26 марта. Но при этом президент пообещал вывести войска из столицы, и к данному моменту это обещание выполнено.

– Президент СССР сдержал слово – войск в Москве нет, – сказал Хасбулатов.

Удивляет, как легко Горбачев «дал задний ход». Для чего тогда он вообще все это затевал – фактический перевод Москвы на осадное положение? Хотел показать, кто в столице и во всей стране хозяин? Ну да, таков, наверное, был общий замысел. Но существовал, надо полагать, и замысел более конкретный – создать в Москве такую грозную атмосферу, при которой «Коммунистам России» на съезде не составило бы труда скинуть Ельцина. Если бы еще все эти демонстрации и митинги были безжалостно

разогнаны, сделать это, – так, видимо, считалось, – было бы и вовсе легко. Устранение Ельцина означало бы настоящий триумф для Горбачева и его сторонников.

Но...

Московская манифестация оказалась слишком мощной, слишком многочисленной, отчаянно бесстрашной, готовой идти до конца. Попытка подавить ее, без сомнения, обернулась бы кровавым побоищем, своего рода локальной гражданской войной. За устранение Ельцина, даже если бы его удалось осуществить, пришлось бы заплатить слишком высокую цену. Горбачев быстро понял это.

Помимо прочего, разумеется, его, как всегда, останавливал панический страх, – что его «демократическому», «цивилизованному» имиджу будет нанесен непоправимый ущерб, прежде всего в глазах Запада.

Итак, Горбачев опять не решился на худший, кровавый вариант, хотя, не исключено, был близок к нему. Он опять прошел, говоря словами Высоцкого, «вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю». «Российская газета» писала в те дни:

«В недавнем интервью на ЦТ Горбачев сказал: «Если случится насилие, – это будет моя политическая смерть». Думаем, даже не доведя ситуацию до кровавой бойни, но поставив общество на ее грань, он оказался очень близок к собственному прогнозу».

Тем не менее «силовая поддержка» за окном не могла не вдохновить коммунистов на съезде. В частности, они не позволили включить в повестку дня один из главных вопросов – о российском президентстве: дескать, этот вопрос – преждевременный для России, он не проработан в деталях, нет даже механизма выдвижения кандидатов и всенародных выборов.

Вот так. Народ на референдуме решил, что выборы президента России – дело актуальное, вполне назревшее, а его избранники считают, что все наоборот. Второй день съезда в этом смысле остался за коммунистами. Было такое ощущение, что с вопросом о президентстве на этом съезде покончено. Журнал «Коммерсант-Власть»:

«...Сильная антиельцинская оппозиция на Съезде народных депутатов РСФСР продолжает действовать: 29 марта ей удалось провести ряд решений – в частности, заблокировать

обсуждение вопроса о российском президентстве... (введение поста президента России до мая, скорее всего, будет заблокировано)»

Единственным плюсом для демократов в этот день было то, что во второй его половине на съезде выступил Ельцин. Выступил все-таки с докладом, а не с отчетом.

«К реформам мы так и не приступили»

Ельцин заявил, что ситуация, сложившаяся в стране, по-прежнему выглядит безрадостно:

– Сегодня мы имеем полные основания сделать вывод о том, что в условиях нашей страны по-прежнему идеологические догмы и постулаты имеют первенство над экономическими. Потому-то мы в очередной раз фатально столкнулись с угрозой голода, повсеместного дефицита, гиперинфляции, жестокой диктатуры, духовной нищеты, так и не приблизившись ни на шаг к моделям процветающих государств... Прошедшие шесть лет показали, что мы имели дело не с перестройкой, а скорее с последней фазой застоя. К реформам так и не приступили.

Однако, по словам Ельцина, есть и позитивные результаты. Страна уже не та. Ситуация в корне изменилась в прошлом 1990 году. В республиках в результате свободных выборов сформированы новые органы власти, которые уже не могут пассивно проводить политику союзного Центра, тем паче, что эта политика, как заявил Ельцин, «расходится с коренными интересами людей».

Ельцин перечислил, что, по его мнению, в первую очередь следует сделать на союзном и республиканском уровне (теперь эти уровни надо постоянно разделять). Среди прочего, по словам Ельцина, на союзном уровне требуется «скорейшее подписание открытого для присоединения Договора о Союзе Суверенных Государств как федеративного добровольного и равноправного объединения». На российском уровне необходимо «введение института президентства», за который проголосовало большинство россиян на референдуме 17 марта.

То есть Ельцин и не думал отказываться от этого требования, оно оставалось для него первоочередным.

Ельцин потребовал также «немедленно снять политическую, правовую и информационную блокаду в отношении российского парламента и правительства, прекратить практику дискредитации законно избранных органов власти и управления РСФСР».

«Ельцина – в отставку!»

В докладе был перечислен ряд мер в экономической и социальной сфере, которые надо принять незамедлительно, чтобы выйти из кризиса: обеспечить жизнеспособность рубля, незамедлительно сформировать новые рыночные структуры, предоставить реальную хозяйственную самостоятельность предприятиям, активно развернуть разгосударствление и приватизацию, обеспечить реальную поддержку частного сектора, подготовиться к либерализации цен, выделить землю всем желающим, снять все ограничения на торговлю сельхозпродуктами...

Как писала тогда «Российская газета», это была первая за все семьдесят лет нашего движения в «светлое завтра» по-настоящему реалистичная программа, избавленная от идеологических шаблонов и догм, способная консолидировать наше раздробленное общество.

Однако было такое ощущение, что большинство выступавших в прениях словно бы не слышали доклада Ельцина, его предложений, намеченной им программы. Из уст ораторов неслось одно и то же: «Ельцина в отставку... Уйдите по-хорошему...»

«Чего только ни говорили!.. – продолжала газета. – Как только ни выворачивали наизнанку нашу многострадальную кровавую историю советского периода!.. И угроза репрессий вкупе с диктатурой исходит от демократов, и пересажать они готовы чуть ли не всех поголовно, устроив «новый 37-й»... В общем даже воспаленная фантазия не подскажет многого из того, что мы услышали... Секретарь обкома заученно клялся в верности «интересам всего простого народа». Генерал обличал антигуманную, кровожадную сущность демократии и демократов. Высокопоставленный чин употреблял через слово: «Мы, избиратели». А все вместе они проводили очень даже знакомую линию: пора, мол, прекратить оплевывать наше Отечество и его историю, время «вернуть народу отбираемые у него и накопленные трудом поколений ценности». Договорились

даже до «звериного демократического оскала». Дальше уж, как говорится, плыть некуда. Особенно если вспомнить «демократическую» армейскую технику, спецназы и цепи оцеплений в первый день работы российского съезда. Нет, не демократов пугал генеральный секретарь одной из партий – подбадривал боевых товарищей».

Думаю, и пугал противников, и подбадривал соратников. Было и то, и другое.

В конце прений «шестерка» устами одного из своих членов, Исаева, огласила очередное политическое заявление. В нем выражалась благодарность всем, «кто нашел в себе мужество поддержать нашу позицию», и выдвигался ультиматум:

«Позиции изложены, пора дать оценки. Надо ставить на тайное голосование вопрос о доверии всему руководству, избранному Съездом. Мы хотим получить моральную, политическую поддержку Съезда».

«О доверии всему руководству, избранному Съездом...» То есть члены «шестерки» готовы были пожертвовать и своими креслами (там собрались два заместителя Ельцина, два председателя палат и два их заместителя), лишь бы избавиться от Ельцина.

Впрочем, надо полагать, они были уверены, что снова всплывут на поверхность после того, как Ельцин будет низложен.

Председательствовала Горячева. Она вновь отказалась поставить на голосование вопрос о включении в повестку дня дополнительного пункта – о внесении в Конституцию изменений, касающихся учреждения института президентства. Вместо этого предлагалось вот голосовать о доверии руководству – фактически о доверии Ельцину.

И тут произошел взрыв. Десятки депутатов с криками возмущения вскочили с мест и заблокировали подходы к президиуму и трибуне. Горячева была в растерянности, не знала, что делать. Пришлось объявить более чем двухчасовой перерыв, во время которого представителям основных политических фракций и групп должно было прийти к какому-то согласию по вопросу о президентстве. Вроде бы предварительно до чего-то договорились. Однако в этот день – 1 апреля – этот вопрос вновь не был решен.

Раскол в стане коммунистов

Съезд собирались закончить 2 апреля...

В этот день обсуждалось постановление по докладу Ельцина. Коммунисты вносили всякого рода «запретительные» поправки – запретить забастовки, не допускать проведения митингов, демонстраций и манифестаций, приостановить действие Закона о печати... Как и предусматривалось в сценарии, сочиненном на Старой площади, поправки заканчивались резкими, на уровне клеветы, обвинениями в адрес Ельцина.

Однако тут сюрприз преподнес Полозков. Он неожиданно выступил с примирительным заявлением, сказал, что сейчас не время менять руководство Верховного Совета, что коммунисты ведут конструктивную работу и если кому-то не нравится их точка зрения, он может перейти в другую фракцию.

Никто ничего не мог понять. Вести оголтелую атаку на Ельцина, на демократов и вдруг такой поворот – чуть ли не к христианскому смирению и взаимной любви. Что случилось? Многие заподозрили тут какой-то подвох. Тем паче, что в это же время в другом месте Москвы проходила I Всеармейская партийная конференция, в которой участвовали и министр обороны Язов, и президент Горбачев. Тональность выступлений на этом собрании была примерно такая же, как коммунистических речей на съезде, может быть, даже резче по своей антидемократической истеричности. Вот пассаж из выступления одного из генералов:

– Наступил тот решающий момент, когда мы, начиная от президента и генерального секретаря до рядового солдата и коммуниста, должны действовать принципиально и решительно, чтобы данной властью и конституционными методами (ну, про конституционные методы – это так, фиговый листок. – **О.М.**) остановить зарвавшихся безответственных политиканов, которые вместе с реакционными силами Запада пытаются взять реванш за поражение в октябре 1917 года».

Ну да, «реакционным силам Запада» «поражение в октябре 1917 года» все никак не дает покоя. Других забот у этих «сил» нет. Спросить бы кого-нибудь из представителей этих самых «реакционных сил» (если бы удалось отыскать такого), помнит ли он вообще что-нибудь из того, что происходило в России в октябре 1917-го...

Слухи о генеральском шабаше, естественно, доходили до депутатов, собравшихся на съезде. Возникало подозрение, что «задний ход» Полозкова, возможно, как-то связан

с буйством военачальников: если кто-то решил просто-напросто устроить военный переворот, – а призыв к нему вполне можно разглядеть за истерическими выступлениями наподобие процитированного, – тогда, может быть, и наступление коммунистов на съезде ни к чему? Может быть, напротив, лучше с помощью примирительных речей заставить противника расслабиться, усыпить его бдительность, перед тем как нанести ему серьезный, сокрушительный бронетанковый удар?..

На самом деле «примирительные интонации» в речах Полозкова, по-видимому, появились по другой причине – по причине того, что во фракции «Коммунисты России» произошел раскол. 31 марта часть ее членов во главе с полковником Руцким вышла из нее и образовала группу «Коммунисты за демократию». Стройные ряды коммунистов-фундаменталистов начинали редеть, хотя и не утратили еще боевой дух и желание строго следовать сценарию, написанному на Старой площади.

Ельцин переходит в наступление

Съезд не закончился ни 2-го, ни 3-го апреля.

По-прежнему оставался в подвешенном состоянии вопрос о введении президентства в России. Отвергнуть этот институт, коль скоро за него проголосовал народ, коммунисты не могли. Задачей съезда было всего лишь принять соответствующие юридические акты и назначить дату выборов главы государства. Однако коммунисты тупо голосовали против того, чтобы пункт «обеспечить условия для проведения всенародных альтернативных выборов президента РСФСР в конце мая – начале июня 1991 года» был оставлен в окончательном тексте постановления. Но и для того, чтобы исключить его из этого текста, не набралось достаточно голосов. Какая-то странная ничья...

Чтобы выйти из этой ситуации, была создана согласительная комиссия из представителей разных фракций, которая должна была придти к какому-то решению, обязательному для всех. Однако согласия добиться не удалось, и в конце концов депутаты большинством голосов приняли решение отложить вопрос о президентстве до очередного съезда. Тактика коммунистов была ясна: на следующем съезде все можно

будет вновь отложить до следующего и т.д. В общем – «замылить» вопрос. Это, естественно, не устраивало демократов.

В противовес коммунистам они собрали необходимое число подписей под требованием провести «очередной внеочередной» съезд, специально посвященный вопросу о президентстве.

Впрочем, оставалась еще надежда как-нибудь обойтись без «очередного внеочередного». 4 апреля Ельцин перешел в решительное наступление. Он заявил, что нынешняя ситуация, когда любое начинание Президиума Верховного Совета и его председателя вязнет в бесконечных обсуждениях или просто отвергается сходу, более нетерпима. При такой ситуации нечего и мечтать вывести страну из кризиса. Ельцин предложил перераспределить полномочия между высшими государственными органами РСФСР – временно, до избрания президента России, позволить Верховному Совету издавать законы, отнесенные к полномочиям Съезда. То есть полномочия Съезда, все более превращающегося в арену бесконечной и бессмысленной идеологической борьбы, на какой-то срок укоротить. Это откроет возможность более динамичного и целенаправленного управления страной.

Коммунисты были ошарашены. Видимо, не ожидали такого контрудара. Были уверены, что ситуация на съезде – у них в руках. Не знали, как реагировать на требование Ельцина. Как писала «Российская газета», «даже С.Горячева, загодя подготовившая заявление, в котором брань в адрес Б.Н.Ельцина перемежалась вновь с вопросом недоверия к нему, оваций у единомышленников не сорвала»...

Съезд завершился 6 апреля. В этот день «Коммунисты России» предприняли последнюю отчаянную атаку с целью если и не добиться главной своей цели – свалить Ельцина (на это надежды уже не оставалось), то хотя бы размыть своими бесчисленными поправками смысл постановления по докладу Ельцина, не допустить перераспределения полномочий между властными органами. Однако они оказались в меньшинстве, – большинство, в том числе и «раскольники», вышедшие из фракции «Коммунисты России», проголосовали за предоставление дополнительных полномочий Верховному Совету и его председателю.

Более того, был наконец назначен также срок всенародных выборов президента РСФСР – 12 июня 1991 года. Понятное дело, эта дата привязывалась к первой годовщине принятия Декларации о государственном суверенитете республики. «Российская газета»:

«После принятия постановления зал, балкон с приглашенными, пресс-центр, битком набитый журналистами, разразился действительно бурными аплодисментами. Аплодировали стоя. Председатель Верховного Совета РСФСР поблагодарил Съезд за оказанное доверие и заверил, что принятые решения будут использованы только во благо России».

Это была победа.

Катастрофа все ближе

«При неустойчивом положении с зерном волевые решения руководства центральных, республиканских органов, корректирующих запланированные объемы поставок хлебопродуктов, произвольно изменяющих адреса получателей, начинают приобретать массовый характер. Это еще более дестабилизирует обстановку. При недостатке ресурсов пшеницы для производства муки под давлением местных органов она используется на выработку комбикормов. Первый заместитель министра хлебопродуктов РСФСР А. Куделя – заместителю премьер-министра СССР Ф. Сенько (15 марта 1991 года):

«В апреле обстановка обострится еще больше и при непринятии экстренных мер по ускорению завоза зерна из Казахстана и по импорту... неизбежно приведет к массовым срывам в снабжении населения хлебопродуктами, а общественного животноводства концкормами. По имеющейся информации завоз импортного зерна в мае из централизованных источников ожидается значительно ниже уровня апреля т.г. и не обеспечит снабжение населения продовольствием. Министерство хлебопродуктов РСФСР, начиная с четвертого квартала 1990 года, неоднократно докладывало руководству страны и республики о складывающемся критическом положении с государственными ресурсами зерна. Однако исчерпывающих мер принято не было».

«Из дневника помощника президента СССР Горбачева Анатолия Черныева (31 марта 1991 года):

«Вчера был Совет безопасности. Проблема продовольствия... Но теперь уже конкретнее – хлеб. Не хватает 6 миллионов тонн до средней нормы. В Москве, по городам уже очереди такие, как года два назад за колбасой. Если не добыть где-то, то к июню может наступить голод. Из республик только Казахстан и Украина (едва-едва) сами себя кормят. Что в стране есть хлеб, оказалось мифом.

Скребли по сусекам, чтоб достать валюту и кредиты и закупить за границей. Но мы уже неплатежеспособны. Кредиты никто не дает: надежда на Ро Дэ У (М. С. согласился на пути из Японии остановиться на о. Чеджудо, чтоб поговорить с президентом Южной Кореи о 3 миллиардах кредита)... И еще есть надежда на Саудовскую Аравию. Кувейт вроде отказывается, хотя Фейсал обещал, выразил М. С. всякую благодарность за поддержку против Ирака.

Методика обсуждения на СБ, – как год-два назад на Политбюро: вместо того чтоб иметь на руках заранее подготовленные просчеты и предложения и сразу заняться решениями, в течение шести часов выясняли, что имеем и откуда можно взять. М. С. с карандашом опрашивал, а министры и члены ПБ путались в разноречивых данных. И опять: государство (раньше – ПБ) все должно найти и раздать! Два-три года назад уже была видна порочность этой методики на фоне заявленного стремления к рынку. Мы несправимы!»

Потрясающе!!! Такая вот система управления огромной страной накануне вот-вот грозящей разразиться катастрофы!

«...То, что давно уже знают миллионы людей, испытывающих все тяготы экономической ситуации, как говорится, на своей шкуре, начинают обнаруживать и представители власти, которых эти тяготы касались в меньшей мере. Имею в виду

клиентов закрытых распределителей и спецбуфетов... Снова из дневника помощника президента СССР Горбачева Анатолия Черныева (31 марта 1991 года):

«Поехал к Н.Н. Она еще болеет. Просила купить хлеба. Объехал с Михаилом Михайловичем всю Москву, начиная с Марьиной Рощи: на булочных либо замки, либо ужасающая абсолютная пустота. Такого Москва не видела, наверное, за всю свою историю – даже в самые голодные годы. Говорят: это перед повышением цен, но ведь хлеба на месяц вперед не купишь. В этот день, наверное, совсем ничего не осталось от имиджа Горбачева. Он катится катастрофически вниз уже от нулевой отметки. Ведь любой (даже доброжелатель) может, глядя на такое, произнести только одно: доперестроил!..»

Как говорится, дошли до ручки. Даже помощник президента не может купить в Москве батон хлеба!

ФОРМУЛА НОВОГО СОЮЗА: «9 + 1»

Горбачев размышляет

События последних дней, видимо, сильно подействовали на Горбачева. В очередной раз стало ясно, что силовой вариант сохранения Союза не проходит. Времена, когда можно все было «поставить на место» – по венгерскому или чехословацкому варианту – миновали.

Впрочем, не пройдет и пяти месяцев, как «группа товарищей» попытается вернуться к этим вариантам...

Но сейчас мысли Горбачева, видимо, были направлены в иную сторону. В начале апреля газеты сообщали: «Президент размышляет в одиночестве».

Полагаю, размышления были нелегкими. Надо было как-то переломить себя. Признать, что ты потерпел поражение, но при этом постараться сделать так, чтобы это поражение не оказалось полным, – только частичным. Надо было скорректировать все, – и стратегию, и тактику. Как в шахматах, – что-то принести в жертву, но за счет этого обрести выигрышное, или, по крайней мере, ничейное положение на доске. Никаких других вариантов, кроме как «жертвенных», не просматривалось. Без этого мог быть лишь скорый и сокрушительный разгром.

В направлении Беловежья

Размышлял не только Горбачев. Что делать дальше, – об этом думали и его оппоненты, руководители республик. Лидеры четырех самых крупных – России, Украины, Белоруссии и Казахстана – вновь и вновь возвращались к идее четырехстороннего договора: по их замыслу, эти четыре республики, объединившись, могли бы создать – в обход центра, – ядро нового Союза. В очередной раз эта идея обсуждалась как раз в апреле 1991 года на встрече представителей России, Белоруссии и Казахстана (украинцев тогда почему-то не было, но их положительное отношение к этой

идее было известно). Геннадий Бурбулис, возглавлявший на этой встрече российскую группу, вспоминает, что в очередной раз обсуждалась возможность подписания четырехстороннего договора. При этом речь шла не о каком-то сепаратном объединении. По словам Бурбулиса, «это могло стать базой и для нового Союзного договора – без союзного Центра с тоталитарной начинкой и рефлексамии сохранения власти любой ценой».

– Но Лукьянов и Горбачев усмотрели в этом опасные последствия для себя, – вспоминает Бурбулис, – и мягко застопорили наше движение...

Тогда еще можно было все «мягко застопорить». Пройдет менее года и застопорить этот порыв – ни мягко, ни твердо – уже не удастся.

Остаются лишь «добровольцы»

У Горбачева были другие планы. 23 апреля в подмосковном Ново-Огареве произошло довольно неожиданное и весьма важное событие – девять республик, выразившие готовность подписать Союзный договор, подписали пока документ с длинным названием – «Совместное заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса». Чаще он упоминается более коротко – как «Заявление 9+1» (вместе с девятью республиканскими лидерами его подписал и Горбачев).

Начиналось заявление дежурными фразами о необходимости «решительных мер по восстановлению повсеместно конституционного порядка, неукоснительному соблюдению действующих законов впредь до принятия нового Союзного договора и Конституции Союза». Но главным, конечно, было другое. Заявление, хоть пока и не строго юридически, провозглашало, что в Союзе могут остаться лишь те республики, которые этого пожелают, – так сказать, «добровольцы». В тот момент в качестве «добровольцев» выступали Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Украина – эти самые девять республик. Другие шесть – три прибалтийские, Армения, Грузия и Молдавия, – с разной степенью решительности склонялись к роли «отказников». Девять «подписантов» соглашались их

«отпустить»), но при этом, мягко говоря, обещали уже не столь благоприятное отношение, как к остающимся в Союзе.

«Высшие руководители союзных республик, участвующие во встрече, – говорилось в заявлении, – признавая право Латвии, Литвы, Эстонии, Молдовы, Грузии и Армении самостоятельно решать вопрос о присоединении к Союзному договору, вместе с тем считают необходимым установление режима наибольшего благоприятствования для республик, подписавших Союзный договор, в рамках единого экономического пространства, ими образуемого».

Несмотря на угрозу, что в случае окончательного «отказа» уходящие республики ждет немало дополнительных проблем, это было уже совершенно другое решение, нежели то, на котором настаивала, например, парламентская группа «Союз» в союзном Верховном Совете – чтобы итоги референдума 17 марта в обязательном порядке распространялись и на те республики, которые в нем не участвовали.

Это был своего рода компромисс между Центром (Горбачевым) и республиками. И ЭТО УЖЕ БЫЛ ПЕРВЫЙ ШАГ К ЮРИДИЧЕСКОМУ ОФОРМЛЕНИЮ РАСПАДА СОЮЗА. Конечно, отделение от него шести не самых крупных республик еще не означало его конца, но тем не менее... О сохранении прежней империи уже не было речи. Со стороны Центра это был весьма рискованный шаг. Если от Союза отойдут шесть республик, кто даст гарантию, что через некоторое время то же самое не сделают и другие? Лиха беда начало. Думал ли Горбачев об этом?

Наверное, думал. Наверное, опасался этого. Но – другого выхода у него, видимо, не было.

О том, как проходила встреча, Ельцин рассказал на закрытом заседании российского парламента. По его словам, она длилась ни много, ни мало девять с половиной часов. Первоначальный план соглашения, предложенный Горбачевым, был переработан на восемьдесят процентов. Что особенно важно, Горбачев, по словам Ельцина, «впервые разговаривал по-человечески».

Тут есть некоторые противоречия с другими свидетельствами. Да и с воспоминаниями самого Ельцина. Вадим Медведев, например, пишет, что «Заявление в целом-то в своей основе не так уж сильно отличается от проекта». А проект как раз и

был составлен Горбачевым и его помощниками. Сам Ельцин в «Записках президента» вспоминает, что, вернувшись из Страсбурга, он «поставил свою подпись под заранее составленным совместным заявлением руководителей республик». А чего же, спрашивается, было обсуждать девять с половиной часов и что было переработано на восемьдесят процентов?

Но такие противоречия и несоответствия в свидетельствах и воспоминаниях вообще не редкость.

Возможно, долго обсуждалось что-то еще, помимо Совместного заявления.

Кроме заявления, – секретный меморандум?

В прессе сразу же появились сообщения, что участники встречи в Ново-Огареве подписали не только то самое, опубликованное на следующий день Совместное заявление с довольно общими, обтекаемыми формулировками, но и конфиденциальный меморандум, где более детально и конкретно говорилось о разграничении полномочий между республиками и Центром. Об этом, в частности, писал «Коммерсант».

В меморандуме признавалась политическая реальность: союзные республики – это суверенные государства, со всеми вытекающими отсюда последствиями, реальная власть в них переходит к ним самим, что и должно быть зафиксировано в новом Союзном договоре. Центр обязуется не вмешиваться во внутренние дела республик и признает верховенство республиканских законов на их территории. В свою очередь, и республики обязуются соблюдать союзные законы там, где не действует республиканское законодательство. Каждая республика принимает собственную программу перехода на рыночные отношения. Центру предоставляется лишь роль координатора, присматривающего за сохранением единого экономического пространства. Центр и республики делят между собой собственность. Республикам предоставляется право распоряжаться валютой, которая заработана на их территории. Подписание Союзного договора переносится с мая – июня на июль, – оно состоится после президентских выборов в России. Текст Союзного договора будет подготовлен на основе предложений, которые выдвинут республики. После его подписания будет принята новая конституция и проведены выборы новых законодательных органов Союза,

а также выборы союзного президента. До подписания договора республики и Центр обязались соблюдать перемирие – прекратить «войну законов» и не допускать грубых выпадов в адрес друг друга.

А вот к республикам, которые не подпишут Союзный договор, решено было относиться как к иностранным государствам в полном смысле этого слова.

...Надо, правда, сказать, что пресс-служба Горбачева 29 мая опровергла существование конфиденциального меморандума: «Итоги... обсуждения нашли полное отражение в опубликованном Совместном заявлении, никаких других документов не подписывалось». Однако Ельцин, выступая 1 мая в Новокузнецке, признал: «В заявление не вошли многие вопросы, касающиеся разделения собственности и функций между центром и республиками – об этом договорились. Договорились по валюте..., по золотому запасу..., были достигнуты и другие договоренности». Да и вообще дальнейшие события показали: главное, о чем договорились и что будто бы было зафиксировано в то ли существующем, то ли в несуществующем меморандуме, в основном соблюдалось. Особенно обращало на себя внимание, что полностью прекратилась публичная полемика между Центром и республиками, прежде всего между Горбачевым и Ельциным.

Однако среди других бросавшихся в глаза примет были и не такие мирные и благостные – был, например, Карабах. Вскоре после новоогаревской встречи участник «девятки» азербайджанский президент Аяз Муталибов начал боевые действия против «армянских террористов» в этой бывшей автономии, – видимо, будучи уверенным, что теперь Центр его не одернет: ведь республикам предоставлена полная самостоятельность во внутренних делах. И оказался прав: Москва молчала. Не торопился Горбачев отреагировать и тогда, когда к нему с просьбой вмешаться в конфликт обратился лидер Армении Левон Тер-Петросян: Армения, не желавшая подписывать Союзный договор, оказалась вне «девятки» и теперь, по-видимому, рассматривалась как «иностранное государство».

Возможно, что самого меморандума как документа действительно не было (и тогда пресс-служба президента формально была права), но договоренности все же как-то

где-то были записаны. Не исключено, что существовал просто какой-то выделенный из общего текста фрагмент стенограммы...

Кто был инициатором

Инициатором встречи и заключенного компромисса был Горбачев. По существу, это означало серьезный перелом в его настроениях – переход от настроений борьбы, давления, силового сдерживания республик, жаждущих самостоятельности, независимости, к примирению или, по крайней мере, к перемирию. Вадим Медведев так описывает, каким образом президент пришел к идее компромисса:

«Чувствуя ослабление поддержки со стороны партии, а также определенный поворот в общественных настроениях не в его пользу, Горбачев все больше задумывался над проблемой политической базы для дальнейшего продвижения страны по пути демократических преобразований...

В начале апреля на заседании Совета безопасности при обсуждении политической ситуации в стране и предложения оппозиции по «круглому столу» впервые, насколько помню, прозвучала мысль о выработке программы действий президента СССР совместно с руководителями республик, выступающих за сохранение обновленного Союза, включая, разумеется, и Россию. Пусть это будут не все республики, а только «девятка», но нужна доверительная и узкая встреча президента с государственными руководителями этих республик. Такая встреча была намечена на середину апреля, а 24 – 25 апреля должен был состояться Пленум ЦК КПСС.

В разговоре со мной Горбачев подчеркивал дилемму: или пойти на серьезное соглашение и подвижки с «девяткой», но тогда это может быть встречено в штыки на Пленуме ЦК, или, наоборот, проводить более жесткую линию с руководителями республик, но получить поддержку на Пленуме ЦК. Я высказался за то, чтобы повести активный диалог с российским руководством и с «девяткой» в целом, выработать совместную программу национального спасения, тем более, что непреодолимых разночтений, если брать существо вопросов, например, в экономической области, а не идеологические интерпретации, нет...

Горбачев попросил меня вместе с Шахназаровым продумать платформу для проведения совещания «девятки», имея в виду возможность принятия какого-то итогового документа. Он сообщил мне, не раскрывая существа вопроса, что Яковлев написал большую записку с анализом ситуации и со своими предложениями.

Встреча «1+9», положившая начало новоогаревскому процессу, произошла 23 апреля».

Надо торопиться: зреет переворот

Не знаю, какую записку Яковлева Горбачев имел в виду. Послание не очень большое, но очень тревожное Александр Николаевич написал ему 18 апреля. Яковлев напоминал президенту, что еще в конце 1985-го он советовал ему: стране необходима ДВУХПАРТИЙНАЯ политическая система. Сейчас эта необходимость «актуальнее, чем когда бы то ни было». Не одна и не сто – нужны именно две партии. От этого зависит «судьба перестройки».

«Насколько я осведомлен, да и анализ диктует прогноз, – писал Яковлев, – ГОТОВИТСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ СПРАВА (то есть коммунистический; выделено мной. – **О.М.**) Образование партии «Союз» (на базе уже не раз упомянутой архиреакционной парламентской группы «Союз» в союзном Верховном Совете. – **О.М.**) резко изменит обстановку. Наступит нечто, подобное неофашистскому режиму. Идеи 1985 года будут растоптаны. Вы, да и Ваши соратники, будут преданы анафеме. Последствия трагедии не поддаются даже воображению».

Чтобы избежать такого хода событий, Яковлев предлагал Горбачеву создать партию или движение общественных реформ. Расшифровывал, какими должны быть идеологическая платформа и тактика новой политической структуры.

«Платформа: перестройка на базе идей 1985 года, построение демократического правового общества, общества гражданского согласия, отстаивания единого Союза на добровольной основе.

Тактика: защита президентского института, снятие лозунга отставки; равноудаленность от правительственных структур – центральных и республиканских, объединение демократических партий, кроме крайне радикальных, размывание

последних; КОНСТИТУЦИОННОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО С КПСС (выделено мной. – **О.М.**), прекращение требований «суда» над ней и т.д.»

Яковлев писал, что для Горбачева, естественно, «всегда открыта дорога на руководство» такой партией или таким движением: «Ведь играть «чужую роль» и «чужую игру» Вы все равно долго не сможете».

Горбачев ничего не ответил Яковлеву. Покидать насиженный пост генсека хоть и умирающей постепенно, но все еще живой бывшей правящей партии ради того, чтобы с нуля, из неизвестно какого материала лепить какую-то новую партию? Этот совет должен был ему показаться... странным.

Пожалуй, единственное, что могло вполне попасть в русло тогдашних горбачевских размышлений – это идея о том, что новый Союз должен созидаться «на добровольной основе». По-настоящему добровольной. Эта мысль уже витала в воздухе. Она и была реализована в «Заявлении 9+1».

На Горбачева давили со всех сторон

В общем в тот момент Горбачев подвергался давлению с разных сторон: со стороны республик, со стороны демократической оппозиции и, наконец, – со стороны собственных партайгеноссе. Чтобы выстоять, надо было с кем-то заключать компромисс. Он выбрал компромисс с республиками. И у демократов, и у коммунистов новоогаревское соглашение вызвало критику. Однако она не была единодушной. В рядах и тех, и других мнения разделились, так что давление на Горбачева ослабело.

Несколько в иных словах, но примерно то же самое о мотивах Горбачева, инициировавшего «Заявление 9+1», в те дни писал «Коммерсант»:

«Причины, по которым президент пошел на этот шаг, прозрачны: других способов сдвинуть ситуацию с мертвой точки в наличии попросту не имелось. Правый уклон (сейчас это называется «левым» уклоном. – **О.М.**), жесткие меры, мягко говоря, не дали никаких результатов. Концентрация власти столкнулась с гражданским неповиновением... Экономические реформы вызвали лишь забастовки. Кредиты не изменили положения на рынке. Переговоры с Японией закончились ничем. Плюс

повсеместные призывы к отставке. Плюс давление «союзников» (то есть парламентской группы «Союз». – **О.М.**) Плюс предстоящий пленум. Что, собственно, оставалось?»

В свою очередь, в компромиссе нуждался и Ельцин. Медведев:

«Позицию Ельцина тоже можно понять. Его февральский призыв к отставке Горбачева не получил поддержки. Стало очевидно, что линия на обострение конфронтации и углубление раскола не принесет успеха. А ведь Ельцин шел навстречу президентским выборам... У него было единственно правильное и разумное решение – поддержать идею создания нового эффективного механизма согласованных действий».

Наконец, еще одна версия, почему Горбачев и Ельцин пошли на компромисс. Российский депутат Виктор Шейнис (в интервью «Российской газете»):

«Словесная дуэль двух политических лидеров... часто интерпретируется как личное соперничество. Думаю, что элементы этого присутствуют с той и с другой стороны. Но главное не в этом. Главное, на мой взгляд, – глубокое различие политической линии, которую навязывают Горбачеву его союзники справа (в сегодняшних терминах – слева. – **О.М.**) – многочисленные группы давления, которые настолько подчинили себе президента с осени прошлого года, что его политический курс практически слился (между октябрём 1990-го и апрелем 1991 года) с курсом правых реакционных имперских сил. С другой стороны – политическая линия демократических сил России, которую с большей или меньшей последовательностью выражает Ельцин. Столкновение этих двух политических линий приобрело в последнее время крайне разрушительные формы. Соглашение 23 апреля по сути представляет собой компромисс, который снижает политическую напряженность, что в нынешних условиях можно приветствовать».

Политическая линия Ельцина после 23 апреля в общем-то не изменилась, а вот в политике Горбачева, как уже говорилось, наметился существенный перелом.

Градус противостояния снизился

После публикации заявления последовали многочисленные комментарии. Многие отмечали, что в нем уже нет ни слова о том, что будущий Союз Суверенных Государств

неприменно должен быть социалистическим. Никто не принуждался к пресловутому социалистическому выбору. Четко прописывалось право бывших союзных республик самим решать, присоединиться им к Союзному договору или не присоединяться. Они могли отправляться в вольное плавание, не будучи связанными с бывшими «братьями» никакими формальными узами, кроме двусторонних договоров. Это при том, что, согласно предыдущим заявлениям, для тех республик, которые не подпишут новый Союзный договор, оставался в силе прежний – Союзный договор 1922 года.

Обращали внимание также на то, что участниками будущего Союзного договора, согласно Совместному заявлению, могли быть только те, кто подписал это заявление. Это был шаг против дробления бывших союзных республик, – прежде всего, России, – в составе которых имелись автономии.

Исключение автономий из числа участников договора представляло собой одну из главных уступок Горбачева Ельцину. Ельцин, бросивший автономиям в августе 1990-го с барской щедростью «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!», теперь пожинал плоды этого своего неосмотрительного шага. Точно так же, как Горбачев стоял перед угрозой развала Союза, Ельцин оказался перед угрозой развала России.

Трудно было ожидать, что сами автономии, которые к этому моменту уже добились права быть участниками договора, наряду с союзными республиками, смирятся с той дискриминацией, которой они подверглись в Заявлении «9+1».

Горбачев побеждает Полозкова

Помимо прочего, Горбачев торопился с принятием Заявления «9+1», чтобы предъявить его на пленуме ЦК и ЦКК КПСС – он был намечен на 24 апреля – как свидетельство того, что пути преодоления кризиса намечены, они поддержаны большинством республик.

Первым свидетельством того, что этот пленум будет для Горбачева непростым, стало необычное время его начала: он начался не утром, как обычно, а в три часа дня. По некоторым сообщениям, «из источников, заслуживающих доверия», это было связано с тем, что в первой половине дня у Горбачева была неофициальная встреча с руководителями некоторых партийных комитетов, требующих его ухода с поста генсека.

Разговор, естественно, был жесткий. Горбачев заявил, что он готов уйти, но – если этого пожелает или с этим согласится большинство участников пленума.

В самом начале партийные ортодоксы потребовали, чтобы генсек выступил с отчетом о проделанной работе. Дескать, давай расскажи, что ты свершил, а мы посмотрим, как твои свершения оценить. Однако Горбачев отказался от отчета и ограничился небольшой вступительной речью. Произнес ритуальные слова про «мудрое руководство партии», ласкающие слух партийных чиновников, небрежно пнул «лжедемократов» и «иных партийных активистов», которые нападают на него, генсека, за проводимую им реформаторскую политику, сослался при этом на Ленина, которого в годы НЭПа тоже «обвиняли в отступничестве от дела Октября, от интересов рабочих и крестьян, в отступничестве от принципов социализма». В заключение сказал: чтобы выйти из «нынешней труднейшей ситуации», требуется «напряженная политическая и организационная работа» всей партии.

Этот скучный совет не особенно вдохновил сидящих в зале. Они жаждали крови. Напряжение нарастало.

Оно прорвалось на второй день пленума. Заседание началось с выступления предводителя коммунистических «фундаменталистов» Полозкова. Он, а затем и взявшие слово после него Кораблев из Ленинграда, Рубикс из Латвии, Зайцев из Кемерова обрушились с разнузданными нападками на Горбачева и его ближайшее окружение, особенно на Яковлева, Шеварднадзе, Бакатина, Медведева. Говорили о том, что у лидеров партии «отсутствует четкая политическая позиция», что они проводят социально-экономическую политику «от имени партии, но без совета с ней». Секретарь Кемеровского обкома партии Зайцев заявил, что «президент с партийным билетом не имеет права лавировать между социализмом и капитализмом» и что в результате такой беспринципной политики из его кемеровской парторганизации вышли уже девяносто тысяч человек.

Это был довольно комичный упрек. На самом деле из партии буквально толпами повалили как раз после того, как коммунистические ортодоксы в июне 1990 года создали Коммунистическую партию РСФСР и во главе ее стал тот самый «дремучий марксист-ленинец» Полозков. В результате такой пертурбации коммунисты-россияне вдруг

осознали, что они автоматически оказались членами этой партии и как бы единомышленниками Полозкова и Ко. Считаться таковыми пожелали далеко не все, – по этой причине и начался массовый исход из полозковской партии, то есть из самой КПСС.

Но вернемся к апрельскому пленуму. Подвергнувшись разнузданным атакам партийных «фундаменталистов», Горбачев пошел ва-банк (собственно, другого выхода у него не было). Он поднялся на трибуну и заявил, что сейчас, когда главная задача – вывести страну из острейшего кризиса, ему требуются полная поддержка и доверие со стороны товарищей по партии, и прежде всего – в ЦК КПСС. Но если возникают сомнения...

– При таком отношении, – сказал Горбачев, – я не могу дальше выполнять свои функции, предлагаю прекратить прения и заявляю об отставке.

По-видимому, этого никто не ожидал. Был объявлен перерыв. За обедом в комнате президиума пытались уговорить Горбачева отказаться от его заявления. Однако он был непреклонен.

– Вы тут решайте, – сказал Горбачев, – а я пошел.

Срочно созванное в перерыве заседание Политбюро единогласно рекомендовало снять предложение об отставке Горбачева с рассмотрения на пленуме.

После перерыва его абсолютное большинство, «исходя из высших интересов страны, партии, народа», поддержали рекомендацию Политбюро. Против проголосовали лишь тринадцать человек, четырнадцать воздержались.

Горбачев одержал безоговорочную победу. Далее пленум перешел в рутинное «рабочее» русло. Принял постановление в поддержку Совместного заявления «9+1».

Чем объяснить столь быструю капитуляцию полозковцев? Они ведь собирали силы, тщательно готовились к этой схватке. Полагаю, в последний момент – струсили, побоялись, что если останутся без такого вожака во главе партии (а кем его заменить, что-то не было видно)... Что-то с этой партией будет? И что-то будет с каждым из них?

Таким образом, Горбачев выжал максимум из тяжелой ситуации, в которой в тот момент оказался: он заключил мировую с республиками, договорился с ними о совместных действиях по преобразованию Союза, предъявил эту договоренность как

свидетельство своего политического успеха партийному пленуму, поначалу крайней враждебно к нему настроенному, и получил его, пусть и формальную, но поддержку.

Горбачев, конечно, был мастером и аппаратной, и, в каких-то пределах, вообще политической борьбы.

Катастрофа все ближе

«Острый дефицит парализует работу всего внешнеэкономического и внешнеполитического аппарата СССР. Министр внешнеэкономических связей К. Катушев – премьер-министру СССР В.Павлову (4 апреля 1991 года):

«Финансовое положение центрального аппарата министерства продолжает оставаться критическим... В связи с неплатежеспособностью... Аэрофлот прекращает продажу авиабилетов для сотрудников министерства, выезжающих в краткосрочные загранкомандировки для решения вопросов по межправительственным соглашениям; отдельные организации предупредили об отключении телефонов, электро-, водо- и теплоснабжения и снятии вневедомственной охраны... Министерство лишено возможности погасить задолженность торгпредствам СССР в сумме 600 тысяч инвалютных рублей (эквивалент 1800 тысяч советских рублей), а также перевести средства на предстоящие загранкомандировки для проведения переговоров по межправительственным соглашениям».

«О ситуации со снабжением населения в Ярославле (7 апреля 1991 года):

«Люди в Ярославле рады очередям: стоя в хвосте, можно надеяться на покупку. Но очередей все меньше. Они давно исчезли в промтоварных магазинах, универмагах (то есть исчезли, поскольку никаких товаров просто нет. – **О.М.**) Недели две назад выстроилась новая – за хлебом. Теперь это самая длинная, самая злая и самая отчаянная очередь».

Отчаянное положение в Ярославле ничем не отличалось от такого же положения в других городах.

АВТОНОМИИ БУНТУЮТ

Где же равноправие?

Как и ожидалось, автономии не собирались мириться с дискриминацией, которой они, по существу, подверглись в Заявлении «9+1». 7 мая 1991 года председатели Верховных Советов пятнадцати бывших российских автономий и Абхазии, бывшей грузинской автономии, приняли собственное заявление. В нем говорилось, что в проекте нового Союзного договора, опубликованного 9 марта, «нет деления республик на союзные и автономные», признаются декларации о государственном суверенитете бывших автономных республик, в ходе союзного референдума 17 марта его участники высказались за союз равноправных суверенных республик. «Поэтому, – говорилось в Заявлении шестнадцати, – мы не можем согласиться с решением, содержащимся в Совместном заявлении, о том, что Союзный договор будет подписываться представителями только участвовавших в этой встрече республик, а также попытками пересмотреть концепцию Союзного договора, одобренного Съездом народных депутатов Союза ССР и Верховным Советом Союза ССР... Мы считаем недопустимым решать жизненно важные для судеб наших республик вопросы без согласования с нами».

Как будут подписывать Союзный договор бывшие автономные республики – в составе делегации той республики, в которую они входят, или самостоятельно, – это могут решить только Верховные Советы самих бывших автономий. Только в этом случае можно будет сказать, что этот вопрос решен «единственно возможным гласным и демократическим путем». Такова была точка зрения лидеров автономных республик.

Горбачев раздувает противоречия между Россией и автономиями?

После опубликования Заявления шестнадцати у многих усилились подозрения, что Горбачев сознательно раздувает противоречия между Россией и входящими в нее автономиями. Цель вроде бы просматривалась ясно: если автономии будут требовать все большей самостоятельности, Россия окажется точно в таком же состоянии, как и Союз –

перед угрозой развала. Осознав это, Ельцин будет вынужден плечом к плечу с Горбачевым сражаться и против развала России, и против развала Союза. Собственно говоря, они уже стали здесь союзниками, подписав Заявление «9+1», отказавшее автономиям в праве подписывать Союзный договор. Теперь, когда автономии возмутились этим, в сложном положении оказался не только Ельцин, но и Горбачев. «Независимая газета» писала по этому поводу 12 мая:

«Похоже, что после принятия этого Заявления (Заявления шестнадцати. – **О.М.**) президент в своей игре на противоречиях между союзными республиками (в первую очередь Россией) и входящими в них автономиями оказался у черты, за которой у него уже не осталось возможностей для политического маневра».

Сам Горбачев, естественно, отрицал, что он пытается вбить клин между Россией и автономиями. Отрицать ему это было тем легче, что не он, а именно Ельцин сказал: «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!»

Как бы то ни было, и Горбачеву, и Ельцину приходилось теперь действовать слаженно – либо продолжать «дискриминацию» автономий, либо идти с ними на компромисс. Они, разумеется, стали искать компромисс – противоборства, взаимных обвинений в то время хватало.

Горбачев и Ельцин гасят волну недовольства

8 мая, на следующий день после того как было принято (но еще не опубликовано) Заявление шестнадцати, Горбачев встретился с Ельциным. Надо было как-то реагировать на этот «бунт». Кроме двух главных фигур, присутствовали советники и помощники. Зашел разговор, – впрочем, полушутливый, – кто виноват в нынешней позиции автономий. Однако на самом деле было не до шуток. Надо было что-то решать.

Договорились, что российские автономии будут подписывать Союзный договор самостоятельными делегациями «внутри» делегации РСФСР. Что это означало, трудно было понять. Автономиям бросали кость – право подписывать. Но – это было совершенно ясно, – не на равных правах с союзными республиками, а где-то на ступеньку ниже.

Оставалась небольшая деталь, – выяснить, согласятся ли с этим сами автономии.

...Любопытный разговор произошел после этой встречи между Горбачевым и его советником Георгием Шахназаровым (он приводится в книге «Союз можно было сохранить», изданной советниками и помощниками Горбачева). Разговор идет в кабинете Горбачева (президент подписывает указы о наградах, чинах и т.д.):

«Горбачев (не отрываясь от бумаг). Что ты думаешь относительно Ельцина?

Шахназаров. Он будет вести себя более или менее прилично до 12 июня. А станет президентом России, – если станет, – тут же возродится в прежнем качестве молотобойца и начнет последнюю кампанию – за власть в Союзе.

Горбачев (утвердительно кивая). Знаешь, ни на грош ему не верю. Этот человек живет только одной страстью – взять власть. А что с ней делать, сам не знает толком.

Шахназаров. Ну... Вокруг него целая куча советников, они за него все решают.

Горбачев. А ты заметил, как он чуть не взорвался, когда разговор пошел о том, кто виноват в амбициях автономий?

Шахназаров. Еще бы! Выдумали, будто это «козни Центра» против России, и ведут теперь эту версию.

Горбачев. Забыл, как буквально навязывал им суверенитет: «Берите, сколько сможете разжевать!» Вот он, популизм в чистом виде. Что угодно наобещает, лишь бы понравиться.

Шахназаров. В конце концов за все это придется расплачиваться.

Горбачев. Вот именно».

Как мы знаем, Горбачев и Ельцин не жаловали друг друга. В частных разговорах с близкими людьми не скупилась на резкие слова друг о друге. Так что ко всем этим их взаимным оценкам следует относиться критически. Но здесь Горбачев прав: то самое знаменитое обещание предоставить автономиям немеряно самостоятельности и суверенитета Ельцин дал, конечно, весьма неосмотрительно (о чем впоследствии и сам, по-видимому, жалел). Однако это не перечеркивает версии, что и Горбачев не прочь был воспользоваться явно возникшими в тот момент противоречиями между российским Центром и автономиями.

«Мы субъекты Союза или нет?»

Заявление шестнадцати было опубликовано 12 мая. И в этот же день, опять-таки торопясь погасить волну недовольства его авторов, Горбачев и Ельцин встретились с ними (правда, «физически» присутствовали лишь четырнадцать «подписантов», но руководители Карелии и Дагестана, которых не было, позже согласились с мнением большинства своих коллег).

Собственно говоря, первоначально намечалось, что с автономиями встретится лишь Горбачев, однако Ельцин, мы знаем, опасался, как бы за его спиной не образовался союз Горбачева и «автономистов», с которым ему будет трудно совладать, а потому не пожелал остаться в стороне от разговора, выразил желание поучаствовать в нем. Об этом он договорился с Горбачевым на встрече 8 мая.

Лидеры автономий были настроены довольно воинственно. Однако шансы добиться полного равенства с союзными республиками при подписании Союзного договора у них были невелики. Как сообщалось в прессе (в частности, об этом писала «Независимая газета»), представители большинства союзных республик (среди них – Украина, Казахстан, Узбекистан) заявили, что будут подписывать Союзный договор лишь с единой Россией.

Итак, новая встреча в Ново-Огареве. Башкирский президент Муртаза Рахимов ставит вопрос ребром:

- Мы – субъекты Союза?
- Да! – с пафосом отвечает Горбачев.
- Тогда почему без нас собираетесь?

Надо полагать, имелось в виду «собрание», на котором было подписано то самое Заявление «9+1».

Горбачеву пришлось выкручиваться. Его ответ был уклончивым: дескать, мы сейчас переживаем переходный период. Надо понимать так: вот переживем, и тогда уж все встанет на свои места.

Но Рахимова этот ответ, по-видимому, не устраивает:

– Мы позиции Совместного заявления поддерживаем. Но там говорится о подписании (Союзного договора. – **О.М.**) только союзными республиками. В основу

дальнейшей работы надо положить согласованный проект... Подписывать всем по алфавиту.

Горбачев возражает: если принять «алфавитный» принцип, «пойдет цепная реакция в других республиках», да и в самих российских автономиях придется проводить референдумы – должны ли они оставаться в Союзе.

В каких республиках Горбачев предвидит «цепную реакцию»? Надо полагать, – в Грузии, в Азербайджане, в Молдавии. Там, где были автономные образования и где вокруг них в тот момент происходили конфликты.

Впрочем, Грузия и Молдавия вообще не собирались подписывать Союзный договор. А вот Азербайджан вряд ли согласился бы, чтоб Нагорный Карабах поставил свою подпись под договором самостоятельно, не как субъект Азербайджана.

Какими могли бы оказаться итоги референдумов в автономиях, тоже было не вполне ясно: в тот момент настроения за отделение от Союза, да и от своей союзной республики во многих местах были достаточно сильны.

Иными словами, требование автономий предоставить им право самостоятельно, на уровне союзных республик, подписывать Союзный договор в самом деле создавало дополнительные проблемы. Хотя, быть может, эти проблемы и не были неразрешимыми.

А что же Ельцин? Ведь претензии автономий, в первую очередь, касаются его: автономии-то – российские. Как замечает помощник Горбачева, который ведет стенограмму, «Ельцин все время молчит, угрюмо смотрит перед собой, явно недоволен всем происходящим, хотя Горбачев делает работу за него, пытаюсь исправить последствия его посулов в кампании суверенизации» (надо полагать, прежде всего имеется в виду то самое – «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!»)

Автономии между тем продолжают заседать.

Председатель Верховного Совета Коми Юрий Спиридонов:

– Руководство страны и России начало вести дело без нас. Мы подпишем (Союзный договор. – **О.М.**) сами. Целостность России будет определена в Федеративном договоре (этот договор готовился параллельно с Союзным. – **О.М.**)

Председатель Верховного Совета Северной Осетии Ахсарбек Галазов:

– Если мы будем насильственно сдерживать исторический процесс суверенизации, то нанесем непоправимый ущерб единству России.

Председатель Верховного Совета Кабардино-Балкарии Валерий Коков:

– Почему мы не сможем сами передать Союзу те полномочия, которые РСФСР передает Союзу?

Даже Якутия жаждет суверенитета, причем добивается его очень напористо.

Председатель Верховного Совета республики Михаил Николаев:

– Мы неоднократно ставили вопрос о признании (нашего. – **О.М.**) суверенитета. Когда это будет сделано? Если вы настаиваете на соблюдении Конституции, – мы ставим вопрос о статусе наших республик: по Конституции Верховный Совет решает вопрос о приеме в СССР новых республик. Меня не удовлетворяет ваша вступительная речь (имеется в виду вступительная речь Горбачева на этой встрече, довольно обтекаемая. – **О.М.**), как и встреча с Борисом Николаевичем. Мы субъекты Союза или нет? О нашей нынешней встрече трудно информировать (по-видимому, надо понимать так – трудно информировать общественность республики, которая вроде бы ожидает, когда наконец Якутии будет предоставлен настоящий суверенитет. – **О.М.**)

Особая позиция Татарстана

Однако решительней всех выступает лидер Татарстана, председатель его парламента Минтимер Шаймиев:

– Наш Верховный Совет принял решение о вхождении в Союз в качестве самостоятельного государства. Процессы суверенизации необратимы. Мы за укрепление Союза, но если не будет возможности подписать Союзный договор (подписать самостоятельно. – **О.М.**), мы не сможем подписать договор с Россией. Силой сейчас ничего не сделаешь.

Ельцин, естественно, не желает, чтобы Российская Федерация начала необратимо разваливаться, так же, как разваливается Советский Союз, но он вынужден искать компромисс. Его предложения:

– Надо сказать: первое – республики являются субъектами Союза и РСФСР. Второе – сесть с каждой республикой и послушать, как они хотят подписывать Союзный договор (видимо, Борис Николаевич надеется, что, разговаривая с каждой республикой по отдельности, тет-а-тет, можно как-то их уломать. – **О.М.**) Некоторые республики могут подписать отдельно – в таком случае надо указать, что они остаются субъектами РСФСР. Если Татарстан не хочет участвовать в Федеративном договоре, а заключает отдельный договор с Россией, – мы согласны... Документ для Съезда народных депутатов РСФСР должен содержать признание суверенитета республик (то есть этот суверенитет должен быть признан официально российской законодательной властью, как того и желают республики. – **О.М.**)

В заключение встречи Горбачев принялся сокрушаться по поводу того, что вот-де КПСС, союзная власть упустила «национальный вопрос», посчитала его окончательно решенным. Оказалось, однако, что это далеко не так. Этот вопрос стал «полем борьбы различных политических сил», «многие национальные движения именно на этой проблематике, придав ей острый разрушительный характер, пришли к власти». Слова Горбачева можно было понимать так: от этого, мол, все нынешние беды – и происходящий развал Союза, и нарастающая опасность развала Российской Федерации.

– Оказалось, что мы были слишком деликатны, – посетовал Горбачев.

Кого он имел в виду под национальными движениями, пришедшими к власти? В большинстве республик – и союзных, и автономных, – у власти к тому моменту оставалась все та же партийная номенклатура.

В результате встречи большинство автономий, по-видимому, удовлетворилось тем, что им все-таки позволили подписать Союзный договор, неважно, что на вторых ролях – в составе российской делегации, в качестве субъектов СССР и РСФСР. Все, за исключением Шаймиева и Завгаева (руководителя Чечено-Ингушетии), смирились с тем, что встать совсем уж вровень с союзными республиками им все-таки не дадут. Муртаза Рахимов, столь воинственно отстаивавший на встрече права автономий, об итогах ее рассказывал журналистам уже весьма добродушно и примирительно:

– Состоялся деловой, принципиальный, чисто семейный разговор. И Борис Николаевич, и Михаил Сергеевич, то есть все, высказались, что мы действительно

являемся субъектами Союза, должны быть учредителями Союзного договора и подписать его.

Но теперь «обидеться» могли уже союзные республики, подписавшие Заявление «9+1»: Горбачев и Ельцин, не посоветовавшись с ними, фактически отказались от одного из пунктов договоренности, достигнутой 23 апреля, позволив и автономиям подписать Союзный договор.

Шаймиев стоит на своем

24 мая в Ново-Огареве состоялось первое заседание Подготовительного комитета по проекту нового Союзного договора (напомню, этот комитет был создан по решению Съезда). На этот раз вместе с союзными республиками – причем не только вошедшими в «девятку», – в подмосковной резиденции Горбачева собрались и автономии.

Эпи последние вновь предприняли мощную атаку, добиваясь равноправия, хотя вроде бы уже обо всем договорились 12 мая на встрече с Горбачевым и Ельциным.

Председатель Верховного Совета Карелии Виктор Степанов:

– Если признаем равноправие народов, – должны признать равноправие республик... По Совету Федерации – должно быть равноправие (то есть в Совете Федерации на равноправных началах должны заседать и представители бывших союзных республик, и представители автономий. – **О.М.**)

Лидер Северной Осетии Ахсарбек Галазов:

– Надо устранить деление республик на два сорта.

Снова решительнее всех выступил Шаймиев:

– Подпишем договор, если получим союзный статус. Мы должны быть в Союзе. Раз отказали нам, два отказали, теперь, при преобразовании Союза, мы не можем допустить это еще раз. Россия должна по мере их созревания рожать республики. Почему мы должны решать оборонные вопросы через Россию? Нефтехимический комплекс у нас крупнейший в мире...

Однако Ельцин все решительнее отрабатывает назад от прежнего своего «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!»:

– Россия должна оставаться единой. Разрушить ее единство было бы величайшей ошибкой. Нам этого не простят. Даже если одна республика подпишет отдельно, – это прецедент, начнется волна распада...

Ельцина поддерживает и Назарбаев:

– Нет мононациональных республик. Сегодня вы объявите о себе как субъектах Союза, а завтра у нас в районах будет провозглашаться то же самое.

Еще один обсуждаемый вопрос, хотя и не такой острый, как равноправие республик, – название Союза. Союзный Верховный Совет постановил дать стране новое название, однако мало отличающееся от прежнего, – Союз Советских Суверенных Республик, так что коротко было бы по-прежнему СССР (этот момент некоторые особо выделяют – сохранить аббревиатуру). Однако постановления союзного парламента уже мало кого к чему обязывают. Одни, правда, поддерживают предложенное название, другие даже настаивают, чтобы в нем сохранился «социалистический выбор», третьи предлагают свои варианты, – например, поменять местами эпитеты, выдвинуть на первый план слово «суверенный»: «Союз Суверенных Советских Республик» (к этому варианту присоединяется и Ельцин), или сделать короче: «Союз Суверенных Государств», четвертые просто отмахиваются от разговора о названии – предлагают отложить его «на потом».

На следующий день Ельцин сообщил, что автономии согласились подписывать Союзный договор в составе РСФСР. Все, кроме Татарстана, который продолжал настаивать на своем праве участвовать в договоре самостоятельно. Однако члены «девятки», по словам Ельцина, отказались принимать его в свои ряды.

Впрочем, не вполне ясно, что означал этот отказ. «Независимая газета» писала в те дни:

«Предстоят еще непростые российско-татарстанские переговоры, которые вряд ли увенчаются успехом. Похоже, на этот раз оба лидера – и союзный, и российский – плохо представляют себе, где выход. Татарстан обещает стать «Литвой России».

Татарстану – независимость!

В Татарстане – буря. Одни – за выход из России, другие – против. В Москву через голову республиканских властей идут петиции: «Желаем остаться в России!»

«Если Верховный Совет Татарстана примет решение об отмене выборов российского Президента на территории республики, мы будем требовать выхода Бугульмы из Татарстана и присоединения ее к Кировской области РСФСР», – пишут две тысячи сотрудников одного из НИИ, расположенного в этой самой Бугульме.

На противоположной стороне народу не меньше. 27 мая, в день открытия очередной сессии республиканского парламента, в центре Казани – митинг, около пятидесяти тысяч человек. Участники требуют не проводить на территории Татарстана выборы российского президента. Правда, парламент 13 мая уже принял решение – провести такие выборы одновременно с выборами республиканского президента. Однако спустя несколько дней большая группа депутатов потребовала через парламентский Комитет конституционного надзора рассмотреть, насколько правомерно такое решение. После долгих споров решили изменить постановление от 13 мая: официально Татарстан не будет участвовать в выборах российского президента, однако тем гражданам республики, которые все-таки пожелают принять в них участие, будет оказано содействие.

Что касается республиканского президента, кандидат был единственный – Минтимер Шаймиев. В своей программной речи на сессии парламента он вновь подтвердил, что республика будет подписывать Союзный договор только как суверенное государство – субъект СССР.

Шаймиев обвиняет Ельцина...

В день открытия сессии республиканского парламента Татарстана (напомню, – 27 мая) газета «Вечерняя Казань» опубликовала интервью с Ельциным. Речь, естественно, зашла о том, как он относится к стремлению Татарстана получить особый государственный статус. Ельцин ответил, что после недавней встрече в Ново-Огареве он встречался отдельно со всеми руководителями республик Российской Федерации и все они дали согласие подписать Союзный договор в составе РСФСР в алфавитном порядке.

– Только Шаймиев пока такого согласия не дал, – сказал Ельцин. – Но мы договорились продолжить консультации.

По словам Ельцина, «вопрос должен быть обязательно решен» (то есть решен так, что Татарстан не должен ничем не выделяться среди других российских республик, занять среди них свое место, как оно следует из алфавитного порядка). Ибо «все руководители «большой девятки» заявили, что в случае, если Татарстан будет настаивать (настаивать на том, чтобы стать с ними вровень. – **О.М.**), они подписывать Союзный договор не станут, потому что автономии других союзных республик подписывают его только в составе союзной республики».

Однако Шаймиев, выступая 28 мая на пресс-конференции, опроверг эти слова Ельцина. Он утверждал, что никакого разговора о том, будто из-за Татарстана другие республики не будут подписывать Союзный договор, на встрече в Ново-Огареве не было, и Ельцин просто пытается «использовать особую позицию Татарстана в своих целях».

Какие цели преследует в данном случае Ельцин, всем было понятно: спохватившись, что наобещал автономиям слишком много, он теперь изо всех сил старается не допустить развала России, контуры которого уже отчетливо видны.

Катастрофа все ближе

«Понятное специалистам, отвечающим за зерновое хозяйство, критическое положение с хлебом все в большей мере сказывается на каждодневной жизни граждан. Министр торговли СССР К. Терех – премьер-министру СССР В. Павлову (5 мая 1991 года):

«В настоящее время из-за ограниченных фондов розничная продажа муки в РСФСР (кроме г. Москвы) и Украинской ССР практически не производится, в остальных республиках осуществляется по талонам. Торговля крупой осуществляется повсеместно (кроме г. Москвы) по талонам, а в Украинской ССР – по купонам, с перебоями».

«Из аналитических материалов Верховного Совета СССР (8 мая 1991 года):

«В области внешних расчетов СССР сложилось крайне напряженное положение. Сократились экспортные поступления в иностранной валюте при одновременном увеличении потребностей в импорте, вырос дефицит платежного баланса. Исчерпаны свободные валютные ресурсы. Образовалась крупная просроченная задолженность по коммерческим контрактам. Критического уровня достиг внешний долг государства. Ухудшилась репутация Советского Союза на международных финансовых рынках...»

НА ПРИБАЛТИКУ СНОВА «НАЕЗЖАЮТ»

ОМОН громит таможни

Хотя процесс разъединения (распада, развала – назовите хотите) Союза после Заявления «9+1» вроде бы вошел в спокойное, цивилизованное русло, не всех это

устраивало. В мае в Прибалтике вновь произошли драматические события, которые словно бы стали продолжением, вторым актом январской вильнюсской драмы. В апреле Литва, следуя курсом на независимость, стала создавать на своих границах пропускные пункты и таможни. Естественно, начались всякого рода происшествия. Поначалу они носили, так сказать, бытовой характер. Дело понятное: раньше люди могли свободно проезжать из пункта А в пункт В, а теперь вот – шлагбаум. Впрочем, бытовые-то они бытовые, но вскоре дошло и до серьезного. Таможни стали поджигать. Считалось, что это делают местные жители, живущие по обе стороны границы, в основном белорусы и поляки, недовольные возникшими препятствиями. Появились и первые жертвы. 18 мая литовскими таможенниками был застрелен белорусский милиционер капитан Александр Фиясь (сообщалось, что он первым начал стрелять), а 19-го, видимо в отместку, – капитан таможенной службы Литвы Гинтарас Жагунис...

(Вновь вспоминается Высоцкий:

*Пьян от запаха цветов капитан мертвецки,
Ну, а ихний капитан тоже в доску пьян.
И повалился он в цветы, охнув по-турецки,
И по-русски крикнув « Мать!...», рухнул капитан).*

Если эти трагические эпизоды еще можно было считать более или менее случайными, то вскоре все переросло в систему. К делу подключился тот самый «союзный» ОМОН, который уже проявил себя прошедшей зимой в качестве борца с прибалтийскими «сепаратистами». Здесь я приведу репортаж из «Независимой газеты»:

«Около трех часов ночи с 22-го на 23 мая рижские омовцы – подчиненные союзному МВД, – захватили таможенный пост в поселке Витини, на границе с Литвой, сожгли его, а всех троих таможенников, кто в нем находился, привязали к шлагбауму.

Через двадцать минут нападению подвергся другой таможенный пост, находящийся примерно в тридцати километрах от первого, на границе с Литвой. Этот пост омовцы также сожгли, отобрали у сотрудников документы, штык-ножами прокололи колеса таможенных автомашин.

В это же время другая группа омовцев подъехала к таможенному посту, находящемуся неподалеку от поселка Скайсткалне. Они разоружили милиционера,

охранявшего склад таможи, а находящихся там сотрудников, угрожая оружием, поставили лицом к стенке. Из склада вынесли все конфискованные таможенниками вещи и документацию таможи. Затем они въехали на территорию Литвы и подожгли таможенный пост на ее территории. После чего уехали в сторону Риги.

Около шести утра примерно тридцать омонцев подъехали на пяти машинах к таможенному посту в поселке Патарниеки на границе с Белоруссией. С автомашины районного отдела милиции, охранявшей пост, они сорвали рацию, избили милиционера. И, следуя все тому же сценарию, сожгли таможенный пост».

Кстати, как рассказывают таможенники, вместе с нападавшими был известный в ту пору тележурналист, неистовый противник демократических перемен Александр Невзоров, который снимал все происходящее на видеокамеру. (Позже этот деятель, хоть и стал депутатом, но как-то быстро скис, исчез со сцены, в отличие от других «патриотов-империалистов» типа Проханова).

Затем та же группа омонцев совершила нападение на таможенные посты в поселке Силиене Даугавпилсского района Латвии и в Зарасайском районе Литвы.

Как сообщили в МВД Латвии, такие же акции были совершены 22 мая на территории Эстонии и той же ночью – с 22-го на 23 мая – в приграничных с Латвией районах Литвы. При этом на одном из постов были ограблены несколько жителей Латвии, направлявшихся в Польшу.

Стало известно также, что еще раньше, утром 22 мая, по приказу представителя МВД СССР полковника Николая Гончаренко сотрудники рижского ОМОНа заняли дежурную часть управления транспортной милиции Департамента милиции Латвийской Республики в Риге. В связи с этим министр внутренних дел Латвии Алоиз Вазнис направил телеграмму министру внутренних дел СССР Борису Пуго, однако никакого ответа не получил.

«Мы ими не командуем»

Обо всех этих нападениях рижского ОМОНа на таможенные посты было сообщено 23 мая на заседании президиума Верховного Совета Латвии. Выступивший с сообщением заместитель министра внутренних дел Латвии Петр Якимов сказал также,

что уже ночью по этому поводу из МВД Латвии звонили в МВД СССР, но звонившим ответили... что в министерстве никого нет.

При повторном звонке утром в МВД СССР сказали, что там начался официальный прием (принимали представителей Азербайджана и Армении), который продлится... не менее двадцати часов, так что вроде бы латвийскими проблемами в это время никто не сможет заниматься. Странный прием какой-то с такой продолжительностью...

Впрочем, заместитель министра внутренних дел СССР Трушин при этом заявил:

– Как вы можете думать, что МВД СССР могло отдать приказ рижскому ОМОНу о нападении на ваши таможи? И вообще, мы ими не командуем. Они у нас только на балансе, а команды мы им не даем.

В общем, в Москве отстранились от действий рижского ОМОНа – это, мол, все их самодеятельность, а мы тут не при чем. В общем все как бы вернулось в январь 1991-го, хотя вроде бы союзный Центр решил оставить Прибалтику в покое.

В Латвии в непричастность Москвы не поверили. Президиум Верховного Совета республики принял заявление, в котором настаивал, что действия подразделений Внутренних войск МВД СССР не случайны, а совершены по плану, спущенному сверху. «Президиум ВС Латвийской Республики, – говорилось в заявлении, – выражает протест правительству СССР и категорически просит прекратить террористические акции ВВ МВД СССР против балтийских государств, расследовать эти преступления и призвать виновных лиц к ответственности, предусмотренной законом».

Однако «террористические акции» продолжались. 24 мая вечером рижский ОМОН уничтожил еще два пограничных поста на границе Латвии и Литвы. В субботу и воскресенье, 25-го и 26 мая, погромы продолжались. 25 мая вечером около двадцати сотрудников рижского ОМОНа напали на латвийский таможенный пост Элея, затем – на пост возле поселка Калвяй. Омоновцы облили здание бензином и подожгли. Следующим пунктом по их маршруту был таможенный пост Салочяй уже на территории Литвы. Здесь они избili начальника смены, после чего, как водится, подожгли здание поста. Дальше аналогичные нападения были на литовские посты возле Мядининкая, Лаворишкеса и Шумска на границе с Белоруссией.

Очередные попытки протестовать, как и прежде, не дали результата. Литовский премьер Вагнорюс послал телеграмму протеста союзному премьеру Павлову, – ответа не последовало. Латвийский министр внутренних дел Вазнис на пресс-конференции сообщил о своем телефонном разговоре с уже упоминавшемся заместителем министра союзного МВД Трушиным. Тот снова утверждал, что МВД СССР не дает никаких команд рижскому ОМОНу.

Тем не менее таможенники, подвергшиеся нападению, рассказывали, что в ряде случаев омовцы утверждали, что выполняют указ президента СССР о ликвидации незаконных вооруженных формирований.

Трудно сказать, чем на самом деле объяснялись эти странные рецидивы вроде бы уже излеченной болезни – имперского противодействия Москвы уже фактически свершившемуся уходу прибалтийских республик из «Союза Советских Социалистических». Все это было похоже просто на какое-то остаточное проявление злобы, мстительности...

Снова надвигаются события января?

25 мая было опубликовано обращение Совета балтийских государств к парламентам, правительствам и народам мира. В нем говорилось, что подразделения Вооруженных Сил и Министерства внутренних дел Советского Союза за последнюю неделю совершили ряд нападений на различные объекты на территории Латвии, Литвы и Эстонии. Многие люди пострадали, нанесен серьезный материальный ущерб. «Наглость, издевательства, агрессивно-провокационный характер нападений» с каждым днем возрастают. От нападений не защищают даже депутатские мандаты республиканских парламентам.

«Нынешняя ситуация, – говорилось в обращении, – напоминает период, предшествовавший трагическим событиям января 1991 года. Вновь мы имеем дело с обширной координированной операцией во всех трех балтийских государствах. Происходящее ярко демонстрирует всему миру неискренность заверений, которые были даны Кремлем после январских событий. Совет балтийских государств обращается к парламентам, правительствам и народам всех стран мира с призывом выразить

решительный протест против новых актов насилия со стороны СССР в балтийских странах... В январе международная солидарность сумела в значительной степени повлиять на ход событий. Увы, лишь после того, как непоправимое уже произошло. Сейчас надо не допустить этого».

Парламент запрещает таможенникам применять оружие

Последнее в серии омовских бесчинств произошло, кажется, 28 мая. Вечером был сожжен таможенный пост Лаваришкес на шоссе Вильнюс – Полоцк, избиты два охранника (позже в больнице у них определили сотрясение мозга).

Казалось странным, что нападающие нигде не встречают сопротивления. Литовский парламент три дня обсуждал, имеют ли таможенники право применять оружие, если на них нападают. В конце концов большинство депутатов проголосовало против этого. Большинство, хотя и не все. Гендиректор Департамента охраны края Аудрюс Буткявичюс сказал журналистам: как представитель исполнительной власти он обязан подчиняться правительству (именно премьер-министр Вагнорюс настаивал, что применение оружия недопустимо), но как депутат парламента он имеет свое мнение: он – за применение оружия.

Позиция тех, кто возражал против вооруженного сопротивления, конечно, ясна: стрельба по «правоохранителям», пусть и ответная, вполне может дать повод Москве снова ввести в действие войска (кстати, 25 мая на некоторых улицах Риги было замечено передвижение военной техники).

«Погромы – законные»

В конце мая после многочисленных обращений прибалтийских властей и отнекивания властей московских в Ригу все-таки прибыла комиссия союзного МВД. Вроде бы целью приезда было – расследовать захват рижским ОМОНам здания МВД в Риге, разгром таможенных постов в Латвии, Литве и Эстонии. Однако вместо того, чтобы заниматься этим, комиссия заявила, что эти посты созданы незаконно: таможенная служба находится в ведении правительства СССР. В Ригу пришла и телеграмма от министра внутренних дел СССР Пуго. Действия рижского ОМОНа, утверждал министр,

были законными, поскольку преследовали цель освободить дороги для межреспубликанских перевозок, которым препятствовали незаконно созданные таможенные посты.

Как видим, в Москве наконец определились, как реагировать на все эти погромы. Перестали изображать неосведомленность и девственную невинность.

29 мая последовало новое заявление протеста, на этот раз – от латвийский парламента. В нем перечислялось все, что совершил ОМОН, начиная с сентября 1990 года.

«Эти вооруженные формирования Министерства внутренних дел СССР, – говорилось в заявлении, – систематически осуществляют насильственные акции, убивают и унижают людей, грабят и намеренно уничтожают государственную собственность и собственность граждан».

Парламент Латвии потребовал от президента СССР незамедлительно расформировать или вывести с территории Латвийской Республики подразделение ОМОНа, дислоцированное в Риге, расследовать все его преступления.

Горбачев никак не прореагировал на все эти нападения и протесты. Во всяком случае публично. И в дневнике Черняева, довольно подробном, нет ни слова об этом. Хотя к этому моменту президент вроде бы убедился в бесполезности и бессмысленности силового давления на республики, решившие уйти из Союза, тем не менее сквозь пальцы смотрел на действия тех, кто нее желал отказаться от такого давления.

Катастрофа все ближе

«Развал финансовой системы идет параллельно с развалом потребительского рынка. Приближающаяся катастрофа становится все более очевидной. Председатель Ленсовета А. Собчак – председателю правительства СССР В. Павлову (16 мая 1991 года):

«Уважаемый Валентин Сергеевич! В Ленинграде продолжает ухудшаться снабжение населения основными продуктами питания. Многочисленные обращения в

центральные правительственные органы СССР и РСФСР и прямые контакты с руководством союзных республик должных результатов не дают».

«Председатель Государственного комитета СССР по закупкам продовольственных ресурсов М. Тимошинин – в правительство СССР (22 мая 1991 года):

«В настоящее время запасы хлебопродуктов крайне ограничены. Остаток муки по состоянию на 21 мая с.г. в целом по Союзу составил 1, 5 миллиона тонн, или на 15 дней обеспечения потребностей страны».

«Настроения населения и особенно ожидания будущих трудностей отражает опубликованная 31 мая заметка в газете «Известия»:

«Огородный бум сегодня повсеместен. Люди хорошо понимают, что надеяться теперь стоит прежде всего на самих себя. Вот и отправляются после работы, в выходные на свои делянки с лопатами и граблями».

В ПРЕДДВЕРИИ ПУТЧА

Вместо СССР – СССР

На 3 июня было намечено второе заседание Подготовительного комитета, работающего над Союзным договором. Предсказания, как оно пройдет, были разные. Те,

кому по долгу службы надлежало излучать казенный оптимизм, излучали его. Например, председатель Совета Национальностей Рафик Нишанов. Он выразил надежду, что «сторонам удастся в течение июня выработать проект и направить его на рассмотрение республиканских Верховных Советов». Есть, правда, одно препятствие – сохраняющиеся противоречия между позициями России и Татарстана, но это, по словам Нишанова, «очень деликатный вопрос, и он должен быть решен руководителями двух республик самостоятельно».

Другие участники новоогаревских бдений были более сдержанны в прогнозах, считая что трения между Россией и Татарстаном – не единственная проблема на пути к Договору.

Итак, второе заседание Подготовительного комитета в Ново-Огареве. Настроение большинства – так себе. Мало-помалу все начинают уставать от толчения воды в ступе. Горбачев:

– Полагаю, пространные дискуссии общего характера закончились на прошлой встрече. Сколько уже месяцев вокруг да около ходим, давайте пойдем постранично и постатейно...

Однако покончить с хождением вокруг да около не получается. Председатель Верховного Совета Союза Анатолий Лукьянов вновь затевает спор о названии страны (будто это самое важное), требует, чтобы была соблюдена воля Съезда, который постановил сохранить название «Союз Советских Социалистических Республик». Однако для республиканских лидеров воля Съезда уже не указ: если, мол, каждый из нас начнет говорить о воле своего Верховного Совета... Лукьянов несколько сдает назад, но теперь уже настаивает, чтобы страна называлась «Союз Советских Суверенных Республик», а не «Союз Суверенных Советских Республик», то есть пытается задвинуть слово «суверенные» несколько назад, выпятить вперед слово «советские», хотя ясно: через какое-то время слово «советские», не подкрепляемое словом «социалистические», будет для граждан пустым звуком.

Горбачев раздражен:

– Если пойдет такой дележ, все, не остановимся...

Заседание продолжалось долго, но в прессе освещалось скупое. Некоторую ясность, о чем договорились и на какой стадии, собственно говоря, все находится, внес Горбачев в своем телеинтервью 15 июня. Он объявил, что следующее заседание Подготовительного комитета – 17 июня. Если оно пройдет успешно, можно будет разослать проект Союзного договора Верховным Советам республик, которые, надо надеяться, обсудят его до конца июня, так что в июле его можно будет подписать. Такая вот программа. Общие контуры нового Союза, как их обрисовал Горбачев: суверенное демократическое федеративное государство; главная новизна заключена в том, что будут обеспечены суверенитет, расширение прав, полномочий и ответственности республик, реально обеспечены; распределение полномочий между Союзом и суверенными республиками станет таким, что будут и сильные республики, и сильный Центр. Остановился Горбачев и на названии страны. Договорились все-таки, по словам президента, что будет Союз Советских Суверенных Республик – этим подчеркивается преемственность: «советы как таковые сохраняются, несмотря на появление мэров и других структур исполнительной власти». В общем по-прежнему – СССР.

Не думаю, что сохранение этой аббревиатуры было правильным шагом сторонников сохранения Союза: название СССР было красной тряпкой для тех, кто жаждал перемен, оно как бы говорило, что никаких существенных мер по реформированию страны не будет, не ожидайте, в основном все останется по-старому.

Ельцин – президент России

12 июня Ельцин был избран президентом России. Это было поистине историческое, хотя и ожидаемое, событие. «Российская газета» писала по этому поводу:

«Итак, первым президентом России стал Борис Ельцин. Тот самый Борис Ельцин, которого 10 ноября 1987 года пленум МГК КПСС, ведомый Михаилом Горбачевым и Егором Лигачевым, освободил от всех занимаемых им постов и должностей. Тот самый Ельцин, которому в ноябре того же года М. Горбачев в телефонном разговоре сказал: «Должность мы тебе подберем неплохую, на хлеб будет хватать. Но политической деятельностью ты заниматься больше не будешь, об этом – забудь»...

И еще. 12 июня... на вершину политической жизни вышел не только Борис Ельцин со всеми его взглядами, позицией, характером; вышла, что неизмеримо важнее, подлинно суверенная Российская Федерация...

Мы все вступаем в новую эпоху. Дай Бог, чтобы она была для каждого из нас не столь драматичной, как та, которую мы оставляем за спиной».

В общем-то этот пафос не был чрезмерным. Вся демократическая Россия именно так воспринимала избрание Ельцина президентом. После этого избрания мы действительно вступили в новую эпоху. Жаль, что с уходом Ельцина эта эпоха кончилась.

«Презентация» Союзного договора

Но жизнь продолжалась. В этот же день, 12 июня, советник Горбачева Григорий Ревенко, «ответственный» за Союзный договор, собрал журналистов на «презентацию» нового его текста. Это было несколько странно, поскольку на 17-е было назначено очередное заседание Подготовительного комитета, где этот текст опять собирались дорабатывать.

Среди прочего, Ревенко попытался надавить на «неприсоединившуюся шестерку» – дескать, выйти из Союза им все-таки будет не так-то просто:

– Они в Советском Союзе и должны решить вопросы цивилизованно, – сказал советник Горбачева. – Провести необходимый честный разговор со своим народом. Пусть этот народ даст мандат на выход из Союза – и никто тогда препятствовать не будет. Ну, хорошо, отпустит Горбачев, а дальше что будет? Натравим друг на друга, и пускай режутся?

Что подразумевал Ревенко под «мандатом народа», было не очень понятно. Итоги референдума, который должна провести каждая республика? Но у них у всех есть избранные народом парламенты, а уж они сами решат, проводить им референдум или не проводить.

Ревенко также сказал, что «девятка присоединившихся» и «шестерка неприсоединившихся» сами, без участия Центра, могут поговорить друг с другом и

договориться, как дальше жить, наметить какие-то общие принципы этой дальнейшей жизни.

Из выступления Ревенко стало ясно, что по-прежнему, то есть на дату 12 июня 1991 года, не решена и «проблема автономий».

– Шаймиев и другие стоят на той же формуле, – посетовал Ревенко, имея в виду формулу: автономии подпишут Союзный договор только самостоятельно, как субъекты Союза. – Это формула деструктивная.

Все же, как видим, Шаймиева он выделил среди других, как бы говоря этим: ну, с остальными прочими автономиями еще как-то можно будет управиться, а вот Татарстан... При этом он неожиданно сообщил, какой тут может быть выход: чтобы не откладывать подписание договора из-за одной республики, для подписи Татарстана просто оставят пустую строчку, которую он «заполнит» позднее.

«Автономистам» «вывихнули руки»

На заседании Подготовительного комитета 17 июня автономии предприняли очередную отчаянную попытку добиться равенства с союзными республиками. Видимо, предвидя это, Горбачев во вступительном слове заявил весьма решительно:

– Я не могу подписаться под договором, который разрушал бы Российскую Федерацию, и который делал бы неполноценным Союз. Мы должны сохранить и Союз, и Российскую Федерацию.

По-видимому, к этому моменту у Горбачева уже была договоренность с Ельциным совместными усилиями отбивать атаки автономий, которые – это было достаточно очевидно, – в конце концов действительно могли привести к развалу России. Но даже если такой договоренности и не было, если Горбачев самостоятельно выбрал линию союзничества с Ельциным в этом вопросе, он поступил вполне разумно. Он не просто укреплял тактический союз с Ельциным, – странно было бы вообще, если б, сражаясь за сохранение Союза, он не выступал бы и за сохранение России.

К союзничеству с Ельциным Горбачева подталкивало и то, что теперь у Ельцина была новая, более мощная легитимность, – он стал всенародно избранным президентом (сам Горбачев таковым, как известно, не был), но, и став им, он не проявил никакого

высокомерия по отношению к своему вечному оппоненту. Это не прошло мимо внимания прессы. «Независимая газета»:

«В ходе встречи он (Горбачев. – **О.М.**) впервые увидел перед собою за столом переговоров Бориса Ельцина, не просто получившего новый титул, но приобретшего качественно новое политическое оружие огромной мощности – истинно легитимную власть единственного в этом сообществе президента, избранного всенародным голосованием. И, судя по всему, Горбачев не увидел в своем оппоненте ни ожесточения, ни надменности, которых мог опасаться. Ельцин не стал пренебрежительно цедить сквозь зубы что-то вроде «Я президент, а ты кто такой?», но, напротив, продемонстрировал готовность к сотрудничеству».

Дальнейшие события на заседании 17 июня описываются в стенограмме (она приведена в книге «Союз можно было сохранить») довольно коротко, хотя и весьма выразительно:

«Завязалась довольно острая дискуссия с «автономистами», которые потребовали перечислить все республики вначале (в начале Союзного договора. – **О.М.**), чтобы подчеркнуть, что они в числе учредителей Союза. Горбачев убедительно призывал к компромиссу (то есть, надо полагать, возражал против такого перечисления. – **О.М.**), а Ельцин молчал. Затем было два тура: сначала сидели над текстом «автономисты», потом «союзники». Кое-как вывихнули первым руки. Не обошлось без взаимных угроз и предостережений».

Руки вывихнули не всем. Татарстан продолжал стоять на своем. В Чечне (уже не Чечено-Ингушетии) вообще началась буча...

В итоге было решено-таки направить проект договора Верховным Советам республик и союзному Верховному Совету.

Предвестие путча?

В эти дни в Верховном Совете СССР произошли некие события, в которых, если на них оглянуться из сегодняшнего дня, нетрудно было бы разглядеть предвестие близкого августовского путча. 17 июня с докладом об экономическом положении в стране здесь выступил премьер-министр Валентин Павлов. Положение давно уже было

близким к критическому, но Павлов постарался еще более сгустить краски и в заключение потребовал, чтобы ему предоставили дополнительные полномочия – право выступать с законодательной инициативой и принимать решения «по вопросам руководства народным хозяйством и социально-культурным строительством», обязательные для всеобщего исполнения. Иными словами – передать часть тех чрезвычайных полномочий, которыми не так давно Верховный Совет наделил президента. Депутаты склонялись к тому, чтобы пойти навстречу премьеру. И не только склонялись... «Ястребы» из группы «Союз» – Коган, Алкснис, Чехоев, Умалатова, – с пеной у рта требовали этого, полностью возлагая вину за сложившееся тяжелое положение на президента. Еще одно их требование – созвать в июле чрезвычайный Съезд народных депутатов СССР с единственным пунктом в повестке дня – отчет президента СССР. Для того, стало быть, чтобы отстранить Горбачева от власти.

Известный в ту пору «представитель пролетариата», не слезавший с телеэкрана харьковский таксист Сухов закончил свою речь прямым призывом:

– Долой Горбачева! Долой его клику – Шеварднадзе, Яковлева и других!

Оценивая грозную обстановку, сложившуюся в Верховном Совете, депутат Элла Памфилова заявила:

– Я считаю, что здесь совершается попытка конституционного переворота.

Дальше – хуже. На этой сессии – в закрытой его части – выступили и силовики. Формально – чтобы отчитаться о положении дел в своих ведомствах. Отчеты однако получились странноватые, довольно зловещие. «Независимая газета»:

«Рутинные сообщения «о положении дел на доверенном участке работы» министров внутренних дел и обороны, председателя КГБ СССР содержали, по мнению ряда присутствовавших депутатов, целую серию нечетких по форме, но достаточно тревожных по сути деклараций. Язов в весьма угрожающем тоне говорил о «развале» союзных Вооруженных Сил. Крючков (мой недавний собеседник. – **О.М.**) разоблачил перестроечные реформы как «заговор ЦРУ», проводимый через «агентов влияния», и настаивал на неких «чрезвычайных мероприятиях», необходимых для «спасения страны от гибели», и заявлял о готовности всеми имеющимися средствами «служить сохранению общественного строя, а не охране режима чьей-то личной власти...»

Павлов, Крючков, Язов, Пуго – все эти деятели в скором времени обретут известность как ключевые фигуранты путча.

Подземные толчки, возвещающие о приближающемся настоящем землетрясении, были слышны довольно отчетливо.

Ну, а что же Горбачев? Горбачев, как писала пресса, сохранял в эти два дня, – когда работал парламент, – удивительное спокойствие и продолжал «шлифовку текста Союзного договора». А главный – формально – фигурант будущего заговора вице-президент Геннадий Янаев успокаивал депутатов (кого это волновало) заверениями, что «президент не видит здесь (то есть в речах силовиков. – **О.М.**) политического аспекта» и просит «относиться к этому вопросу (то есть о чрезвычайном характере ситуации и необходимых чрезвычайных мерах. – **О.М.**) как к рабочему...»

На следующий день и сама эта троица – Язов, Крючков, Пуго – поспешила выступить с уверениями, что никакого «сговора» нет, что лишь желали «предоставить депутатам наиболее полную информацию».

Когда оглядываешься назад, на эти июньские дни 1991 года, каким-то странным выглядит столь удивительное спокойствие Горбачева.

До путча оставалось два месяца.

Тревога растет

Атмосферу тревоги усилило заявление Союза «Щит» (его полное название – Союз социальной защиты военнообязанных и членов их семей «Щит»). Заявление опубликовала «Независимая газета». В нем утверждалось, что в ночь с 15 на 16 июня в войсках Московского военного округа «была отмечена активизация действий отдельных частей и подразделений, некоторые из них были приведены в повышенные степени боевой готовности». «Щит» связывал этот факт с последовавшим закрытым заседанием Верховного Совета СССР, выступлениями на нем Язова, Пуго и Крюčkова, о которых уже шла речь.

«Победу демократии на выборах, – говорилось в заявлении, – они оценивают как целенаправленные действия сил, ведущих борьбу за изменение конституционного строя, утверждают об обострении обстановки в Москве и Ленинграде, заявляют, что

враждебные группировки овладели средствами массовой информации, делают вывод, что без действий чрезвычайного характера сегодня уже не обойтись. Премьер-министр В. Павлов потребовал предоставить правительству полномочия президента страны. Исходя из вышеизложенного, союз «Щит» считает своим долгом предупредить демократическую общественность страны о вновь надвигающейся опасности правого переворота».

Вот такое предупреждение. В ту пору оно было не единственным. Тревога носилась в воздухе.

Встревожены и российские депутаты

Что-то странное, происходящее в союзном парламенте, встревожило и парламент российский. Особенно – выступления Язова, Крючкова и Пуго, происходившие за закрытыми дверями и доносимые лишь обрывками, скупыми публикациями в прессе. Как писала «Российская газета», многие депутаты, подобно Памфиловой, расценили это как попытку «кабинетного государственного переворота». Еще сравнивали ситуацию с той, какая возникла минувшей осенью, когда «процесс стабилизации политической жизни в стране был полностью сорван консервативными силами, торпедирована программа «500 дней» и обстановка стала близкой к критической».

Мало кто догадывался, что в действительности в скором времени произойдут события, гораздо более драматические, чем осенью 1990 года.

В республиках не спешат

Надежды Горбачева на то, что республиканские Верховные Советы обсудят разосланный им проект Союзного договора до конца июня (еще до его публикации – опубликован он был 27-го числа), явно не сбывались. Украинская Верховная Рада передала текст экспертам и пообещала вынести окончательное решение... лишь в сентябре. В российском ВС тоже не торопились: в начале июля сообщили журналистам, что вопрос о договоре будет рассматриваться, по крайней мере, три-четыре недели. Примерно такая же ситуация была и в других республиканских парламентах. В общем-то все были недовольны объемом тех полномочий, которые предоставлялись в проекте республикам, все хотели большего.

Люди осторожные предупреждали, что Центр, Горбачев и так отдал республикам все, что мог, что пока еще не настал момент, когда следует требовать большего, что в результате непомерных требований и сами республики, и Центр могут потерять все, ибо очевидно было: противники перемен собирают силы, готовятся к мощной контратаке. Публицист Сергей Пархоменко довольно прозорливо писал в начале июля в «Независимой газете»:

«Могут ли республики требовать удовлетворения всех своих притязаний «здесь и сейчас»? Простейший анализ нынешней диспозиции в руководстве Союза, реалистичная оценка тех сил, что остаются на страже исторически обреченного статус-кво, – все это заставляет убедиться: одно нерасчетливое, резкое движение руководящей группы, олицетворением которой мы считаем Горбачева, – и она будет раздавлена. Вместе с нею – и мы, и наши надежды. Кого не избавило от иллюзий зрелище парламентской галерки с тремя сурово насупленными министрами в час «павловского кризиса» (имеются в виду те самые Крючков, Язов, Пуго. – **О.М.**), тот, может быть, протрезвеет, читая фронтовые корреспонденции, поступающие в эти дни из Югославии».

В сущности, это опять предупреждение о возможности тех драматических событий, которые в самом деле произойдут через полтора месяца.

Другое дело, что вряд ли медлительность республик при рассмотрении проекта Союзного договора усугубляло ситуацию. Скорее наоборот, если бы республиканские парламенты стали бы действовать проворнее и приблизили срок подписания договора, путч тоже мог бы случиться раньше. Ведь главной целью заговорщиков было как раз не допустить этого подписания.

Замечания депутатов отправлены в корзину

Впрочем, от республиканских парламентов вообще мало что зависело, как это всегда было заведено в Советском Союзе. Обращение к ним было делом чисто формальным. Их решения служили только удобным подспорьем для республиканских лидеров: когда лидеру было нужно, он мог кивнуть на такое решение, – дескать, так постановил наш парламент, я не могу идти против него. Когда же кивать не было нужды, о республиканских парламентских решениях вовсе не вспоминали.

Это ярко проявилось 23 июля, когда в Ново-Огареве в очередной раз собрались руководители республик. На их суд был представлен проект Союзного договора, прошедший к этому времени через Верховные Советы республик и оснащенный их замечаниями и поправками. Во вступительном слове, сделав краткий обзор этого депутатского творчества, Горбачев вновь призвал поскорее завершить работу над договором, на этот раз призвал особенно настоятельно:

– Я не знаю, товарищи, до вас доходит или нет, но я уже чувствую опасные тенденции. Нам нужно быстрее завершить с договором. Быстрее!..

Не знаю, почувствовал ли Горбачев наконец отдаленные подземные толчки приближающегося землетрясения, предупреждал ли именно о них. Вряд ли почувствовал. Иначе не отправился бы через несколько дней в отпуск в Крым. Но что-то такое, видимо, все же его тревожило...

Итак, предстоит обсудить проект договора с замечаниями и поправками республиканских депутатов. И тут происходит нечто неожиданное. Слово берет узбекский руководитель Ислам Каримов. Между ним и Горбачевым происходит забавный диалог (цитирую по записи, которую сделал помощник Горбачева Юрий Батурин):

«– Михаил Сергеевич, я хотел бы просто задать один вопрос. – Голос Каримова выражает неподдельное возмущение, и все заинтересованно слушают, потому что непонятно, куда он свернет, – ведь дискуссии еще не было. – Мы в этом самом зале 17-го числа (то есть 17 июня. – **О.М.**) договорились и приняли за основу документ, который был за вашей подписью разослан в республики. А что сейчас происходит? Откуда появился документ, который нам потом прислали для сегодняшнего обсуждения?»

– Как откуда? – удивился Горбачев. Удивился потому, что схема подготовки и обсуждения была в точности, что и прежде: сначала согласованный текст, потом обобщение поступивших от республик замечаний, наконец, текст для обсуждения с подчеркнутыми предложенными изменениями и вариантами... – Как откуда? Ты же помнишь – мне лично поручили, как всегда, учесть замечания и послать вам...

– Если так, Михаил Сергеевич, извините, я должен прямо вам сказать...»

Тут на ум приходит шварцевское, из «Голого короля»: «Позвольте мне сказать вам прямо, грубо, по-стариковски: вы великий человек, государь!» Но Каримов говорит Горбачеву менее приятное:

«— ...я должен прямо вам сказать. Мы здесь в прошлый раз битый час по каждой строчке, сделали документ, который сблизил нас. А сейчас появился новый... Я не хочу углубляться в конкретные пункты, но вот убедитесь, у меня здесь красными чернилами отмечено то, чего нет в замечаниях республик (замечаний – сотни, и в текст, естественно, включено их некое краткое обобщение. – **О.М.**) И поэтому я предлагаю этот текст отложить, а взять вариант 17-го числа».

Вот так фокус! Горбачев в растерянности. Что значит взять вариант 17-го числа? Это значит выкинуть в корзину все замечания республиканских парламентов. Альтернатива – втянуться в затяжной спор с Каримовым (а его, похоже, готово поддержать большинство республиканских лидеров, усмотревших в разосланном им проекте некий подвох). Вот тут-то наружу и всплывает истина: главное – договориться с республиканскими руководителями, а мнением их парламентов вполне можно пренебречь.

– Ну хорошо, хорошо... – примирительно говорит Горбачев. – Давайте отложим все, что есть у нас, и вернемся к варианту 17-го числа.

Все откатывается на месяц с лишним назад. Для чего, спрашивается, было время терять? Впрочем, ясно, для чего: формальности были соблюдены – депутаты республиканских Верховных Советов поддержали текст договора в руках, поговорили, поспорили о нем, сделали свои замечания... Которые теперь вот просто выкидываются в корзину.

Полку Горбачева прибыло

Заметным событием на встрече 23 июля стало, что на ней неожиданно появился председатель Верховного Совета Армении Левон Тер-Петросян. Забрехала приятная перспектива, что «9+1» может превратиться в «10+1». Правда, накануне республиканский парламент Армении не дал Тер-Петросяну санкции на участие в «новоогаревском процессе», но... вот он появился в Ново-Огареве.

Это появление, естественно, доставило немалую радость Горбачеву. Он расценил его как «важный шаг», как «желание армянского народа... на равных с другими республиками подписать договор». Собственно говоря, Горбачев, по-видимому, никогда не расставался с надеждой, что мало-помалу к «новоогаревскому процессу», к идее подписать Союзный договор одна за другой подтянутся упорствующие республики. И вот вроде бы «процесс пошел».

Горбачев поставил Армению в пример другим республикам, не участвующим в новоогаревских переговорах. Следующей «примкнувшей» к ним, по мнению президента СССР, могла бы стать Молдавия. Горбачев выразил надежду, что эта республика «все же в результате всех дискуссий придет к такому же выбору, к которому пришла Армения».

* * *

Неожиданно появился на совещании не только лидер Армении, но и... союзный министр обороны маршал Язов. Многие расценили это как проявление беспокойства силовиков – не слишком ли далеко зашло разделение полномочий между Центром и республиками. Но беспокоился маршал, видимо, и за свою судьбу: в случае подписания Союзного договора, без сомнения, будет сформировано новое правительство, а в нем Язову и другим силовикам уже вряд ли найдется место...

«Работа над договором завершена»

Совещание 23 июля длилось почти двенадцать часов и закончилось далеко за полночь. На заключительной пресс-конференции (весьма малолюдной – на ней присутствовало лишь семеро журналистов) Горбачев торжественно провозгласил:

– Сегодня можно говорить о том, что работа над проектом Союзного договора завершена.

По словам Горбачева, удалось прийти к согласию по всем спорным проблемам, кроме одной – о налогах. Однако и этот вопрос должен быть решен «в течение 24 часов».

Впрочем, нерешенным оставался и «внутрироссийский» вопрос, тот самый – о статусе Татарстана. Как сказал Горбачев, «Татарстан подтверждает ранее заявленную

позицию» (то есть желание подписать договор отдельно от России) и переговоры на этот счет между РСФСР и ее бывшей автономией должны быть продолжены.

Проект договора предполагается подписать не сразу всем, а в несколько приемов, так чтобы каждый раз его подписывала какая-то группа республик.

Что говорить, этот «многоступенчатый» процесс выглядел довольно странно, но... другого выхода не было. Главным представлялось – сдвинуть все с мертвой точки.

Наибольшие опасения у Горбачева вызывала позиция Украины, проявлявшей особенную неспешность в рассмотрении проекта договора. Однако, следуя принятой интонации бодрости и оптимизма, он выразил надежду, что и она подпишет договор.

Компромисс по налогам достигнут

Действительно, менее чем через сутки, утром 24 июля, стало известно, что российское руководство предложило компромиссный вариант сбора налогов: система остается «одноканальной», но вместо фиксированной суммы Россия будет перечислять в союзный бюджет фиксированный процент – это позволит учитывать инфляцию.

Союзный премьер Валентин Павлов вроде бы согласился с такой схемой.

Начало подписания – 20 августа

Итак, вроде бы завиднелся финиш...

2 августа Горбачев выступил по телевидению. Официально провозгласил: Союзный договор открыт к подписанию. Сказал, что направил соответствующее письмо руководителям делегаций всех республик, уполномоченных подписать документ, с предложением начать процесс подписания 20 августа. Письмо было направлено также в республики, «не определившиеся» относительно договора.

Предполагалось, что 20 августа свои подписи под договором поставят Россия, Казахстан и Узбекистан. 3 сентября настанет очередь Белоруссии и Таджикистана (позже они выразили готовность подписать договор вместе с «первоочередниками» – 20 августа). Остальные республики, как намечалось, подпишут позже. Весь процесс растягивался примерно на два месяца. Почему все же нельзя было подписать, как обычно, всем сразу? Рассчитывали, что, если растянуть этот процесс во времени, может

быть, через какой-то срок до подписи «дозреют» и те республики, которые в тот момент колебались или вовсе не собирались договор подписывать. Главная проблема была связана, как уже говорилось, с Украиной, которая, мы помним, окончательное решение по поводу договора обещала вынести лишь в сентябре. Вроде бы «подтягивались» также Армения и Молдавия. В своем выступлении по телевидению Горбачев прямо сказал:

– Такой порядок (то есть растянутый во времени. – **О.М.**) даст возможность Верховному Совету Украины завершить рассмотрение проекта. За это время состоится референдум в Армении. Примет решение об отношении к Союзному договору Молдова.

На всякий случай, ритуально, упомянул Горбачев и остальные республики:

– Смогут определиться в этом жизненном вопросе и народы Грузии, Латвии, Литвы, Эстонии.

К этому моменту удалось договориться, что российские автономии – все без исключения – все-таки подпишут договор в составе делегации РСФСР: Шаймиева наконец удалось уломать. Ельцин пообещал ему, что Россия заключит с Татарстаном отдельный, двусторонний договор, где будет четко прописано разграничение полномочий между Москвой и Казанью (Федеративный договор, который тогда готовился, Шаймиев отказывался подписывать). Такова была цена, уплаченная татарстанскому лидеру за его «внутрироссийскую» подпись под Союзным договором.

Чтобы не откладывать дело в долгий ящик, работу над двусторонним договором между Россией и Татарстаном начнут уже 12 августа.

Завершить подписание Союзного договора наметили предположительно на 22 октября. В этот день свои подписи под ним поставят замыкающие из республиканской очереди, и после них – союзная делегация во главе с Горбачевым. Горбачев выступит с торжественным заявлением о создании Союза Советских Суверенных Республик. Этот день будет объявлен государственным праздником Союза ССР.

К этому дню намечено было выпустить специальную монету с надписью «Союз Советских Суверенных Республик», специальные марки и конверты. В общем все как полагается, «как в лучших домах».

Увы, ничему этому не суждено было сбыться.

Запланировано создать полноценное демократическое государство

Текст договора, в основном согласованный 23 июля и окончательно – несколькими днями позже, был опубликован в «Правде» лишь 15 августа, до этого сохранялся в секрете. Вообще-то в нем было много хороших слов, которые, будь они реализованы, в самом деле могли бы стать основой какого-то нового, демократического государства.

«Государства, образующие Союз, – говорилось, в частности, в договоре, – считают важнейшим принципом приоритет прав человека в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека ООН, другими общепризнанными нормами международного права...

Государства, образующие Союз, видят важнейшее условие свободы и благосостояния народа и каждого человека в формировании гражданского общества...

Участники договора признают общим фундаментальным принципом демократию, основанную на народном представительстве и прямом волеизъявлении народов, стремятся к созданию правового государства, которое служило бы гарантом против любых тенденций к тоталитаризму и произволу».

Почти двадцать лет прошло, но мало где на пространстве бывшего Союза реализованы эти прекрасные декларации. Мало где приоритетом признаются права человека, где общим фундаментальным принципом считается демократия, где государство всерьез стремится сформировать гражданское общество.

К ведению Союза договор относил вопросы обороны, государственной безопасности, внешней политики и внешнеэкономической деятельности (право заниматься этой политикой и этой деятельностью предоставлялось также и республикам – Союз тут выступал в роли координатора), утверждение и исполнение союзного бюджета... Короче, права Центра значительно усекались, а права республик, соответственно, расширялись.

Спорным долго был вопрос о налогах – принимать ли одноканальную или двухканальную систему. При двухканальной системе налоги собирают и входящая в Союз республика, и Центр – каждый свои, при одноканальной налог – один. В конце концов, как уже говорилось, остановились на одноканальной системе: каждая республика

собирает деньги, после чего определенный, фиксированный процент отчисляет в союзный бюджет.

Для тех государств, которые подпишут договор, считается утратившим силу Договор об образовании Союза ССР 1922 года. Для таких государств «действует режим наибольшего благоприятствования». Для тех же, кто договор не подпишет, – как говорится, «по умолчанию», – продолжает действовать тот старый, ветхозаветный договор 1922 года (с чем, думаю, вряд ли хоть кто-то из них согласился бы), и с ними как с иностранными государствами отношения строятся «на основе законодательства Союза ССР, взаимных обязательств и соглашений». То есть получалась довольно забавная картина: одни государства оказывались в «новом» СССР (Союзе Советских Суверенных Республик), а другие, юридически, на основе Союзного договора, оставались в «старом» СССР (Союзе Советских Социалистических Республик). То есть как бы образовывались две группы государств, «иностраннх» по отношению друг к другу.

На самом деле, если бы Союзный договор был заключен, никакого «старого» Союза уже, конечно, не осталось бы, он исчез бы сам собой, «как сон, как утренний туман».

КГБ записал разговор президентов

29 июля Горбачев встретился в Ново-Огареве с Ельциным и Назарбаевым. Об этой встрече Ельцин довольно подробно рассказал в «Записках президента».

К этому времени, по словам Ельцина, напряжение между ним и Горбачевым уменьшилось.

«Мы с Горбачевым вдруг ясно почувствовали, что наши интересы наконец-то совпали. Что эти роли нас вполне устраивают. Горбачев сохранял своё старшинство, а я – свою независимость. Это было идеальное решение для обоих.

Мы наконец-то стали встречаться неофициально. В этих конфиденциальных встречах иногда принимал участие и Назарбаев».

По словам Ельцина, встреча 29 июля носила принципиальный характер. Горбачев собирался в отпуск в Крым, в Форос, возвратиться намечал перед 20 августа, перед

«первым актом» подписания Союзного договора, так что надо было обсудить некоторые «самые острые» вопросы, остававшиеся нерешенными.

Разговор начали в одном из залов резиденции. Какое-то время все шло нормально, но когда коснулись тем совсем конфиденциальных, Ельцин вдруг замолчал.

– Ты что, Борис? – удивился Горбачев.

«Мне сложно сейчас вспомнить, – пишет Ельцин, – какое чувство в тот момент я испытывал. Но было необъяснимое ощущение, будто за спиной кто-то стоит, кто-то за тобой неотступно подглядывает. Я сказал тогда: «Пойдемте на балкон, мне кажется, что нас подслушивают». Горбачев не слишком твердо ответил: «Да брось ты», – но все-таки пошел за мной».

Подслушивать в самом деле было что. Разговор шел о «кадровых» вопросах. Ельцин стал убеждать Горбачева: если он рассчитывает на обновленную федерацию, республики войдут в нее лишь в том случае, если он сменит хотя бы самую одиозную часть своего окружения. Кто поверит в новый Союзный договор, если председателем КГБ останется Крючков, на совести которого события в Литве? Кто в него поверит, если министром обороны останется такой «ястреб» из старых, давно ушедших времен, как Язов?

Ельцина поддержал Назарбаев, добавивший, что надо сменить также министра внутренних дел Пуго и председателя Гостелерадио Кравченко.

– А какой вице-президент из Янаева? – сказал президент Казахстана.

По всему было видно, что Горбачеву этот разговор дается нелегко. Пока что из выдвинутых Ельциным и Назарбаевым кандидатов «на вылет» он согласился «убрать» Крючкова и Пуго.

Все трое единодушно решили, что после подписания договора необходимо будет заменить и премьера Валентина Павлова.

– А кого вы видите на этой должности? – спросил Горбачев.

Ельцин предложил сделать премьером третьего участника разговора – Назарбаева.

Горбачев сначала удивился, но быстро дал согласие.

– Другие кандидатуры обсудим после 20 августа, – закончил Горбачев разговор.

«Такой была встреча, – пишет Ельцин, – и, я думаю, многое сложилось бы иначе, если бы то, о чем мы договорились втроем, удалось осуществить. История могла бы пойти совсем по другому пути».

То есть история могла бы пойти по другому пути, если бы достаточно быстро – возможно, еще до 20 августа, – удалось сместить со своих постов Крючкова, Язова, Пуго, Янаева...

Кстати, немедленно уволить четверых будущих путчистов, правда в несколько ином составе, – Павлова, Язова, Пуго, Крючкова – настоятельно советовал Горбачеву Александр Николаевич Яковлев. Советовал сразу после того самого зловещего июньского заседания Верховного Совета (закрытой его части), когда они почти в открытую проявили себя как без пяти минут заговорщики. Однако тогда Горбачев не пошел на это, фактически предрешив дальнейшее драматическое развитие событий.

Переход президентов из зала на балкон на той их встрече перед отъездом Горбачева в Форос не избавил их от прослушивания.

«Пройдет немного времени, – продолжает Ельцин, – и я своими глазами увижу расшифровку разговора президента СССР, президента России и руководителя Казахстана. После августовского путча в кабинете у Болдина, начальника аппарата Горбачева (активного участника путча. – **О.М.**), следователи прокуратуры нашли в двух сейфах горы папок с текстами разговоров Ельцина. Меня в течение нескольких лет записывали – утром, днем, вечером, ночью, в любое время суток.

Записали и этот разговор.

Может быть, эта запись и стала спусковым крючком августа 91-го года».

Что понимать под словами «спусковой крючок»... Напомню, разговор происходил 29 июля 1991 года. Будущие путчисты – те же Крючков, Язов, Пуго, другие – начали готовить свое выступление намного раньше. Но если у кого-то из них и были еще какие-то сомнения – стоит ли? – увидев свою фамилию в числе кандидатов на скорую отставку, они действительно эти сомнения, по-видимому, отбросили.

Горбачев уезжает в отпуск

4 августа Горбачев уехал в отпуск – в Крым, в Форос. Уехал, видимо, с огромным чувством облегчения: такую гору своротил – согласовал со всеми любимое свое детище – проект Союзного договора, наметил сроки его подписания. Если бы он знал, какими роковыми последствиями обернется для него этот отпуск... Многие до сих пор недоумевают: неужто он не знал об уже созревшем и готовом вот-вот грянуть заговоре? Ну ладно, верхушка КГБ его предала, блокировала всю информацию, но, наверное, были рядовые сотрудники госбезопасности, которые могли бы его предупредить, а возможно, и предупреждали – не такими уж немислимо скрытными были приготовления заговорщиков. Возможно, предупреждали его и просто близкие сотрудники, достаточно проницательные. Знаю точно, что Александр Николаевич Яковлев его предупреждал, он сам мне об этом говорил. Наконец, неужто его собственная отточенная интуиция, интуиция опытного человека, опытного политика не подсказывала ему: что-то такое происходит, что-то такое готовится? Предупреждениям он не поверил, собственную интуицию, если она что-то ему и подсказывала, по-видимому, заставил замолчать.

Если бы Горбачев остался в Москве, трезво оценил ситуацию, принял решительные превентивные меры, многое могло бы пойти по-другому...

Но что могло бы пойти по-другому? Ну, предположим, разгромил бы он заговорщиков, ну подписали бы Россия, Казахстан и Узбекистан Союзный договор. А дальше что? Украина вряд ли его подписала бы (не говоря уж том, что его не подписали бы страны Прибалтики и Грузия) Если бы договор не подписал Кравчук, то и Ельцин, без сомнения, отозвал бы свою подпись. Всё. При таком раскладе Союзу пришел бы конец.

В общем, в этот момент Горбачев уже ничего не смог бы сделать для сохранения Союза, независимо от того, в отпуске был бы он или не в отпуске. Другое дело, если бы победил ГКЧП, вот тогда Союз, наверное, еще мог бы какое-то время просуществовать – в условиях жестоких репрессий, которые вынуждены были бы развязать новые правители. Страна вернулась бы во времена Брежнева – Андропова, а то и Сталина. Правда, это, конечно, длилось бы недолго – экономика не позволила бы: огромную

страну вряд ли удалось бы заставить жить, как живет Северная Корея, в голоде и холоде, а к тому же и в неминуемых кровавых междоусобных расправах.

Но все же при таком развитии событий сохранялся бы некоторый вопрос...

Таможенников уже убивают

31 июля вновь произошло нападение на одну из прибалтийских таможен. На этот раз – с кровавым исходом. В этот день около пяти утра в вагончик таможенного поста в литовском местечке Мядининкай на границе с Белоруссией ворвались неизвестные, уложили шестерых находившихся там полусонных таможенников и полицейских на пол лицом вниз, заставили заложить руки за голову и хладнокровно расстреляли из автоматов с глушителями (простреливая при этом руки). Одного таможенника добила из пистолета. Убили также двоих полицейских, которые сидели в машине рядом с вагончиком.

28-летний таможенник Томас Шяркас, расстрелянный вместе со всеми, пролежав несколько часов, пока его нашли, чудом, с простреленной головой, выжил, хотя и остался инвалидом.

Литовская прокуратура убеждена, что кровавую расправу совершили все те же сотрудники рижского ОМОНа – его командир Чеслав Млынник и его подчиненные Александр Рыжов, Андрей Локтионов и Константин Никулин (Михайлов).

Впрочем, возможно, убийц было и больше: все-таки странно, что убивать восьмерых, – а сколько человек могут находиться на таможенном посту, убийцы, несомненно, знали, заранее разведали, – идут лишь четверо. Обычно убийцы предпочитают убивать, будучи в большинстве.

Все минувшие годы российские власти, – а почти все предполагаемые убийцы скрывались в России, – как это часто бывает, отказывались сотрудничать с Литвой в расследовании этого дела. Арестован был лишь последний из четверых перечисленных. Его арестовала и выдала литовским правоохранителям Латвия. Суд над ним должен был начаться в сентябре 2009 года. Никаких сведений, были ли он и чем завершился, я не нашел. Знаю только, что Никулин-Михайлов подал жалобу в Страсбургский суд по правам человека. Как известно, жалобы там рассматриваются без особой спешки. Возможно, этим объясняется и задержка с судом в Литве.

Вот ведь и убийцы, когда приспичит, апеллируют к правам человека.

«Нас убил рижский ОМОН»

О том, как произошло варварское убийство, рассказал уже упомянутый «недостреленный» таможенник Томас Шяркас. Вот фрагмент из его интервью «Новой газете»:

« – Томас, в вагончике, кроме четверых таможенников, были два бойца из отряда «Арас» (незадолго перед тем созданного литовского отряда антитеррористических операций. – **О.М.**) Уж они-то должны были отреагировать на вторжение чужих?

– Была такая инструкция: если будет нападать Советская армия, не сопротивляться, по возможности отступить и наблюдать. Потому что все ждали вооруженных столкновений – они бы сразу же вызвали вмешательство армии и введение прямого президентского правления. Таможенники были не вооружены. У полиции оружие было, но тоже действовала инструкция: армии не сопротивляться и отступить. А у вильнюсского «Араса» была устная договоренность с ОМОНОм – друг в друга не стрелять. Ведь некоторые ребята перешли в «Арас» именно из ОМОНа, многие были знакомы между собой и даже дружили.

– Как выглядели нападавшие?

– Это были бойцы рижского ОМОНа, но одетые в обычный камуфляж без всяких опознавательных знаков. А потом – все убийство заняло буквально пару секунд. Пуля в затылок – и все кончено. Тем более что было совсем еще темно. На нас и раньше нападали, и очень часто, но никогда не убивали. Просто били и поджигали вагончики. Никто не ожидал, что будут убивать. Недалеко от вагончика еще сидели в машине два сотрудника дорожной полиции (их тоже расстреляли. – **О.М.**)...

– У них тоже была инструкция не сопротивляться?

– Такая инструкция существовала для всех: с Советской армией не враждовать. Еще свежи были в памяти события у вильнюсского телецентра, и все боялись советских танков, понимая, что это может повториться в любой момент.

– А вам не было страшно нести дежурства по ночам, без оружия да еще и в постоянном ожидании нападений?

– Именно после того, как начались нападения, нас стали охранять бойцы «Араса». Да, страшно, ну и что? Ведь мы все шли туда работать, потому что имели мотивацию. Сейчас слово «патриотизм» не в моде, но тогда мы все думали, что нужно постараться что-то изменить. Что-то сделать для Литвы.

– Все нападения на таможенников совершались с целью провокации?

– Скорее всего, приказ исходил из Москвы: сделать все, чтобы не было этих литовских таможенных постов. Но ведь это и не была таможня в полном смысле слова. Был просто вагончик с литовским флагом – то есть больше политическая акция, демонстрация всему миру намерений маленькой Литовской Республики стать независимой. Военные в Москве искали повод для вмешательства армии. Буквально через три недели после убийства в Мядининкае начался августовский путч. Мне кажется, путч планировался как раз после мядининкайских событий: если бы «Арас» оказал сопротивление ОМОНу, началась бы перестрелка, объявлять чрезвычайное положение можно было бы сразу же. Кстати, в некоторых российских газетах после этого писали, что это все – дело рук литовских националистов, которые хотели вбить клин между Советской армией и народом Литвы. Возможно, если бы я не остался в живых, нашлась бы куча свидетелей, которые именно в эту ночь гуляли по тропинкам вокруг границы и видели, как стреляла литовская полиция.

– Помню, вскоре после трагедии в Мядининкае тогдашний координатор рижского ОМОНа Николай Гончаренко заявил, что подчиняется только Москве и все приказы получает непосредственно оттуда. А отдавать приказы командирам ОМОНов могут министр внутренних дел и один из его заместителей.

— Может, поэтому Пуго и нашли в конце концов убитым? Впрочем, на него сейчас легко все списать. Я не уверен в том, что Пуго – заказчик. Может быть, он всего лишь организатор?

– Сколько было нападавших?

– Их было не меньше трех. Возможно, и больше. Но я видел двоих, которые вошли в вагончик, и еще слышал разговоры на улице. Одного, кстати, я потом опознал – того, который убивал меня. Это был боец рижского ОМОНа. Он арестован и сидит в Лукишках (вильнюсская тюрьма. – Авт.) Странно: я бы на его месте на следующий же день бежал куда-нибудь на Дальний Восток. А он, видно, без Прибалтики жить не мог (омоновец, которого опознал Томас Шяркас, – тот самый Никулин-Михайлов, единственный которого потом судили. – О.М.)

– А почему вы не пытались сопротивляться, когда поняли, что вас будут убивать?

— А мы и не поняли, что нас будут убивать. Если бы это был не первый случай, то все были бы наготове. Но мы-то подумали, что нас, как обычно, побьют и уедут. Было темно и тихо. Нас уложили лицом на пол. Автоматы были с глушителями. Я слышал резкие звуки, но думал, что нападавшие бьют прикладами по голове моих товарищей. Лежал и ждал удара. Я так и не понял, что это выстрелы. Я не понял, что всех убили!..»

Они подчинялись не Пуго, а Крючкову

Следователи пришли к заключению, что рижский и вильнюсский ОМОНЫ были не обычными милицейскими (хоть и особого назначения) подразделениями. Перед ними ставились некие специальные задачи. И подчинялись они не республиканским милицейским министерствам. Впрочем, – даже не союзному МВД (тут становится более ясным, почему после майских таможенных погромов чиновники этого союзного министерства отнекивались: они-де никакого отношения к прибалтийским ОМОНам не имеют, эти ОМОНЫ у них только «на балансе»). Литовские следователи уверены, что

рижские и вильнюсские омовцы подчинялись ведомству Крючкова, которое в то время планировало и осуществляло операции, имевшие целью предотвратить уход прибалтийских республик из Союза.

Кровавое нападение в Мядининкае явно преследовало политические цели: без сомнения, оно было приурочено к встрече Горбачева и президента США Буша, происходившей в этот момент в Москве. Его организаторы как бы старались продемонстрировать, что они никогда не согласятся с распадом Союза, будут бороться против этого с оружием в руках, их не остановит перспектива кровопролития.

В сущности, это была еще одна прелюдия к путчу, случившемуся менее чем через три недели.

Демократы против договора

Хотя Ельцин, как и лидеры других республик, согласившихся подписать Союзный договор, дал ему предварительное «добро», не все в России с этим согласились. В подготовленном тексте Союзного договора действительно было немало прорех и несуразностей, заметных невооруженным глазом. В том числе прорех и несуразностей, опасных для России. На них попытались обратить внимание российского президента известные демократические деятели – Юрий Афанасьев, Елена Боннэр и другие, – опубликовав 8 августа в «Независимой газете» обращение к Ельцину.

Собственно говоря, к этому моменту текст еще не был опубликован, и авторы обращения опирались на прежний текст, появившийся в печати 27 июня, видимо полагая, что особых расхождений между предпоследним и последним вариантами не будет.

Прежде всего, они обращали внимание на то, что лежащая в основе договора «попытка соединить несоединимое – государственный суверенитет республик и по-прежнему унитарный характер Союза – делает этот суверенитет чисто декларативным, а сам Союз заведомо нежизнеспособным образованием, обреченным на непрерывные и, может быть, кровавые конфликты».

«Никто до сих пор не смог внятно объяснить, – говорилось в обращении, – что это значит – суверенные государства образуют еще одно самостоятельное, суверенное государство, руководство которого наделяется при этом более широкими, чем они, правами и полномочиями (к этому моменту права попытались выровнять. – **О.М.**) Никто не в состоянии объяснить, зачем России, как и любой другой из республик, иметь над собой двух президентов, если мы не хотим зависеть от их взаимоотношений. Зачем нужны два Верховных Совета – источник «войны законов»? Зачем нужны – одно над другим – два правительства? И можно ли правовому государству жить по двум Конституциям сразу? Наконец, надо ли вообще создавать такой Союз, в который заведомо не хотят вступать шесть из бывших пятнадцати союзных республик (к этому моменту число их вроде бы сократилось до четырех – пяти. – **О.М.**), тогда как на других основах они все готовы к экономической интеграции и сотрудничеству?»

Недоумение авторов вызывало и то, что Россия и Украина собираются подписать договор в разное время, причем Украина вообще еще не решила войдет ли она в Союз. Если Украина откажется подписать договор, это вообще лишит его смысла.

Ничего хорошего, полагали авторы, не сулит и то обстоятельство, что Россия собирается подписать договор, в то время как не решен вопрос, в какой форме его будет подписывать Татарстан – это еще одна мина, положенная в основание «обновленного Союза» (авторы обращения не знали, что к этому моменту Татарстан уже удалось «уговорить» – подписывать договор в составе делегации РСФСР).

В заключение обращения говорилось: как убеждены авторы, президент России не может подписывать договор, не ознакомив с его окончательной редакцией население страны и не дав ему убедительного ответа на все вопросы; более того, никто не вправе на десятилетия вперед решать судьбу народов, не получив их ясно выраженного согласия на это. Авторы обращения требовали, чтобы основные условия, на которых Россия будет готова вступить в новый Союз, были вынесены на всероссийский референдум.

«ДемРоссия» предлагает выбрать Учредительное собрание

Двумя днями позже с аналогичным обращением к Ельцину выступил Координационный совет «Демократической России». Он предложил российскому

президенту два варианта действий: один – когда гарантировалась бы долгосрочность договора и второй – подписание договора на ограниченный срок (до одного года). По первому варианту необходимо обсудить договор в российском Верховном Совете (собственно говоря, этого требовали и сами депутаты); исключить из договора любые положения, которые противоречат Декларации РСФСР о государственном суверенитете; установить такой порядок, чтобы договор одновременно подписывали как минимум Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан, то есть самые крупные республики; определить механизм выхода из СССР; не допускать в Союз те республики, где нарушаются права человека. По второму варианту предлагалось, подписав временный договор, провести выборы в Учредительное собрание, которое и определило бы окончательную судьбу Союзного договора.

Ельцин отвечает

Ельцин ответил лишь Афанасьеву, Боннэр и другим. Его ответ был опубликован в той же «Независимой газете» 13 августа. Начал он с того, что дружески попенял авторам обращения: вот, мол, «со столь уважаемыми и хорошо знакомыми» ему людьми ему приходится вести диалог через газету.

«Достаточно близко зная друг друга, – писал Ельцин, – мы могли бы найти более удачную форму дискуссии. Даже нынешняя моя занятость не была бы препятствием для личной встречи... Но, думаю, ими ставилась иная задача: обратиться к демократической общественности с призывом склонить президента РСФСР к отказу от подписания нового Союзного договора». Но он, Ельцин, не собирается этого делать.

По словам Ельцина, в обращении к нему присутствует некий подтекст: мол, подписание нового Союзного договора ставит под сомнение суверенитет России.

– Хочу заявить, – возражает на это Ельцин, – нет и еще раз нет! Напротив, до тех пор, пока договор не заключен, Россия будет оставаться заложницей центральных структур. Можно ли не замечать, сколь тяжело сегодня дается нам каждый шаг на пути обретения подлинного суверенитета? Будем реалистами: союзные ведомства добровольно, без соответствующего правового давления не отдадут нам свои функции.

Они будут использовать любую возможность, чтобы сохранить контроль над потенциалом России.

Если согласиться с тем, что предлагают авторы обращения, придется, как пишет Ельцин, не только отложить подписание Договора, но и начать работу над ним «практически сизнова». «Лучшего подарка союзной бюрократии просто не найти!»

По словам Ельцина, он как президент буквально каждый день ощущает: чем дальше мы будем жить без нового договора, тем дольше продлится диктат союзных ведомств. Ельцин заверил: с его подписанием Россия не потеряет ни толики уже отвоеванного суверенитета – напротив, обретет реальные права в проведении самостоятельной внутренней и внешней политики. В частности, договор в корне изменит положение в сфере экономики, позволит перевести «под российский флаг» все предприятия и организации, действующие на территории России (за исключением некоторых, которые по логике договора «отойдут» к Центру) и двинуть наконец вперед экономическую реформу. Ельцин сообщил весьма важную вещь: президент СССР заверил его, что после подписания Россией Союзного договора он издаст Указ о переходе всего экономического потенциала России под юрисдикцию республики. Если же что-то помешает Горбачеву выполнить свое обещание, тогда такой Указ подпишет он сам, Ельцин, как президент РСФСР: «Новый Союзный договор делает такой шаг вполне правомерным».

Хотя Союзный договор из-за путча и не был подписан, Ельцин после его подавления действительно за своей подписью издал этот самый указ о переходе предприятий, расположенных на российской территории, под юрисдикцию России, – опираясь на ту самую договоренность с Горбачевым.

Что касается того, вправе ли он, Ельцин, подписывать договор, никогда и никем не обсужденный, российский президент напомнил, что обсуждений было достаточно. Кроме того, проект Союзного договора был опубликован, и каждый гражданин России мог с ним ознакомиться. Правда, тут Ельцин схитрил: опубликован все-таки был не тот проект, который собирались подписать. Через два дня в печати появится и этот, последний, однако времени на его обсуждение уже не будет (точнее, не было бы – государственный переворот вообще снял этот вопрос).

Ельцин напомнил также, что в июне российский Верховный Совет, обсудив проект, принял решение: «Признать возможным подписание договора о Союзе Суверенных Государств с учетом внесенных Верховным Советом РСФСР изменений и дополнений». Ельцин утверждал, что «подавляющее их число, было принято и нашло отражение в окончательном тексте договора».

– А разве ничего не значит, – патетически восклицал Ельцин, – его обсуждение и одобрение парламентами всех республик (исключение - Украина, наметившая рассмотрение на начало сентября), выразивших желание войти в новый Союз?

Однако мы видели: во время новоогаревской встречи 23 июля все замечания и поправки республиканских парламентов были выкинуты в корзину, после чего республиканские лидеры вернулись к тому варианту, к которому они пришли 17 июня.

Дальше опять шла патетика:

– Мы, члены Государственной делегации России, идем к подписанию нового Союзного договора, убежденные в правильности этого шага. Думаю, что за последние годы это самый значительный шаг на пути к процветанию России. Не сделать его – значило бы обмануть всех россиян, уставших от ожидания перемен. Не уверен, что граждане России согласятся терпеть наши политические споры, от которых жизнь легче не становится.

В общем-то терпение граждан действительно было на пределе...

Тем не менее, нетрудно видеть, что в своем ответе, внешне вроде бы убедительном, Ельцин обошел молчанием те нестыковки и несуразицы, на которые указывали авторы обращения. Основной смысл его ответа сводился к тому, что, возможно, текст договора и не вполне совершенен, но далее возиться с ним – дорабатывать и перерабатывать невозможно, время не терпит.

В общем, когда сопоставляешь предостережения демократов, адресованные Ельцину в связи с проектом договора, и его ответ, хочется сказать и тем, и другим: «И вы правы!» С одной стороны, проект, разумеется, был несовершенен, разумеется, неправильно было, что его не вынесли на широкое обсуждение, но... политическая ситуация была такова, что тянуть с его подписанием было уже невозможно. Если уж подписывать, так подписывать! Шансов на то, что он спасет Союз и без того было

немного, – хотя бы из-за Украины, – но какой-то шанс все же оставался, и его надо было использовать.

К путчу все готово

Вот такие споры шли в те дни между демократами и Ельциным... И в те же дни завершалась подготовка путчистов к выступлению (разумеется, об этом стало известно лишь позже).

План введения в стране чрезвычайного положения готовился под руководством Крючкова. Помимо сотрудников КГБ, где-то 5 – 8 августа он привлек к этому делу командующего воздушно-десантными войсками Павла Грачева.

14 августа Крючков потребовал, чтобы ему представили план первоочередных мероприятий по введению ЧП. Такой план был подготовлен и представлен уже на следующий день, 15 августа.

Где-то 15 – 17 августа Крючков приказал начать прослушивание телефонов руководителей СССР и РСФСР (они и раньше прослушивались – по крайней мере, как мы знаем, телефоны Ельцина) и подготовить интернирование ряда народных депутатов, союзных и российских.

16 августа на одном из объектов КГБ состоялась встреча Крючкова, Язова, Шенина, Бакланова, Болдина. Было принято решение: 20 августа Союзный договор не должен быть подписан.

17 августа состоялась очередная конспиративная встреча заговорщиков, в несколько ином составе: в ней участвовали Павлов, Бакланов, Шенин, Болдин, Язов, Ачалов, Грушко, Варенников. Договорились о конкретных действиях по введению в стране ЧП и нейтрализации Горбачева.

В этот же день подготовлены тезисы телевыступления Крючкова о введении в стране чрезвычайного положения.

18 августа заместитель начальника службы охраны КГБ Глущенко приказывает выключить все виды связи на даче Горбачева в Форосе.

«Аппарат всегда был против перестройки»

16 августа утром – то есть за трое суток до путча – я встретился с одним из самых близких к Горбачеву людей – одним из инициаторов перестройки (иногда его называют ее идеологом), бывшим (к тому времени уже бывшим) членом Политбюро, бывшим (только что, 29 июля, обретшим этот эпитет – «бывший») старшим советником президента СССР Александром Николаевичем Яковлевым. Поскольку к этому моменту он покинул пост в администрации президента, встретились мы не на Старой площади, а в каком-то временном кабинете, предоставленном Яковлеву в Моссовете.

Обсуждали сложившуюся в стране ситуацию, его собственное положение (накануне Бюро президиума Центральной контрольной комиссии КПСС предложило исключить его из партии за внесение «раскола» в ее монолитные ряды).

Яковлев рассказывал о том, какое сопротивление встречала и встречает среди партократии перестройка, как крепнет, набирает силы «партия реванша». Уже через трое суток станет ясно, насколько актуальным был этот разговор.

– Аппарат-то всегда был против, не принимал ее (перестройку. – **О.М.**), – сказал Яковлев. – Скажем, до январского пленума 1987 года, – пока не затрагивались его интересы, – он, хоть и неохотно, недовольно бурча, но голосовал за... А когда его интересы были непосредственно затронуты, тут вступил в действие закон «креслологии» – абы только удержаться. Аппарат вступил в открытую борьбу, в первую очередь против тех, кто действительно начинал перестройку и отстаивал ее. Не партия же начинала перестройку. Это все так, расхожая фраза, для красного словца.

На первом этапе, перед XXVIII съездом (июль 1990 года), формирующаяся «партия реванша» ставила перед собой задачу отделить от Горбачева более всего ненавистных для них Яковлева и Шеварднадзе. А уж с самим Горбачевым, как они полагали, они как-нибудь справятся.

Яковлев:

– Это публика безнравственная, безответственная, малообразованная... Они же ставили вопрос и о его собственном освобождении (от поста генсека. – **О.М.**) Они уже

какой пленум подряд травят его. Вот только на последнем пленуме (в апреле того года. – **О.М.**) испугались. Испугались не его, а того, что он в самом деле уйдет, и они останутся голыми... Они, конечно, тешат себя, на мой взгляд, иллюзиями, но они готовят «партию реванша». Надеются, что можно совершить партийный и государственный переворот. Такие бредни бывают только в болезненном, горячечном состоянии.

Через три дня станет ясно, что болезненное, горячечное состояние взяло верх над здравым рассудком.

Задаю прямой вопрос:

– А вы считаете, что у них нет потенциала для такого переворота?

– Потенциал-то есть, но ведь это надо с народом драться, прибегать к насилию, проливать кровь. И я убежден: это не закончится их победой. Вот этого-то они и боятся. Я думаю, они все-таки не уверены в своей победе. Хотя попытаться затеять какую-то драку могут. Используя какую-то провокацию, какое-то недовольство. Спекулируя на этом, разжигая эмоции. Ведь любая революция – скажем, в XX столетии, – начиналась с пустых кастрюль.

Никакого народного недовольства путчистам не потребовалось, они придумали другой сценарий.

В своих прогнозах насчет возможного переворота Яковлев тогда опирался не только на анализ ситуации, но и на свою интуицию опытного человека, опытного политика, на свои предчувствия.

– Сейчас какое-то непонятное затишье... Может быть, связанное с августовскими отпусками. Но такие затишья меня настораживают. В целом же, чем ближе к концу, тем раненый зверь становится опаснее.

Интересуюсь, как, по его мнению, владеет ли Горбачев ситуацией? В частности, остаются ли под его контролем армия, МВД, КГБ? Последние события в Прибалтике, Закавказье заставляют усомниться в этом.

– Вы знаете, я не располагаю ни малейшей информацией конкретно по этому вопросу, – признается мой собеседник, – но у меня лично такое представление, что существует какая-то сила, которая вроде бы всем эти командует...

Никакого контроля со стороны Горбачева над силовыми структурами к этому моменту уже, конечно, не было. Пройдет лишь трое суток, и руководители армии, КГБ, МВД – Язов, Крючков, Пуго – предстанут перед честным народом как главные мятежники – члены ГКЧП.

– Неужели, – удивился я, – вы, будучи старшим советником президента, не говорили с ним об этом?

Он ответил как-то невнятно:

– Ну почему же? Почему же не говорил?

– И каково его мнение?

Яковлев ушел от ответа и перевел разговор на тему январских вильнюсских событий:

– Ну, помните, через десять дней после вильнюсских событий он сказал, что не имел к этому ни малейшего отношения...

– А вам не кажется, что существует заговор против Горбачева? Один из элементов этого заговора – убийство на литовской таможне, приуроченное к встрече Горбачева и Буша, более того – к их совместной пресс-конференции. Ведь после этого зверства оба чувствовали себя крайне неловко, когда им задали вопрос об этом убийстве, беспомощно мямлили что-то...

Александр Николаевич со мной согласен и вновь повторяет свое подозрение:

– Никакими фактами на этот счет я, конечно, не располагаю, но у меня такое ощущение, что существует мощная группировка – организованная или не организованная, я не знаю, – которая ставит своей задачей свержение президента.

Все-таки что же это за мощная группировка (в то утро, за трое суток до переворота, пофамильно это еще не было известно)? Спрашиваю Яковлева, как он считает, есть ли среди людей, занимающих ключевые посты в союзном руководстве – я имею в виду президента, вице-президента, председателя Верховного Совета, премьер-министра, министров, – искренние сторонники реформ?

Ответ удручающий:

– Я в их душах не копался, но думаю, что президент – он действительно сторонник реформ (это вроде бы очевидно, но вот ведь Яковлев все же считает необходимым удостовериться этот факт. – **О.М.**) Член Совета безопасности Бакатин – действительно сторонник реформ... Но я бы так сказал: список очень коротенький.

Этот список короткий, зато с другой стороны – длинный: необольшевики, полозковцы, «союзники», национал-патриоты, оэфтэшники (члены прокоммунистического Объединенного фронта трудящихся)... Спрашиваю у Яковлева, кто из них, по его мнению, наиболее опасен.

– Отношение к ним у меня одинаковое, – говорит Яковлев. – Я не делю их по степени моего презрения... Они делают страшное для нашего народа дело. Страшное. Прежде всего, само по себе стремление вернуть народ назад, опять его бросить в эту черноту, грязь, нищету – это позорно. Самая главная опасность – смыкание всех этих сил вокруг неосталинизма. Ведь и «Слово к народу» – это тоска по сталинизму... И «Единство», и инициативники, и правое крыло в КПСС, и Жириновский (вот ведь когда еще курилка проклюнулся! – **О.М.**)... Это все тоска по военно-бюрократической диктатуре. Все они заражены вирусом большевизма. Все их поры этим поражены. Вся психология... Но в конце концов должны же мы вытащить страну на рельсы демократического развития! В конце концов имеет же наш народ на это право!

Увы... Уже несколько лет Александра Николаевича Яковлева – одного из выдающихся русских людей XX столетия – нет в живых, а этот его отчаянный призыв – в конце концов вытащить страну на рельсы демократического развития! – и сейчас остается так же далек от реализации, как и тогда, накануне августовского путча 1991 года.

* * *

Мою беседу с Яковлевым предполагалось напечатать в «Литературной газете» в среду 21 августа. Однако этот номер был «отменен»: в числе других демократических изданий хунта запретила и «Литгазету». Возле типографии были поставлены БТРы,

внутри здания дежурили солдаты с автоматами. В одночасье мы все – журналисты запрещенных изданий – оказались безработными.

Потом, – когда путч стал захлебываться, – «отмененный» номер все же вышел. Однако делался он в экстремальных условиях – за одну ночь, и моя беседа с Яковлевым в него не попала. Опубликована она была лишь через неделю, 28 августа.

Горбачева предупреждали

Встретившись с Александром Николаевичем Яковлевым десять лет спустя, в 2001-м, мы вновь вернулись к этой теме – к тем предпутчевым дням 1991 года. Я вновь его спросил, что именно вызывало у него тревогу, опасение что что-то зреет, ведь он сам признавался: никаких фактов у него не было.

Яковлев:

– Понимаете, в политике иногда происходит интересная вещь: фактов нет, а опыт что-то такое подсказывает, где-то какой-то колокольчик «динь-динь-динь...» Что-то не то творится. К тому же лично у меня тогда к этому была несколько повышенная чувствительность.

По словам Александра Николаевича, в тот момент он только что ушел в отставку с поста старшего советника президента, а ощущение, что он все еще член Политбюро, у окружающих еще оставалось, и с ним продолжали, – из-за страха, может быть, ненавидя его как человека, – общаться соответствующим образом: кланялись, улыбались, будучи застегнутыми на все пуговицы.

– И вдруг чувствую, – говорит Яковлев, – что-то изменилось, пиджаки расстегнули, разговаривают как-то снисходительно, даже не разговаривают, а цедят сквозь зубы, в глазах огонек такой появился недобрый: подождите, мол, скоро уже... Так вот, по сократившемуся числу звонков, по тому, как меня начали избегать, стало ясно: что-то готовится.

Забавно, не правда ли: оказывается, по каким-то нюансам в поведении клерков, по едва заметным изменениям в их холуйской, лакейской чиновничьей психологии можно, оказывается, догадаться о грядущих серьезных катаклизмах в государственной жизни. Для тех, кто хорошо изучил эту психологию, придти к такой догадке не составляет труда.

Кстати, любопытно, что не избегал Яковлева лишь Янаев, из чего Александр Николаевич делает вывод (не знаю, насколько основательный), что попал он в гэкачепистскую гоп-компанию достаточно случайно, движимый какими-то мелкими обидами на Горбачева.

– Не знаю уж, зачем его позвали возглавить ГКЧП, долго, чуть не до самого начала событий, уговаривали. А так 8 августа я с ним встречался, разговаривал он со мной вполне нормально. Все жаловался на Горбачева, что тот его к делам не подпускает. Посадил, дескать, меня в золотую клетку, а я ему так верен, я ему хочу служить, выполнять все, что он скажет. И он говорил правду – я-то все это знал давным-давно.

Ну, зачем гэкачепистам понадобился Янаев, достаточно ясно – вице-президент. По Конституции, если президент по каким-либо причинам теряет дееспособность, исполняющим обязанности становится «вице». Очень удобная для заговорщиков фигура.

Прояснил для меня Яковлев и тот вопрос, который я ему тогда задавал, но на который он фактически не ответил: предупреждал ли он Горбачева о зреющем заговоре. На этот раз ответ был однозначный:

– Да, я ему сказал, что будет переворот...

– Какова же была его реакция?

– ...Я ему сказал, что будет переворот. А он мне: «Саша, брось ты. Ты переоцениваешь их ум и храбрость». Ничего я не переоценивал. Я знал их всех как облупленных.

Это поразительное легкомыслие, проявленное Горбачевым, до сих пор остается загадкой. Некоторые за этим усматривают, что и сам президент каким-то образом был втянут в заговор: понимал, что никаким другим способом, кроме как силовым, – причем на этот раз уже самым решительным и серьезным, – Союз уже не спасти, но сам в насильственных действиях, как всегда, участвовать не пожелал, позволил попытать

счастья на этом пути «верным соратникам», закрыл на это глаза, удалился в Крым – дескать, валяйте, пробуйте, получится, так получится, не получится – не обессудьте...

Сторонников этой версии сильно в ней укрепило и то, что, вернувшись из Крыма после подавления путча, Горбачев бросил журналистам, ожидавшим от него искреннего, честного, подробного рассказа о том, как все случилось, иные слова: дескать, все равно всего я вам не расскажу...

Так что Яковлев предупреждал Горбачева о заговоре, правда, не располагая твердыми фактами, опираясь лишь на собственные предчувствия. Горбачев отказался ему верить, и именно это послужило причиной, почему тогда их дороги разошлись, разошлись после многих лет тесного сотрудничества и дружбы, после того как они вместе задумали и плечом к плечу осуществляли перестройку.

Правда потом, после поражения путча, их сотрудничество возобновилось.

Катастрофа все ближе

«Первый заместитель председателя Кабинета министров СССР В. Щербаков – в Совет Федерации СССР (16 августа, за три дня до попытки переворота):

«Страна ускоренными темпами втягивается в глубокий финансовый кризис и развал денежного обращения. Эти факторы в настоящее время в решающей степени определяют ухудшение экономической, социально-психологической и политической ситуации в стране... По самым разным причинам, прежде всего связанным с нерешительностью в принятии непопулярных мер, боязнью ряда руководителей укрепления роли союзного правительства... возможности реализации антикризисной программы уменьшаются с каждым днем. Основные меры по стабилизации финансового положения страны должны были реализовываться с 1 июля. Однако бесконечные согласования, обсуждения и так далее привели к тому, что потеряно уже два месяца... Необходимо понять, что через 2 – 4 месяца для нормализации положения придется применять совсем другие меры и антикризисную программу можно будет просто выбросить в корзину...»

ПУТЧ. ВЗГЛЯД ИЗ ТОЛПЫ

Утреннее землетрясение

19 августа 1991 года. В восемь утра позвонил старший сын Кирилл.

– Вы слушаете радио?

– Нет, а что такое?

– Военный переворот!

Ощущение ужаса. Будто земля под ногами разверзлась. Мысли путаются. Где Горбачев? Где Ельцин? Значит, конец надеждам? А что с нами будет? С работы, конечно, выгонят. Газета будет другая. Это не страшно. Надо искать, чем заняться. Может, частным извозом? Если не извоз, – вернуться в научную журналистику? Издавать журнал о «летающих тарелках», НЛЮ... Вечно востребованная, вечно животрепещущая тема. Жалко, что Кирилл не успел уехать за кордон. Теперь вряд ли выпустят. Филя, конечно, загребут в армию. Теперь уж точно. Единственно, кто, может, останется при деле, – Лариса. Она по военному ведомству служит.

К десяти часам должен был ехать в редакцию везти интервью с Александром Николаевичем Яковлевым по поводу его исключения из партии (беседовал с ним за три дня до путча, в среду 16 марта). Теперь это никому не нужно. Мир перевернулся. Все-таки надо ехать. В десять был у Поройкова, зама главного. Застал у него Заречкина, заведующего отделом политики. Полная растерянность.

– Ну что, писать заявление об уходе? – спросил как бы в шутку, с некоторой бравадой.

– Пока не надо... – как-то неуверенно ответил Поройков. В мозгу у него, должно быть, шевельнулось, что такое заявление, может быть, вскоре действительно потребуется. И не только от меня. А может быть, и без всяких заявлений...

Поройков сказал, что на Минском шоссе танки. Вместе с тем у военных тоже чувствуется какая-то нерешительность.

– Какая нерешительность? – возразил я. – То, что за вами до сих пор не пришли.

Мне показалось, что ему эта мысль не понравилась.

Заречкинские ребята никуда дозвониться не могут. Ельцин и Хасбулатов вроде бы пока на свободе.

Поройков сказал, что должна бы прийти фельдпочта с указанием, что делать.

Зашел Бонч-Бруевич. Он был в тульской области. Только что с поезда. Еще ничего не знает.

Заглянул незнакомый фотограф. Тоже в неведении. Счастливые люди.

Мне тут делать нечего. Пока обстановка более или менее не определится, лучше не мозолить людям глаза, не быть свидетелем их растерянности и тревоги.

Подозрительное спокойствие

Вышел на улицу. Пошел по Кировской к центру. Надо посмотреть, как и что в городе. Вроде все как обычно. Ни военных, ни милиции. Люди ходят. Может, почта захвачена? Чрезвычайное положение ведь. Как это у большевиков: первым делом занять почту, телефон, телеграф. Зашел. Тьфу ты, здесь ведь теперь биржа.

Прохожу мимо здания КГБ. Пристально всматриваюсь. Тоже нигде ничего приметного. Возвращаюсь к Кузнецкому мосту, – чтобы пройти мимо резиденции Крючкова: как уже говорилось, она не в самом здании бывшего Страхового общества, а по соседству, аккуратно на углу Кузнецкого и площади Дзержинского. Возле этого самого подъезда № 1 стоят трое в штатском. В январе, когда брал интервью у их начальника, стоял один. Только и перемен.

По бывшей Жданова (как она теперь называется?) направляюсь в сторону «Детского мира», потом сворачиваю направо на Маркса. Нигде ничего. Время примерно 10-30 – 10-40.

Единственно, что заметил, – на площади Революции напротив памятника Свердлову четыре крытые зеленые машины. Вроде бы военные. Одна из них – с бульдозерным ножом. Для сноса баррикад, что ли?

Огибаю музей Ленина, поднимаюсь на Красную площадь. Уж там-то что-то должно быть. Нет, и там ничего. Все как обычно: группки туристов, фотографы, небольшая толпа перед Мавзолеем.

Ну, должно же быть хоть где-то что-то в подтверждение случившегося переворота! Нет, нигде ничего. Ощущение: а вдруг действительно всем на все наплевать, и переворот прошел тихо, мирно, незаметно? Хоть бы где-то какой-то плакатик, какой-то выкрик. Нет, ничего. Охраны тоже нет усиленной. Обычная. Милицейская «Волга» возле ГУМа, другая – возле Исторического музея.

«Хунте – нет!»

Спускаюсь мимо музея к Охотному ряду. И вот... Вот оно! Первое! У входа в подземный переход стоят кучки людей. Какая-то женщина в джинсах со злым лицом выкрикивает: «Семьдесят три года они нас е...ли, и опять хотят е...ть!»

Ничего себе. Уж если женщины переходят на этот фольклорный язык, – значит, задело. Зацепило.

Спускаюсь в подземный переход. Опять ничего. Выхожу на Тверскую. Ничего. Все как обычно.

Подхожу к Долгорукому. Наконец-то! Толпа перед памятником. На постаменте – два листа ватмана: «Нет фашистскому перевороту!», «Нет хунте!»

Неподалеку от памятника две БМП. Развернуты как-то странно – носами в сторону Института марксизма – ленинизма (он за спиной у князя, в глубине). Сверху на каждой машине тесно, прижавшись плечом друг к другу, стоят молодые ребята из толпы. Впрочем, некоторые умудрились даже лечь на броню. Солдатики-водители, видимо, не знают, что делать, – куда ехать, как стряхнуть пассажиров.

То здесь, то там возникает митинг. Со стороны Пушкинской подошла колонна БТРов. Насчитал восемь штук. Все в пыли. Видно, шли издалека. На головном – офицер. Кто-то из толпы затевает с ним перебранку. Офицер отвечает зло. Ко всему прочему, сказывается, наверное, бессонная ночь, проведенная на марше. Пытаюсь утихомирить наскაკивающих на него: «Не надо оскорблять военных. Они подчиняются приказу».

Народ начинает перебегать к этим БТРах от памятника, мешая движению по улице. После движение и вовсе застопоривается.

Через некоторое время головной БТР начинает разворачиваться. Делает он это весьма неловко, совершая многочисленные движения взад – вперед. Водители машин, стоящих у тротуара, испуганно уводят их от греха.

На всех БТРах снова толпы народа. Люди стоят, сцепившись друг с другом, держа российские флаги. Боязно, что при резком рывке сорвутся.

Все восемь БТРов наконец разворачиваются (этим маневром уверенно командует подоспевший гаишник) и уходят обратно в сторону Пушкинской площади.

Крики: «Пошли на Манеж! На Манеж!» Манежная площадь – эпицентр народных волеизъявлений.

Я, однако, решаю пройтись до Пушкинской. Сравнить с теми временами, когда «ДемРоссия» собирала здесь свои многотысячные митинги. Сравнения никакого. Народу почти нет. Поодиночке, по двое-трое идут те, кого можно отнести к потенциальным демонстрантам. Встречаю человек шесть с портретом Сахарова и табличкой «Мемориал».

– Народу маловато, – вздыхаем мы в унисон со случайным попутчиком.

Движение по Тверской возобновляется.

Возле «Московских новостей», как показалось, в основном «чайники», безразличные к происходящему зеваки. Много сочувствующих хунте.

Митинг на Манежной

Иду назад в сторону Моссовета. Уже никаких признаков протеста. Словно бы все испарилось. Наверное, и на Манеже никого нет.

Возле «Пицца-хат» очередь. Этому быдлу все до лампочки.

Подошел к третьему подъезду Моссовета, где три дня назад был у Яковлева. Ничего необычного.

Подхожу к гостинице «Москва». Все-таки я ошибся. Митинг на Манежной идет. Хотя народу довольно мало (по сравнению с теми самыми митингами «ДемРоссии»). Несколько сотен человек. Может быть, тысяча-другая. Какой-то парень читает обращение Ельцина, Силаева и Хасбулатова. Призывает сообщать о происходящем всем своим знакомым, звонить по телефону, передавать призыв ко всеобщей бессрочной забастовке. Инструктирует, как вести себя с военными – не оскорблять, разъяснять, что к чему: «Военные – такие же люди».

Рядом со мной кучка людей, в центре которой какой-то человек читает то же обращение.

Вдруг раздается крик: «Танки!!!» Толпа бросается врассыпную. Через некоторое время все опять собираются. После опять пронзительный вопль: «ОМОН!!!» Человек указывает в сторону Исторического музея. Опять то же движение – все бегут в разные стороны. Проходит еще время. «БТРы!!!» Слева от Манежа на площадь в самом деле вползает колонна БТРов с зажженными фарами. Головная машина останавливается, пройдя четверть расстояния между Манежем и гостиницей «Москва».

С одной стороны, ощущение, что вот-вот начнут стрелять. По крайней мере, разгонять митингующих, охаживая дубинками. С другой – чувствуется какая-то нерешительность властей. словно они дают команду такому-то подразделению передвинуться туда-то, такому-то – выдвинуться туда-то и тем ограничиваются. Что делать дальше, – никому не известно.

Народу все-таки маловато на площади: толпа возле гостиницы и толпа возле Манежа, а посередине пусто. Те же шестеро с плакатом «Мемориал» стоят как-то сиротливо, неприкаянно. Проходя мимо, спрашиваю: «Что же вас так мало?» Ответа нет.

Между гостиницей Москва и бывшим зданием Совмина, посередине улицы, стоят несколько, четыре-пять, БМП, опять-таки облепленные народом. Эту колонну как бы возглавляет машина с трубчатой телескопической стрелой и монтажной площадкой на ее конце. Такие машины используют для работы на электросетях, развешивания транспарантов и т.д. На монтажной площадке два человека с российским флагом. Какой-то мужчина с мегафоном, стоя на передней БМП, произносит пламенные речи, призывает не признавать заговорщиков, предателей.

Водитель монтажной машины включает мотор и начинает поднимать стрелу. Российский флаг взмывает над улицей все выше и выше. Каково там этим людям на монтажной площадке, вряд ли оказывавшимся на ней когда-либо прежде.

Откуда-то появляется штабного вида офицер с какой-то папкой подмышкой, который вместе с милицейским капитаном пытается согнать демонстрантов с боевой техники. Милиционер вроде бы даже требует у кого-то документы. Кое-кто спрыгивает на асфальт, другие упираются.

Иду в сторону Дома Союзов. Возле офицерского «ГАЗика» стоит майор в армейской полевой форме. Должно быть, командир этого подразделения, этих БМП. Рядом с ним небольшая толпа. Пытаются вовлечь его в политический спор. Майор отделяется нейтральными, ни к чему не обязывающими фразами. Говорит, что он никому еще ничего плохого не сделал, а вот его уже укусили за палец.

Наконец спор ему наскучивает. Он садится в машину.

– Как вам не стыдно! Что вы защищаете этих ублюдков? – успеваю я ему крикнуть, прежде чем он захлопывает дверь. Вот и я (к своему удивлению) начинаю втягиваться в наскоки на военных.

Возвращаюсь на Манежную площадь. Митинг здесь продолжается. На одном из балконов гостиницы «Москва», этаже на седьмом или восьмом, стоит человек в синем костюме в окружении других людей. Говорят, что это Жириновский. Время от времени он поднимает руку, как бы приветствуя тех, кто находится здесь, внизу. «Козел!.. Сволочь!.. Фашист!..» – несется в ответ. Говорят, после, когда меня уже не было на площади, этот деятель спустился вниз и даже пытался выступить. Однако ему не дали, чуть не побили.

На защиту Белого дома

Иду к манежу. На тех БТРах, что подошли недавно, – само собой разумеется, уже толпы народа. С одного из них через мегафон говорит депутат Краснопресненского райсовета Иванов. Он сообщает, что Ельцин и другие российские руководители находятся на своем месте в Белом доме. Есть опасность его штурма, а народу вокруг

здания не так много. Поэтому они просили, кто может, прибыть к Белому дому. Однако на этот призыв пока никто не откликается.

В толпе то и дело попадаются люди, злорадствующие по поводу переворота: «Что, дождались, демократы?! Скоро всем вам будет крышка!»

Вдруг раздается какой-то шум. Все бегут к тому углу Манежа, который обращен к журфаку МГУ. Та самая монтажная машина, которая была возле гостиницы «Москва», уже здесь. Водитель стрелой прижал к углу здания зеленую военную машину, которая пытается проехать на площадь. Что за машина? По виду похожа на пожарную. Люди раскрывают задние дверцы. Какие-то баллоны. «Да это же газ!» – кричит кто-то. Вот какая техника подтягивается к традиционному месту митингов.

Вскочив на подножку монтажной машины, депутат Иванов спрашивает у водителя его имя и объявляет во всеуслышание:

– Запомните имя этого героя – Сергей Лукьянов (не уверен, правда, что я хорошо расслышал это имя. – **О.М.**) На следующих выборах его надо избрать депутатом!

Иванов еще раз обращается к толпе с призывом идти к Белому дому: там складывается тревожная обстановка.

– Давайте поделимся пополам, – говорит он. – Часть останется здесь, а часть пойдет туда.

Я решаю идти к Белому дому. Время, по-моему, 13-30 (непосредственно в ходе тех событий недосуг было всякий раз взглядывать на часы). Колонна, конечно, более жидкая, чем обычно во времена демонстраций «ДемРоссии» (все сравниваю происходящее с ними). Однако по мере движения она становится полнее.

Крики: «Ель-цин! Ель-цин! Ель-цин!», «Долой КПСС! Долой КПСС! Долой КПСС!»

Кое-где в колонне – флаги России. Транспарантов почти нет: не готовились к демонстрациям.

Продавщицам Военторга, глазеющим в окна: «Бросайте работу! Идемте с нами!» – «А кто же работать будет?» – отвечают те. «Закрывайте лавочку! Не обслуживайте хунту!»

Маленький бородатый еврей, быстро вышагивающий в колонне, обгоняющий всех, призывает бить коммунистов. Я возражаю: «Бить никого не надо». – «Это мое. Это никого не касается», – как-то странно произносит он и быстро-быстро идет вперед. В самом деле, кто знает, какие там у него с коммунистами личные счета. «Эй, пузатые, скоро вас всех повесят!» – кричит он нескольким действительно пузатым чиновникам в штатском, с любопытством взирающим на шествие из ворот Министерства обороны.

У меня то и дело завязывается короткий обмен репликами с теми, кто оказывается рядом. «Вы думаете, из этого что-нибудь получится?» – спрашивает меня загорелая женщина лет 40 – 45 в белых джинсах и широкой блузке, вышагивающая рядом широким мужским шагом. «Из чего «из этого?»» – переспрашиваю я. «Ну, из этих демонстраций, из этих протестов» – «Конечно, получится», – заверяю я, хотя и сам не знаю, получится или нет. Никто ничего не знает, – где что происходит и чем все это кончится. У них – власть, у них – сила...

Какой-то мужик из числа соседей по колонне рассказывает, что вчера, то есть 18-го, сразу же после салюта (был какой-то «день») он слышал перестрелку в Кремле (живет неподалеку). Что еще за перестрелка?

За Арбатской площадью параллельно колонне демонстрантов, ставшей к этому времени уже весьма внушительной, по Новоарбатскому проспекту робко течет ручеек из машин. Едут шагом. Пассажир одного из такси бросает демонстрантам через спущенное стекло: «Ну что, дождались, демократы?!» Что тут началось! Я думал, его разорвут на части. Если бы не утимирующие голоса людей рассудительных, так бы оно, наверное, и случилось. Кончилось тем, что один из демонстрантов взгромоздился на

капот машины спиной к подлецу-пассажиру. Так и ехал. Водитель не осмелился его согнать.

По сторонам улицы множество зевак. «Пошли Ельцина спасать!» – крикнул я им. «Мы не Ельцина – мы себя спасать идем», – поправил меня сосед по колонне.

Во главе колонны – та самая монтажная машина (не знаю, как она точно называется). На ней куча народа, российский флаг. Время от времени водитель сигналил в такт каким-то скандируемым лозунгам (сами они мне не слышны): «Та-та та-та-та та-та-та та-та!» Это, должно быть, звездный час парня. Думаю, никогда в жизни у него ничего подобного не было. Да и вряд ли будет.

Приближаемся к Новоарбатскому мосту. Что впереди, не видно. Через некоторое время, однако, из первых рядов доносится мегафонный голос все того же неугомонного депутата Иванова:

– Внимание! Сейчас возможно столкновение! Первые три ряда, возьмитесь за руки! Женщины, уйдите из передних рядов!

(Еще на Манеже депутат Иванов объяснял нам, что лучший способ противостоять милиции и войскам – это взяться за руки).

Небольшой холодок по коже. Теперь уже видно: впереди – какие-то военные, какая-то зеленая техника. Если они действительно собираются штурмовать Белый дом, для них есть прямой смысл «притормозить» нашу колонну. Причем «притормозить» любыми способами, вплоть до стрельбы на поражение. Это ведь обычные войска, их никто не обучал «щадящим» методам борьбы с «уличными беспорядками», – дубинками, газом, резиновыми пулями.

Как ни странно, однако, опасное место проходим беспрепятственно. Военные куда-то исчезли. Слева, словно в засаде, два танка с задранными кверху орудиями (как бы демонстративно задранными – дескать, стрелять в народ не будем). Тем не менее дальше, на мосту, опять нагромождение каких-то военных машин. Но нам на мост не

надо. Мы поворачиваем к Белому дому, идем к парадной лестнице перед ним, поднимаемся к главному подъезду. Я оказываюсь на верхней площадке. Стоим.

От Белого дома протискивается несколько человек. В одном узнаю Хасбулатова. Он влезает то ли на каменную тумбу, то ли на вазу для цветов сбоку от парадной лестницы в нескольких шагах от меня. Ему дают мегафон. Он рассказывает о ситуации. Говорит, что состоялось заседание Президиума Верховного Совета РСФСР, который не признал ГКЧП и постановил созвать сессию ВС 21-го числа.

(Как подумаешь, какую возможность войти в историю порядочным человеком упустил этот деятель! Это, конечно, мое позднейшее добавление к августовским дневниковым записям. А тогда Хасбулатов для многих демократов был, если можно так сказать, одной из «икон». Ближайший верный соратник Ельцина. Не пройдет и пяти месяцев, как этот ближайший соратник всадит первый нож в спину президента).

Против решения Верховного Совета о непризнании ГКЧП голосовали, по словам Хасбулатова, лишь два члена Президиума. Крики: «Кто? Кто?» – «Исаев и Исаков» – «Подонки!!! Позор!!!» – несется из толпы.

Почему сессия только 21-го? Это ведь так нескоро! За эти два дня хунта такого может наворотить! А союзный Верховный Совет соберется вообще лишь 26-го. Это и вовсе какая-то «запредельная» дата. Впрочем, от союзного ВС ничего путного ожидать не приходится.

Хасбулатов сказал, что час назад здесь выступил Ельцин. Сейчас время 14-30 – 15-00 (опять-таки восстанавливаю в памяти вечером, непосредственно в тот момент не особенно смотрел на часы). (Позже станет известно: это было то самое знаменитое его выступление «с танка»).

Вслед за Хасбулатовым выступает какой-то представитель Литвы. Он предупреждает, что самая большая ошибка – надеяться на добрые чувства заговорщиков. Опыт Литвы говорит, что победу можно вырвать только собственным мужеством.

В ожидании штурма

Ораторы уходят. Начинает накрапывать дождь. У кого нет зонтов, как у меня, те идут к зданию, становятся возле оконных проемов – там сверху не капает.

Ждем, что предпримут путчисты. Какие-то их действия могут последовать в любой момент. Думаю, они вполне осознают, что промедление, как говаривал незабвенный Ильич, для них смерти подобно.

В наружных оконных нишах, где мы прячемся от дождя, естественно – разговоры. Когда кто-то что-то начинает говорить, все напряженно прислушиваются. Информации о происходящем по-прежнему почти никакой. Какая-то женщина, приехавшая из Прибалтики, рассказывает, что чиновники в Белом доме разговаривают с ними, с прибалтами, неприязненно: дескать, они первыми заварили кашу, они первейшие смутьяны. Из этого она делает вывод, что за спиной у Ельцина может быть пятая колонна. Впрочем, и без этих объяснений, без этой логики вполне ясно, что и в Белом доме, и в других вроде бы лояльных «домах» сколько угодно людей, готовых перебежать на «ту» сторону.

Дождь то усиливается, то слабеет. Когда слабеет, я выхожу из своего укрытия, протискиваюсь к краю площадки (здесь стоит толпа под зонтами), всматриваюсь, что происходит на мосту.

На слуху у всех срок – 16 часов. До этого времени путчисты то ли собираются захватить Белый дом, то ли на 16-00 назначен штурм (после из газет стало известно, что штурм был назначен на 18-00).

Когда дождь в очередной раз затихает, решаю обойти вокруг Белого дома. Иду вдоль стороны, противоположной от СЭВа. В подъезде – два милиционера с автоматами. Что они сделают в случае штурма? Да и станут ли что-то делать?

Навстречу мне какие-то люди несут первую арматуру для сооружения баррикад.

С тыльной стороны здания народу совсем мало. Вдруг навстречу мне – группка возбужденных ребят. Какие-то крики, жестикуляция. В чем дело? «ОМОН! ОМОН!» Началось?

Как-то крадучись, по боковой дорожке подъезжают четыре фургона с зарешеченными окнами, которые закрыты еще и занавесками, так что не разглядишь, кто там находится (но вот ведь – разглядели). Впереди – зеленый командирский «газик». Машины подъезжают к служебному зданию позади Белого дома и выстраиваются там боком друг к другу, словно бы на стоянку. Ребята, поднявшие шум, подбегают к милицейскому посту возле ворот, ведущих во внутренний двор Белого дома, после вместе с милицейским майором (опять-таки – автомат через плечо) идут к омовским машинам. Стало быть, и охрана здания ничего не знает о прибывшем подразделении.

Впрочем, через несколько минут дело вроде бы проясняется. Кто-то говорит, что это областной ОМОН, подчиненный Баранникову. Прибыл для усиления охраны Белого дома. Машины трогаются с места и направляются к тем самым воротам, ведущим во внутренний двор здания.

Спустя короткое время, однако, у кого-то из толпы возникает сомнение: сказать-то они могут что угодно. Это вполне может быть троянский конь – вот так вот тихонько въедут и тихонько же вывезут Ельцина. Кто-то находит некое несоответствие в номерах машин: это, дескать, не подмосковные номера. Две машины – командирская и первый фургон – уже въехали в ворота, однако другим ребята преграждают дорогу. Вскакивают на подножки, на капот, пытаются даже руками оттолкнуть головную (третью по счету) машину назад. Напрасно милиционеры уговаривают людей не чинить машинам препятствия. Кто-то бросает идею: подтвердить, что эти машины действительно можно пропустить, должны известные депутаты, которых народ знает. Все подхватывают (толпа к этому времени разрослась): «Де-пу-та-тов! Де-пу-та-тов!» Я говорю соседям, что лучше всего вызвать Хасбулатова, он только что выступал с другой стороны здания.

Вперемежку с «Де-пу-та-тов»! скандируем: «Хас-бу-ла-тов!» Так проходит с полчаса. Наконец появляется не Хасбулатов, а Руцкой. Он просит людей пропустить

машины и одновременно говорит о возможности штурма. По его словам, ни в коем случае нельзя допустить захвата здания. Просит людей помочь его защитникам.

Машины въезжают в ворота. После с десятков этих омонцов в полной экипировке – в шлемах, со щитами – появились на улице, переходя, видимо, из подъезда в подъезд. Люди встречали их с восторгом, кричали «ура», обнимали.

Начинают строить баррикады, перегораживая проезд вдоль тыльной стороны здания (назавтра все это пространство будет названо площадью Свободной России). Основные материалы для баррикад – перевернутые скамейки, чурбаки распиленных деревьев (видимо, где-то в соседних скверах идет санитарная рубка). Со стороны, противоположной СЭВу, дорогу перегородили мусорными контейнерами. Слышится грохот – это контейнеры заполняют кирпичами, принесенными с соседнего пустыря, и вообще чем потяжелее. Однако самая мощная баррикада должна быть, конечно, со стороны СЭВа. Оттуда скорее всего будет предпринята основная атака. Там очень кстати идет какая-то стройка. Горы бетонных блоков. Однако стоящий там автокран не подает признаков жизни. Видимо, нет водителя. Толпа ведет долгие обсуждения, примеривается к блокам. Наконец, начинают цеплять те из них, которые поменьше, тросом к какому-то грузовику. Он их подтаскивает куда надо. Вскоре остается лишь узкий проем, через который можно подъехать к Белому дому. Проем контролируют добровольные охранники. Они решают, кого можно пропустить, кого нет. То и дело вспыхивает перебранка. Из Белого дома выскакивают перепуганные владельцы частных машин, пытаются выехать из огороженного уже баррикадами пространства. Специально для них приходится разбирать баррикады.

Со стороны СЭВа появляются два офицера-десантника. Идут к малому служебному зданию. Их окружает толпа. Какие-то возбужденные разговоры. Они входят в здание. Я подхожу поближе. Навстречу мне бежит какой-то парень, объясняет кому-то:

– Я сам слышал... Своими ушами... Они предъявили ультиматум – чтобы им позволили занять Белый дом.

Офицеры выходят, идут в обратную сторону. Их сопровождает тот самый милицейский майор-автоматчик и та же толпа. Впрочем, толпа окружает лишь одного из офицеров, по-видимому, старшего. Другой идет сам по себе, несколько впереди и сбоку. Идет как-то понуро, глядя прямо перед собой. Впрочем, и у другого, окруженного толпой, какой-то побитый, затравленный вид. Я вижу его погоны – генерал-майор. Внезапно во мне закипает злость. «Предатели!» – кричу я генералу, когда он проходит мимо. Он ничего не отвечает. Только еще больше сжимается и смотрит перед собой еще более понуро. Я поворачиваюсь к другому офицеру и выкрикиваю то же слово: «Предатели!» (Эк меня прорвало, а то ведь все время сам выступал в роли «миротворца»). «Да подождите вы орать!» – одергивает меня милиционер-автоматчик. Должно быть, ему известно нечто такое, что мне не известно.

Вскоре проходит слух, что танки (на самом деле, должно быть БМД – гусеничные боевые машины десанта), стоявшие на мосту, отошли в сторону Кутузовского проспекта. Связано ли одно с другим – этот отход техники и визит двух офицеров в служебное здание возле Белого дома (откуда они, должно быть, вели телефонные переговоры с российским руководством), я не знаю.

Снова иду на площадку перед фасадом Белого дома. Всматриваюсь в сторону моста. Техники в самом деле вроде бы нет.

Возвращаюсь назад на будущую площадь Свободной России. На углу какая-то женщина старательно складывает в рядок на парапете булыжники среднего размера. Видимо, чтобы при случае удобнее было брать, не надо было нагибаться. Рядом с ней какой-то человек, по виду чиновничек-пенсионер в аккуратном летнем импортном костюмчике цвета хаки с аккуратным животиком. Выговаривает женщине: «Вы крови хотите? Вы ее получите. Она с камнями против танков хочет идти! Дура!»

После я его еще несколько раз встречал в разных местах возле Белого дома. Такие тоже тут мельтешат. Интересуются происходящим. Комментируют. Поучают. Одергивают.

С фасадной стороны из-за «сэвовского» торца здания к нам протягивается хвост человеческой цепи: люди, взявшись за руки, охватывают Белый дом. С противоположной стороны показывается другой конец. Концы смыкаются. Здание окружено взявшимися за руки людьми. Защита, конечно, символическая, но все же... Я тоже в эту цепь встану, когда приспичит, но сейчас мне хочется походить, посмотреть.

Вижу ту женщину в белых джинсах, которая шла рядом по Новоарбатскому. Присела на цоколь здания, нервно курит.

Я тоже присел поодаль. Рядом со мной оказался какой-то парень лет двадцати с небольшим. Стал ругать демократов. Стукач? Спросил зачем-то, работают ли сегодня вокзалы.

Половина пятого. Время намеченного штурма вроде бы миновало. Когда он теперь будет? И будет ли, если те переговоры, косвенным свидетелем которых я вроде бы стал, закончились миролюбиво?

Митинг возле Белого дома

Я с утра ничего не ел. Устал. Поехал домой. От метро «Краснопресненская» позвонил Ларисе. Дескать, жив.

Всю ночь, примерно до половины пятого утра слушал «Свободу». Под конец они уже стали просто повторять более ранние выпуски новостей.

Пик напряжения пришелся на два – три ночи, когда казалось, что штурм вот-вот все-таки начнется или уже начался. Гложет совесть, что я не там. Зря прошлялся весь день по городу.

К утру напряжение, слава Богу, спало. Поднявшись, поехал на митинг к Белому дому.

На павильоне метро, у входа – транспарант: «На стороне Ельцина – 10 танков и Рязанский полк ВДВ». Милиционер хотел его сорвать, но прохожие не дали. Особенно наседали на милиционера какая-то женщина: вы, такие-сякие, против кого вы идете! Я опять выступил в роли миротворца, – защитил милиционера, сказал, что в общем-то милиция ведет себя нормально...

Подойдя к Белому дому, увидел аэростат с подвешенным к нему российским флагом. Еще увидел танки майора Евдокимова, перешедшие на сторону Ельцина, о которых слышал по радио. Правда, не десять, а четыре – пять. Впрочем, остальные, может быть, в этот момент стояли по другую сторону Белого дома. Танки были без экипажей. С торца Белого дома вдоль Большой Грузинской – множество БМД. Я насчитал тридцать штук. И пять – шесть крытых машин с десантниками. На всех БМД российские флаги или флажки. Это, надо полагать, и есть Рязанский полк Тульской дивизии ВДВ. Пока я шел от хвоста к голове колонны, машины включили двигатели и двинулись, приветствуемые толпой и отвечая на приветствия. Развернувшись, они направились в сторону метро «Краснопресненская». Последними ушли грузовики с солдатами. Люди, повторяю, приветственно махали им вслед. Мне, однако, стало не по себе: уходит такая сила, вновь оголяя Белый дом. Это могло означать только одно: данная воинская часть выполняет приказ начальства об отходе. Начальство же отводит ее как ненадежную. На смену ей придет другая, более лояльная к ГКЧП. На часах 11-30. Я пытаюсь, порасспросить людей, что означает этот отход. Но никто ничего не знает. Подхожу к парню с повязкой дежурного на рукаве. Он «заворачивает» тех, кто пытается пройти к Белому дому через баррикаду: пройти там невозможно, не стоит и пытаться. От него пахнет водкой. Должно быть, разогревался ночью или уже утром, находясь в «живом кольце». Задаю ему тот же вопрос. «Подождите, сейчас я вам отвечу», – говорит он, отгоняя очередную группу ходяков. На мой повторный вопрос отвечает туманно: «Совершают маневры». Какие там маневры! По-видимому, знает столько же, сколько и я. Махнув рукой, отхожу прочь.

Отправляюсь искать телефон-автомат, чтобы сообщить Кириллу для его агентства: полк (или батальон) ВДВ ушел от Белого дома. Однако встретившиеся мне

люди – видимо, сотрудники этого учреждения – сказали, что тут нигде автоматов нет. Нечего делать, пошел на митинг, он скоро уже должен был начаться. Протиснулся к месту поудобнее, почти напротив микрофонов, чуть-чуть наискосок. Неподалеку от меня оказался все тот же депутат Иванов все с тем же мегафоном. Он непрерывно держал речь, сообщая последние новости. Молодчина.

Митинг этот не раз показывали по телевизору. Сначала думали, что сразу же слово возьмет Ельцин. Однако оратор выступал за оратором, а Ельцина все не было. Кто-то стал нетерпеливо требовать: «Ель-цин! Ель-цин!» Я сказал, что Ельцину выступать не стоит: не исключено, что где-то засели снайперы. И как в воду смотрел. Ельцин все-таки выступил – почти в самом конце. Выступление было коротким – три-четыре минуты. В заключение он сказал полушутя: «Ну ладно, я пойду, а то могут быть снайперы». Один из следующих ораторов сообщил уже вполне серьезно, что вчера служба безопасности обнаружила на одном из расположенных неподалеку домов четырех снайперов.

Выступал мой коллега по «Литературке» Щекочихин. Сказал, что назавтра на 11 утра в «Литгазете» намечено совещание представителей ряда редакций, где предполагается обсудить, как в сложившихся обстоятельствах действовать запрещенным газетам (в чисто которых попала и «Литгазета»).

Еще до начала митинга Иванов объявил в мегафон, что штаб охраны здания возле какого-то подъезда ведет запись добровольцев – молодых крепких парней, владеющих приемами рукопашного боя. «Эх, зря что ли меня два года учили!» – воскликнул рядом со мной здоровенный парняга и стал пробираться через толпу. А в конце митинга уже непосредственно с балкона Белого дома, через микрофон, призвали всех разбиться на сотни, выбрать старшего – сотского – и остаться возле здания. Какой-то человек интеллигентного вида, лет сорока пяти, взобравшись на основание фонаря, призвал собираться в этом месте офицеров запаса.

Ближе к концу митинга стало погромыхивать. Кто-то сказал: «Стреляют». И каждый раз при этом грохоте люди тревожно оглядывались. Однако потом, когда

людовой поток устремился от площади к метро, выяснился истинный источник грохота: перелезая через баррикаду, люд спрыгивали на лист железа.

Митинг кончился в половине четвертого.

Снова всю ночь слушал радио, перезванивался с Кириллом (тот, как и прошлую ночь был на работе в информагентстве). Мне на работу идти было не надо: на выпуск «Литгазеты», как и ряда других изданий, хунта наложила запрет. Так что использовал свои журналистские способности как репортер. После митинга передал Кириллу такие сообщения:

«Радио России» работает на коротких волнах с позывными «Радио-3 Анна».

«Вчера за три часа умельцы собрали в Белом доме передатчик. Он работает как радио Верховного Совета РСФСР на частоте 1500 мегагерц».

«На митинге возле Белого дома выступил Геннадий Хазанов, который голосом Горбачева сказал: «Со здоровьем у меня все в порядке, а чистую политику нельзя делать... трясущимися руками» (намек на состоявшуюся накануне пресс-конференцию гэкачепистов: у Янаева, который ее вел – это хорошо было видно по телевизору, – тряслись руки).

«Арестованы были депутаты Гдлян и Камчатов. Приходили за депутатом Ивановым (тем самым. – **О.М.**), но не застали его дома».

«Командир Рязанского полка Тульской дивизии ВДВ, который пришел на защиту Белого дома, – генерал Лебедь».

«Выступая на митинге, Эдуард Шеварднадзе допустил, что Горбачев мог быть участником заговора ГКЧП».

«Один из народных депутатов (имени его я не расслышал) пытался прорваться на дачу Горбачева вместе с его лечащим врачом и еще несколькими спутниками. Однако им

это не удалось. Лечащий врач сказал, что перед 19 августа Горбачев чувствовал себя нормально».

«Ельцин обратился за благословением к патриарху, однако ответа от Его Святейшества пока не получил».

«Священник церкви в Измайлове, выступивший на митинге (имени я опять не расслышал), сказал, что он предложил охране Белого дома исповедаться и причаститься. Сотрудники охраны согласились».

«На случай победы ГКЧП создано резервное правительство России во главе с Лобовым, которое вылетело в Свердловск».

«Депутат Оболенский сообщил, что путчисты меняют воинские части, введенные в Москву: выводят ненадежные».

Помимо меня, у Кирилла еще какие-то информаторы возле Белого дома, которые остались там на ночь. Теперь уж он мне кое-что сообщает по телефону. Самое тревожное время – от полуночи примерно до половины третьего. По словам Кирилла, около полуночи в Белом доме вырубил свет. После оказалось, что свет на некоторых этажах был выключен по приказу генерала Кобеца, только что назначенного министром обороны РСФСР (он возглавляет оборону Белого дома), – чтобы труднее было ориентироваться тем, кто ворвется в здание при штурме.

Апогей напряжения – в 2-15 (или в 2-05). В репортажах «Свободы» появились панические нотки: со стороны Киевского вокзала стреляют трассирующими очередями; со всех сторон к Белому дому подтягиваются войска для штурма (на самом деле, как потом выяснилось, этого не было); по внутреннему радио Руцкой попросил народ отойти от здания на пятьдесят метров и не оказывать сопротивления войскам, если они пойдут на штурм; начальник штаба обороны Белого дома (забыл фамилию) признался, что в случае штурма сопротивление будет недолгим, так как в здании мало оружия.

Однако эта высшая фаза напряжения длилась всего пятнадцать минут. Уже в 2-30 та же «Свобода» сообщила, что войска отходят от Белого дома (никто не отходил, поскольку никто не подходил) и вообще будто бы дан приказ вывести их из Москвы. Все это было неожиданно и необычайно радостно.

Лукиянов признает несоответствие...

21 августа в экстренном выпуске питерского «Часа пик» появилось сообщение, что «полномочная делегация Президента РСФСР» – вице-президент Руцкой, премьер-министр Силаев, исполняющий обязанности председателя российского парламента Хасбулатов – провела в Кремле переговоры с председателем Верховного Совета СССР Лукьяновым. Лукьянов – один из главных гэкачепистов, пытавшийся, однако, остаться в тени (потому и в состав ГКЧП официально не вошел). Представители Ельцина потребовали в течение трех дней провести медицинское освидетельствование Горбачева, по прошествии 24-х часов организовать встречу с ним российского руководства, отвести войска в места их постоянной дислокации, отменить чрезвычайное положение, объявить о роспуске ГКЧП.

Газета писала, что Лукьянов «как юрист» «признал несоответствие» многих положений, содержащихся в документах ГКЧП, и пообещал «разобраться» с этим на Президиуме Верховного Совета (вот уж действительно для этого надо было иметь юридическое образование!) Более того, Лукьянов выразил пожелание, чтобы и Горбачев присутствовал на этом разбирательстве. А вот это уже был белый флаг, знак капитуляции.

Лукьянов связался с Горбачевым по телефону (уже была такая техническая возможность), после чего сообщил, что Горбачев «жив-здоров», хотя у него и есть «некоторые отклонения» в здоровье – «повышенное давление и радикулит». Как видим, способность исполнять президентские обязанности – налицо, так что и медицинское освидетельствование не требуется.

ГКЧП терпит крах

Наутро в редакции «Литгазеты» состоялось совещание двадцати девяти редакций. Говорили о том, что надо бы наладить выпуск какой-нибудь общей газеты или нескольких газет. Сообщали, у кого что есть, – у кого бумага, у кого типография, у кого транспорт. Все было довольно бестолково. Я предложил, чтобы остались по одному представителю от каждой редакции. Не знаю, о чем они там говорили. В конце концов решили выпускать «Литературку» в виде листовок. На самом деле в свет вышло несколько номеров «Общей газеты».

А вообще с утра было еще довольно тревожно. Комендант Москвы генерал Калинин подписал совершенно зверский указ о том, что столица делится на 33 округа, запрещается то, запрещается это... Любого можно задерживать, обыскивать и т.д.

Первые признаки расслабления наступили, когда я узнал (около часа дня), что с утра ушел танк (или БМД) и десантники от Издательства «Литературной газеты» на Цветном бульваре (редакция помещалась в другом месте – в Костянском переулке). Меня это известие обрадовало еще и потому, что я мог теперь получить на Цветном зарплату. В ту безденежную пору тоже немаловажное обстоятельство.

Где-то около четырех я был возле журфака МГУ. Манежную все еще окружало оцепление из военной техники. БТРы стояли также позади Манежа, возле метро «Библиотека имени Ленина». Однако, когда я вышел от декана факультета Ясена Николаевича Засурского, зеленые бронированные машины уже построились в колонну и стояли с включенными двигателями. Когда я дошел к метро, они двинулись прочь.

Слава тебе, Господи!!! Пронесло.

* * *

Путч нанес решающий, сокрушительный удар по советской империи. После этого удара у нее почти не осталось шансов оправиться.

Больше всего их страшил Союзный договор

Уже в 9-00 19 августа в подмосковном Архангельском Ельцин, Силаев и Хасбулатов подписали обращение «К гражданам России», в котором назвали отстранение президента СССР от власти «правым, реакционным, антиконституционным переворотом». Главная причина, подвигнувшая путчистов на выступление, говорилось в документе, – стремление помешать подписанию Союзного договора, намеченному на 20 августа.

Авторы обращения объявляли незаконными «пришедший к власти так называемый комитет», все его решения и распоряжения, требовали, чтобы президенту страны была обеспечена возможность «выступить перед народом», чтобы немедленно был созван чрезвычайный Съезд народных депутатов СССР, а до выполнения этих требований призывали людей к всеобщей бессрочной забастовке.

К тому моменту уже практически все каналы связи и массовой информации были захвачены путчистами, однако текст все же удалось распространить по каналам Российского информационного агентства. Произошло это примерно в половине двенадцатого. Для пребывающих в смятении россиян это была «первая обнадеживающая новость». Полученный по факсу текст размножали всеми доступными способами, листовки расклеивали на стенах, заборах, столбах, зачитывали людям, где бы они ни собирались (это чтение и я услышал тогда на Манежной). Те, кому листовки не доставались, просто пересказывали обращение на производстве, по месту жительства.

20 августа, на второй день путча, Ельцин вновь обратился к россиянам с призывом не подчиняться решениям ГКЧП – «горстки политических авантюристов». На этот раз – через ту самую «Общую газету», которую стали выпускать журналисты нескольких запрещенных изданий. Газета опять-таки выпускалась в виде листовок, отпечатанных на принтере и размноженных на ксероксе.

Среди прочего, в обращении Ельцина говорилось о том, что, в соответствии с указом российского президента, все структуры союзной исполнительной власти теперь должны починяться ему, российскому президенту:

«Указом Президента РСФСР... все органы исполнительной власти Союза ССР, включая КГБ СССР, МВД СССР, Министерство обороны СССР, действующие на

территории Российской Федерации, переходят в непосредственное подчинение избранного народом Президента РСФСР...»

Ельцин обращал внимание на то, что гэкачеписты одной из своих главных задач поставили – изолировать Россию от других республик: именно Россия – «главная мишень заговорщиков», «кирзовый сапог диктатуры» занесен именно над Россией, ибо она главный оплот демократических преобразований. Другим же республикам – Украине, Казахстану, Узбекистану, Армении – путчисты обещают «послабления» в период введенного ими чрезвычайного положения.

И снова – о Союзном договоре. Не случайно, говорилось в обращении, что переворот совершен 19 августа – в последний день перед подписанием нового Союзного договора. Договора, который «несмотря на все компромиссы, должен был положить конец всевластию КПСС и военно-промышленного комплекса».

«Слушаю выступления организаторов путча и поражаюсь: какова степень морального падения! Вчера клеймили руководство России якобы за нежелание подписывать Союзный договор, а сегодня убеждают народ в том, что наше стремление его подписать едва ли не направлено против обновленного Союза...»

В действительности, конечно, именно перспектива подписания нового Союзного договора страшила путчистов более всего. Это был их главный страх, подвигнувший их к действиям. 12 сентября «Московский комсомолец» опубликовал захваченные в здании ЦК КПСС секретные документы, где так прямо и было написано: «Именно содержание Союзного договора вынудило на экстраординарные меры».

Катастрофа все ближе

«Из воспоминаний председателя КГБ СССР Крючкова [Разговор идет 17 августа между послезавтрашними путчистами в беседе на даче КГБ (объект «АБЦ»). – О.М.]:

«Павлов подробно рассказал о положении в экономике, глубоком кризисе, в который страна уже вползла, который нас в ближайшее время в еще больших масштабах ожидает. Он подчеркнул, что на кредиты рассчитывать не приходится, нам их просто не

дают, потому что мы больше неплатежеспособны. Советский Союз не имеет даже средств рассчитываться по процентам за ранее полученные кредиты».

Гайдар со ссылкой на воспоминания Крючкова:

«Председатель Кабинета министров СССР Павлов, лучше других участников заговора представлявший валютно-финансовое положение страны, вечером 18 августа принял такое количество алкоголя, что его свалил тяжелый гипертонический криз. О чем глава последнего советского правительства в это время думал, узнать невозможно. Не исключено, что он хорошо понимал политэкономические основы обреченности переворота».

«От банкротства, прекращения платежей по внешним долгам страну отделяли недели – и то при полной остановке расчетов по импортным поставкам. О крупных западных кредитах в случае успеха ГКЧП думать не приходилось. Новым властям пришлось бы принимать решение о дальнейшем сокращении закупок продовольствия, сбросе поголовья скота, сокращении импорта других продовольственных товаров, остановке заводов из-за отсутствия импортных комплектующих».

«ЗАЖАТЫЙ В УГОЛ» ГОРБАЧЕВ

Он по-прежнему – за коммунизм

22 августа вечером недавно вернувшийся из Фороса Горбачев провел свою первую послепутчевую пресс-конференцию. Она транслировалась по телевидению. Хорошо было видно, что президент еще не совсем ориентируется в новой обстановке. Возможно, в какой-то мере этому поспособствовал его тогдашний пресс-секретарь Виталий Игнатенко, который вел пресс-конференцию. Он умудрился не дать слово ни одному из корреспондентов российских демократических, запрещенных хунтой газет – напрасно те тянули руки. Вопросы задавали в основном зарубежные журналисты. Впрочем, и сам Горбачев почему-то нахваливал главным образом зарубежную прессу. Российские демократические издания, в дни путча дружно выступившие в его защиту, хоть и получили от него скупую похвалу, но тут же – дозу странной критики: дескать, чуть ли не из-за их непримиримой позиции заговорщики и вынуждены были пойти на этот самый заговор.

Однако самым удивительным было другое: как выяснилось, несмотря на драматические события последних дней и все пережитое им Горбачев, оказывается, остается верен коммунистическим идеям, коммунистической партии. Он лишь – за реформирование КПСС. Отвечая на вопрос, как он относится к тому, что партию еще до путча покинул его близкий соратник Александр Яковлев, Горбачев сказал:

– Жалею, что уходят силы, которые должны внести свой вклад в то, чтобы реформировать партию. Вижу собственную роль в этом и не собираюсь сдавать позиции. Я на них останусь. Но не пойду ни на какие уступки в принципиальных вопросах. Они проявились в проекте новой программы КПСС. **ДО КОНЦА БУДУ БОРОТЬСЯ ЗА ОБНОВЛЕНИЕ ПАРТИИ** (выделено мной. – **О.М.**)

Даже близкий сотрудник Горбачева, бывший член Политбюро Вадим Медведев отмечает в своих воспоминаниях, что в выступлении Горбачева, а особенно в ответах на вопросы, «проскальзывала неадекватность восприятия последних событий, необратимых перемен в стране, как будто после разгрома путча мы просто вернулись к доавгустовскому положению».

Тем, кто до сих пор уверяет, что Горбачев **СОЗНАТЕЛЬНО** старался разрушить коммунизм, коммунистическую партию, стоило бы, среди прочего, запомнить и процитированные выше слова Горбачева о том, что он будет «до конца» бороться за обновление, но не за ликвидацию компартии, за воплощение в жизнь ее «обновленной» программы, то есть по-прежнему – за построение коммунизма. Да, Горбачев внес решающий вклад в устранение коммунизма и коммунистов с российской политической авансены, но он не преследовал **СОЗНАТЕЛЬНО** такой цели – это получилось само собой в результате его реформаторской деятельности. Ну и, разумеется, в результате деятельности Ельцина и других ведущих политиков той поры.

Впрочем, те опрометчивые слова Горбачева, конечно, имели значение не только для истории, но и для его положения в тогдашнем политическом раскладе. Они не укрепили его положения. Человек, оказавшийся в заточении по воле своих недавних друзей – коммунистических бонз – и освобожденный благодаря всколыхнувшейся волне широкого демократического сопротивления – с кем он теперь? Выяснилось: может, он и придвинулся поближе к освободителям, но не очень отшатнулся и от своих тюремщиков.

Более того, вполне уместно было подозрение, что он в состоянии возглавить хоть и не открытую – в духе этого самого путча, – но тем не менее достаточно серьезную борьбу сохраняющей свою силу коммунистической бюрократии против тех перемен, которые он – это ясно, – уже не будет возглавлять.

Тут, пожалуй, можно еще привести оценку, которую дал той горбачевской пресс-конференции, советник президента США Джорджа Буша (старшего) Brent Scowcroft:

«Горбачев и сам усугубил свои проблемы, предприняв неуклюжую попытку защитить коммунизм во время пресс-конференции после возвращения в Москву, продолжая утверждать, что коммунизм можно трансформировать в позитивную силу. Это выступление показало, как далек он был от действительности, и выявило его истинные идеологические пристрастия. Это были безошибочные признаки. Эра Горбачева закончилась».

Ельцин возражает...

С момента, как Горбачев вернулся из Фороса, и до его отставки они с Ельциным встречались, по воспоминаниям Бориса Николаевича, восемь – десять раз. Ельцин сразу же потребовал, чтобы все кадровые назначения президент СССР согласовывал с ним. Услышав это требование, пишет Ельцин, «Горбачев посмотрел на меня внимательно. Это был взгляд зажатого в угол человека».

Тем не менее, первые послепутчевые назначения, причем важнейшие, Горбачев сделал без оглядки на Ельцина: министром обороны назначил бывшего начальника Генштаба Моисеева, председателем КГБ – бывшего заместителя Крючкова Шебаршина... На посту министра иностранных дел оставил Бессмертных.

Едва узнав об этих назначениях из сообщений информагентств, Ельцин позвонил Горбачеву (дело было ночью):

– Михаил Сергеевич, что вы делаете? Моисеев – один из организаторов путча. Шебаршин – ближайший человек Крючкова.

– Да, возможно, я не сориентировался, – стал оправдываться Горбачев, – но сейчас уже поздно, во всех газетах опубликован указ, его зачитали по телевидению.

Однако Ельцин не собирался отступать. Он чувствовал себя хозяином положения. Утром 23 августа он приехал к Горбачеву и сразу же потребовал отправить Моисеева в отставку. Разговор двух президентов развивался весьма драматично. Горбачев пытался возражать, но Ельцин стоял на своем. Наконец Горбачев сдался: «Я подумаю, как это исправить». Однако Ельцин не унимался: «Нет, я не уйду, пока вы при мне этого не сделаете. Приглашайте Моисеева прямо сюда и отправляйте его в отставку».

Горбачеву пришлось подчиниться.

Далее последовал уж и вовсе фантастический поворот беседы. Ельцину было известно, что как раз в этот день Моисеев распорядился уничтожить документы, особенно шифровки, подписанные им и относящиеся к путчу. Известна была даже фамилия офицера, которому было поручено этим заниматься, и его телефон. Ельцин передал Горбачеву листок бумаги, где они были указаны: «Попросите по этому телефону и просто спросите, чем этот человек занимается в данный момент».

Горбачев так и сделал – в присутствии Моисеева набрал написанный на бумажке номер. На вопрос президента СССР, какое указание он получил сегодня, офицер вынужден был ответить: «Я получил указание от генерала Моисеева уничтожить все шифровки, касающиеся августовского путча».

«Горбачев повернулся к Моисееву, – пишет Ельцин. – «Вам еще что-то неясно?» Генералу, только что назначенному на пост главы Минобороны, было ясно все...»

Думаю, вряд ли еще были случаи, когда министра снимали таким вот образом.

Горбачев и Ельцин договорились, что назначение новых «силовики» будет согласовано с главами республик.

Встреча десяти

Заседание «9+1» (эта математическая формула – девять республиканских лидеров плюс президент СССР – все еще сохранялась) началось в этот же день часа через два. По предложению Ельцина союзным министром обороны был назначен маршал авиации Евгений Шапошников, во время путча не подчинившийся Язову и не позволивший вовлечь в него подконтрольную ему военную авиацию. Председателем КГБ, опять-таки «с подачи» Ельцина, договорились сделать Вадима Бакатина. По словам Бориса

Николаевича, перед новым главой Лубянки стояла задача «разрушить эту страшную систему подавления, которая сохранилась еще со сталинских времен».

Это был поистине исторический момент, ставилась поистине историческая задача, открывавшая перед страной совершенно новые горизонты, горизонты свободы. Увы, она так и не была реализована. КГБ остался в целостности и сохранности, только сменил название. Более того, при Путине стал еще более могущественным и всевластным. У Ельцина не хватило воли, чтобы довести до конца самим же им и задуманное дело.

Настоял Ельцин и на том, чтобы Бессмертных был смещен с поста министра иностранных дел. Причина: «выполнял поручения ГКЧП, во все посольства ушли шифровки в поддержку ГКЧП, и всю внешнеполитическую службу он ориентировал на то, чтобы помогать путчистам». Вместо Бессмертных на пост министра договорились поставить посла в Швеции Бориса Панкина: «Он был одним из немногих послов, кто в первый же день переворота дал однозначную [отрицательную] оценку путчу».

Бальзамом на раны Горбачева было, что все участники заседания согласились: для нормализации обстановки в стране необходимо как можно скорее подписать Союзный договор. Опять договор... Видимо, еще не успели сориентироваться в совершенно изменившейся обстановке, продолжала действовать допутчевая инерция.

В прессе об этих событиях сообщалось довольно скупо. Мол, 23 августа утром Горбачев и Ельцин встретились в Кремле. Сначала говорили тет-а-тет, затем к ним присоединились руководители восьми республик, – тех, кто активно участвовал в новоогаревских переговорах. Перед встречей было сообщено, что на ней предполагается обсудить «широкий круг вопросов, в частности, касающихся дальнейшей доработки и процесса подписания Союзного договора, а также кадровую проблему». Однако журналисты ни на саму встречу, ни в кулуары допущены не были.

Переворот и «контрпереворот»

Эти первые странные горбачевские назначения, сделанные вроде бы скорее по небрежности, чем с каким-то умыслом, тем не менее насторожили Ельцина: «Руководить страной Горбачев назначал непосредственных помощников тех людей, которые

собирались его свергать». Кроме того, сохранялся в неприкосновенности сам механизм, аппарат путча, а это, по словам российского президента, «и был аппарат союзных структур, на всех уровнях функционирования и подчинения, который готов был привести в действие режим чрезвычайного положения», то есть нового путча. Такой угрозой Ельцин как бы оправдывал свои последующие действия по свертыванию союзных чиновничьих структур и передачи их функций российским структурам.

Хотя на самом деле вряд ли Ельцин боялся, что повторение путча возможно. Дело было в другом. Его стратегический замысел, по-видимому, был все тот же – предельно ослабить Центр, в максимальной степени лишив его этих самых подчиненных ему бюрократических структур, управляющих всей страной. Хотя к полной ликвидации его он в тот момент, скорее всего, не стремился. В сущности, до какого-то момента все как бы двигалось самосплавом, плыло по течению...

Со своей стороны, Горбачев и его окружение заподозрили, что вслед за попыткой переворота, в качестве ответной реакции, Ельцин готовит своего рода контрпереворот. Вадим Медведев прямо пишет в своих воспоминаниях: в окружении Горбачева обдумывались и обсуждались «эффективные меры по приостановке деструктивных процессов начавшегося контрпереворота и разрушения союзных структур».

Точнее было бы сказать не «и», а «то есть прежде всего...»: разрушение союзных структур, начатое Ельциным, в кругу приближенных Горбачева и считали контрпереворотом, хотя открыто об этом никто, разумеется, не говорил. Говорили между собой. Тот же Медведев, по его словам, 30 сентября разговаривал на эту тему с бывшим коллегой по Политбюро Александром Николаевичем Яковлевым, – поделился опасениями, что «провал путча выливается в контрпереворот, сопровождающийся пренебрежением законами, распадом страны, подменой союзных структур российскими и т.д.» Правда, какова была реакция Яковлева на эти опасения, Медведев не упомянул.

Горбачев, как мог, пытался противостоять тут Ельцину, но возможности его были невелики.

Горбачев держит ответ перед российскими депутатами

23 августа Горбачев встретился с членами российского Верховного Совета. Он еще не оправился после пережитого и не освоился в новой обстановке, держался не очень уверенно. Да и вообще, по оценке помощников Горбачева, сама эта встреча была довольно неудачной затеей.

Вадим Медведев:

«Накануне президент не нашел возможности поехать на заседание Верховного Совета Российской Федерации для того, чтобы высказать ему и Президенту России свою признательность за твердую позицию во время путча. Теперь же это была встреча не с Верховным Советом, работа которого закончилась, а с группой депутатов, журналистов, и она приобрела совсем другой характер. Президент оказался в унижительной роли. Он вынужден был отвечать на многочисленные, порой дерзкие вопросы и реплики в свой адрес, в митинговой, крайне неблагоприятной для него обстановке.

Во время этой злополучной встречи была разыграна еще одна драматическая страница августовской эпопеи: работникам ЦК КПСС под угрозой задержания предписано немедленно покинуть служебное здание. По-видимому, не случайно, что именно тогда Ельцин на встрече Горбачева с депутатами демонстративно подписал Указ о приостановлении деятельности Компартии РСФСР и организаций КПСС на территории Российской Федерации».

Да, это действительно была запомнившаяся многим унижительная для Горбачева сцена: Ельцин достает ручку и несмотря на робкие протесты президента СССР на глазах у всех подписывает этот сокрушительный указ (такие жесты – с прилюдным подписанием различных документов – вообще были характерны для него).

Тем не менее, в своем выступлении, – видимо, заставив себя успокоиться, – Горбачев вполне адекватно оценил все случившееся в последние дни. Сказал, что у заговорщиков были далеко идущие замыслы, прежде всего – «нанести удар по авангардным демократическим силам, которые на себе несут ответственность за демократические преобразования в стране». Путчисты полагали, что в результате проводимых в стране преобразований Союз оказался «на грани гибели, развала», что его ждут «национальные катастрофы», а потому народ их поддержит. Но народ – не

поддержал, выступил против. Говоря о том, «кто что делал в эти дни», Горбачев отдал должное позиции Российской Федерации и особо выделил «выдающуюся роль в этих событиях Президента России Бориса Николаевича Ельцина».

Отвечая на вопросы, президент коротко сказал о своем будущем политическом курсе. Правда, сказал довольно расплывчато и общо: «нужна мощная перегруппировка политических сил, нужны надежные властные структуры и расстановка сил, кадров, которая обеспечила бы продолжение реформ».

Конкретным был лишь один пункт, касающийся любимого детища Горбачева – Союзного договора:

– Мы должны идти, и быстрее, к Союзному договору. Ведь в общем-то именно подписание нового Союзного договора при всей его критике с разных сторон подстегнуло все реакционные силы предпринять этот путч, потому что они знают, что такое новый договор и его последствия.

По словам Горбачева, «все республики, все руководители республик высказывались за то, чтобы мы сейчас взаимодействовали вместе в рамках единого Союза».

Подобные слова он еще долго будет произносить, словно заклинание: все республики – за Союз. Будет говорить их даже и тогда, когда от Союза ничего уже не останется.

Горбачев, «глядя в глаза» собравшимся, признался, что он пережил тяжелейшую личную драму, близко столкнувшись с предательством и предателями: ведь в числе тех, кто привез ему ультиматум, были начальник его президентского аппарата Болдин, человек, которому он «полностью доверял», член Политбюро, секретарь ЦК Шенин, заместитель Горбачева по Совету обороны, бывший секретарь ЦК Бакланов...

Как говорилось в сообщении ТАСС, Горбачеву было задано немало «трудных» вопросов. На многие из них ему пришлось отвечать, «преодолевая смущение и самолюбие».

Горбачев больше не генсек

Во второй половине дня 24 августа Горбачев заявил, что слагает с себя полномочия генерального секретаря ЦК КПСС. Объяснил это тем, что руководство партии «не выступило против государственного переворота», «не сумело занять решительную позицию осуждения и противодействия, не подняло коммунистов на борьбу против попрания конституционной законности»; более того, «среди заговорщиков оказались члены партийного руководства», «ряд партийных комитетов, средств массовой информации (надо полагать, имелось в виду – партийных. – О.М.) поддержали действия государственных преступников».

Слагая с себя полномочия генсека, Горбачев призвал и ЦК КПСС принять «трудное, но честное» решение – самораспуститься.

Казалось бы странно: всего лишь двое суток назад Горбачев заявил, что «до конца» будет бороться за реформирование партии, за реализацию «обновленной» программы КПСС и вот... Конечно, сохранять это намерение, этот порыв можно было и расставшись с должностью генсека, оставаясь рядовым членом партии (из нее Горбачев не выходил), однако на практике... На практике, как мы понимаем, такие возможности у него резко сокращались, сокращались почти до нуля.

Не думаю, что Горбачев покидал свой пост с большим сожалением. Он собирался его оставить еще на апрельском пленуме того года. Но вообще-то, если задуматься, для сожаления, наверное, могли быть причины. В конце концов, именно благодаря этой своей партийной должности – генсека, – Горбачев получил возможность свершить главное дело своей жизни, великое дело – начать и достаточно далеко продвинуть гигантские демократические преобразования в стране, стать инициатором фантастических по своим масштабам изменений в мире.

Республики разбегаются

Сразу же после выступления ГКЧП республики начали энергично покидать пределы Союза.

(Тут, правда, надо напомнить, что первой, задолго до путча, 11 марта 1990 года, о своей независимости объявила Литва, второй, 9 апреля 1991 года, – Грузия).

20 августа независимость провозгласила Эстония, 21-го – Латвия, 24-го – Украина, 25-го – Белоруссия.

Катастрофа все ближе

«Министерство внешнеэкономических связей СССР 29 августа 1991 года информирует председателя Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР, что Внешэкономбанк прекратил выдачу гарантий по кредитным обязательствам СССР на закупленное импортное зерно и что это может привести к остановке его отгрузки и прекращению снабжения зерном предприятий страны».

«Контроль союзного государства за товаропотоками стал малоэффективным уже в 1990-м – начале 1991 года. Санкции по отношению к тем, кто срывает выполнение государственных заказов, были все менее действенными. После августовских событий способность союзных и республиканских министерств навязывать предприятиям объем производства, структуру распределения продукции приближается к нулю. Когда уходит страх перед властями, административная система регулирования товаропотоков перестает действовать. Одно из первых тревожных последствий провала путча – резкое падение государственных закупок зерна в Российской Федерации в течение недели, последовавшей за этим событием».

Если бы не было других причин для окончательного развала Союза, уже одной этой, именуемой параличом «системы регулирования товаропотоков», было бы, наверное, вполне достаточно.

ЗАЯВЛЕНИЕ ВОЩАНОВА

Тот, кто уйдет, пусть отдаст наши земли

26 августа пресс-секретарь российского президента Павел Вощанов сделал заявление, всколыхнувшее российских соседей, особенно некоторых. По словам Вощанова, в случае, если республики прекратят союзнические отношения с Россией, она «оставляет за собой право поставить вопрос о пересмотре границ; сказанное относится ко всем сопредельным республикам, за исключением трех прибалтийских...» Вощанов пояснил, что это заявление касается главным образом Крыма, Донбасса и Северного Казахстана, в которых живет значительный слой россиян: «Если эти республики (то есть Украина и Казахстан. – О.М.) войдут в состав союза с Россией, то проблемы нет. Но если они выходят, мы должны побеспокоиться о населении, которое живет там, и не забывать, что эти земли были освоены россиянами. Россия вряд ли согласится отдать их так легко».

Предупреждение серьезное. Ультимативное. Взрывное. Прежде всего, как уже сказано, обращенное к Украине и Казахстану. Смотрите, если вздумаете выходить из Союза!

А что будет, если они все-таки вздумают? Война? Возможно, и война. Распад империй, разделение государств почти всегда сопровождается войнами. У всех есть какие-то территориальные претензии друг к другу. По-другому почти никогда не бывает.

На первый взгляд, непонятно, почему столь важное заявление было поручено сделать второстепенному лицу, пресс-секретарю. Почему его не сделал сам Ельцин или кто-то близкий ему по рангу? Но загадки тут особой нет. Начать с того, что к этому времени Ельцин уже не раз выступал с заявлениями противоположного свойства: дескать, никаких территориальных претензий у нас ни к кому нет. Так, всего лишь десять дней назад, 17 августа, в Алма-Ате он категорически осудил требования парламентской группы «Союз» пересмотреть российско-казахстанскую границу и отстранился от претензий «союзников» на Крым. Его тогдашние слова: «Если перекраивать границы, конца этому не будет, будет вражда и кровь». Что верно, то верно. Однако не все в российских коридорах власти были согласны с этим. Кое-кто уговаривал президента изменить свою вегетарианскую позицию – кое-кому претензии все-таки можно было бы предъявить, какие-то земли действительно искони принадлежали России и были от нее отторгнуты лишь благодаря злему умыслу или просто неряшливости большевиков, в свое время «нарисовавших» границы так, а не этак; ну, а кроме того, возможно, убеждали Ельцина, угрозу территориальных претензий можно использовать как рычаг давления на соседей: если выйдете из общего союзного государства, кое-что мы попросим вас вернуть, если же останетесь с нами в Союзе, можете спать спокойно.

Возможно, Ельцин пошел на компромисс с уговаривающими его – вот, мол, пусть пресс-секретарь заявит о возможных претензиях. Пустим такой пробный шар. Посмотрим на реакцию. В случае чего заявление можно будет дезавуировать.

Впрочем, уже на следующий день, 27-го, Ельцин и сам сделал аналогичное заявление, причем ДВАЖДЫ – на встрече с Горбачевым, Назарбаевым, Акаевым и на отдельной встрече с Назарбаевым. Позиция российского президента: вопрос о пересмотре границ будет ставиться лишь по отношению к тем республикам, которые

выходят из Союза ССР; в отношениях же с союзными государствами Россия остается приверженной принципу неизменности существующих границ.

Эти противоречивые заявления Ельцина той поры вполне отражают колебания, которые он тогда испытывал – и по территориальным, и по многим другим вопросам. Он словно бы забыл, что всего лишь год назад подписал с Украиной и Казахстаном соответствующие договоры, где черным по белому было записано, что «стороны... заявляют об уважении территориальной целостности друг друга».

Реакция тех, кому были адресованы «пробные шары» – Воцанова и самого Ельцина – оказалась предельно резкой. Кравчук был возмущен заявлением кремлевского пресс-секретаря (в нем ведь прямо говорилось о претензиях России на Крым и Донбасс), в Киеве начались митинги протеста, а всегда дружески расположенный к Ельцину Назарбаев прислал ему телеграмму, где сообщал, что и в Казахстане «начал набирать силу общественный протест с непредсказуемыми последствиями».

Возникшую напряженность усиливали также речи других российских, достаточно высокопоставленных, деятелей. Например, московский мэр Гавриил Попов в своем телевыступлении 27 августа предложил отчленить от Украины в пользу России, кроме Крыма и части Левобережья, еще и Одесскую область с Приднестровьем. Эту же мысль он повторил на следующий день в разговоре с репортерами в Берлине.

Подобные речи также не прошли мимо внимания республиканских лидеров. Они не могли не связывать их с общими настроениями в российском руководстве.

Ситуация сложилась такая, что и дальше осложнять неожиданно обострившиеся отношения с двумя самыми крупными, после России, республиками Ельцин посчитал делом бесполезным, да, наверное, для него и неподъемным. Решил дать задний ход. По поручению Ельцина вице-президент Александр Руцкой слетал в Киев и Алма-Ату и подписал там и там коммюнике, в которых подтверждались подписанные ранее договоры между Россией и каждой из двух «обиженных» республик. В этих договорах (с Украиной – от 19 ноября 1990 года, с Казахстаном – 21 ноября того же года), еще раз напомню, содержались слова о взаимном уважении территориальной целостности.

В сущности, почти вся история человечества – это кровавая борьба за территории. В большинстве случаев люди, которые не могут поделить между собой тот

или иной кусок земли, берутся за оружие. Но здесь произошло исключение из правил: Ельцин не захотел крови, без боя уступил спорную землю. Благодаря этому его решению – к которому он пришел не сразу, не без колебаний, – война была предотвращена. Одни скажут ему спасибо, другие станут проклинать. И проклятиям этим – задарма отдал такие великолепные куски земли русской! – не будет конца. С ними Ельцин уйдет в могилу, они же будут преследовать его и после смерти. В глазах «державников» это навсегда останется одним из главных исторических преступлений «царя Бориса» перед Россией.

Сначала демократия и лишь потом – независимость?

Ряд российских деятелей, в том числе и демократов, вообще выказывал озабоченность стремлением «братских» республик к скорой независимости и, соответственно, к разрушению общего государства, независимо от пограничных проблем. Некоторые полагали: прежде чем разделяться и разбегаться, надо повсюду покончить с коммунистическими порядками, заложить хотя бы основы демократии. Так, Анатолий Собчак, выступая 26 августа на сессии Верховного Совета СССР, заявил, что, по его мнению, сначала надо «снять пудовые гири с ног страны», ликвидировать «пережитки коммунистических структур», и только после этого думать о независимости.

В общем-то, рациональное зерно в таком рассуждении имелось. Но оно носило главным образом теоретический смысл. Кто бы на практике, да еще в короткие сроки, сумел установить демократические порядки в таких республиках, как Азербайджан, Туркмения, Узбекистан, Таджикистан... да и Казахстан, и прочие республики? А времени ждать, пока все подтянутся к общему демократическому знаменателю, не было. Не говоря уж о том, что и в принципе – так сказать, для обозримого будущего – такая задача представлялась достаточно утопической. Еще и теперь, спустя двадцать лет, на бывшей территории СССР, за редкими исключениями, что-то нигде особо не видится четких демократических преобразований. Ох, как далеко почти повсюду до демократии! Ох, как долго пришлось бы ждать, пока она наступит на всей бывшей советской территории!

Из всех этих заявлений, не вдаваясь особенно в их глубинный смысл, республиканские лидеры опять-таки делали для себя только один вывод: вообще-то «в глубине души» Россия против их независимости, она желает сохранить за собой роль «старшего брата», добиться для себя статуса «нового Центр», диктовать им, что они должны делать, какие порядки у себя установить. И это не могло их не настораживать, не определять общую линию их отношений с Россией.

Назарбаев не хочет быть «младшим братом» России

Совершенно твердую и ясную позицию относительно того, каким он видит будущее союзного государства, занял Нурсултан Назарбаев. Уже 25 августа на внеочередной сессии Верховного Совета СССР он заявил:

– Для меня очевидно, что обновленный Союз уже не может быть федерацией... Хватит бежать вдогонку за ушедшим временем... Новоогаревский договор фактически является почти конфедеративным. Так что давайте честно признаем и поставим, наконец, все на свои места... Я призываю немедленно решить вопрос предоставления полной свободы республикам Прибалтики, Молдовы, Грузии и всем, кто выразил свое стремление к независимости законным демократическим путем... В новом Союзе не должно быть никакого союзного кабинета министров, никакого союзного парламента, кроме договорных отношений, в которые вступают республики... Я не мыслю себе других оснований, на которых Казахстан войдет в Союз с другими республиками... Казахстан никогда не будет «подбрюшьем» ни одного региона, и никогда не будет ничьим «младшим братом»...

В этой своей последней фразе Назарбаев, по-видимому, обыгрывал и отвергал тезис той самой статьи Солженицына «Как нам обустроить Россию?», где, если быть точным, «подбрюшьем» России назывались, правда, среднеазиатские республики, но при желании можно было подверстать сюда и Казахстан.

В тот момент, пожалуй, никто так определенно и однозначно не сформулировал, к чему теперь, после путча, должны стремиться бывшие союзные республики.

Впрочем, не у всех и было такое четкое представление, «что же будет с родиной и с нами». Преобладали выжидательные настроения и туман в головах.

Республики разбегаются

Республики тем не менее продолжали разбегаться. 27 августа независимой стала Молдавия, 30-го – Азербайджан, 31-го – Узбекистан и Киргизия.

Катастрофа все ближе

«В разговоре с послом Великобритании в конце августа 1991 года М.Горбачев так описывает валютно-финансовое положение Советского Союза: платежи по долговым обязательствам на следующие четыре месяца 1991 года – 17 миллиардов долларов. Экспорт за этот период оценивается в 7,5 миллиарда, еще 2 миллиарда можно мобилизовать за счет согласованных кредитных линий. Разрыв между потребностями и возможностями составляет 7,5 миллиарда долларов. Он просит страны Запада о двух миллиардах новых кредитов, которые необходимо предоставить в течение нескольких недель, о реструктуризации советского долга, упоминает о том, что Советский Союз нуждается в немедленной помощи в поставках продовольствия и медикаментов. В ходе этой беседы он еще раз повторил цифру в 100 миллиардов долларов, которые Запад потратил на войну в Заливе. Посол Р. Брейтвейт пообещал доложить о произошедшем разговоре своему руководству, но, как он сам пишет, без большой надежды на успех».

ПОБЕДА ЗАКРЕПЛЕНА

Три последние опоры старого Союза

Итак, после путча, который его инициаторами вроде бы был направлен на то, чтобы спасти советскую империю, она, напротив, стала стремительно разрушаться. В конце августа у нее еще оставались три главные опоры – президент, Верховный Совет и Съезд. Кроме того, правда, были разнообразные союзные властные структуры, но они играли в общем-то второстепенную роль. Главных властных опор было три.

Президент Горбачев лишь короткое время по возвращении из Фороса пребывал в растерянности – как быть, в какую сторону грести. Но быстро сориентировался, понял: в прежнем виде Союз сохранить уже невозможно, надо приложить все силы, чтобы,

включившись в набирающий обороты процесс его трансформации, спасти союзное государство ХОТЬ В КАКОМ-ТО ВИДЕ, предотвратить его полный и окончательный распад.

За вычетом президента, на пути этого не вполне ясного по своей сути процесса оставались две преграды, олицетворяющие старый Союз и вроде бы не собирающиеся расставаться с ним, – союзный Верховный Совет и Съезд народных депутатов СССР. Насколько серьезны эти препятствия, в общем-то тоже было не вполне ясно. По крайней мере, Съезд мог оказать достаточно серьезное сопротивление. Так или иначе, эти барьеры предстояло преодолеть.

Покаяние

Чрезвычайная сессия Верховного совета СССР открылась 26 августа, по горячим следам путча. Попытавшись захватить власть, гэкачеписты рассчитывали, что союзный парламент на своем ближайшем заседании узаконит их властвование. Я думаю, у них были достаточные основания для такой надежды. Но вот ведь, как обернулось дело: этим же самым людям – членам ВС, которые, надо полагать, вполне могли одобрить авантюру Янаева, Крючкова и К^о, – приходилось теперь приспособливаться к новым обстоятельствам, определять свое отношение к новой, совершенно неожиданной для них реальности.

Открывший сессию председатель Совета Союза Иван Лаптев начал свою речь словами покаяния:

– Кроме горя и боли, я испытываю великое чувство стыда. Здесь, в центре великого государства, кучка авантюристов нагло попирала надежды людей на закон и законность, на демократическое свободное развитие. А мы, Верховный Совет страны, его Президиум – первые гаранты законности – сделали вид, что нас это касается мало.

С покаянными словами выступил и Горбачев. Покаялся он в том, что проявил «либерализм и снисходительность» к тем, кто в предавгустовские дни выступал с «истеричными», «провокационными» заявлениями в печати, на пленумах ЦК КПСС,

открыто саботировал многие «перестроечные решения» и тем самым готовил почву для переворота.

– Никаких колебаний, никаких соглашений в дальнейшем с моей стороны не будет, – пообещал Горбачев. – Переворот – это урок.

Президент вновь выразил «безграничную благодарность сотням тысяч москвичей, которые вышли на улицы, бесстрашно глядя в дула автоматов и пушечные стволы, отстаивали свободу и законность», вновь особо отметил «огромную роль», которую «сыграли в организации срыва и разгрома переворота Борис Николаевич Ельцин, парламент России, жители Ленинграда, Киева и их руководители, позиция народов других республик».

Вслед за этим Горбачев перешел к тому, что более всего его волновало все последние месяцы, но что теперь предстало совсем в новом свете.

– Самое важное, – сказал он, – немедленное возобновление новоогаревского процесса и работы над подписанием Союзного договора. Он должен быть скорректирован с учетом тех горьких реалий, которые породил путч...

Следующая важная мера, которую Горбачев предложил уже в конце своего выступления – «немедленно после подписания Союзного договора нужно начинать предвыборную кампанию по выборам всех союзных органов законодательной и исполнительной власти, включая президента СССР».

Помимо прочего, этим Горбачев как бы хотел сказать, что он вовсе не держится за президентское кресло и отдает свою судьбу на волю народа. Собственно говоря, несколько позже он заявил об этом открытым текстом – пообещал уйти в отставку, если не удастся сохранить Союз как единое государство. Это угрозу он станет затем повторять постоянно, так что у слушателей мало-помалу станет накапливаться что-то похожее на раздражение. Однако в конце концов Горбачев действительно уйдет. Правда, – когда не уйти уже будет невозможно.

Наиболее значительным во второй половине дня сессии ВС опять было выступление Нурсултана Назарбаева. Как бы отвечая Горбачеву, он решительно заявил, что Союзный договор теперь не может быть подписан и что отныне речь вообще должна

идти не о федерации, а о конфедерации. По его мнению, будущее Союза – это «горизонтальные связи».

Как писала тогда «Российская газета», после этого и других выступлений «стало очевидно, что мы присутствуем при похоронах Советского Союза как единого федеративного государства».

«Самораспускаться» депутаты не желают

Однако не все депутаты были настроены миролюбиво и покорно по отношению к тем, кто одолел путчистов несколько дней назад. Во второй день сессии, не дожидаясь обеденного перерыва и с досадой покидая зал заседаний, Анатолий Собчак бросил журналистам:

– Я смотрю на многих, кто выходит сегодня к микрофонам и на трибуну, слушаю их и очень хорошо представляю, что и как они говорили бы в эти самые дни, если бы заговорщики победили.

Одним из главных побуждений многих выступавших было желание принизить роль тех, кто одержал победу над гэкачепистами. Сам-то союзный ВС, как уже говорилось, ничего не сделал для этой победы и, более того, по всем признакам, сочувствовал мятежникам. Я имею в виду – большинство депутатов. Еще одно владевшее многими желание – дезавуировать ельцинские указы, подписанные российским президентом в дни путча, и указы Горбачева, изданные им после возвращения из Крыма.

Учитывая отстраненную, созерцательную роль ВС во время путча, можно было бы ожидать, что наиболее совестливые из депутатов предложат этому органу самораспуститься. Такие предложения в самом деле раздались, однако не были поддержаны. Добровольно расстался с депутатской «корочкой» лишь один депутат – Генрих Игитян. На прощание он разъяснил, какова, собственно говоря, главная причина, почему его коллеги не желают последовать его примеру: купленные вне очереди автомобили, московские квартиры улучшенной планировки, спецпайки и спецмагазины – вот что, увы, интересует многих, кому страна доверила свою судьбу.

(Новому поколению россиян все это непонятно – что такое купленные вне очереди машины, спецпайки, чего уж за них так держаться, но в ту пору все это были великие привилегии, достававшиеся немногим избранным, и расставание с ними означало едва ли не полный жизненный крах).

О самороспуске возглавляемого им Комитета – конституционного надзора – заявил Сергей Алексеев. По его словам, в дни путча Комитет «действовал недостаточно энергично и эффективно».

Вот, пожалуй, и все. Весь ВС в целом не пожелал слагать свои полномочия.

Из немногих важных вопросов, которые решил Верховный Совет, – 28 августа, реагируя на указ Горбачева, подписанный четырьмя днями ранее (в нем содержалась предложение рассмотреть вопрос о доверии Кабинету министров СССР), он, Верховный Совет, соответственно, выразил этому Кабинету, то есть союзному правительству, недоверие, другими словами – отправил его в отставку. Впредь до образования нового правительства решать (вместе с республиками) все хозяйственные вопросы поручалось вновь создаваемому Комитету по оперативному управлению народным хозяйством СССР во главе с Иваном Силаевым.

Ельцин ожидает атаки со стороны реваншистов

Ельцин не удостоил своим присутствием сессию союзного Верховного Совета, хотя Иван Лаптев просил его выступить перед депутатами. Российский президент отдал предпочтение проходившему в те же дни Конгрессу соотечественников. Здесь на вопрос о том, как он относится к чрезвычайной сессии союзного парламента, Ельцин прямо заявил:

– Я считаю, что Верховный Совет СССР – соучастник путча... На чрезвычайном Съезде народных депутатов СССР, который откроется 2 сентября, скажу, что нынешний состав ВС СССР надо распустить.

И добавил:

– Заслуживает роспуска и сам Съезд, этот орган не нужен. Уже есть тревожные сигналы о том, что силы контрреволюции попытаются взять реванш, что, дескать, «на

Съезде мы захватим всю горбачевскую команду». Кажется, надо готовиться к большой схватке.

Ельцин подтвердил свою позицию: он за «очень серьезно» обновленный Союз, который не был бы, как раньше, орудием подавления республик.

«В Союз объединятся полноценные государства, а не призраки»

Эта позиция еще раз была провозглашена Ельциным 29 августа в выступлении по «Радио России». По его словам, ситуация в стране за дни после разгрома путча коренным образом изменилась. Основные рычаги власти выпадают из рук тех сил, которые десятилетиями управляли страной. Рушатся незыблемые ранее структуры партийного аппарата, КГБ и те органы государства, которые проводили в жизнь их волю. Происходит обвал союзного Центра, обвал той мощной бюрократической системы, которая шесть лет стояла на пути преобразований.

Вообще-то, если быть точным, коммунистическая бюрократия стояла на пути преобразований не шесть лет, а гораздо больше – считай, семьдесят четыре года. Но здесь, видимо, сказалось желание Ельцина в очередной раз «поддеть» Горбачева: шесть с лишним лет – это время его правления.

Однако развал Центра, продолжал Ельцин, – это еще не развал страны. Уже началось движение от монополии государственных структур в экономике к рынку, от всевластия и бесконтрольности бюрократического аппарата к демократии, от идеологического диктата КПСС к духовной свободе, от унитарного сверхцентрализованного общества к свободному Союзу суверенных государств.

И далее – как все-таки быть с тем, что республики одна за другой объявляют о своей независимости:

– Всех волнует судьба Союза, высказывается тревога о его будущем. Действительно, переворот нанес мощный удар по стране, сорвал подписание Союзного договора, усилил центробежные тенденции. Ситуация действительно сложная, но далеко не безнадежная. Постоянно встречаясь в эти дни с руководителями республик, разговаривая с ними по телефону, еще раз убеждаешься, что идея Союза себя не исчерпала, стремление создать новый, действительно свободный, действительно

добровольный союз суверенных и, подчеркиваю, равноправных государств по-прежнему сильна. События только уточнили наши представления о нем. Нас не должно пугать объявление рядом республик своей независимости. В Союз будут объединяться полноценные государства, а не призраки. Только тогда они получают возможность действительно делегировать в Союз ряд своих функций. Республики сами создадут новый Центр, органы управления по важнейшим направлениям, координации экономической реформы, вооруженные силы, ядерный потенциал и другие. Они четко определяют, какие органы власти необходимы на союзном уровне, очертят сферы их компетенции и структуры.

Такова была 29 августа 1991 года позиция Ельцина относительно Союза и Союзного договора: Союзу – быть (в форме ССГ), Союзный договор следует как можно быстрее доработать и подписать. Любопытно, что в тот момент Ельцин придерживался того же, довольно странного, взгляда на независимость республик, какому до конца был привержен Горбачев: независимость независимостью, но она ни в коей мере не мешает вхождению «независимой» республики в состав союзного государства. Независимые республики – это даже лучше для Союза: «в Союз будут объединяться полноценные государства, а не призраки».

Армия – общая, национальные гвардии – отдельные

В те дни постоянно возникали разговоры об армии и особенно о ядерном оружии: что с ними делать – делить, не делить? На упомянутой встрече Ельцина с Горбачевым, Назарбаевым и Акаевым 27 августа, как говорилось в отчете, «было высказано серьезное сомнение» в том, что целесообразно создавать отдельные национальные армии. Вместо них каждая республика может, наверное, создать небольшую национальную гвардию. Помимо прочего, такой подход диктуется и тем, что Советский Союз – ядерная держава: армию разделить еще можно, но вот ядерное оружие...

В выступлении по «Радио России» Ельцин подтвердил склонность к такому подходу:

– В дни переворота снова остро встал вопрос о перспективах Вооруженных Сил страны. Россия и другие республики убедились в необходимости создания

республиканских формирований по типу национальной гвардии... Для России национальная гвардия – три – четыре тысячи человек, чтобы иметь возможность защититься от таких ситуаций, которая была 19, 20 и 21-го числа... Вместе с тем и другие республики, и Российская Федерация имеют твердое мнение, что должны существовать единые Вооруженные Силы Союза. Категорически исключается какой-либо раздел стратегического оружия между республиками, что могло бы создать дополнительную угрозу миру.

...Разговоры о национальной гвардии и единых Вооруженных Силах закончатся довольно скоро.

Ночь перед съездом

Не один Ельцин опасался, что внеочередной V Съезд станет площадкой для продолжения боя, начатого 19 августа. «На предстоящем Съезде народных депутатов СССР вполне возможно продолжение разгромленного путча, но уже, так сказать, в конституционных рамках», – писала в те дни «Российская газета»

Уже на сессии Верховного Совета выявилась одна из целей, которую попытаются достичь на съезде противники Горбачева и Ельцина, – внести раскол между ними, да и вообще между президентом СССР и главами республик. Надо было заранее подготовиться к этому, нейтрализовать такую попытку.

Ночью перед открытием съезда в Кремле собрались Горбачев и руководители десяти республик. Задача была – договориться о каком-то совместном документе, который можно было бы вынести на съезд. Преобладало мнение, что в итоге своей работы, приняв другие необходимые решения, Съезд должен самораспуститься. Но вот вопрос – захочет ли он это сделать? Верховный Совет не захотел. В конце концов, Съезд по-прежнему оставался высшим органом законодательной власти. Если не захочет добровольно уйти со сцены, что тогда? Разгонять его силой, как большевики в 1918-м разогнали Учредительное собрание? Надо было составить документ таким образом, чтобы свести к минимуму желание депутатов возражать против самоликвидации.

Видимо, уже совсем оправившись от августовского шока, Горбачев во время этого ночного бдения действовал разумно и решительно.

«Во время работы над этим документом, – пишет Ельцин в своих мемуарах, – Горбачев все время шел на компромиссы, не обращал внимания на мелочи, держался согласованной позиции с главами республик. Он сильно изменился после августа. Объявляя о своем суверенитете, одна республика за другой резко меняли политический расклад в уже бывшем – это становилось определенно ясно для всех – Советском Союзе. В новой реальности Горбачеву оставалась только одна роль – объединителя разбегавшихся республик».

Огласить совместное заявление, подписанное Горбачевым и главами десяти республик, поручили опять-таки Нурсултану Назарбаеву, наиболее активному в те дни среди республиканских лидеров.

Назарбаев читает заявление

Вадим Медведев:

«2 сентября, когда я направился к Кремлевскому Дворцу съездов, мне был задан вопрос (этот сюжет вечером передали и по телевидению):

- Какая задача стоит перед предстоящим съездом?
- Начать работу.
- А потом?
- Продолжить работу.

В общем, это подтвердилось. И начать, и в особенности, продолжить работу съезда оказалось делом довольно трудным...»

Действительно еще до открытия съезда, минут за пятнадцать, перед микрофонами выстроились депутаты из наиболее агрессивной, наиболее реакционной группы «Союз». Было ясно, что на Горбачева вновь, как и на сессии Верховного Совета, обрушится град

обвинений и вопросов все с тем же обвинительным уклоном. Съезд сразу же будет уведен в сторону, выгодную явным и скрытым сторонникам разгромленных гэкачепистов.

Однако председательствовавший на съезде Иван Лаптев, не обращая внимания на рвущихся выступить от микрофонов, сразу предоставил слово «для специального заявления» казахскому президенту.

В заявлении, которое зачитал Назарбаев, намечались меры «для предотвращения распада СССР».

«В результате государственного переворота, совершенного 19-21 августа сего года, – говорилось в этом документе, – был сорван процесс формирования новых союзных отношений между суверенными государствами, что поставило страну на грань катастрофы...

В этих условиях законно избранные высшие руководители страны в лице Президента СССР, президентов и председателей Верховных Советов республик... согласились с необходимостью:

1. Подготовить и подписать всеми желающими республиками Договор о Союзе Суверенных Государств, в котором каждая из них сможет самостоятельно определить формы своего участия в Союзе.

2. Обратиться ко всем республикам независимо от декларируемого ими статуса с предложением безотлагательно заключить экономический союз с целью взаимодействия в рамках единого свободного экономического пространства и для нормального функционирования народного хозяйства...

3. В условиях переходного периода создать:

– Совет представителей народных депутатов по принципу равного представительства от союзных республик... с целью выполнения законодательных функций и разработки новой Конституции Союза Суверенных Государств;

– Государственный Совет в составе Президента СССР и высших должностных лиц союзных республик для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы республик;

– для координации управления народным хозяйством и согласованного проведения экономических реформ создать Межреспубликанский экономический комитет с представительством всех республик на паритетных началах...

4. Заключить Соглашение о коллективной безопасности в области обороны в целях сохранения единых Вооруженных Сил и военно-стратегического пространства...

7. Просить Съезд народных депутатов СССР поддержать обращение союзных республик в ООН о признании их субъектами международного права и рассмотрении вопроса об их членстве в этой организации».

Проект Конституции ССГ, когда он будет подготовлен, предлагалось рассмотреть и утвердить сначала в парламентах союзных республик, а потом окончательно принять – на Съезде полномочных представителей союзных республик.

Поскольку ряд мер, предлагаемых авторами заявления, требовал вторжения в Конституцию СССР, они, авторы, обращались к Съезду с просьбой временно приостановить действие соответствующих статей Конституции.

Чтобы ослабить вполне предсказуемое сопротивление депутатов разгоняемого Съезда (как мы видели, его предлагалось заменить Съездом полномочных представителей союзных республик), авторы заявления предлагали сохранить за всеми избранными депутатами статус народных депутатов СССР на весь срок, на который они были избраны.

Заявление подписали президент СССР, руководители РСФСР, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Киргизии, Таджикистана, Армении и Туркмении.

Кстати, это был последний документ «в пользу» Союза, хотя и трансформированного, который подписал украинский лидер Леонид Кравчук. Как

показали дальнейшие события, он и его подписал формально, не придавая большого значения своему автографу.

Депутаты одобряют, но... возражают

Итак, в заявлении были намечены три главных направления, по которым следовало двигаться, – Союзный договор, экономическое соглашение, соглашение о коллективной безопасности, предусматривающее единые Вооруженные Силы. Вокруг этих вопросов и пойдут дальнейшие споры и борения. Уже тогда было видно, что легче всего, хотя бы «в принципе», будет наладить экономическое взаимодействие. Что касается Союзного договора, соглашения о коллективной безопасности на основе единых Вооруженных Сил, – тут все было покрыто «тайной мрака».

Уже и в этот момент было видно, что намечающийся Союзный договор будет сильно отличаться от того проекта, который был подготовлен перед путчем.

На рассмотрение депутатам был предложен и еще один документ, подписанный президентом страны и руководителями республик, документ, так сказать, процедурный. Съезду предлагалось, как говорится, не «разводить турусы на колесах», а закончить все дискуссии за три дня, в повестку же вместо девяти пунктов, которые предложил Верховный Совет, внести один-единственный главный вопрос – зачитанное Назарбаевым Совместное заявление «10+1».

После того, как были оглашены два этих заявления – все заняло несколько минут – все тот же Иван Лаптев сразу же объявил перерыв, – чтобы депутаты, дескать, смогли бы обсудить предложенное.

Депутаты были в недоумении: зачем, почему? Кто-то пытался протестовать. Долго не расходились из зала, обменивались мнениями, что бы такие новации могли означать. Самые сметливые догадались: это некий «упреждающий удар».

Заседание возобновилось лишь через четыре часа. Выступавшие в основном одобряли предложенные меры. Но были и резкие, протестующие речи.

Резко против Совместного заявления и против тяги республик к независимости выступил депутат Самарин. Депутат Оболенский – тот самый, который в свое время произвел шок, выдвинув самого себя в спикеры Верховного Совета, в противовес

Горбачеву, – вещал с трибуны о подлом вероломстве, предательстве, политической проституции авторов заявления и сочувствующих им:

– Группа руководителей беззастенчиво присвоила себе право определять, как нам жить дальше... Главы палат нас предали... Назарбаеву была отведена роль матроса Железняка... Хватит относиться к Конституции, как к публичной девке, приспособливая ее к прихотям очередного царедворца...

Однако все республиканские депутатские группы голосованием внутри каждой группы, большинством голосов, высказались в поддержку Совместного заявления и тех радикальных мер, которые в нем предлагались.

Когда закончилось вечернее заседание первого дня, на Красной площади депутатов встретили тысячи людей, образовавших живую цепь от Спасских ворот до гостиниц «Москва» и «Россия», где жили депутаты. Обращаясь к ним, люди скандировали: «Са-мо-рос-пуск! Са-мо-роспуск!»

Ельцин обвиняет Центр и Горбачева

Во второй день съезда на нем выступил Ельцин. Он говорил о кризисе власти, высшей точкой которого и стал недавний путч. Главной его мишенью стал союзный Центр.

– Августовский переворот не был случайным, – сказал Ельцин. – Он явился закономерным результатом той политики, которая проводилась в стране. Уже длительное время в Советском Союзе существует и все более углубляется кризис власти. Союзное руководство из месяца в месяц действовало фактически вслепую, не имело четкого политического курса. Провозглашая правильные лозунги, на практике всячески тормозило их осуществление... С прошлого года активную роль в стране стали играть республики. Союзные структуры, отвергающие все новое, заняли по отношению к ним резко конфронтационную позицию. Около года длилась фактически холодная война между Центром и республиками. В союзных структурах так и не смогли понять, что обретение республиками... суверенитетов – это не «происки демократов», а объективная тенденция нашего времени. Были надежды, что Съезд и Верховный Совет СССР смогут начать генеральную реконструкцию Центра... К сожалению, этого не произошло. В дни

путча в стране не было высшей законодательной власти, не было парламента. Руки хунты были развязаны. Своим бездействием Верховный Совет обеспечил ей режим наибольшего благоприятствования. Если говорить в целом, до последнего времени союзный Центр по сути оставался неизменным. Он безнадежно отстал от страны, перестал понимать, какие процессы в ней идут. В нем решающую роль продолжала играть партократия, чья позиция по отношению к переменам хорошо известна. И когда стало ясно, что страна окончательно выходит из-под контроля высших партийно-государственных структур, решили, использовать крайнее средство – насилие по отношению к миллионам граждан, по отношению к своей стране. Решили с помощью силы вернуть страну в прошлое.

Дошла речь и до Горбачева.

– Оценивая причины путча, – продолжал Ельцин, – не могу не сказать о роли президента страны. Его непоследовательность в проведении реформ, нерешительность, а порой и капитуляция перед агрессивным натиском ущемленной в правах партократии – все это создавало благоприятную почву для реванша тоталитарной системы. Не думаю, что Михаил Сергеевич не знал истинной цены Янаева, Крючкова, Пуго, Язова и других. Вспомним январь этого года, когда страна с тревогой ощутила: курс президента Горбачева делает резкий крен вправо. Позиции сдавались одна за другой, усиливалась репрессивная роль КГБ, узаконивалось участие армии в решении политических проблем, ужесточился контроль над средствами массовой информации.

Но Ельцин вовсе не собирается, подобно многим в то время, пригвоздить Горбачева к позорному столбу, он верит, что путч стал для него уроком:

– Да, сегодня мы вправе предъявить претензии Горбачеву. Подчеркиваю – претензии, но не счет. После переворота страна, и в первую очередь Россия, стала иной. Иным стал и президент. Он нашел в себе силы многое переоценить. Это шаг, достойный доверия. Я, например, лично верю сегодня Горбачеву Михаилу Сергеевичу значительно больше, чем даже три недели назад, до путча.

(А до путча, когда была закончена работа над проектом Союзного договора, у них с Горбачевым, как мы знаем, сложились совсем неплохие отношения. Вспомним хотя

бы их и Назарабаева встречу 29 июля в Ново-Огареве перед отъездом Горбачева в отпуск).

Чем же должен, по мнению Ельцина, заниматься президент СССР и вообще союзные органы власти? По его словам, главное, чем они должны теперь, в новых условиях, делать, – не раздавать команды и директивы, а согласовывать и координировать действия республик. Путчисты сорвали подписание Союзного договора, но, как считает Ельцин, не смогли уничтожить стремление республик построить новый Союз. Стал необратимым развал тоталитарной империи, а новые добровольные, равноправные отношения между республиками выстояли. Именно это не допустило анархии и хаоса в стране, высшие государственные органы которой оказались деморализованы и парализованы. Именно республики сегодня – главный источник стабилизации. Стремление подмять их, заблокировать только подтолкнет страну к катастрофе.

Все это очень важные слова. Многие до сих пор держатся мнения, что Ельцин люто ненавидел Горбачева, все делал для того, чтобы отстранить его от власти, ради этого готов был даже пойти на развал страны. В действительности, мы видим, после путча он как бы давал Горбачеву шанс нащупать правильную линию поведения, чтобы и страну сохранить, и самому остаться в политике. Другое дело, оставался ли в реальности такой шанс. Как на деле осуществить это ельцинское пожелание: президент СССР и союзные органы власти должны просто «согласовывать и координировать действия республик»? Вряд ли это дело президента, – скорее просто обыкновенного диспетчера.

Что теперь делать

Далее в речи Ельцина излагались краткие тезисы – что вообще надо делать. Первое – сохранить единое экономическое пространство страны. Второе – создать Союз как свободное содружество суверенных государств, основанное на сосуществовании различных форм межгосударственных отношений.

– Вот в этом мы должны немножко отойти от новоогаревских соглашений, – сказал Ельцин. – То есть мы должны согласиться, что могут быть независимыми республики, которые настаивают на конфедерации и на федерации, на ассоциированном

членстве и на экономическом союзе, но все-таки чтобы они были в какой-то единой системе.

Третье, на чем настаивал Ельцин, – сохранение союзных Вооруженных Сил при неременном контроле центра над ядерным арсеналом СССР. Четвертое – обеспечение строгих гарантий и прав человека на всей территории страны. Российское государство, избравшее демократию и свободу, никогда не будет империей, ни старшим, ни младшим братом. Оно будет равным среди равных.

Такова была послепутчевая программа Ельцина, в общем-то совпадающая с тем, что содержалось в заявлении «10+1».

В выступлениях руководителей большинства республик прослеживалась все та же главная линия: республики более не намерены подчиняться Центру.

Горбачев выпускает вожжи из рук

Итоги дискуссии второго дня съезда подвел Горбачев. Он признал, что допустил ряд промахов и ошибок, но при этом отверг хамские выпады в свой адрес и утверждения, будто на съезде произошел «конституционный переворот». Напротив, сказал Горбачев, если все предлагаемое в Совместном заявлении будет реализовано, мы предотвратим неконтролируемый распад страны.

В третий день съезда Горбачев на нем председательствовал. Заседание было разбито на две части. Две первые прошли довольно бестолково, однако третью часть президент повел вроде бы весьма решительно, заявив своим противникам, прежде всего из оголтелой группы «Союз», опять-таки рванувшимся к микрофонам, что не даст утопить обсуждение важнейших для страны вопросов в потоке бессмысленных заклинаний. Однако осуществить эту свою решимость Горбачеву не удалось. Когда он предложил приступить к обсуждению итоговых документов съезда – «О Совместном заявлении» и «Об органах государственной власти в переходный период» – и поставил этот вопрос на голосование, большинство депутатов проголосовали «за», однако на табло почему-то высветилось «Решение не принято». То ли это был просто технический сбой, то ли чья-то умышленная провокация, но возникшего замешательства оказалось достаточно, чтобы Горбачев выпустил председательские вожжи из рук. От микрофонов

и с трибуны вновь посыпались обвинения в адрес Горбачева, Ельцина и К°, нацеленные против их предложений, подстрекавшие депутатов к бунту.

Третий день съезда также прошел безрезультатно, в режиме дискуссионного клуба.

День четвертый, завершающий

В этот день вновь председательствовал Горбачев. И на этот раз настроен он был еще более решительно и серьезно. Едва только один из депутатов попытался возобновить бесконечную дискуссию о судьбе Верховного Совета, – сохранить его или распустить, – как Горбачев распорядился отключить все микрофоны:

– Хватит. У нас было достаточно времени предложить свои поправки и редакционной комиссии, и другим формированиям съезда. К тому же вчера в течение нескольких часов заседали республиканские делегации, которые выработали общее мнение и общие подходы к принимаемым документам.

Началось поименное, постатейное голосование по проекту постановления «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период».

Первый абзац первой статьи, содержащий общие слова о том, что высшим органом законодательной власти в переходный период будет двухпалатный Верховный Совет СССР, принимается. Двумя третями голосов. Но уже со вторым абзацем – прокол. Его переголосовывают трижды – нужного результата нет. Между тем абзац очень важный. В нем говорится о том, что Совет Республик – основная теперь палата Верховного Совета СССР – формируется по принципу: 20 депутатов от каждой республики из числа народных депутатов СССР и союзных республик, делегируемых высшими органами власти этих республик; России предоставляется здесь 52 места как федеративному государству, имеющему в своем составе бывшие автономные образования; чтобы все республики были равноправными при голосовании, каждая республика имеет один голос. Иными словами, реальная власть теперь будет – у республик, которые на месте СССР в дальнейшем собираются создать какое-то Содружество Суверенных Государств. Депутаты против этого.

Что делать в такой ситуации? «Российская газета»:

«Перед Горбачевым стояла дилемма: либо объявить перерыв и начать вновь бесконечные согласования и пересогласования, либо «власть употребить». Он остановился на последнем. Если, мол, не будет принят этот абзац, вся дальнейшая работа теряет смысл, а потому съезд будет попросту закрыт. Подействовало, еще как подействовало! Далее принятие многократно проработанного и переработанного документа двигалось как по маслу. Будет у нас теперь и Совет Республик как главенствующий законодательный орган, и Государственный Совет из президента СССР и высших должностных лиц союзных республик – оперативный орган, способный реагировать на самые острые ситуации совсем не так, как среагировал в дни путча союзный, с позволения сказать, парламент. Упраздняется должность вице-президента. Создается Межреспубликанский экономический комитет, который в состоянии и управлять народным хозяйством, и согласованно проводить экономические реформы. А вот не будет, как небеспочвенно надеются сейчас очень многие люди, в том числе и прогрессивная часть народных депутатов СССР, аппаратных игр в парламенте, многомесячного пустословия и десятков никому не нужных, ни в одной точке не пересекающихся с жизнью законов, которые штамповало послушное политически настроенному идеологу путча (Лукьянову. – **О.М.**) «агрессивно-послушное большинство».

Этот пассаж газета завершала весьма пафосно:

«Да, победа демократии, достигнутая на баррикадах у Белого дома, развита в зале Кремлевского дворца съездов!»

Среди органов государственной власти Съезд народных депутатов СССР не упоминался, то есть фактически 5 сентября 1991 года он сам себя распустил.

Республики разбегаются

Между тем, независимо от того, что происходило в Кремлевском дворце съездов, а может быть, и параллельно этому, развал Союза продолжался. В сентябре независимость провозгласили: 9-го – Таджикистан, 23-го – Армения.

«Меморандум Бурбулиса»

После съезда Ельцин сразу удалился на отдых в Сочи. Уезжал он вроде бы на пару недель, но отдых затянулся, вызывая недовольство всех, кто после подавления путча ждал от российского президента дальнейших решительных и энергичных действий, – начала настоящих реформ в стране. Но такие провалы после периодов кризиса, когда Ельцин действовал на полную силу, были характерны для него.

24 сентября к Ельцину, расслаблявшемуся на черноморском побережье, наведался государственный секретарь Геннадий Бурбулис. Он привез российскому президенту документ, который, возможно, сыграл существенную роль в представлении Ельцина, куда именно следует грести в сложившейся обстановке. Горбачев даже считал, что эта роль была едва ли не решающей. А возможно, она таковой и была. Документ назывался «Стратегия России в переходный период», а позже получил неофициальное название «Меморандум Бурбулиса», или, по-другому, «Аналитическая записка Бурбулиса».

В «меморандуме» был анализ чрезвычайной ситуации, сложившейся в стране, и предложения, что следует без промедления делать, подготовленные группой Егора Гайдара, в которую входили Владимир Машиц, Андрей Нечаев, Алексей Головков, Константин Кагаловский, Андрей Вавилов, другие люди.

В документе говорилось, что следует различать политическую обстановку до путча и после него: до августа республики сообща боролись против Центра, после него между Россией и ее бывшими коллегами по Союзу обозначились противоречия. В значительной мере они были объективными, связанными с различным уровнем развития экономики, запасами природных ресурсов, но в какой-то степени и субъективными – не все республики одинаково представляли себе, в какую сторону, теперь, после очевидного развала Союза, им следует двигаться в своем историческом развитии. Эти противоречия и начинал использовать Центр.

«Объективно России не нужен стоящий над ней экономический Центр, занятый перераспределением ее ресурсов, – говорилось в «меморандуме». – Однако в таком Центре заинтересованы многие другие республики. Установив контроль над собственностью на своей территории, они стремятся через союзные органы перераспределять в свою пользу собственность и ресурсы России. Так как такой Центр может существовать лишь при поддержке республик, он объективно, вне зависимости от

своего кадрового состава, будет проводить политику, противоречащую интересам России».

Отсюда делался вывод, что России следует взять курс на экономическую независимость при «мягком», «временном» политическом союзе с другими республиками, то есть создавать не декларируемое, а подлинно независимое российское государство с собственной валютой, собственным бюджетом, национальным банком, собственной налоговой системой, таможенной и пограничной службами... Создавать государство, которое начало бы наконец серьезные экономические реформы – прежде всего на своей территории.

Сильный лидер плюс команда профессионалов

Заключительная часть «меморандума» была посвящена тому, какова должна быть РОЛЬ ПРЕЗИДЕНТА в преодолении хозяйственного кризиса и восстановлении экономического роста, то есть в решении той задачи, которая стала ЦЕНТРАЛЬНОЙ для России после победы над коммунистическим тоталитаризмом. Для ее решения, по мнению авторов, требуется, во-первых, высокое общественное доверие к политическому лидеру и, во-вторых, высокий профессионализм исполнителей.

Эта проблема, говорилось в «меморандуме», не представляет собой что-то уникальное, встретившееся лишь в России. С ней сталкиваются повсюду в мире, в любой стране, пытающейся выкарабкаться из кризиса, добиться экономической стабилизации. Провал таких попыток происходит либо из-за того, что слабой оказывается политическая власть, либо по причине, что сильные политические фигуры пренебрегают советами экономистов-профессионалов.

Первый вариант провала продемонстрировали Бразилия с 1950-го по 1964 год и начиная с середины восьмидесятых, после ухода от власти военных, Аргентина в период с 1955-го по 1967-й и с 1983-го по 1991-й, Чили – с 1951-го по 1973-й, Польша – с 1982-го по 1990-й, Югославия – с 1989-го по 1991-й.

Второй вариант, когда сильные политические лидеры, пользующиеся широкой народной поддержкой, действовали вопреки советам профессионалов, показали миру Аслан Гарсиа в Перу с 1985-го по 1990-й, Лопес Портильо в Мексике с 1976-го по 1982-

й, Сальвадор Альенде в Чили с 1970-го по 1973-й, Сукарно в Индонезии в начале шестидесятых...

Путь к успеху открывался лишь при взаимодействии сильных, популярных лидеров и экономистов-профессионалов. Примеры: Маргарет Тэтчер в Великобритании в 1979 – 1983 годы, Филипе Гонсалес в Испании в восьмидесятые, Мексика в конце восьмидесятых... В качестве положительного примера авторы «меморандума» приводят даже Ленина в 1921 – 1923 годы, то есть в годы нэпа...

Когда популярным демократическим лидерам, пренебрегающим советами профессионалов, не удастся решить задачи стабилизации, их решают лидеры непопулярные, но опирающиеся на аппарат принуждения. Таковыми были Аугусто Пиночет в Чили в 1973 – 1989 годы, бразильские военные в 1964-м – 1973-м, аргентинские военные в 1967-м – 1971-м, южнокорейские военные с начала шестидесятых, тайваньский авторитарный режим с середины пятидесятых, индонезийские военные с середины шестидесятых... Еще одна возможная опора в такой ситуации – оккупационные войска. Здесь самые известные пример: Германия и Япония в конце сороковых.

Ситуация, сложившаяся в России, не представляет собой чего-то совсем исключительного. В общих чертах профессионалам известно, что и в какой последовательности надо делать в подобных ситуациях: постараться ликвидировать или хотя бы сократить бюджетный дефицит, остановить неконтролируемый рост денежной массы, провести либерализацию цен, восстановить конвертируемость валюты, открыть экономику и провести структурные реформы.

Что уникально в случае России – то, что переживаемый ею инфляционный кризис наложился на политический развал тоталитарной империи, на спад производства, неразвитость предпринимательства, на отсутствие «цивилизованной рыночной среды».

Далее в «меморандуме» следует как бы прямой призыв к Ельцину (вся надежда на него):

«Сейчас в стране есть только один политик – президент России, авторитет (харизма) которого **пока достаточен для проведения стабилизационной политики**. Если этот авторитет будет растрочен, само развитие ситуации подтолкнет к усилению

консервативной оппозиции, которая, используя растущую социальную апатию населения и снижение жизненного уровня, блокирует проведение прогрессивных экономических и политических преобразований».

И довольно грозное предупреждение, – что будет, если президент упустит время, не использует свой авторитет для проведения решительных, хотя и тяжелых реформ:

«Сейчас особенно важно осознавать, что политический лидер, пришедший к власти демократическим путем на волне **популярности**, но побоявшийся идти на непопулярные меры, с течением времени становится **непопулярным**, превращаясь в глазах народа в очередного социального демагога. Для харизматического лидера лучше быть непопулярным в начале трудного пути реформ, чем популистские заигрывания без реального продвижения к намеченным целям... Время, отведенное для энергичных и профессионально подготовленных действий, сжимается подобно «шагреновой коже».

В этих словах, как видим, в значительной степени содержится предсказание и того, как сложится будущее самого Ельцина, и каким окажется будущее российских реформ. К сожалению, популярность Ельцина упала раньше, чем удалось довести реформы до конца.

Шила в мешке не утаишь

«Меморандум» имел гриф «Сугубо конфиденциально». Причина конфиденциальности была в общем-то понятна: будь он открытым, он, с одной стороны, несомненно, вызвал бы раздражение Центра, а с другой – союзных республик.

Несмотря на свою конфиденциальность, текст довольно скоро стал известен Горбачеву да, наверное, и республиканским лидерам (шила в мешке не утаишь). Лидеры, надо полагать, «напряглись», хотя открыто и не высказывались. Что касается Горбачева, тот не думал скрывать свой гнев. Он цитирует «меморандум» до сих пор, особенно напирая на те места, где Россия противопоставляется другим республикам и где речь идет об антироссийских, какими их видели авторы, устремлениях Центра.

Да, собственно говоря, весь «меморандум» – это в основном программа для России, без оглядки на Центр, и на другие республики.

Кроме того, в тексте немало положений, в которых можно усмотреть «коварные замыслы» авторов. Вот лишь некоторые примеры из перечня мер, которые авторы рекомендуют президенту и будущему «правительству реформ»:

«6. Скрытое инициирование работы по созданию экономического сообщества без участия властных структур Центра, в котором Россия, в силу своего геополитического положения, производственного и сырьевого потенциала займет место неформального лидера. Учитывая опасения республик, особенно малых, перед возможным гегемонизмом России, использование на первых порах тактики «теневого лидерства». Укрепление особого статуса России в экономическом и геополитическом пространстве через политику «круглого стола»...

7. Декларирование отказа от претензии на роль нового Центра при одновременном вымывании властных полномочий союзного Центра и создании институтов Сообщества, во многих из которых Россия фактически доминирует (военно-политический блок, банковская и финансовая система «зоны рубля», топливно-энергетический и транспортный комплекс, научно-технический потенциал)».

То, что Россия, вытеснив союзный Центр, может сама занять его место, – такого развития событий действительно, как огня, боялись другие республики. Подозрения в таких намерениях России и вообще-то никогда не покидали республиканских лидеров, а тут вот они эти намерения – прописаны на бумаге черным по белому. Хотя и конфиденциально. Что, впрочем, еще опаснее.

Или еще такая рекомендация:

« – провести конфиденциальные переговоры с руководством Вооруженных Сил о том, что единственный способ сохранить армию – постепенно сделать ее российской».

Превратить советскую армию в российскую не удалось. Украина, например, быстро «приватизировала» армейские части, расположенные на ее территории. Возможно, – как раз прознав о намерениях российских «братьев». Или просто заподозрив их в таких намерениях. Что было нетрудно.

Разумеется, не всем рекомендациям авторов «меморандума» Ельцин в дальнейшем следовал, однако само наличие такого документа и таких рекомендаций вынуждало республиканских лидеров «держаться ухо остро».

Ельцин выбирает Гайдара

«Меморандум», привезенный Бурбулисом в Сочи, они с Ельциным обсуждали целую неделю. Обсуждали подробно – каждый тезис, каждый пункт. В интервью, опубликованном в книге «История новой России», Бурбулис вспоминает:

– Ему (Ельцину. – **О.М.**) нужно было решить для себя: еще подождать, когда кто-то принесет более удобный план, и не потребуются идти на столь кардинальные меры, или согласиться, что каждый день промедления – это потеря реальной перспективы с непредсказуемыми последствиями. Эта тяжелейшая внутренняя работа потребовала от Ельцина мужества, мудрости и интуиции... Он и все мы понимали, что на нем лежала личная ответственность за этот выбор.

Когда Ельцин согласился с основными идеями, встал вопрос: кто их реализует? Бурбулис предложил, чтобы это делали те, кто и подготовил концепцию экономической реформы. Договорились, что он познакомится с Егором Гайдаром по возвращении в Москву. Встреча, по словам Бурбулиса, состоялась в начале октября.

В разговоре со мной (мы беседовали в апреле 2009 года) Егор Тимурович назвал несколько иной промежуток времени:

– Когда Борис Николаевич вернулся из Сочи, он пригласил меня для разговора об экономических проблемах России, – это было где-то 15 – 20 октября.

Думаю, это некоторое различие в называемых сроках не существенно.

Бурбулис:

– Ельцин удивился молодости Гайдара, но не менее удивился его способности четко, ясно и наглядно объяснять задачи и идеи. Причем фундаментально новые задачи и принципиально новые идеи. Это импонировало Борису Николаевичу, мышление которого было ориентировано на предельную ясность... Он убедился, что у Гайдара есть не только идеи, но и четкое представление, как их воплощать, увидел спокойную уверенность человека, который готов это делать.

Кандидатура Гайдара была утверждена.

Катастрофа все ближе

«Масштабы озабоченности международного сообщества финансовым положением СССР иллюстрирует письмо заместителя председателя Правления Внешэкономбанка СССР Ю.Полетаева руководителю Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР И. Силаеву (11 сентября 1991 года):

«...Внешэкономбанк СССР через свое представительство в Нью-Йорке провел переговоры с рядом американских банков. Однако ни один из этих банков не намерен в настоящее время участвовать в предоставлении кредитов СССР. Позиция американских банков объясняется нежеланием принятия на себя какого-либо... риска в связи с нестабильностью и неясностью экономического и политического положения СССР».

«Замминистра финансов СССР В.Раевский и замминистра экономики и прогнозирования СССР В. Грибов в Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР (27 сентября 1991 года):

«...Запасы товаров определяются наличием их в торговле на начало дня. Учитывая, что большая часть товаров немедленно распродается, практически можно считать, что рубль не имеет сегодня товарного обеспечения... Товарно-денежная несбалансированность экономики, обусловленная указанной диспропорцией, усугубляется огромным размером неудовлетворенного спроса населения, который накапливался годами и по данным Госкомстата СССР достиг 233 миллиардов рублей... Совокупный бюджетный дефицит по бюджетной системе в целом в зоне обращения рубля составит до 300 миллиардов рублей. Дефицит такого размера является катастрофой для финансов и денежного обращения. В то же время он не оставляет шансов на существенное реальное выправление положения до конца года... В настоящее время вклады населения в сберкассах распределены между республиками и являются банковскими ресурсами. Между тем вся сумма вкладов населения, достигшая с учетом

индексации более 600 миллиардов рублей, целиком и полностью использована для формирования внутреннего государственного долга».

УКРАИНА УХОДИТ...

Вместо Ленина – желто-голубой флаг

После путча все более ясно становилось, что главную роль в распаде Союза будет играть Украина (эта ее лидирующая роль наметилась еще летом). Как уже говорилось, она провозгласила независимость 24 августа, через два дня после того как были арестованы главные зачинщики путча, провозгласила ее третьей после Эстонии и Латвии (те объявили о независимости, соответственно, 20-го и 21 августа, когда путчисты еще были на свободе). Если же вести общий счет, здесь она была пятой – лидировали, напомню, Литва и Грузия.

Дальнейший путь Украины, вплоть до конца 1991 года, – стремительный и необратимый уход из Союза.

Очередная сессия Верховного Совета Украины открылась 3 сентября. Входящим в зал депутатам сразу же в глаза бросалась демонстративная смена символов: вместо скульптуры вождя мирового пролетариата над головой председателя реял желто-голубой флаг. После, кто не знал, узнали: этот флаг побывал на московских баррикадах. Так что был двойным символом – не только символом рождающегося независимого государства, но и победы над путчистами, фактически принесшей Украине независимость.

Выступивший на сессии председатель Верховного Совета Украины Леонид Кравчук, – он только что вернулся из Москвы, – рассказал о последних событиях в бывшей союзной столице (там еще продолжался Съезд народных депутатов СССР), о настроениях среди руководителей республик. При этом, рассказывая, он, уже «от себя», явно усиливал «антисоюзную» линию, присутствующую в этих настроениях, да и, помимо этого, кое-что добавлял «от себя».

– Последние недели, – сказал Кравчук, – продемонстрировали... полное неприятие такого объединения, как СССР. Об этом четко высказались и руководители республик в Москве, которые определились в следующем: подписание или неподписание Союзного договора полностью передается на усмотрение республик. О таком подходе еще двадцать дней назад нельзя было и говорить.

По словам Кравчука, центр политической жизни вообще переместился сейчас из Москвы в республики. Сегодня можно говорить только о создании временных межреспубликанских структур на переходный период демонтажа СССР. О реанимации союзных органов не может быть и речи. Они полностью недееспособны.

Спикер назвал и срок этого самого «демонтажного» переходного периода, – по его мнению, он продлится до конца 1992 года.

Кравчук заявил также, что единая Конституция СССР – не нужна, хотя, как мы видели, в заявлении «10+1», которое подписал и Леонид Макарович, задача создания нового текста единой конституции – конституции ССГ – ставилась вполне определенно. Эта задача потом переключалась в постановление Съезда.

Еще один тезис Кравчука: суверенитет республик стал реальностью, вполне достаточно, чтобы его подтвердили собственные народы, никакого другого

подтверждения не требуется. Так что для Украины сейчас главная задача – провести республиканский референдум, где народ выразил бы свое отношение к акту независимости – поддерживает он его или не поддерживает.

Думаю, мало кто сомневался, что этот акт получит полную поддержку, однако на всякий случай или, скорее, просто ритуально, Кравчук заявил, что «окончательную победу праздновать рано».

С желто-голубым флажком на капоте

В двадцатых числах сентября Кравчук совершил первую официальную зарубежную поездку в качестве главы независимого государства. Это был визит в Канаду. Аэродром, где его встречали, был украшен канадскими и украинскими, желто-голубыми, флагами. Капот автомобиля, на котором Кравчук ездил по канадской земле, соответственно, украшал желто-голубой флажок.

Пресса отмечала, что визит этот был запланирован еще в ту пору, когда Украина не только не помышляла о независимости, но и входила в число республик, собиравшихся подписать Союзный договор. Вот ведь какие быстрые перемены случились...

Кравчук подписал с канадцами Декларацию об отношениях между Канадой и Украиной. Некоторая двусмысленность этого документа проистекала из того, что Украина все-таки, строго говоря, еще не имела статуса международно-признанного суверенного, независимого государства, что там еще только ожидался референдум о независимости. Поэтому в Декларации содержалась не очень привычная для таких случаев, довольно расплывчатая формулировка: обе стороны будут уважать волеизъявление украинского народа в определении дальнейшей формы отношений между Канадой и Украиной на основе международного права. Дескать, как народ решит, так и будет. В общем, это была как бы не совсем декларация об отношениях – скорее, декларация о намерениях.

Еще один, тоже демонстративный, шаг к независимости, сделанный Кравчуком во время канадского визита, – он договорился с одной из местных фирм, что та возьмется печатать украинские денежные банкноты и построит на Украине типографию ценных

бумаг. Этот шаг совершенно определенно, даже более определенно, чем Декларация, говорил, что Украина более не собирается участвовать ни в каком едином союзном государстве – ни в СССР, ни в ССГ, ни в чем там еще...

После Канады Кравчук посетил еще Соединенные Штаты...

Сначала экономика, потом – политика

О твердых и непреклонных намерениях Украины уйти из Союза в ту пору, естественно, говорил не один Кравчук, но и другие киевские руководящие чиновники. Впрочем, тут были некоторые вариации. Премьер Украины Витольд Фокин как хозяйственный руководитель в основном нажимал на необходимость заключения Экономического соглашения между республиками. Об этом он сказал, в частности, в интервью «Независимой газете» 11 октября, по окончании заседания союзного Госсовета, в котором он все-таки еще участвовал и где как раз обсуждался вопрос о Союзном договоре (интервью было опубликовано 15 октября). Его слова:

– Что касается политического договора, то, я полагаю, о нем не может быть и речи до тех пор, пока мы не определим уровень экономических связей... А политический договор, видимо, станет у нас предметом обсуждения только после 1 декабря, когда на Украине будет проведен референдум... Экономика должна иметь преимущественное значение перед политикой.

Понятное дело, после украинского референдума, – результат которого было нетрудно предугадать, – обсуждение Союзного договора, как представлялось, для Украины станет и вовсе не актуальным.

Журналист задал Фокину и «провокационный», традиционный в ту пору вопрос, – дескать, как он относится к тому, что, «по мнению многих наблюдателей, российское правительство и российский Госсовет стремятся закрепить свою руководящую роль в еще только создаваемом сообществе?» Имелось в виду Экономическое сообщество. Ответ Фокина был вполне предсказуемо раздраженным и определенным:

– Вижу, вы меня все время подводите к идее «старшего брата». Если уж так, то, я думаю, не только Украина, но и ни одна из республик не согласится с таким

неравенством. Конечно же, мы против того, чтобы преемником всего союзного аппарата управления стала Россия. Почему? На каком основании?

Украину уговаривают не уходить

Понимая, что без Украины никакое единое государство невозможно, лидеры других республик, еще сохранявшие, по крайней мере, внешне, «объединительные» намерения, пытались уговорить Украину не покидать их ряды. Такие уговоры, без сомнения, с большой интенсивностью велись кабинетно, закулисно, но кое-что делалось и на публике, – чтобы все знали, какие энергичные усилия тут предпринимаются, чтобы потом не было на этот счет никаких упреков.

22 октября «Известия» опубликовали обращение Горбачева и руководителей восьми республик к депутатам Верховного Совета (Верховной Рады) Украины. В нем, в частности, говорилось:

«...Мы глубоко убеждены, что решить насущные проблемы своего развития, построить достойное будущее для себя и своих потомков наши народы могут только сообща... Свобода и независимость – это и предпосылки для объединения народов на подлинно добровольной и равноправной основе. Такой Союз жизненно необходим. За это говорят вся история нашего многонационального государства и укоренившиеся традиции жизни наших народов. За это – насущные потребности многих миллионов людей, фундаментальные международные факторы. Столетиями наши народы творили вместе великую духовную культуру. Разойдись они сегодня, – это была бы невозвратная потеря и для каждого из них, и для мировой цивилизации».

Приводились тут и «экономические» аргументы в пользу единства:

«Мы знаем, в каком, состоянии сейчас наша экономика. Но факт, что она десятилетиями развивалась в рамках единого народнохозяйственного комплекса, разорви в двух-трех узлах эту плотную ткань – и поползет, распадется все полотном».

Собственно говоря, против экономического «единства» никто в ту пору не возражал, в том числе и Украина, но для вящей убедительности, как видим, использовались и такие доводы против разбегания в разные стороны.

Очень нажимали тогда сторонники сохранения единства на действительно беспокоивший всех, особенно зарубежье, фактор ядерного оружия:

«...СССР остается одной из двух крупнейших ядерных держав. На нас лежит ответственность и перед собственным народом, и перед всем миром за то, чтобы эта страшная сила была под надежным контролем».

Конечно, говорилось в обращении, прежний Советский Союз показал себя не очень хорошо («еще далеко не выветрились из памяти многие негативные, явления, связанные с жесткой унитарной моделью государственного устройства»), однако новый Союз будет совсем-совсем другим:

«...Теперь речь идет о новом Союзе, в котором сами основы экономического и политического устройства, социально ориентированная рыночная экономика, политический и идейный плюрализм, многопартийность будут служить гарантией свободного развития каждой нации и каждого гражданина».

Содержалась в обращении и вполне практическая просьба к депутатам Верховного Совета Украины (прежде всего именно ради нее, надо полагать, обращение и было написано) – чтобы представители Украины приняли участие в уже открывшейся в Москве 21 октября сессии Верховного Совета СССР нового созыва (эти представители на сессию не приехали).

«Скажем прямо, – говорилось в обращении, – мы не представляем себе Союза без Украины. Убеждены, что и многонациональный народ Украины не мыслит будущего без союзнических отношений со всеми народами нашей страны, с которыми его связывает многовековая история».

Пока что складывалось убеждение, что украинцы-то как раз свое будущее без союзнических отношений вполне мыслят.

Обращение вместе с Горбачевым подписали Ельцин, Шушкевич, Назарбаев, Каримов, Муталибов, Акаев, Ниязов, Искандеров.

Украинцы на сессии так и не появились.

Союзный ВС угасает...

На первую в новом составе сессию Верховного Совета СССР – как уже сказано, она открылась 21 октября, – свои делегации прислали семь республик – Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан. От Азербайджана и Молдавии присутствовали лишь наблюдатели.

Центральным событием, как ожидалось, должна была стать речь Горбачева. Увы, она разочаровала.

Он, правда, произносил высокие, даже высокопарные слова, но за ними не было ничего конкретного.

Видимо, стремясь возвысить депутатов в собственных глазах, Горбачев сказал, что на долю Верховного Совета СССР выпала важнейшая миссия – обеспечить преемственность власти в условиях переходного периода, то есть, по существу, миссия Учредительного собрания.

Вряд ли такое сравнение всем показалось вдохновляющим: у всех на памяти была краткость миссии того упомянутого Горбачевым стародавнего выборного органа, быстро разогнанного большевиками.

Горбачев перечислил те цели, которые стоят «перед нами» – рыночное хозяйство, экономическая и политическая свободы, гражданское общество и правовое государство. Актуальнейшие проблемы, стоящие перед обществом, по его мнению, – это «судьба нашей государственности» и ускорение экономических реформ.

Однако ничего конкретного о том, как достигать эти цели, решать эти проблемы, Горбачев не сказал. В основном все сводилось к призывам принять «энергичные меры», «сделать решительный прорыв», «коренным образом изменить»...

Многие оценили речь Горбачева как довольно вялую, не содержащую ничего нового. А отсюда, естественно, возникал вопрос и о самом Верховном Совете: нужен ли он?

– Речь Михаила Сергеевича примерно такая же, как и многие его предыдущие, – сказал в интервью «Российской газете» член Совета Союза академик ВАСХНИЛ Алексей Емельянов. – Все правильно, вплоть до того, что Волга впадает в Каспийское море. А куда же ей деваться? Но ведь вопрос в другом – как сделать так, чтобы в Волге была вода. Мне его сегодняшнее выступление напомнило то, которое было... в ноябре

прошлого года. Все это лишь благие пожелания, протокол о намерениях. О них можно было говорить полгода назад. Сегодня самый главный вопрос в том, что работа нового союзного парламента должна быть производной от того, каким будет Союз.

Но какая же тут производная, если самого Союза уже фактически нет? Говоря языком математики, производной не остается ничего другого, как уйти в небытие вслед за самой функцией.

Катастрофа все ближе

«Бюджетный кризис приводит к дальнейшему расстройству денежного обращения. Руководству Госбанка СССР сложившаяся ситуация представляется катастрофической. Из письма председателя правления Госбанка СССР В. Геращенко в Государственный совет СССР (24 октября 1991 года):

«Происходит неудержимый рост денежных доходов населения, которые за 9 месяцев 1991 года возросли по сравнению с соответствующим периодом 1990 года на 63 процента... В III квартале 1991 года практически – в два раза. В октябре этот процесс продолжается... Потребительский рынок характеризуется дефицитностью практически по всем видам товаров, растет неудовлетворенный спрос на товары и услуги, усиливается спекуляция... Усилия Госбанка СССР по регулированию массы денег в обращении не дают необходимых результатов, так как банковская система по существу разобщена, национальные банки республик в ряде случаев не выполняют указания Госбанка СССР и проводят свою политику, противоречащую интересам стабильности общей денежной единицы».

РОССИЯ НЕ УХОДИТ, НО... ГОТОВА УЙТИ

Ельцин продолжает держаться за Союз

В отличие от Кравчука Ельцин долго держался за Союз. По крайней мере, явно не хотел, чтобы его считали инициатором развала страны. Выступая 18 октября на Всероссийском съезде судей, он так и сказал:

– Россия никогда не выступит инициатором развала Союза. Наоборот, считаю своим долгом использовать все возможности для создания содружества суверенных государств. Иначе россияне, живущие как в РСФСР, так и за ее пределами, нас просто не поймут.

В дальнейшем эта угроза, – что россияне его «не поймут» в случае, если он согласится с развалом советской империи, как-то станет меньше пугать российского президента.

Впрочем, бывают ведь такие ситуации, когда приходится выбирать между различными угрозами.

Ельцин сказал, что корректировка послепутчевого курса российским руководством «в основном завершена». В частности, «существенно пересмотрена» позиция в отношении Центра: прекращается «затяжное, изматывающее сосуществование с ним».

– Теперь задача в том, – сказал Ельцин, – чтобы в скорейшее время демонтировать остатки унитарных имперских структур и создать мобильные и дешевые межреспубликанские структуры.

Ельцин напомнил о своем недавнем решении прекратить финансирование союзных министерств, кроме трех – Министерства обороны, МПС и Министерства атомной энергетики.

Наконец, Ельцин заверил слушателей: в условиях, когда в Союзе нарастают «центробежные тенденции», приходится думать о защите «экономического суверенитета» России – в частности, от возможной рублевой интервенции со стороны республик в случае введения ими национальных валют.

Здесь уже как бы предугадывалось: возможно, экономическую жизнь России придется налаживать, экономические реформы проводить в отдельности от других республик, – если Союз все-таки развалится, фактически развалится. То есть излагалась та самая идея, о которой шла речь в «Меморандуме Бурбулиса».

«Объективно Союза уже нет»

26 октября 1991 года я беседовал с Геннадием Бурбулисом. Разговор происходил в Белом доме в комнате отдыха, примыкающем к кабинету госсекретаря. Подробно говорили о ситуации в стране.

Я спросил моего собеседника, скоро ли наступит момент, когда Россия решится заявить о своей независимости и выйти из Союза.

– Или она будет терпеливо дожидаться своей последней очереди после Туркмении? – добавил я.

– Наша позиция такова, – сказал Бурбулис, – мы сделаем все, чтобы переговоры, имеющие целью создать новое содружество, прошли плодотворно. Сейчас делается попытка создать Союз Суверенных Государств в режиме конституционного государства. Тем самым нас возвращают к старым формам существования. Мы против этого. Мы за Союз Суверенных Государств, в котором Россия была бы полноценным, независимым, дееспособным и достойным государством.

Короче говоря, ССГ «в режиме конституционного государства» российское руководство не устраивает (а Бурбулис в этом руководстве был тогда фактически вторым человеком). Я продолжаю допытываться, готов ли президент и его окружение выйти из Союза, занять по отношению к нему такую же отстраненную позицию, как Украина.

– Объективно Союза уже нет, – отвечает Бурбулис. – Существует некая юридическая конструкция в лице президента СССР, в лице этих новых образований переходного периода... Поэтому есть два варианта: либо мы будем иметь новый Союз, который на равных правах формируют независимые полноценные государства, – мы за такой Союз, – либо мы будем существовать без такого Союза.

Республики разбегаются

Последней, 27 октября, о своей независимости объявила-таки Туркмения.

В принципе, наверное, здесь бы и можно было поставить точку: если все республики, входящие в состав страны – за исключением России (та 12 июня 1990 года заявила лишь о суверенитете), – стали независимыми от этой страны, то, по всем законам логики, страны больше нет. Однако каким-то непостижимым образом, хоть и в общипанном виде, страна все же продолжала существовать еще почти два месяца, причем все это время продолжалась яростная борьба за ее жизнь.

Россия самостоятельно начинает экономические реформы

28 октября с трибуны V съезда народных депутатов РСФСР Ельцин выступил с обращением к народам России и к съезду. Заявил о своей решимости «безоговорочно встать на путь глубоких реформ» и попросил о поддержке.

– Положение напряженное, – сказал Ельцин. – Трудно с продовольствием, товарами первой необходимости. На грани разрушения финансовая система. Инфляция достигла критической точки. 55 процентов семей живут ниже черты бедности. Обстановка не улучшается...

Главная причина такого положения – многолетнее владычество коммунистов.

– Нам досталось тяжелое наследство. Только после распада Центра полностью раскрылась бездна, в которой оказалась экономика – промотанный золотой запас, исчерпанные валютные резервы, долги. Кризис достиг той фазы, когда только быстрые и решительные меры могут спасти ситуацию.

Но при этом в стране – «паралич власти».

Досталось от Ельцина союзным властям. «Консервативный Центр», «репрессивная система управления», «бюрократический пресс» – вот лишь некоторые характеристики, которые он им дал.

После путча политика российских властей меняется:

– Надо сказать откровенно – [до путча] мы исходили из того, что, пробивая реформы, предстоит длительное противостояние сильному Центру и на этом строили всю свою политику. Целый год каждый маленький шаг, даже попытку шага приходилось отвоевывать. После поражения путча такая линия изжила себя.

Ну да, Центр обессилел, теперь воевать с ним не требуется, ему можно диктовать свою волю.

Ельцин предупредил, что с 1 ноября, то есть через три дня, Россия прекращает финансировать союзные министерства и другие учреждения Центра, существование которых не оговорено Договором об экономическом сообществе.

А какие органы и учреждения там оговорены? Это Совет глав правительств – членов Экономического сообщества, Межгосударственный экономический комитет, Банковский союз, Арбитраж Экономического сообщества. Немного, прямо скажем. Но и они не имеют к Союзу никакого отношения.

При этом всем межгосударственным органам Ельцин отводил ЛИШЬ КОНСУЛЬТАТИВНО-КООРДИНИРУЮЩУЮ РОЛЬ.

Бросил Ельцин камень и в огород союзных республик:

– Крайне непросто строятся новые отношения между суверенными республиками. Даже те вопросы, которые казались простыми, решаются медленно и болезненно. Резко возросшие центробежные тенденции обострили и без того сложное положение в народном хозяйстве, усилили спад производства.

Позиция, касающаяся Союза, места в нем России, была сформулирована в обращении довольно четко:

– Россия не ставит перед собой цели возвыситься в ходе реформ над соседями, провести их за счет тех или иных республик. Мы готовы тесно сотрудничать в деле преобразований с дружественными суверенными государствами. Реформы в России – это путь к демократии, а не к империи. Россия не допустит возрождения и нового командного Центра, стоящего над ней и другими суверенными государствами. Она станет гарантом того, что диктата сверху уже не будет. Межреспубликанские органы призваны играть только консультативно-координирующую роль. Реальную власть теперь осуществляют республики. И поэтому Российская Федерация должна будет вести самостоятельную политику, действовать, исходя из национально-государственных интересов, а не по навязанному ей шаблону. В отношениях с бывшими членами Союза, которые станут проводить курс на искусственное обособление от экономического и политического сообщества, Россия будет исходить из норм международного права. Экономические связи с такими государствами будут базироваться на мировых ценах.

В общем у России в отношении Союза позиция иная, чем у Украины, не приемлющей никакого варианта Союза. Правда, Ельцин верит, что Кравчук, лидеры других «не присоединившихся» республик подпишут Договор об Экономическом сообществе. Более того, он «не теряет надежды и на заключение политического договора».

Но – очень важный момент! – российский президент не исключает и возможности иного оборота:

– Если этот процесс по каким-либо причинам закончится неудачей, Россия сможет взять на себя ответственность правопреемницы СССР. Но сами этот процесс подталкивать не будем. Наша позиция в отношении Союза остается прежней.

(6 ноября Украина действительно подписала Договор об Экономическом сообществе, но ни о каком Союзном договоре по-прежнему не хотела слышать).

Правда, и с Договором об Экономическом сообществе тоже не все так просто. Ельцин пожаловался, что ряд «суверенных государств» бывшего Союза уже начали либерализацию цен, не дожидаясь России, так что российские фиксированные цены оказались для них «сверхпривлекательны». По словам Ельцина, в последнее время «идет буквально рублевая интервенция в Россию», покупают товары, а взамен оставляют «деревянные» рубли, тем самым увеличивая и без того огромный разрыв между денежной и товарной массой. Поэтому Россия вынуждена создать свою таможенную – на базе союзной.

В Договоре об Экономическом сообществе никаких таможен на границах членов сообщества не предусматривались. Так что, как видим, отступления от Договора начались довольно быстро.

В общем в обращении Ельцина прозвучали два противоречащих друг другу мотива. Формально он – за сохранение Союза, хотя и не уверен, что его удастся сохранить, вместе с тем сама программа российских экономических реформ, которые предлагал Ельцин, была мощным ударом по Союзу, поскольку ее собирались проводить, не особенно оглядываясь ни на Центр, который уже был на последнем издыхании, ни на другие республики:

– Я обращаюсь к руководителям государств, формирующихся на базе бывшего Союза. Россия решительно встала на путь радикальных реформ. Мы призываем республики идти по этому пути вместе. Скоординированные действия облегчат движение. **НО У НАС НЕТ ВОЗМОЖНОСТИ УВЯЗЫВАТЬ СРОКИ РЕФОРМ С ДОСТИЖЕНИЕМ ВСЕОБЪЕМЛЮЩИХ МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКИХ СОГЛАШЕНИЙ ПО ЭТИМ ВОПРОСАМ** (выделено мной. – **О.М.**) Россия признает право каждой республики определять свою собственную стратегию и тактику в экономической

политике, **НО ПОДСТРАИВАТЬСЯ ПОД ДРУГИХ МЫ НЕ БУДЕМ** (выделено мной. – **О.М.**) Время топтания на месте для нас прошло.

Всего лишь десять дней назад восемь республик, в том числе Россия, Ельцин, подписали Договор об Экономическом сообществе. Главное в нем – как раз координация экономической политики, экономических реформ. Но вот этого договора словно бы уже и нет.

Реакция Горбачева на обращение Ельцина

С обращением Ельцина Горбачев ознакомился, будучи в зарубежной поездке. Забавно, что свою первую реакцию ему пришлось излагать в беседах с зарубежными деятелями – лидерами США, Испании, Франции.

В разговоре с американским президентом Джорджем Бушем (старшим) он сказал, что некоторые аспекты ельцинской речи у него «вызывают беспокойство». Горбачев совершенно точно подметил, что, с одной стороны, Ельцин подтверждает свою позицию «за Союз», а с другой – по некоторым вопросам у российского президента «налицо отход от положений, включенных в проект Союзного договора», над которым они вместе работали.

– Есть опрометчивые, хлесткие формулировки по вопросам государственности...
– добавил Горбачев.

Он посетовал, что Ельцин «подвергается давлению определенных людей», которые «навязывают» ему «иную» концепцию, нежели та, на которой они вроде бы остановились в личных разговорах – концепцию заключения Союзного договора.

– Они (то есть люди из окружения Ельцина. – **О.М.**) утверждают, что Россия должна сбросить с себя это бремя, уйти от других республик и идти вперед сама. Я разговаривал с Борисом Николаевичем и он заверил меня, что понимает, к чему это привело бы. Это вызвало бы огромные трудности и у России, это значило бы несколько лет больших потрясений. А для других республик это было бы катастрофой... Ельцин понимает это, но, к сожалению, он подвержен влияниям определенного рода людей.

Что ж, «иная концепция», о которой говорил тогда Горбачев, в общем-то действительно содержалась, как мы видели, в «Меморандуме Бурбулиса», подготовленном этими самыми нехорошими людьми, на которых жаловался Горбачев.

И «несколько лет больших потрясений» России действительно пришлось пережить. Но никто не доказал, что у нее был тогда другой путь.

Вместе с тем Горбачев сказал Бушу, что «в целом» ему сейчас нужно будет поддержать Ельцина: «Потому что если пойдут реформы в России, то они пойдут и в других республиках».

В следующей беседе, в которой, кроме Буша, участвовали король Испании Хуан Карлос и испанский премьер Фелипе Гонсалес, Горбачев повторил ту же двойственную оценку ельцинского обращения:

– В речи есть подтверждение необходимости Союза, говорится, что Россия не будет разваливать Союз, но есть вещи, которые уводят от договоренностей, зафиксированных в проекте Союзного договора, который мы с ним разослали в республики.

И вновь – жалобы на то, что Ельцин слишком подвержен влиянию своего нехорошего окружения:

– ...Он работает в контакте со мной, в последнее время мы взаимодействуем довольно тесно, очень интенсивно работали над Союзным договором. Но он – хотя и производит впечатление человека сильного, уверенного – в действительности очень легко поддается влияниям, в частности влиянию определенных сил, людей, которые говорят: России надо сбросить это бремя, республики только мешают, союз с ними невыгоден, и надо идти вперед самостоятельно... И один из сопровождающих меня здесь людей, Егор Яковлев, сказал: прочитав эту речь, можно сказать: Ельцин будет разрушать Союз, но так, чтобы свалить вину на другие республики... Его, честно говоря, на сутки нельзя отпустить. Работаешь с ним, договариваешься, а потом оказывается, что надо начинать сначала.

Кто же «дурно влиял» на Ельцина?

Итак, «зловредное» окружение Ельцина мало-помалу настраивало его на то, что предстоящие тяжелые экономические реформы окажутся для России несколько легче, если она будет проводить их самостоятельно, не оглядываясь на другие республики (эта мысль, как мы видели, прозвучала и в обращении российского президента). Вот что, однако, любопытно: первоначально все-таки работа над программой реформ велась, когда вопрос о разделении Союза на части еще не стоял в практической плоскости, и это была совершенно иная ситуация, нежели когда республики разбежались; когда же эксперты переключились с программы, условно говоря, «российские реформы в составе Союза» на программу «российские реформы вне Союза»? Беседую об этом с главным российским реформатором Егором Гайдаром (разговор – в апреле 2009 года).

– Тема распада Советского Союза, возможности такого распада, стала подниматься в наших внутренних дискуссиях (в дискуссиях молодых экономистов из круга Гайдара. – **О.М.**) где-то с 1988 года, – говорит Гайдар. – Но я тогда еще считал, что Советский Союз в каком-то трансформированном виде будет сохранен. То, что его сохранить, по всей видимости, не удастся, для меня стало абсолютно ясно по состоянию на 22 августа 1991 года. Но в значительной степени это стало казаться невероятным еще раньше – после того как Михаил Сергеевич Горбачев отказался от союза с Борисом Николаевичем Ельциным в реализации программы «500 дней».

Ну, это в общем-то частные разговоры, частные представления. А как с практической работой над планом реформ? Свои экономические реформы Гайдар и его группа готовили, исходя из предположения, что Советский Союз сохранится, или уже предполагая, что распад неминуем?

– До августа 1991 года, до путча, – скорее исходя из того, что страна сохранится в целости, – отвечает Гайдар. – После 22 августа – исходя из того, что крах Советского Союза уже произошел.

– Но ведь он тогда еще не совсем произошел...

– Как он не совсем произошел, если на следующий день Кравчук вызвал к себе командующих тремя расположенными на Украине округами и сказал им, что теперь они подчиняются ему? А после этого подчинил себе пограничную службу и таможенную, через

которую проходила основная часть товарного потока. Если то же самое сделали прибалтийские страны.

Если быть точным, Кравчук объявил себя Верховным главнокомандующим украинских Вооруженных Сил, подчинив себе три военных округа, расквартированные на Украине, и Черноморский флот, лишь после Беловежья (канцелярия Горбачева получила сообщение об этом 13 декабря). Но в общем-то такие порывы у него действительно были и раньше...

– Ну, Прибалтика была уже отрезанным ломтем...

– Ну, а что у нас таможня на границе с Балтикой была, что ли, оборудована? Не было таможни. Далее, центральные банки союзных республик перестали оглядываться на Госбанк и начали сами печатать деньги. У Союза в тот момент уже не было никаких налоговых поступлений... Это что – существующая страна? В общем де-факто Союз уже не существовал – в силу того, что не было ни границ, ни таможни, ни единой денежной системы, ни налоговых поступлений...

Многие считают: можно было попытаться всем вместе выйти из этого положения. Помощники Горбачева выпустили даже книгу под названием «Союз можно было сохранить» (первое издание вышло в 1995-м, второе – в 2007 году) У Гайдара другое мнение:

– Когда в стране, в ядерной державе, – острейший экономический кризис, быстро падает добыча нефти, практически исчерпан золотовалютный резерв, старая экономическая система не работает, новой еще нет, – нужны решения немедленные, которые не терпят длинной-длинной процедуры согласований между государствами, объявившими о своей независимости. Реально такие согласования могли растягиваться на месяцы, из-за чего в стране мог возникнуть голод и гражданская война. В этой ситуации и я, и другие – мои единомышленники – пришли к выводу, что НАМ НУЖНА РЕАЛЬНАЯ РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ (выделено мной. – **О.М.**) Как ее оформлять, – это отдельная история. Но если у нас не будет механизмов контроля над собственной территорией, собственными границами, собственными деньгами, собственными налоговыми поступлениями и т.д., – мы ситуацию не удержим. Такова была моя позиция. Но в принципе со мной был согласен и Борис Николаевич.

– Вы ему эту позицию изложили?

– Да, я ему изложил ее. Да, собственно, не один я – я и группа моих коллег. Он был с ней знаком.

Тут, без сомнения, опять-таки имелся в виду тот самый документ – «Стратегия России в переходный период», переданный Ельцину Бурбулисом и получивший неофициальное название «Меморандум Бурбулиса».

Катастрофа все ближе

«Автору этих строк (Егору Гайдару. – О.М.) сложившаяся осенью 1991 года ситуация представлялась следующим образом:

«К тому времени, когда V съезд, дав президенту дополнительные полномочия, открыл дорогу к углублению экономических реформ, шесть лет колебаний, нерешительности, компромиссов уже породили настоящий социально-экономический хаос... Все прекрасно понимали, что пришло время расплаты за годы финансовой безответственности, за неплатежеспособность Внешэкономбанка, за разворованные природные ресурсы страны, за разваленные финансы, за неработающий рубль, за пустоту прилавков, за все те социальные демагогические обещания, которые раздавались вволю на протяжении последних лет... Осень 1991 года – это уже крутое падение общественного производства, это быстро останавливающаяся черная металлургия, за чем явно вставал угроза остановки всего машиностроения и строительства. Осень 1991 года – это время глубокого уныния и пессимизма, ожидания голода и холода. Все, кто в этой сложной ситуации решил бы и дальше тратить время на бесконечные и бесплодные дискуссии о безболезненных путях перехода к рынку, стабилизации экономики, ждать создания конкурентно-рыночной среды и формирования эффективной частной собственности, дождался бы паралича производства, гибели российской демократии и самой государственности».

ПРОВАЛ ССГ

Договорились о «конфедеративном государстве»

14 ноября 1991 года в Ново-Огареве на Госсовете начался решающий раунд обсуждения Союзного договора, нового его варианта. Участвовали семь республик –

Россия, Белоруссия, Казахстан, Азербайджан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения... Позже приехал узбекский президент Ислам Каримов. Не было Армении, Грузии, Молдавии. И, естественно, – балтийских республик. Однако самым чувствительным было отсутствие Украины. Кравчук заранее предупредил Горбачева, что не станет участвовать в «ново-огаревском» процессе, поскольку республика готовится к «более важному событию» – референдуму.

Председательствовал, как всегда, Горбачев.

Вот как описывает это заседание присутствовавший на нем сотрудник аппарата Горбачева Юрий Батулин:

«В этот день заседание Госсовета началось позже, чем обычно, в 12 часов дня. Расселись, поприветствовали друг друга, перебросились короткими репликами. На обсуждение порядка работы ушло минимум времени. Было решено идти прямо по тексту. Первый вопрос, давным-давно пройденный, но снова оказавшийся в центре внимания, – о названии будущего Союза. Может быть, Союз Суверенных Республик?

– Скажут, по пути потеряли одно «С», – под общий смех пошутил Ельцин.

– ССГос нельзя? – спросил Назарбаев. – Чтобы одинокого «Г» не было.

– ССГ так ССГ, – для Горбачева название – дело вторичное; речь о государственности. – Надо решить главный вопрос: будем создавать государство союзное или нет?

– У меня складывается впечатление, что люди все равно без нас придут к этому.

– Назарбаев формулировал и ставил вопросы кратко и точно. – А у нас есть такая воля?

– Союз создать есть воля, – твердо сказал Ельцин.

– Тогда второй вопрос: какой союз? – подошел к самой сути Назарбаев.

– А твоя точка зрения? – быстро спросил Горбачев...

– О федерации теперь говорить, думаю, очень сложно, – Назарбаев произнес это явно с сожалением. – Может быть, конфедерация? Если пойдем на конфедерацию, успокоимся... Я за конфедерацию.

– Я категорически настаиваю, – высказывает свою позицию Горбачев. – Если мы не создадим Союзное государство, я вам прогнозирую беду...

– Союз государств! – дает принципиально иной ответ Ельцин».

Это ключевой момент. «Союз государств» для Горбачева неприемлем. Предложение Ельцина вызывает у союзного президента бурную реакцию.

Батурин:

«– Если нет государства, я в этом процессе не участвую. Я могу прямо сейчас вас покинуть. А вы тут работайте, – Горбачев встает и начинает собирать бумаги.

– Это называется эмоции, – Ельцин вспомнил и почти повторил сказанную когда-то про него фразу Горбачева.

– Нет, нет и нет! – Горбачев не играл. Он действительно был на грани срыва. – Я уже заявил, если не будет государства, я считаю свою миссию исчерпанной.

– Михаил Сергеевич, вы всегда были сторонником решения вопросов не в ультимативной форме, – попытался смягчить ситуацию Шушкевич.

– Безусловно, – механически произнес Горбачев.

– Мне кажется, вы должны продолжать... – но договорить свою мысль Шушкевич не успел, его перебил Горбачев.

– Ну что вы, ей-богу! Я не могу взять ответственность за богадельню, которая не сможет управлять ситуацией, – Михаил Сергеевич вложил бумаги в папку, вжикнул молнией и объявил перерыв.

Полтора часа Ельцин, Назарбаев и еще несколько членов Госсовета совещались в небольшой комнате на первом этаже, время от времени посылая Горбачеву через его помощников формулировки, представляющиеся им более-менее приемлемыми. Горбачев удалился в другую комнату и, казалось, отдыхал. На самом деле он напряженно думал, думал о цене компромисса. Как же быстро несется время в такие минуты. Необходимо принять решение, которое сильно отразится на судьбе страны. Горбачев определил для себя предел уступки: от федеративного государства – к конфедерации. Перерыв закончился.

– Ну вот, нашли компромисс, – Горбачев продолжил заседание. – Этой формулой вы учитываете настырность президента СССР, а президент СССР учитывает вашу настырность...

– Конфедеративное демократическое государство, осуществляющее власть... – по бумажке начал зачитывать Ельцин согласованную в комнате формулу.

– Согласен, – вздохнул Горбачев и замолчал. Да и что тут было говорить».

После первого дня работы все участники встречи появились перед журналистами и вроде бы все в унисон их заверили, что все идет хорошо и новый Союзный договор будет парафирован, то есть подписан предварительно (окончательная «подпись» – за республиканскими парламентами).

В действительности дело обстояло не так уж хорошо, хотя к какому-то согласию вроде бы и пришли. Даже говорить в камеру, что договор будет парафирован, «засвечиваться», на весь мир декларировать свою позицию никому, кроме Горбачева, видимо, не хотелось. Анатолий Черняев, в ту пору помощник Горбачева, так вспоминает об этой ситуации:

«Никто не захотел участвовать в пресс-конференции – вы, мол, Михаил Сергеевич, и скажите все, о чем договорились. Нет уж, возражал Горбачев, давайте вместе, если действительно договорились... Пошли все к выходу, но – никакой уверенности, что они завернут к толпе журналистов. Однако Андрей (Андрей Грачев, пресс-секретарь Горбачева. – О.М.) выстроил журналистскую бригаду так, что увильнуть

было некуда. Удалось «раствориться» только одному – Муталибову. Остальные вынуждены были сказать, что «Союз будет».

Тем не менее, в прессе заседание было оценено как вполне успешное, слова о хороших перспективах договора в основном были приняты на веру. Даже и спустя несколько дней «информированные источники» утверждали, что договор вот-вот будет парафирован. Называлась даже дата – 25 ноября.

Все это, конечно, уже напоминало какую-то детскую игру. Никто, кроме Горбачева, не хочет Союза. Хотя никто как бы и не решается прямо заявить об этом. Страшновато все-таки так сразу, резко обрубить концы. Идет перетягивание каната: конфедерация государств – нет, конфедеративное государство. Конфедерация государств – это все-таки что-то еще не совсем распавшееся, еще сохраняющее какое-то подобие единства... На самом деле из истории известно, что все попытки создания конфедераций, – а их было не так уж много, – заканчивались провалом. Конфедерации либо быстро распадаются, либо, реже, превращаются в федерацию. Но в данном случае возвращаться в федерацию, в Союз, уже никто не захочет... Стало быть, конфедерация государств все-таки – распад. Это-то и не устраивает Горбачева.

Горбачев планирует...

17 ноября Горбачев провел что-то вроде совещания с советниками и помощниками. Давал установки, что предстоит сделать в ближайшее время. Наметил план: парафирование Союзного договора – 25 ноября, в 12-00 (отсюда, видимо, и пошла «утечка» в прессу), до 10 декабря – одобрение договора Верховным Советом СССР, после 10-го – подписание.

Поражаешься, как упорно, до конца Михаил Сергеевич попытался провести свою линию, хотя, казалось бы, шансов на это уже не оставалось никаких...

Впрочем, как же не оставалось? 14-го вроде бы ему удалось дожать республиканских лидеров, даже Ельцина, – «конфедеративное демократическое государство...»

Неужто откажутся?

Отказались...

Все действительно обернулось по-другому, чем планировал Горбачев. На следующем заседании Госсовета – в тот самый уже называвшийся день 25 ноября – Ельцин отказался от согласованной формулы «конфедеративное демократическое государство» и потребовал перейти к уже выдвигавшейся им концепции конфедерации государств. Горбачев снова категорически возражал. Ельцин пригрозил, что откажется от парафирования договора. Его поддержали Ниязов и Каримов.

После долгой дискуссии, видя, что его уговоры не достигают цели, парафировать договор его коллеги не желают, Горбачев предлагает принять компромиссное решение.

Батурин:

« – Не будем парафировать, – говорит Горбачев, – примем решение Госсовета внести этот проект на обсуждение Верховных Советов. Но это означает, что у нас есть согласованная единая позиция. А Верховные Советы рассмотрят и решат вопрос – одобрять или не одобрять, или одобрять с какими-то пожеланиями, тогда, наверное, утвердят полномочные делегации и поручат им окончательное согласование. Борис Николаевич, если мы не парафируем, а принимаем решение Госсовета, то лишь снимается элемент визирования каждой страницы инициалами.

– Ладно, давайте примем такое решение Госсовета: проект Союзного договора представить Верховным Советам, – Ельцин не упустил момент, подловил Горбачева и поспешил зафиксировать отказ от парафирования Союзного договора.

– Давайте решением Госсовета считать текст согласованным. И направить его на рассмотрение Верховных Советов, – Горбачев очень упорно отстаивает свою позицию.

– Думаю, можно еще короче: направить данный вариант проекта на рассмотрение Верховных Советов, – подтверждая бесплодность дальнейших разговоров, отреагировал Ельцин.

– А какая разница? – Горбачев еще не верил в поражение.

– М-мм...

– Какая разница? – торопил его Горбачев.

– Разница в «согласованным», – наконец лаконично сформулировал Ельцин.

– Я не вижу смысла возобновлять дебаты, – пытался преодолеть возникшую преграду Горбачев. – Мы все это уже прошли, Борис Николаевич, как же так? Это же несолидно для такой фирмы, как наша, – Государственный Совет. Оповестили народ, оповестили мир, а что теперь? – Горбачев заговорил эмоционально, отбросив попытки рациональной аргументации. – Нет, Борис Николаевич, давайте определимся. Если такова ваша точка зрения и вы все отменяете... Это ваше, президентов, общее дело, а я свою точку зрения высказал. Проводите сами беседы, я не буду вмешиваться. Именно вы создаете Союз!

– У нас нет категоричных замечаний. Нам нужно максимум десять дней, – донесся с другого конца длинного стола чей-то голос, кажется, Шушкевича. Горбачев смотрел в глаза Ельцину и не уловил, кто это сказал, но суть схватил моментально.

– Вот самое категоричное замечание – вы не принимаете того, о чем уже договорились. Это самое категоричное! – спор переходил на повышенные тона. – Разрушается вообще основа всего этого документа. Тогда речь пойдет совсем о другом проекте. В конце концов, мы – Государственный совет или все время будем делать параллельные ходы? – рассердился Горбачев.

Но и рассерженный Горбачев уже не пугал членов Госсовета. Парафирования договора так и не произошло. Участники заседания разъехались...»

«Можно еще короче», без слова «согласованном» – это, конечно, весьма остроумная реплика Ельцина, обнажившая пропасть между его теперешней позицией и позицией Горбачева.

Вспоминая об этом заседании, Ельцин пишет, что в какой-то момент, когда разногласия достигли высшей точки, Горбачев даже вскочил из-за стола и выбежал из зала заседаний, так что ему, Ельцину, и Шушкевичу пришлось идти за ним и возвращать в этот зал.

Главную роль в том, что договор на этом заседании не был парафирован, сыграл, конечно, именно Ельцин, хотя и при поддержке других республиканских лидеров. Кстати, о том, что он не подпишет Союзный договор, если этого не сделает Украина, Ельцин прямо сказал еще до заседания Госсовета в интервью «Известиям». Точнее, опубликовано интервью было 29 ноября, но сказал он об этом интервьюеру 25-го, за час до заседания. То есть на заседание Госсовета он шел уже в определенном настроении: участия Украины в этом заседании не ожидалось.

Горбачев – в одиночестве

В этот день вечером к журналистам Горбачев вышел уже один. Выступил, однако, бодро. Представил дело так, что все прошло нормально. В обычном для него многословии был искусно упрятан самый главный, отрицательный, результат заседания: договор не парафирован.

– Первую часть повестки дня... мы завершили. Возник вопрос о том, что мы раньше договаривались парафировать каждый лист. Договорились пойти по линии выражения коллективного мнения, коллективного парафирования решением Госсовета. Поэтому в результате довольно длительной работы, проработки всего комплекса вопросов, которые возникли уже в ходе работы над последним вариантом и за которые высказались руководители суверенных государств, пришли к тому, что

приняли вот такое постановление: направить Верховным Советам Суверенных Государств и Верховному Совету СССР разработанный проект Договора о Союзе Суверенных Государств. Просить Верховные Советы рассмотреть данный проект, имея в виду подготовить его для подписания в текущем году...

Попробуйте-ка из этого текста выудить то самое реальное содержание: договор не парафирован. Горбачев и дальше уверял журналистов: дескать, к договоренностям, достигнутым на прошлом Госсовете 14 ноября, «существенных изменений, изменений коренного порядка не внесено, они носили больше редакционный характер». А в какой-то момент вообще стал говорить: «по каким-то вопросам, даже принципиальным, пришлось вернуться назад (по сравнению с 14 ноября. – **О.М.**), но в принципе мы вышли на согласование». Хотя, мы видели, против слова «согласовано» как раз и были возражения, прежде всего у Ельцина.

В дальнейшем Горбачев словно бы все больше уверял сам себя, что заседание Госсовета прошло успешно. Так, в интервью, опубликованном 28 ноября в белорусской «Народной газете» есть такие его слова:

«...Под решением Госсовета (от 25 ноября. – **О.М.**) все расписались, и я лично. Так что парафирование уже как бы произошло через общее решение».

Все дело вот в этом «как бы». На самом деле никакого парафирования, как мы видели, не было.

Кстати, на той, 25 ноября, пресс-конференции, отвечая на один из вопросов, Горбачев сказал и об Украине:

– Украина будет участвовать (в Союзном договоре. – **О.М.**) Я не мыслю себе Союзного договора без Украины, убежден в этом – Я ЗНАЮ НАСТРОЕНИЕ НАРОДА УКРАИНЫ (выделено мной. – **О.М.**)».

Горбачев выразил надежду, что Союзный договор будет подписан до 20 декабря. Мало кто уже разделял эту надежду президента. То, что пилюлю подсластили – направили текст в республиканские парламенты, ничего здесь, конечно, не меняло: все понимали, что решают не парламенты, а политические лидеры. Лидеры же не пришли к согласию.

«Российская газета» назвала итог закончившейся встречи «Новоогаревским Ватерлоо Горбачева».

«Судя по всему, – писала она, – в понедельник вечером на экранах своих телевизоров мы наблюдали один из последних актов драмы лично Горбачева и олицетворяемых им центральных структур власти. В общем-то, этого ждали. Но энергия, напор, уверенность, демонстрируемые Горбачевым на протяжении последних лет, были столь впечатляющими, а ореол личности этого выдающегося политического деятеля столь магнетичен, что в ожидаемое все же всерьез не верилось».

Однако общая инерция разбегания республик в разные стороны к этому моменту сделалась столь велика, что ни один государственный лидер, за исключением Горбачева, уже не мог позволить себе не посчитаться с этим процессом, выступить против него.

Важную, а может быть, и решающую роль в отказе республик, особенно России, от Союзного договора, сыграла та самая решительная, непреклонная позиция Украины. Как уже говорилось, всем было ясно: ну, какой же Союз без нее?

...Итак – Ватерлоо. После него, как известно, Наполеон уже не оправился. А Горбачев? Анатолий Черняев так оценивал ситуацию, в которой оказался его шеф:

«Горбачев перед выбором: осуществлять угрозу («уйду!») или еще тянуть (на посмешище всем). Это не просто поражение, – хуже: это очередное унижение по самому главному вопросу, на котором еще остается знак его власти, – о государственности».

Однако Горбачев не торопился покинуть поле боя.

Последний проект Союзного договора

В проекте Союзного договора, который, несмотря на горбачевское «Ватерлоо», разослали в парламенты республик, – он был опубликован 25 ноября, – говорилось, что Союз Суверенных Государств – конфедеративное демократическое государство. В качестве суверенного государства он выступает в международных отношениях. В то же время и отдельные государства, образующие ССГ, – это субъекты международного права. Они вправе устанавливать дипломатические, торговые и иные отношения с

иностранными государствами, участвовать в деятельности международных организаций...

Не очень понятно, как такое сочетание можно было бы реализовать на практике. И ССГ, и отдельные его части – члены ООН? Впрочем, что-то подобное было же в СССР: помимо самого Союза, в состав Организации Объединенных Наций, как известно, входили две союзные республики – Украина и Белоруссия. Однако вряд ли кто воспринимал их членство серьезно. К тому же Украину и Белоруссию в свое время приняли в качестве исключения как учредителей ООН. Теперь же у членов ССГ могли бы возникнуть серьезные – возможно, непреодолимые – трудности со вступлением в эту организацию. Наверное, помимо прочего, и эти обстоятельства отталкивали республики от ССГ. Какая уж тут независимость и государственность, если в ООН тебя опять будет представлять Москва?

Вместо Союза – Экономическое сообщество

18 октября 1991 года восемь бывших советских социалистических республик подписали в Алма-Ате Договор об экономическом сообществе. Свои подписи под документом поставили руководители Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана. Важная деталь: текст скрепил своей подписью и Горбачев. Это как бы означало, что вот новая серьезная организация образуется в рамках Союза. Как Горбачев надеялся, она сможет стать тем срединным кристаллом, вокруг которого нарастет вся структура нового Союза. Пытаясь организовать взаимодействие в рамках Экономического сообщества, республики быстро поймут, что такое взаимодействие невозможно без тесной политической консолидации.

Сами же республики подписали Договор, объятые некоторым страхом перед неизвестностью – смогут ли они выжить после окончательного распада Союза, хватит ли у них экономического потенциала. Ни у кого из них не было сомнения, что без экономического единения им не обойтись. Они торопились как-то оформить, зафиксировать это единение. А вот что касается сохранения политического единства, для большинства вопрос стоял так: прекрасно было бы вовсе без него обойтись, но вот удастся ли? Никто из подписантов не хотел особенно торопить события.

Под Договором не было подписей Азербайджана, Грузии, Молдавии. Но что особенно обращало на себя внимание, – не было подписи Украины. Уж она-то точно знала, чего она хочет, – реальной независимости, без всяких недомолвок и оговорок.

Правда, ее лидеры обещали подключиться к экономическому договору, – тут они не испытывали никаких особых колебаний, – но при этом остерегались, как бы такой договор не стал ловушкой, которая бы каким-нибудь хитрым образом не вовлекла их обратно в союз политический (на что, кстати говоря, и рассчитывал Горбачев, он этого не скрывал). По этой причине, видимо, и не стали участвовать в коллективном, «колхозном» мероприятии – совместном подписании Договора, отнеся свое присоединение к нему на потом. Не поехали в Алма-Ату, чтобы не слушать и не произносить речей о братском (хотя и экономическом) единстве, не мелькать в телевизоре в толпе бывших «братьев», не фотографироваться рядом с президентом Союза, как бы сохраняя свою верноподданность...

Как уже говорилось, Украина подписала договор об Экономическом сообществе 6 ноября. Лишь ненамного позже, чем другие, но все же – отдельно от других.

Все должно делаться согласованно и скоординированно

Стоит, пожалуй, сказать несколько слов о подписанном в Алма-Ате документе, чтобы читатель имел о нем представление...

В преамбуле подписанты заявляли, что они сознают выгоды экономической интеграции, общего экономического пространства и целесообразность сохранения хозяйственных, торговых, научно-технических и иных отношений. Для этого и заключают Договор. Главные тезисы Договора, наиболее часто встречающиеся в его тексте, – все предполагается делаться согласованно, во всем должна быть координация. В первой же статье читаем: Экономическое сообщество создается с целью образования объединенного рынка и проведения согласованной экономической политики. Для этого учреждаются институты Сообщества. Это Межгосударственный экономический комитет, Банковский союз, Арбитраж Экономического сообщества. Высший координационный орган – Совет глав правительств государств, входящих в Сообщество.

Важная вещь: перемещение товаров и услуг на территории государств – членов Сообщества происходит свободно, беспошлинно. С государств же, не входящих в организацию, пошлины взимаются по ставкам единого таможенного тарифа Экономического сообщества.

К свободным ценам члены Сообщества договорились переходить СОГЛАСОВАННО (на практике это, разумеется, не было исполнено).

Внутри Сообщества действует общая валюта – рубль. Если какая-то страна захочет ввести собственные деньги, она должна заключить специальное соглашение с Сообществом на этот счет (это, конечно, впоследствии тоже не выполнялось).

Чтобы предотвратить выпуск денег центральными банками государств – членов Сообщества, учреждается Банковский союз, включающий эти банки, и при нем – Межгосударственный эмиссионный банк. Только он и имеет право выпускать деньги. Директивы Банковского союза ОБЯЗАТЕЛЬНЫ для всех банков – членов Банковского союза (подчеркиваю слово «обязательны», поскольку в дальнейшем обязательность решений межреспубликанских органов вообще будет поставлена под сомнение).

Но над Банковским союзом, чтобы присматривать за ним, создается еще и Банковская инспекция, решения которой ОБЯЗАТЕЛЬНЫ уже для Банковского союза и Межгосударственного эмиссионного банка.

Экономическое сообщество имеет свой бюджет...

Наверное, «экономический» Договор несколько притормозил отдаление республик друг от друга. И работа над ним, и сам процесс его заключения позволили бывшим «братьям» словно бы снова ощутить локоть друг друга, – это ощущение они уже стали напрочь утрачивать. Однако остановить распад Союза, как на это надеялся Горбачев, Договор, конечно, не смог. Это была непосильная для него задача.

Катастрофа все ближе

«Нарастающие трудности с продовольственным снабжением создают взрывоопасную ситуацию. Заместитель министра внутренних дел В.Турбин –

председателю Межгосударственного экономического комитета И.Силаеву (8 ноября 1991 года):

«По поступившим в МВД СССР сведениям с обеспечением населения хлебом и другими продовольственными товарами первой необходимости в ряде регионов страны остается сложным... У продовольственных магазинов создаются многочисленные очереди, в которых граждане в резкой форме критикуют местное и центральное руководство, отдельные из них призывают к проведению акций протеста».

«Из дневника помощника президента СССР Анатолия Черняева:

«Ягодин (министр образования) звонит: Лазарев Минфин РСФСР) закрыл счета для вузов союзного подчинения (МГУ, Бауманский, Менделеевский, Педагогический, МАИ, МЭИ и т. п.) – сотни тысяч студентов не получили за октябрь стипендии! Будет, мол, «Тяньаньмынь»... Говорю об этом М. С. (Горбачеву. – **О.М.**) Не знаю, что он предпримет...

Явлинский сообщает, что с 4 ноября Внешэкономбанк объявит себя банкротом: ему нечем оплачивать пребывание за границей наших посольств, торгпредств и прочих представителей – домой не на что будет вернуться... М. С. поручает мне писать Мейджору, координатору «семерки»: «Дорогой Джон! Спасай!»...»

«Уже в первом полугодии 1991 года, еще до августовского путча, Россия получила от других республик лишь 22 процента запланированных поставок сахара, 30 процентов чая, 19 процентов крупы, 22 процента мыла. Все республики, кроме России, ввели таможи на своих границах, чтобы ограничить вывоз товаров соседям, в частности в Россию. Таможни работали в одну сторону – вывозить товары в Россию было нельзя, ввозить оттуда можно. (Об экономической политике бывших союзных республик. 1991 год. Рабочие материалы правительства из личного архива Гайдара)».

«Председатель правления Госбанка СССР В.Геращенко – президенту СССР М.Горбачеву (15 ноября 1991 года):

«В октябре с. г. было заявлено, что официальные золотые резервы страны составляют всего около 240 тонн. Объявленный уровень официальных золотых резервов, являющихся одним из важнейших показателей кредитоспособности страны, по мнению специалистов, не соответствует статусу великой державы и ведущей золотодобывающей страны. Сообщение о величине золотых резервов СССР вызвало недоумение среди специалистов на рынке золота, которые ранее оценивали их в 1000 – 1300 тонн».

«Из письма председателя Контрольной палаты СССР А.Орлова – председателю Межгосударственного экономического комитета СССР И.Силаеву (22 ноября 1991 года):

«Бюджетный дефицит и государственный долг за 9 месяцев 1991 года многократно превысили показатели, утвержденные Верховным Советом СССР на конец 1991 года... Принятие Верховным Советом СССР (прежнего состава) по представлению исполнительной власти страны нереального, прежде всего в отношении доходной части, союзного бюджета на 1991 год явилось главной предпосылкой кризиса финансово-бюджетной и кредитной системы Союза ССР... Основная экономическая причина кризиса союзного бюджета – многократное сужение его доходной базы по сравнению как с предшествующими годами, так и с утвержденным планом на 1991 год. В союзный бюджет нет отчислений от подоходного налога, от дохода кооперативов налога с оборота. Отключение союзного бюджета от непосредственной связи с доходами населения, новых рыночных структур и налогом с оборота было крупнейшим стратегическим просчетом и ударом по его устойчивости и бездефицитности... По Украине не было перечислений средств на общегосударственные программы. По республикам Прибалтики все доходы, поступающие на их территории, полностью зачислялись в бюджеты республик... Ненадежным источником союзного бюджета

оказался налог с продаж... Большие потери доходов от внешнеэкономической деятельности страна несет из-за срыва договоров поставок продукции для экспорта... Снижение объема экспорта при росте выплат по внешнему долгу обусловили необходимость резко уменьшить закупки по импорту в капиталистических странах... Факторы политического характера сказались на приостановлении иностранными должниками платежей по предоставленным кредитам (Ирак, Алжир, Ливия, Сирия), из-за чего бюджет недополучит 9,1 миллиарда рублей».

УКРАИНА УХОДИТ ОКОНЧАТЕЛЬНО

«Это станет для нее катастрофой»

Попытки как-то все же уломать Украину продолжались. По воспоминаниям Кравчука, Горбачев периодически звонил ему и «упрямо убеждал»: Украина без Союза неминуемо погибнет, ей не под силу построить собственную экономику, а при развале Союза экономические связи неминуемо будут разорваны. Еще одна линия аргументации: «Что вы будете делать с ядерным оружием? Кнопка-то все равно в Москве!» Горбачев убеждал Кравчука и в том, что украинский референдум неминуемо провалится: ведь в марте более семидесяти процентов населения Украины проголосовало за Союз.

(Не знаю, действительно ли Горбачев верил, что украинский референдум повторит те же результаты, которые были на Всесоюзном референдуме в марте. Если верил, это была довольно наивная вера).

Такого рода убеждения делались не только приватно, телефонно, но и публично. Горбачев заявил, что если Украина полностью выйдет из Союза, – это, конечно, создаст для Союза большие проблемы, но для самой Украины это станет настоящей катастрофой. При этом Михаил Сергеевич не уставал придумывать какие-то сложные логические формулировки, призванные доказать, что настоящая независимость – это вовсе не то, что многие, – может быть, большинство, – понимают под независимостью, а нечто совсем другое. В интервью американскому журналу «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» он сказал, что, по его мнению, право на самоопределение должно осуществляться не через сепаратизм и отделение, а через «глубокое перераспределение власти, глубокую реформу Союза, переход от унитарного государства к действительному Союзу Суверенных Государств».

Со своей стороны, Ельцин, как сообщал тот же журнал, в частном порядке обратился к американскому президенту Джорджу Бушу с просьбой «сделать все возможное, чтобы предотвратить отделение Украины от Союза». Однако помощники Буша будто бы советовали своему шефу, напротив, помочь Украине в ее стремлении выйти из Союза, а желание Ельцина сохранить его объясняли тем, что он-де хочет, чтобы в конечном итоге в нем стали доминировать русские. Близкие сотрудники Буша

обращали его внимание также на концентрацию советских воинских подразделений в ключевых районах Украины, в том числе и в Киеве, и выражали опасение, что Москва может применить силу для удержания Украины в своей орбите.

Думаю, вряд ли эти опасения имели какие-то основания. После только что случившегося путча применять силу для таких целей было бы безумием. Хотя... Кто его знает... Может, у кого-то и вертелась в голове такая затея.

Так или иначе, Буш решил не вмешиваться в эту ситуацию, занять позицию стороннего наблюдателя.

Кравчук – против «трехэтажного» государства

1 декабря вместе с референдумом на Украине должны были состояться выборы президента. Так что главный кандидат на этот пост – Леонид Кравчук, – разъезжая по городам и весям, одновременно вел и свою избирательную кампанию, и призывал граждан голосовать за независимость.

25 ноября, как раз в тот день, когда в Москве должны были парафировать, но не парафировали новый Союзный договор, держа речь в одной из деревень в Сумской области, он в очередной раз выступил против этого договора, да и против новоогаревских переговоров вообще.

– Государство должно быть независимым государством, – сказал Кравчук, – а новоогаревский проект предполагает его трехуровневое устройство: автономии – государства, республики – государства, а над ними еще и Союз – государство. Может ли в таких условиях республика самостоятельно решать свои вопросы? Нет. Это и определяет наше отношение к новоогаревскому процессу.

Досталось от Кравчука и Горбачеву – в связи с его только что, 25-го же ноября, состоявшимся выступлением на пресс-конференции (оно транслировалось по телевидению) и уверениями, будто он знает настроение украинского народа – дескать, народ за участие Украины в Союзном договоре.

– Горбачев не имеет права говорить от имени Украины, ему этого никто не разрешил, – сказал Кравчук. – От имени Украины может говорить только ее Верховный Совет, а от имени Верховного Совета – его председатель и больше никто... Поэтому

Горбачев вмешивается не в свои дела, и я могу сказать только одно: пусть он себе говорит, что хочет, а мы будем делать свое дело. У нас есть свое государство, своя земля, люди, и мы отвечаем за них, вместе с ними будем работать, кто бы что ни говорил.

26 ноября Президиум Верховного Совета Украины выступил с обращением к украинскому народу. В нем было прямо сказано: «Не поддерживать независимость означает поддержать зависимость»

Последняя попытка уговорить украинцев

Накануне украинского референдума, в отчаянной попытке повлиять на его результат, Горбачев дал большое интервью украинскому телевидению. При этом уже пустился во все тяжкие. Среди прочего, говорил о своем русско-украинском происхождении, предках-украинцах – дескать, вот до какой степени мы с вами родные люди, как же можно разрывать наши братские, родственные связи!

Президент даже как бы пригрозил: он, мол, примет все меры, чтобы Украина осталась в Союзе.

Интервью передали также по Центральному телевидению.

Продолжая давить на Украину, ЦТ показало также фрагмент со словами Ельцина, то ли сказанными им на Госсовете 25 ноября, то ли в тот же день, 25-го, в интервью «Известиям» (опубликовано оно было в газете 29 ноября):

– Пока Украина не подпишет политический договор, свою подпись не поставит и Россия. Мы расценим это как желание выйти из состава Союза. В этом случае она будет свободна делать все, что захочет. Вводить свою валюту, иметь армию... Ситуация для России тоже резко поменяется. То есть нам в качестве ответной МЕРЫ (прошу обратить внимание на это слово. – **О.М.**) тоже придется вводить валюту, как-то быть с армией... При этом я постоянно повторяю – надеюсь, что Украина подпишет договор, очень надеюсь. В целом же у нас неплохие отношения: подписан двусторонний договор, соглашение на 1992 год, предусматривающее взаимные расчеты, причем в мировых ценах. Но ее выход из состава Союза может стать серьезным ударом и для Союза, и для России.

В общем-то эту свою позицию Ельцин излагал не раз, но вставленная в определенное время в определенный контекст (разумеется, без ведома автора) она прозвучала угрожающе. Получалось, что Ельцин дует в одну дуду с Горбачевым, уговаривает украинцев, в последний раз предупреждает о каких-то возможных санкциях...

Украина проголосовала за независимость

1 декабря Украина, как и ожидалось, дружно проголосовала за независимость – за нее отдали голоса более девяноста процентов участвовавших в голосовании. Не помешало то, что, менее девяти месяцев назад, 17 марта того же года, более семидесяти упоминавшихся Горбачевым процентов жителей Украины на Всесоюзном референдуме проголосовали за сохранение Союза.

Президентом, это тоже ожидалось, стал Леонид Кравчук, – как мы видели, ярый поборник украинской независимости (его результат – более 61 процента голосов).

Что любопытно, за независимость Украины, проголосовали и в Крыму (более 54 процентов участвовавших в голосовании), в том числе – в Севастополе (более 57 процентов). Донбасс (в значительной степени «русский») идею украинской независимости также одобрил без особых колебаний – свыше 80 процентов голосов.

Выступая на избирательном участке, Кравчук вновь «дал отпор» Горбачеву – в связи с его словами, что он как президент СССР «сделает все возможное» и даже примет какие-то меры, чтобы Украина осталась в Союзе.

– Какие меры можно сегодня применить ко всему народу? – сказал Кравчук. – Мне лично сказать трудно. Такие слова однажды уже были сказаны относительно прибалтийских республик, и, как вы знаете, все это ничем не увенчалось. Если бы это были убеждения или поступок одного человека, или какой-то группы людей (имеется в виду стремление Украины к независимости. – **О.М.**), я мог бы поверить в то, что говорит Михаил Сергеевич, но когда это движение миллионов – это абсурд. И с выходом из империи для Украины никакой катастрофы не будет, потому что она потенциально богатое государство, – на первых порах трудностей не избежать, но трагических последствий не предвидится.

Кравчук вновь, – в который уже раз, – подтвердил, что Украина не подпишет Союзный договор. «У нас есть межгосударственные договоры, например, с Россией и Грузией, их мы и будем придерживаться». – «А президентом чего тогда будет Горбачев?» – поинтересовались журналисты. «Не знаю!» – сказал Кравчук, как отрезал.

Вновь избранный президент Украины прокомментировал также слова Бориса Ельцина, переданные по Центральному телевидению за день до украинского референдума. По-видимому, сам он их не слышал, но кто-то из приближенных услужливо передал ему их в своем изложении, причем в изложении, рассчитанном на определенную реакцию шефа.

– Я хорошо знаю Ельцина, мы давно вместе работаем, и мне, как человеку, после его заявления стало обидно. Его встречали в Киеве как истинного демократа. Его приветствовали тысячи людей, а теперь его слова относительно Украины совсем не демократические. Мне кажется, ему не нужно было повторять слова Горбачева, что он **БУДЕТ ПРИМЕНЯТЬ МЕРЫ** (выделено мной. – **О.М.**) относительно Украины.

Вот так ельцинское «нам в качестве ответной меры тоже придется вводить валюту» и т.д. превратилось в «он будет применять меры относительно Украины»...

На вопрос о том, будет ли Горбачев тормозить международное признание Украины, Кравчук ответил:

– Он может это сделать, но после признания Украины рядом ведущих стран мира возможность этого торможения будет сведена к нулю. Пока он будет тормозить через Ельцина (вот опять искаженные слова Ельцина аукнулись. – **О.М.**) Но я уверен, что события будут развиваться следующим образом: демократы России и Борис Николаевич вместе с ними в ближайшее время признают Украину как независимое государство.

С недоразумением покончено

Так оно и случилось, – как предсказывал Кравчук. Уже 4 декабря в «Российской газете» было опубликовано заявление Ельцина о признании российским руководством независимости Украины «в соответствии с демократическим волеизъявлением ее народа». Тут Борис Николаевич опередил всех других руководителей бывших союзных республик.

В заявлении выражалась готовность приступить к работе над «проектом полномасштабного межгосударственного двустороннего договора, который отвечал бы всем требованиям нового этапа взаимоотношений между Россией и Украиной».

«Взаимовыгодное и сбалансированное сотрудничество между Россией и Украиной, – говорилось в заявлении, – может и должно стать примером двусторонних отношений между республиками старого Союза».

В общем недоразумение рассеялось. Переиначенные ельцинские слова о том, будто бы Россия примет какие-то меры против соседнего государства в случае его ухода из состава Союза были забыты.

Горбачев все еще надеется...

Горбачеву Кравчук позвонил сам – сообщил о феноменальных результатах референдума. Как раз незадолго перед ним они с Горбачевым спорили, какими будут результаты голосования. Кравчук рассчитывал, что за независимость проголосуют не менее восьмидесяти процентов. Горбачев называл его мечтателем. На деле вышло – более девяноста. Реакция Горбачева на звонок Кравчука была сдержанно-уклончивой: он лишь поздравил украинского коллегу с победой на президентских выборах...

Поражаешься стойкости Михаила Сергеевича, который даже после того как Украина ушла (было вполне очевидно, что она ушла), все еще надеялся, что она... не уйдет. Именно так изложил точку зрения союзного президента его пресс-секретарь Андрей Грачев на брифинге 3 декабря: дескать, по мнению Горбачева, итоги референдума на Украине не являются препятствием для продвижения к новому Союзному договору, «напротив, именно полный суверенитет позволяет принять взвешенное решение по этому поводу».

– Мы не рассматриваем это голосование, как решение о разрыве отношений с Союзом, – сказал Грачев. – Если бы вопрос формулировался так: «Вы за разрыв или за сохранение отношений с Союзом?», – результаты могли бы быть другими.

Такое ощущение, что Горбачев и его пресс-секретарь не слышали и не читали выступлений Кравчука, Фокина, других украинских политиков, где многократно и совершенно четко заявлялось: ни в СССР, ни в ССГ, ни в каком другом СОЮЗНОМ

ГОСУДАРСТВЕ Украина состоять не будет (и эта их позиция была дружно поддержана украинскими избирателями). Ну что еще? Как еще могла бы эта республика продемонстрировать свое полное, свое абсолютное неприятие идеи вхождения в какое бы то ни было «эсэсэсэроподобное» государственное объединение? Как еще она могла бы всем показать, что ей нужна именно ПОДЛИННАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ, без всяких там оговорок и экивоков, без хитроумной словесной эквилибристики на тему, что такое настоящий суверенитет, а что такое не настоящий суверенитет, что такое настоящая независимость, а что такое не настоящая независимость.

Короче говоря, всем, кроме, наверное, Горбачева и, возможно, некоторых близких его сотрудников, к этому моменту было ясно: все, Украины в Союзе нет, а без Украины вероятность сохранения самого Союза – в форме государства, – очень, очень мала. В сущности, равна нулю.

Тем не менее, на том же брифинге Грачев сообщил, что команда президента Союза продолжает рассчитывать, что, несмотря ни на что, текст Союзного договора будет окончательно готов к подписанию до конца декабря.

Впрочем, из воспоминаний и дневников помощников Горбачева, близких ему людей хорошо видно, что к тому моменту почти никто из них уже не надеялся, что с Союзным договором что-то может еще получиться, что союзное государство еще можно сохранить. Какую-то надежду на это еще питал, пожалуй, один Горбачев. Впрочем, не исключено, что он тут, как говорится, «работал» на историю, на потомков – чтобы потомки имели право сказать: вот, мол, Михаил Сергеевич до самого конца, до последней возможности сражался за спасение союзного государства и, как капитан, последним покинул тонущий корабль.

Поиск вариантов продолжается

Поиск вариантов – как обустроить Союз – все продолжался и продолжался. Анатолий Черняев приводит, со слов Горбачева, телефонный разговор между двумя президентами, – союзным и российским, – состоявшийся вечером 2 декабря:

«Вчера вечером М.С. говорил по телефону с Ельциным. Тот куда-то ехал в машине. Был уже пьян (любимая тема Горбачева его окружения. – О.М.) М. С.

уговаривал его встретиться вдвоем, втроем (+ Кравчук), вчетвером (+ Назарбаев). Тот не соглашался:

– Все равно ничего не выйдет. Украина – независимая.

– А ты, Россия?! – возражал М. С.

– Ничего не выйдет с Союзом... Вот если вернуться к идее четверного Союза: Россия + Украина + Белоруссия + Казахстан?

– А мне где там место? Если так, я уйду. Не буду болтаться, как говно в проруби. Я – не за себя. Но пойми: без Союза все провалится и погубите все реформы. Ты определись. От нас двоих зависит все в решающей степени...

Мы с Яковлевым переглянулись: сколько терпения у М. С.! Но и явная готовность уйти... Без сожаления... Без драмы... Спокойно!»

Да, действительно, нельзя сказать, чтобы в этой ситуации Горбачев, среди прочего, не думал и о себе. Все люди, все человеки... Но эти мысли, видимо, не были у него главными.

3 декабря союзный президент выступил с весьма эмоциональным обращением к членам Верховного Совета СССР, который должен был собраться на следующий день. Горбачев призвал парламентариев со всей ответственностью отнестись к обсуждению Договора о Союзе Суверенных Государств, предостерег от разрушения государственности. И парламентарии пошли ему навстречу. 4 декабря состоялось вроде бы важное историческое событие: хоть и с трудом, но все же собравшийся ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР ОДОБРИЛ ДОГОВОР О ССГ. Однако никакого реального значения это уже не имело – только символическое. Даже формально, в соответствии с последним решением Госсовета, одобрить Договор должны были Верховные Советы республик, а не ВС СССР.

Тем не менее, может быть, стоит запомнить эту дату – 4 декабря.

Ельцин «допытывается» у Горбачева, что делать с Украиной

Горбачев вспоминает, что в эти дни Ельцин постоянно его «спрашивал, что делать с Украиной», как он, Горбачев, может «обеспечить участие» этой ключевой республики в Союзном договоре.

Не совсем понятно, в качестве кого Ельцин «постоянно спрашивал» Горбачева. В качестве человека, который сам не знает ответа на этот вопрос и просит о помощи «старшего товарища»? Думаю, все же Ельцин просто хотел раскрыть Горбачеву глаза, убедить его, что ответа на этот вопрос – не существует.

В самом деле, что тут можно сделать, если Украина, как говорится, «сделала Союзу ручкой»?

План Горбачева заключался в том, чтобы постепенно вернуть Украину в союзное государство с помощью различных договоров: она уже подписала Договор об Экономическом сообществе, потом войдет в оборонительный союз, в соглашение о стратегических вооружениях, о научно-техническом сотрудничестве и т.д. На первых порах вполне можно было бы себе представить вот такие дифференцированные связи между Украиной и Союзом. Но если другие республики сейчас, в декабре, подпишут Союзный договор, Украине тоже некуда будет деваться – в конце концов и она его подпишет.

Да, Украина, полагал Горбачев, оказалась в тупике, но вопрос заключается в том, пойдут ли все остальные за ней в этот тупик или будут вместе вытаскивать ее из него. Это вопрос времени и терпения.

7 декабря Ельцин собирался отбыть в Минск на «давно запланированную», как сообщалось, российско-белорусскую встречу, а 5-го посетил Горбачева – «посоветоваться, как убедить Украину присоединиться к Союзу» (цитирую Андрея Грачева), поскольку-де Кравчук тоже обещал приехать в белорусскую столицу и рассказать об украинском референдуме.

Союзный и российский президенты достаточно быстро договорились о том, как «надавить на украинцев». Оба заявили, что не мыслят себе Союза без Украины.

«Только потом, – пишет Андрей Грачев, – выяснилось, что в эту формулу каждый вкладывал свое содержание. Мало кто обратил тогда внимание на мимоходом брошенную журналистам ельцинскую фразу: «Если не получится, придется подумать о других вариантах».

Тем не менее, российский президент сказал, что надеется найти взаимопонимание на встрече с руководством Украины в Минске, куда он в субботу, 7 декабря, вылетает

ДЛЯ ПОДПИСАНИЯ ДВУСТОРОННЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И БЕЛОРУССИЕЙ.

Обратите внимание, как обозначалась цель визита.

Горбачев снова заявил о неизменности своей позиции по Союзному договору, о том, что он будет «использовать все возможности», чтобы договор был подписан.

И снова прибег к своей хитроумной словесной эквилибристике, оценивая украинский референдум:

– На Украине голосовали за подтверждение Акта о независимости. Это понятно, это укрепляет суверенитет, делает их полноправным партнером со всеми государствами в будущем Союзе. Теперь-то перед ними и стоит принятие самых важных решений. И я уверен, что сегодня на Украине думают о Союзе так же, как и в других уголках нашей большой страны.

Горбачев никак не хотел согласиться, что «самое важное решение» Украина уже приняла. И о том, что она думает о Союзе, высказала вполне четко и ясно, единодушно проголосовав за независимость.

Знал ли все-таки Горбачев, зачем Ельцин едет в Белоруссию? Позже на эту тему будет немало разговоров. Вот свидетельство самого Горбачева:

«Я уже понимал, что президент России хитрит, тянет время (в беседах с ним, Горбачевым. – **О.М.**): значит, у него есть другой план. Поэтому я перед самой встречей в Минске прямо спросил его: с чем он едет? Мой подход: есть проект Договора (имеется в виду – Союзного договора. – **О.М.**), Украина может присоединиться ко всем его статьям или к части из них. Ельцин, аргументируя задержку с рассмотрением Договора (в Верховном Совете России. – **О.М.**), сказал, что **МОЖЕТ ВСТАТЬ ВОПРОС О СОЮЗЕ СЛАВЯНСКИХ РЕСПУБЛИК** (выделено мной. – **О.М.**) Я заявил, что, на мой взгляд, это неприемлемо. И разговор мы должны продолжить в Москве на встрече президентов с участием руководителей Украины».

Одним словом, Ельцин хоть и не вполне определенно, но достаточно прозрачно проинформировал Горбачева об истинной цели своей поездки в Белоруссию.

Правда, тут еще надо поставить вопрос: действительно ли в тот момент истинной целью Ельцина был союз «СЛАВЯНСКИХ» республик или такой союз рассматривался

как первый шаг к более широкому союзу (каким он и стал в действительности)? Может быть, российский президент просто хотел несколько успокоить союзного президента: если даже объединятся и попытаются отойти в сторону три «славянские» республики, на них можно будет как-то надавить, заставить вернуться с помощью республик «неславянских»? Думаю, скорее всего, Борис Николаевич тогда еще и сам не знал, во что выльются его переговоры с Кравчуком и Шушкевичем.

Кстати, идею о том, что три «славянские» республики могли бы начать строительство чего-то нового на костях почившего Союза, еще раньше высказал Кравчук – высказал публично, в интервью газете «Труд» (оно было опубликовано 19 ноября):

– Я думаю, что было бы неплохо именно сейчас, когда накопилась масса трудноразрешимых проблем, когда миллионы людей продолжают находиться в неопределенности, нескольким республикам, – скажем, Украине, Белоруссии и России, – выступить инициаторами создания такого сообщества, в котором все входящие в него государства были бы равноправными и использовали возможности для решения вопросов, в которых мы все вместе заинтересованы. И решать их сообща, дружно, оставаясь государствами БЕЗ КАКОГО-ЛИБО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА (выделено мной. – О.М.)

Ну чем не программа для будущей встречи трех лидеров в Белоруссии? Но это интервью, эти слова остались как-то незамеченными.

Украина денонсировала Союзный договор 1922 года

5 декабря Верховный Совет Украины принял «Послание к парламентам и народам всех стран», в котором говорилось, что «договор от 1922 года о создании Союза ССР и все последующие конституционные акты Союза ССР Украина считает относительно себя недействительными и не действующими».

То есть, с этого числа, с 5 декабря 1991 года, по воле Украины Советский Союз прекращал свое существование. Хотя юридически это было еще сомнительно, поскольку не одна Украина образовала Союз, не только ее подпись стояла под Союзным договором.

Позднее в тот же день Кравчук на пресс-конференции заявил:

– Мы не приемлем договор 1922 года потому, что этот договор... предусматривал создание одного централизованного государства, под которое пошли и другие республики, формально называвшиеся государствами. Мы выступаем только за межгосударственные связи.

И вновь о Союзном договоре (новом) – категорическое «нет»:

– За то, чтобы Украина не подписала его, выступает 90,3 процента населения. Я на всех своих встречах и на ТВ говорил, что Украина не должна подписывать договор, и за меня проголосовало почти двадцать миллионов, а остальные – за других кандидатов, также говоривших, что нельзя его подписывать, – так что против подписания высказался тридцать один миллион. И даже президент не в состоянии что-то изменить. Народ сказал свое слово.

«Народ сказал свое слово...» Действительно сказал. По крайней мере, – на Украине.

Всех тогда интересовало, не пойдут ли, если что, в бывшем Союзе события по югославскому варианту. Не вцепятся ли бывшие «братья» друг другу в глотку. Вот уходит Украина. Кто-то из соседей может потребовать пересмотра границ, когда-то произвольно нарисованных большевиками. Та же Россия. Ельцин несколько раз менял тут свою позицию: то заявлял о нерушимости границ, то намекал, что их пересмотр возможен, то возвращался на прежнюю «миролюбивую» позицию и говорил, что территориальные претензии возможны только к тем республикам, которые решат выйти из Союза... Ну так вот – Украина выходит... Ельцин больше не говорит о том, что Украина должна что-то вернуть России, но об этом говорят некоторые депутаты, политики. В частности, темы «спорных» территорий – Крыма и Донбасса – в своем интервью французской «Фигаро» коснулся Анатолий Собчак.

Кравчук убежден, что югославского варианта в бывшем Союзе не будет. По его словам, у него «в душе есть уверенность», что никто Украине «не отважится ставить территориальные претензии на серьезном государственном уровне, чтобы не влипнуть в историю».

Катастрофа все ближе

Осенью 1991 года (точнее, в ноябре. – **О.М.**) директор Института экономики АН СССР Л.Абалкин пишет:

«У меня есть записка, подготовленная сотрудником института О.Роговой; из нее вытекает, что нам дается срока два месяца, после чего наступит развал экономики, коллапс. Это же подтверждают и другие расчеты. Можно спорить, насколько правилен этот прогноз в деталях... В течение всего 1991 года, месяц за месяцем, квартал за кварталом, спад нарастал. Анализ данных напоминает наклонную плоскость, все более круто обозначающую этот спад... В течение 1991 года такие оценки делались мною в январе, апреле, сентябре и, наконец, в ноябре. И каждый раз, анализируя ход развития событий, я делал все более мрачные оценки складывающихся перспектив. Однако и это не было простым плавным ухудшением ситуации. Где-то к середине лета и более определенно к осени 1991 года возникли качественно новые элементы в развитии экономического кризиса... Набрали силу процессы и тенденции, которые определяют затяжной характер кризиса и делают дальнейшее его углубление неизбежным».

«Заместитель председателя правления Внешэкономбанка А.Носко – в Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР (26 ноября 1991 года):

«Как уже докладывалось Межреспубликанскому экономическому комитету, ликвидные валютные ресурсы полностью исчерпаны и текущие валютные поступления от экспорта не покрывают обязательства по погашению внешнего долга страны».

«К ноябрю 1991 года крах советских финансов и денежного обращения – свершившийся факт, широко обсуждающийся в открытой печати. Из статьи Г. Явлинского («Труд», 27 ноября 1991 года):

«Происходит лавинообразное нарастание денежной массы, которая за 9 месяцев увеличилась с 989 миллиардов рублей до 1,7 триллиона, а к концу года может достичь

двух триллионов. Мощнейшими генераторами этого процесса являются огромный дефицит как союзного, так и национальных (республиканских. – **О.М.**) бюджетов, усиливающаяся кредитная экспансия и «либерализация» доходов. Все это привело уже к полной утрате рублем всех его функций. Именно поэтому хозяйственные связи либо разваливаются, либо во все большей степени заменяются бартером, а рубль все больше вытесняется с внутреннего рынка. Курс рубля на аукционах уже упал за отметку 100 рублей за один доллар... Экспорт за 10 месяцев сократился на 31 процент, ограничение валютных поступлений вызвало резкое сокращение импорта..., в том числе сырья и оборудования в легкой и пищевой промышленности, а также товаров народного потребления. В конечном счете, все эти проблемы сказываются на людях. Потребление материальных благ и услуг населением за девять месяцев (то есть еще накануне запуска настоящей инфляции) сократилось на 17 процентов, а реальные доходы семей снизились по отношению к соответствующему периоду прошлого года во всех без исключения республиках».

«К концу 1991 года одной из важнейших проблем в области денежного обращения в СССР становится неспособность Гознака печатать деньги в масштабах, которые требуются для удовлетворения нужд Госбанка. Председатель правления Госбанка СССР В.Герашенко – президенту М.Горбачеву (13 ноября 1991 года):

«Потребительский рынок характеризуется дефицитностью практически по всем видам товаров, растет неудовлетворенность спроса на товары и услуги, усиливается спекуляция. В результате этого на руках у населения и в организованных формах сбережений (то есть на сберкнижках. – **О.М.**) на январь – октябрь 1991 года дополнительно накопилось 159,3 миллиарда рублей... Таким образом, разрыв между денежными доходами и расходами населения увеличивается с каждым месяцем... Гознак не может обеспечить выполнение повышенных заказов Госбанка СССР на изготовление банкнот, так как производственные мощности бумажных и печатных фабрик Гознака перегружены, работа на них в 1991 году практически ведется в три смены... Одной из

основных причин ухудшения состояния денежного обращения в 1991 году являются растущие дефициты бюджетов республик и Центра... Республики как бы соревнуются в размерах дефицитов своих бюджетов, проявляя повышенные требования на наличные деньги».

«Крах системы административного управления товаропотоками ведет к дальнейшему падению поступлений от экспорта. Из письма заместителя министра экономики и прогнозирования СССР В. Дурасова заместителю руководителя Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР Ю. Лужкову от 28 ноября 1991 года:

«По итогам 9 месяцев текущего года против установленных графиков на экспорт недопоставлены металлопродукция, лесоматериалы, нефтепродукты, цемент, минеральные удобрения, каменный уголь и другие товары на сумму около 4 миллиардов рублей во внешнеторговых ценах, что создало критическую ситуацию с обеспечением обязательных платежей Внешэкономбанка СССР».

КОНЕЦ СССР

Беловежье. Зачем они съезжаются

С какой именно целью Ельцин 7 декабря направился с двухдневным визитом в Минск, доподлинно все же не было известно. Сообщалось, мы помним, – чтобы заключить с Белоруссией экономическое соглашение. Но вот в Белоруссию отправился и Кравчук. А он-то, казалось бы, здесь причем? Однако и Леонид Макарович при отъезде заявил, что главным на встрече должны стать экономические проблемы. Что же касается проблем политических, то о них вроде бы речь пойдет так, между делом, «факультативно». Как сказал Кравчук, – «погоняем мозги».

Но тот факт, что встречаются уже не двое, а трое, кое-кого навел на некоторые предположения. 7 декабря «Российская газета» написала: «по неофициальной информации» (официально, повторяю, ничего не сообщалось), «речь может идти о создании некоего трехстороннего объединения».

То есть «о чем-то таком» люди все же догадывались. Догадкам способствовало и то, что заранее появилось предупреждение: журналисты на эти переговоры допущены не будут. Если бы разговор ограничивался экономикой, чего бы, кажется, скрывать?

Ельцин выступает в белорусском парламенте

7 декабря Ельцин выступил в Верховном Совете Белоруссии. Уже из этого выступления, из ответов на вопросы стало ясно, в чем состоит то главное, ради чего, собственно говоря, российский президент прибыл в Минск.

– Старого Союза уже нет, нового Союза тоже пока нет, – констатировал Ельцин. – Ушла в историю попытка воссоздания Союза СССР в ленинской интерпретации. Сегодня терпит неудачу идея полуфедерации, полуконфедерации (так Ельцин окрестил последний горбачевский вариант ССГ. – **О.М.**) Если останется хотя бы небольшой элемент унитаризма, есть риск возрождения той системы, которая уже завела нас в тупик. Всех пугает наличие Центра и его возможное возрождение в старых формах. Участников переговоров становится все меньше (имеются в виду переговоры в Ново-Огареве. – **О.М.**) Если так будет продолжаться, за стол переговоров некому вообще будет сесть. В резиденции «Вискули» руководители славянских республик будут обсуждать четыре – пять вариантов Союзного договора. Встреча трех руководителей государств, возможно, станет исторической.

Здесь мы видим еще одно подтверждение того, что Ельцин исполнен решимости окончательно поставить точку в истории существования прежнего Советского Союза и создать что-то взамен, но что именно, он еще сам не знает, – он говорит о нескольких возможных вариантах решения.

Кстати, тут Ельцин, по-видимому, допустил некоторую неосторожность, сказав, что они с Кравчуком и Шушкевичем собираются обсуждать варианты Союзного договора. Если бы его слова тогда услышал Кравчук, он бы, пожалуй, развернул самолет и полетел назад в Киев, как это сделал позднее, в 1999 году, Примаков, не долетев до США и вернувшись в Москву (поводом для такого авиационного маневра послужила полученное тогдашним российским премьером известие, что НАТО вот-вот начнет бомбить Югославию). Ни о каком Союзном договоре украинский президент вообще слышать не хотел.

Конец СССР

8 декабря Ельцин, Кравчук и Шушкевич подписали в Беловежской пуще, в правительственной резиденции «Вискули» соглашение, в котором говорилось, что Белоруссия, Российская Федерация и Украина как государства – учредители Союза ССР, подписавшие Союзный договор 1922 года, констатируют: Союз ССР «как субъект международного права и геополитическая реальность» прекращает свое существование. Одновременно три республики образуют Содружество Независимых Государств. С момента заключения соглашения на территориях Содружества «не допускается применение норм третьих стран, в том числе бывшего СССР», деятельность органов прежнего Союза прекращается. К сфере совместной деятельности стороны отнесли координацию внешней политики, формирование общего экономического пространства, европейского и евразийского рынков, таможенную и миграционную политику...

Важный пункт соглашения, в котором больше всего, наверное, была заинтересована Украина: члены Содружества «признают и уважают территориальную целостность друг друга и неприкосновенность существующих границ в рамках Содружества». То есть отныне все разговоры о том, что кто-то кому-то должен вернуть

какие-то территории, произвольно прирезанные большевиками или их наследниками, надлежало прекратить.

Было решено сохранить объединенное командование «общим военно-стратегическим пространством», единый контроль над ядерным оружием.

Объединенное командование просуществует недолго. Все захотят иметь собственные армии. Единый контроль над ядерным оружием тоже не состоится, просто потому, что вообще непонятно, как его осуществлять.

В соглашении говорилось также, что оно открыто для присоединения всех членов бывшего Союза ССР, а также иных государств, разделяющих цели и принципы соглашения.

Обратим внимание на слово «присоединение». В дальнейшем оно станет предметом немалых споров и обид.

Дальше, может быть, стоит в подробностях рассказать, как все происходило. Распад империи... Все-таки не каждый день такие события случаются.

7 ДЕКАБРЯ, ДЕНЬ И ВЕЧЕР

Сознательно ли они шли к этой цели?

Разные участники той встречи говорят об этом по-разному.

Леонид Кравчук:

«Мне позвонил Шушкевич и говорит: «Леонид Макарович, у нас здесь Ельцин. Может быть, и вы подъедете?» То есть заранее ничего не планировалось. Правда, я раньше начал говорить с руководителями республик, что нам нужно собраться для того, чтобы посоветоваться. Но где собраться, как? Если делать это открыто, то не устроит ли нам противодействие Горбачёв? И вдруг... Ельцин едет в Белоруссию подписывать какое-то соглашение о содружестве. Шушкевич позвонил мне 6 декабря, а 7-го я уже вылетел. Мне задавали вопросы корреспонденты в аэропорту, я отвечал, хоть и не знал, чем это закончится...»

Вячеслав Кебич (в ту пору белорусский премьер):

«Подписание Беловежских соглашений о распаде СССР в 1991 году было спонтанным... Вся эта поездка задумывалась не с целью подписания этого договора (о ликвидации СССР). Я твердо уверен, что ни я, ни Шушкевич, ни Кравчук, ни Фокин с украинской стороны не знали, что будет подготовлен и подписан такой документ. Все это знал один Ельцин... Правда, возможно, даже Ельцин не думал, что появится именно такой документ... У него было одно единственное желание – свергнуть Горбачева, не поделить власть, а свергнуть».

(Как видим, даже бывшие высокопоставленные деятели поддерживают этот миф).

Станислав Шушкевич также уверяет, что решение о прекращении существования СССР, по крайней мере, для него самого, фактически было спонтанным, сформировавшимся в течение нескольких часов. «Мы собрались 7 декабря 1991 года в Вискулях, чтобы обсудить вопросы поставок нефти и газа на Украину и в Белоруссию», – говорил Шушкевич в интервью газете «Время новостей» (опубликовано 8 декабря 2006 года). Между тем, по его словам, «очень быстро стало понятно, что экономические проблемы невозможно решить без политического определения, кто есть кто». «В первый вечер, 7 декабря, мы поговорили буквально полчаса, когда возник вопрос, согласны ли

мы подписаться под фразой, что СССР как геополитическая реальность и субъект международного права прекращает свое существование», – сказал Шушкевич.

Правда, по словам Шушкевича, «вопрос о распаде СССР назревал, но до встречи в резиденции никто прямо не говорил о необходимости констатировать тот факт, что Советский Союз уже практически развалился». Последним толчком к распаду страны, как считает Шушкевич, послужил августовский путч 1991 года. «После этого страна стала неуправляемой, появилось много опасностей, о которых тогда мы, правда, не говорили. Уже потом я понял, что мы, судя по всему, предотвратили югославский вариант».

Шушкевич вспоминает, что при подписании беловежских документов у него «никакого страха почему-то не было». Не было у него и «никакого чувства исторической значимости, величия или переживаний по поводу кончины этого монстра». «Все эти чувства, – говорит он, – в меня вбили позднее. Тогда я просто считал, что мы делаем нормальное дело, которое должно оздоровить обстановку на советском пространстве».

«Все трое знали, что речь пойдет о будущем Союза»

Одним из активных участников беловежских событий был Егор Гайдар, за месяц до них назначенный вице-премьером российского правительства. Об этих событиях мы с ним беседуем в апреле 2009 года. Интересно, знал ли он, когда летел в Белоруссию, что будет происходить в Беловежской пуще, в Вискулях.

– Нет, не знал, – отвечает Гайдар, – Борис Николаевич попросил меня полететь с ним в Минск, сказав, что есть идея встретиться там с Кравчуком и Шушкевичем и обсудить с ними вопросы взаимодействия в этих сложившихся кризисных условиях.

– Вы хорошо помните, что в этот момент упоминалось имя Кравчука? Сначала ведь Ельцин вроде бы собирался встретиться только с Шушкевичем.

– Нет, к тому времени, когда Борис Николаевич дал мне указание лететь с ним, Кравчук уже упоминался.

– А другие, кто с вами летел из Москвы, знали о том историческом событии, которое должно там произойти? В печати ведь сообщалось, что состоятся всего-навсего экономические переговоры между Россией и Белоруссией?

– Это был первый этап той поездки. Сначала же мы полетели не в Вискули, а в Минск. В Минске у нас действительно были консультации с одними белорусами, только потом мы поехали в Вискули.

– То есть по степени информированности все были примерно в одинаковом положении?

– Да.

– Некоторые участники тех событий (Кравчук, Шушкевич, Кебич) уверяют, что все произошло достаточно спонтанно – никто ничего заранее не планировал. Впрочем, Кебич утверждает, что «все знал один Ельцин». Так ли это?

– Думаю, о том, что речь пойдет не только об экономических вопросах, но и о будущем Союза, знал не только Ельцин, – Кравчук и Шушкевич тоже знали... Что касается того «исключительного знания», которым будто бы обладал Ельцин... Было ощущение, что Борис Николаевич понимает: проблема есть – СССР зашел в тупик, что-то надо делать. Он понимает: масштабы ответственности огромны... Но у него в тот момент не было какого-то твердо выработанного окончательного решения, в какую именно сторону надо повернуть судьбу страны... Ясно было, что предстоит переговорный процесс, что надо будет договариваться, что надо быть достаточно гибким... То, что надо договариваться, это было ясно всем участникам встречи. Но каким именно будет результат договоренности, в общем, по состоянию на вечер 7-го, никто не знал.

Вспоминает Леонид Кравчук...

В воспоминаниях участников беловежской эпопеи нередко встречаются неточности и противоречия. С одной стороны, можно объяснить это тем, что все волновались, при этом память работала избирательно: что-то в нее врезалось яркими картинками, что-то, напротив, оказалось незамеченным или даже искаженным. Вторая причина – кто-то из вспоминающих вольно или невольно желает отвести себе более

важную роль в тех событиях, нежели она была на самом деле. Особенно это относится к Кравчуку. Правда, у него действительно была важная роль, но, возможно, по прошествии времени, ее хочется представить еще важнее.

Вот текст из его книги «Маємо те, що маємо...» («Имеем то, что имеем...»):

«7 декабря мне позвонил председатель белорусского парламента и пригласил в гости (раньше, мы видели, Кравчук говорил, что Шушкевич позвонил ему 6-го, но это еще мелочи. – **О.М.**) Он сообщил, что в Минск прибыл президент Российской Федерации: руководители двух стран должны были подписать соглашение об экономическом сотрудничестве. Шушкевич подчеркнул, что Ельцин предлагает нам троим встретиться и обсудить (как было заранее запланировано) перспективы нового союзного соглашения. (Как видим, планы все-таки не ограничивались обсуждением одних только экономических проблем. – **О.М.**)

По предложению белорусского лидера местом нашей встречи была избрана Беловежская пуца, заповедник в Брестской области неподалеку от польской границы. До декабря 91-го я там никогда не бывал, зато много о Пуце слышал: еще во времена Хрущева в беловежских охотничьих угодьях устраивали охоту для высоких должностных лиц, в том числе и для важных зарубежных гостей. Пуца оказалась действительно сказочным местом, но у нас времени на любование пейзажами не было.

7 декабря поздно вечером мы все собрались в резиденции «Вискули»: Борис Ельцин, Станислав Шушкевич, я, два премьера – Владимир Кебич и Витольд Фокин, а также российский госсекретарь Геннадий Бурбулис. За ужином решили официальные вопросы отложить на утро. В десять утра 8 декабря мы сели за стол переговоров. Полностью описывать те события не вижу смысла. Остановлюсь на ключевых, с моей точки зрения, эпизодах. Безусловно, все присутствующие знали об итогах недавнего референдума в Украине. Но я считал принципиальным максимально широко познакомить своих коллег по переговорному процессу с тем, что произошло в нашей стране несколькими днями раньше. Вскоре я убедился, что не ошибся. Даже не ожидал, что россияне и белорусы будут столь поражены результатами голосования, особенно в традиционно русскоязычных регионах – в Крыму, на юге и востоке Украины. То, что

подавляющее большинство неукраинцев (а их в республике было около 14 миллионов) столь активно поддержало государственную независимость, оказалось для них настоящим открытием.

Это, как мне кажется, и стало поворотным моментом сложной встречи. Именно тогда мы все подсознательно почувствовали, что сегодня будет решена дальнейшая судьба Союза. Ельцин ничего не говорил, но смотрел на меня выжидательно. Очень красноречивым был и взгляд Шушкевича. Тогда я предложил перейти к непосредственному обсуждению будущего соглашения и ознакомил присутствующих с разработками моей команды. Обсуждение, продолжавшееся более двух часов, оказалось бурным и трудным. Как всегда бывает в подобных случаях, появился камень преткновения: имеют ли три государства право принимать решение о роспуске Союза, если создан он был с участием большего количества стран? После долгих дискуссий и консультаций с юристами мы наконец нашли компромисс.

Как известно, именно Россия, Украина и Белоруссия стояли у истоков создания СССР, следовательно, указанные республики имели историческое право задекларировать процесс ликвидации этого государственного образования и сформулировать фундаментальные принципы нового образования. При этом была признана необходимой ратификация договора парламентами и предоставление возможности присоединения к нему другим республикам.

Дальше работа пошла веселее. Участвовали в обсуждении все, роль добровольных «писарей» взяли на себя я и Бурбулис. Когда тяжелый труд был завершен, все мы почувствовали большой подъем... Когда я смотрел на эти несколько листов бумаги, на которых еще не высохли чернила, я начинал осознавать: мы не только подписали соглашение. Мы только что написали новый раздел истории».

Черновик Соглашения был написан ночью

В общем-то, в приведенном рассказе Кравчука – довольно сильное отклонение от истины, как все происходило в Вискулях. В памяти бывшего украинского президента, по-видимому, произошло некоторое смещение событий во времени. По рассказам других свидетелей, – а их, пожалуй, большинство, – оживленное обсуждение ситуации началось уже за ужином 7-го. И про украинский референдум Кравчук рассказывал тогда же, а не следующим утром (хотя, в общем-то, о референдуме и без рассказа Кравчука всем было достаточно хорошо известно). Я уж не говорю о том, что черновой текст Беловежского соглашения был подготовлен ночью с 7-го на 8-го, так что говорить, будто «поворотный момент» переговоров обозначился лишь 8-го, довольно странно.

«Но мы должны были идти дальше, – пишет в продолжение своего рассказа Кравчук. – Естественно, необходимо было сообщить Горбачеву, хотя по понятным причинам информировать президента СССР добровольно никто не вызвался. Коллегиально решили поручить этот весьма деликатный вопрос Станиславу Шушкевичу как хозяину встречи. Бориса Николаевича мы уполномочили непосредственно поговорить с Михаилом Сергеевичем в Кремле 9 декабря.

Вдруг Ельцин предложил позвонить президенту США Джорджу Бушу и сообщить ему о наших переговорах и их результатах. Мы не возражали, понимая, что Ельцин (еще не забывший август 91-го) хотел застраховаться от возможных неожиданностей. Кстати, позднее из «Вискулей» президент России сделал еще один звонок – министру обороны СССР Евгению Шапошникову и заручился его поддержкой на случай чрезвычайных обстоятельств».

Тут Кравчук, видимо, опять допускает неточность: по другим свидетельствам, Шапошникову Ельцин позвонил раньше, чем Бушу и Горбачеву. Да и по логике вещей требовалась именно такая последовательность (необходимо было в первую очередь заручиться поддержкой военных).

Кравчук:

«Любопытно, что связь с Вашингтоном установили раньше, чем с Москвой. Реакция обоих президентов известна: спокойная, уравновешенная – Буша, возмущенная, возбужденная – Горбачева. Михаил Сергеевич беседовал с Шушкевичем недолго: сразу же потребовал к телефону Ельцина и в разговоре с ним заявил, что желает видеть нас всех троих у себя завтра, 9 декабря. Российский президент сообщил, что на встречу придет лишь он. Это еще больше усилило раздражение Горбачева.

После крайне нервного разговора со своим постоянным оппонентом Ельцин предложил найти президента Казахстана (который в основном разделял наши взгляды), сообщить ему обо всем и предложить присоединиться к только что подписанным беловежским соглашениям. Борис Николаевич заметно нервничал, он опасался, что Горбачев сможет перетянуть Назарбаева на свою сторону, а это, по его мнению, могло поставить под угрозу весь процесс образования Содружества Независимых Государств, поскольку казахстанский лидер имел немалое влияние на некоторых своих коллег (в частности, на Акаева, Каримова и Ниязова). Вскоре выяснилось, что Назарбаев как раз летит в Москву. Я уговаривал Бориса Николаевича не волноваться, так как был уверен, что обратного хода этот процесс уже не получит. Но Ельцин все же приказал своим подчиненным разыскать президента Казахстана и уговорить его приехать в Беларусь. Представителям лидера России удалось «перехватить» Назарбаева во Внукове, но тот отказался менять свои планы».

Снова неточность: с Назарбаевым телефонные разговоры велись до разговоров с Бушем и Горбачевым. И приехать Назарбаев отказался не сразу, сначала пообещал, что придет.

К приему гостей готовились давно

Несколько по-другому описывает то, что происходило в Вискулях, другой участник тех исторических событий – бывший министр иностранных дел Белоруссии Петр Кравченко. Начать с того, что, согласно его утверждению, все происходившее там

вовсе не было какой-то импровизацией. Признаки, что именно на территории Белоруссии должно свершиться что-то важное, лично он стал замечать уже за несколько недель до того, как случились сами события. В середине ноября в Белоруссию собирался приехать только что вернувшийся на пост союзного министра иностранных дел Эдуард Шеварднадзе. Как предположил Кравченко, – по заданию Горбачева, чтобы прозондировать обстановку в республике. Об этом своем намерении Шеварднадзе уведомил Кравченко, тот согласовал этот вопрос с белорусским премьером Вячеславом Кебичем (у премьера не было возражений). Однако через несколько дней Кебич позвонил Кравченко и неожиданно велел ему попросить Шеварднадзе, чтобы тот «повременил» с приездом в Белоруссию. «По поведению Кебича, – пишет Кравченко, – нетрудно было понять: готовится что-то серьезное, но что именно, оставалось для меня загадкой». Чуть позже аналогичная история произошла с известным американским телемагнатом, владельцем компании CNN Тедом Тёрнером, которого Кравченко, еще в октябре, пригласил поохотиться в Беловежскую пушу (рассчитывал «пристроить на CNN какой-нибудь серьезный материал о Белоруссии»). Тогда опять-таки тот же Кебич согласился предоставить Тёрнеру ту самую правительственную резиденцию «Вискули». И вот накануне приезда американца, 4 декабря, снова от Кебича – команда «отбой»: «Знаешь, Петр Кузьмич, седьмого к нам прилетают Ельцин и Кравчук. Готовится встреча руководителей трех республик...» Правда, – уверение: «О чем пойдет разговор, не знаю...»

Короче говоря, в действительности, по-видимому, и в Минске, и в Москве, и в Киеве в самом деле прекрасно знали заранее, что в Вискулях встретятся именно трое, а не двое, и что говорить они будут о вещах более серьезных, чем какие-то частные экономические проблемы.

Почему в Беловежской пуше?

В дальнейшем немало догадок, домыслов прозвучало насчет того, почему именно Вискули выбрали как место встречи. Так, бывший пресс-секретарь Горбачева

Андрей Грачев, пишет: мол, выбор этот был связан с тем, что рядом белорусско-польская граница – в случае чего сели в вертолет и перемахнули через нее. Однако Кравченко приводит другую версию: Вискули были выбраны еще год назад, в декабре 1990-го, когда в Москву приезжала белорусская правительственная делегация для заключения договора с РСФСР. В делегацию входил ряд депутатов белорусского парламента, которые провели несколько неформальных встреч с людьми из окружения Ельцина. Среди прочего, говорили о необходимости создания нового постсоветского образования, причем по сценарию Ельцина, а не по плану Горбачева. Тогда-то один из белорусских депутатов и предложил для заключения нового договора собраться в Беловежской пуще. Находится она возле Бреста, а с этим городом связана одна из самых позорных страниц советской истории. Здесь в 1918 году был заключен Брестский мир, в соответствии с которым, как известно, вождь российских большевиков Ленин отдал немцам значительную часть Белоруссии и Украины. Так что, если исторический договор будет подписан здесь же, это как бы послужит символом восстановления справедливости. Это предложение было принято.

Как мы знаем, идея создания «союза четырех» как ядра будущего Союза позже звучала не раз, особенно в речах Ельцина. Правда, к Беловежью, к Вискулям она не привязывалась. Да это и не было принципиально – в конце концов подписать соглашение можно было и в другом месте.

Сколько было «зубров»

В своем рассказе о памятных событиях Кравченко «сократил» число «беловежских зубров» с трех до двух: белорусская сторона, по его словам, не играла там какой-то сколько-нибудь важной роли. Спикеру белорусского парламента Станиславу Шушкевичу Кравченко он вообще дает довольно пренебрежительную характеристику:

«Шушкевич никогда не стремился к суверенитету и независимости Беларуси. По своей ментальности он всегда боялся политической самостоятельности, умудряясь на

каждом витке своей карьеры найти для себя влиятельного патрона... Осенью 1991 года из всех руководителей союзных республик Шушкевич был самым последовательным приверженцем Союза. В сентябре он даже позволил себе сделать довольно резкое заявление с критикой российского руководства, политика которого, по его мнению, может «помешать подписанию Союзного договора». В октябре вместе с Горбачевым подписал обращение к украинскому парламенту с призывом поддержать заключение нового Союзного договора. И только в середине ноября, когда Станислав Станиславович понял, что сила не на стороне Горбачева, он, не терзаясь сомнениями, переметнулся на сторону Бориса Ельцина».

Так что, заключает Кравченко, главными игроками в Вискулях были, безусловно, Кравчук и Ельцин. Украинский лидер стремился добиться для своей страны полной независимости, российский же президент – так, по крайней мере, считает Кравченко, – надеялся сохранить «хоть какое-то подобие Союза».

При всем при том, как считает бывший белорусский министр, хотя Шушкевич и Кебич были в том раскладе второстепенными фигурами, это вовсе не означает, что они не знали, зачем они едут в Беловежскую пущу.

Еще одна деталь. В самолете по дороге к месту главных событий Кравченко от своего российского коллеги Андрея Козырева, как он говорит, впервые услышал, что в Вискулях должна состояться не простая встреча – планируется подготовить и подписать документ, «который бы определил и зафиксировал сущность происходящих на наших глазах государственных процессов». Кравченко поинтересовался, есть ли уже какие-то наработки для этого документа. Козырев ответил, что никаких наработок, никаких проектов российская сторона заранее не готовила. На предположение Кравченко, что в таком случае в Вискулях их ждет нелегкая работа никак не меньше чем на неделю, Козырев «только улыбнулся».

В атмосфере тревоги

В Вискули приехали около пяти вечера (напомню – 7 декабря). В каждой из трех делегаций было по пять-шесть «основных» членов. Белорусский премьер Кебич взял с

собой «сверх штата» еще нескольких силовиков: председателя КГБ Эдуарда Ширковского, командующего Белорусским военным округом Анатолия Костенко и председателя таможенного комитета Геннадия Шкурдя. Зачем это было сделано? Как полагает Кравченко, Кебич, «хотел иметь силовиков под рукой – мало ли как прореагирует Москва и какие начнут оттуда поступать приказы».

Тревожился не один Кебич. «Тревога ощущалась в репликах буквально каждого участника встречи, – пишет Кравченко. – Все чувствовали себя неуютно. Время от времени звучал довольно мрачный юмор:

– Ну что, собрались все вместе?! Вот тут можно сразу всех и накрыть одной ракетой.

Полушутя говорили о высадке десанта, о том, что Горбачев может пойти на применение силы».

Переговоры начались еще за ужином

В отличие от Кравчука бывший белорусский министр иностранных дел пишет, что переговоры начались – да, собственно говоря, в значительной степени и завершились (были приняты некоторые принципиальные решения) – еще за ужином 7 декабря. Причем ужин был «нормальный», с выпивкой.

Петр Кравченко:

«Разговор начал Ельцин, заявив, что старый Союз больше не существует и мы должны создавать нечто новое. Помню, Кравчук криво усмехнулся, выслушав эту преамбулу. Он сидел прямо напротив Ельцина. Завязалась дискуссия, острая по сути, но вполне спокойная по форме. Ельцину оппонировал в основном Кравчук, остальные больше помалкивали.

У Кравчука было приподнятое настроение – в тот день он подстрелил кабана. Украинцы прилетели в Пущу раньше нас с россиянами, и сразу же отправились на охоту. Охотой это можно было назвать с большой натяжкой. Кравчук с вышки расстрелял привязанного за ногу кабана. (Сам Леонид Макарович об этом своем подвиге пишет

несколько иначе: дескать, кабанчик от него «ушел». – **О.М.**) Но он был возбужден, радостен и, поднимая чарку, с невинной улыбкой хоронил инициативы Ельцина одну за другой. (Не по одной, стало быть, опрокинули чарке. – **О.М.**)

Позиция Кравчука была вполне предсказуема. Первого декабря в Украине состоялись президентские выборы и референдум о независимости. Президентом в первом туре был избран Кравчук, а на референдуме больше 90 процентов украинских граждан проголосовали за выход Украины из состава СССР.

Ельцин искренне старался спасти Союз, пусть даже в новой, видоизмененной форме. Он убеждал Кравчука в том, что мы не должны далеко уходить друг от друга, говорил, что нам этого не простят народы, не простят ни наши потомки, ни предки, создававшие эту страну. Он вспоминал об общей истории, дружбе, тесном экономическом сплетении наших республик...

Но Кравчук был непоколебим. Улыбчиво и спокойно он парировал доводы и предложения Ельцина. Кравчук не хотел ничего подписывать! Его аргументация была предельно простой. Он говорил, что Украина на референдуме уже определила свой путь, и этот путь – независимость. Советского Союза больше нет, а создавать какие-то новые союзы ему не позволит парламент. Да Украине эти союзы и не нужны, украинцы не хотят идти из одного ярма в другое».

Дело спасает Фокин

Переговорная дуэль двух президентов продолжалась больше часа. К концу ужина, когда казалось, что разговор окончательно зашел в тупик, ситуация, как пишет Кравченко, вдруг начала меняться благодаря украинскому премьеру Витольду Фокину. На перспективу окончательного развала Советского Союза он смотрел несколько иначе, чем его шеф, – ему как хозяйственнику она не очень нравилась. Конечно, субординация не позволяла ему прямо возражать своему президенту, поэтому он выбрал другую тактику: то и дело цитируя Киплинга, он стал говорить о единстве крови братских народов, о единстве их исторических корней... Потом перешел к экономическим

аргументам. Прекрасно владея соответствующей статистикой, уже более убедительно, чем Ельцин, доказывал, насколько связана экономика трех республик.

Эти речи украинского премьера принесли плоды. Петр Кравченко:

«В конце концов, позиция Кравчука вдруг смягчилась, и стороны начали хоть и медленно, но двигаться навстречу друг другу...

Кравчук окончательно сломался в десятом часу:

– Ну, раз большинство за договор... Давайте подумаем, каким должно быть это новое образование. Может, действительно не стоит нам далеко разбегаться...»

Собственно говоря, «большинство» составлял один лишь Ельцин. По словам Кравченко, во время этого ужина ни Шушкевич, ни Кебич, «никак себя практически не проявляли», да и Ельцин с Кравчуком их как бы не замечали. Белорусские руководители произносили тосты, когда подходила их очередь, но в дуэль Ельцина и Кравчука не вмешивались. Хотя было заметно, что они полностью поддерживают российского президента, время от времени они ему даже тихо поддакивали.

Версия Гайдара

Как видим, уже и две приведенные версии событий – принадлежащие двоим людям с похожими фамилиями, Кравчуку и Кравченко, – довольно сильно отличаются друг от друга. Кравчук говорит, что за ужином 7 декабря ничего особенного не происходило, по словам же Кравченко все главные вопросы после долгого и напряженного обсуждения удалось решить как раз за этим ужином. Далее последовало уже написание текста соглашения и других связанных с ним документов.

Егор Гайдар более склоняется к версии Кравченко, хотя и с ней не во всем согласен. В частности, он не может подтвердить, что разговор шел именно по такой схеме: дескать, в основном дискутировали друг с другом Ельцин и Кравчук, которые никак не могли договориться между собой, но потом в спор вступил Витольд Фокин, который и привел двух лидеров к согласию.

– Память ведь иногда изменяет, – говорит Гайдар, – особенно когда речь идет о таких деталях, кто с кем пикировался, что сказал Ельцин, что сказал Кравчук, что сказал Фокин... Но у меня не было впечатления, что все смотрели Кравчуку в рот и что Борис Николаевич допытывался у него, какая форма Союза может сохраниться после украинского референдума. Там был общий обмен мнениями о сложившейся ситуации, не более того. Я бы сказал так: ключевые вопросы за ужином, конечно, не были решены. То есть все согласилось с тем, что Советский Союз – не функционирующее государство, и с этим что-то надо делать. Вот с этим все согласилось. Но сама формула документа, его текст, – они, конечно, были подготовлены не в этом застолье, они были готовы где-то к двум часам ночи, после напряженной работы группы экспертов.

И все-таки еще одна версия происходившего за ужином. Сергей Шахрай (в интервью «Новым известиям»):

– Борис Ельцин и Станислав Шушкевич поначалу пытались уговорить Леонида Кравчука сохранить хоть в каком-нибудь виде Союз. Однако украинцы не желали даже слышать это слово. Кравчук вообще держался очень вальяжно, непривычно уверенно в себе. За неделю до этого он был с большим перевесом избран президентом, и за спиной у него был референдум 1 декабря, на котором Украина проголосовала за независимость. Поэтому на все предложения он сразу отвечал отказом...

Как видим, из воспоминаний ряда участников беловежский событий все-таки вытекает: разговор за столом вечером 7 декабря в значительной степени сводился к тому, что приходилось уговаривать «вальяжного» Кравчука, не желавшего и слышать ни о каком объединении.

«Выпили, конечно, по рюмке»

Любимый мотив «беловежского мифа»: все там перепились, и в пьяном угаре развалили великую страну. Из рассказа Кравченко действительно можно сделать вывод, что за ужином выпили довольно много: чуть ли не каждый говорящий строил свою речь наподобие тоста, и все эти «тосты» шли по кругу. Гайдар отрицает это. По его словам, за ужином «выпили, конечно, по рюмке», но, в общем, было не до того. Все были

напряжены, особенно три ключевых участника переговоров, поскольку отчетливо осознавали, что ситуация сложная.

Так все-таки ключевых участников было три или два? Как мы видели, по утверждению Кравченко, белорусская сторона – Шушкевич и Кебич, – не играла сколько-нибудь существенной роли в переговорах, так что все решали только Ельцин и Кравчук.

Гайдар:

– Я бы так не сказал. Начать с того, что белорусская сторона была одним из соавторов самого текста базового соглашения. Его, собственно, разрабатывали россияне и белорусы... За ужином – да, Шушкевич почти не участвовал в разговоре. Он вообще очень переживал происходившее. Станислав Станиславович не был ни сторонником сохранения Союза, ни его противником. Позднее, 8-го, перед подписанием документа, обращаясь к Ельцину и Кравчуку, он сказал примерно так (передаю его слова по памяти): «Вы – большие, а мы не такие большие. Мы примем любое решение, которое вы согласуете между собой. Но вы вообще-то понимаете меру ответственности, которую вы берете на себя?»

В общем, все-таки, как ни крути, у Шушкевича была второстепенная роль. Он сам ее обозначил этими словами.

8 ДЕКАБРЯ, НОЧЬ И ДЕНЬ

Как рождался текст

Текст исторического соглашения писали ночью в коттедже, где остановился Гайдар. Как уже говорилось, над ним работали российские и белорусские эксперты. Украинцы в этом почему-то не участвовали (Гайдар: «Они подошли к той даче, где я жил, но через порог ее не переступили, не решились»). Хотя это странно: как-никак, Кравчук был основным тараном, долбившим Советский Союз. Впрочем, если говорить не о «таранной» функции, а о созидательной, – касающейся того, что все-таки должно быть создано на месте Союза, – тут Украина действительно не была в первых рядах. (Гайдар: «В тот вечер украинцы так и не поняли, что мы хотим там подписывать. В этой связи у них были колебания»).

С российской стороны над текстом работали госсекретарь и первый вице-премьер Эдуард Бурбулис, вице-премьеры Егор Гайдар и Сергей Шахрай, министр иностранных дел Андрей Козырев (иногда в этой группе упоминается еще первый помощник Ельцина Виктор Илюшин), с белорусской – вице-премьер Михаил Мясникович и министр иностранных дел Петр Кравченко.

Спрашиваю Гайдара, на какие документы опирались в этой скоропалительной работе. Та «Аналитическая записка Бурбулиса» играла при этом какую-то роль?

– Нет, – говорит Гайдар. – Это ведь был общеполитический документ, в нем не содержалось никакого плана будущего Беловежского соглашения.

– Кравчук утверждает, что у украинцев были какие-то свои разработки...

– Возможно, такие разработки и были, но они их нам не представили. Собственно говоря, как я уже сказал, украинская делегация в тот вечер вообще не принимала участия в работе над текстом. Работали мы и белорусы.

За основу взяли проект документа, подготовленный Шахраем. Он не был заранее ни с кем согласован, даже с Ельциным. Шли по нему, что-то редактировали, что-то дописывали. Текст писал Егор Гайдар.

Забавная деталь: в правительственной резиденции не оказалось не то что компьютера (их тогда вообще было мало), – даже пишущей машинки. Ее вместе с машинисткой привезли уже под утро из канцелярии Беловежского заповедника. Поскольку почерк у Гайдара, по его собственным словам, «отвратительный», ему пришлось диктовать созданный за ночь текст.

После завтрака руководители делегаций получили черновик текста. Теперь настала их очередь работать над документом.

Сергей Шахрай:

– Когда, наконец, была готова «болванка», ее размножили на телефаксе в трех экземплярах, и эти рулоны понесли через коридор в другую комнату, где сидели втроем Ельцин, Кравчук и Шушкевич. С ними в тот момент не было ни экспертов, ни советников. Никто не мог дернуть за рукав, добавить уверенности. Вот тут-то, к сожалению, и пошло вычеркивание. В основном вычеркивал Кравчук. Ельцин вынужден был соглашаться. К нам от президентов бумаги вернулись уже с пометками. Страницы снова исправлялись, множились, и так по несколько раз, пока не пришли к итогу, который Кравчук был готов подписать.

Уговаривают Назарбаева приехать

Позже говорили, что в Беловежской пуще трое лидеров вознамерились – и реализовали такое намерение – создать содружество трех СЛАВЯНСКИХ государств. В

действительности такого намерения не было. В принципе в Вискули можно было бы пригласить и другие республики, опасались, однако, что Горбачев может сорвать такую встречу. Да и технически это было сложнее – собрать вместе не три, а одиннадцать-двенадцать республик. Не только собрать, но и быстро согласовать итоговые документы. Однако, когда эти документы были готовы к подписанию, решили пригласить в Вискули Назарбаева (наиболее значимую фигуру среди «центральноазиатских» лидеров, к тому же в ту пору весьма активную и популярную), с тем чтобы и он поставил свою подпись. Тем самым было бы продемонстрировано, что создается вовсе не объединение славянских государств, что СНГ открыто для присоединения всех бывших союзных республик.

Оказалось, что как раз в этот момент Назарбаев летит из Алма-Аты в Москву – на заседание Госсовета, которое Горбачев созывал 9 декабря. Решили с ним связаться и уговорить, чтобы он изменил курс и летел в Вискули. Однако установить связь с самолетом Назарбаева не удалось. Как говорили, возможно, Горбачев, предвидя такое развитие событий, дал указание союзному министру гражданской авиации воспрепятствовать этому, а уж тот распорядился, чтобы диспетчеры аэропорта Внуково, – связаться же с Назарбаевым можно было только через них, – не предоставляли «беловежцам» служебную связь.

Кравченко:

«Пришлось дожидаться, когда самолет Назарбаева приземлится. С ним связались уже в аэропорту. С президентом Казахстана по очереди разговаривали Ельцин, Кравчук и Кебич. Назарбаев ответил:

– Я поддерживаю идею создания СНГ. Ждите меня, скоро к вам вылечу».

Это было, конечно, очень важно: территория создаваемого Содружества стремительно расширялась – за счет огромной территории Казахстана. Петру Кравченко поручили быстро подготовить специальный протокол о присоединении Казахстана к СНГ. Кравченко его подготовил. Вот текст этого документа:

«Казахская ССР является государством – учредителем Содружества Независимых Государств и присоединяется к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств, подписанному 8 декабря 1991 года в Минске.

Президент Казахской ССР Н. Назарбаев

Протокол является неотъемлемой составной частью Соглашения о создании СНГ и вступает в силу с момента его подписания.

Совершено в г.Минске 8 декабря 1991 года в четырех экземплярах на белорусском, казахском, русском, украинском языке, каждый из которых имеет одинаковую силу.

Председатель Верховного Совета

Республики Беларусь С.Шушкевич

Президент Казахской ССР Н.Назарбаев

Президент РСФСР Б.Ельцин

Президент Украины Л.Кравчук».

Не очень понятно, правда, почему присоединение Казахстана к Содружеству решили оформить отдельным протоколом, почему Назарбаев не мог подписать само Соглашение. Я полагаю, это могло вызвать у него недоумение и что-то вроде обиды. Но вот так решили.

Ельцин, Кравчук и Шушкевич подписали бумаги. Оставалось только дожидаться Назарбаева и заполучить его подпись под протоколом. Однако его все не было. Кравченко:

«Мы ждали казахского президента несколько часов. Нам сообщили, что Назарбаев вылетел, и Кебич даже выехал на военный аэродром в Пружанах встречать высокого гостя. Но потом позвонил кто-то из помощников Назарбаева и сказал, что президент прилетит завтра.

Впоследствии Борис Ельцин рассказывал, что Назарбаев захотел все же перед отлетом в Белоруссию встретиться с Горбачевым, и тот использовал всю силу своего красноречия, чтобы отговорить его от этой поездки».

Версия Назарбаева

Сам Назарбаев излагает историю своего приглашения (неприглашения) в Беловежье несколько иначе:

«Горбачев пригласил нас, глав союзных республик, на 9 декабря – обменяться мнениями по поводу нового Союзного договора. А 6 декабря мне в Алма-Ату позвонил Ельцин и говорит: «Лечу в Белоруссию, к Шушкевичу, пригласил туда и Кравчука, надо подготовиться к встрече с Горбачевым, договориться о будущем Союзе Суверенных Государств». Просто уведомил меня, но в Минск не пригласил. 8 декабря я вылетел в Москву. Прибыл во Внуково вечером, и тут мне говорят: «Вас ищет Ельцин, ищет Руцкой, ищет Шушкевич, ищет Горбачев». Что такое? Не пойму – вдруг я всем понадобился! Прямо в аэропорт звонят из Минска. Беру трубку – говорит Кебич, хороший мой знакомый, добрый мужик: «Мне поручено тебя встретить. Скорее приезжай!» Я не понимаю: «Подожди! Кто меня приглашает?» – «Да вот Борис Николаевич...» Трубку взял Шушкевич: «Мы тут документ один подписали, реализовали вашу старую идею».

Дело в том, что еще в декабре 1990 года мы вчетвером – Ельцин, Кравчук, Шушкевич и я – подготовили четырехсторонний меморандум о том, что мы, четыре союзные республики, создаем Союз Суверенных Государств, признаем Горбачева его президентом и приглашаем всех остальных к нам присоединиться (как мы помним, идея четырехстороннего договора на протяжении года – с декабря 1990-го по декабрь 1991-го – возникала не однажды. – **О.М.**) Тогда это не прошло. Горбачев прочитал меморандум, запротестовал, но вскоре (не очень-то вскоре. – **О.М.**) запустил новоогаревский процесс. То есть мы его подтолкнули к идее подписания нового Союзного договора (в варианте Совместного заявления «9+1». – **О.М.**).

И вот теперь они из Минска мне об этом напомнили. Трубку взял Ельцин: «Нурсултан Абишевич, мы реализовали вашу идею, составили соглашение, все его

подписали, для вашей подписи место оставили, прилетайте скорее!» Я что-то засомневался: «Что вы там подписали? Прочитайте текст!» Ельцин говорит: «Я не могу, вот пусть Шушкевич...» Шушкевич заплетающимся языком читал, читал... Я прослушал и спрашиваю: «Вы что, создали новое государство? Советского Союза больше нет?» – «Ну вроде бы так», – отвечают. Я говорю: «Позовите Кравчука!» Очень тяжело мне было их понимать, не слишком связно говорили. Кравчук взял трубку, голос у него был пободрее. «Мы тут судили-рядили, выхода другого нет. Украина иначе не может, я тебе звонил, пытался пригласить, в общем прилетай и подписывай!» Тут я еще сильнее засомневался и говорю: «Во-первых, вы могли бы еще позавчера меня об этом предупредить. А во-вторых, я один, без согласия своего парламента и правительства, ничего подписать не могу! Вы у Горбачева будете завтра? Там и поговорим». Кравчук отвечает: «Нет, я к Горбачеву не поеду, Шушкевич тоже не собирается, мы поручили Ельцину доложить о принятом решении. Вот так».

Почему его не пригласили сразу?

Канадский журналист Макс Ройз, встречавшийся с Бурбулисом в 1991 году, пишет, как, по словам Бурбулиса, родилась и развивалась идея сообщества, в которую сначала могли войти три или четыре республики

– В феврале 91-го – приводит Ройз слова Бурбулиса, – возникла идея и была сделана первая проба четырехсторонней встречи (в других случаях он говорит, что такая идея возникла в декабре 1990-го. – **О.М.**) Россия, Украина, Беларусь и Казахстан. Была уже пройдена тропка двусторонних переговоров... Ни для кого не было секретом, что Горбачев достаточно ревниво и, я бы даже сказал, разрушительно относился к этим попыткам. Поодиночке беседовал с участниками, убеждал их, то есть всячески пытался приостановить процесс. Такое впечатление, что у него это получилось... Мы уже дошли практически до четырехстороннего документа, но потом это застопорилось. Кто-то засомневался, кто-то видел это несколько по-иному... Но проба состоялась.

Продолжение было уже после путча. Тогда, на каком-то этапе, все-таки решили ограничиться тремя, а не четырьмя республиками. Бурбулис (в книге Ройза «Чужак в Кремле):

– Когда мы раз за разом после путча отыскивали ответ на вопрос: «А как вообще приступить к экономическим реформам в этой структуре?», то сама идея в памяти нашей... уже существовала. Надо было только найти, как ее возобновить и как реализовать. Вот тогда и выяснилось, что реализовать ее можно только лишь ограничив круг тремя республиками... Тут речь идет о специфике Назарбаева, о его личностном качестве. Идея была такая: надо было все это подготовить без того, чтобы насторожить (Горбачева. – **О.М.**) А мы в принципе знали, что Назарбаев будет советоваться... (надо полагать, – опять-таки с Горбачевым. – **О.М.**)».

Так что если следовать Бурбулису (Ройзу), отсутствие Назарбаева в Вискулях не было таким уж случайным.

Соглашение подписали в вестибюле

Отказ Назарбаева прилететь произвел на всех тягостное впечатление. По словам Кравченко, оставалось только гадать, какие аргументы нашлись у Горбачева, чтобы Назарбаев изменил свои планы. Уж не готовится ли президент СССР и впрямь применить силу? В этот момент главный белорусский гэбэшник Эдуард Ширковский зловеще пошутил: «А ведь достаточно одного батальона, чтобы всех нас тут прихлопнуть...»

(Вот так – то достаточно одной ракеты, то одного батальона).

Пришлось подписывать Соглашение и сопутствующие ему документы без Назарбаева. Подписание состоялось в вестибюле перед столовой – другого, более подходящего помещения в правительственной резиденции не оказалось.

По свидетельству одного из присутствовавших журналистов (всего их было пятеро), документ подписали в 14 часов 17 минут (надо полагать, в этот момент была поставлена последняя подпись).

«Можно только дивиться, – пишет Кравченко, – что судьбоносные решения принимаются, так сказать, за сценой, как в данном случае, в стенах охотничьего домика в заснеженной пуще. Ни толп чиновников, ни тысяч «посланцев масс», как на бывших партсъездах или «всенародных вече», ни «бурных, продолжительных аплодисментов», когда «все встают», ни праздничного концерта со звездами эстрады и балета. Ничего постановочного. Строгость и будничная собранность небольшой группы людей, решившей изменить картину мира».

Кто «виноватее» – Кравчук или Ельцин?

На последнем, завершающем этапе распада Союза, на ОФОРМЛЕНИИ этого распада наиболее значительную роль, без сомнения, сыграли два лидера – Кравчук и Ельцин. Чья роль была значительнее? Горбачев считает – Ельцина. Дескать, Ельцин был более всего заинтересован в крахе союзного государства, но не хотел открыто демонстрировать это свое желание, ожидал, что эту роль возьмет на себя Украина, Кравчук, исподволь подталкивал Кравчука к обособлению или, по крайней мере, не делал всего необходимого, чтобы предотвратить уход Украины. Эту мысль в разных вариантах Горбачев повторяет бесчисленное количество раз:

«...После украинского референдума процесс создания нового Союза сошел со своей колеи. Конечно, позиция украинского руководства сыграла свою роль... Но существенно важно и то, что украинский феномен был использован руководством России, чтобы добить идею Союза. В окружении президента России давно ходила концепция – «Союз без Центра».

«...Они в Беловежье приняли решение о роспуске Союза. Ельцин этого и добивался. Он боялся ответственности и хотел использовать карту Украины для обоснования развала СССР».

Что на это сказать? Чужая душа – потемки, особенно душа политика, стоящего перед важными, судьбоносными решениями. Ясно было одно: Ельцин колеблется. Он, как и другие республиканские руководители, больше не желает подчиняться Центру, желает, чтобы Россия стала самостоятельным государством, но как все это реализовать на деле, чем заменить обреченный Союз, долгое время было для него, по-видимому, неясно. Насовсем отказываться от любого объединения с бывшими «братскими» республиками он вряд ли хотел. В его голове, как он сам это признавал, прокручивались разные варианты... Некоторые из них он прямо назвал Горбачеву перед поездкой в Беловежье (цитирую Горбачева):

– На встрече с Ельциным в четверг (5 декабря. – **О.М.**), перед его отъездом в Минск, мы договорились, что они там поговорят, а основное решение отложим на понедельник. Высказал ему развернутую аргументацию в пользу Союза. Ельцин возразил: может, на три – пять лет договор? Или Украина ограничится участием в Экономическом сообществе? Или славянский союз? Я просил его эти варианты не выдвигать. А если уж они всплывут, – не афишировать.

Так что были варианты. Гайдар (в разговоре со мной):

– Он (Ельцин. – **О.М.**) колебался, конечно. Колебался. Сказать, что у него была какая-то твердая линия, что со всем этим делать, как из этой ситуации выкруливаться, было нельзя. В то же время ясно было, что и далее тянуть с этим – в связи с крахом Советского Союза, обозначившимся 22 августа, – было нельзя. Только 8 декабря, я думаю, он принял окончательное решение.

В отличие от Ельцина, Кравчук не испытывал ни малейших колебаний. Никакого Союза! Никакого Союзного договора! Украина – самостоятельное, независимое государство. Все. Оревуар! Адью! Прощайте!

«Накануне провозглашения независимости, – пишет Кравчук в своих воспоминаниях, – я заявил, что эффективнее всего предотвратить новые перевороты сможет только построение собственного государства (напомню, Украина провозгласила свою независимость 24 августа 1991 года, то есть сразу после путча. – **О.М.**) Я понимал, что Москва никогда добровольно не откажется от попыток оказать влияние на Украину, независимо от того, кто будет сидеть в Кремле... Изменить психологию российских верхов я, естественно, не мог, зато мог попытаться использовать обстоятельства, чтобы изменить форму давления. Одно дело – поучать «младшего брата», живущего с тобой в одном тесном доме. Совсем другое – когда этот брат имеет собственное жилище, собственную землю, может сам распоряжаться своей судьбой и не позволяет собою руководить. Я был убежден, что Украина завоевала право строить свою жизнь самостоятельно».

Но какой же Союз, – да и любое другое союзоподобное объединение, – без Украины? Всем было ясно: без Украины никакого объединения быть не может.

Так что, если отталкиваться от этого критерия – колебаний Ельцина и твердости, неуступчивости Кравчука, – можно считать, что более значительную роль в **ОКОНЧАТЕЛЬНОМ** разьединении Союза сыграл все-таки Кравчук.

Другой вопрос, как повернулось бы дело, если бы Кравчук не вел себя так напористо и бескомпромиссно. Тогда, возможно, в какой-то момент ведущую роль взял бы на себя Ельцин. Но что же тут гадать? История не знает сослагательного наклонения. Как случилось, так случилось.

Катастрофа все ближе

«В первых числах декабря Госбанк СССР информирует руководство союзных органов власти, что он приостановил оплату расходов и выдачу средств, финансируемых за счет союзного бюджета на всей территории страны. Это относится к выплате

заработной платы, стипендий, отдельных видов пенсий и пособий, денежного довольствия военнослужащим, финансированию общесоюзных программ».

«Помощник президента СССР Анатолий Черняев в своем дневнике (правда, несколько ранее – 29 ноября):

«Госбанк закрыл все платежи: армии, чиновникам, нам, грешным. Остаемся без зарплаты».

АГОНИЯ ГОРБАЧЕВА

Президент был в курсе?

Как уже говорилось, атмосфера в Вискулях с самого начала была тревожной – все опасались, что Горбачев может предпринять какие-то силовые меры против «заговорщиков». Тот же Ширковский будто бы по спецсвязи регулярно информировал Горбачева о происходящем и предлагал ему арестовать участников переговоров. Действительно ли он мог передавать такую информацию? Как? Ведь все находившиеся там вроде бы были друг у друга на виду? Был там и небезызвестный Коржаков, от внимания которого, наверное, не ускользнули бы действия белорусского коллеги.

Гайдар:

– Обстановка действительно была тревожная. Ясно было, что кто-то наверняка кого-то в Москве информирует о происходящем. Я не уверен, что председатель белорусского КГБ информировал непосредственно Горбачева – скорее, кого-то из своих начальников на Лубянке. Ну, а оттуда информация вполне могла передаваться самому Горбачеву. Как это делалось технически? Аппараты спецсвязи были не у всех, но были – все-таки это правительственная резиденция. Ну, а председатель КГБ располагал, безусловно, собственными каналами связи.

– Если Горбачева действительно постоянно информировали о происходящем в Вискулях, чем объяснить такую бурную его реакцию, когда он обо всем узнал непосредственно, сначала от Шушкевича, а потом от Ельцина?

– Ну, одно дело, когда все это идет в общем потоке информации – ведь президент получает ее в огромном количестве, а другое, – когда он все это слышит непосредственно от президента России.

Спрашиваю Гайдара, действительно ли в какой-то момент, когда все документы были подписаны, все первоочередные звонки сделаны, Ельцин поставил точку словами: «Нужно скорее разлетаться! Нас не должны накрыть здесь всех вместе».

– Ну, именно этих слов я не слышал, – отвечает мой собеседник, – но то, что все понимали исключительное значение происходящего и, соответственно, испытывали тревогу, – это, конечно, так.

Кстати, Андрей Грачев пишет в своих воспоминаниях, что утром 9 декабря во время телефонного разговора Горбачев спросил Ельцина, когда тот появится в Кремле, на что Ельцин, в свою очередь, ответил вопросом: «А меня там не арестуют?» «Михаил Сергеевич даже опешил: «Ты что, с ума сошел?!»

Не хочу ставить под сомнение этот рассказ Грачева, замечу только, что Ельцин мог сказать это в шутку. Помощники Горбачева всегда достаточно неприязненно относились к Ельцину, так что этот нюанс Грачев вполне мог опустить.

К тому же в одном месте Грачев пишет, что этот разговор состоялся в его присутствии, в другом, – что ему рассказал о нем Горбачев.

Наконец, если такой разговор действительно был и велся со стороны Ельцина вполне серьезно, – что тут такого? Человек действительно вправе был подумать о своей безопасности. Всего лишь три с половиной месяца назад, во время путча, он чудом избежал ареста.

«Распад территорий – это всегда трагедия»

Итак, свершилось великое историческое событие – распалась империя, просуществовавшая, если отсчитывать от 1922 года, почти семьдесят лет, если же брать в расчет Российскую империю, предшественницу СССР, – столетия. Что ощущали люди в тот исключительный исторический момент? Гордились ли тем, что им довелось стать участниками тех исторических событий (как писал Тютчев, «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые. Его позвали всеблагие как собеседника на пир»)? На мой исполненный некоторого пафоса вопрос Гайдар отвечает довольно прозаически, сразу же «заземляет» разговор:

– Понимаете, распад территорий, разделение территорий – это всегда трагедия. Поэтому сказать, что ты этим гордишься... Это ведь просто жизненная трагедия. Масса семей оказывается разделенными. Масса людей оказывается живущими в странах, которые теперь считаются чужими. Я горжусь другим, – что тогда удалось избежать

масштабной гражданской войны по югославскому сценарию, да к тому же в ядерной стране. Вот этим я действительно горжусь. И считаю, что это было сделано правильно, что это спасло нашу страну от возможных губительных потрясений.

– Но это вы сегодня гордитесь. А что вы чувствовали в тот момент?

– Было ощущение, что мы делаем то, что надо. Если ядерная сверхдержава де-факто уже не существует, потому что утрачены все основные элементы государственности, то ее лучше мирно и легально распустить. Было ощущение огромной ответственности, которую все, кто участвуют в этом процессе, берут на себя. И в этой связи было чувство тревоги, – как все это будет утверждено, претворено в жизнь.

Кстати, насчет возможных и даже, пожалуй, неминуемых потрясениях постоянно предупреждал в ту пору Горбачев. Он, например, напоминал, что границы между республиками прочерчены совершенно произвольно, так что на любом участке они кем угодно могут быть оспорены.

– Границ внутри государства (Советского Союза. – **О.М.**) нет. У нас административные границы, – говорил Горбачев как раз 8 декабря в интервью Украинскому телевидению. – Никому в голову не приходило какие-то пограничные столбы забивать. Больше того, семьдесят процентов границ между республиками обозначены решениями райисполкомов, сельсоветов. Вот таковы мы. Почему так было? А нам они (границы. – **О.М.**) не нужны были... Почему они нам не нужны были? Да потому, что мы считали это некоей условностью – только для хозяйственной деятельности.

В самом деле, можно лишь удивляться как чуду, что при распаде Союза не возникло крупномасштабной кровавой борьбы за каждый клочок «несправедливо отторгнутой» территории.

Агония Горбачева

О том, как маялся и метался в те дни Горбачев, хорошие свидетельства оставили опять-таки его помощники. В частности, подробные записи тех дней находим в дневнике Анатолия Черняева.

«6 декабря

...После Обращения к парламентариям (Украины. – О.М.) он (Горбачев. – О.М.) заставил меня писать «Обращение к гражданам Украины». Целый вечер сидели у него + Яковлев и Ревенко, который... возражал против самого такого акта: «будет иметь обратное значение», «перебор», «вы уже не раз все сказали» и т.д. Его поддерживал Яковлев. Я отстаивал «желательность» и исходил не из возможного результата (он очевиден), а из потребностей Горбачева. Он сделал ставку... У него отняли все: «управлять экономикой», «руководить руководителями», влиять на прессу... Осталась идея Союзного единения. И он – ее символ и проповедник. Иначе ему просто нечего делать... И это видно по его распорядку дня. Он ищет всяких встреч – со своими и иностранцами. Чуть ли не каждый день дает интервью, выходит к журналистам после заседаний и т.д. Часами просиживает с собеседниками, от которых можно что-то ждать: то с Егором Яковлевым, то с А. Н. Яковлевым, то с Грачевым и Черняевым, то с Шеварднадзе...

Сочинив «Обращение к гражданам Украины», превратившееся в заявление, от которого он наутро тоже отказался (и я, переменяя свою точку зрения, убедил его, что не надо), сели в том же составе готовиться к его встрече с Ельциным (накануне завтрашней встречи тройки «славянских президентов» в Минске). Проигрывания вариантов не получилось... Он вяло слушал, а потом понуждал «прослушивать» его монологи. И ничего нового – аргументы, аргументы в пользу Союза. Их десятки, и все разумные и неопровержимые... Рефрен: если не пойдут на Союз, я ухожу, мне места не остается. И рядом план: созвать Госсовет, Съезд народных депутатов + обратиться прямо «К народу» (через ТВ)... И потребовать плебисцита: вы за Союз или нет? Все это иллюзии. И Съезд не соберешь, и плебисцит не проведешь, если республики не захотят. Да и кто будет оплачивать? И кто будет реализовывать, если даже «да»? Ведь уже «реальность», что реальная власть в руках элит: кравчуков, ельциных, бурбулисов.

Я это ему все открыто говорил. Он не утихает. И в общем правильно делает, ибо это единственное его «видное» занятие, хотя газеты посмеиваются... Впрочем, особенно в связи с 50-летием битвы под Москвой, немножко кренилось в пользу единства.

7 декабря

Начал готовить тезисы, которые М. С. велел сделать для его встречи «1 + 4» в понедельник (с Ельциным, Кравчуком, Шушкевичем и Назарбаевым) (то есть для предполагаемой встречи 9 декабря. – О.М.) ...

8 декабря

Отправил фельдом «сочинение» – почему по соображениям международным нужен новый Союз. Теперь такая моя работа – вхолостую, для него лично.

Нет еще сведений о Бресте: Ельцин, Кравчук, Шушкевич (перепились, наверное, в Беловежской пуще). Но по тому, что уже наговорил Ельцин вчера журналистам и в белорусском парламенте, ясно: на Союз они не пойдут. И места Горбачеву не оставят... Он, конечно, будет тянуть, «опираясь» на то, что у него пока армия...

М. С. все «сечет» и, кажется, ко всему готов... В понедельник на «1 + 4»... все прояснится, ибо союзный Съезд ему не дадут созывать, а плебисцит откажутся проводить и финансировать.

Вечер. Только что сообщили по радио: Ельцин, Кравчук, Шушкевич договорились о создании Содружества Независимых Государств... И завтра (+ Назарбаев) будут обсуждать это с Горбачевым. Соглашение открытое – могут присоединиться другие. Вот и все! Назарбаев, прилетев, в аэропорту сожалел о Союзе, взывал хоть бы оборонительный союз заключить, чтоб единое командование оставалось...

М. С. наконец должен решиться. По ТВ пропустили фрагмент из его интервью украинскому корреспонденту, которое он давал вчера. И там опять: «А кто, мол, знает, что я буду выставлять свою кандидатуру?» Опять неадекватен: куда выставлять? Кто собирается проводить какие-то выборы? О каком президентстве может идти речь? Для кого?.. Словом, я правильно говорил: Союза не будет. Не верил я в это и до путча.

Ездил на работу. «Доработал» международный аспект аргументов за Союз (для завтрашней встречи четырех, а может, для Госсовета). Кому это нужно?.. Ведь уже межгосударственный договор заключен... О каком Союзном договоре они захотят говорить? Смех!

Полночь. Только что радио принесло весть: Ельцин, Кравчук, Шушкевич объявили о прекращении существования Советского Союза как субъекта международного права, о недействительности всех законов, относящихся к нему как государству. Договорились, как совместно финансировать оборону... Об экономическом механизме договорятся в течение декабря.

Перед тем я 1,5 часа слушал записанное вчера интервью М. С. (по украинскому ТВ), где он яростно и страстно доказывал, что «разойтись» невозможно и что отказ от Союза – гибель для всех. Интервьюеру-украинцу слова не давал вставить... Обещал через головы «этих новоявленных политиков, возникших за два года» обратиться к народу и будто у него есть еще «средства, о которых он сейчас говорить не будет».

Кравчук не желает представлять пред Горбачевым

Как мы знаем, Горбачеву уже сообщили (непосредственно из Вискулей), что на встречу с ним явится лишь Ельцин. Однако на следующий день Горбачев попытался вызвать «на ковер» всех троих «заговорщиков». Вспоминает Леонид Кравчук:

«Утром 9 декабря позвонил по телефону (уже в Киев. – **О.М.**) Михаил Горбачев: «Добрый день, Леонид Макарович!» И сразу: «Что вы там натворили в Беловежской пуще?» Я спокойно ответил: «Михаил Сергеевич, я считаю, что мы поступили правильно. Ситуация зашла в тупик, нужно было искать выход...» Собеседник был очень возбужден: «Мир же стоит дыбом, понимаете? Вы должны немедленно приехать в Москву». «Чего ради?» – спрашиваю. «Нужно поговорить... Ельцин и Шушкевич тоже будут». Я почувствовал: нас не выпустят оттуда, будут держать до тех пор, пока мы не откажемся от соглашения, подписанного в Беловежской пуще. Поэтому я решительно ответил Горбачеву: «Я в Москву не поеду». Михаил Сергеевич едва сдерживал гнев: «Почему?» – «Потому, что я президент независимого государства, – говорю. – У меня целая куча неотложных дел. А директивы мне не нужны».

Едва лишь положил трубку, как прозвучал еще один звонок. В этот раз звонил Григорий Ревенко, глава администрации Горбачева, бывший первый секретарь

Киевского обкома Компартии Украины, с которым мы были в приятельских отношениях: «Леонид, зачем ты так оскорбил президента? Неужели так можно? Тебе нужно приехать – это очень важно». – «Не поеду я, – отвечаю, – и объяснять не буду почему. Мы поручили Ельцину, чтобы он проинформировал о нашей встрече и подписанных договоренностях. А Шушкевич, если хочет, пускай едет...»

Положив трубку, звоню Шушкевичу: «Едете в Москву?» – спрашиваю. «Нет, – говорит он. – И не собираюсь».

По другим свидетельствам, Шушкевич, в отличие от Кравчука, не был так категоричен и готов был предстать пред очами Горбачева. Андрей Грачев:

«Крайне взволнованный Шушкевич, позвонивший утром 9 декабря руководителю президентской администрации Г.Ревенко, «почти всхлипывая», начал объяснять, что ему надо отоспаться и все осмыслить, поскольку все так неожиданно произошло. «Борис Николаевич все расскажет, но, если они с Михаилом Сергеевичем сочтут нужным, я готов немедленно прибыть в Москву».

Однако Горбачев не пожелал видеть Шушкевича в отсутствие Кравчука.

«Ему надо достойно уйти»

Снова дневник Анатолия Черняева:

«10 декабря

Как я провел вчерашний день, когда стал «ничем»? Утром в кремлевском коридоре встретил Виктора Кудрявцева, Вениамина Яковлева, Сергея Алексева, Юрия Калмыкова – главных правоведов. Шли от Горбачева. Кудрявцев задержался, говорит:

– Михаил Сергеевич бушует, заявляет, что он уйдет, пошлет их всех и т. д., «покажет им»... Мы его уговаривали не конфликтовать, наоборот, сказать: хорошо, ребята, вы прошли этап, теперь давайте обсудим, что делать дальше. В этом духе идем сейчас делать ему проект заявления, с которым он собирается выступить после предстоящей его встречи с Ельциным и др...

В 12-00 М. С. говорил с Ельциным. Кравчук и Шушкевич не приехали. До этого он разговаривал с Назарбаевым. Потом – они втроем. (Из этого текста можно понять, что перечисленные встречи состоялись 10 декабря. На самом деле они, по-видимому, произошли днем раньше, 9-го числа. – О.М.) Что там было – мне неизвестно. Затем по очереди были у него Набиев (таджик), представитель Ниязова (туркмен). Президенты Акаев и Каримов тоже не приехали. Л.Тер-Петросян публично поддержал беловежскую тройку, приговорившую СССР к смерти.

Во второй половине дня он долго в Ореховой комнате совещался с усеченным Политическим консультативным советом: Яковлев, Шеварднадзе, Бакатин, Примаков, В. Яковлев, Шахназаров, Ревенко, кто-то еще. Родили заявление, которое и было оглашено диктором в 21-00 по ТВ. Хорошо хоть догадались не выпускать самого М. С. на экран – было бы еще одно нравоучение...

Объявил о созыве Съезда народных депутатов, о возможном референдуме. Ну, об этом я уже здесь писал. Даже если народные депутаты соберут 1/5 подписей – все равно ничего не выйдет. Николай II имел мужество отречься от престола после 300 лет правления династии. М. С. никак не поймет, что его дело сделано, давно следовало бы уходить, надо беречь достоинство и уважение к сделанному им в истории.

Травкин от ДПР проводит сегодня на Манежной массовый митинг за Союз... Может, кончится речами... Но если пойдут на Белый дом и вступит в дело ельцинская полиция, тогда другое дело...

11 декабря

Нудный день. Узнаю, что М. С. встречается с Ельциным. До того он дал полуторачасовое интервью В. Третьякову («НГ»). Содержание беседы с Ельциным никто не знает. А вечером Грачев сказал: «Все то же»...

Говорили с Грачевым: надо Горбачеву сосредоточиться на том, чтобы достойно уйти. Все у Ельцина теперь (плюс Кравчук и Шушкевич) направлено на то, чтобы его скинуть. И фактически Ельцин уже сделал это, лишив М. С. всех средств сопротивления. Вчера он взял под свой контроль всю правительственную связь, то есть может просто отключить у М. С. телефоны, не пустить работников аппарата в Кремль или запереть на замок двери кабинетов.

Каждый день «цепляния» за Кремль – а теперь это так именно и выглядит, – отдаляет тот момент, когда история поставит Горбачева на его место – великого человека XX столетия.

И не надо ему искать «работу» – он должен просто удалиться... И продолжить «традицию» всех великих и не очень – де Голля, Черчилля, Тэтчер...

Правда, мы не Франция, не Англия, но пора создавать «эту модель» ухода. Не мельтешить, не противоречить всему тому, что он сам считал обязательным для порядочных и мужественных людей».

Так пишет о Горбачеве тех дней в своем дневнике его помощник Анатолий Черняев. Призвав на помощь воображение, в этой агонии Горбачева-президента нельзя не увидеть символическую агонию приговоренного к смерти Союза.

Назарбаев – прагматик, он «будет отгалкиваться от событий»

9 декабря в середине дня состоялась встреча Ельцина со «смертельно обиженным» Горбачевым и с «обиженным, хотя и не смертельно» Назарбаевым – та самая, о которой упоминает в своем дневнике Черняев.

Кстати, то, что во встрече принял участие Назарбаев, оказалось неожиданностью для Ельцина: они с Горбачевым договаривались встретиться тет-а-тет. Неожиданность была не очень приятной. Не из-за личности самого Назарбаева – у них с Ельциным были хорошие отношения, – а, по-видимому, из-за того очевидного факта, что Горбачев стремится перетянуть казахского президента – очень важную фигуру в тогдашнем «раскладе» – на свою сторону и, возможно, в какой-то степени преуспел в этом.

Встреча длилась почти полтора часа. Ельцин как бы держал ответ перед своими собеседниками, что они там «натворили» с Кравчуком и Шушкевичем в Беловежье.

На пресс-конференции, состоявшейся потом в постпредстве Казахстана, Назарбаев рассказал, что он думает о событиях последних дней. Знал ли он о том, что затевается в Вискулях? Назарбаев ответил, что перед поездкой в Минск Ельцин разговаривал с ним, но речь шла лишь о том, что Россия, Украина и Белоруссия проведут там консультации по поводу совместного перехода к рынку. Что касается Соглашения об СНГ, ни он, ни Горбачев не знали, что готовится такое подписание.

– Но ничего сверхъестественного я в нем не увидел, – сказал Назарбаев, добавив, что он прагматик и «будет отталкиваться от событий».

В те дни в прессе возник разговор о том, что новый союз – «славянский» и что теперь вполне может возникнуть противостояние «славянских» и азиатских республик. Назарбаев посоветовал журналистам не раздувать эту тему. Сам он, по его словам, категорически против того, чтобы союзы заключались по национальному, этническому принципу – это будет возвратом к средневековью; и в действиях трех «славянских» республик он не усматривает никаких антиказахских намерений.

Сам Ельцин так прокомментировал свою встречу с Горбачевым:

– Я бы не сказал, что Горбачев поддерживает Содружество. Но сопротивление исключено, тем более вооруженное. Я отрицаю возможность югославского варианта в России или гражданскую войну.

Заявление Горбачева

9-го же декабря вечером по телевидению было зачитано заявление Горбачева по поводу Беловежского соглашения – то самое, о котором пишет в своем дневнике Черняев. Зачитал диктор. Самому Горбачеву, как уже было сказано, видимо, отсоветовали это делать – пока, мол, еще рано, не все еще утряслось и «устаканилось», а слишком часто мелькать на экране по одному и тому же поводу, даже и столь важному, – несолидно.

По словам Бурбулиса, заявление «во многом базировалось» на итогах встречи Горбачева с Ельциным и Назарбаевым, которая произошла ранее в этот же день. В нем действительно чувствовалось некоторое желание придти к компромиссу, или, по крайней мере, не обострять отношения.

Начиналось заявление довольно мягко – говорилось, что Беловежское соглашение «имеет позитивные моменты». В их числе – то, что участие в нем приняло украинское руководство, которое в последнее время «не проявляло активности в договорном процессе». Другой «позитивный момент» – в Соглашении говорится, что необходимо создать единое экономическое пространство с единой валютой и финансово-банковской системой, выражается готовность к сотрудничеству в области науки,

образования, культуры и других сферах, предлагается «определенная формула взаимодействия в военно-стратегической области».

Однако, что для Горбачева неприемлемо, – «Соглашение прямо объявляет о прекращении существования Союза ССР». Но судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик. Вопрос этот должен решаться только конституционным путем – с участием всех суверенных государств и учетом воли их народов.

«Вызывает недоумение скоропалительность появления документа, – говорилось в заявлении. – Он не был обсужден ни населением, ни Верховными Советами республик, от имени которых подписан. Тем более это произошло в тот момент, когда в парламентах республик обсуждается проект Договора о Союзе Суверенных Государств, разработанный Государственным советом СССР».

Требование Горбачева – необходимо, чтобы все Верховные Советы республик и Верховный Совет СССР обсудили как проект Договора о Союзе Суверенных Государств, так и соглашение, заключенное в Беловежской пуще; необходимо созвать Съезд народных депутатов СССР, чтобы он решил, какая «форма государственности» более приемлема. Кроме того, он, Горбачев, «не исключил бы» и проведения всенародного референдума (плебисцита) по этому вопросу.

Дезавуировать Беловежское соглашение он все же не решился

Текст горбачевского заявления подготовил помощник президента Георгий Шахназаров. По его словам, «одновременно» он написал для Горбачева и проект другого заявления, – «дезавуирующего минские документы». Подпиши его Горбачев, это означало бы, что он вступает в прямую конфронтацию с «беловежцами»: вы денонсировали Союзный договор 1922 года, а я дезавуирую вашу денонсацию, вот так – что вы теперь предпримите?

Однако Горбачев не подписал это второе заявление, хотя предварительно – опять-таки по словам Шахназарова, – «согласился» с ним. Не решился? Не посчитал нужным?

Бурбулис утверждает, что Горбачева заранее обо всем проинформировали

На встрече с депутатами, представляющими Россию в союзном парламенте, состоявшейся 10 декабря, Геннадий Бурбулис заявил, что Ельцин еще до своей поездки в Белоруссию информировал президента СССР о предстоящих переговорах, поэтому никаких оснований для подозрения о каких-то частных шагах речи быть не может.

Мы уже знаем, – со слов самого Горбачева, – что Ельцин, собираясь в Минск, в самом деле достаточно определенно сказал ему, что там, возможно, пойдет речь о Союзе трех «славянских» республик. Именно это, по-видимому, и имел в виду Бурбулис, говоря, что от Горбачева никто ничего не скрывал. С другой стороны, можно признать в какой-то степени справедливыми и упреки самого Горбачева в адрес Ельцина, Кравчука и Шушкевича: мол, кое о чем он, Горбачев, догадывался, но определенно ничего не знал и уж, конечно, никто ни о чем его заранее не информировал. Впрочем, точно никто ни о чем и не мог его информировать, поскольку и сами беловежские переговорщики не знали заранее, во что именно выльются их переговоры.

Днем позже, выступая в пресс-центре МИДа, Бурбулис утверждал, что и Назарбаев «знал основные задачи минской встречи». Здесь уж точно нестыковка: это противоречит процитированным выше словам самого Назарбаева.

ПОЧЕМУ ГОРБАЧЕВ НЕ ПРИБЕГНУЛ К СИЛЕ

Армия больше не хочет лезть в политику

Существуют рассказы, будто 8 декабря, когда Горбачев получил известие из Вискулей, он попытался заручиться поддержкой армии, чтобы остановить катастрофическое, как он считал, развитие событий. Так, Сергей Шахрай в интервью «Новым известиям» сообщил:

« – Сразу после разговора с Шушкевичем (с Шушкевичем и Ельциным. – **О.М.**) Горбачев позвонил маршалу Шапошникову, министру обороны СССР. Хотел поднять армию, чтобы отменить соглашения. Но Шапошников, мягко говоря, отказался, хотя Горбачев еще формально был главнокомандующим (точнее, верховным главнокомандующим. – **О.М.**). Тогда Горбачев стал обзванивать командующих округами, просил поддержки. Но военные не откликнулись. Армия не собиралась второй раз за год лезть в политику. В августе они уже взяли под козырек, вывели танки на улицы, а потом все закончилось сами знаете, как...»

Тут только можно выразить некоторое недоумение, откуда Шахраю известно, когда и о чем Горбачев разговаривал с Шапошниковым и с командующими округами. Сам Шапошников в «Записках главнокомандующего» пишет о телефонном разговоре, точнее разговорах с Горбачевым совсем по-другому:

«8 декабря 1991 года мне несколько раз звонил Горбачев. Разговор касался различных вопросов, главным образом связанных с положением дел в «горячих точках». Но всякий раз Михаил Сергеевич заканчивал одним и тем же вопросом:

– Что слышно из Минска?»

Как видим, в этот день Горбачев сильно нервничал, «сидел, как на иголках». И догадывался, что Шапошникову из Вискулей обо всем сообщат раньше, чем ему самому.

«Около десяти часов вечера, – продолжает Шапошников, – мне домой позвонил Ельцин:

– Сегодня мы в Белоруссии подписали Договор о тройственном союзе – России, Украины и Белоруссии. Каково ваше мнение по этому поводу?

– А другие республики могут присоединиться к нему?

– Да.

– И еще один вопрос, Борис Николаевич. О Вооруженных Силах в договоре идет речь?

– Конечно, идет.

– Тогда у меня просьба к вам: зачитайте, пожалуйста, все, что касается в договоре Вооруженных Сил.

Ельцин зачитал пункт по Стратегическим силам. Там однозначно говорилось, что Стратегические силы будут находиться под единым командованием.

– А как отнесется к этому договору Назарбаев? – спросил я. – Его авторитет и влияние в обществе не учитывать нельзя, тем более что часть Стратегических сил размещена на территории Казахстана.

– Нурсултан Абишевич отнесся к договору положительно, – ответил Ельцин. – Предварительный разговор с ним был.

– В документе что-нибудь сказано относительно обычных Вооруженных Сил?

– Здесь сложнее. Ввиду различия мнений этот вопрос не нашел отражения в документе. Но сам я, – подчеркнул Ельцин, – стою на позиции сохранения единых Вооруженных Сил. Видимо, в дальнейшем по этому вопросу необходимо будет разрабатывать и подписывать отдельные соглашения».

Разговор с Ельциным, по словам Шапошникова, продолжался минут двадцать. К концу разговора у него сложилась определенная, положительная, оценка, происходящего. Равно как и представление, какую позицию тут должна занять армия:

«Рано или поздно это должно было свершиться. Ведь фактически реально действующих союзных структур к этому времени уже не осталось, кроме, может быть, президента СССР и нескольких министров, в том числе и меня... В состоянии аморфности и неопределенности общество долго находиться не может. Дальнейший развал приведет к потрясениям и социальным взрывам. В этом случае вряд ли обойдется без попыток использовать Вооруженные Силы в угоду каким-то политическим силам. Но это уже было в августе. И если даже маршал Язов, воспитанный во вполне определенном духе, не пошел в те трагические дни на применение Вооруженных Сил, **ТО Я ТЕМ БОЛЕЕ НИКОГДА НЕ ПОЙДУ** (выделено мной. – **О.М.**) А играть и запугивать кого-то Вооруженными Силами мне было не нужно. Они и так задерганы».

Возможно, у Горбачева где-то в глубине души все же таилось желание обратиться к Шапошникову с призывом (приказывать он уже не решался) – с помощью армии подавить этот неслыханный, этот невысказанный бунт. Но он догадывался, каков будет ответ. Поэтому следующий его звонок маршалу был нервным и довольно бессмысленным:

«Только я положил трубку (после разговора с Ельциным. – **О.М.**), как позвонил Горбачев:

– Ну, что нового? Ты ведь только сейчас разговаривал с Ельциным. Что там в Белоруссии? (Вот ведь как оперативно сообщали Горбачеву обо всех телефонных разговорах, в том числе и маршала Шапошникова! – **О.М.**)

После некоторых колебаний я коротко изложил то, о чем узнал, а заодно и свою позицию. Горбачев вспылал:

– Не вмешивайся не в свое дело, предупреждаю! – и бросил трубку».

Президент не мог не понимать, что этим «предупреждаю» он окончательно сжег мосты между собой и министром обороны, так что рассчитывать на его поддержку более вообще не может.

Горбачев и Ельцин встречаются с военными

Впрочем, непосредственно в ту пору, когда происходили события, появились публикации противоположного свойства – о том, что не Горбачев обращался к военным за помощью, а, напротив, военные предлагали ему ее. Так, 11 декабря 1991 года в «Российской газете» появилось сообщение, что, «по неофициальным данным», Горбачев встречался с группой командующих округами и некоторыми другими военными ПО ИХ ИНИЦИАТИВЕ. Военные предложили сохранить Союз с помощью силы. Однако Горбачев отклонил эту идею. Может быть, говорилось в сообщении, это всего лишь слухи, но тот факт, что сегодня группу командующих округами намерен принять Борис Ельцин, свидетельствует о том, что встреча с президентом Горбачевым действительно могла состояться.

Днем позже появилась уже более определенная информация – в «Независимой газете». 10 декабря Шапошников по просьбе Горбачева созвал расширенное совещание командующих разных уровней. Официально – для «подведения итогов и постановки задач на будущее». Однако главным, естественно, было другое. На совещании выступил Горбачев. В газете говорилось, что он призвал спасти страну от развала, сказал, что здесь его интересы и интересы военных совпадают: единая армия не может существовать без «более или менее» единого Союза.

Но, как писала «Независимая газета», «страстный призыв президента СССР не произвел большого впечатления на собравшихся». Все говорило о том, что армия за Горбачевым не пойдет.

Не думаю, что Горбачев обращался к военным с каким-то «страстным призывом»: у него ведь уже были разговоры с главнокомандующим, позиция Шапошникова для него была совершенно ясна, как и то, что пытаться прыгнуть через голову

главнокомандующего было совершенно бессмысленно. Как пишет сам Шапошников, на совещании Горбачев «не сказал ничего существенного, а в конце, как бы раскаиваясь, произнес слова сожаления о том, что мало уделял внимания Вооруженным Силам».

По признанию самого Горбачева, на совещании с военными он «был встречен враждебно».

В этот же день Горбачев получил распоряжение Ельцина о переходе Федерального агентства правительственной связи и информации (ФАПСИ) под юрисдикцию России (об этом мы уже читали у Черняева). То есть Горбачев лишился главного инструмента для организации каких-то силовых действий (возникни у него желание их предпринять), – правительственной связи. Как и в пору октябрьского большевистского переворота 1917 года связь была главным орудием захвата и удержания власти. Тогда – почта, телефон, телеграф, теперь – тоже телефон, только в тысячу раз более совершенный.

На следующий день, 11 декабря, с руководством Вооруженных Сил, командующими военных округов, командующими армий, многими командирами дивизий встретился Ельцин. Встреча прошла – как говорилось в одном из отчетов – «в теплой, коллегиальной и очень конструктивной обстановке». В отличие от Горбачева, Ельцин не просил поддержки, даже не намекал, что она ему нужна, – напротив, сам обещал сделать для армии все, в чем она нуждается. Наверное, это была более верная тактика, чем общие горбачевские рассуждения и покаяния.

Ельцин, – это опять-таки взято из отчета – «ответил практически на все вопросы, которые волнуют армию», в том числе и по военному бюджету, по финансированию оборонных программ...

Главное же – заверил военных и всю страну, и весь мир (который очень беспокоился о судьбе советского ядерного оружия), что «ни о каком разделе Вооруженных Сил речи быть не может. Международная общественность может не беспокоиться».

На самом деле до раздела советских Вооруженных Сил оставались считанные дни.

«Он не хотел крови»

Любопытное объяснение «миролюбия», проявленного в той ситуации Горбачевым, дает в своих воспоминаниях уже не раз упоминавшийся бывший пресс-секретарь президента СССР Андрей Грачев:

«В ту... памятную ночь (с 7-го на 8 декабря. – **О.М.**) «пушисты» изрядно нервничали – само место встречи выбирали с учетом близости польской границы, а на случай непредвиденных осложнений неподалеку стоял вертолет... Но сотрапезники напрасно тревожились за свою безопасность. Даже если бы маршал Шапошников не изменил своему президенту и Конституции, Горбачев все равно не прибег бы к услугам армии или спецназа, чтобы арестовать заговорщиков. Хотя именно за то, что он не сделал этого, «не выполнив тем самым своего конституционного долга по защите союзного государства», его впоследствии яростно критиковали многие, в том числе и другие, августовские путчисты – В.Крючков и Д.Язов, сами по необъяснимой причине не решившиеся арестовать Ельцина, когда интернированный в Форосе Горбачев не мог этому помешать.

На решительные же меры не пошел он вовсе не потому, что не располагал информацией или не имел достаточных сил и средств, – их требовалось не так уж много. А. Лукьянов, сам, правда, находившийся в это время в Лефортово, утверждал: «Белорусские чекисты» своевременно проинформировали президента СССР и готовы были «накрыть всю эту компанию». Г. Шахназаров уверен: если и не в ту ночь, то в последующие дни Горбачев еще мог бы восстановить в армии единоначалие, несмотря на то, что маршал Шапошников переметнулся на сторону заговорщиков. Дочь Горбачева Ирина тоже считает, «если бы отец захотел, он мог бы заварить большую кашу». Но именно «кровавой каши», острого политического конфликта или, не дай Бог, гражданской войны он и боялся больше всего и хотел избежать, начиная свои реформы. И уж, во всяком случае, не пошел бы на такой огромный риск ради сохранения власти...»

Не хотел и не мог

Думаю, однако, дело не только в исключительном благородстве натуры Горбачева и в его нежелании проливать кровь. Он ведь не раз, еще на дальних подступах к Беловежью, пытался прибегать к силе, чтобы остановить давно уже намечавшееся движение к развалу Союза. Вспомнить события в Тбилиси... В Баку... В Вильнюсе... При этом, правда, действовал не очень решительно и – всегда оставаясь за кулисами, тщательно скрывая свою причастность к тем событиям, хотя всем было ясно, что без его команды «добро» или, по крайней мере, без его молчаливого согласия ничего бы там не произошло. Таков был его стиль. Гайдар, с которым мы говорим на эту тему, соглашается со мной.

– А потом, – добавляет он, – ведь только что случился путч – 19-21 августа его осуществило ближайшее окружение Горбачева. И надеяться на то, что кто-то выполнит его приказ и применит насилие против только что избранного президента России и, без всякого сомнения, самого популярного политика России, было просто несерьезно. В сущности, у Горбачева, чтобы прибегнуть к силе, не было ни одного боеспособного полка. Ни один танк не сдвинулся бы с места...

Я ссылаюсь на ближайших помощников Горбачева – Андрея Грачева, Анатолия Черняева, – уверяющих, что президент СССР не пошел на силовой вариант исключительно из-за нежелания проливать кровь.

– Им, конечно, виднее, они с ним работали больше, чем я, – говорит Гайдар, – они все это видели изнутри, но, опираясь на то, что я знаю, я бы сказал так: вполне возможно, что Горбачев не хотел крови, но то, что при этом у него не было и никаких ресурсов применить насилие в отношении Ельцина и Кравчука, – это не подлежит сомнению. Здесь одно совпадает с другим: вполне возможно, что он не хотел прибегать к силе, но уж совершенно точно, что он и не мог к ней прибегнуть – сил у него не было.

Кстати, и в окружении Горбачева не все разделяли точку зрения, что фактически оставшийся не удел президент СССР, если бы он захотел, мог бы прибегнуть к силе и, кто знает, может быть, добился успеха. 10 декабря на совещании у Горбачева, как раз после того как он вернулся со встречи в Министерстве обороны, Евгений Примаков, человек в ту пору близкий к Горбачеву, прямо сказал:

– У нас никаких силовых возможностей нет. На армию не опереться.

Думаю, это было вполне ясно и самому Горбачеву.

Возможен ли все-таки был военный переворот?

11 декабря Горбачев дал пространное интервью редактору «Независимой газеты» Виталию Третьякову (о нем упоминает Анатолий Черняев). В сокращенном виде оно появилось в газете 12-го числа, в полном – 14-го.

Здесь Горбачев вновь утверждал, что «нам нужно союзное государство, «мягкий союз», хотя в реальности никакого союза – ни мягкого, ни твердого, – уже не существовало. Под «мягким» союзом Горбачев подразумевал такой порядок, когда «суверенные государства сами договариваются и сами формируют Центр, который им нужен». При этом как бы забывалось: как только Центр сформирован, он и начинает действовать как Центр, все возвращается на круги своя, никуда от этого не уйдешь, особенно при российско-советской традиции. Недаром Кравчук, как черт от ладана, шарахался от этого слова – «Центр». Лидеры других республик тоже шарахались, но Кравчук особенно. Горбачев не хотел этого видеть.

Тем не менее, признавая, что «реальность» складывается совсем по-другому, Горбачев настаивал, чтобы все осуществлялось «в конституционных рамках» – чтобы люди сами сделали свой выбор. Если люди – на референдуме – выскажутся за СНГ, он с уважением отнесется к этому выбору, хотя и останется при своем убеждении, что этот путь ошибочный. Если же все будет «базироваться на незаконных приемах», он будет выступать против.

А как против? Журналист спросил, готов ли он использовать свою роль верховного главнокомандующего в борьбе за собственное понимание, в каком направлении должна двигаться страна. Горбачев категорически заявил, что не собирается использовать эту роль для достижения своих политических целей. По его словам, политик, который встанет на этот путь, «должен быть отвергнут и проклят», та политика, «которая рассчитывает пустить в ход танки» для решения своих задач, не достигнет успеха; «никто не имеет права разыгрывать армейскую карту».

Вопрос на близкую тему: может ли в стране в ближайшее время случиться военный переворот? К этому времени по Москве уже поползли слухи: что-то готовится,

что-то будет; в Кремле – группа «Альфа», грузовики с бетонными плитами... То ли демократы что-то замышляют, то ли противники демократии... Горбачев заверил, что все это выдумки. Демократы, – а он включает и себя в их число, – не заинтересованы в перевороте. Как говорится, по определению не заинтересованы: «это же демократы». Что касается «реакционных сил», тут дело тоже достаточно очевидно – по словам Горбачева, эти силы не смогут «собраться после путча, мобилизоваться», им не удастся еще раз использовать армию.

Катастрофа – на пороге

«В декабре 1991 года ключевая проблема уже не мобилизация валюты для закупки продовольствия, а погашение задолженности по оплате фрахта судов, которые должны транспортировать его в Россию. В это время Внешэкономбанк СССР получает директиву использовать 80 процентов от суммы еженедельных валютных поступлений на оплату фрахта советским и иностранным судовладельцам».

«К концу 1991 года банкротство советской зарубежной банковской системы становится очевидной и почти неотвратимой угрозой. Представители коммерческих банков СССР за рубежом – Б.Ельцину:

«Совокупный баланс всех коммерческих банков СССР за рубежом составляет 9,7 миллиарда долларов США... Возникает риск ареста кредиторами Внешэкономбанка СССР денежных средств, размещаемых им в иностранных банках, в том числе в наших зарубежных банках. Эти и другие факторы, в частности, острая нехватка ресурсов в некоторых из зарубежных банков, обострившаяся в связи с неплатежами СССР, делают реальной перспективу банкротства этих банков... Банкротство банков обязательно повлекло бы за собой цепь банкротств других зарубежных коммерческих организаций, обслуживаемых этими банками, осложнило бы работу пароходств, Аэрофлота, привело бы к потере личных средств наших сограждан, открывших банковские счета. Капиталы банков были бы безвозвратно утеряны».

ДЕПУТАТЫ РАТИФИЦИРУЮТ...

Рада «подправляет» соглашение

Без промедления, 10 декабря, Кравчук вынес Беловежское соглашение на ратификацию Верховной Рады. Рада его ратифицировала также без обсуждения. Но – довольно странным образом. В газетах появился не подлинный текст Соглашения, а – с изменениями и дополнениями, которые внес в него украинский парламент. Причем под этим, измененным, текстом стояли те же шесть подписей, что и под тем, которые были поставлены в Вискулях.

Всего поправок насчитали двенадцать, причем довольно существенных. Так, в исходном, беловежском, тексте в статье 5 говорилось, что «Высокие договаривающиеся стороны... гарантируют открытость границ, свободу передвижения граждан и передачи информации в рамках Содружества». В тексте, подправленном Радой, все ограничивалось «открытостью границ для беспрепятственных контактов граждан». В тексте, подписанном в Вискулях, в статье 7 было записано, что стороны координируют свою внешнеполитическую деятельность через общие координирующие институты Содружества. На Украине «координацию» заменили «консультациями», полностью развязав себе руки в сфере внешней политики.

Весьма важными были изменения, касающиеся статьи 6, где речь шла о Вооруженных Силах. Сравните: в беловежском тексте – «Государства – члены Содружества будут сохранять и поддерживать под объединенным командованием общее военно-стратегическое пространство...», в киевской редакции – «Государства – члены Содружества реформируют размещенные на их территории группировки Вооруженных Сил бывшего Союза ССР и, создавая на их базе собственные Вооруженные Силы, будут сотрудничать в обеспечении международного мира и безопасности».

Так было положено начало разъединению армии.

Ясное дело: согласно общепринятой практике, любые поправки должны быть приняты всеми участниками, подписавшими договор или соглашение. Однако в данном случае ничего такого не последовало.

«Российская газета», которая сообщила 14 декабря об украинских поправках к Беловежскому соглашению, поместила постскрипtum к нему: «Из официальных кругов получено разъяснение, согласно которому оговорки (они же – поправки, принятые украинским парламентом) носят рекомендательный характер». Но тут же добавила, что президент Украины Кравчук уже назначен главнокомандующим украинской армии, создаваемой на базе соответствующих военных округов и Черноморского флота.

Вот такие «рекомендации».

В дальнейшем Кравчук безапелляционно заявлял, что поправки, внесенные Радой в беловежские документы, имеют такую же юридическую силу, что и текст, подписанный 8 декабря в Вискулях. Ельцин же делал вид, что не замечает этого абсурда, – боялся, как бы не спугнуть Украину, как бы она совсем не ушла из СНГ.

... В тот же день, что и Рада – 10 декабря, – Беловежское соглашение ратифицировал Верховный Совет Белоруссии.

А что скажут российские депутаты?

Теперь свое слово о Беловежских соглашениях должен был сказать российский Верховный Совет, наступила его очередь. Что если он вдруг взбрыкнет и «зарубит» эти соглашения? Такого ни в коем случае нельзя было допустить. Столько мук, столько волнений, столько колебаний пережить и все – коту под хвост! Накануне заседания ВС распространились слухи, – они исходили от неких пожелавших остаться неназванными депутатов, – что если парламент заартачится, Ельцин просто-напросто его распустил, не остановится перед этим. Возможно, эти слухи умышленно распространило окружение российского президента, которое все-таки испытывало определенную тревогу по поводу того, как все сложится в Верховном Совете. Чем черт не шутит – это ведь все-таки уже был не Верховный Совет СССР догорбачевских времен. (Пройдет небольшое время, и российские депутаты действительно станут непримиримыми врагами Ельцина).

Быть «построже» с парламентариями рекомендовали и эксперты. Как сообщил «Интерфакс», президенту была передана даже специальная Памятная записка, где давались рекомендации, какую позицию стоит занять на заседании ВС. Эксперты рекомендовали президенту приложить все силы, чтобы убедить депутатов: любая попытка вернуть страну к старой политической системе не приведет ни к чему, кроме серьезного кризиса.

Надо полагать, Ельцин и сам, без всяких рекомендаций, не допускал мысли, что он потерпит поражение в Верховном Совете.

Шаг «принципиальной важности»

Соглашение о создании СНГ было вынесено на рассмотрение российского парламента 12 декабря. Естественно, представил его Ельцин.

Он объяснил депутатам, всем российским гражданам, чем был вызван этот шаг «принципиальной важности» – заключение Соглашения.

– В течение нескольких лет, – сказал Ельцин, – страна переживает глубокий кризис государственности. Разложение мощных органов Центра вело к утрате управляемости, усиливало экономический кризис, падение жизненного уровня населения, увеличивало социальную нестабильность. Еще два года назад стало ясно, что союзные структуры неспособны к коренному обновлению. Наоборот, свои последние жизненные силы командная система бросила на сохранение своего всевластия. Стала главным препятствием реформ. Декларации о суверенитете [России] 1990 года коренным образом изменили ситуацию. Был поставлен крест на унитарной модели Союза. Но понять это не смогли или не захотели. Наоборот, начался многомесячный период (почти год) подготовки Союзного договора...

Ельцин коротко изложил историю того, как вынашивалось это любимое горбачевское детище – Союзный договор. Один за другим появлялись все новые и новые варианты этого документа. В них по сути дела протаскивалась все та же модель Союза с сильным Центром. Суверенитет республик признавался лишь в качестве декоративного украшения, а на деле безжалостно растаптывался. Только в апреле в Ново-Огареве был сделан, наконец, шаг навстречу реальности. Но это произошло слишком поздно: за все

время переговоров восемь республик из пятнадцати уже отвернулись от Союза. Тем не менее, у Центра остался соблазн сохранить власть хотя бы над оставшимися республиками. Несмотря на это, республики были готовы пойти на компромисс – подписать Союзный договор, рассчитывая, что в нем будут закреплены четкие правила взаимоотношений республик и Центра. Однако эти надежды были уничтожены в дни августовского путча, который зрел и готовился в недрах союзного руководства. Стало ясно, что не будет прочного Союза, если не устранить главного – самовоспроизводства командных структур Центра... После августа распад СССР вступил в последнюю стадию, началась его агония. Большинство государств провозгласили свою независимость...

СССР стал банкротом

В числе главных причин, подтолкнувших к отказу от Союза и созданию СНГ, Ельцин назвал уход Украины:

– 1 декабря народ Украины высказался на референдуме за независимость. Украина отказалась подписывать Союзный договор, а последствия этого очевидны: серьезные нарушения геополитического равновесия в мире, эскалация конфликтов внутри бывшего СССР. Это государственные границы, национальная валюта, собственная армия и др. А еще – Украина с ядерным оружием. Заключать договор о Союзе из семи республик, без Украины, оставаться спокойным, ждать очередных согласований, ничего не предпринимать в этих условиях было бы преступно.

Ельцин назвал еще две причины, почему невозможно было дальше медлить с радикальным решением «союзной» проблемы. Первая – опасность нового путча: «Снова все более явно стал обозначаться силовой сценарий развития событий. Призывы восстановить контроль над всей территорией бывшего Союза любыми средствами стали звучать все более громко». Вторая причина – экономическая: «Мировое сообщество стало считать Союз банкротом. Центральный банк заявляет, что ему нечем платить».

По словам Ельцина, была найдена единственно возможная формула совместной жизни в новых условиях – Содружество Независимых Государств, а не государство, где никто не имеет независимости.

– В нынешних условиях, – сказал Ельцин, – только Содружество Независимых Государств способно обеспечить сохранение складывающегося веками, но почти утраченного сейчас политического, правового и экономического пространства. Только Содружество способно упрочить его на новой – добровольной и демократической – основе. Соглашение является базой для динамичного развития нового вида связей между суверенными государствами. Положен конец самому главному препятствию к этому – союзному Центру, который оказался неспособен освободиться от традиций прежней системы, главная из которых – присвоенное право командовать народами, сковывать самостоятельность республик.

Ельцин сказал также, что Соглашение не было каким-то уж очень новым, неожиданным шагом. Главные принципы, положенные в его основу, были согласованы еще год назад, когда четыре республики – Белоруссия, Казахстан, Россия и Украина – собирались заключить четырехстороннее соглашение. Оно тогда, правда, не было заключено, но его основные моменты не устарели.

Вряд сам Ельцин верил в жизнеспособность СНГ, но другого способа расставания с СССР, в его представлении, по-видимому, не существовало. Просто так отправить Советский Союз в небытие, не заменив его чем-то другим, хотя бы и непонятным, эфемерным, было бы, наверное, делом гораздо более рискованным.

Империя разорилась

Как мы видели, в качестве одной из главных причин, почему советская империя фактически развалилась – еще до всяких беловежских событий, – Ельцин назвал ее фактическое банкротство («Мировое сообщество стало считать Союз банкротом. Центральный банк заявляет, что ему нечем платить»).

Движение советской империи к банкротству началось давно, – с самого того момента, когда, ликвидировав НЭП, «великий вождь всех народов» товарищ Сталин на рубеже 1920-х – 1930-х годов навязал стране негибкую, неспособную адаптироваться к малейшим переменам командную структуру экономики. В последний предгорбачевский период и в начале правления Горбачева главным источником поступления средств был экспорт нефти и газа. И еще – внешние займы. Но вот в середине 1980-х цены на нефть

обрушились. Попытки компенсировать это падение за счет «ускорения и перестройки», без серьезных экономических реформ, результата не принесли. За рубежом займы уже не давали. Приближалась катастрофа...

На пороге коллапса

Как-то в разговоре со мной Гайдар признался, что самое тягостное его ощущение от конца 1991 года – пустые магазинные прилавки, нескончаемые мрачные очереди буквально за всем и – общее ожидание неминуемой катастрофы.

То же самое, почти слово в слово он напишет в своей книге «Дни поражений и побед» (впрочем, он это повторит не раз):

«Декабрьская Москва 1991 года – одно из самых тяжелых моих воспоминаний. Мрачные, даже без привычных склок и скандалов, очереди. Девственно пустые магазины. Женщины, мечущиеся в поисках хоть каких-нибудь продуктов... Всеобщее ожидание катастрофы».

Такие тягостные впечатления в ту пору были у большинства людей, заходивших в советские магазины. Но вот уже не впечатление, а бесстрастное, объективное свидетельство – выдержки из справки, полученной правительством, о положении в стране и отдельных регионах на середину ноября 1991 года:

«Продажа мясопродуктов, масла животного, масла растительного, крупы, макаронных изделий, сахара, соли, спичек, табачных изделий, алкогольных напитков, мыла хозяйственного, туалетного и других и других производится, в основном, по талонам...

Отпуск хлеба и хлебобулочных изделий ограничен, реализация молокопродуктов – по мере их поступления – при наличии больших очередей и ограниченного времени торговли.

Архангельская область. Мясопродукты... реализуются из расчета 0,5 кг на человека в месяц... Молоко имеется в продаже не более часа. Масло животное продается по талонам из расчета 200 г на человека в месяц. Талоны не обеспечены ресурсами... Мукой в рознице не торгуют, она поступает только для хлебопечения. До конца года недостаток фондов на муку 5 тыс. тонн. Хлебом торгуют с перебоями. Сахар отпускают

по 1 кг в месяц на человека, талоны на него из-за недогруза заводов Украины с июня не отовариваются.

Нижегородская область. Мясопродуктами торгуют по талонам, на декабрь не хватает ресурсов. Молоком торгуют в течение часа. Масло животное реализуется по талонам – 200 г на человека в месяц. Не хватает ресурсов. Растительное масло в продаже отсутствует... С перебоями торгуют хлебом, не хватает зерна на хлебопечение...

Пермская область. На декабрь выдано талонов на масло животное по 200 г на человека, но ресурсов под них нет... Растительного масла в продаже нет... Сахар отсутствует в продаже... Хлебом торгуют с перебоями, при наличии больших очередей. Не хватает муки на хлебопечение».

И так везде. Пустые прилавки. Бесконечные очереди. За всем... Талоны, на которые в действительности ничего купить нельзя.

До беспрецедентно низкой отметки – 289, 6 тонн – сократился золотой запас (для сравнения: трижды проклятое царское правительство в тяжелой ситуации войны оставило своему преемнику – Временному правительству – 1300 тонн золота). Этих крох уже не хватало на покрытие самых неотложных потребностей страны.

Столь же катастрофичным было положение с валютными резервами. Из справки, предоставленной правительству Внешэкономбанком:

«В связи с крайним обострением платежной ситуации страна в течение года неоднократно оказывалась на грани неплатежеспособности ввиду недостатка ликвидных ресурсов в свободно конвертируемой валюте, о чем неоднократно докладывалось руководству страны.

В конце октября 1991 года ликвидные ресурсы были полностью исчерпаны, в связи с чем Внешэкономбанк СССР был вынужден приостановить все платежи за границу, за исключением платежей по обслуживанию внешнего долга...

...К концу второй декады ноября ликвидных валютных ресурсов ожидается недостаточно даже для выполнения безусловных обязательств государства, и страна может быть объявлена неплатежеспособной».

В справке также говорилось, что в связи с недостатком валюты банк, среди прочих источников, использовал находившиеся на его счетах «средства валютных

фондов предприятий, организаций, республик и местных органов власти». Почему-то умалчивалось, что использовались еще и деньги простых граждан.

Егор Гайдар:

«Итак, последний год своего правления коммунисты закончили тем самым, с чего начали 74 года назад, – реквизицией валютных счетов предприятий, организаций и граждан, хранившихся во Внешэкономбанке.

В общем, нет ни хлеба, ни золота. И нет возможности платить по кредитам. А новых ждать неоткуда. Потрясающим сюрпризом для меня это не явилось, и все же до прихода в правительство оставались какие-то иллюзии, надежды, что, может, дела чуть лучше, чем кажется, что есть тайные, подкожные резервы. Но нет, ничего нет!»

Российский парламент ратифицировал Беловежское соглашение

Вернемся, однако, к обсуждению Беловежского соглашения в российском парламенте 12 декабря 1991 года. В целом депутаты отнеслись к Соглашению благожелательно. Высказывались лишь мелкие замечания, причем их авторы, несмотря на свою сдержанную критику, как правило, призывали ратифицировать обсуждаемый документ. В поддержку Соглашения выступили восемнадцать парламентских фракций.

Против него высказался только Сергей Бабурин (депутатская группа «Россия»), заявивший, что «Соглашение превращает Россию в экономическую кормушку для других республик». При этом он выразил сочувствие августовским путчистам: они, мол, «шли на Голгофу ради спасения Союза».

Ну, прямо не путчисты, а святые апостолы.

В результате поименного голосования постановление о ратификации было принято подавляющим большинством голосов. Против проголосовали лишь шестеро: тот же Бабурин, Исаков, Константинов, Полозков, Лысов, Павлов. Полозков и Лысов вскоре исчезнут с политической сцены, остальные же четверо войдут в состав наиболее оголтелой антиельцинской оппозиции, которая в конце концов приведет страну к кровавому октябрю 1993 года.

ПРИЗРАК «ТЮРКСКОГО» СОЮЗА

«Тюркский» союз – в противовес «славянскому»

«Сепаратные» действия трех республик – России, Украины и Белоруссии, – предпринятые ими в Беловежье, были, конечно, рискованными. Среди прочего, рискованными еще и потому, что наносили «обиду» другим республикам: как так, с нами не посоветовались, даже не проинформировали о том, что собираются делать! Да за кого они нас считают! «Обида» могла вылиться во что угодно. Оказавшиеся «вне игры» республики могли поддержать Горбачева в его противостоянии «сепаратистам». Или создать собственные «региональные» союзы. Трудно представить, чтобы такой союз появился на Кавказе: Армения и Азербайджан конфликтовали из-за Карабаха, Грузия вообще ни с кем не хотела союзничать. Но республики Средней Азии и Казахстан в принципе, наверное, вполне могли бы объединиться.

Кравчук утверждает: и ему, и Ельцину было хорошо известно, что эти республики действительно, без особой огласки, ведут переговоры о создании «тюркского» союза – так называемой центральноазиатской конфедерации, – в качестве ответа на учреждение «славянского» сообщества.

И Кравчук, и Ельцин были весьма обеспокоены этим. 9-10 декабря Ельцин обзвонил руководителей среднеазиатских республик, уговаривая их отказаться от мыслей об отдельном союзе и присоединиться к Беловежскому соглашению. Однако эффект вроде бы получился обратный: по словам Кравчука, обида только усилилась, сказался «восточный менталитет» «среднеазиатов»: им предлагают «присоединиться», то есть как бы оставляют место «на краешке стола» как людям второго сорта, вместо того, чтобы включить их в число равноправных участников Соглашения.

12 декабря лидеры среднеазиатских республик и Казахстана собрались в Ашхабаде. Согласно версии Кравчука, – чтобы обсудить возможность создания этой самой центральноазиатской конфедерации и тем как бы проявить свою реакцию на

создание СНГ (кто-то из президентов, дескать, даже предложил принять совместное заявление с осуждением Вискулей).

Если бы все действительно завершилось созданием «тюркского» союза, события на пространстве бывшего Союза, понятное дело, развивались бы совсем иначе, чем это было в реальности. Пожалуй, гораздо более драматично.

Встреча «обиженных» в Ашхабаде

На самом деле все обстояло не совсем так, как об этом пишет в своих воспоминаниях Кравчук. Истинной целью собравшихся в Ашхабаде действительно было – определить свое отношение к Беловежскому соглашению, но вряд ли большинство собравшихся всерьез помышляло вступать в конфликт со «славянами».

Впрочем, нельзя сказать, что мысль о центральноазиатской или, несколько по-другому, среднеазиатской или даже туркестанской конфедерации вообще не выдвигалась.

Накануне Назарбаев, взявший на себя роль активного «лоббиста» СНГ, провел три часа в телефонных переговорах с руководителями Украины, Белоруссии, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении (не удалось ему поговорить только с президентом Киргизии Акаевым). С Ельциным Назарбаев все обсудил еще в Москве.

Сам президент Казахстана так вспоминает об ашхабадской встрече:

«...Мы собрались у Ниязова в Ашхабаде, до трех часов утра обсуждали ситуацию: то ли мы не признаем упразднение Союза, а Горбачева признаем президентом, – но какой Союз без России? То ли создаем среднеазиатскую конфедерацию, – это Ниязов предложил, но экономика-то у нас общая, армия единая, рубль один и тот же, 1150 боеголовок в Казахстане... Как можно вставать в конфронтацию с Россией? Результат вы знаете...»

Из этого видно, что к началу встречи, после телефонных увещаний Назарбаева, окончательного решения все же еще не было – иначе чего бы обсуждать до трех часов утра? От конфронтации с Россией удерживали, разумеется, не какие-то «традиционные братские чувства» и не ядерные боеголовки в Казахстане, а, конечно, экономические соображения, боязнь, что, оторвавшись от России, своими силами они свою экономику

«не потянут». Туркмения, которую распирает от природного газа в ее недрах, конечно, не испытывала такой боязни – потому-то ее лидер Сапармурат Ниязов (будущий Туркменбаши) и стоял за отдельный, среднеазиатский союз. Однако коллеги его не поддержали...

13 декабря участники ашхабадской встречи приняли итоговое заявление. В нем говорилось, что в целом они «с пониманием» воспринимают стремление Белоруссии, России и Украины (по алфавиту) «создать на месте ранее бесправных республик объединенные в содружество независимые правовые государства», хотя само Беловежское соглашение явилось для них неожиданностью. Участники совещания, говорилось далее, согласны с тем, что попытки по-новому объединить субъекты прежнего Союза на основе решений V Съезда народных депутатов СССР зашли в тупик, недальновидная политика Центра привела к глубокому экономическому и политическому кризису, к развалу производства, катастрофическому понижению жизненного уровня практически всех слоев населения.

Авторы заявления соглашались с тем, что новое Содружество действительно стало необходимостью, но, подчеркивалось, оно возможно только при равноправном участии всех независимых государств – членов бывшего Союза. При этом все государства должны быть соучредителями Содружества, а в документах о его образовании следует учесть «исторические и социально-экономические реалии республик Средней Азии и Казахстана», чего в Беловежье сделано не было. Как бы реагируя на разговоры о «славянском» характере «беловежского» союза, авторы заявления обращали внимание на то, что Содружество не может быть образовано по этническим, конфессиональным или любым другим признакам, нарушающим права человека и народов. Еще один важный момент заявления: Содружество должно признать территориальную целостность и неприкосновенность существующих ныне границ (тут, в этом пункте, прежде всего, отразилось желание Казахстана оградить свои северные земли от посягательств России). Говорилось также о том, что целесообразно обеспечить единый контроль над ядерным оружием и сохранить объединенное командование войсками стратегического сдерживания и военно-морскими силами.

Только при таких условиях участники ашхабадской встречи готовы были стать равноправными соучредителями Содружества независимых государств (Узбекистан здесь откладывал свое решение до президентских выборов – до 29 декабря).

«Горбачеву пора перестать кликушествовать»

На пресс-конференции после встречи Назарбаев, возвращаясь к событиям недавних дней, подтвердил, что его приглашали присоединиться к Беловежскому соглашению еще в момент его подписания в Вискулях, но он не стал этого делать без консультаций с соседними братскими республиками, без того, чтобы договориться с ними о единой позиции.

– Я рад, что президент России Борис Ельцин отмежевался от идеи о славянском союзе, – сказал Назарбаев. – Настало время перестать шантажировать друг друга, а президенту Горбачеву пришла пора перестать кликушествовать, что будет война и кровь, перестать внушать народу их неизбежность. Если не будет провокации, то не будет и оснований для беспокойства по этому поводу.

Такими вот словами казахский президент подвел черту под «сепаратными» переговорами, которые вел с ним Горбачев, пытавшийся склонить Назарбаева, а вслед за ним и других азиатских лидеров, на свою сторону (по поводу этих переговоров так тревожился Ельцин). Не удалось склонить. Под «провокацией» же Назарбаев, – это было достаточно ясно, – подразумевал возможную попытку президента СССР прибегнуть к силе, чтобы остановить окончательное разрушение Союза. Назарбаев во всеуслышание предостерегал Горбачева от такой попытки.

Кстати, что Назарбаев имел в виду под шантажом? Не разговоры ли о «тюркском» союзе?

В свою очередь, киргизский президент Аскар Акаев, выступая на той же пресс-конференции, главной ошибкой Горбачева назвал его нежелание принять почти единодушное предложение республик формировать не союзное государство, а союз независимых государств.

Окончательно решить судьбу «полновесного» СНГ наметили 21 декабря в Алма-Ате, куда пригласили уже все двенадцать бывших союзных республик.

А как же «тюркский» союз?

После Ашхабада разговоры о создании «азиатского» пакта в противовес «славянскому», естественно, заглохли. Наверное, в последний раз на достаточно высоком официальном уровне их отзвук послышался 12 декабря, когда в Ашхабаде уже шли переговоры о присоединении азиатских республик к СНГ. В этот день председатель Верховного Совета Казахстана Серикболсын Абдильдин на пресс-конференции в Алма-Ате на вопрос журналиста об «азиатском» пакте ответил, что возможность его создания существует. Правда, тут же постарался смягчить свой ответ: мол, любое независимое государство может вступать в разные виды межгосударственных объединений; более того, и сам «азиатский» союз, если он будет создан, может войти куда угодно, в том числе и в «славянское содружество».

Это уже было что-то непонятное...

Трудно сказать, насколько серьезны были разговоры о создании «тюркского», «азиатского» союза. Скорее всего, – по крайней мере, на том последнем, «послебеловежском», этапе, – это была просто словесная реакция на создание СНГ, способ давления на три «славянские» республики, – если хотите, шантажа, о котором, надо полагать, обмолвился Назарбаев: дескать, вы должны нас принять в Содружество на равноправной основе, как соучредителей, а не то... мы вот тут можем собственное объединение создать. На самом деле руководители азиатских республик (большинство) хорошо понимали, что их совместного экономического потенциала недостаточно, чтобы такое объединение оказалось «живорожденным». Последующие годы показали, что проблемы, возникшие из-за разрушения экономических связей, и для СНГ оказались неподъемны, а что ж тогда говорить о каком-то союзе пяти азиатских республик, если бы он образовался.

ВРЕМЯ ДАНО ИМ — ДО НОВОГО ГОДА

Последний слет союзных депутатов

Одновременно с ашхабадской встречей в Москве собралась сессия Верховного Совета СССР. Горбачев, правда, требовал, чтобы собрался Съезд, но мы ведь видели: Съезд еще в сентябре самораспустился. Сторонники сохранения Союза видели в сессии ВС последнюю спасительную соломинку, за которую еще могла бы уцепиться тонущая держава. «Российская газета»:

«Вечернего заседания (13 декабря. – О.М.) иные союзные парламентарии ждали с тайной надеждой на то, что, дескать, Верховный Совет СССР соберется и разложит нынешнюю ситуацию по полочкам. Однако заседание вылилось в шумный неорганизованный митинг людей, во что бы то ни стало стремящихся сохранить свое политическое реноме».

Председатель Совета Республик казахский писатель Ануар Алимжанов пытался направить собрание в какое-то разумное русло – сообщил депутатам об итогах ашхабадской встречи, о том, что там было высказано немало замечаний по Соглашению об СНГ, а потому окончательного решения азиатские лидеры не приняли – пригласили на встречу в Алма-Ату Ельцина, Кравчука и Шушкевича, чтобы из первых уст услышать ответы на все вопросы. По этой причине и нам, увещевал депутатов Алимжанов, было бы целесообразно, все документы, касающиеся Соглашения, обсудить уже после встречи в Алма-Ате.

Однако ясно было, что никакого обсуждения уже не получится – ни в этот день, ни позже. Достаточно сказать, что из более чем 370 членов ВС в зале присутствовало лишь 230. К тому же парламенты России, Украины и Белоруссии решили придать «своим» депутатам в союзном Верховном Совете статус наблюдателей, то есть лишить их права решающего голоса.

Вадим Медведев, близкий к Горбачеву человек, печально писал по этому поводу: поскольку ряд республик отозвал своих депутатов, то законного статуса он, Верховный Совет, уже не имеет, это «просто собрание группы депутатов».

В общем, спасения для Союза из союзного парламента не пришло.

...Несколько дней спустя, 17 декабря, российские власти «взяли под контроль» здание союзного Верховного Совета.

Срок Союзу отпущен – до конца года

В этот же день Горбачев и Ельцин встретились в очередной раз. По сообщениям, Горбачев вынужден был согласиться, что «переход союзных структур в новое качество должен завершиться к концу этого года». Что подразумевалось под таким переходом? Перестают действовать все союзные структуры. Часть из них переходит под юрисдикцию России, остальные просто ликвидируются. Прекращается деятельность союзного КГБ, Госбанка, Министерства внешних сношений. Упраздняется межреспубликанский экономический комитет. В Госбанке закрывается президентский счет.

Это могло бы случиться еще год назад

В этот же день в итальянской газете «Република» было опубликовано интервью Ельцина, в котором он сделал ряд любопытных заявлений. В частности, он сказал, что, если бы не было подписано Соглашение об СНГ, обсуждение нового Союзного договора могло бы продолжаться и в следующем году, но по-прежнему безуспешно, поскольку «в республиках очень силен страх перед Центром».

– Самой грубой ошибкой Горбачева, – сказал Ельцин, – было стремление к созданию обширного и могущественного центрального правительства. Если бы была принята идея о конфедерации, а может быть, даже и о федерации (по-видимому, имелось в виду – без сильного Центра. – О.М.), то не исключено, что Союзный договор был бы уже давно подписан. Вместо этого мы потеряли массу полезного времени.

На вопрос о том, как и когда возникла идея Содружества, Ельцин вновь, как и при выступлении в российском парламенте, сослался на события годовой давности:

– Впервые об этой идее заговорили в декабре прошлого года, когда советское правительство тормозило реформы. Тогда Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан направили своих представителей в Минск, чтобы изучить вопрос о создании Содружества. Горбачев воспрепятствовал этому плану, однако документы остались, и мы вновь рассмотрели их в Минске 8 декабря. Поэтому, чтобы заключить договор, нам потребовалось всего лишь полтора дня.

(Непонятно, какие документы годичной давности, которые будто бы были рассмотрены в Беловежье, имел в виду Ельцин. Вроде бы единственным исходным документом была черновик соглашения, подготовленный Шахраем по его собственной инициативе. – **О.М.**)

По словам Ельцина, уже при подписании Беловежского соглашения было ясно, что сохранить единые Вооруженные Силы с единым командованием не получается: Украина создает собственную армию. А Россия? Ельцин ответил, что все типы ядерного оружия, стратегические и тактические ракеты, авиация, военно-морской флот, службы разведки останутся под объединенным командованием. Что касается сухопутных сил, то каждая республика может самостоятельно решать этот вопрос. Россия не хочет создавать собственную армию, и все войска, дислоцированные на российской территории, останутся под объединенным командованием.

Конечно, невооруженным глазом было видно, что уже началось и набирает обороты расчленение единой армии, возможность которого еще несколько дней назад Ельцин отрицал. В интервью итальянской газете он лишь зафиксировал, каково было положение дел на тот момент, на момент интервью.

Корреспондент полубопытствовал, у кого будет находиться «ядерный чемоданчик». «Не у Горбачева», – ответил Ельцин. «Может быть, у вас?» – «Перейдем к следующему вопросу», – несколько раздраженно сказал российский президент.

В самом деле, вопрос о том, как будет осуществляться управление ядерным оружием, в тот момент был по-прежнему не решен.

Ельцин о Горбачеве

Довольно подробным был разговор о Горбачеве. Журналист поинтересовался, будет ли он играть какую-нибудь роль в Содружестве.

– Нет, – решительно ответил Ельцин. – Мы будем обращаться с ним достойно и с уважением, которого он заслуживает, однако, поскольку мы решили к концу декабря завершить переходную фазу в стране, то он тоже должен принять свое решение за этот срок.

Был также вопрос, как вообще Ельцин оценивает работу, проделанную Горбачевым, в чем он ошибался. Ельцин сказал, что очень высоко оценивает первую фазу его деятельности, в 1985 – 1986 годах, в начале перестройки. По словам Ельцина, Горбачев очень много сделал для становления демократии как внутри страны, так и на пространстве бывшего социалистического лагеря. Может быть, если бы не было Горбачева, то это сделал бы кто-нибудь другой. И, тем не менее, важность его роли и работы очевидна. Однако, начиная с 1987 года, он совершил массу ошибок. Потерял время, не начал экономическую реформу, действовал полумерами.

– Но я не хочу плохо говорить о Горбачеве, – продолжал Ельцин. – Повторяю: я уважаю и ценю все то, что он сделал. Если он решит уйти в отставку, Россия возьмет на себя всю ответственность, гарантируя ему приличную пенсию и подобающее отношение.

Вопрос, который тогда интересовал всех, причем не только в нашем отечестве, но, как видно и из этого интервью, и за рубежом:

– Складывается впечатление, что, несмотря на хорошие «рабочие отношения», вы всегда недолюбливали друг друга в личном плане...

– В последние месяцы наши отношения были достаточно хорошими, – сказал Ельцин. – Конечно, нас никогда не связывала дружба. Не могу сказать, что со мной всегда хорошо обращались с человеческой точки зрения, особенно в 1987 году (когда Ельцина освободили от должности первого секретаря Московского горкома КПСС. – **О.М.**) Однако после путча, когда Горбачев понял, что коммунизм и рыночная экономика не могут сосуществовать, наши отношения улучшились, стали более тесными. Если бы так было с самого начала, все было бы гораздо проще.

(Разговаривая с Гайдаром в апреле 2009 года, я поинтересовался его мнением – в какой мере разрушительную роль для Союза сыграло противостояние Ельцина и Горбачева, желание Ельцина отрешить Горбачева от власти.

– Да, у них были тяжелые личные отношения, – сказал Гайдар, – но я не думаю, что это было существенным фактором.

– Есть же такая версия, что Ельцину хотелось во что бы то ни стало отстранить от власти Горбачева и для этого он, дескать, развалил Советский Союз.

– Советский Союз он не развалил – он оформил его развал.

– Но все-таки в какой-то мере, как вы полагаете, вражда с Горбачевым подталкивала его в его действиях в эту сторону?

– Это в общем-то был достаточно объективный процесс. А Борис Николаевич был человеком с вполне государственным мышлением, и для него было гораздо важнее как-то решить вопрос с Советским Союзом, чем бороться с Горбачевым. Другое дело, что в общественном сознании все представало так, что за все происходившее в это время отвечают Горбачев и Ельцин).

Народ не поддерживает Горбачева

Как уже говорилось, получив известие о заключении Беловежского соглашения, Горбачев призвал к созыву чрезвычайного Съезда народных депутатов СССР и даже пригрозил напрямую обратиться к народу за поддержкой. Со Съездом ничего не получилось, но и народ вряд ли поддержал бы президента. По опросу, который в ту пору, с 16 по 23 декабря, провела «Российская газета» вместе с Центром сравнительных социальных исследований, подавляющее большинство российского населения (68,3 процента) не усматривали необходимости в созыве Съезда. Если же Горбачев обратился бы к народу за поддержкой, около 70 процентов отказали бы ему в ней. Наконец, более 62 процентов высказались за то, что он должен уйти в отставку.

Последнее обращение Горбачева к «разрушителям» СССР

В последний раз к «разрушителям» СССР Горбачев обратился 18 декабря, за несколько дней до их, «разрушителей», решающей встречи в Алма-Ате. Он уже не

протестовал, не доказывал гибельность того пути, на который они встали, не призывал их одуматься, повернуть назад, прекрасно понимая, что назад пути уже нет. Горбачев смирился. Он лишь желал напомнить то, что, по его словам, было «для всех очевидно» (на самом деле – не для всех), – что переход к Содружеству Независимых Государств «будет происходить в обстановке глубочайшего экономического, политического и межнационального кризиса, значительного снижения жизненного уровня». Его целью было «очертить минимум положений, без которых Содружество в современных условиях... не сможет стать жизнеспособным».

Вот некоторые из этих положений.

По словам Горбачева, должно быть четко зафиксировано, что Содружество – это **МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ** образование, в котором абсолютно равны не только входящие в него государства, но и все национальности, все религии, обычаи и традиции.

Чтобы подчеркнуть это равенство, Горбачев предлагал назвать Содружество не СНГ, а СЕАГ – Содружество европейских и азиатских государств.

Очень важный вопрос – гражданство. Когда на практике начнется процесс размежевания, это окажется болезненным для очень многих, – для тех, кого судьба занесла «не в ту» республику, где он должен бы жить по рождению, взрослению, кто живет в смешанном браке и т.д. Поэтому следующее предложение Горбачева – наряду с гражданством соответствующего государства ввести норму «гражданин Содружества».

Еще одно предложение – Содружество должно быть субъектом международного права, иметь какую-то единую структуру по делам внешних сношений.

Наконец, Горбачев предлагал провести заключительное заседание Верховного Совета СССР, который принял бы постановление о том, что Советский Союз прекращает свое существование и все его законные права и обязанности передаются Содружеству Европейских и Азиатских Государств. Это необходимо для того, чтобы в новую историческую эпоху мы вошли «с достоинством, с соблюдением норм легитимности».

«Таковы мои самые общие соображения, – писал в заключение Горбачев. – Они продиктованы ответственностью за конечный успех **ВЕЛИКОГО ДЕЛА, НАЧАТОГО В 1985 ГОДУ** (выделено мной. – **О.М.**)»

В 1985 году, на апрельском пленуме, Горбачев действительно начал великое дело, однако вряд ли кто-либо из собравшихся в Алма-Ате вспоминал и думал об этом. Мысли этих людей были поглощены совсем другим. Не знаю, читал ли кто-либо из них это обращение Горбачева, но ни одно из его предложений – ни о названии СЕАГ, ни о гражданстве Содружества, ни о единой структуре СНГ (или СЕАГ) по делам внешних сношений, ни о заключительной сессии Верховного Совета СССР, которая поставила бы точку в существовании советской державы, – не было принято.

В этот же день, 18 декабря, лишь одна из палат союзного Верховного Совета – Совет Республик – приняла заявление, в котором «выразила понимание» Беловежского соглашения «как реальной гарантии выхода из острейшего политического и экономического кризиса».

ТОЧКА ПОСТАВЛЕНА В АЛМА-АТЕ

«Челночная дипломатия» Назарбаева

Окончательная ситуация с СССР и СНГ была прояснена 21 декабря 1991 года в Алма-Ате, где собрались лидеры уже одиннадцати государств (три «беловежских» и восемь других, которых не позвали в Вискули; президента Грузии на встрече не было, от этой страны присутствовал лишь наблюдатель). Вот как описывала происходившие там события «Независимая газета»:

«Все происходило очень быстро и неожиданно. Еще утром никто не мог предположить, что с Союзом будет покончено в один день... Однако все было решено в резиденции Назарбаева в ходе единственного дневного заседания. Прибывший сюда из Италии Борис Ельцин, словно продолжая стремительный полет, затратил минимум времени для получения максимума возможного. Как известно, он единственный прилетел в Алма-Ату 21 декабря, все остальные президенты съехались 20-го. Всех их Назарбаев лично встречал в аэропорту... Но это было только началом его хлопот как гостеприимного хозяина. Вечером еще раз собралась ашхабадская пятерка. Заседание не было продолжительным, однако, узнав о нем, заволновались остальные гости. И до глубокой ночи Назарбаев был занят тем, что посещал глав независимых государств, лишний раз продемонстрировав при этом, что роль связующего звена между Востоком и Западом ему вполне по плечу, и при всех перипетиях политической борьбы отказываться от нее он не намерен...»

Основным документом, который подписали одиннадцать республик 21 декабря в Алма-Ате, был Протокол к Соглашению, подписанному тремя «славянскими» республиками 8 декабря в Беловежье. В нем говорилось, что уже не три, а эти самые одиннадцать стран – Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан и Украина, – «на равноправных началах и как высокие договаривающиеся стороны» образуют

Содружество Независимых Государств. Протокол становится «составной частью» Беловежского соглашения.

В Декларации, которая также была принята в Алма-Ате, еще раз подтверждалось, что Советский Союз прекращает свое существование, что на его месте образуется Содружество Независимых Государств, в которое теперь входят одиннадцать бывших союзных республик, что СНГ не является ни государством, ни надгосударственным образованием, что все его участники признают и уважают территориальную целостность друг друга и нерушимость существующих границ. Вновь подтверждалось, что будет сохранено объединенное командование военно-стратегическими силами и единый контроль над ядерным оружием, хотя всем было понятно, что такое командование и такой контроль – всего лишь успокоительная (для Запада) и реально неосуществимая декларация. Впрочем, по ядерному оружию в Алма-Ате было подписано отдельное, более конкретное Соглашение.

Стоит, пожалуй, еще заметить, что в тексте Декларации как само собой разумеющееся было упомянуто: мол, все эти великие пертурбации – ликвидацию СССР, образование СНГ, – бывшие советские республики затевают, «стремясь построить демократические правовые государства». Увы, ни одного по-настоящему демократического правового государства в составе СНГ до сих пор не построено.

Помимо Протокола и Декларации, было принято решение по поводу участия стран СНГ в международных организациях. Согласно этому решению, члены Содружества обязались поддержать Россию в качестве правопреемницы СССР в ООН, в том числе в Совете Безопасности, а Россия, Украина и Белоруссия, в свою очередь, взяли на себя обязательство оказать такую же поддержку другим членам СНГ в получении ими полноправного членства в ООН и других международных организациях.

Назарбаев готов отказаться от ядерного оружия

Как уже говорилось, Запад не столько волновала судьба бывшего СССР, сколько – судьба его ядерного оружия. Именно за ней в США и Европе следили особенно напряженно. Одним из заметных событий алма-атинской встречи стала неожиданная

резкая перемена в позиции Назарбаева по этому вопросу. Поразмыслив, он вроде бы решил отказаться от ядерного оружия.

– Казахстану предпочтительнее добиваться статуса независимого государства, членства в ООН как безъядерной в перспективе зоны, чем признания его мировым сообществом в качестве ядерной державы, – сказал Назарбаев.

Это заявление было действительно неожиданным: всего лишь за несколько дней до этого Назарбаев отклонил предложение госсекретаря США Джеймса Бейкера оплатить перемещение ядерных ракет из Казахстана в Россию – это предложение Бейкер сделал во время их личной встречи. Назарбаев ответил, что деньги он, конечно, готов принять, но предпочитает их потратить на иные цели – на покупку продовольствия, например. В продовольствии тогда действительно остро нуждались все, кто жил на территории распадающегося Советского Союза.

Впрочем, как следовало из подписанного в Алма-Ате уже упомянутого Соглашения по ядерной тематике, в тот конкретный момент Казахстан принимал на себя обязательство в ближайшее время освободиться лишь от тактического ядерного оружия. Полностью же стать неядерными государствами обещали только Украина и Белоруссия. Что касается Казахстана, он намечал для себя такой путь лишь в более отдаленной перспективе, как о том и говорилось в процитированном выше заявлении Назарбаева, если прочитать его внимательно.

В Соглашении также говорилось, что до того момента, как на территории Белоруссии и Украины ядерное оружие будет полностью ликвидировано, решение о его применении будет принимать президент России по согласованию с главами трех остальных государств – участников этого соглашения. Процедуры согласования разрабатываются всеми совместно. Это уже было что-то более конкретное, чем расплывчатое «единый контроль над...» Хотя тоже было не очень понятно, какое может быть согласование, если решение о ядерном ударе должно приниматься за считанные минуты.

В соответствии с Соглашением, Белоруссия и Украина принимали также на себя обязательства присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия в

качестве неядерных государств. Казахстан опять-таки подобного обязательства на себя не брал.

В общем, так или иначе, некоторая ясность относительно советского ядерного оружия этим Соглашением уже вносилась, способствуя успокоению зарубежных стран.

У кого будет «кнопка»?

В интервью итальянским журналистам Ельцин также сказал, что «на данном этапе» ядерным оружием будут располагать две республики, однако (вот опять) «командование будет единым и централизованным» и «ядерная кнопка все-таки будет одна, а не в каждой республике».

Правда, когда у него снова поинтересовались, – это уже корреспонденты американского «Ньюсуик», – будет ли он лично распоряжаться ядерной кнопкой, Ельцин опять уклонился от ответа.

Позже на встрече с редакторами российских газет он все же сообщил, что кнопку Горбачев передаст ему, а у троих его «ядерных» коллег будет установлена спецсвязь, «позволяющая провести мгновенный обмен информацией и принятие согласованного решения».

Еще любопытная деталь: несмотря на образование СНГ, Ельцин в те дни не раз говорил о желательном, на его взгляд, сближении России с НАТО и даже о возможном ее вступлении в эту организацию. Впрочем, он говорил и о сближении СНГ с НАТО. На одной из пресс-конференций его спросили: «Почему вы считаете, что вступление в НАТО будет полезно для России, не вызовет ли это отрицательной реакции со стороны соседних стран, например, Китая?»

– Я не ставлю вопрос так, – пояснил Ельцин, – что вступление в НАТО произойдет немедленно, считаю это преждевременным. Но история рано или поздно приведет нас, видимо, к этому. Россия идет в Европу, причем хочет активно участвовать в делах континента, в создании свободной Европы. Общее командование нашего Содружества в перспективе должно, наверное, слиться с НАТО и образовать единые вооруженные силы Европы.

Вот так. Путин же, придя к власти, снова, как это было в советские времена, сделал из НАТО пугало.

Горбачева решено проводить с почетом

Среди прочих вопросов, которые решались в Алма-Ате, был вопрос о Горбачеве. Его обсуждали при плотно закрытых дверях – даже ближайших помощников удалили. Действительно вопрос деликатный. Из того, что стало известно в дальнейшем, следовало: в общем-то, все пришли к согласию, что к обреченному на скорый уход президенту СССР надо отнестись с надлежащим почтением. В частности, Назарбаев, как бы чувствуя свою вину перед Горбачевым, который после беловежских событий именно его долго увещевал сохранить верность Союзу, заявил: лично он, дескать, сделает все от него зависящее, чтобы проводить союзного президента с максимальным почетом и никоим образом не ущемить его самолюбие.

Впрочем, согласие насчет проводов и «пенсионного обеспечения» Горбачева было, по-видимому, достигнуто не сразу. Первоначально, еще до алма-атинской встречи, уходящий союзный президент представил собственные пожелания непосредственно российскому президенту. В своих мемуарах Ельцин так об этом пишет:

«Список претензий Горбачева – его «отступная», – изложенных на нескольких страницах, был огромен. И практически весь состоял из материальных требований... Психологически его расчет был очень прост: раз вы так хотите от меня избавиться, тогда извольте раскошелиться. Но я старался вести себя твердо и сказал, что вынесу этот вопрос на Совет глав государств.

А на Совете многие выступили за то, чтобы вообще лишить экс-президента всего, оставить сумму, которую имеет у нас обычный пенсионер. Я же предложил создать прецедент достойного ухода главы государства в отставку, без атмосферы скандала. Почти все, что просил Горбачев, за исключением чего-то уж очень непомерного, ему дали».

О том, что конкретно наметили предложить Горбачеву для его пенсионной жизни, Ельцин в общих чертах рассказал на уже упомянутой встрече с редакторами российских газет: уходящему президенту СССР будет назначена пенсия в размере

зарплаты, которую он получал на президентском посту, с последующей индексацией, предоставлены госдача (правда, не та, которую он до сих пор занимал), две автомашины и охрана в количестве двадцати человек (включая водителей и службу).

(Все же, забегаая вперед, скажу, что на самом деле особо почетными проводы Горбачева не были, а уж о бережном отношении к его самолюбию и говорить не приходится. Хотя некоторые из постигших его «обид» были преувеличены прессой).

Итак, – СНГ

Итак, на месте СССР – формально федеративного, а по существу, унитарного государства, империи, – возникло нечто неопределенное под названием Содружество Независимых Государств. Некое «облако в штанах».

Нельзя сказать, чтобы это было чем-то совсем новым, никогда не виданным в истории, каким-то изобретением людей, создавших СНГ. Примеры подобных образований были и есть. Взять хотя бы Содружество наций (прежде – Британское содружество наций), возникшее на месте развалившейся Британской империи. Бывшие доминионы, колонии и протектораты Великобритании живут в этом межгосударственном семействе уже более 120 лет, будучи при этом независимыми, суверенными государствами. Поддерживают друг с другом более или менее тесные политические и экономические связи. Друг с другом и с бывшей метрополией. Некоторые даже признают британского монарха формальным главой своего государства, хотя никакой реальной властью этот монарх у них не пользуется. Он же, опять-таки формально, является и главой Содружества.

То есть номинально в Содружестве существует некий Центр, хотя и вполне эфемерный. Может быть, в конце концов, в нечто подобное превратился бы и тот Центр, на сохранении которого упорно настаивал Горбачев? Впрочем, в Содружестве наций он не всегда был эфемерным: в начале существования этого межгосударственного семейства покровительство Великобритании значило немало. А это покровительство, финансовую помощь бывшая метрополия оказывала, в первую очередь, именно членам Содружества. Да и вообще, благодаря «стерлинговой зоне», играла в Содружестве роль банкира...

Однако бывшие союзные республики не желали слышать ни о каком Центре, не говоря уж о том, что сравнение с бывшими британскими колониями представлялось им предельно унижительным. Наконец Содружество наций представляло собой модель явно угасающего (почти угасшего) межгосударственного объединения. Кто же захотел бы примеривать на себя этот обветшалый костюм?

Несравненно более привлекательной была другая модель – модель Европейского Союза. Там никакой единой «европейской империи» не существовало, нечему было разваливаться. Наоборот, в какой-то момент государства Европы – сами по себе достаточно благополучные, – почувствовали необходимость перейти к какой-то форме ЧАСТИЧНОГО объединения, прежде всего экономического, пожертвовать толикой своего суверенитета ради повышения этого самого благополучия, опять-таки, в первую очередь, в сфере экономики, хотя и в области политики потребность в объединении была достаточно четко осознана. Задача, которую поставили перед собой европейцы, – необычайно тяжелая. Жизнь ЕС протекает в постоянных колебаниях, постоянном мучительном вычислении, какой именно частью суверенитета можно пожертвовать, а какую ни в коем случае не отдавать. Но вот как-то удается все же Евросоюзу преодолевать эти колебания и достаточно уверенно двигаться ко все большему процветанию.

Но то – Европа. Страны СНГ на Европу мало похожи. Уже и в конце 1991-го, когда создавалось Содружество, достаточно хорошо было видно: построить новый Европейский Союз на пространстве бывшего Советского Союза вряд ли удастся. Не та «кредитная история». Но в тот момент решалась совсем другая задача – обеспечить МИРНОЕ РАЗБЕГАННИЕ различных частей разваливающегося СССР, а дальше – как получится. Заключены соглашения – экономическое (если идти по хронологии), Беловежское (политическое), – заложены основы, есть фундамент для дальнейшей, уже более рутинной работы. Много раз уже повторялось и стало банальностью: СНГ было ни чем иным как только способом мирного расставания республик, составлявших Советский Союз. Перед глазами у всех маячил отталкивающий, кровавый пример Югославии.

ГОРБАЧЕВ УХОДИТ

26 декабря Горбачев выступил по Центральному телевидению с трогательной прощальной речью.

– Дорогие соотечественники! Сограждане! – сказал президент. – В силу сложившейся ситуации с образованием Содружества Независимых Государств я прекращаю свою деятельность на посту президента СССР.

По словам Горбачева, он принимает это решение по принципиальным соображениям:

– Я твердо выступал за самостоятельность, независимость народов, за суверенитет республик. Но одновременно и за сохранение союзного государства, целостности страны. События пошли по другому пути. Возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства, с чем я не могу согласиться.

Как убежден Горбачев, решения подобного масштаба должны приниматься на основе народного волеизъявления. Тем не менее, он не будет препятствовать реализации принятых соглашений, – напротив, будет делать все, что в его силах, чтобы они привели к подлинному согласию в обществе, облегчили бы выход из кризиса и способствовали бы продвижению реформ.

Выступая в качестве президента в последний раз, Горбачев бросил взгляд на тот путь, который был пройден, начиная с 1985 года:

– Судьба так распорядилась, что, когда я оказался во главе государства, уже было ясно, что со страной неладно. Всего много: земли, нефти и газа, других природных богатств, да и умом и талантами Бог не обидел, а живем куда хуже, чем в развитых странах, все больше отстаем от них. Причина была уже видна – общество задыхалось в тисках командно-бюрократической системы. Обреченное обслуживать идеологию и нести страшное бремя гонки вооружений, оно – на пределе возможного. Все попытки частичных реформ, – а их было немало, – терпели неудачу одна за другой. Страна теряла перспективу. Так дальше жить было нельзя. Надо было кардинально все менять.

По признанию Горбачева, процесс обновления страны и коренных перемен оказался куда более сложным, чем можно было предположить. Однако в результате – и это самое главное – общество получило свободу, раскрепостилось политически и духовно. Была ликвидирована тоталитарная система, совершен демократический прорыв – реальными стали свободные выборы, свобода печати, многопартийность. Права человека признаны высшей ценностью. Началось движение к многоукладной экономике, к равноправию всех форм собственности... Если говорить о делах международных, – мы живем в новом мире: покончено с «холодной войной», остановлена гонка вооружений и безумная милитаризация страны, изуродовавшая нашу экономику, общественное сознание и мораль. Снята угроза мировой войны.

Далее следовала самая болезненная для Горбачева тема, то, на чем он споткнулся, что стало для него трагедией:

– Поиски демократического реформирования многонационального государства вывели нас к порогу заключения нового Союзного договора...

Но из-за «нарастающего сопротивления сил старого, отжившего, реакционного», низкого уровня политической культуры, боязни перемен было потеряно много времени...

– ...Старая система рухнула до того, как успела заработать новая. И кризис общества еще больше обострился... Августовский путч довел общий кризис до предельной черты. Самое губительное в этом кризисе – распад государственности. И сегодня меня тревожит потеря нашими людьми гражданства великой страны – последствия могут оказаться очень тяжелыми для всех.

Однако последнее, главное, пожелание уходящего президента все же связано не с надеждой на какое-то восстановление в том или ином виде прежнего государства и государственности – «жизненно важным» ему представляется сохранить демократические завоевания последних лет. По словам Горбачева, «они выстраданы всей нашей историей, нашим трагическим опытом, от них нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах и ни под каким предлогом».

– Я покидаю свой пост с тревогой. Но и с надеждой, с верой в вас, в вашу мудрость и силу духа, – сказал в заключение Горбачев. – Мы – наследники великой цивилизации, и сейчас от всех и каждого зависит, чтобы она возродилась к новой современной и достойной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

* * *

Как о всяком важном историческом событии, о случившемся в Беловежье гуляет много мифов. Пожалуй, один из самых распространенных: в Пуще собрались три пьяных мужика и развалили великую державу. Исчерпывающим образом на это ответил Леонид Кравчук:

– У меня вызывают улыбку утверждения типа «Собрались втроем и развалили великую страну!» Пусть соберутся три губернатора и попытаются развалить Соединенные Штаты!

Распад «великой державы» был совершенно объективным процессом, начало которому было положено задолго до того, как лидеры трех республик собрались а Беловежье. Он был заложен еще в те давние времена, когда огромные территории и целые народы, чуждые российскому духу, российской культуре, силой загонялись в состав Российской империи, а после Советского Союза, силой удерживались в их границах.

Экономически распад Союза был заложен где-то на рубеже двадцатых – тридцатых годов прошлого века, когда Сталин, как уже говорилось, навязал стране негибкую, неспособную адаптироваться к малейшим изменениям командно-административную структуру экономики и взялся проводить разрушительную для страны политику. Разорение крестьянства и – развал сельского хозяйства, скоропалительное создание «социалистической индустрии», неспособной выпускать конкурентную продукцию (главное – погоня за количеством), безумное увлечение производством оружия (как же, надо по всей земле установить «самый правильный» режим – «диктатуру пролетариата»!) – все это вело к тому, что экономика, а вместе с ней и страна, погружались в непролазную трясиину.

* * *

Единственным спасением до поры, до времени были рабский труд миллионов колхозников и зэков, варварская эксплуатация природных ресурсов, интенсивная, «стахановская» добыча и экспорт угля, нефти, газа, других земных богатств, коих, слава Богу, в наших земных недрах было вдоволь. Правда, был еще один источник поддержания жизни – иностранная помощь (особенно во время войны), внешние займы. Но вот в середине 1980-х цены на нефть обрушились. Попытки компенсировать это падение за счет «ускорения и перестройки», объявленных Горбачевым, без серьезных экономических реформ, результата не принесли. За рубежом займы уже не давали. Приближалась катастрофа. Экономическая катастрофа.

* * *

Нельзя ли было найти путь к спасению, не разрушая Союз, – проведя экономические реформы? Попытки как-то, хотя бы частично, реформировать экономику предпринимались неоднократно, но всегда безжалостно подавлялись коммунистической верхушкой, усматривавшей в них угрозу для своей власти. Вроде бы в последний раз, уже в 1990 году, на путь спасения направляла программа «500 дней», но Горбачев отверг и ее, опять-таки, видимо, по той же причине – испугавшись потерять свое полномочие. Времени для спасения оставалось все меньше и меньше...

* * *

После августовского путча разрушение Союза пошло лавинообразно. Если до путча независимых республик было лишь две (Литва и Грузия), то уже во время него и сразу после его провала о своей независимости объявили еще семь. Все чаще о Союзе стали говорить, приставляя к нему эпитет «бывший».

Предвидели ли такой поворот событий путчисты? Может, и предвидели. Но они пошли ва-банк, видимо, рассчитывая на победу. Такой, силовой, способ действий вообще был в крови у коммунистических правителей: чуть что, – берись за оружие, бросай в дело дивизии.

Не очень понятно, почему они не пошли до конца. Ну да, в столице против них выступили десятки тысяч россиян. Но – россиян безоружных. А в распоряжении

заговорщиков были войска, в полном снаряжении, БТРы, танки... Кто-то, правда, отказался выполнять приказы гэкачепистов, но и не отказавшихся было достаточно.

Непонятно, почему они сразу, в Архангельском или по дороге в Москву, не арестовали Ельцина. То ли командир «Альфы» генерал Карпухин отказался выполнить приказ Крючкова об аресте Ельцина, как он, Карпухин, утверждал, то ли сам Крючков в последний момент дрогнул, не решился отдать такой приказ, как он уверял в свою очередь. Если бы Ельцин был устранен, для ГКЧП это была бы уже половина победы, а может, и целиком победа. Но – не арестовали. Недостало решительности.

Нехватка решительности, «мужского начала» – это, наверное, и есть главная причина поражения ГКЧП, хотя кто-то может меня обвинить в приуменьшении роли народных масс, выступивших против путчистов. Я не желаю ничью роль приуменьшать, но стараюсь смотреть на вещи трезво. Все тогда, в августе 1991-го, как и позже, в октябре 1993-го, в июле 1996-го, висело на волоске. Просто Господь Бог нас, наверное, помиловал.

* * *

Несмотря на обвальное послепутчевое объявление республиками независимости не все из них, по-видимому, прямо помышляли о ликвидации Союза. Надо полагать, представлялось: в той форме, в какой он до сих пор существовал, – да, Союза уже не будет; но в том или ином виде Центр, наверное, все же останется – как же без Центра? Это вообще довольно странная логика: объявить, что республика независима, но при этом иметь в виду – независима, да не совсем. По-видимому, не было полной уверенности, что хватит экономических сил, чтобы поддерживать свою независимость. Все республики, хором, твердили, что необходимо экономическое единение, экономическое соглашение, экономическое сообщество. Ну, а где экономическое единение, там, возможно, будет нащупано и какое-то единство политическое, пока не ясно, какое – конечно, минимальное, но все же...

Примерно так, надо полагать, среди других, представлял себе дело и Ельцин. Максимально ослабить Центр, но вряд ли – совсем ликвидировать его. Как существовать вовсе без Центра, это было не очень понятно, существование без Центра представлялось

чем-то смутным. Предстояло думать, разговаривать, мысленно примеривать различные варианты...

3 сентября 1991 года на заседании V Съезда народных депутатов Ельцин заявил:

– Пutschисты сорвали подписание Союзного договора, но не смогли уничтожить стремление республик построить новый Союз. Стал необратимым развал тоталитарной империи, а новые добровольные, равноправные отношения между республиками выстояли.

По мнению Ельцина, новый Союз, который предстоит создать, должен быть «свободным содружеством суверенных государств, основанным на сосуществовании различных форм межгосударственных отношений».

Иными словами, – чем-то таким вроде бы очень привлекательным, но опять-таки достаточно эфемерным, непонятным.

* * *

Вообще-то задачу ослабления Центра, Горбачева Ельцин принялся решать довольно уверенно и последовательно, едва только возглавил российский парламент, однако в дальнейшем, особенно после путча, действовал в этом направлении все более решительно. Шаг за шагом отбирал у Горбачева бразды правления, переводил их на себя, на Российскую Федерацию. По-видимому, на первом этапе у него иногда возникала даже мысль, что роль Центра может взять на себя Россия и он как ее президент, по принципу: да, в новой «семье народов» все республики равны, но одна, Россия, все же немного «равнее».

Однако лидеры других республик быстро и без труда разгадали этот ельцинский замысел. Он их совсем не устраивал. Не для того они вырвались из-под власти Москвы горбачевской, чтобы тут же попасть под власть Москвы ельцинской. Дружное противодействие этому замыслу российского президента проявилось довольно скоро и явно. На этом этапе наиболее решительную позицию занял казахский президент Назарбаев, заявивший, что его республика никогда не будет ничьим «подбрюшьем» и ничьим «младшим братом».

* * *

Помимо прочего, полное разъединение Союза грозило тем, что какие-то республики потеряют земли, которые они считали своими. Как известно, административные границы между республиками большевики провели довольно условно, да во многих случаях и вовсе никак их не зафиксировали. Пока был Союз, это не доставляло никому особого беспокойства, но с его ликвидацией те или иные неправомерно отрезанные от истинного владельца земли как бы отходили от хозяина навсегда. Особенно большие территориальные потери несла Россия. Так, по крайней мере, считало российское руководство. Оно не было готово расстаться с некоторыми территориями Восточной Украины, Крымом, землями Северного Казахстана... От Ельцина и его сотрудников тут последовали противоречивые заявления. То говорилось, что Россия от этих земель не откажется, то – не будет на них претендовать, если соответствующая республика останется в составе Союза (надо полагать, имелся в виду уже какой-то трансформированный Союз)... И наконец всякие разговоры о том, чьи земли «наши», а чьи «не наши», пришлось вообще закончить, – или, может быть, отложить их до лучших времен, – чтобы избежать развития событий по югославскому варианту.

* * *

Вероятно, важную роль в представлении Ельцина о том, куда следует двигаться, решая судьбу страны, сыграл документ под названием «Стратегия России в переходный период» (по-другому – «Аналитическая записка Бурбулиса», «Меморандум Бурбулиса»). В его составлении главную роль сыграла команда молодых экономистов, возглавляемая Гайдаром. Горбачев, так тот вообще считал, что именно эта записка решающим образом настроила Ельцина против сохранения Союза.

Бурбулис передал эту записку российскому президенту в сентябре, посетив его на отдыхе в Сочи. В записке говорилось, что, если подходить к делу объективно, России не нужен стоящий над ней экономический Центр. Ей следует взять курс на экономическую независимость при «мягком» политическом союзе с другими республиками, то есть создавать не декларируемое, а подлинно независимое российское государство с

собственной валютой, собственным бюджетом, национальным банком, собственной налоговой системой, таможенной и пограничной службами... Создавать государство, которое начало бы наконец серьезные экономические реформы – прежде всего на своей территории, не оглядываясь на другие республики.

Ельцин услышал этот совет и призыв.

Можно ли было все же начать радикальные реформы не в одной России – сразу во всем Союзе? В тот момент уже вряд ли. Как мы знаем, даже и российские реформы встретились с невероятными трудностями. Несколько раз судьба их вообще висела на волоске. Как подобные реформы можно было бы осуществить в масштабах всего Союза, – одновременно и в России, и на Украине, и на Кавказе, и в Средней Азии, – где сопротивление им, саботаж возросли бы тысячекратно, – это невозможно себе представить.

Реформы просто захлебнулись бы и экономическая катастрофа, на пороге которой Союз оказался к осени 1991 года, произошла бы неминуемо – в виде голода, гражданской войны... И в конце концов – уже в виде неконтролируемого, хаотичного распада.

* * *

Все же еще какое-то время после путча, хотя уже было ясно, что Союз фактически распался, под давлением и благодаря усилиям Горбачева предпринимались попытки предотвратить его формальный, юридический распад, в какой-то форме подписать Союзный договор – «Договор о Союзе Суверенных Государств, в котором каждая из них сможет самостоятельно определить формы своего участия в Союзе». То есть это было что-то такое, перекликающееся и с ельцинским предложением.

Наверное, решающую роль в окончательном развале Союза сыграла Украина. Хотя она объявила о своей независимости лишь пятой, 24 августа 1991 года (впереди были Литва, Грузия, Латвия и Эстония), всем было ясно, что если уж она уйдет, никакому Союзу не быть. Правда, окончательное решение, уходить или не уходить, украинцы отложили на 1 декабря, когда у них должен был состояться референдум, однако мало кто сомневался, каким будет его результат. Тем не менее, весь этот период – между 24 августа и 1 декабря – сторонники сохранения Союза, прежде всего президент

Горбачев, – в значительной степени посвятили тому, чтобы уговорить их остаться. Уговоры действовали плохо. Украинцы демонстративно перестали принимать участие в союзных мероприятиях – заседаниях Верховного Совета СССР, Госсовета... Мощное движение прочь из Союза возглавлял председатель Верховной Рады, а затем президент Украины Леонид Кравчук. Эту свою историческую, как он считал, роль – роль освободителя Украины, главного вершителя судеб умирающего Союза – он играл вдохновенно, чувствуя себя хозяином положения, которому все вынуждены смотреть в рот.

Несмотря на бойкот со стороны Украины игры в Союзный договор какое-то время еще продолжались. Было такое ощущение, что другим республиканским лидерам не хватает решительности Кравчука, что они никак не могут доставить Горбачеву неприятность. Сам же он с какой-то непонятной наивностью продолжал верить, что Союз еще можно спасти. «Момент истины» наступил 25 ноября, когда на заседании Госсовета республиканские лидеры решительно воспротивились тому, чтобы на месте Союза было сохранено ЕДИНОЕ ГОСУДАРСТВО в какой бы то ни было форме. Последний вариант Союзного договора – любимого детища Горбачева, – так и не был парафирован руководителями республик.

1 декабря 1991 года на референдуме Украина дружно проголосовала за независимость. И это фактически означало конец Советского Союза.

Впрочем, даже и после украинского референдума, после того как украинская Рада объявила о денонсации Союзного договора 1922 года Горбачев продолжал твердить, что новый Союзный договор будет подписан до конца декабря. Это, конечно, исторический феномен, уникальный пример – только чего? Стойкости? Фанатизма? Беспредельной наивности? Желания остаться в истории с ореолом мученика и несгибаемого борца за спасение империи?

* * *

Решающим шагом в ликвидации Союза стали, конечно, переговоры в Беловежской пуще, в Вискулях, а в этих переговорах – опять-таки непримиримая

позиция Кравчука: никакого Союза, никакого Союзного договора, никакой федерации, никакой конфедерации, никакого Центра, Украина – независимое государство! Более всего он боялся, чтобы Украину каким-нибудь хитроумным способом не заманили в ловушку, где ее независимость и суверенитет снова оказались бы фикцией.

Впрочем, ни на чем этом уже не настаивал и Ельцин, хотя, в отличие от Кравчука, он был все же озабочен тем, чтобы бывшие республики «не разбежались слишком далеко» и пытался реализовать это «минимальное разбегание» в тексте Соглашения, встречая отпор своего украинского коллеги.

* * *

Можно ли было, уже после Беловежья, сохранить Союз силой? Наверное, можно было бы предпринять такую попытку. Уже арест беловежских переговорщиков – вещь вполне возможная, – наверное, замедлил бы процесс распада. В истории, в сходных ситуациях не раз реализовался именно такой вариант – арестовывают «заговорщиков», объявляют изменниками, предателями, казнят. Но в нашем случае – дальше что?

Начав демократизацию, ослабив вожжи, Горбачев, видимо, забыл (а может, и не вполне сознавал), что только при предельно натянутом состоянии этой части конской сбруи, при немедленном и решительном подавлении всяких попыток вольнодумства и вольнодействия советская империя до поры, до времени может существовать. Дай республикам волю, – и они бросятся врассыпную.

Такое ведь было уже в российской истории. Ельцин так об этом пишет в своих мемуарах:

«Идея новой государственности родилась не сегодня, не в моей голове или у Шушкевича, Кравчука. Вспомните 1917 – 1918 годы: как только грянула демократическая Февральская революция, республики сразу начали процесс отделения, движение к независимости. На территории Российской империи было провозглашено несколько новых национальных правительств, в том числе на Кавказе и в Средней Азии. И Украина шла во главе этого процесса. Большевики сумели подавить все национальные восстания, поставив под ружье мужиков. Советы железной рукой задушили

освободительную борьбу, расстреляли национальную интеллигенцию, разогнали партии».

И вот восьмидесятые, вторая половина, горбачевская перестройка, демократизация. Как только в воздухе запахло свободой, снова проснулись вроде бы задавленные коммунистами центробежные силы. Можно ли было остановить, сокрушить их, как это сделали когда-то Ленин, Троцкий, Дзержинский, Сталин, Свердлов и иже с ними? «Силовой вариант» предотвращения распада мог бы, наверное, оказаться более или менее эффективным на более раннем этапе, нежели декабрь 1991 года, – как раз тогда, когда Горбачев затеял перестройку. Если бы вместо демократизации он стал закручивать гайки, вернулся к репрессивному режиму наподобие сталинского, он, возможно, мог бы продлить агонию коммунистической империи на какое-то время. Но это было бы короткое время. СССР восьмидесятых годов – это не СССР тридцатых, когда полстраны можно было загнать в ГУЛАГ и подавить недовольство – реальное, потенциальное или мнимое. СССР – восьмидесятых годов – это и не Северная Корея, которую полицейскими методами можно заставить смириться с безудержным произволом «любимого руководителя», питаться травой и корой деревьев. И при этом славить вождя и коммунистическую партию.

К тому же вряд ли Горбачев по своим человеческим, психологическим качествам годился на роль кровавого диктатора. Мы ведь знаем: попытки силой остановить начавшийся распад Союза предпринимались. Тбилиси, Баку, Вильнюс, Рига... В этот ряд, на завершающее место, Ельцин в «Записках президента» ставит и августовскую 1991 года Москву.

«И обо всех этих акциях, – пишет Ельцин, – Горбачев, я уверен, не мог не знать».

Из контекста, правда, не очень ясно, знал ли Горбачев, по мнению Ельцина, о готовящемся августовском путче.

Если знал и оставался в тени, – этот как раз и говорит о том, что он не годился на роль диктатора. Не был достаточно решителен и неостановимо жесток.

* * *

Так что распад империи был неизбежен.

К тому моменту, когда в Вискулях встретились лидеры России, Украины и Белоруссии, держава уже развалилась. Развалилась фактически. Ельцин, Кравчук и Шушкевич лишь ЮРИДИЧЕСКИ ОФОРМИЛИ этот развал.

Октябрь 2008-го – март 2011 года